

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Замараева Юлия Сергеевна

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ
СЛОЖНЫХ ФОРМ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Диссертация
на соискание ученой степени доктора культурологии

Научный консультант: Н.П. Копцева,
доктор философских наук, профессор

Красноярск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «СЛОЖНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ.....	52
1.1 Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках.....	54
1.2 Методологические возможности культурологических исследований для анализа сложных идентичностей	93
1.3 Сложные формы этнической идентичности как предметность современной теории культуры.....	107
1.4 Культурологическая модель измерения сложной социальной идентичности	132
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ.....	157
2.1 Методологическое обоснование исследования сложной идентичности в социогуманитарном знании XIX–XXI веков	158
2.2 Междисциплинарные исследования сложной идентичности.....	222
2.3 Концептуальное обоснование исследования сложной идентичности с позиции современной теории культуры.....	233
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ.....	247
3.1 Понятие «культурные практики» в современных культурных исследованиях.....	248
3.2 Виды культурных практик в социально-культурном пространстве Красноярского края	275
3.3 Культурные практики коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского	

края.....	300
ГЛАВА 4. ТЕОРЕТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СЛОЖНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ».....	338
4.1 «Этнокультурная группа» как научное понятие	339
4.2 Динамика государственной культурной и национальной политики советского периода	362
4.3 Культурные практики формирования сложных идентичностей в Красноярском крае в XX — XXI веках	415
4.4 Государственная национальная и культурная политика Российской Федерации и процессы формирования сложных форм идентичности	454
ГЛАВА 5. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ).....	484
5.1 Количественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края	491
5.2 Качественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края	522
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	575
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	592
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Анкета междисциплинарного эмпирического исследования сложных форм этнокультурной идентичности «Региональная этнокультурная идентичность жителей Красноярского края».....	681
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Контент-анализ стенограмм фокусированного интервью с жителями Красноярского края.....	686

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования заключается в том, что развитие современной эпохи закономерно предопределяет формирование сложных форм социальных идентичностей посредством особых социокультурных практик и технологий. В условиях динамично развивающегося мира сложная идентичность связана у большинства людей с потребностью в одновременной принадлежности к нескольким социальным группам. На рубеже XX–XXI веков общество переживает сложные диалектические процессы глобализации и регионализации, что способствует преодолению традиционных административных, географических, культурных и социальных границ и, благодаря этому, – формированию социально-культурных процессов, обусловленных широкой и изменчивой самоидентификацией с различными социальными и культурными группами.

Российская Федерация исторически сложилась как сложное социально-экономическое и культурное пространство, где различные социальные, экономические, политические, религиозные, этнические, культурные группы сосуществуют в сложном и многообразном единстве, пересекаясь и взаимоопределяя систему социальных коммуникаций. Для такого поликультурного сообщества явление сложной идентичности является достаточно характерным. Более того, без применения данного понятия в культурологическом анализе современных российских реалий невозможно будет понять ни закономерности социальной динамики России, ни указать на факторы, которые будут способствовать формированию общероссийской гражданской идентичности в позитивных аспектах. Явление сложной идентичности опирается на конкретные социокультурные процессы, в том числе, на интегральную культурную память россиян, на географические перемещения по огромному

евразийскому пространству и освоение новых земель, на многоукладность экономических практик и традиционную культурную и социальную открытость, характерные для нашей страны на протяжении всей ее многовековой истории.

В науке концептуальное определение понятия «сложная идентичность» было сформировано в последней трети XX столетия в социальных исследованиях, однако с начала XXI века оно получило широкое развитие благодаря междисциплинарным исследованиям, позволившим ученым выявлять сложные формы идентичности как один из важнейших факторов социальной динамики. Однако до настоящего времени синтез научных подходов в интегративную теорию идентичности не произошел, данная проблематика остается рассредоточенной по конкретным исследованиям и узким дисциплинам.

К началу XXI века в теории культуры возрастает интерес к идентичности как научной проблеме, и обнаруживается необходимость ее изучения в контексте закономерностей функционирования современного культурного пространства и межкультурных отношений. Культурологическая проблематика позволяет соединить разрозненные представления в концептуальное понятие «сложная идентичность» и выстроить приоритеты исследования в соответствии с современными социально-культурными отношениями, практиками и процессами.

С позиции современной теории культуры признание сложных форм идентичности в качестве позитивного фактора позволяет выявить основу для сокращения межгрупповой дифференциации и/или дискриминации. Формирование сложных форм идентификации и самоидентификации уменьшает возможную дегуманизацию и повышает внутригрупповую и межгрупповую связность, способствует выстраиванию позитивных межгрупповых отношений, существенно снижает риски социальной напряженности и конфликтности. Позитивные социальные коммуникации в контексте сложной групповой и персональной идентификации становятся важными факторами эффективной государственной культурной политики в поликультурном мире современной России. Формирование сложной групповой и персональной идентичности дает дополнительную возможность группам и индивидам быть включенными в

широкие социальные и культурные контексты, сведя к минимуму отрицательные социокультурные стереотипы, и тем самым, признавая многогранные позитивные социальные идентичности других, выстраивать в меньшей степени предвзятые отношения и в большей – позитивные социальные и культурные коммуникации. Способность распознавать и оценивать степень сложности идентичности особенно важна в контексте современных иммиграционных процессов, также выступающих объективизированным фактором формирования сложных этнокультурных идентичностей.

Этническая идентичность формируется как одна из базовых социальной идентичности, однако в межэтнической среде этнокультурная самоидентификация приобретает комплексный характер, поскольку формируется в опоре на культурную и историческую память, исторические традиции и культурное наследие. Традиционные этнические и культурные ценности, как наиболее устойчивые и базовые, сохраняют социальные группы и общество в целом от распада и деструктивных процессов.

Ключевой задачей современной российской государственной национальной политики является формирование общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного разнообразия. Этнический и национальный вопросы остро актуальны не только на общероссийском государственном уровне, но и на уровне каждого из субъектов федерации, где выстраиваются межэтнические и межконфессиональные коммуникации. Содержание и формы процессов этнокультурной идентификации и самоидентификации становятся одним из главных факторов социальной стабильности в современной России.

На современном этапе развития Российской Федерации ее национальные интересы выступают ключевыми, а управление национальными и межэтническими отношениями – важнейшим направлением внутренней политики. Вопрос многонациональной целостности как фактора формирования общероссийской гражданской идентичности во многом решается посредством сохранения и возрождения этнокультурного базиса. В связи этим актуальным является культурологическое исследование этногенеза и культуригенеза в тех

российских регионах, где данный процесс имеет стабильную динамику и устойчивую структуру при отсутствии ярко выраженных деструктивных процессов и, наоборот, при сохранении позитивных межкультурных и межрелигиозных коммуникаций на протяжении длительных периодов развития.

Теоретико-культурным основанием исследования сложных форм идентичности как феноменов современной культуры послужили несколько предпосылок. Во-первых, в последние десятилетия социально-психологический, кросс-культурный, этнокультурный, культурно-антропологический, исторический и этнографический подходы сформировали исследовательское поле и привлекли внимание к феномену сложной идентичности как культурной проблеме. Однако современная противоречивая социокультурная динамика осложнила понимание процессов идентификации и факторов ее формирования в поликультурных сообществах, что вызвало поиск новых концептуальных и методологических обоснований и исследований в междисциплинарном контексте. Потребность в выявлении и научном анализе основных механизмов, функций и факторов формирования данного явления вызывает необходимость культурологического исследования сложной идентичности как актуального процесса, формирующего современное социокультурное пространство, как в России, так и во всем мире.

Во-вторых, эффективные культурные исследования ориентированы не только на количественный прирост современного научного знания, но прежде всего на обнаружение базовых процессов, предопределяющих социокультурное своеобразие того или иного общества. В соответствии с этим актуальным является изучение специфики процесса формирования сложных форм идентичности в контексте современной культуры и контекстно-временных форм процессов групповой и персональной идентификации.

В-третьих, культурная специфика процессов сложной идентификации и самоидентификации, выявленная суммой гуманитарных и социальных наук, позволяет направить теоретико-методологическое и эмпирическое исследование на создание научно обоснованной модели построения сложных форм идентичности в социокультурном пространстве Красноярского края как

стратегически значимого региона Российской Федерации и диагностики характеристик сложной идентичности как феномена современной российской культуры.

Степень научной разработанности темы исследования: междисциплинарный подход к изучению феномена сложной идентичности обусловил обращение к научно-исследовательским трудам по различным направлениям.

В философском осмыслении тема идентичности возникла в XVII веке, а как термин и категория ряда наук (культурологии, этнологии, психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии) оформилась с середины XX столетия. Философская проблематика феномена идентичности была определена в трудах Р. Декарта¹, Д. Локка², Д. Юма³, И. Канта⁴. Эти философы–классики и их последователи⁵ обосновали процесс формирования персональной идентичности в культурном пространстве и социуме. Дальнейшее развитие философского исследования идентичности протекало, в том числе, в русле научной психологии.

В психологическом контексте терминологические определения идентичности вошли в научный обиход благодаря анализу идентификационных процессов в психоаналитической теории З. Фрейда⁶ и эпигенетическом подходе Э. Эриксона⁷. Открытие идентификации как психологического механизма стало причиной разработки методик всестороннего измерения личной идентичности и изучения её содержательных характеристик. Методологические разработки были

¹ Декарт Р. Соч. в 2 т. Т. 2. Размышления о первой философии. М.: Мысль, 1994. 633 с.

² Локк Дж. Соч. в 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985. 560 с.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании. М.: Канон, 1995. 816 с.; Юм Д. Исследования о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1994. 237 с.

⁴ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 347 с.; Фихте И.Г. Соч. в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. 1485 с.; Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.; Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993. 447 с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.; Гадамер Х.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с., и др.

⁶ Фрейд З. Недовольство культурой // Психоанализ, религия, культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 65–134; Его же. Толкование сновидений / под ред. В. Ивановой М.: Эксмо-пресс, 2017. 560 с.

⁷ Эриксон Э. Идентичность, юность, кризис. М.: Прогресс, 1996. 133 с.

осуществлены таким учеными, как М. Кун и Т. Макпартленд¹, Т. Лири⁸, С.Р. Пантлеев⁹, Д.А. Леонтьев¹⁰, Л.Я. Гозман и др.¹¹. Концептуальная проблематика сложной идентичности Э. Эриксона обсуждалась на междисциплинарном научном уровне и развивалась в различных направлениях психологии: собственно психоаналитическом Дж. Марсиа¹², А. Ватермана¹³; бихевиористическом М. Шерифа¹⁴ и Д. Кэмпбелла¹⁵, символическом интеракционизме Дж. Мида¹⁶, Э. Гоффмана¹⁷, Г. Фогельсона¹⁸; когнитивном подходе Г. Тешфела¹⁹, Дж. Тернера²⁰,

⁸ Leary T. *Interpersonal Diagnosis of Personality: A functional theory and methodology for personality evaluation*. N.Y.: Ronald Press Company, 1957. 518 p.

⁹ Пантлеев С. Р., Столин В.В. *Методика исследования самооотношения*. М.: Смысл, 1993. 32 с.

¹⁰ Леонтьев Д.А. *Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)*. М.: Смысл, 2000. 18 с.

¹¹ Гозман Л.Я., Кроз М.В., Алешина Ю.Е., Загика М.В. *Самоактуализационный тест (адаптация теста РОИ Эверетта Шострома)*. М.: МГУ.1984. 44 с.

¹² Marcia J.E. *Development and validation of ego-identity status* // *Journal of personality and social psychology*. 1966. Т. 3. №. 5. P. 551-558; Marcia J.E. et al. *Ego identity: A handbook for psychosocial research*. N.Y.: Springer-Verlag, 1993. 391 p.; Marcia J.E. et al. *Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis* // *Journal of adolescence*. 2010. Т. 33. №. 5. P. 683–698.

¹³ Waterman A.S. *Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement* // *Developmental review*. 1999. Т. 19. №. 4. P. 591–621; Waterman A.S. et al. *Ego identity status, identity style, and personal expressiveness: An empirical investigation of three convergent constructs* // *Journal of adolescent research*. 2000. Т. 15. №. 4. P. 504–521; Waterman A.S. *Identity as an aspect of optimal psychological functioning* // *Advances in adolescent development* / G. R. Adams, T. P. Gullotta, R. Montemayor (eds.). Sage Publications Inc., 1992. P. 50–72.

¹⁴ Sherif M. et al. *The Robbers Cave experiment: Intergroup conflict and cooperation*. Norman, OK: University Book Exchange, 1961. 212 p.; Sherif M. *Group conflict and co-operation*. Psychology Press, 1967. 212 p.; Sherif M. *Social interaction: Process and products*. N.Y.: Routledge, 1967. 528 p.

¹⁵ Campbell D.T. *Ethnocentric and other altruistic motives* // *Nebraska symposium on motivation*. 1965. Т. 13. P. 283–311; Campbell D.T. *Stereotypes and the perception of group differences* // *American psychologist*. 1967. Т. 22. №. 10. P. 817–829; Campbell D.T. *Social Attitudes and Other Acquired Behavioral Dispositions* // *Psychology: A study of a science. Study II. Empirical substructure and relations with other sciences. Vol. 6. Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences*, 1963. P. 94–172.

¹⁶ Mead J.G. *Reason, I and the Society (Mind, Self, and Society)*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 536 p.; Mead J.G. *Selected Writings* / A.J. Reck [ed.] University of Chicago Press; Phoenix ed edition. 1964. 488 p.; Mead G.H. *The Philosophy of the Act* / C.W. Morris, J.M. Brewster, A.M. Dunham, D. Miller [eds.]. Chicago: University of Chicago, 1938; Mead G.H. *The relation of play to education* // *George Herbert Mead: Essays on his Social Philosophy* / J.W. Petras (ed.). N.Y.: Teachers College Press. 1968. P. 27–34.

¹⁷ Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre. Monograph No. 2, 1956. 162 p.; Goffman E. *Behavior in public places*. N.Y.: The free press, 1963. 248 p.; Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. N.Y.: Simon and Schuster, 1963. 168 p.

¹⁸ Fogelson R.D. *Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects* // *Psychosocial theories of the self*. 1982. P. 67–109.

¹⁹ Tajfel H. *Social identity and intergroup behavior* // *Social science information*. 1974. Т. 13. №. 2. P. 65–93; Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge university press: Cup Archive, 1981. 384 p.; Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge university press, 1982. 523 p.

²⁰ Turner J.C. *Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior* // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E.J. Lawler (ed.). Psychology press, 1985. Т. 2. P. 77–122; Turner J.C. *Social influence*. Eng.: Open University Press, 1991. 206 p.; Turner J.C. *An integrative theory of intergroup conflict* // *The social psychology of intergroup relations* / W.G Austin, S. Worchel (eds.) Chicago: Nelson-Hall, 1979. 429 p.; Turner J.C. *Some current issues in research on social identity and self-categorization theories* // *Social identity: Context, commitment, content*. 1999. Т. 3. №. 1. P. 6–34; Turner J. C. et al. *The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence* // *British Journal of Social Psychology*. 1986. Т. 25. №. 3. P. 237–252; Turner J.C. *Toward a cognitive redefinition of the social group* // *Social Identity and Intergroup Relations* / H. Tajfel (ed.). Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.

Г. Брейкуэлл²¹. На фундаменте статусного подхода Дж. Марсии сформировался ряд методик по измерению психосоциальной идентичности, которые расширяются за счет альтернативных теорий (например, М.Д. Берзонский²², Х.Д. Гротевант²³, А.С. Уотерман²⁴, В.М. Куртинес²⁵, Г.Р. Адамс²⁶, С.Дж. Шварц²⁷, Дж.Э. Котэ²⁸). В российской науке статусный подход развивался в исследованиях В.Р. Орестовой²⁹, С.А. Татарко³⁰, психодиагностические инструменты представлены И.С. Клециной³¹, Н.П. Белопольской³². Однако статусный подход имеет ограничение: изучение статусов идентичности не позволяет уделить полноценное внимание тому, как они взаимосвязаны³³.

Концептуальное и методологическое основание исследования сложной идентичности развивается в области культурной и социальной антропологии, кросс-культурной антропологии и психологии. В XIX–XX веках культурными и социальными антропологами был предложен научный инструментарий для анализа устойчивых переменных, влияющих на формирование сложной

²¹ Breakwell G.M. Coping with threatened identities. Psychology Press, 1986. 234 p.; Breakwell G.M. et al. The distinctiveness principle: Identity, meaning, and the bounds of cultural relativity // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Т. 4. №. 4. P. 337–354; Breakwell G. Social representations and social identity // *Papers on social representations*. 1993. Т. 2. P. 198–217; Breakwell G.M. Social representational constraints upon identity processes // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / K. Deaux, G. Philogène (eds.). Blackwell Publishing. 2001. P. 271–284.

²² Berzonsky M.D. Identity style: Conceptualization and measurement // *Journal of adolescent research*. 1989. Т. 4. №. 3. P. 268–282.

²³ Grotevant H.D. Toward a process model of identity formation // *Journal of adolescent research*. 1987. Т. 2. №. 3. P. 203–222.

²⁴ Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // *Developmental review*. 1999. Т. 19. №. 4. P. 591–621.

²⁵ Kurtines W.M., Szapocznik J. Family psychology and cultural diversity: Opportunities for theory, research, and application // *American Psychologist*. 1993. Т. 48. №. 4. P. 400.

²⁶ Adams G.R., Marshall S.K. A developmental social psychology of identity: Understanding the person-in-context // *Journal of adolescence*. 1996. Т. 19. №. 5. P. 429–442.

²⁷ Schwartz S.J. The evolution of Eriksonian and, neo-Eriksonian identity theory and research: A review and integration // *Identity: an international journal of theory and research*. 2001. Т. 1. №. 1. P. 7–58.

²⁸ Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? An appraisal of the field // *Identity*. 2006. Т. 6. №. 1. P. 3–25.

²⁹ Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дис... канд. псих. наук. Москва: 2001. 207 с.; Орестова В.Р., Карабанова О.А. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсии // *Психология и школа*. 2005. №. 1. С. 39–90.

³⁰ Татарко С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // *Психологическая диагностика*. 2009. №. 1. С. 1–39.

³¹ Клецина И.С. Гендерная психология: практикум. СПб.: Питер, 2009. 496 с.

³² Белопольская Н.Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания. М.: Когито-Центр, 1998. Вып. 2. 24 с.

³³ Syed M., McLean K. C. Understanding identity integration: Theoretical, methodological, and applied issues // *Journal of adolescence*. 2016. Т. 47. P. 109–118.

идентичности на индивидуальном и групповом уровнях в контексте социокультурных явлений. Такие ученые как Р. Хэлдон, Б.К. Малиновский³⁴, А.Р. Рэдклифф-Браун³⁵, Р. Бенедикт³⁶, М. Мид³⁷, Дж. Хонигман³⁸, Р. Линтон³⁹, А. Кардинер⁴⁰, создавали научный инструментарий для позитивного социального управления и разумного формирования сложной идентичности.

С одной стороны, концептуальная методология, предложенная учеными в области культурной и социальной антропологии, была продолжена и развита в области кросс-культурной психологии в контексте изучения этнокультурных групп. Ведущие ученые – Дж. Берри⁴¹, К. Камиллери⁴², Д.М. Тейлор и Ф.М. Могаддам⁴³, предложили модели и стратегии межкультурных взаимодействий. Другие ученые сконцентрировались на изучении сложных форм этнической идентичности в бикультурной и мультикультурной средах (В. Бенет–Мартинес⁴⁴, Ш. Лю⁴⁵, Дж. Эрба⁴⁶, Т.Г. Стефаненко⁴⁷, Д.А. Соколова⁴⁸).

³⁴ Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с.; Малиновский Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 371–384.

³⁵ Рэдклифф-Браун А.Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 416 с.

³⁶ Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. М.: Университетская книга, 1997. С. 271–284.

³⁷ Benedict R. M. Race: Science and politics. University of Georgia Press, 2019. 2401 p.; Mead M. Continuities in cultural evolution. Routledge, 2017. 526 p.

³⁸ Honigmann J.J. Culture and Personality. NY: Harper and Brothers, 1954. 499 p.

³⁹ Linton R. The study of man: an introduction. N.Y.: Appleton-Century, 1936. 523 p.

⁴⁰ Kardiner A. The individual and his society. N.Y.: Columbia University Press, 1939. 503 p.

⁴¹ Berry J. W. et al. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge University Press, 2002. 588 p.

⁴² Camilleri C., Malewska-Peyre H. Socialization and identity strategies // Handbook of cross-cultural psychology. 1997. Т. 2. P. 44–67.

⁴³ Taylor D.M., Moghaddam F.M. Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives. Greenwood Publishing Group, 1994. 245 p.

⁴⁴ BenetMartínez V., Haritatos J. Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents // Journal of personality. 2005. Т. 73. №. 4. P. 1015–1050; Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. Т. 37. №. 4. P. 386–407; Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. Т. 37. №. 4. P. 386–407; Chen S. X., Benet Martínez V., Harris Bond M. Bicultural Identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: immigration based and globalization based acculturation // Journal of personality. 2008. Т. 76. №. 4. P. 803–838; Huynh Q. L., Nguyen A. M. T. D., Benet-Martínez V. Bicultural identity integration // Handbook of identity theory and research. Springer, N.Y., 2011. P. 827–842; Benet-Martínez V., Nguyen A. M. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Т. 44. №. 1. P. 122–159; Benet Martínez, V. Multiculturalism and creativity: Effects of cultural context, bicultural identity, and ideational fluency // Social Psychological and Personality Science. 2013. Т. 4. №. 3. P. 369–375; Miramontez D.R., Benet Martínez V., Nguyen A. M. D. Bicultural identity and self-group personality perceptions // Self and Identity. 2008. Т. 7. №. 4. P. 430–445; Benet-Martínez V., Huynh Q. L., Nguyen A. M. T. D. Bicultural identity integration // Handbook of identity theory and research. Springer, NY, 2011. P. 827–842.

⁴⁵ Liu S. Identity, bicultural and multicultural // The International Encyclopedia of Intercultural Communication / Y. Y. Kim (ed.). Hoboken, NJ, US: John Wiley and Sons, 2017. P. 1–9.

С другой стороны, позитивистская методология культурных антропологов повлияла на изучение сложной идентичности в рамках бихевиористического подхода. К концу XX века систематические исследования бихевиористов и изучение мотивационного поведения социологами разных школ привело к необходимости разработать понятие «культурные практики», привлекая принципы разных научных областей для его концептуализации. Ведущие ученые – П.А. Ламаль⁴⁹, Ж.Дж. Гуднау⁵⁰, П.Дж. Миллер⁵¹, Дж.Б. Сакс⁵², М.А. Маттайни⁵³, Э. Биглан⁵⁴, У.Х. Сьюэлл⁵⁵, М. Бланц⁵⁶ и ряд других – ведут лонгитюдные исследования по мониторингу общества на предмет отбора культурных практик и исследуют их интегративную роль в культурном пространстве. В 2000-е годы понятие культурных практик уже имеет самостоятельное значение и прочно укореняется в теории и истории культуры. В настоящее время ученые разрабатывают проблему прикладного анализа культурных практик, в связи с чем актуализируется их содержание в междисциплинарном исследовательском поле (например, Э. Свидлер⁵⁷, М. Фрезе⁵⁸ и Э. Хатчинз⁵⁹ и ряд других). В российской науке немногочисленные

⁴⁶ Erba J., Zhang D., Liu Y. Exploring the role of ethnic and bi-ethnic identities in advertisements targeting Chinese and Chinese-American consumers using celebrity athletes // *China Media Research*. 2019. Т. 15. № 1. P. 67–76.

⁴⁷ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.

⁴⁸ Соколова Д.А. Бикультурная идентичность как потенциал диаспорности этнической корейцев, проживающих в Приморском крае // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. 2016. Т. 2. № 2. С. 53–57.

⁴⁹ Lamal P.A. Behavioral analysis of societies and cultural practices. N.Y.: Hemisphere, 1991. 257 p.

⁵⁰ Goodnow J.J., Miller P.J., Kessel F.E. Cultural practices as contexts for development. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. 126 p.

⁵¹ Miller P.J., Goodnow J.J. Cultural practices: Toward an integration of culture and development // *New Directions for Child and Adolescent Development*. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. Т. 67. P. 5–16.

⁵² Saxe G.B. Cognition, development, and cultural practices // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 1999. Т. 1999. № 83. P. 19–35.

⁵³ Mattaini M.A. Envisioning cultural practices // *The Behavior Analyst*. 1996. Т. 19. № 2. P. 257–272.

⁵⁴ Biglan A. Changing cultural practices: A contextualist framework for intervention research. Context Press, 1995. 464 p.; Biglan A., Barnes-Holmes Y. Acting in light of the future: How do future-oriented cultural practices evolve and how can we accelerate their evolution? // *Journal of contextual behavioral science*. 2015. Т. 4. № 3. P. 184–195.

⁵⁵ Sewell Jr W. H. The concept (s) of culture // *Practicing history* / G. V. Spiegel (ed.). L.: Routledge, 2005. P. 76–95; Sewell Jr W. H. The Concept (s) of Culture // *The Cultural Geography Reader* / T. S. Oakes, P.L. Price (eds.). London: Routledge, 2008. P. 40–50.

⁵⁶ Blanz M. Strategic responses to negative social identity: An empirical systematization of field data // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Т. 28. P. 697–729.

⁵⁷ Swidler A. What anchors cultural practices // *The Practice Turn in Contemporary Theory* / K.K. Cetina, T.R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). L., N.Y.: Routledge, 2005. P. 83–101.

⁵⁸ Frese M. Cultural practices, norms, and values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. Т. 46. № 10. P. 1327–1330.

авторские определения принадлежат В.В. Волкову и О.В. Хархордину⁶⁰, В.П. Большакову⁶¹. Ряд ученых определяют термин культурных практик в связи с понятием «габитус» П. Бурдьё (М.Б. Гронас⁶², Н.А. Шматко⁶³, Л.Г. Скокова⁶⁴, Г.А. Аванесова⁶⁵).

В социологическом подходе к изучению феномена идентичности в XX веке и начале XXI века разрабатывается онтологический аспект проблемы идентичности, здесь сложились влиятельные стратегии теоретического исследования в рамках функционализма, структурализма и символического интеракционизма.

В трудах представителей символического интеракционизма Дж. Мида⁶⁶, Ч.Х. Кули⁶⁷, И. Гоффмана⁶⁸ и Г. Фогельсона⁶⁹, Ю. Хабермаса⁷⁰, Н. Дензина⁷¹ сфокусирована специфика формирования идентичности в процессе социального взаимодействия. Социологическое понимание идентичности личности было продолжено идеологами конструктивистской парадигмы П.Л. Бергером и

⁵⁹ Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // *Philosophical psychology*. 2014. Т. 27. №. 1. P. 34–49.

⁶⁰ Теория практик / В.В. Волков, О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

⁶¹ Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // *Вестник СПГИУ*, 2016. Т. 2 № 27. С. 16–22.

⁶² Гронас М. «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // *Новое литературное обозрение*. 2000. Т. 45. С. 6–21.

⁶³ Шматко Н. А. Послесловие. На пути к практической теории практики // *Практический смысл*. Бурдьё П. СПб.: Алетейя. 2001. С. 549–562.

⁶⁴ Скокова Л.Г. Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации // *Социологический альманах*. 2014. №. 5. С. 232–243.

⁶⁵ Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // *В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии*. 2015. Т. 4. № 47. С. 28–37.

⁶⁶ Mead J.G. *Reason, I and the Society (Mind, Self, and Society)*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 536 p.; Mead J. G. *Selected Writings* / A. J. Reck (ed.) University of Chicago Press; Phoenix ed edition. 488 p.; Mead G.H. *The Philosophy of the Act* / C.W. Morris, J.M. Brewster, A.M. Dunham, D. Miller (eds.). Chicago: University of Chicago, 1938. 696 p.;

⁶⁷ Cooley С.Н. *Looking-glass self* // *The production of reality: Essays and readings on social interaction* / J. O'Brien (ed.). Sage: Pine forge, 1902. P. 126–128.

⁶⁸ Goffman E. *The presentation of self in everyday life* // *Contemporary Sociological Theory* / С. Calhoun, J. Gerteis, J. Moody (eds.) Oxford: Blackwell, 2002. P. 46-61; Goffman E. *Behavior in public places*. N.Y.: The free press, 1963. 248 p.; Goffman E. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. N.Y.: Simon and Schuster, 1963. 168 p.

⁶⁹ Fogelson R.D. *Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects* // *Psychosocial theories of the self* / B. Lee (ed.). Springer, Boston, MA, 1982. P. 67–109.

⁷⁰ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) Введение // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Т. 4. №. 3–4 (13–14). С. 303–320; Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. СПб.: Наука, 2001. 382 с.

⁷¹ Denzin N.K. *The research act: A theoretical introduction to sociological methods*. N.Y.: Routledge, 2017. 382 p.

Т. Лукманом⁷², показавшими особенности социального формирования идентичности и ее типологию в зависимости от различия социальных структур. Структурно-функциональный подход, связанный с именами Э. Дюркгейма⁷³, Т. Парсонса⁷⁴, Р.К. Мертона⁷⁵ и ряда других исследователей, способствовал изучению процесса социальной адаптации индивида в группе, влияние социальной группы на социальные действия, установки индивида. Интегративный подход к исследованию феномена идентичности в области социологии в трудах П. Бурдьё⁷⁶, Э. Гидденса⁷⁷, С. Хатингтона⁷⁸ позволил современным социологам перейти к прикладному комплексному исследованию видов социальной идентификации и самоидентификации, а также степени их сформированности на локальных и глобальных уровнях показателей идентификационного поведения. Разноаспектное понимание природы идентичности, сформированное различными научными направлениями, к началу XXI века постепенно интегрируется в положение о том, что идентичность имеет сложную сущность, где созревают, изменяются и исчезают разные статусы индивидуального и социального качеств. Происходит переосмысление содержания феномена идентичности от разнонаправленного понимания к изучению его в качестве единой (социо- и психо-) интегративной формы.

Особого внимания заслуживает концептуальный подход к изучению феномена сложной идентичности, который сложился с помощью синтеза теории социальной идентичности Г. Тешфела⁷⁹ и теории самокатегоризации Дж.Ч.

⁷² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.; Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books, 1966. 249 p.

⁷³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послеслов. и прим. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.

⁷⁴ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс]: пер. Н.Л. Поляковой. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf; Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. № 1 (2). С. 38–71.

⁷⁵ Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М.: АСТ, 2006. 873 с.; Мертон Р.К. Наука и социальный порядок // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. С. 191–207.

⁷⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства / под ред. Н. А. Шматко. М.: Алетейя, 2007. 288 с.

⁷⁷ Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / под науч. ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ, 2018. 336 с.

⁷⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: АСТ; Астрель, 2003. 603 с.

⁷⁹ Social identity and intergroup relations / Tajfel H. (ed). Cambridge university press, 1982. 523 p.

Тернера⁸⁰. Уточняя результаты полевых экспериментов по изучению мотивационного поведения в межгрупповых отношениях М. Шерифа⁸¹, ученые Д. Кэмпбелл⁸², Г. Тешфел⁸³ и Дж. Ч. Тернер⁸⁴ разработали к 1970-х годам теорию социальной идентичности в когнитивном контексте. В рамках этого когнитивного подхода зародилась наиболее влиятельная стратегия исследования феномена сложной (множественной) социальной идентичности и сформировался круг междисциплинарной концептуализации феномена в трудах репрезентативного круга исследователей Г. Брейквелла⁸⁵, Э. Фромма⁸⁶, М.Дж. Хорнси⁸⁷, С.А. Хаслама⁸⁸, Р.С. Оронато⁸⁹, К.Дж. Рейнольдса⁹⁰, М. Латрофа⁹¹, К. МакГарти⁹², Р.

⁸⁰ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E. J. Lawler (ed.). 1985. Т. 2. P. 77–122.

⁸¹ Sherif M. *Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment*. Norman, OK: University Book Exchange, 1961. P. 150-198; Sherif M. *Group conflict and co-operation: Their social psychology*. Psychology Press, 2015 (1st ed. 1966). 212 p.; Sherif M. *Social interaction: Process and products*. Routledge, 2017 (1st ed. 1967). 528 p.

⁸² Campbell D.T. Ethnocentric and other altruistic motives // *Nebraska symposium on motivation*. 1965. Т. 13. P. 283–311; Campbell D. T. Stereotypes and the perception of group differences // *American psychologist*. 1967. Т. 22. №. 10. P. 817–829; Campbell D.T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions // *Psychology: A study of a science*. Study II. Empirical substructure and relations with other sciences. Vol. 6. *Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences*, 1963. P. 94–172.

⁸³ Tajfel H. Social Identity and intergroup behavior // *Social Science Information*. 1974. Т. 13. № 2. P. 65-93; Turner J.C., Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / S. Worchel (ed.). Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. P. 276–293.

⁸⁴ Turner J. C. Self-categorization theory and social influence // *The psychology of group influence*. 1989. P. 233–275.

⁸⁵ Breakwell G.M. *Coping with threatened identities*. Psychology Press, 2015 (1st ed. 1986). 234 p.; Breakwell G. M. et al. The distinctiveness principle: Identity, meaning, and the bounds of cultural relativity // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. Т. 4. №. 4. P. 337–354; Breakwell G. Social representations and social identity // *Papers on social representations*. 1993. Т. 2. P. 198–217; Breakwell G. M. Social representational constraints upon identity processes // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. Blackwell Publishing. 2001. P. 271–284.

⁸⁶ Фромм Э. *Человеческая ситуация*. М.: Смысл, 1995. 240 с.

⁸⁷ Hornsey M.J. Social identity theory and self-categorization theory: A historical review // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Т. 2. № 1. P. 204–222.

⁸⁸ Haslam S.A., Oakes P.J., Turner J.C., McGarty C. Social categorization and group homogeneity: Changes in the perceived applicability of stereotype content as a function of comparative context and trait favourableness // *British Journal of Social Psychology*. 1995. Т. 34. №. 2. P. 139-160; Haslam S.A., Oakes P.J., Turner J.C. Social identity, self-categorization, and the perceived homogeneity of ingroups and outgroups: The interaction between social motivation and cognition // *Handbook of Motivation and Cognition: The Interpersonal Context*, *Handbook of Motivation and Cognition* / R. Sorrentino, Ed. Higgins (eds.). The Guilford Press, 1996. Т. 3. P. 182–222; Haslam S.A. Stereotyping and social influence: Foundations of stereotype consensus // *The Social Psychology of Stereotyping and Group Life* / R. Spears, P.J. Oakes, N. Ellemers [et al.] (eds.). Oxford: Blackwell, 1997. P. 119–143; Haslam S.A. *Psychology in Organizations*. London: Sage Publications, 2004 (1st ed. 2001). 336 p.; Haslam S.A., Reicher S D., Platow M.J. *The new psychology of leadership: Identity, influence and power*. N.Y.: Psychology Press, 2011. 296 p.

⁸⁹ Onorato R.S., Turner J.C. Fluidity in the self concept: the shift from personal to social identity // *European journal of social psychology*. 2004. Т. 34. №. 3. P. 257–278.

⁹⁰ Reynolds K.J., Turner J.C. Individuality and the prejudiced personality // *European review of social psychology*. 2006. Т. 17. №. 1. P. 233–270.

⁹¹ Latrofa M. et al. The cognitive representation of self-stereotyping // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Т. 36. №. 7. P. 911–922.

⁹² McGarty C. Categorization in social psychology. Sage publications, 1999. 320 p.; McGarty C., Turner J.C. The effects of categorization on social judgement // *British Journal of Social Psychology*. 1992. Т. 31. №. 4. P. 253–268.

Брауна⁹³, М. Баррето⁹⁴, С. Роккас, М. Брюер⁹⁵, А. Фергюсона⁹⁶, Р.Дж. Криспа⁹⁷, С.Э. Кросса⁹⁸, Дж. Э. Котэ⁹⁹.

На рубеже XX–XXI веков С. Роккас и М. Брюер¹⁰⁰ разрабатывают новый концептуальный подход к исследованию сложной идентичности, открывший возможности анализировать практики формирования субъективных представлений индивида о взаимосвязях его множественных идентичностей. Данный научный подход содержит большие возможности для понимания психологии межсекционных идентичностей. Некоторые результаты анализа сложных форм идентичности представлены в работах К. Шмида¹⁰¹, Дж. Джеттена¹⁰², К.Р. Биннинга¹⁰³, А.Л. Сёндерлунда¹⁰⁴, ключевые положения зарубежной теории сложной идентичности изложены российскими социальными психологами О.Е. Хухлаевым и М.А. Хайт¹⁰⁵. На региональном уровне процессы формирования сложных идентичностей исследуются А.А. Шпак¹⁰⁶.

⁹³ Brown R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges // *European Journal of Social Psychology*. 2000. Т. 30. №. 6. P. 745–778.

⁹⁴ Barreto M., Ellemers N. The effects of being categorised: The interplay between internal and external social identities // *European review of social psychology*. 2003. Т. 14. №. 1. P. 139–170.

⁹⁵ Brewer M. B., Gardner W. Who is this "We"? Levels of collective identity and self representations // *Journal of personality and social psychology*. 1996. Т. 71. №. 1. P. 83–93; Brewer M.B., Pierce K.P. Social identity complexity and outgroup tolerance // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Т. 31. №. 3. P. 428–437.

⁹⁶ Ferguson A. Intersections of identity: Navigating the complexities [Электронный ресурс] // *Forum on public policy: A journal of the Oxford Round Table*, 2006. URL: <http://www.forumonpublicpolicy.com/archive07/ferguson.pdf>

⁹⁷ Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does multiple categorization reduce intergroup bias? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Т. 27. №. 1. P. 76–89.

⁹⁸ Cross S.E., Gore J.S., Morris M. L. The relational-interdependent self-construal, self-concept consistency, and well-being // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Т. 85. №. 5. P. 933–944.

⁹⁹ Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? – An appraisal of the field // *Identity*. 2006. Т. 6. №. 1. P. 3–25.

¹⁰⁰ Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Т. 6. №. 2. P. 88–106.

¹⁰¹ Schmid K., Hewstone M., Tausch N., Cairns E., Hughes J. Antecedents and consequences of social identity complexity: Intergroup contact, distinctiveness threat, and outgroup attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Т. 35. №. 8. P. 1085–1098.

¹⁰² Jetten J. et al. Having a lot of a good thing: Multiple important group memberships as a source of self-esteem [Электронный ресурс]: *PloS one*, 2015. Т. 10. №. 5. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0124609>

¹⁰³ Binning K.R. et al. The interpretation of multiracial status and its relation to social engagement and psychological well-being // *Journal of Social Issues*. 2009. Т. 65. №. 1. P. 35–49.

¹⁰⁴ Sønderlund A.L., Morton T.A., Ryan M.K. Multiple Group Membership and Well-Being: Is There Always Strength in Numbers? [Электронный ресурс]: *Frontiers in Psychology*. 2017. Т. 8. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01038/full>

¹⁰⁵ Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности // *Социальная психология и общество*. 2012. №. 3. С. 16–26.

¹⁰⁶ Шпак А.А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей (на материале исследования регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. культ. наук: 24.00.01. Красноярск, 2020. 165 с.; Шпак А. А. Научные подходы к изучению сложной социальной идентичности // *Сибирский антропологический журнал*. 2020.

Дискуссия о природе сложности социальной идентичности в современных российских исследованиях развернулась на рубеже XX–XXI веков, когда в отечественной науке стали подниматься вопросы о специфике формирования новых социальных идентичностей в контексте происходящих социально–экономических изменений¹⁰⁷. Установка на междисциплинарное исследование феномена идентичности на стыке границ психологии и социологии обоснована российским социологом В.А. Ядовым¹⁰⁸. Ведущие ученые – культурологи, этнологи, социальные и культурные антропологи – сосредоточены на изучении феномена этнической идентичности с точки зрения различных научных подходов: конструктивистское понимание характерно для Б.Е. Винера¹⁰⁹, В.А. Тишкова¹¹⁰, Л.М. Дробижевой¹¹¹, В.Ю. Хотинец¹¹², С.В. Лурье¹¹³; примордиалистский подход применяется С.М. Широкогоровым¹¹⁴, Ю.В. Бромлеем¹¹⁵, А.Г. Дугиным¹¹⁶, А.П. Садохиным и Т.Г. Грушевицкой¹¹⁷, Ю.В. Попковым¹¹⁸ и рядом других,

Т. 4. № 2. С. 191–203; Шпак А.А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. тр. Красноярск: СФУ, 2020. С. 68–73; Shpak A.A., Pchelkina D.S. Methodology for the Study of Complex Identity // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Т. 13. № 5. P. 752–761.

¹⁰⁷ Тронева М.А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса постмодернистского общества и культуры // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 34–37.

¹⁰⁸ Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т.3. № 4. С. 158–181.

¹⁰⁹ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3–26; Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 2. С. 142–164; Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 1998.—197 с.

¹¹⁰ Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности. М.: Русский мир, 1997. 532 с.; Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

¹¹¹ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.; Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР) // Советская этнография. 1981. № 3. С. 11–22.

¹¹² Хотинец В. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с.; Хотинец В. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 235 с.

¹¹³ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект, 2003. 624 с.

¹¹⁴ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012. 134 с.

¹¹⁵ Бромлей Ю. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

¹¹⁶ Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение. 2009. 744 с.; Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.; Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-Центр, 2002. 418 с.

¹¹⁷ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Академия, 2000. 304 с.

¹¹⁸ Попков Ю. В. Динамика правового статуса и реальное положение народов Севера: сравнительный опыт Канады и России // Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири. Барнаул; Новосибирск;

когнитивный аспект разработан А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой¹¹⁹; инструменталистский – В.Д. Попковым¹²⁰. Кросс-культурные методики по диагностике феномена этнической идентичности представлены в исследованиях Г.У. Солдатовой¹²¹, Т.Г. Стефаненко¹²², А.Н. Татарко и Н.М. Лебедевой¹²³, В.Н. Павленко и С.А. Таглина¹²⁴ и других¹²⁵.

Исследования по развитию теории социальной идентичности ведут О.А. Орлова¹²⁶, О.В. Шиняева¹²⁷. Понятие «социальная идентичность» разработано в трудах Н.И. Даудрих¹²⁸, Е.А. Петраш¹²⁹. Социологический анализ понятия «идентичность» представлен в работах О.А. Симоновой¹³⁰, О.В. Шиняевой¹³¹, Н.И. Даудрих¹³², К.В. Патырбаевой и В.В. Козловой¹³³; культурологический – Э.А. Орловой¹³⁴, Э.Д. Дряевой¹³⁵, С. Холлом¹³⁶, Н.Н. Середкиной¹³⁷. Разработкой

Москва: Изд-во АРНЦ СО РАО, 1999. С. 150–171; Его же. Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение Академии наук, 1990. 200 с.

¹¹⁹ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Психология межэтнических отношений: Этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. М.: Институт психологии РАН, 2010. 190 с.

¹²⁰ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН, 2003. 340 с.

¹²¹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

¹²² Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н.М. Лебедевой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 2002. С. 35–48.

¹²³ Методы этнической и кросскультурной психологии: учеб.–метод. пос. / А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 236 с.

¹²⁴ Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология. М: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. 483 с.

¹²⁵ Солдатова Г.У. и др. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России: инф.–аналит. бюлл. М., 2002. № 4. С. 59–65.

¹²⁶ Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2017. 480 с.

¹²⁷ Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. тр. / отв. за выпуск О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 245 с.

¹²⁸ Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. № 12. С. 77–95.

¹²⁹ Петраш Е.А. Социальная идентичность в норме и при нарушении: автореф. дис... д-ра псих. наук: 19.00.05. Курск, 2017. 57 с.

¹³⁰ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.

¹³¹ Шиняева О.В. Идентичность и идентификационное поведение: теоретические подходы к исследованию // Гражданское общество России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1. С. 3–8.

¹³² Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. № 12. С. 77–95.

¹³³ Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты // под ред. К.В. Патырбаева. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2012. 249 с.

¹³⁴ Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 87–111.

¹³⁵ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 41–53; Дряева Э.Д. Основные концепции самоидентификации личности в социокультурном контексте: генезис и развитие // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 672–672; Дряева Э.Д., Д.И. Дубровский. Социокультурная идентичность в условиях современных коммуникаций и базовая идентичность индивида // Философские науки. 2017. № 8. С. 63–75.

¹³⁶ Холл С. Вопрос культурной идентичности [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2010. № 77–78. Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>

понятия «локальные идентичности» занимается Е.В. Дзякович¹³⁸. Концептуальному изучению этнокультурной идентичности посвящены работы И.В. Малыгиной¹³⁹, А.А. Балыковой¹⁴⁰, В.В. Савченко¹⁴¹, М.П. Ковалева¹⁴², В.М. Смокотина¹⁴³, М.Ш. Абулаевой¹⁴⁴, А.А. Комаровой¹⁴⁵, Н.И. Курбанова¹⁴⁶, А.Л. Алавердяна¹⁴⁷, Ф.Я. Уразаева¹⁴⁸, Ю.А. Шубина¹⁴⁹, А.В. Кистовой¹⁵⁰, О.Р. Тучиной¹⁵¹, А.В. Пастюк¹⁵². В последнее десятилетие активно публикуются результаты измерения различных видов социальной идентификации¹⁵³. Широкое

¹³⁷ Середкина Н.Н. Научные подходы к понятию «этническая культурная идентичность» // Специфика этнических миграционных процессов в XX-XXI вв.: опыт и перспективы. Красноярск: СФУ, 2019. С. 176–180.

¹³⁸ Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... доктора культурол.: 24.00.01. Москва, 2011. 46 с.; Дзякович Е.В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 24–29.

¹³⁹ Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность (онтология, морфология, динамика) : дис. доктора ... филос. наук: 24.00.01. Москва, 2005. 305 с.; Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: структура и историческая динамика // Первый Российский культурологический конгресс: сб. науч. тр. конференции. СПб.: Эйдос, 2006. С. 269–270; Малыгина И.В. Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире // Вузы культуры и искусств в мировом образовательном пространстве: Новый "шелковый путь" к культуре без границ: сб. науч. тр. М.: МГУКИ, 2009. С. 238–246; Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 219–224; Малыгина И.В. Динамика этнокультурной идентичности: мировые тренды и российская специфика // Культура культуры. 2017. № 1 (13). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28147866>.

¹⁴⁰ Балыкова А.А. Этнокультурная идентичность как социально-философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2001. 25 с.

¹⁴¹ Савченко В.В. Этнокультурная идентичность русских в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2009. 21 с.

¹⁴² Ковалев М.П. Этнокультурная идентичность диаспоры в глобализирующемся мире: специфика состояния и векторы изменения в процессе репатриации: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Томск, 2011. 159 с.

¹⁴³ Смокотин В.М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: дис. ... доктора филос. наук: 24.00.01. Томск, 2012. 365 с.

¹⁴⁴ Абулаева М.Ш. Этнокультурная идентичность народов Дагестана: единство и многообразие: дис. доктора культурол.: 24.00.01. Санкт-Петербург, 2013. 332 с.

¹⁴⁵ Комарова А.А. Социальное регулирование этнокультурной идентичности русской студенческой молодежи // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 9. С. 259–265.

¹⁴⁶ Курбанов Н.И. Этнокультурная идентичность в современной социокультурной ситуации: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Москва, 2012. 208 с.

¹⁴⁷ Алавердян А.Л. Этнокультурный менталитет и идентичность в условиях модернизации современной России.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Белгород, 2009. 145 с.

¹⁴⁸ Уразаев Ф.Я. Механизмы сохранения этнокультурной идентичности татарского народа (конец XX-начало XXI вв.): дис. ... канд. историч. наук: 24.00.01. Казань, 2011. 266 с.

¹⁴⁹ Шубин Ю.А. Современные трансформации этнокультурной идентичности: универсальные тенденции и российская специфика: автореф. дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. М., 2011. 28 с.

¹⁵⁰ Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 22 с.

¹⁵¹ Тучина О.Р. Этнокультурная идентичность: субъектно-бытийный подход // Социосфера. 2014. № 1. С. 146–149.

¹⁵² Пастюк А.В. Соотношение понятий цивилизационной и этнокультурной идентичности // Молодой ученый. 2020. № 12. С. 229–231.

¹⁵³ Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Иваново, 2011. 25 с.; Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02. Пермь, 2009. 26 с.; Кравченко Н. Ю. Методологические аспекты исследования гражданской идентичности

академическое освещение получили темы глобальных аспектов идентификационного поведения представителей различных социальных групп и проблемы формирования сложной идентичности¹⁵⁴, активно разрабатываются социально-психологические детерминанты глобальной идентичности¹⁵⁵. При этом разнообразие исследований не привело к созданию единого комплексного методологического подхода для исследования процессов идентичности¹⁵⁶.

Современные исследования сложной идентичности в междисциплинарном научном поле позволяют фиксировать широкое предметное поле. Однако концептуальные и методологические основания для анализа сложных идентификационных процессов еще находятся в процессе определения и признаются достаточно перспективными для анализа современных социокультурных процессов. Данная проблематика характерна для ведущих российских культурологов – Ю.М. Резника¹⁵⁷, В.М. Розина¹⁵⁸, В.А. Куренного¹⁵⁹,

// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2012. Т. 12. №. 4. С. 3–7.; Максимов М.Б. и др. Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. Т. 11. № 133. С. 167–171.; Попова О.В. Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга по данным эмпирического исследования 2015 года // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2016. № 2. С. 31–41.

¹⁵⁴ Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. тр. / отв. за выпуск О.В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 245 с.; Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.; Идентичность как предмет политического анализа: сборник ст. / отв. ред. И. С. Семенов, Л. А.Фадеева. М.: НИИ, 2011. 299 с.

¹⁵⁵ Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. №. 4. С. 145–185.

¹⁵⁶ Похилько А.Д., Сергеев С.М. Методология изучения социальной идентичности в социологии и социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. Т 6. № 103. С. 47–51.

¹⁵⁷ Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 305– 328

¹⁵⁸ Розин В.М. Культурологические исследования // Проблемы культурологии. Античная культура. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1503>

¹⁵⁹ Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал Логос. 2012. №. 1. С. 14–79.

Н.П. Копцевой¹⁶⁰, М.А. Моница¹⁶¹, А.А. Никишенкова¹⁶², А.А. Белика¹⁶³ и зарубежных исследователей Дж. Э. Котэ, С.Г. Левина¹⁶⁴.

В то же время, несмотря на наличие обширных научно-исследовательских материалов по различным аспектам изучения феномена сложной идентичности, следует зафиксировать дефицит работ междисциплинарного характера, которые содержат в себе эффективный синтез перечисленных ранее научных направлений. Такой синтез имеет значение для научного моделирования сложных форм идентичности. По сути, применение культурологических, философских, исторических, социологических и психологических методов научного анализа предоставляет возможность выявить многоаспектную специфику сложных форм идентичности и механизмы их формирования, что крайне важно для экспертно-аналитического сопровождения реализации стратегических задач российской государственной культурной и национальной политики. В данном исследовательском контексте актуален учет концептуальных положений, представленных в работах таких исследователей, как В.А. Тишков¹⁶⁵, Л.М. Дробижева¹⁶⁶, О.Н. Астафьева¹⁶⁷, И.В. Малыгина¹⁶⁸, Л.Е. Востряков и А.С. Тургаев¹⁶⁹ и других.

¹⁶⁰ Копцева Н.П. Культурно-антропологический проект социальной инженерии (проблема методологии современных прикладных культурных исследований) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2009. Т.1. № 3. С. 22–34.

¹⁶¹ Моница М.А. Культурология и/или Culture studies // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. №. 1. С. 78–84.

¹⁶² Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб.: Изд-во СПУ, 2008. 494 с.

¹⁶³ Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1999. 241 с.

¹⁶⁴ Côté J. E., Levine C. G. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Psychology Press, 2014. 268 p.

¹⁶⁵ Тишков В.А. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2008. С. 3–5.

¹⁶⁶ Дробижева Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 15; Ее же. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. №1 .С. 26–36.

¹⁶⁷ Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории». 2010. С. 255–281; Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: монография /О.Н. Астафьева, А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева [и др.]. 2-е изд. / Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности. М.: Совпадение, НИК. 2015. С.95–115; Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5. С. 32–41.

Предварительный анализ существующих подходов и концепций в зарубежных и российских исследованиях XX – начала XXI веков позволяет сосредоточиться на методологических подходах и возможностях культурологических исследований по проблематике сложных идентичностей. На основании позитивистского (О. Конта¹⁷⁰) и герменевтического (В. Дильтея¹⁷¹) подходов возможно предложить комплексный подход из синтеза взаимодополняющих социогуманитарных методов для комплексного и междисциплинарного исследования. Актуальность данного подхода для прикладных культурных исследований феномена идентичности раскрыта в научных работах российских культурологов К.В. Резниковой¹⁷², М.А. Колесник¹⁷³, Н.Н. Середкиной¹⁷⁴, Н.Н. Пименовой¹⁷⁵, Е.А. Сертаковой¹⁷⁶, А.М. Обмороковой¹⁷⁷, Н.О. Немаевой¹⁷⁸, В.С. Лузана¹⁷⁹, М.И. Буковой¹⁸⁰.

С позиции современной теории культуры феномен сложной идентичности обнаруживается в этногенезе и культурогенезе, где поведение людей тесно

¹⁶⁸ Малыгина И. В. Динамика российской идентичности: тренды XXI века // Проблемы культуры в XXI веке. 2018. С. 34–47.

¹⁶⁹ Востряков Л.Е., Тургаев А.С. Новая модель государственной культурной политики России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 3. № 36. С. 6–16.

¹⁷⁰ Конт О. Курс положительной философии // Западноевропейская социология XIX века: тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 94–119; Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Либроком, 2011. 296 с.

¹⁷¹ Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. Е.Д. Зайцевой, под ред. Г.Г. Шпета. М.: Рипол классик, 2019. 290 с.; Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / под ред. А. В. Михайлова, Н.С. Плотникова. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.; Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.

¹⁷² Резникова К.В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2012. 20 с.

¹⁷³ Колесник М.А. Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы: дис... канд. культ. наук: 24.00.01. Красноярск, 2015. 168 с.

¹⁷⁴ Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 25 с.

¹⁷⁵ Пименова Н.Н. Механизмы социокультурных изменений коренных этносов севера и Сибири (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2015. 183 с.

¹⁷⁶ Сертакова Е.А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска): автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2015. 22 с.

¹⁷⁷ Обморокова А.М. Формирование региональной идентичности и способ воплощения концепта «Родина» в красноярском культурном пространстве // Социодинамика. 2015. № 2. С. 37–53.

¹⁷⁸ Немаева Н.О. Специфика идеологообразования в современной православной художественной культуре (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культ.: 24.00.01. Красноярск, 2018. 185 с.

¹⁷⁹ Лузан В.С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 год: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.01. Красноярск, 2017. 386 с.; Его же. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. ... канд. философ. наук: 09.00.01. Красноярск, 2011. 25 с.

¹⁸⁰ Ильбейкина М.И. Роль визуальной антропологии в социальном конструировании ценностей: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2013. 21 с.

связано с культурными практиками как особой деятельностью по формированию этнической идентификации и самоидентификации. Концептуальным фундаментом для поиска методологических возможностей исследования этнокультурной идентичности служат синтетическая концепция культуры как идеалообразования Д.В. Пивоварова¹⁸¹ и интерпретативная теория культуры К. Гирца¹⁸², в связи с чем необходимо принять во внимание научные исследования по проблематике регионального социокультурного пространства, где реализуются культурные механизмы формирования сложных форм идентичности.

Этнокультурная специфика Красноярского края – одного из наиболее интересных поликультурных регионов современной России – раскрыта в многочисленных научных трудах коллектива культурологов Сибирского федерального университета, ведущих многолетние полевые и концептуальные исследования феномена идентичности¹⁸³. Особого внимания заслуживают научные труды специалистов по региональным культурным процессам Красноярского края¹⁸⁴, включая исследования по проблематике коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока¹⁸⁵.

¹⁸¹ Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. М: Юрайт, 2020. 248 с.; Его же. Социоцентрические религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 140 с.; Пивоваров Д.В., Медведев А.В. Философия религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 338 с.

¹⁸² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. 1997. Т. 1. С. 170–199.

¹⁸³ Копцева Н.П. и др. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций. Красноярск: СФУ, 2012. 639 с.; Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения / под ред. О.А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2013. 490 с.; Новая арт-критика на берегах Енисея / под ред. Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2015. 338 с.; Копцева Н.П. и др. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты. 2020. 196 с.

¹⁸⁴ Этноатлас Красноярского края / ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: Платина, 2008. 223 с.; Этноатлас Красноярского края / ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: Поликор, 2018. 240 с.; Рафиков Р.Г. Вопросы межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае за 2004-2008 годы: Информационный бюллетень №5. Красноярск: Платина, 2009. 192 с.; Карлова О.А. Межэтническое пространство Сибири: историческая специфика и современные проблемы: (опыт Красноярского края) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. тр. Красноярск: СФУ, 2018. С. 8–16.; Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. 264 с.; Москалюк М.В. Изобразительное искусство Сибири // Сибирь – Дальний Восток. Красноярск. 2015. С. 8–12.; Музыкальная культура Красноярска, [1628-1920] / отв. ред. Л.В. Гаврилова. Красноярск, 2009. 455 с.

¹⁸⁵ Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири: дис. д. ист. н.: 07.00.07. Новосибирск, 2000. 445 с.; Макаров Н.П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2013. Т.6. № 6. С. 816–841; Кирко В.И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации // Социодинамика. 2015. № 6. С. 113–133; Пчелкина Д.С. Трансформация этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края в конце XX-начале XXI вв: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 176 с.; Дегтяренко К.А.

Значительный объем научных исследований еще раз подтверждает актуальность научного моделирования процессов сложной социокультурной идентификации, однако до настоящего времени количественные и качественные культурологические исследования сложной идентификации и самоидентификации явно недостаточны, поскольку речь идет об одном из самых интенсивных и нарастающих культурных процессов современной России. Данное обстоятельство определяет выбор объекта и предмета диссертационного исследования.

Предметом диссертационного исследования являются сложные формы идентичности как современный феномен культуры.

Объект исследования – процессы формирования сложных форм идентичности посредством региональных культурных практик в социокультурном пространстве Красноярского края.

Цель исследования заключается в научном культурологическом моделировании и комплексном анализе сложных форм этнокультурной идентичности, формирующихся в российском региональном культурном пространстве Красноярского края в XX – XXI веках.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач, в том числе:

- 1) выявить способы формирования понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках;
- 2) раскрыть методологические возможности культурологических исследований для анализа сложных идентичностей;

Современные гуманитарные технологии конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск: СФУ, 2016. 190 с.; Авдеева Ю.Н. Значение культурной памяти мигрантов для этнической самоидентификации (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2018. 168 с.; Березюк С.В. Музыкальная фольклорная культура коренных малочисленных народов Сибири и современная информационная среда: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 187 с.; Хребтов М.Я. Трансформация ценностей в постсоветский период (на материале исследований населения регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 196 с.; Филько А.И. Социокультурные трансформации бесписьменных культур в конце XX–начале XXI веков (на материале анализа энецкой этнокультурной группы): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. Красноярск, 2020. 165 с.

- 3) рассмотреть сложные формы этнической идентичности как предметность современной теории культуры;
- 4) сформировать культурологическую модель измерения сложной социальной идентичности;
- 5) выполнить методологическое обоснование исследований сложной идентичности в социогуманитарном знании XIX–XXI веков;
- 6) проанализировать результаты междисциплинарных исследований сложной идентичности;
- 7) выполнить концептуальное обоснование исследования сложной идентичности с позиций современной теории культуры;
- 8) раскрыть понятие «культурные практики» в контексте современных культурных исследований;
- 9) определить основные виды культурных практик в социально-культурном пространстве Красноярского края;
- 10) проанализировать особенности культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края;
- 11) обосновать понятие «этнокультурная группа»;
- 12) выявить динамику государственной культурной и национальной политики советского периода;
- 13) раскрыть особенности культурных практик формирования сложных идентичностей в Красноярском крае в XX–XXI веках;
- 14) проанализировать взаимодействие государственной национальной и культурной политики Российской Федерации и процессов формирования сложных форм идентичности;
- 15) выполнить количественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края;
- 16) провести качественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края;

17) сделать теоретическую интерпретацию полученных эмпирических результатов и уточнить культурологическую модель сложных этнокультурных идентичностей в социокультурном пространстве Красноярского края.

Гипотезой диссертационного исследования является предположение, что для современного социокультурного пространства характерна сумма специфических факторов, которые предопределяют процессы формирования региональных культурных идентичностей. Этнокультурная история Красноярского края раскрывает длительную динамику формирования сложных форм идентичности, в связи с чем становится возможным провести ряд исследований и обнаружить специфику их формирования в современных культурных процессах. Сложные взаимодействия государственной культурной и национальной политики с объективными процессами формирования этнокультурных идентичностей в результате приводят не столько к стабилизации той или иной этнокультурной идентичности, сколько к формированию феноменов сложных этнокультурных идентичностей. Данный процесс имеет свои закономерности, которые могут быть проанализированы. Тем самым может быть заложена основа культурологической модели формирования сложных этнокультурных идентичностей в поликультурных регионах Российской Федерации, в том числе, в Красноярском крае.

Положения, выносимые на защиту:

1. Определение термина «сложная идентичность» выстраивается в концептуальной проблематике социальных и гуманитарных наук, совершивших в начале XXI столетия переход от анализа внутригрупповых и межгрупповых отношений к комплексным междисциплинарным исследованиям сложных форм идентичности в условиях динамично изменяющегося мира. В общенаучном понимании понятие «сложная идентичность» раскрывается в качестве феномена, имеющего структуру и формы идентификационных пересечений, что дает мощный методологический инструмент для исследования специфики форм и процесса формирования идентичности в индивидуальном и групповом форматах, на межличностном и межгрупповом уровнях, где вскрывается огромный пласт

различных социальных взаимодействий. В начале XXI века возникает понимание, что идентификационные процессы – это базовые социокультурные процессы, которые должны изучаться в ракурсе современной теории культуры и межкультурных отношений. Культурологическая проблематика позволяет синтезировать существующие представления в единое концептуальное определение понятия «сложная идентичность» и выстроить приоритеты исследования в соответствии с логикой современных социально-культурных взаимодействий.

2. Стремительное и разнообразное формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках привело к тому, что данное понятие стало одним из самых научно обсуждаемых на концептуальном, методологическом и прикладном уровнях. Множественность подходов к трактовке идентичности образует широкое предметное поле данного феномена, далекое от унификации и от возникновения единой теории идентичности. В данном контексте современная методологическая стратегия комплексного исследования сложной идентичности как культурного феномена выстраивается на междисциплинарной методологии, синтезирующей теоретические и эмпирические методы социокультурных исследований. Методологическая стратегия выступает основой эмпирических культурных исследований для выявления ключевых закономерностей и устойчивых коэффициентов, определяющих формирование простых и сложных форм идентичностей; для анализа категориальных представлений и особенностей формирования сложных форм этнокультурной идентичности. Современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена позволяет уйти от «простого» описания специфики идентичности как множественной формы, дифференцируемой по видам (лингвокультурная, гражданская, религиозная, и пр.) и осуществить переход к углубленному и комплексному познанию закономерностей ее динамики и социокультурной функциональности.

3. В общенаучном понимании наиболее сложная научная модель была разработана для изучения этнической идентичности. Аналитический обзор

современных исследований в области культурологии, социологии культуры, психологии, этнопсихологии и ряда других научных дисциплин позволил зафиксировать наиболее распространенную классификацию форм этнической идентичности по их принадлежности либо к двойной, либо к комплексной вариации. Формы этнической идентичности характеризуют ее как сложный феномен социальной идентичности. Феномен сложной этнической идентичности существует в современных бикультурных сообществах, в которых культурные и языковые различия становятся потенциалом развития до уровня мультикультурного общества. Сложные формы этнической идентичности определяют инвариантную идентификацию и формируют установку на солидарное и интеграционное поведение в мультикультурной среде.

4. Модель измерения сложной социальной идентичности в межкультурных отношениях наиболее полно раскрыта в концептуальном подходе С. Роккас и М. Брюер. Посредством ряда эмпирических и теоретических исследований эти ученые показали разность качества воспринимаемого пересечения идентифицируемых групп: при сильном когнитивном пересечении складывается простая форма социальной идентичности (единое представление ингрупп), при меньшем – сложная форма в бифуркации собственных групповых идентичностей. В зависимости от обстоятельств социальные идентичности изменяются во времени и пространстве: происходит их слияние, пересечение, разделение или объединение, исходя из низкой или высокой степени потребности к принадлежности конкретному социальному окружению. Влияющими факторами для комбинирования множественных аспектов собственной личности выступают социальные (структурные) и психологические (способность направлять свои действия и внимание в связи с изменением контекста) установки. Когнитивная модель раскрывает последствия структурных отношений между несколькими социальными ролями. Данная модель применима для обнаружения отличимых форм и анализа степени сложности формируемых представлений, что крайне важно для понимания современного состояния сложной этнокультурной идентичности в пространстве межкультурных взаимодействий.

5. Критический анализ методологических подходов к исследованию сложной идентичности в современной теории культуры и связанных с ней науках (философии культуры, кросс-культурной психологии, социологии культуры, культурной антропологии) XIX-XXI веков уточняет эффективность методов прикладных разработок для последующей концептуализации феномена сложных идентичностей как междисциплинарного объекта. Ключевая проблематика заключается в дифференцированном предметном подходе, по сути определяющего итог результирующей рефлексии над сущностью отношений индивида и социальных групп. Философско-культурологические науки раскрывают диалектику человеческого «Я» в социальном и культурном пространстве. Психоцентрический анализ направлен на глубинное познание самопредставлений индивида и диагностику их трансформаций (статусный подход). Социоцентрический – либо на обнаружение процессуальных и структурных аспектов формирования социального «Я» (ролевой подход), либо на изучение типов идентичности (конструктивный подход). В области социальной и культурной антропологии интерпретативная методология позволяет сфокусировать внимание на форме идентичности, возникающей в процессе межкультурных отношений этнических разных групп. Для анализа культуры как процесса складывания смыслов, закодированных в практиках, применяется метод факторного анализа, помогающий определить структуру переменных сложной идентичности и классифицировать ее формы.

6. Междисциплинарные исследования сложной идентичности трансформировали проблематику от категориального (статистического) к интегральному (динамическому) пониманию ее сущности. Активизация научных исследований сложной идентичности имеет ряд причин: отсутствие описания последствий множественной интеграции для психологического функционирования, значительная неоднородность в понимании процессов формирования сложной идентичности, трудность контекстно-временного изучения форм длительной интеграции, недостаточность изучения «силы» фактической связи и измерения дистанции между формами идентичности,

невозможность на сегодняшний день в рамках существующих научных практик выполнить оценку интеграции более двух форм одновременно. Концептуально при описании интегрального уровня любой структуры можно дать объяснение этой неразрешенности, суть которой в реальной интегрированности всех форм в неразрывное и диалектически-сложное целое так, что формы консолидируются, образуя интегральные иерархичные или многоуровневые инварианты. Целью любой интеграции служит появление новой идентификационной общности, где каждая форма стремится при сохранении относительной независимости интегрироваться в единое неразрывное целое. Ключевой характеристикой интегральной (сложной) формы выступает качество связи, консолидирующей разные формы множественной идентичности в единый инвариант. При анализе интегральных форм методологическая трудность изучения сложной идентичности разрешается при смещении исследовательского фокуса с изучения множественных форм социальной идентичности на сложные формы одной идентичности.

7. «Сложная идентичность» с позиции современной теории культуры раскрывается как категория для обозначения этнокультурной формы, возникающей в процессе социально-культурного отождествления индивида с этническими группами. Любая этнокультурная общность обладает уникальным набором социоцентрических идеалов, содержащих в себе особый род ценностей (общий язык, вера, традиции и обычаи), формы деятельности (порождаемые этносом культурные практики, которые влияют на процесс развития и способствуют сохранению этнической и культурной самобытности) и знаки-коды (передаваемые в знаковой форме смыслы этнокультурной общности). Значение социоцентрических этнокультурных идеалов раскрывается на основе концепции культуры как деятельности по идеалообразованию – непрекращающегося процесса сохранения и производства этническими группами своего аутентичного содержания. Методологическое обоснование современных культурных исследований строится на комплексном анализе идеалообразующей деятельности

этнокультурных групп с целью систематического изучения и контекстно-дискурсивного описания соответствующих актуальных культурных практик.

8. Понятие «культурные практики» содержательно формируется собирательным путем в междисциплинарном поле современной социогуманитарной науки на основании эпистемологического (в контексте социального бихевиоризма и когнитивной психологии) и онтологического (в контексте культурной антропологии) подходов. Единой теории культурных практик нет, но на основании синтеза интеллектуальных традиций ряда научных подходов и направлений понятие «культурные практики» моделируется как автономный процесс организации когнитивного индивидуального и социального поведения в пространстве и времени, системное качество осуществления и трансформации культуросозидающей человеческой деятельности. Культурные практики рассматриваются как процессы прошлого и как факторы формирования будущего социокультурного пространства. В начале XXI века особое культурологическое значение данный термин приобрел в связи с ростом этнокультурного самосознания, когда в системе культуры были обнаружены «подкрепляющие практики» для сохранения и производства самобытной деятельности различных этнокультурных групп. Понимание сферы культуры как диалектической взаимосвязи более или менее устойчивой системы и практической деятельности становится ключевым для анализа социоцентрической и культуросозидающей деятельности, а также культурологического анализа различных видов культурных практик в конкретном социокультурном пространстве.

9. В современной теории и истории культуры виды культурных практик изучаются по типам деятельности: в зарубежной науке превалирует тема социализации (детей, подростков, мигрантов, инвалидов), в отечественной – актуальных прикладных культурных практик (прежде всего, педагогических, лингвистических, художественных, этнических). Посредством аудиальных, текстологических и визуальных видов культурных практик реализуется их социоцентрическая функция: сохраняется этнокультурная идентичность и

воспроизводится этносознание. Очевидно, что посредством культурных практик формируется деятельностная и когнитивная среда, влияющая на взаимоотношения этнокультурных групп. Анализ доминирующих культурных практик десяти этнических групп Красноярского края позволил выявить процессы развития и сохранения их этнокультурной самобытности в поликультурном пространстве региона. Союзу, объединению этнокультурной группы способствуют культурные практики, связанные с деятельностью национально-культурных автономий (НКА), обеспечивающих как сохранение самобытности этнических культур, так и создание общинной коммуникации через систему НКА. Доминирующие культурные практики указывают на актуально ценностные для этногруппы ориентации. Наибольшую силу имеют культурные практики по языковой поддержке, посредством нее сохраняются базовые смыслы этноса и когнитивные значения культурной самобытности. Этнокультурные группы в Красноярском крае создают особые средства для поддержания минимального языкового разнообразия, необходимого для позитивной самоидентификации и целостности этнокультурной идентичности в пространстве самобытных культур. Сопутствующими являются практики по сохранению самобытных традиций через воссоздание аутентичных вещей и атрибутов, традиционной кухни, а также обязательного совместного празднования религиозных, национальных и этнически значимых событий. Для эффективного этнокультурного развития формируются новые практики: 1) восполнение недостающих или слабо проявленных в этнической системе ценностей элементов (знания этнической истории, уклада жизни, традиционной пищи, языковых особенностей); 2) формирование уникального культурного образа, исключая стигматизацию и стереотипное отношение со стороны других групп, в результате чего группа выстраивает позитивное отношение к собственным ценностям и к межкультурному сотрудничеству; 3) культивирование социоцентрических культурных практик в региональном пространстве для обеспечения устойчивости более высокого (например, религиозного) качества этих идеалов, основанием которых служит единое межкультурное содружество.

10. Исследование культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока проявило уникальность культурного процесса социокультурного идеалообразования в условиях глобализации и кризиса традиционных культур этих народов. С одной стороны, данные этнические группы ориентированы на особый тип культурных практик и используют разные форматы по фиксации и актуализации своего культурного наследия в современной этносреде: информационные практики (лингвистические, фольклорные) формируют «аудиальный конструкт» этнокультурной идентичности, художественные (декоративно-прикладное искусство, прежде всего) воплощают ее «визуальный конструкт». С другой – потеря исконного образа жизни, в котором органично развивались традиционные виды деятельности, способствовала выработке новых объединяющих социокультурных идеалов: сохранение языковых диалектов, межпоколенные родовые отношения и ценность семейной культуры, устойчивое развитие позитивной этнокультурной идентичности. Выявленные актуальные ценности позволили зафиксировать нарастание этнокультурной самоидентификации и предложить ряд комплексных мер по формированию позитивных сложных форм этнокультурной идентичности. Развитие разнообразных культурных практик, адаптирующих этнокультурные группы коренных малочисленных народов к современным реалиям постиндустриального мира, фиксирует фундаментальную социокультурную природу практик и их положительное воздействие на этническую идентичность и самоидентичность, подвижных в сторону сохранения этнокультурной самобытности или в сторону модернизационного развития этнокультурной группы в межкультурном взаимодействии.

11. Понятие «этнос» является концептуальным стержнем анализа этнокультурных групп, каждая из которых объединена верой в единство своего происхождения, традиций и обычаев, языка и уклада жизни. Каждый этнос имеет свойственный ему психоментальный комплекс, эвристически понимаемый как устойчивая надындивидуальная структура, составляющая парадигму этнического бытия в его психологических и интеллектуальных измерениях. Понятие

психоментального комплекса раскрывает подвижную природу этнокультурного самосознания, закрепляемого в установках, идеях, видах поведения, обычаях и практиках. Исследовательский путь культуры этноса базируется на артефактах и культурных текстах, не только способствующих детальному изучению этнографически-культурных элементов, но и указывающих на сумму психологических оснований, созданных этносом для самоидентификации и этнической идентичности. Любая этнокультурная группа создает свою культуру и фундирует ее в комплексе произведений с целью сохранения и воспроизводства этнической самоидентичности и идентичности. На этом основании определяются особенности понимания процесса сохранения и развития этнокультурной идентичности: 1) ее устойчивость во времени обеспечивается успешными способами приспособления к новым культурным условиям; 2) развитие происходит посредством выстраивания отношений с иными этногруппами, что одновременно обеспечивает уход от кризиса идентичности; 3) потребность в сохранении идентичности приводит к необходимости в культурных практиках, адаптирующих прежнее и развивающих новое ценностное восприятие. Определения «этнос» и «психоментальный комплекс» в совокупности отвечают современному содержанию понятия «этнокультурная группа», недавно вошедшему в научный лексикон для объяснения динамики развития межэтнических отношений на всех уровнях управления (федеральном, региональном, муниципальном).

12. Анализ динамики культурных аспектов национальной политики Советского Союза в период с 1922 по 1991 годы зафиксировал процесс формирования сложных форм социальной (групповой) и этнокультурной идентичности. В ранний советский период под воздействием новой культурной государственной политики социальные группы принимают вызов масштабного социоантропологического эксперимента, в задачу которого входило формирование новой культурной и социальной действительности. Новая культурная национальная политика динамично воспроизводит сложные формы социальной (групповой) идентичности. Для усиления идеи равенства на раннем

этапе избранной целью становится коренное преобразование человеческой деятельности посредством создания новой этнокультурной и этноязыковой основы для интеграционного развития многонациональной общности. Возращение национального самосознания уже существующих этнических групп моделировалось путем удовлетворения их культурных предпочтений и ориентиров, на что и были направлены проекты по национализации меньшинств (языковая политика) и т.н. «коренизации» (подготовка и продвижение на руководящие должности представителей местных национальностей). «Строительство наций» привело к формированию иного – этнокультурного – основания, где соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности (по территории, языку, культуре). Под влиянием культурно-политических практик происходит усложнение форм этнической идентичности в этнокультурные, что позволило им в дальнейшем удержать качество уникальных и самобытных этнокультурных групп.

13. В истории культуры Красноярского края XX – начала XXI веков зафиксирован механизм регионального культурного строительства и спектр культурных практик, связанных с устойчивым производством сложных форм этнокультурной идентичности.

До 1920-х годов культурно-образовательные и художественные практики начинают применяться для формирования социальной (групповой) идентичности в полиэтничном обществе с целью культурного развития региона как полноценной части государства. Большой приток переселенцев требовал усиления просветительской деятельности. Формируются художественные практики: архитектурные практики в процессе широкого строительства промышленных и гражданских сооружений, в облике которых стилистика модерна визуализировала социоцентрический и технологический процессы преобразования; живописные практики для фиксации и сохранения уникальной региональной природной и антропологической среды, надолго определив специфику сложной социальной идентичности енисейских сибиряков.

В 1920-1930-е годы государственные политико-управленческие и экономические механизмы советской национальной политики способствовали формированию сложных форм групповой идентичности на основе всеобщего союзного объединения, построенного на принципе межэтнического равенства. Для освоения ресурсного потенциала Красноярского края и превращения его в индустриальный потребовалось усиление культурных практик и создание новых социокультурных региональных идентификаторов. *Образовательные практики* легли в основу программной национальной культурной политики: всеобщая ликвидация неграмотности и национальная реформа по коренизации привели к быстрому подъему этнического самосознания. Данные процессы явились мощным стимулом социализации, усложняющим психоментальный комплекс полиэтничного общества красноярцев до неразрывной связи с советским социумом. *Художественные практики* трансформировались под задачи создания новой институциональной среды, состоящей из учреждений (организаций) культуры. Доминирующей художественной практикой становится усиление тенденции к сохранению уникальной северной (заполярной) тематики и изображению меняющегося образа Красноярска и других индустриальных центров. *Информационные практики* стали движущей силой социокультурных изменений, новостной контент усиливал положительную идентификацию жителей региона с образами «строителей социализма».

В 1940–1950-е годы индустриально-аграрное развитие Красноярского края усилило приток этнических групп, прирост нерусского населения вел к расширению спектра культурных практик. *Информационные (в том числе, литературные) практики* проявили социоцентрическую энергетику объединения жителей Красноярского края в неразрывное целое для приближения Великой Победы. *Художественные практики* стали инструментом социальной интеграции народа – героя и победителя. В изобразительном искусстве усиливаются три направления: отражение многоуровневой и многоаспектной темы войны, приведшей к сложной социальной организации; тема сибирской природы и образа жизни северных людей; визуальные представления промышленного центра и его

образа жизни. В 1949–1955 годы *культурные практики* направлены на восполнение, наращивание социальных ресурсов, необходимых в послевоенное время для восстановления социоцентрической целостности, укрепления мира и дружбы народов, международной социальной солидарности.

В 1960–1970-е годы культурное производство сложных форм региональной идентичности шло одновременно на всех социокультурных уровнях: всесоюзном, союзном, краевом, городском, поселковом (сельском). Завершение программы по ликвидации неграмотности, модернизация региона, социокультурный «бум» по просвещению и массовому потреблению культурных продуктов – всё это способствовало созданию региональной культурной инфраструктуры с развитой сетью социальных институтов и организации культурных практик, формирующих новое (солидарное) качество.

В 1980–1990-е годы развитая экономика края и рост промышленного производства способствовали решению новых социокультурных задач и началу нового витка культурного строительства. Своеобразным итогом решения поставленных задач стало строительство региональной культурной инфраструктуры. *Социально-культурные практики* целенаправленно формировали стремление сибиряков к высокой культуре. *Художественные, музыкальные, литературные и научно-образовательные практики* формировали культурную творческую среду как интегральное качество уникальных черт сибирской культуры.

Рубеж 1990-х годов проявил два итога, один из которых связан с разрушением сложной социальной идентичности, другой же был связан с результатом влияния культурных практик на психоментальный комплекс этнических групп и их трансформацию в этнокультурные группы, чья идентификация складывается на двух и более идентификационных основаниях. Именно традиционные этнические и национальные ценности, как наиболее устойчивые, сохраняют каждый этнос и общество в целом от распада. С одной стороны, основная масса этнических переселенцев «растворялась» в старожильческом населении (как результат сформировалась сложная форма

идентичности «сибиряков» – этнокоммуникационного пространства для сохранения и развития разных культурных традиций и обычаев). С другой – в истории культуры Красноярского края межэтническая коммуникация развивалась по тенденции к неполной ассимиляции, позволяя этногруппам сохранять родной язык, культуру и веру.

В 1990–2000-е годы в связи с серьезными государственными трансформациями культурная жизнь Красноярска связана с новыми демографическими, миграционными и социокультурными процессами. Однако достигнутый индустриальный уровень, урбанизация, высокий процент межнациональных браков, активная языковая ассимиляция, дисперсное расселение людей разных национальностей, развитие межнациональных отношений в регионе было прочным. *Культурные практики частично перемещаются в область межэтнических и межконфессиональных отношений*, поскольку формируется понимание, что этническое самосознание есть фундамент и основа сохранения, развития и возрождения национальных традиций, обычаев и культуры.

Период 2000–2010-х лет неоднозначен в определении особенностей культурных практик, миграционные волны в это время становятся постоянными, что приводит к социокультурным изменениям, создающим новые культурные ценности, установки, эталоны, нормы. Появляются новые культурные практики по социализации в этнокультурной среде: активная деятельность национально-культурных объединений, ориентированная на социальную помощь приезжающим, и политика краевых органов власти, связанная с рациональным контролем над притоком мигрантов для сохранения существующих позитивных межкультурных отношений и поддержки поликультурного общества. С 2010 года культурные практики на региональном уровне разрастаются и приобретают уникальный характер, усиливая Красноярский регион как один из наиболее развитых в контексте позитивной этнокультурной коммуникации.

Этнокультурная история Красноярского края демонстрирует динамику этнокультурных групп по увеличению сложности и скорости природы

этнического самоопределения (идентичности). Выбор степени сложности зависит от индивида, но посредством культурных практик этническое самосознание становится единственной формой, вписывающей современного индивида в определенную общность и позволяющей формировать сложные формы этнокультурной идентичности, осмысливать и структурировать свое социальное поведение. «Ядро» региональной культуры – это и есть сумма процессов по формированию сложных форм идентичности, позволяющих выстраивать самоидентификационные инварианты, отождествляя себя со «своей» этнической группой (или группами), с сибирской надэтнической группой, с российским полиэтническим обществом в целом. Этнокультурная история региона раскрывает закономерности динамики формирования ядра региональной культуры, основанного на информационных и художественных практиках, созидающих этнокультурные качества межэтнического сообщества и позволяющих сохранять традиционные этнические и национальные ценности базовых этнокультурных групп.

14. В раннесоветский период революционное культурное строительство актуализировало аспект «национального» как статусной социальной принадлежности. Рефлексия над процессом формирования наций в советский период выявила этнокультурное основание этого процесса, в котором соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности. В позднесоветский период переход от формирования к сохранению построенного этнокультурного многообразия шел уже в российско-гражданской многонациональной модели.

Современная российская государственная национальная политика направлена на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития многонационального равноправного федеративного союза. С XXI века начался этап культурного строительства, в котором приоритетным остается сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Ключевые культурные практики связаны с развитием базовой культурной грамотности в образовании и

социально-культурной деятельности. На региональном уровне государственная национальная политика воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности реализуется через государственные программы. В Красноярском крае создана уникальная система государственно-социального партнерства, направленная на сохранение, развитие и возвращение этнокультурных особенностей. Широко используемые термины «дружба народов» и «семья народов», предполагают солидаризацию разных этнических групп и конфессий, что способствует развитию сложных форм этнокультурной идентичности.

15. Культурологический (в том числе, факторный) анализ сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края показал идентификационную насыщенность региональной этнокультурной среды. Феномен этнической идентичности имеет не более четырех форм сложности, каждая из которых определяется по мере насыщения идентификационного качества. При этом в каждом отдельном случае она дробится на уникальные (неповторимые) по составу формы. Отмечена обратная зависимость количества носителей простой или сложной формы от состава: чем сложнее идентичность, тем меньше число ее носителей.

Анализ комбинационных данных дал основания сформулировать «рабочие» определения обеих форм. *Простая этнокультурная идентичность* – это социокультурная форма формирования единичного идентификационного основания. На индивидуальном уровне данная форма возникает как результат множественного пересечения и взаимоотождествления этнических самоопределений, осознаваемых как возможность тотальной схожести с этничностью предков, либо неразличимого этнического единства с большинством окружающих современников (например, по национальной принадлежности). На социальном уровне часто встречаемая простая форма становится фундаментом возникновения переживания сопричастности к единой, слитной и объединенной одной этничностью культурной общности. Однако уникальность данной формы проявлена в ее потенциальной возможности становиться основой

для построения более сложных этнокультурных форм идентичности, поскольку в ней присутствует динамика силы связи этнической идентичности.

Сложная этнокультурная идентичность – это социокультурная форма формирования идентификационных определений на двух и более этнических основаниях. На индивидуальном уровне сложность проявлена в идентификационной различимости собственных этнических значений (родовых, социальных), количество этнических идентичностей может достигать до четырех оснований. Сложная форма самодостаточна и едина, поскольку в своих границах кристаллизует и проявляет динамику взаимодополняющих друг друга этнических самоопределений. Чем более форма насыщена этническими основаниями, тем чаще синтезируется неповторимое идентификационное качество. На социальном уровне сложная этнокультурная идентичность встречается редко, однако в своей сложности повышает познавательный потенциал видения этнических сходств и различий в условиях динамично развивающегося поликультурного современного общества. В региональном социокультурном пространстве в действии культурных механизмов формируются сложные формы этнокультурной идентичности, обновляя, дробя и преобразуя прежнее этнокультурное качество социума.

В процессе обработки результатов количественных исследований оформились две исследовательские гипотезы: 1) в сложных формах этнической идентичности знаковыми фигурами являются «мать матери» (бабушка) и «отец», при этом у современных людей идентификационное отождествление основано на близкородственной связи, активизирующей этническую память о предках вплоть до четвертого поколения; 2) уровень образования и социального благополучия коррелируют со сложными этнокультурными идентичностями. Устойчивая корреляция между ключевыми факторами проявилась среди жителей, имеющих тройную и четверную форму сложности. Как правило, это люди с высшим образованием и средним уровнем дохода. В единичной и двойной формах данные факторы не подтвердились. Фиксируется закономерность: благодаря повышению образовательного уровня происходит расширение познавательного горизонта, что позволяет в разы увеличить собственные идентификационные характеристики,

формировать насыщенные самопредставления, вступать в коммуникации с окружением и, что немаловажно, иметь социальное благополучие.

Таким образом, в современном российском обществе культурные практики носят разновекторный и разнообразный характер, что имеет огромное обратное преобразующее влияние в виде формирования новых поликультурно сложенных форм этнической идентичности современных жителей всего региона. Этнокультурная самобытность современных жителей Красноярского края развивается по вектору формирования сложных форм идентичности. Культурные практики направлены не на укрепление этнокультурного ядра, а на формирование новых, сложных форм этнокультурной идентичности. Обнаруженные формы дробятся и складываются у каждого человека по-разному. Механизмы культуры производят новые сложные формы этнокультурной идентичности, которые являются результатом воздействия культурных практик, содействующих как формированию сложных идентификационных форм на индивидуальном уровне, так и общему развитию этнической структуры Красноярского края. Формирование и воспроизводство сложных форм этнокультурной идентичности – это актуальный феномен, характерный для культурных процессов данного региона.

16. Культурологическое (категориальное) исследование выявило актуальное представление феномена этнокультурной идентичности в сознании современных жителей Красноярского края, а также сопричастные с ним категориальные сферы. Феномен этнокультурной идентичности положительно воспринимают различные социокультурные группы: и современная молодежь, и старожильческое население, и представители национально-культурных автономий. Специфика этого феномена в каждой группе, с одной стороны, определяется как уникальное сформированное целое (образовательное, историко-этнокультурное, этнически самобытное), а с другой – проявляются общие социокультурные тенденции в складывании простых и сложных форм идентичности. Этнокультурная идентичность возникает в процессе усвоения базовой (родовой) идентичности в детстве, а ее дальнейшее определение идет на

основании самоидентификации (с этничностью близких и далеких предков, ключевыми фигурами в сознании, как правило, становятся отец и бабушка по матери). Но природа этнокультурной идентичности такова, что при утрате знания (о своих родных, предках) человек начинает заботиться о его восполнении или создании нового этнического основания, чтобы продолжить собственное развитие в условиях окружающего межэтнического пространства. Этот факт проявляется и на уровне этнических групп, которые воспроизводят (или создают новые) культурные практики для идентификации и самоидентификации – важных факторов развития в этнокультурном пространстве взаимодействия. В зависимости от степени самоидентификации происходит усложнение индивидуальных (обнаружены единичные, двойные и тройные формы) и групповых идентификационных форм («русские сибиряки», «сибирский армянин»). Формирование сложных форм также зависимо от культурных практик, образующих социокультурное содержание региональной идентичности как основной и фундаментальной для построения новых идентичностей, обеспечивающих коммуникацию всех этногрупп и их представителей. Можно зафиксировать единичные и групповые культурные практики, воздействующие на психоментальные комплексы и заставляющие этнокультурные группы актуализировать свою самобытность, манифестировать свою включенность в развитие межкультурных отношений и, одновременно, быть относительно самостоятельными единицами целого.

17. Изучение феномена этнокультурной идентичности в региональном пространстве Красноярского края позволило уточнить современную научную модель процессов этнокультурной идентификации и выстроить ключевые представления о механизме культурного формирования сложных форм идентичности. При отсутствии воспроизводства и создания новых сложных форм происходит быстрая и зачастую невозполнимая утрата целостного представления этнокультурной истории (семейной, родовой, региональной), запускаются другие культурные механизмы в виде особых практик, направленных на познание разных этнокультурных оснований и осознанного выбора собственной формы

идентификации. Проведенные количественные и качественные культурные исследования позволили обосновать корреляционную взаимосвязь между уровнем образования, социального благополучия и сложностью формы идентичности: рост формального и неформального образовательного уровня способствует расширению познавательного горизонта, возможности осознанного выбора собственных идентификационных оснований, формированию насыщенных самопредставлений, большей (открытой) социальной коммуникации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– проведен анализ понятия «сложная идентичность», позволивший уточнить его значение в культурологическом и междисциплинарном поле современных наук как культурного феномена, формирующего интегральные представления о персональных и коллективных идентичностях в зависимости от особенностей того или иного социокультурного пространства;

– разработана современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена, специфика которого требует методологической триангуляции: междисциплинарного синтеза теоретических и эмпирических методов социокультурных исследований для комплексного и углубленного понимания сложности этнокультурной идентичности;

– выполнен культурологический анализ этнической идентичности как наиболее сложной и вариативной формы социальной идентичности, складывающейся в процессе межкультурного межэтнического взаимодействия в социокультурных процессах и культурных практиках и преобразуемой индивидом и/или социальной группой в новые формы этнической самоидентификации;

– раскрыта концептуальная (четырёхсложная) модель понимания природы социальной идентичности для анализа проблемы идентификации и ее дифференциальной изменчивости в социокультурном пространстве;

– рассмотрена история методологического исследования сложной идентичности, что позволило определить специфику научных направлений и генерализировать их проблематику для современных культурных исследований;

– проанализированы современные междисциплинарные исследования, обозначен переход от социальной категоризации к изучению интегральных форм социокультурных феноменов, для которых необходимы новые методы анализа актуального контекстно–временного содержания с последующей концептуализацией и методологической разработкой;

– определена специфика сложной идентичности с позиции современной теории культуры как этнокультурной формы, содержащей социоцентрические идеалы и сохраняющей их аутентичное содержание для этнических групп, где методология исследования была обоснована контекстно–дискурсивным описанием соответствующих актуальных культурных практик;

– дано научное определение понятию «культурные практики» как функциональному механизму культуры, благодаря которому реализуются конструктивные (аудиальные, текстологические, визуальные) процессы трансляции и изменения социоцентрической и культуросозидающей деятельности в конкретном социокультурном пространстве;

– выявлено комплексное понимание культурных практик в аспекте формирования культурной среды разных этнических групп с возможностью сохранения традиционных и создания новых идеалообразующих ценностей; проведенный анализ культурных практик этнокультурных групп Красноярского региона позволил зафиксировать ценностное представление о сохранении этнического и культурного своеобразия для позитивной этнокультурной идентификации и формирование новых практик для развития межкультурных отношений в современном поликультурном пространстве;

– анализ культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока выявил уникальный процесс социокультурного идеалообразования в условиях глобализации, в котором этнокультурная самоидентификация не исчезает, а постоянно нарастает с начала XXI в., что проявляется в разнообразных культурных практиках, адаптирующих этнокультурные группы коренных малочисленных народов к современным реалиям постиндустриального мира;

– концептуализировано понятие «этнокультурная группа» как культурной константы, определяемой психоментальным комплексом этнических групп, обуславливающим трансформации окружающих природной, социокультурной и межэтнической сред, и познаваемой через анализ создаваемых архифункциональных вещей и текстов, актуальное содержание которых выявляется путем исследования соответствующих культурных практик;

– уточнены некоторые особенности масштабного системного «социоантропологического проекта» по формированию новой культурной и социальной действительности в ранний период формирования СССР, времени создания новых культурных принципов государственной национальной политики, динамично воспроизводящей сложные формы социальной (групповой) идентичности. Анализ динамики культурных форм государственной национальной политики зафиксировал генезис от трансформации этносов к их преобразованию в этнокультурные группы;

– зафиксирован механизм регионального культурного строительства и спектр культурных практик, связанных с устойчивым производством сложных форм этнокультурной идентичности в истории культуры Красноярского края XX – начала XXI века, демонстрирующей процесс формирования «ядра» региональной культуры как предельного основания для генерации новых самоидентификационных инвариантов в подвижном этнокультурном пространстве;

– выявлены ключевые тенденции формирования национального аспекта культурной политики с начала XX века по настоящее время: переход от централизации управления культурной сферы в советский период к ее децентрализации в постсоветский период, что положило начало развитию современной российской модели культуры как стратегической установки на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития поликультурного пространства равноправных этнокультурных групп;

– представлены результаты культурологического анализа и зафиксирована идентификационная насыщенность региональной этнокультурной среды: факторный анализ данных позволил определить актуальные комбинационные формы этнической идентичности, составить социокультурный портрет носителей сложных форм идентичности, определить ключевые детерминанты в формировании региональной идентичности, ввести новые теоретические определения и исследовательские гипотезы;

– обобщены результаты культурологического исследования и выявлены ключевые представления о механизме культурного формирования сложных форм региональной идентичности, степень сложности которой напрямую зависит от усвоения этнокультурных оснований, их воспроизводства в культурных практиках и осознанного выбора собственной формы (или форм) идентификации в поликультурном пространстве.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в современной теории культуры в качестве концептуального определения сложной идентичности, а также научной модели исследования этнокультурной идентичности в процессах межкультурных отношений, поскольку был выполнен культурологический анализ феномена сложной идентичности и определены его категориальные значения в сфере теории и истории культуры.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что материалы, концептуальные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке теоретических аспектов в научных дисциплинах культурологии и социально-культурной антропологии. Кроме того, диссертация может служить основой для научно-исследовательских работ по анализу российской культуры в целом, государственной культурной политики, государственной национальной политики, современных этнокультурных отношений, а также для выявления сложных форм идентичности и этнокультурных оснований в условиях поликультурного развития российского общества на региональном и федеральном уровнях.

Предложенные в диссертационном исследовании выводы и рекомендации могут применяться в качестве методологической основы при экспертном анализе этнокультурных процессов на региональном уровне, для понимания современной российской этнокультурной карты, изучения эффективности региональных практик и процесса реализации национальной культурной политики, оценки роли институтов гражданского общества в системе межнациональных отношений. Кроме того, данное диссертационное исследование может быть использовано при разработке учебных программ и подготовке учебно-методических пособий по широкому спектру учебных дисциплин (культурология, социальная и культурная антропология, прикладная культурология, введение в исследования культуры, этнология, межкультурные коммуникации), различных спецкурсов по истории и теории отечественной культуры для студентов средних специальных и высших учебных заведений, аспирантов.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является использование двух доминирующих в современной отечественной культурологии подходов. В первом случае это теоретическое осмысление культуры как специфического феномена бытия человека и его взаимодействия с окружающим миром. Во втором – проведение эмпирических исследований с целью анализа полученных результатов для понимания контекстуально-временного и актуального значения сложных форм идентичности в современном поликультурном обществе.

В работе применены классические методы исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, методы фокус-группового интервью и другие. Кроме того, в числе основных методов активно используются факторный (со статистической обработкой данных в программе SPSS) и категориальный анализ, методики которых подробно описаны в п. 1.2.

В качестве эмпирической базы диссертационного исследования выступили:

– труды отечественных и зарубежных авторов, раскрывающие различные теоретические и методологические аспекты сложной идентичности как феномена культуры;

– научные публикации, изданные за последние двадцать лет в журналах, индексируемых Web of science & Scopus, и имеющие высокую цитируемость, по теме сложности этнокультурной идентичности как текстологическая база для анализа и моделирования ключевых понятий диссертационного исследования;

– краевые архивные документы по образованию и просвещению в Красноярском крае, по национальной культурной политике в советский и постсоветский периоды;

– современные стратегические документы в области культурной политики, национальной политики и межнациональным отношениям на федеральном и региональном уровнях;

– исторические данные о советском периоде государственной национальной и культурной политики союзного и краевого уровней;

– эмпирические данные, полученные в ходе проведения количественных культурологических исследований жителей Красноярского края;

– эмпирические данные, полученные в ходе проведения качественных культурологических исследований жителей Красноярского края;

– материалы полевых исследований в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на территории Красноярского края;

– тексты государственных программ Красноярского края в области национальной и культурной политики.

Таким образом, многогранность объекта и предмета диссертационного исследования определили необходимость применения междисциплинарной и комплексной методологической стратегии, складывающейся вокруг базовых культурологических методов и методик.

Апробация результатов диссертационного исследования была осуществлена:

1. В выступлениях автора на научно-практических конференциях, а также иных мероприятиях, среди которых в качестве основных следует выделить: заседание круглого стола «Диалог культур в пространстве

Красноярского края: дискуссии по актуальным проблемам межкультурных отношений» (октябрь 2009 года, г. Красноярск); заседания семинара «Теория и практика прикладных культурных исследований» (2010–2019 годы, г. Красноярск); Научно-практическая конференция «Проблемы сохранения и развития культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (2017 г.), Международная научная конференция «4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM» (2017 г.), Международные научно-практические конференции «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI в.: опыт и перспективы» (2016–2020 годы, г. Красноярск).

2. В публикациях, в которых излагаются основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук, в рецензируемых изданиях. Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 63 научных труда и учебных изданий общим объемом 60 п. л. (по данным на 2 апреля 2021 г.). Индекс Хирша Scopus, индекс Хирша РИНЦ 26, 1 перцентиль по ядру РИНЦ 1 (основная рубрика ГРНТИ 130000 Культура. Культурология).

3. В учебных изданиях по современной теории и методологии культуры, разделах коллективных монографий, посвященных исследованию региональной специфики культурных форм и процессов Красноярского края, а также реализованы в стратегическом документе по развитию северных и арктических территорий и мерах государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера Красноярского края.

4. В ходе реализации грантовых исследований: с 2010 по 2012 годы диссертант являлся участником Федерально-целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (проект «Культура коренных и малочисленных народов Севера в условиях глобальных трансформаций: Форсайт-исследование до 2050 г. на материале анализа якутского этноса»). Кроме того, диссертант являлся исполнителем проекта Фонда президентских грантов «Сохранение и защита самобытности и языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: создание корпуса

текстов современной детской литературы на ненецком, нганасанском и долганском языках» (2018 г.), образовательно-просветительского проекта «Семья народов Красноярского края», поддержанный управлением общественных связей Губернатора Красноярского края (2017 г., 2020 г.), а также грантовых проектов при поддержке АО Востсибнефтегаз «Возрождение эвенкийского языка» (2018 г.), «Актуальные способы сохранения эвенкийского культурного наследия» (2019 г.), поддержки Проектного офиса развития Арктики «Разработка научной модели и создание энцкой (энецкой) письменности как средства сохранения и воспроизводства энцкого (энецкого) культурного наследия» (2018 г.).

Диссертант систематически выступает исполнителем проектов грантовых программ Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности – всего 9 проектов за период с 2010 по 2021 год, направленных на изучение системы культуры Красноярского края как поликультурного пространства и практических моделей изучения современного состояния северных территорий региона. В настоящее время является исполнителем научного гранта «Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Енисейской Сибири» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (до 2022 г.).

5. В процессах преподавательской деятельности: с 01.10.2005 по настоящее время диссертант занимается преподавательской деятельностью в Сибирском федеральном университете. Материалы диссертационного исследования легли в основу содержания преподаваемых дисциплин: «теория и история культуры»; «культурология»; «социальная и культурная антропология», «основы научно-исследовательской деятельности».

Структура диссертационного исследования состоит из введения, пяти глав (16 параграфов), заключения, списка литературы и приложения. Список литературы включает 723 источника.

ГЛАВА 1 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «СЛОЖНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Первая глава посвящена концептуальной проблематике – формированию понятия «сложная идентичность» в современных социальных и гуманитарных науках на материале анализа зарубежных и отечественных исследований. Исторически определение термина состоялось в последней трети XX столетия в социологии и социальной психологии, однако далее его развитие шло благодаря междисциплинарным исследованиям, позволившим ученым выявлять сложные формы идентичности в условиях динамично меняющегося мира. В начале XXI века возрос интерес к идентичности как культурной проблеме, и обнаружилась необходимость ее изучения в контексте современной культуры, актуальных культурных практик и межкультурных отношений. Такая проблематика позволяет интегрировать существующие представления в концептуальное понятие «сложная идентичность» и выстроить приоритеты теоретико-культурного исследования в соответствии с современными социальными и культурными отношениями.

Основным здесь выбран метод обзорного сравнительного критического анализа, позволяющий проследить причины возникновения и линию развития указанного понятия в XX-XXI веках и направленный на теоретическое обоснование самого понятия и выделения проблематики сложной идентичности в междисциплинарном поле гуманитарных наук. Результатом применения метода станет выявление спектра существующих подходов и концепций в зарубежных и российских исследованиях XX – начала XXI века и формирование

концептуальных положений о сложной идентичности как социально-культурном феномене¹⁸⁶.

Первый параграф посвящен изучению понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках. Во втором параграфе диссертационной работы рассмотрена актуальность культурных исследований и предложена современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена. В третьем рассмотрена специфика теоретико-культурного понимания сложных форм этнической идентичности как разновидности социальной идентичности. В четвертом параграфе первой главы произведен анализ культурологической модели измерения сложной социальной идентичности в социально-культурных взаимодействиях.

¹⁸⁶ Данные материалы были представлены в статье: Замараева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

1.1 Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках

Теория социальной идентичности как концептуальный подход к формированию понятия «сложная идентичность».

Понятие «социальная идентичность» стало разрабатываться в науке в 1970-е годы в связи с изучением внутригрупповых отношений, групповых процессов и межгрупповых отношений, связанных с преследованиями различных этнических и социальных групп¹⁸⁷.

Одними из первых изучать межгрупповую враждебность стали Музафер и Кэролин Вуд Шерифы, которые в 1954 году провели полевое исследование под названием «Пещера грабителей» в лагере «Шерифы»¹⁸⁸. Эксперимент строился на основе формирования межгрупповых отношений между двумя ингруппами подростков. В ходе эксперимента была сформирована соревновательная фаза с обострением межгрупповой неприязни и интеграционный этап с достижением межгруппового сотрудничества. Ученые зафиксировали ряд особенностей: индивидуальные различия не существенны для возникновения межгруппового конфликта; враждебное и агрессивное отношение (негативное поведение) к внешней (аут)группе возникает вследствие соревнования за ресурсы, которых может достичь только одна группа; интеграционное взаимоотношение возникает только при поддержке позитивных межгрупповых отношений при наличии высших целей, которые способствуют объединенным, совместным действиям. Благодаря эксперименту Шерифов понятие «социальная группа» закрепилось в социальной психологии (в области межгрупповых процессов) и стало разрабатываться последователями: в *реалистической теории группового*

¹⁸⁷ Hornsey M.J. Social identity theory and self-categorization theory: A historical review // Social and Personality Psychology Compass. 2008. № 2 (1). P. 204–222.

¹⁸⁸ Sherif M. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment. Norman, OK: University Book Exchange, 1961. P. 150–198.

конflikта Дональда Томаса Кэмпбелла (Realistic conflict theory¹⁸⁹), где изучали феномен межгрупповой враждебности, в *теории социальной идентичности* межгруппового поведения (Social identity theory¹⁹⁰), разработанной польским социальным психологом Генри Тешфелем (Henri Tajfel) и его учеником, британским социальным психологом Джоном Чарльзом Тернером (John Charles Turner), и в *теории самокатегоризации* (Self-categorization theory¹⁹¹), впоследствии разработанной Джоном Тернером и его коллегами как сопутствующей теории социальной идентичности. Две последние теории, взятые вместе, известны как подход социальной идентичности¹⁹².

Теория социальной идентичности Генри Тешфеля.

Согласно данной теории все формы самовосприятия можно расположить в диапазоне от уникальной личности до члена группы. В каждый момент времени состояние человека соответствует определенной точке на этом континууме: оно может быть ближе к «личному» или к «групповому» полюсу. Иными словами, иногда человек рассматривает себя скорее как уникальную личность, а иногда – как члена группы. При высокой степени осознания собственной социальной идентичности индивид оказывается в сфере групповой идентификации.

Ключевым в теории социальной идентичности выступает положение о том, что люди имеют внутреннюю мотивацию и тенденцию видеть себя в одной или нескольких ингруппах, создавая часть своей идентичности на основе принадлежности к этой группе и устанавливая границы с другими. Идентификация с определенной группой необходима человеку, чтобы максимально повысить свое положительное отличие. Членство в группе дает индивидууму некие характеристики (отвечает на вопрос «кто мы») и положительную самооценку.

¹⁸⁹ Campbell D.T. Ethnocentric and other altruistic motives // Nebraska symposium on motivation. 1965. Т. 13. P.283–311.

¹⁹⁰ Tajfel H. Social Identity and intergroup behavior // Social Science Information. 1974. Т. 13. № 2. P. 65–93; Turner J.C., Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / S. Worchel (ed.). – Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. P. 276–293.

¹⁹¹ Turner J.C. Self-categorization theory and social influence // The psychology of group influence. 1989. P. 233–275.

¹⁹² Замаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

В течение 1970-х годов Г. Тешфел и Дж. Тернер, проверяя результаты полевого эксперимента Шерифов, проводят собственные исследования межгрупповых отношений и приходят к выводу, что посредством межгруппового взаимодействия активизируется уровень собственной самооценки как совокупности представлений себя и других в качестве членов той или иной группы, включая эмоциональные и оценочные последствия принадлежности к группе¹⁹³. Представление о своей (ингруппе), а не внешней группе (аутгруппе) продиктовано стремлением индивидуума к позитивной и безопасной самооценке. При этом реальность самой ингруппы возникает на границе позитивного сравнения с характеристиками внешней¹⁹⁴. В статье «Теория социальной идентичности межгруппового поведения»¹⁹⁵ авторы поясняют понятие «социальная группа»: «Мы можем концептуализировать группу в этом смысле как совокупность людей, которые воспринимают себя членами одной и той же социальной категории, разделяют некоторую эмоциональную вовлеченность в это общее определение себя и достигают определенной степени социального консенсуса относительно оценки своей группы и своего членства в ней. Исходя из этого, наше определение межгруппового поведения в основном идентично определению Шерифа: любое поведение, демонстрируемое одним или несколькими субъектами по отношению к одному или нескольким другим, основано на идентификации субъектами себя и других как принадлежащих к различным социальным категориям»¹⁹⁶. Сказанное означает, что социальное взаимодействие запускает механизм когнитивного функционирования со стороны субъекта: его способности дифференцировать, квалифицировать и упорядочивать социальную среду. О принципах формирования социальной идентичности авторы далее формулируют следующие теоретические положения: «Когнитивные

¹⁹³ Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // *Organizational identity: A reader*. Oxford university press, 1979. P. 56–65.

¹⁹⁴ Замаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

¹⁹⁵ Turner J. C., Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior [Электронный ресурс] // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986. P. 276–293. URL: <http://christosaiouannou.com/Tajfel%20and%20Turner%201986.pdf>

¹⁹⁶ Там же, с. 283.

способности не просто систематизируют социальный мир, но обеспечивают систему ориентирования на себя: они создают и определяют место индивида в обществе. Социальные группы, понимаемые в этом смысле, обеспечивают своим членам идентификацию себя в социальных терминах. Эти отождествления в значительной степени носят реляционный и сравнительный характер: они определяют индивида как схожего или отличающегося от членов других групп»¹⁹⁷, как «лучшего» или «худшего». Можно сделать предположение о том, что социальная идентичность индивидуума строится на тех аспектах самооценки, (упорядоченных в сознании как социальные категории), к которым он воспринимает себя принадлежащим. Во-первых, каждый индивид стремится поддерживать или повышать свою позитивную самооценку. Далее цитируем дословно: «Во-вторых, социальные группы (или категории) и членство в них связаны с позитивными или негативными контекстами. Следовательно, социальная идентичность может быть положительной или отрицательной в соответствии с оценками (как правило, социально согласованными либо внутри групп, либо между ними) самих групп. В-третьих, оценка собственной группы происходит со ссылкой на конкретные другие посредством сравнений с точки зрения ценностей и характеристик. Положительно противоречивые сравнения между ин- и аутгруппами дают высокий престиж; отрицательно несоответствующие приводят к низкому авторитету. Из данных предположений можно сформулировать некоторые теоретические принципы:

- индивиды стремятся к достижению или к сохранению позитивной социальной идентичности;

- позитивная социальная идентичность в значительной степени основана на благоприятных сравнениях, которые могут быть сделаны между ингруппами и некоторыми соответствующими аутгруппами, причем внутригрупповые должны восприниматься как положительно дифференцированные от соответствующих аутгрупп;

¹⁹⁷ Там же, с. 284–285.

– когда социальная идентичность неудовлетворительна, люди будут стремиться либо покинуть существующую группу и присоединиться к позитивно отличающейся, либо сделать свою группу более положительно различимой»¹⁹⁸.

Однако концептуализируя определение межгруппового сходства Г. Тешфел и Дж. Тернер уточняют: «существует как минимум три класса переменных, которые должны влиять на межгрупповую дифференциацию в конкретных социальных ситуациях. Во-первых, индивиды должны усвоить членство в группе как аспект самооценки (они должны быть субъективно идентифицированы с соответствующей группой). Во-вторых, социальная ситуация должна быть такой, чтобы можно было проводить межгрупповые сравнения, позволяющие выбирать и оценивать соответствующие реляционные атрибуты, поскольку не все различия между группами имеют оценочное значение, а только те, которые варьируются. В-третьих, индивиды сравнивают себя не с каждой когнитивно доступной внешней группой, а с воспринимаемой как группа сравнения. Сходство, близость и ситуативная значимость относятся к переменным, которые определяют внегрупповую сопоставимость, и давление на внутригрупповые различия должно увеличиваться в зависимости от этой сопоставимости. На данном этапе важно отметить, что во многих социальных ситуациях сопоставимость достигает гораздо более широкого диапазона, чем просто предполагаемое «сходство» между группами. Целью дифференциации является сохранение или достижение превосходства над группой в некоторых измерениях»¹⁹⁹.

Таким образом, теория социальной идентичности применяется при изучении коллективных внутригрупповых идентичностей: «Основой исследования послужила гипотеза о том, что индивиды определяют свою личную идентичность по отношению к социальным группам, а социальная идентичность важна для защиты и поддержки самоидентификации. Благодаря социальной идентичности индивид имеет коллективную, обезличенную идентификацию, основанную на

¹⁹⁸ Там же, с. 285.

¹⁹⁹ Там же, с. 286.

осознании своей принадлежности к группе²⁰⁰. Генри Тешфел подтвердил свою идею о том, что социальный мир осознается индивидом как разделенный на разные группы²⁰¹. В социуме индивид классифицирует (упорядочивает) социальную среду и самокатегоризируется внутри некоторых групп (по статусу, возрасту, полу, профессии, конфессии, образованию и так далее) с целью лучшего определения собственного положения в обществе. Чем больше сходств (отождествлений) индивид обнаруживает с той или иной категорией, тем большую ценность для него имеет группа»²⁰².

Итак, в широком смысле понятие «социальная идентичность («social identity)» означает восприятие человеком себя как члена социальной группы. Осознание групповой принадлежности формируется в представлении о себе, которое можно условно распределить на два уровня: личную и социальную идентичность. Личная идентичность заключается в восприятии человеком себя как уникального, отличного от других индивида, и все характеристики говорят об этой «особости»: черты личности, способности, хобби и так далее. Социальная идентичность – восприятие человеком себя как члена группы, имеющего сходство с другими в ней. Каждый человек обладает несколькими социальными идентичностями (профессиональной, гендерной, политической, конфессиональной и т.д.), что влияет на формирование личной (или «Я») - концепции, поскольку социальное окружение определяет самоощущение индивида, а его забота о себе мотивирует социальное поведение.

Труд Генри Тешфеля о социальной идентичности²⁰³ и теория самокатегоризации Джона Тернера²⁰⁴ стали основой для изучения идентичности, которую понимали как результат осознания человеком своего членства в группе и как «минимальное условие для возникновения межгруппового поведения» (см.

²⁰⁰ Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M. S. Rediscovering the social group: A self-categorization theory. Oxford, England: Basil Blackwell, 1987. 256 p.

²⁰¹ Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge university press: Cup Archive, 1981. 384 p.

²⁰² Замаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

²⁰³ Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge university press, 1982. 523 p.

²⁰⁴ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in Group Processes: Theory and Research / E.J. Lawler (Ed.). 1985. Т. 2. P. 77–122.

Брюэр²⁰⁵). Анализировать межгрупповое поведение с помощью понятия «социальная идентичность» необходимо, учитывая одновременно индивидуальный и групповой уровни (см. Браун²⁰⁶). Согласно ключевым положениям данной теории, концепция «Я» состоит из взаимосвязи личной идентичности с множеством социальных, которые в совокупности и формируют личность, становятся основой для самоопределения в ситуациях существенного сравнения между «Они» и «Мы». Социальная идентичность есть способность человека относить как себя, так и окружающих к тем или иным социальным категориям, основываясь при этом на восприятии своих и чужих черт и атрибутов. Каждый индивид имеет некие социальные характеристики, по которым можно определить соответствующие ингруппы и согласно которым человек структурирует свою социальную идентичность и самоопределяется как член той или иной группы.

Теория социальной идентичности объясняла «социальное поведение в части межгрупповой расовой и этнической дискриминации, враждебного отношения между группами неравного статуса. Разрабатывая свою теорию, Г. Тешфел и Дж. Тернер постепенно развернули интерес социологов в сторону понимания межгруппового отношения как процесса, который регулируется «социально-структурными переменными»: межгрупповое поведение во многом определяется субъективными впечатлениями людей о том, где они находятся в иерархии статуса, власти, и их впечатлениями о проницаемости, стабильности и легитимности этой иерархии. Однако ученые понимали невозможность исследования межгрупповых отношений или межгруппового конфликта высокого уровня посредством анализа минигруппы и признавали, что существует разрыв между теоретическим и методологическим подходом к изучению социальной идентичности»²⁰⁷.

²⁰⁵ Brewer M.B. Intergroup relations // *Advanced social psychology: The state of the science* / R.F. Baumeister, E.J. Finkel (Eds.). Oxford University Press, 2010. P. 535–571.

²⁰⁶ Brown R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges // *European journal of social psychology*. 2000. Т. 30. №. 6. p. 745–778.

²⁰⁷ Zamaraeva Y.S., Koptseva N.P. History of complex identity research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. 2020.Т. 13.№ 7. P. 1216–1229.

Развивая теорию социальной идентичности, Г. Тешфел и Дж. Тернер начали исследовать межгрупповое поведение, объясняя его с помощью понятия «групповая идентификация», что означает процесс понимания индивидом своей принадлежности к какой-то группе и переживание позитивных эмоций. Чем ближе индивид находится к групповому полюсу, тем сильнее его социальная идентификация. Но групповые идентичности индивида могут быть очень разными и варьируются в зависимости от индивидуального восприятия этих групп (от биологического или психологического пола, сексуальной ориентации до политических или спортивных пристрастий). Видов социальной идентичности у одного человека может быть множество, но принцип ее действия одинаков: при идентификации с какой-либо группой индивид вступает с ней в психическую связь и его психологическое состояние зависит от того, в каком положении находится эта группа.

Социальное поведение варьируется от межличностного до межгруппового (так называемый межличностно-межгрупповой континуум), и, следовательно, межличностное и межгрупповое поведение есть две крайние точки социального поведения, основная характеристика которого заключается в том, что в соответствующих межгрупповых ситуациях индивиды будут взаимодействовать исходя не из их индивидуальных характеристик или межличностных отношений, а как представители групп, находящиеся в определенных отношениях с представителями других групп.

Определяют социальное поведение факторы «*социальная мобильность*» и «*социальные изменения*», они касаются представлений людей о природе и структуре отношений между социальными группами в их обществе. Система убеждений «социальная мобильность» основана на предположении, что общество является гибким и проницаемым, так что если люди по какой-либо причине не удовлетворены условиями, навязанными им членством в социальных группах или категориях, к которым они принадлежат, они могут (будь то благодаря таланту, трудолюбию, удаче или другим средствам) индивидуально перейти в другую группу, которая подходит им больше. Это можно охарактеризовать как

эволюционный индивидуализм: когда успешный человек, стартовав с низкой ступени социальной лестницы, делает карьеру, он обязательно покидает свою группу, принимаясь следующей (более высокого статуса) и беря с собой только близкую семью и вряд ли кого-то еще. Система убеждений «социальные изменения» подразумевает, что структура отношений между социальными группами в обществе характеризуется выраженным расслоением, что делает невозможным или очень трудным для отдельных лиц, инвестировать в себя ненадежное, недооцененное или стигматизированное членство в группе. Экономические или социальные реалии могут становиться такими (как например, во время депрессии в США 1930-х годов), что невозможно «выбраться» самостоятельно, и это становится повседневной реальностью, определяющей формы межгруппового социального поведения. Социальные ситуации, по каким-либо причинам содержащие сильные элементы стратификации и воспринимаемые как таковые, могут «сдвигать» социальное поведение от полюса межличностных к полюсу межгрупповых паттернов. Это относится как к группам, которые «превосходят» в социальной системе, так и к тем, которые «уступают». Очевидно, следует ожидать заметной корреляции между степенью объективной стратификации (как бы она ни измерялась), социальной диффузией и интенсивностью системы убеждений «социальные изменения».

Вторая пара понятий касается последствий социального поведения, склоняющихся либо к межличностному, либо к межгрупповому континууму: изменчивость или единообразие поведения относительно соответствующих внешних групп. Это можно описать следующим образом: чем ближе члены группы находятся к экстремуму «социальные изменения» континуума систем убеждений и межгрупповому экстремуму континуума поведения, тем больше единообразия они проявляют в отношении к членам соответствующей внешней группы. Смещение к противоположным крайностям обоих континуумов будет, соответственно, связано с большей внутригрупповой изменчивостью межгруппового поведения. Вместе с тем «однорупники» будут склонны относиться к членам внешней группы как к недифференцированным элементам

единой социальной категории, а не с точки зрения их индивидуальных характеристик. Обширная литература по социальной психологии о функционировании групповых стереотипов в ситуациях межгрупповой напряженности является не более чем примером этого общего утверждения. Данная концептуализация представляет собой подход к психологии межгрупповых отношений, учитывающий социальные реалии, а также их отражение в поведении людей через посредство социально разделяемых систем убеждений.

Таким образом, с помощью понятия «групповая идентификация» ученые объяснили причины переосмысления социального статуса как результата межгруппового сравнения. Генри Тешфел, обобщив исследования по указанной проблеме, предложил классификацию стратегий защиты социальной идентичности, в которых содержатся любые оценки или действия, позволяющие индивиду сформировать позитивное представление об ингруппе. Далее приведен литературный перевод цитаты из научного исследования Г. Тешфеля и Дж. Тернера:

«Индивидуальная мобильность – переход в новую позитивно оцениваемую социальную группу и, благодаря этому, освобождение от негативной идентичности. В этом случае человек меняет членство, отказываясь от негативной социальной идентичности в прежней группе. Однако для того, чтобы эта стратегия состоялась, необходимо, чтобы члены другой группы (в которую переходит индивид) восприняли его как «своего». Низкий субъективный статус не способствует межгрупповой конкуренции напрямую, его влияние на межгрупповое поведение опосредовано процессами социальной идентичности. Чем ниже субъективная статусная позиция группы по отношению к соответствующим группам сравнения, тем меньше вклад, который она может внести в положительную социальную идентичность. Стратегия индивидуальной мобильности выявляется тогда, когда человек пытается покинуть прежнюю группу или отделиться от нее с целью перейти в группу с более высоким

статусом. То есть индивидуальная мобильность подразумевает дезидентификацию с бывшей группой.

– Коллективная мобильность – привлечение других людей для того, чтобы помочь ингруппе. Эта стратегия реализуется в различных действиях, направленных на повышение ингруппового статуса: создании организаций и движений, уличных акциях, лоббировании интересов ингруппы в органах власти и т.д. Данная стратегия эффективна, однако трудна для реализации. Это должны быть долговременные усилия большого количества людей.

– Социальное творчество – переоценка особенностей и положения своей группы. Это сугубо когнитивная стратегия, в отличие от двух предыдущих, поскольку там требуются действия. При этой стратегии человек приписывает ингруппе новые характеристики, дает более позитивную оценку уже имеющимся, использует другой критерий сравнения с аутгруппой (активность, трудоспособность и т.д), оценивает по качествам. Члены группы могут стремиться к позитивному различению внутри нее путем переопределения или изменения элементов сравнительной ситуации. При этом не требуется никакого изменения фактического социального положения группы или доступа к объективным ресурсам по отношению к аутгруппе. Это групповая, а не индивидуалистическая стратегия, которая может сосредоточиться на следующем:

(а) сопоставление внутренней группы с внешней группой в каком-то новом измерении. Например, Дж. Лемейн (1966) обнаружил, что детские группы, которые не могут выгодно сравнивать себя с другими с точки зрения строительства хижины, потому что им были назначены более плохие строительные материалы, чем тем, кто находился вне группы, стремились найти другие аспекты сравнения, включая новые сооружения²⁰⁸. Проблемы здесь, связаны с узакониванием (легитимацией) ценности, придаваемой новым социальным продуктам – сначала в своей, а затем в других участвующих (вовлеченных) группах. В той степени, в которой эта легитимация может

²⁰⁸ Lemaire G. Inégalité, comparaison et incomparabilité: esquisse d'une théorie de l'originalité sociale // Bulletin de psychologie. 1966. T. 20. P. 24–32.

угрожать превосходству самобытности внешней группы, можно прогнозировать рост межгрупповой напряженности;

(б) изменение значений атрибутов группы, так, чтобы сравнения, которые ранее были отрицательными, теперь воспринимались как положительные. Классический пример: «черное прекрасно». Цвет кожи остается тем же самым, но преобладающая система ценностей относительно него отклонена и полностью изменена. Тот же процесс может лежать в основе вывода Д. Пибоди (1968), обнаружившего, что даже когда различные группы сходятся во мнении относительно неких своих характеристик, они оцениваются группой, обладающей ими, более позитивно²⁰⁹;

(в) изменение внешней группы (или выбор аутгруппы), с которой сравнивается внутренняя, в частности, отказ от использования внешней группы с высоким статусом в качестве сравнительной системы отсчета. Там, где нет сравнения с группой высокого статуса, соответствующая неполноценность должна уменьшаться, а самооценка – восстанавливаться. В классической работе Хаймана (1942) по психологии статуса высказано предположение, что недовольство среди членов групп с низким статусом уменьшается до такой степени, что проводятся внутриклассовые, а не межгрупповые сравнения. В следующих публикациях (см. Кац, 1964; Лефкур и Ладвиг, 1965) отмечено, что при определенных обстоятельствах на производительность чернокожих негативно влияла низкая самооценка, вызванная присутствием членов доминирующей внешней группы. Из этого следует, что чувство собственного достоинства может быть повышено путем сравнения с группами более низкого статуса, а не более высокого. Это согласуется с тем фактом, что конкуренция между подчиненными группами иногда более интенсивна, чем между подчиненными и доминирующими, например, расизм низшего класса («бедных белых»). Причинно-следственная зависимость будет такова: сходные группы сравниваются друг с другом; результат определяет их относительный престиж; воспринимаемая

²⁰⁹ Peabody D. Group judgments in the Philippines: Evaluative and descriptive aspects // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. Т. 10. №. 3. P. 290.

разница в статусе уменьшает их сходство и, следовательно, сопоставимость; межгрупповые сравнения прекращаются; нарастает субъективное превосходство и снижение значимости; соответственно, самооценки групп возвращаются к первоначальной точке. В некоторых случаях, этот социально-психологический рецепт поддержания статус-кво можно наблюдать в его чистой форме»²¹⁰.

В подходе к социальной идентичности Г. Тешфеля и Дж. Тернера межгрупповые отношения можно условно разделить на три процесса, создающих менталитет внутри группы:

– социальную категоризацию, в ходе которой происходит классификация и идентификация окружающих (здесь и сейчас) людей. Осознавая, к каким категориям индивид сам себя причисляет, он может понять что-то о себе и определить соответствующее поведение по аналогии с группами, к которым он и другие принадлежат, причем индивид может принадлежать нескольким группам одновременно;

– социальную идентификацию, благодаря которой индивид принимает идентичность группы и действует в рамках распространенных там норм. Как следствие идентификации с группой у индивида развивается эмоциональная значимость этой идентификации, и его самооценка становится зависимой;

– социальное сравнение, необходимое для сохранения самооценки на основании выгодного сравнения ингруппы индивида с его аутгруппами. Данный процесс помогает объяснить предрассудки и дискриминацию, поскольку группа склонна негативно относиться к членам конкурирующих групп, чтобы повысить самооценку.

Члены групп, между которыми происходит сравнение, будут стремиться: отдать предпочтение ингруппе перед внешней; максимизировать различия между ингруппой и аутгруппой (необходимо поддерживать различие между группами, если один человек предпочитает свою группу другой); минимизировать

²¹⁰ Цит. по Turner J.C., Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior [Электронный ресурс] // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. P. 276–293. URL: <http://christosaioannou.com/Tajfel%20and%20Turner%201986.pdf>

восприятие различий между членами группы (это увеличивает внутригрупповую сплоченность); помнить больше положительной или отрицательной информации о группе.

Таким образом, концептуальное понятие «сложная идентичность» складывается из двух: социальная идентификация и социальная идентичность. Социальная идентификация – это навык распознавания и обнаружения в процессе межличностных или межгрупповых отношений отличий и сходств с другими людьми или группами. Предпосылкой к идентификации, как правило, служит эмоциональное переживание встречи с неким иным, сопровождаемое шоком, стрессом, что служит стимулом для обнаружения тождества по определенным признакам или его отсутствия. В качестве признаков выступают естественные (биологический пол) или искусственные (этнические, национальные, религиозные, профессиональные, территориальные, этнические) маркеры. В процессе распознавания происходит положительное, отрицательное или смешанного качества отождествление. Вектор определяется согласно факторам: ориентация на цели и ценности иных (человека, группы, групп) приводит к осознанию желания «быть похожим» или «быть таким же как»; неприятие, неприязнь, конфликт интересов, целей и ценностей ведут к отрицательному переживанию (страху, тревоге) и нежеланию продолжения контакта; открытость, готовность к взаимодействию, выборочное отождествление с ценностями, деятельностью и атрибутами – сложная комбинация, которая, однако, позволяет индивидууму быть соучастником множества различных социальных групп. С одной стороны, посредством социальной идентификации происходит самоидентификация и самооценка, формирование субъективных представлений в межличностных и межгрупповых отношениях. С другой стороны, в процессе социального восприятия иных групп происходит их категоризация, ранжирование на доминантные и подчиненные и распределение на «свои» (ингруппы) и «чужие» (аутгруппы). Окончанием процесса идентификации становится идентичность – сформированное представление и выражение свойств личностной и групповой принадлежности. Таким образом, социальная идентификация – это рефлексивная

область самоопределения, а также процесс комбинирования (категоризации) в простые или сложные формы множественных социальных идентичностей, а «социальная идентичность – итог взаимодействия личной идентичности и множества социальных, признанность определенных групп как идентичных себе»²¹¹, представление о своей социальной идентичности в суммированном или интегрированном качестве. Разность качества зависит от степени воспринимаемого пересечения идентифицируемых групп: при сильном пересечении складывается простая форма социальной идентичности, при меньшем – сложная форма в бифуркации собственных групповых идентичностей. Социальная идентичность может носить временный характер из-за потребности в социальной мобильности и вследствие изменений в окружающей реальности.

Согласно теории социальной идентичности любой человек обладает как личной, так и социальными идентичностями, то есть может воспринимать себя и как уникальную личность, и как члена группы (групп). При этом если индивид воспринимает себя как члена группы, то он ощущает свою связь с нею, и его собственное благополучие, а также представление о себе и самооценка зависят от того положения, в котором находится группа. Если группа попадает в сложную ситуацию и социальная идентичность индивида оказывается под угрозой, то он стремится защитить свою группу, сделать собственную идентичность более позитивной, используя специальные стратегии. Теория социальной идентичности весьма существенно повлияла на прикладные социальные науки, в том числе на организационную психологию в части разработки темы межгрупповых отношений по групповой динамике. Так, Матиас Бланц предложил пять групп специальных стратегий, которые использует индивид для защиты своей социальной идентичности: изменение уровня категоризации (индивидуация, рекатегоризация в общую группу и в подгруппу); изменение критерия сравнения (изменение оценки критерия, выбор нового критерия); изменение статусных отношений (реальная и символическая конкуренция); изменение объекта

²¹¹ Brewer M.B., Pierce K.P. Social identity complexity and outgroup tolerance/ M. B. Brewer, K.P. Pierce // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. Т. 31. №. 3. P. 428–437.

сравнения (выбор новой группы, временное сравнение и сравнение со стандартами); изменение ингруппы (индивидуальная мобильность, ассимиляция)²¹².

Следующим исследовательским шагом будет анализ основных концептуальных положений теории самокатегоризации, которая благодаря различению индивидуальной и социальной идентичности и глубинному изучению процесса активации внутренних идентичностей оказала значительное влияние на формирование понятия «сложная идентичность».

Теория самокатегоризации Джона Чарльза Тернера

Ключевой в формировании социальной идентичности и влиянии на «Я-концепцию» выступает социальная идентификация, вследствие которой субъективные идентичности формируются членством в группах. Джон Тернер с 1980-х годов продолжает разработку подхода к социальной идентичности путем изучения процесса индивидуальной идентификации (самокатегоризации) и ингруппового поведения.

Основная идея, легшая в теорию самокатегоризации, заключается в том, что социальная идентификация представляет собой субъективный процесс, посредством которого присваиваются внешние различия в категориях и принимаются внутригрупповые характеристики, позволяющие определить себя. Сторонники этой теории полагают, что люди стремятся видеть мир понятным, контролируемым и предсказуемым. Чтобы появилось такое ощущение, индивиды формулируют представления о мире, в том числе о людях, которые в нем живут. Тем самым теория самокатегоризации объясняет специфику социальной идентичности как самокатегоризацию более сложного (инклюзивного) уровня. Вопрос о самокатегоризации, которая обеспечивает учет социального влияния, подробно изучен в трудах Дж. Тернера и его коллег (см. 1982²¹³, 1985²¹⁴, 1987²¹⁵, 1991²¹⁶, 1994²¹⁷, 1998²¹⁸, 1999²¹⁹).

²¹² Blanz M. Strategic responses to negative social identity: An empirical systematization of field data // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Т. 28. P. 697–729.

²¹³ Turner J.C. Toward a cognitive redefinition of the social group // *Social Identity and Intergroup Relations* / H. Tajfel (ed.). Cambridge University Press, 1982. P. 15–40.

«Исходя из основных положений когнитивной психологии Дж. Тернер и его коллеги определили, что теория самокатегоризации может позволить увидеть квалификацию «я» на разных уровнях абстракции²²⁰. Люди могут квалифицировать себя как единое «Я» (личная идентичность) или как более сложное «Мы» (социальная идентичность). Последняя возникает при условии, что «Я» когнитивно сгруппировано как идентичное и взаимозаменяемое с другими стимулами в этой категории. В межгрупповых явлениях именно данный тип самокатегоризации основной. Сложность социальной идентичности растет при повышении уровня абстракции: средний уровень абстракции соответствует социальному «Я», где воспринимающее я классифицируется как «Мы» по сравнению с заметной аутгруппой (Они); самый высокий уровень абстракции представлен большой аутгруппой и может быть именован как «человечество». Изменение в самокатегоризации возникает в условиях расширения сравнительного контекста и на более высоком уровне абстракции»²²¹.

Восприятие себя и других людей складывается на личном, групповом и общечеловеческом уровнях. На первом индивид воспринимает себя и (других) как индивидуальность с присущими ей уникальными характеристиками, которые отличают одного человека от всех остальных. На втором уровне индивид воспринимает себя и других как членов определенных социальных групп: делит всех на ин- и аутгруппу, и причисляет себя к одной из групп (гендерных, возрастных, профессиональных, национальных). На третьем уровне индивид

²¹⁴ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E.J. Lawler (ed.). Psychology press, 1985. Т. 2. P. 77–122.

²¹⁵ Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford, England: Basil Blackwell, 1987. 256 p.

²¹⁶ Turner J.C. *Social influence*. Milton Keynes: Open University Press, 1991. 206 p.

²¹⁷ Turner J.C. et al. Self and collective: Cognition and social context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Т. 20. №. 5. P. 454–463.

²¹⁸ Turner J.C. et al. Social identity, personality, and the self-concept: A self-categorization perspective // *The Psychology of the Social Self* / T.R. Tyler, R.M. Kramer, O. P. John (eds.). Psychology press: New York and hove, 1998. P. 11–46.

²¹⁹ Turner J.C. Some current issues in research on social identity and self-categorization theories // *Social identity: Context, commitment, content*. 1999. Т. 3. №. 1. P. 6–34.

²²⁰ Turner J.C., Oakes P.J. The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence // *British Journal of Social Psychology*. 1986. Т. 25. №. 3. P. 237–252.

²²¹ Замаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

воспринимает всех людей как одно большое сообщество, как существ, у которых есть общие особенности, делающие их людьми.

Межгрупповые отношения возникают на втором уровне восприятия. Разделение на разные социальные группы происходит на основе понимания того, какие люди к каким группам принадлежат. Чтобы это стало возможным, у индивида должны быть некоторые представления об этом. В индивидуальном сознании такие представления хранятся в виде схем, примеров и прототипов. Схема – это совокупность особенностей, которые приписываются членам целой социальной группы. Примеры – это описания конкретных представителей социальной группы. Прототип – это описание наиболее яркого, настоящего, как индивиду кажется, члена социальной группы (эталонный представитель, собирательный образ члена группы). Схемы и прототипы задают так называемую общую тенденцию категории. Они описывают специфические характеристики, которыми обязательно должен обладать каждый член группы или подавляющее большинство. Примеры позволяют уточнить и/или дополнить характеристики, по которым члены внутри одной группы могут различаться. Тем самым внутри социальной категории содержатся индивидуальные (личные) схемы, примеры и прототипы, и при встрече с реальным представителем происходит его категоризация (сравнение) с характеристиками, заложенными в сознании. Чем больше обнаруживается сходств в индивидуальном восприятии, тем больше вероятности отнесения отдельного представителя к конкретной социальной группе. Характеристиками для категоризации могут быть как внешние особенности (строение лица, фигуры, цвет кожи, прическа, одежда), так и психологические (черты, ценности, поступки, совершенные человеком). При этом в процессе категоризации окружающих людей индивид ориентируется на внешние признаки и/или выражаемые вовне черты. Согласно М.Дж. Хорсни, автору критического обзора теорий социальной идентичности, при социальной категоризации должен соблюдаться принцип метаконтраста: «нескольких человек можно отнести к одной категории, если различие между ними меньше, чем их

отличие от членов другой категории, присутствующих в данной ситуации»²²². То есть категоризация происходит на основании хорошо заметных индивидуальных различий. Это могут быть различия по внешности или по взглядам, которые эти люди выражают, или по поступкам, которые они совершают. Если же таких явных, заметных различий нет, то индивид будет выбирать какую-то другую категорию, иной принцип деления людей.

Восприятие и категоризация окружающих происходит по тем социальным категориям, набор которых имеется у индивида. При этом в каждый момент времени он использует только один принцип категоризации: делит людей на мужчин и на женщин, на пожилых и молодых, взрослых и детей, религиозных и нерелигиозных, консерваторов и либералов, людей с разной профессиональной принадлежностью или разного достатка. Данный принцип можно уподобить «принципу функционального антагонизма, согласно которому в каждый момент времени индивид может использовать только один уровень самокатегоризации и категоризации других людей»²²³: делить окружающих по конкретной стране проживания (жители Франции, Англии, России, Украины, США, Исландии и так далее) либо по более крупным блокам (жители Евросоюза в целом или США). Одновременно применить разные категории невозможно. Существует несколько путей, по которым идет выбор. Во-первых, категория должна соответствовать особенностям людей, которые находятся вокруг (так, светловолосые будут скорее отнесены в категорию «жители Северной Европы», нежели «жители Африки»). Во-вторых, в момент категоризации используются те характеристики, которые позволяют в данной ситуации разделить людей на членов ингруппы или аутгруппы (например, в однополном окружении половой признак будет заменен на профессиональный или возрастной). В-третьих, чаще всего используются легко доступные критерии, связанные как с индивидуальными предпочтениями, так и с тем, что обсуждается в окружении. Индивидуально воспринимают окружающих по ряду различий (гендерных, профессиональных, социально-экономических и

²²²Hornsey M.J. Social identity theory and self-categorization theory: A historical review // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. № 2 (1). P. 210–222.

²²³ Там же, с. 215

т.п.), которые отражают важные для индивида категории. Другой тип предпочтений связан с доминирующими в окружении мнениями (так называемый социальный дискурс, которому свойственно категориальное различие людей по гендерному признаку, сексуальной ориентации или расовым, этническим особенностям). Таким образом, социальные категории, которые использует индивид здесь и сейчас, зависят от его индивидуальных особенностей, от социального дискурса, от характера социального взаимодействия и от принципа деления на социальные группы. Индивид избирает категорию, производит социальную категоризацию, делит окружающих людей на какие-то группы и к одной из них относит себя.

Процесс социальной категории влияет на восприятие не только окружающих людей, но и самого индивида. С одной стороны, благодаря социальной категоризации индивид начинает воспринимать себя похожим на других членов своей группы, а других людей похожими на членов тех групп, к которым они принадлежат. Чувство групповой принадлежности возникает при большем соответствии представлений о себе и о своей группе и усиливается при сравнении и обнаружении различий с другой группой. Поляризация в восприятии формирует позитивное восприятие своей группы, чем других групп.

Теория самокатегоризации Тернера раскрывает сложность социальной идентичности посредством трех уровней, которые важны для самооценки: высшая категория – личность как человек (человеческая идентичность), средний уровень – личность как член социальной группы, как это определено в отношении других групп (социальная идентичность), а также подчиненный уровень самокатегоризации на основе межличностных сравнений (личностная идентичность). При этом предполагается, что между уровнями самоопределения существует функциональный антагонизм: один уровень становится более заметным, а другие менее. В вопросе о существовании доминирующей идентичности, которая является основной для множественной социальной идентичности, можно привести гипотезу о том, что доминанта возникает вследствие изменения контекста и определяется в зависимости от

воспринимающего. Например, различие по категориям, скорее всего, будет иметь высокую степень соответствия, если социальное поведение и принадлежность к группе соответствуют стереотипным ожиданиям (нормативная пригодность). Кроме того, категории с большей или меньшей вероятностью могут служить основой для самоопределения, если они более или менее доступны в данный момент. Категории могут быть быстро доступны, если они запрограммированы в данной ситуации, или хронически доступны, если их часто активировать или если люди мотивированы к их использованию. Групповая идентичность не только описывает, что значит быть членом группы, но и предписывает, какие виды отношений, эмоций и поведения подходят в данном контексте.

Таким образом, согласно определению Д. Тернера, «социальная идентичность» имеет прямое отношение к механизму социально-психологического воздействия в межгрупповом поведении. Межгрупповое отношение может изменять поведение членов на индивидуальном уровне (менять самоидентификацию или часть своей самооценки, основанной на знании и эмоциональной привязанности к группе). Теория социальной идентичности позволяет объяснять и делать прогнозы о межгрупповом поведении на основе видимых различий в статусе группы, воспринимаемой легитимности и стабильности этих различий в статусе, а также предполагаемой способности переходить из одной группы в другую. Положения Д. Тернера стали фундаментом для развития теорий социального влияния и групповой поляризации (внутригруппового влияния), в которых предполагается функциональное взаимодействие между психологическими и социальными процессами²²⁴.

Теория самокатегоризации во многом получила развитие благодаря совместным разработкам Дж. Тернера, С.А. Хаслама (1994²²⁵, 1995²²⁶,

²²⁴ Turner J.C., Oakes P.J. The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence // *British Journal of Social Psychology*. 1986. Т. 25. №. 3. P. 237–252.

²²⁵ Turner J.C., Oakes P.J., Haslam S.A., McGarty C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Т. 20. №. 5. P. 454–463.

²²⁶ Haslam S.A., Oakes P.J., Turner J.C., McGarty C. Social categorization and group homogeneity: Changes in the perceived applicability of stereotype content as a function of comparative context and trait favourableness // *British Journal of Social Psychology*. 1995. Т. 34. №. 2. P. 139–160.

1996²²⁷, 1997²²⁸, 2004²²⁹, 2011²³⁰), Р.С. Оронато (2004²³¹), К.Дж. Рейнольдса (2006²³²). Согласно этому подходу, категоризация людей не сводится просто к повторному описанию характеристик и категорий, присутствующих в социальных стимулах. Скорее, такие категории составляют основу социального мира, обогащенного смыслом. Это достигается через неосознанный процесс акцентуации, в котором подчеркиваются различия между социальными категориями и сходства внутри них: «Полученное в результате увеличение социального содержания позволяет воспринимающему взаимодействовать с другими с большей уверенностью и легкостью. Иными словами, функция сравнительного контекста играет роль как при персональной идентификации (когда индивидуум самоидентифицирует себя при сравнении с другим человеком), так и в случае социальной идентификации при расширении сравнительного контекста»²³³, когда, например, группа женщин отличает свою ингруппу от внешней группы мужчин (см. С.А. Хаслам²³⁴).

Согласно рассматриваемой теории процесс социальной категоризации — это классификация людей по разным социальным группам. В ходе этого процесса индивид классифицирует как окружающих его людей, так и самого себя, а в результате начинает воспринимать себя тоже как члена какой-то социальной группы. Для того чтобы процесс социальной категоризации произошел, индивиду нужны социальные категории. Когда социальная категоризация и самокатегоризация в одной из групп произошла, индивид начинает иначе

²²⁷ Haslam S.A., Oakes P.J., Turner J.C. Social identity, self-categorization, and the perceived homogeneity of ingroups and outgroups: The interaction between social motivation and cognition // *Handbook of Motivation and Cognition: The Interpersonal Context*, Handbook of Motivation and Cognition / R. Sorrentino, Ed. Higgins (eds.). The Guilford Press, 1996. Т. 3. P. 182–222.

²²⁸ Haslam S.A. Stereotyping and social influence: Foundations of stereotype consensus // *The Social Psychology of Stereotyping and Group Life* / R. Spears, P.J. Oakes, N. Ellemers [et al.] (eds.). Oxford: Blackwell, 1997. P. 119–143.

²²⁹ Haslam S.A. *Psychology in Organizations*. London: SAGE Publications, 2004 (first ed. published 2001). 336 p.

²³⁰ Haslam S.A., Reicher S.D., Platow M.J. *The new psychology of leadership: Identity, influence and power*. New York, NY: Psychology Press, 2011. 296 p.

²³¹ Onorato R.S., Turner J.C. Fluidity in the self- concept: the shift from personal to social identity // *European journal of social psychology*. 2004. Т. 34. №. 3. P. 257–278.

²³² Reynolds K.J., Turner J.C. Individuality and the prejudiced personality // *European review of social psychology*. 2006. Т. 17. №. 1. P. 233–270.

²³³ Замаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

²³⁴ Haslam S.A., Reicher S.D., Platow M.J. *The new psychology of leadership: Identity, influence and power*. New York, NY: Psychology Press, 2011. 296 p.

смотреть на окружающий его мир. Он выделяет у себя и своих одноклассников те черты, которые свойственны этой группе в целом, а у членов других сообществ те черты, которые свойственны, как ему кажется, их сообществу. При этом индивид старается провести четкое различие между своей и другой группой. Это различие часто построено в отношении ингруппы, индивид приписывает своей группе более позитивные особенности, чем членам чужой группы. В теории категоризации такое различие предполагает возможное возникновение последующего межгруппового конфликта.

Одной из заслуг теории социальной идентичности является объяснение роли стереотипов: они выполняют социальную функцию в том смысле, что помогают объяснить социальный мир и узаконить прошлые и текущие действия внутри группы. Другими словами, стереотипирование – это процесс поиска смысла, заключенного в социально-историческом контексте (см. П.Дж. Оукс²³⁵; С.А. Хаслам²³⁶; Г. Тешфел²³⁷). Стереотипы возникают в «горячем» социальном контексте. Например, модель контента стереотипа (см. С.Т. Фиске²³⁸) утверждает, что содержание стереотипов зависит от структурных отношений между группами в отношении к статусу и конкуренции. Что касается понятия «деиндивидуализация», то оно в контексте теории понимается не как потеря идентичности, а скорее, как сдвиг идентичности с личного на социальный уровень. Следствием этого будет то, что люди станут более чувствительными и восприимчивыми к норме, подразумеваемой контекстом, который может быть анти- или просоциальным.

В теории самокатегоризации разработаны понятия «деперсонализация» и «самостереотипирование», которые представляет собой процесс, когда человек

²³⁵ Oakes P.J., Turner J.C., Haslam S.A., McGarty C. Self and collective: Cognition and social context / P. J. Oakes [et al.] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. Т. 20. №. 5. P. 454–463.

²³⁶ Haslam S. A. Stereotyping and social influence: Foundations of stereotype consensus // *The Social Psychology of Stereotyping and Group Life* / R. Spears, P. J. Oakes, N. Ellemers [et al.] (eds.). Oxford: Blackwell, 1997. P. 119–143.

²³⁷ Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge university press: Cup Archive, 1981. 384 p.

²³⁸ Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Т. 82. №. 6. P. 878–902.

интегрирует общепринятые внутри группы характеристики (стереотипы, прототипы) в собственную самооценку. Благодаря этому получается когнитивное совпадение между тем, как человек представляет группу, и тем, как он представляет себя. Следовательно, социальная идентичность возникает в когнитивных процессах идентификации и самокатегоризации, когда индивидуум идентифицирует себя с группой и классифицирует себя как члена этой группы, а членство в группе интегрируется в идентичность человека. Самостереотипирование является формой деперсонализации, при которой люди внутри группы осознают себя больше как «взаимозаменяемые образцы социальной категории, чем как уникальные личности, определяемые своими отличиями от других»²³⁹ (а также см. М. Латрофа²⁴⁰, С.А. Хаслам²⁴¹). То есть при определенных обстоятельствах воспринимающие могут видеть себя взаимозаменяемыми членами внутригруппы (см. Д. де Кремер²⁴²). Сложность социальной идентичности повышается при снижении личной, поскольку соответствие групповым целям влияет на убеждение и поведение человека. В исследовании Марселлы Латрофа самостереотипирование характеризуется совпадением между тем, как человек представляет свою группу, и тем, как он видит себя. Автор отмечает: «Было обнаружено, что члены групп с низким статусом более склонны к стереотипам, чем члены групп с высоким статусом»²⁴³. Исследование показывает, что члены групп с низким статусом приписывают характеристики ингруппы самим себе посредством дедукции (например, группа женщин по гендерному признаку более склонна к стереотипам, чем мужские). То есть они принимают стереотипные характеристики (как положительные, так и отрицательные) своей группы как отражающие их самих. И наоборот, Марселой Латрофа было высказано предположение, что члены групп

²³⁹ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior / J. C. Turner [et al.] // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E. J. Lawler (ed.). Psychology press, 1985. Т. 2. P. 77–122.

²⁴⁰ Latrofa M., Vaes J., Cadinu M., Carnaghi A. The cognitive representation of self-stereotyping // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Т. 36. №. 7. P. 911–922.

²⁴¹ Haslam S.A. *Psychology in Organizations*. London: SAGE Publications, 2004 (1st ed. publ. 2001). 336 p.

²⁴² De Cremer D. Perceptions of group homogeneity as a function of social comparison: The mediating role of group identity // *Current Psychology*. 2001. Т. 20. №. 2. P. 138–146.

²⁴³ Latrofa M., Vaes J., Cadinu M., Carnaghi A. The cognitive representation of self-stereotyping // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Т. 36. №. 7. P. 918.

высокого статуса, как правило, проецируют свои личные характеристики на всю группу, используя когнитивную стратегию индукции к группе. Тернер и его коллеги подчеркивают, что деперсонализация – это не потеря себя, а переопределение личности с точки зрения членства в группе (см. К. МакГарти²⁴⁴).

В статье «Влияние категоризации на социальное суждение» К. МакГарти и Дж.С. Тернер анализируют процесс формирования социальной идентичности: «По мере того, как социальные идентичности становятся заметными, происходит деперсонализация и самостереотипирование, люди принимают нормы, убеждения и поведение других членов группы. Они также дистанцируются от норм, убеждений и поведения членов группы сравнения. Когда человек замечает разницу между собой и другим членом группы, он испытывает субъективную неопределенность, которая может быть устранена путем а) переклассификации людей или ситуации для отражения этих воспринимаемых различий либо б) вовлечения в процесс социального влияния, где один человек вносит изменения, чтобы стать более похожим на другого»²⁴⁵. При этом тот, от кого человек принимает взгляды или поведение (т. е. кто на него влияет), по прогнозам, будет тем, кто станет прототипом группы. Другими словами, человек влияния тот, кто более всех иллюстрирует нормы, ценности и поведение группы. Теория самокатегоризации социального влияния получила большую поддержку в дальнейших исследованиях (см. Д.М. Маки²⁴⁶, А.Г. Ливингстон²⁴⁷).

Международное распространение теорий социальной идентичности и самокатегоризации

Внимание к названным теориям пришло почти одновременно с их появлением в 1980–1990-е годы. Именно тогда происходило осознание того, что

²⁴⁴ McGarty C. Categorization in social psychology. Sage publications: London, Thousand Oaks, New Delhi, 1999. 320 p.

²⁴⁵ McGarty C., Turner J. C. The effects of categorization on social judgement // British Journal of Social Psychology. 1992. Т. 31. №. 4. P. 253–268.

²⁴⁶ Mackie D.M., Wright C.L. Social influence in an intergroup context // Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes / Brown R., Gaertner S. L. (eds.). Wiley-Blackwell, 2008. 576 p.

²⁴⁷ Livingstone A.G., Haslam S.A., Postmes T.O.M., Jetten J. “We Are, Therefore We Should”: Evidence That In- Group Identification Mediates the Acquisition of In- Group Norms 1 //Journal of Applied Social Psychology. 2011. Т. 41. №. 8. P. 1857–1876.

целостность подхода к социальной идентичности не основана на целостности минимальной групповой парадигмы. «В 1990-е годы исследователи создали новые и творческие способы манипулирования одними и теми же переменными с использованием реальных социальных категорий. В результате первоначальные гипотезы Г. Тешфела и Дж. Тернера о социально-структурных переменных были обобщены, уточнены и расширены»²⁴⁸.

К началу 2000-х годов в изучении сложной (множественной) социальной идентичности уже был разработан междисциплинарный подход, синтезирующий разработки по SIT и самокатегоризации (см. Р. Браун²⁴⁹; С.А. Хаслам²⁵⁰). Социальные и психосоциальные факторы определяют то, как индивидум интегрирует множество социальных идентичностей: при слабом пересечении ингрупп возникают большие психологические напряжения, поскольку индивидум осознает разность своих групп (см. М. Баррето²⁵¹). Однако минимальное пересечение дает высокую степень сложности социальной идентичности, не только показывая то, что люди умеют управлять своей многослойной и многоуровневой идентичностью, но и отражая их опыт и восприятие социокультурных факторов повседневной жизни (см. А. Фергюсон²⁵²). Исследования о пересечении категорий множественных групп (см. Р.Дж. Крипп²⁵³) позволили выявить изменения в традиционных стереотипах (например, о невозможности включения женских групп в профессиональные сферы) и зафиксировали возникновение новых гибридных идентичностей, которые могут

²⁴⁸ Замаараева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках / Ю.С. Замаараева // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

²⁴⁹ Brown R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges // *European Journal of Social Psychology*. 2000. Т. 30. №. 6. P. 745–778.

²⁵⁰ Haslam S.A., Ellemers N., Reicher S.D., Reynolds K.J., Schmitt M.T. The social identity perspective today: The impact of its defining ideas // *Rediscovering social identity: Key readings*. Psychology Press, Taylor and Francis, 2010. P. 341–356.

²⁵¹ Barreto M., Ellemers N. The effects of being categorised: The interplay between internal and external social identities // *European review of social psychology*. 2003. Т. 14. №. 1. P. 139–170.

²⁵² Ferguson A. Intersections of identity: Navigating the complexities [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forumonpublicpolicy.com/archive07/ferguson.pdf>

²⁵³ Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does multiple categorization reduce intergroup bias? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Т. 27. №. 1. P. 76–89.

повлиять на само восприятие и индивидуальное благополучие (см. С. Кросс²⁵⁴; Р.Дж. Крисп²⁵⁵).

В 2002 году ученые Сони Роккас и Мэрилин Брюер на основе структурно-функционального подхода предложили концепцию сложности социальной идентичности, в которой раскрыт феномен субъективного представления индивида о взаимосвязях его множественных групповых идентичностей, каждая из которых обладает той или иной степенью совпадения (см. С. Роккас²⁵⁶). Научная гипотеза предполагает, что уровень сложности социальной идентичности повышается при сочетании как схожих и пересекающихся, так и не схожих и не пересекающихся идентификаций. «Сложность социальной идентичности образуется, когда индивид осознанно дифференцирует и интегрирует множественные групповые идентичности, видя их разность по функциональным ролям. Выбор простой (внутригрупповой) или сложной (межгрупповой) социальной идентичности зависит от личных ценностных приоритетов и терпимости к членам внешней группы (групп). Незадолго до опубликования концепции Мэрилин Брюер предположила, что наличие разных уровней идентичности формирует перспективы интерпретации социальной реальности, а теория коллективной идентичности становится всеобъемлющей для понимания ее изменчивости²⁵⁷. Одной из ключевых выступает потребность в идентичности (определения себя в контакте с другими). Феномен социальной идентичности проявляется у большинства людей в одновременной принадлежности к нескольким социальным группам. На рубеже XX–XXI веков общество глобализировалось, что позволило индивидам пересекать географические, культурные и социальные границы, выражать себя посредством широкого и

²⁵⁴ Cross S. E., Gore J.S., Morris M.L. The relational-interdependent self-construal, self-concept consistency, and well-being // *Journal of personality and social psychology*. 2003. Т. 85. №. 5. P. 933–944.

²⁵⁵ Crisp R. J., Guimond S., Chatard A., Martinot D., Redersdorff S. Social comparison, self-stereotyping, and gender differences in self-construals // *Journal of personality and social psychology*. 2006. Т. 90. №. 2. P. 221–242.

²⁵⁶ Roccas S., Brewer M.B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Т. 6. №. 2. P. 88–106.

²⁵⁷ Brewer M.B., Gardner W. Who is this "We"? Levels of collective identity and self representations // *Journal of personality and social psychology*. 1996. Т. 71. №. 1. P. 83.

изменчивого членства в различных группах и социальных категориях (см. Дж. Крисп²⁵⁸).

С. Роккас и М. Брюер исследуют сразу две проблемы: природу отношений между многочисленными внутригрупповыми идентичностями конкретного человека, и влияние множественных социальных идентичностей на межгрупповые отношения в целом. Для индивида понимание структуры идентичности весьма важный момент, поскольку представления о своих группах влияют не только на самооценку, но и на характер взаимоотношений. Ученые подробно остановились на процессах, посредством которых членство в группах может способствовать усложнению социальной идентичности²⁵⁹.

Сложная социальная идентичность образуется из многопрофильного участия в целевых группах, характеризующихся в сознании человека межличностными связями и личными взаимодействиями членов групп. Авторы предлагают четыре альтернативные структуры множественных внутригрупповых представлений. За основу взяты по две условные идентичности из двух социальных категорий, на их примере показаны структурные формы включения или исключения других людей в качестве членов субъективной группы.

Первую структуру назвали «пересечение»: когда индивид формирует единое представление о своем «социальном Я» на базе нескольких групповых членств. Эта единая уникальная конструкция социальной идентичности с устойчивыми характеристиками, построенная на нескольких основаниях групповых идентификаций. Скрепляющими факторами в структуре становятся минимум различий, отсутствие конфликта, стереотипность, однозначность, простота и единичность, четкое понимание границ ингруппы и не смешивание с другими группами. Модель пересечения внутригруппового представления возникает как сходство, при котором соединение двух групповых идентичностей составляет ингруппу воспринимающего.

²⁵⁸ Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does multiple categorization reduce intergroup bias? // Personality and social psychology bulletin. 2001. Т. 27. №. 1. P. 76–89.

²⁵⁹ Zamaraeva Y.S., Koptseva N.P. History of complex identity research // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. 2020. Т. 13. № 7. P. 1220.

Вторая структура именуется как «доминирование», когда одна социальная идентичность превалирует над другими функциональными ролями индивидуума, но при этом он отождествляет себя с первичной (основной) группой. Классифицируя себя и других в одну большую группу, человек может отождествлять внутригрупповую категорию с прототипом (репрезентантом, образцом). Альтернативные социальные идентичности встроены в первичную идентификацию группы («как источники внутригрупповой вариации»), но не распространяются на тех, кто вне ее²⁶⁰. Так, если индивидуум концептуализирует свои первичные социальные идентичности и группы на профессиональном основании, то идентификации в других категориях соподчинены с первичной как вариативное поведение. Данная структура более сложна чем первая, поскольку имеет дробление социальных идентичностей внутри одной доминирующей (первичной).

Третья структура оперирует с «обособленными» социальными идентичностями, где одна служит источником «социального Я», а другие существуют относительно отдельно и активируются в разных контекстах и ситуациях. Например, в офисной работе коллектива важна только профессиональная идентичность, тогда как остальные (половые, этнические, религиозные, культурные) не участвуют. Однако в ином контексте, например, в кругу семьи, активируется культурная или религиозная идентичность. Тем самым множественные идентичности как бы разделены и дифференцированы, существуют изолировано друг от друга и актуализируются (переключаются) в определенных условиях. «Обособленная» структура функционирует по аддитивной схеме оценки других людей в зависимости от их членства в нескольких группах.

Последняя, четвертая, структура представлена как «слияние», где возникает интеграция всех множественных групп внутри одной категории социальной идентичности. Авторы концепции отмечают, что сложность этой структуры

²⁶⁰ Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Т. 6. №. 2. P. 89–90.

состоит в том, что «идентификация внутри группы распространяется на тех, кто разделяет любую важную социальную категорию членства²⁶¹». Все идентификации актуальны и взаимодействуют наравне друг с другом как сочетание социальных идентичностей. Внутри структуры интегрируются разные составляющие и характеристики с целью возникновения сложной формы объединенной идентичности внутри группы. Результатом становится разнообразие социальной идентичности, при котором пропадает единичное категориальное разделение между людьми (например, для их оценки с точки зрения той или иной категориальной идентичности). Авторы отмечают, что чем множественнее социальная идентичность индивидуума, тем сложнее становится определение его ингруппы, причем в любом измерении не делается четких различий между ингруппами и аутгруппами из-за их равноценного оценивания.

Концепция С. Роккас и М. Брюер показывает, что сложность дифференциации множественных социальных идентичностей внутри одной группы формирует у индивида более положительное самоопределение, чем у поддерживающего только одно членство в группе. Четыре структуры имеют различные способы разрешения несоответствия между несовместимыми убеждениями или взглядами. В структуре «пересечение» функционирует когнитивная форма дифференциации, когда избранные убеждения совмещаются для возникновения пересеченной идентичности и отделяются от других категориальных противоречий. В «преобладании» идентичности объединяются для усиления доминирующей. В «обособленной» идентичности существуют независимо друг от друга подобно секторной изоляции в когнитивных структурах. В «слиянии» множественные идентичности не дифференцируются, а стремятся стать единством, руководящий принцип которого – совмещение несовместимых познаний. Обычно, индивид, имеющий такое представление о своих многочисленных социальных идентичностях, может прибегнуть к пересечению, доминированию, или раздробленности в периоды стресса или неуверенности. То есть субъективное представление множественных

²⁶¹ Там же, с.90.

идентичностей может отражать как индивидуальные различия, так и ситуационные факторы. Некоторые люди могут быть предрасположены к высокой сложности социальной идентичности. Для таких людей интегративная сложность в мышлении о множественных внутригрупповых идентичностях может доходить до автоматизации, требуя относительно мало сознательных усилий или познавательных ресурсов. Однако можно ожидать, что в большинстве случаев сложность социальной идентичности варьируется в зависимости от текущей мотивации человека мыслить о своих нескольких внутригрупповых идентичностях и задействовать при этом когнитивные ресурсы для их объединения. Таким образом, теорией сложности социальной идентичности С. Роккас и М. Брюер утверждают, что множественные групповые идентичности различаются по степени совпадения между группами, и это зависит от субъективных представлений. Бóльшая степень неперекрывающихся групп (высокий SIC) связана с более благоприятными межгрупповыми отношениями, однако эта форма зависима от множества социальных и психологических факторов, ограничивающих ее развитие (высокая потребность в закрытии, желание сохранить статус-кво, высокий стресс или когнитивная нагрузка, жизнь в монокультурном или стратифицированном обществе). Однако высокая степень SIC выказывает способность людей идентифицировать (иметь больше возможностей извлечь свою выгоду, удовлетворить свои потребности) группы по-разному, в отличие от людей с простой формой идентичности (низкий SIC), ограничивающей природу идентификации с различными группами и проявляющей более инвариантные модели идентификации. Другой аспект в понимании природы множественной идентичности – возможность комбинирования различных черт собственной личности, направлять свои действия и внимание в соответствии с изменением контекста. Сегодня в сфере науки подход С. Роккас и М. Брюер дает большие возможности для понимания психологии межсекционных идентичностей²⁶².

²⁶² Zamaraeva Y.S., Koptseva N.P. History of complex identity research // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences.2020. Т. 13.№ 7.Р. 1222.

Вместе с тем данная концепция играет значительную роль в исследованиях социальной идентичности. Сложные формы анализируются в сфере возникновения межгрупповых угроз (см. М. Брюер²⁶³; К. Шмид²⁶⁴) либо, наоборот, интерпретируются как источник устойчивости и благополучия (см. Дж.М. Дуглас²⁶⁵), способствующий формированию многогранной и уникальной самооценки, бóльшей доступности к социальной поддержке и благосостоянию (см. Дж. Джеттен²⁶⁶). Признание сложных форм идентичности позволяет обеспечить сокращение межгрупповой дифференциации и/или дискриминации. Объединение множественной и вышестоящей категории (например, при выявлении общей человеческой идентичности) уменьшает дегуманизацию и повышает чувство связи с другими людьми, помогает выстраивать благоприятные межгрупповые отношения. Положительное отношение и оценка равенства становятся важными факторами поддержки социальной политики в поликультурном мире. Восприятие сложной идентичности дает дополнительную возможность включения в широкую социальную идентичность, сводя к минимуму отрицательные стереотипы и тем самым позволяя признавать многогранные социальные идентичности других, выстраивать менее предвзятые отношения и более позитивные социальные взаимодействия. Позитивное влияние множественных идентичностей происходит при переключении между разными социальными идентичностями в соответствии с текущим контекстом, потребностями и целями. Бóльшее число идентичностей увеличивает шансы, что одна из них будет оценена в данном социальном контексте. Такой вариант позволительно назвать «адаптивной идентичностью». Поскольку множественные идентичности представляют более широкие возможности гибкого

²⁶³ Brewer M.B., Pierce K.P. Social identity complexity and outgroup tolerance // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Т. 31. №. 3. P. 428–437.

²⁶⁴ Schmid K., Hewstone M., Tausch N., Cairns E., Hughes J. Antecedents and consequences of social identity complexity: Intergroup contact, distinctiveness threat, and outgroup attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2009. Т. 35. №. 8. P. 1085–1098.

²⁶⁵ Douglas J.M. Social linkage, self-concept, and well-being after severe traumatic brain injury // *The social cure: Identity, health and well-being.* / J. Jetten, C. Haslam, S. A. Haslam (eds). New York: Psychology Press, 2012. P. 237–254.

²⁶⁶ Jetten J., Branscombe N. R., Haslam S. A., Haslam C., Cruwys T., Jones J. M., Zhang A. Having a lot of a good thing: Multiple important group memberships as a source of self-esteem [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0124609>

самоопределения, они представляют индивидуумам больше способов достижения оптимальной отличимости (балансирование между необходимостью ассимилироваться и отличаться от других). Умение переключать свои идентичности дает возможность индивидууму подчеркнуть свою наиболее адаптивную идентичность, преуменьшая при этом невыгодные или менее релевантные идентичности, и тем самым предотвратить в отношении себя стереотипные угрозы. Сложная идентичность позволяет быть гибким в отношении других, в связи чем видится перспективным развивать у взрослых и детей навыки, связанные с многократным распознаванием идентичности и самоопределением, которые они могут поддерживать в течение всей жизни. Умение распознавать и оценивать свои множественные идентичности на ранней стадии позволит ребенку определить перспективу его развития. Особенно необходим данный навык в современном мире – во время иммиграционных процессов, смешанных и мультикультурных идентичностей. Положительные ресурсы множественной идентичности открываются в адекватном восприятии других людей, позитивных межгрупповых отношениях, универсальности человеческого опыта.

Феномен сложной идентичности в последнее десятилетие исследуется как фактор улучшения эмоционального благополучия (см. К.Р. Биннинг²⁶⁷; Дж. Джеттен²⁶⁸), умственной и физической устойчивости (см. Дж.М. Джонс²⁶⁹), улучшении качества жизни и выживания (см. С.А. Хаслам²⁷⁰), одно из условий стресса и социальной адаптации (см. А. Айер²⁷¹). Актуальность исследования феномена сложной идентичности для ученых заключается в том, что

²⁶⁷ Binning K. R., Unzueta M. M., Huo Y. J., Molina L. E. The interpretation of multiracial status and its relation to social engagement and psychological well-being // *Journal of Social Issues*. 2009. Т. 65. №. 1. P. 35–49.

²⁶⁸ Jetten J., Haslam C., Pugliese C., Tonks J., Haslam S. A. Declining autobiographical memory and the loss of identity: Effects on well-being // *Journal of clinical and experimental neuropsychology*. 2010. Т. 32. №. 4. P. 408–416.

²⁶⁹ Jones J.M., Jetten J., Haslam S.A., Williams W.H. Deciding to disclose: The importance of maintaining social relationships for well-being after acquired brain injury // *The Social Cure: Identity, Health and Well-Being* / J. Jetten, C. Haslam, S. A. Haslam (eds). New York: Psychology Press, 2012. P. 255–271.

²⁷⁰ Haslam C., Holme A., Haslam S. A., Iyer A., Jetten J., Williams W.H. Maintaining group memberships: social identity continuity predicts well-being after stroke // *Neuropsychological Rehabilitation*. 2008. Т. 18. №. 5-6. P. 671–691.

²⁷¹ Iyer A., Jetten J., Tsivrikos D., Postmes T., Haslam S.A. The more (and the more compatible) the merrier: multiple group memberships and identity compatibility as predictors of adjustment after life transitions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Т. 48. №. 4. P. 707–733.

множественная идентичность как идентификация с несколькими социальными группами делает людей более прочными в их социальном мире и обеспечивает их множественными связями с другими людьми, похожими друг на друга (см. А.С. Хаслам; Дж. Джеттен²⁷²). Очевидно, что множественные социальные связи имеют особое значение и образуют социальную поддержку, тем самым предоставляя ресурсы для саморазвития, выбор ценностей, отношения и поведения (см. Дж. Джеттен²⁷³; М.Х.Л. Чанг²⁷⁴; Н.К. Стефенс²⁷⁵)²⁷⁶. Чем более комплексна идентичность, тем выше уровень индивидуального благополучия: множественная идентичность способствует индивидуальному благосостоянию посредством воспринимаемого выражения идентичности и социальной поддержки, а также совместимости идентичности и социальной интеграции (см. А.Л. Сёндерлунд²⁷⁷).

Дискуссия о природе сложности социальной идентичности в современных российских исследованиях развернулась на рубеже XX-XXI веков, когда в отечественной науке стали подниматься вопросы о специфике формирования новых социальных идентичностей в происходящих социально-экономических изменениях (см. М.А. Тронеvская²⁷⁸). Российский социолог В.А. Ядов одним из первых разработал понятие «самоидентификации человека» как процесса реализации индивидом его идентичности в социально-групповом пространстве: осознанное чувство принадлежности к различным общностям обеспечивает социальную и социально-психологическую функции как в оценке группы, так и в

²⁷² Jones J.M., Jetten J., Haslam S.A., Williams W.H. Deciding to disclose: The importance of maintaining social relationships for well-being after acquired brain injury // *The Social Cure: Identity, Health and Well-Being*. New York: Psychology Press, 2012. P. 255–271.

²⁷³ Jetten J., Branscombe N.R., Haslam S.A., Haslam C., Cruwys T., Jones J. M., Zhang A. Having a lot of a good thing: Multiple important group memberships as a source of self-esteem [Электронный ресурс] / Jetten J. [et al.] // *PloS one*. – 2015. Т. 10. № 5. Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0124609>

²⁷⁴ Chang M. X. L., Jetten J., Cruwys T., Haslam C., Prahars N. The more (social group memberships), the merrier: Is this the case for Asians? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01001/full>

²⁷⁵ Steffens N.K., Jetten J., Haslam C., Cruwys T., Haslam S.A. Multiple social identities enhance health post-retirement because they are a basis for giving social support [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01519/full>

²⁷⁶ Замаpаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // *Сибирский антропологический журнал*. 2020. Т. 4. № 2. С. 89–102.

²⁷⁷ Sönderlund A. L., Morton T.A., Ryan M.K. Multiple Group Membership and Well-Being: Is There Always Strength in Numbers? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01038/full>

²⁷⁸ Тронеvская М.А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса постмодернистского общества и культуры // *Теория и практика общественного развития*. 2015 № 3. С. 34–37.

самооценке²⁷⁹. Ученый особо подчеркивает необходимость в междисциплинарном исследовании феномена идентичности на границе психологии и социологии, поскольку изучение психологического процесса идентификации и социального механизма самоопределения индивида в многообразных обществах позволяет получать и интерпретировать данные в едином социально-психологическом подходе. Установка на междисциплинарность позволила российским ученым при анализе глубинных процессов социальной идентичности расширить феномен сложной идентичности понятием «организационная идентификация» (см. С.А. Липатов²⁸⁰; О.А. Успенская²⁸¹; Р.К. Несмеянова^{282,283,284}). Виды такой идентификации изложены О.Н. Бурмистровой (см. О.Н. Бурмистрова, 2009²⁸⁵), которая уделяет внимание еще не разработанным в социальной психологии понятиям: «организационная дезидентификация», «нейтральная идентификация» и «двойственная идентификация».

Особого внимания заслуживают работы российского культуролога Е.В. Дзякович, которая занимается разработкой понятия «локальные идентичности» на основе междисциплинарного подхода²⁸⁶. Терминологически данное понятие взаимосвязано с понятием региональной идентичности. Однако границы локальной идентичности определяются не административно-территориально, а социоментально (рационально, эмоционально, поведенчески) и с помощью указания на социокультурные факторы (массово-коммуникационная среда, торгово-экономические контакты, культурно-исторические артефакты и

279 Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3 (4). С. 158–181.

280 Липатов С.А., Липаков А.В. Современные исследования организационной идентификации в зарубежной психологии // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 70–75.

281 Успенская О.А. Уровни формирования организационной идентичности сотрудников // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2017. № 3–4. С. 81–85.

282 Несмеянова Р.К. Субъективное представление о корпоративной культуре и организационная идентификация: особенности взаимосвязи // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 88–104.

283 Несмеянова Р.К., Липатов С.А. Актуальные тенденции исследования организационной идентификации в зарубежной психологии // Человеческий капитал. 2018. № 1. С. 60–72.

284 Несмеянова Р.К., Липатов С.А. Взаимосвязи восприятия и привлекательности корпоративной культуры с организационной идентификацией сотрудников // Организационная психология. 2017. № 7 (3). С. 67–84.

²⁸⁵ Бурмистрова О.Н. Организационная идентификация и оценка сотрудниками эффективности деятельности руководителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2010. 24 с.

²⁸⁶ Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... доктора культурол.: 24.00.01. Москва, 2011. 46 с.; Дзякович Е.В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 24–29.

т.д.). Е.В. Дзякович отмечает: «Социокультурные или ментальные контексты современных российских регионов обладают разными возможностями и условиями для формирования местных, локальных идентичностей. В отдельных случаях (в ситуации региональной мономентальности) можно наблюдать практически полное социокультурное и социоментальное совпадение между региональной идентичностью и местной идентичностью. В ряде случаев (при наличии региональной полиментальности) отмечается частичное или полное расхождение этих понятий, что приводит к когнитивному диссонансу у представителей локальной идентичности»²⁸⁷. Концептуальное обоснование понятия «локальная идентичность» как социокультурного феномена выявляет природу сложности социальной идентичности: локальные идентичности формируются в процессе длительной самоидентификации жителей с определенной территориальной и/или межрегиональной местностью, сущностно закрепляется в культурно-исторических традициях и проявляется через ряд коммуникативных форм в современном социуме.

Е.В. Дзякович отмечает, что специфика локальных идентичностей как кросс-регионального феномена современного российского социума определяется в коммуникативном пространстве этнических групп, регионов и государств, представляет собой виртуальное социокультурное образование, которое не только отражает и интерпретирует константную реальность, но и имеет консолидирующий характер территориальных и локальных идентичностей. Современные локальные идентичности формируются благодаря социально-интегративным функциям коммуникации, которая выражается в успешной социальной коммуникации и успешному социальному проектированию социокультурной среды, диалогично направленные в повседневных социальных практиках на коммуникативно-познавательные действия. Она также указывает на ряд факторов, которые способствуют формированию локальных идентичностей в социокультурном пространстве регионов современной России: территориальный

²⁸⁷ Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. дис. ... доктора культурол.: 24.00.01. Москва, 2011. С. 16–17.

«как культурно-исторический базис формирования местной идентичности», административный, культурно-заселенческий, культурно-образовательный, культурно-контекстный, самоидентификационный и массово-коммуникационный. Данные факторы мобилизуют процессы идентификации и самоидентификации с местной (территориальной или межрегиональной) локальной идентичностью среди ее носителей и способствуют «возрождению исторически сложившихся традиций и социокультурных практик»²⁸⁸.

Проблематика сложности социальной идентичности, определенная в концепции М. Роккас и С. Брюер, применена российскими социальными психологами О.Е. Хухлаевым и М.А. Хайт в первичном эмпирическом исследовании (см. О.Е. Хухлаев²⁸⁹). В 2014 году Мария Хайт опубликовала результаты кросс-культурного исследования *взаимосвязи сложности социальной идентичности* (на материале анализа отношения к ситуации неопределенности в России и Италии). Автор подтверждает гипотезу о том, что исследуемая взаимосвязь является культурной универсалией²⁹⁰. Соотношение между уровнями групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности показали ученые А.В. Сидоренков и В.А. Дорофеев²⁹¹. Авторы приходят к выводу, что уровни идентичности образуют определенную иерархию (группа, подгруппа, индивид), они взаимосвязаны (полная и линейная, слабая или неполная) и имеют разную степень выраженности. Одновременно авторы предложили еще два дополнительных уровня (персональной и организационной идентичности) с целью понять связи между уровнями идентичности.

Вывод параграфа 1.1

Понятие «сложная идентичность» многогранное и неотъемлемо сопряжено с определением природы форм индивидуальной и социальной идентичности. В последней трети XX столетия понятие «социальная идентичность» возникло в

²⁸⁸ Там же, с. 19.

²⁸⁹ Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 16–26.

²⁹⁰ Замаева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 2. С. 89–102.

²⁹¹ Сидоренков А.В., Дорофеев В.А. Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 60–75.

связи с анализом межгрупповых отношений и закрепилось до начала XXI века в области социальных наук. Теоретические разработки Г. Тешфела, Дж. Тернера, Р. Джекинсона, С. Хаслама и др. стали основой для последующего междисциплинарного исследования феномена идентичности и ее комплексного (множественного, сложного) характера, изменяющего в условиях реального мира. В начале XXI века благодаря динамике глобализационных процессов, ускорившей взаимодействие социального мира, ученые сосредоточили большее внимание на анализе процесса межгрупповых отношений как длительного, состоящего из контактов и результатов взаимодействия между различными социальными группами. Концепция С. Роккас и М. Брюер позволила раскрыть понятие «сложная идентичность» в качестве феномена, имеющего структуру и формы идентификационных пересечений, тем самым дав мощный методологический инструмент для исследования специфики форм и процесса формирования идентичности в индивидуальном и групповом смысле, на межличностном и межгрупповом уровнях, где вскрывается огромный пласт аспектов социального взаимодействия.

Формирование понятия «сложная идентичность» в современных социальных и гуманитарных науках происходило стремительно и разнообразно. Однако именно оно стало одним из самых научно обсуждаемых на концептуальном, методологическом и прикладном уровнях. Феномен сложной идентичности имеет широкое предметное поле, далекое от унификации и от возникновения единой социально-психологической теории идентичности²⁹². С этим утверждением нельзя не согласиться, поскольку раскрыть природу явления можно только в реалиях взаимоотношений человека и общества, а потому развитие теории идентичности в духе классической дисциплины невозможно. Множественность подходов к трактовке идентичности, складывающаяся в комплексный инвариант междисциплинарного изучения, должна преобразоваться в концептуальную и методологическую конкретику наиболее сложных форм феномена

²⁹² Côté J.E., Levine C.G. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Psychology Press, 2014. 268 p.

идентичности²⁹³. Одновременно данная интеграция позволит проявить теоретико-культурологическую специфику исследования сложной идентичности в кругу современных научных дисциплин, а культурологическая проблематика – выстроить траекторию научного исследования в соответствии с логикой современных социально-культурных взаимодействий.

²⁹³ Замараева Ю.С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

1.2 Методологические возможности культурологических исследований для анализа сложных идентичностей

В данном параграфе даны обоснования методологического исследования сложной идентичности в контексте современной теории культуры. Основными задачами являются: 1) выявление и сравнение существующих методологических подходов, 2) определение современной стратегии культурологического исследования сложной идентичности как культурного феномена.

Анализ теоретических подходов определил путь эмпирических исследований как наиболее эффективный в изучении культурных феноменов и как актуальное, приоритетное направление решения проблем адекватной модели современной социокультурной реальности. В концептуальном смысле культурные исследования представляют собой междисциплинарную сферу изучения взаимосвязи между обществом и культурой, соответственно, эмпирическое культурологическое исследование также носит междисциплинарный характер и опирается на сумму методов и методик.

Современные методы культурологии направлены на осмысление культуры как специфического феномена бытия человека, следовательно, культурные исследования сосредоточены на непосредственном наблюдении и моделировании социальных явлений. В связи с этим изучить феномен идентичности можно только в его актуальном контекстно-временном состоянии, позволяющем выявить определенные составляющие бытия человека в современном социокультурном пространстве.

Основные методы культурологических исследований могут быть разделены на количественные и качественные. Специфика первых определяется по научной парадигме позитивистского понимания задач науки в целом и наук о культуре, в частности. Основатель позитивизма – Огюст Конт – обосновал концепцию строго научного метода исследования, основанного на наблюдении, эмпирическом сборе

данных, проверке гипотезы, объяснении с помощью полученных данных, в каких обстоятельствах и при каких условиях произошло или произойдет то или иное событие. Позитивистский подход нацелен на получение положительного (позитивного) знания, количественное измерение эмпирически наблюдаемой действительности, интерпретацию полученного массива данных для их структурирования или составления вероятной модели закономерностей. Результатом количественного исследования выступает обобщение и установление причинно-следственных связей между явлениями.

В современной культурологической парадигме количественные методы способствуют упорядочиванию экспериментального знания, операционализации опыта в единообразной исследовательской процедуре. Качественная методология культурологического познания базируется на подходе «понимающей» герменевтики, основателем которого был Вильгельм Дильтей. Герменевтический подход нацелен на понимание и своеобразную реконструкцию «переживаний» субъекта по поводу проявлений культуры. Данный анализ есть многоуровневое познание реального или исторически моделируемого культурного процесса, включающего переживание ценностей той или иной культуры. «Понимающий» путь предполагает точное описание ситуаций, которые происходят в конкретном социокультурном контексте. Для качественных методов характерны интерпретация, изучение дискурса, социального и культурного контекста.

Прежде всего необходимо определить методологические возможности *количественных* культуролого-социологических исследований по проблематике сложных идентичностей и выполнить обоснование выборки для проведения эмпирического исследования.

Основным принципом позитивной науки является признание объективной реальности, которая функционирует в соответствии с определенными законами и, исследуя которую человек может получить истинное знание путем проведения опытов, экспериментов и теоретических обобщений. Сильной стороной количественной методологии является возможность проводить большое число экспериментальных исследований. Однако одновременно есть и сложность,

состоящая в необходимости интеграции, синтеза полученных данных как на индивидуальном уровне, так и на уровне группы. Результатом изучения культурных феноменов становится итоговое формирование и моделирование некоего универсального понимания проявления закономерностей, отсюда любое сравнение переменных должно строиться на основе точных критериев.

Задача исследователя-позитивиста – изучить механизм влияния сферы культуры на социальную структуру, определить закономерности этой взаимосвязи и функциональное развитие. В рамках количественного подхода сама фигура исследователя дистанцирована от респондентов, поскольку установка на макроструктуру и предполагает получение достоверных данных, исключающих возможность встречи между субъектами, и ставит исследователя в позицию «зрителя», наблюдающего, что объективно (доминирующе в большинстве случаев) происходит. Поэтому изучают факторы (детерминанты), определяющие социальное поведение, причинно-следственные связи событий. В ходе анализа любой социокультурный процесс разделяют на части, элементы, факты (явления, процессы, феномены), исследуемые как надиндивидуальные, структурирующие культуру повседневности, и действия, задающие поведение и определяющие взаимодействия людей, инкорпорирующие в социум определенные нормы и ценности (например, изучают культурное влияние разных этнических групп в межкультурном взаимодействии). Поскольку внимание исследователя сосредоточено на каком-то конкретном аспекте проблемы (в данном случае, этнокультурной идентичности), то по отношению к нему выясняют взаимозависимые величины социальных действий, которые одновременно и определяют друг друга.

Количественные методы применяют для эмпирического исследования культурных явлений с помощью статистики и математики, позволяющих сосчитать определенные значимые изменения, происходящие в обществе в определенное время. Здесь главное место занимает измерение: оно позволяет объединить эмпирические наблюдения и математическое выражение количественных соотношений, полученных в ходе процесса. Количественное

исследование основано на дедуктивной (нисходящей) логике: от сбора данных до верификации изначальной гипотезы, причем предпочтительнее жестко структурированные методы, удерживающие большое количество данных для выявления объективной картины реальности.

Математическая (числовая) форма обеспечивает надежность статистических процедур, возможность экстраполировать полученные от респондентов ответы на большую группу населения (например, результаты анализа данных этнических групп представляют этнокультурную группу в целом). Как правило, полученный в ходе исследования массив эмпирических данных требуется для верификации и валидации результирующих выводов. В связи с этим в количественных исследованиях применяют статистические методы и программы, позволяющие устанавливать причинно-следственные связи между различными факторами и моделировать содержание изучаемого культурного явления.

Наиболее применим для социокультурного исследования количественный метод опроса в форме анкеты. Метод базируется на статистических законах (например, на законе больших чисел или теореме Бернулли) и направлен на познание социокультурных явлений и процессов. Анкетирование относят к сбору первичной информации, он является базовым для получения объективных знаний и их трансляции в публичный дискурс (см. М.К. Горшков²⁹⁴).

«Процедура культурологического анкетирования состоит из последовательных этапов: 1) составление вопросов анкеты (с несколькими вариантами ответов); 2) разработка системы выборки; 3) «пробное» анкетирование с целью адекватного восприятия респондентами формулировок вопросов (как правило, избирается группа от 20 до 100 человек²⁹⁵); 4) проведение социологического анкетирования; 5) сбор эмпирических данных, обработка (интерпретация) полученной информации; 6) построение научного вывода»²⁹⁶.

²⁹⁴ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Прикладная социология: методология и методы. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. С. 69.

²⁹⁵ Там же, с. 37.

²⁹⁶ Замаева Ю.С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX-XXI вв. (на примере Красноярского края): дис... канд. филос. наук: 24.00.01. Великий Новгород, 2011. С. 85.

Среди наиболее распространенных способов использования статистических методов для обработки эмпирических данных, наряду с общей линейной²⁹⁷ и нелинейной моделями²⁹⁸, является факторный анализ, который применяется современными учеными при изучении этнической идентичности²⁹⁹. Поскольку выбран метод опроса, то полученные статистические данные могут быть обработаны с помощью специализированного программного обеспечения. Одним из наиболее эффективных инструментов профессионального компьютерного анализа, способом табличного и графического представления полученных результатов является Statistical Package for the Social Science (далее — SPSS) и подпрограмма IBM SPSS AMOS, позволяющая использовать методологию моделирования структурными уравнениями³⁰⁰.

Поскольку социально-культурный анализ позволяет зафиксировать и объяснить сложность этнокультурной идентичности, то для глубинного понимания данного феномена необходимо привлечь методологические возможности *качественного исследования*.

Объектом такого исследования становится не объективная реальность, а субъективная реальность и действия человека, которые определяют его поведение исходя из существующих смыслов и значений. Главной идеей качественной методологии является задача глубинного понимания человеческого поведения и причин, которые управляют этим поведением. Если количественная методология

²⁹⁷ Гусев А.Н. Новые возможности статистической системы IBM SPSS Statistics для обработки данных психологических исследований // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: Психология. 2016. № 17. С. 3–11.

²⁹⁸ Кочегарова О.С., Лажаунинкас Ю.В. Построение статистической модели общей численности населения Российской Федерации на основе ретроспективного прогноза // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 8 (6). С. 56–66.; Ермаков С.П., Никитина С.Ю. Возрастные особенности миграции в субъектах Российской Федерации в 2000–2010 гг. // Народонаселение. 2015. № 3 (69). С. 15–29.; Шамионов Р.М. Ценностно-смысловые ориентации как основания социальной активности молодежи // Социальная и экономическая психология. Часть 1. Состояние и перспективы исследований / отв. ред. Т.А. Нестик, Ю.В. Ковалев. – М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 423–429.

²⁹⁹ Smith T.B., Silva L. Ethnic identity and personal well-being of people of color: A meta-analysis // Journal of counseling psychology. 2011. Т. 58. №. 1. P. 42–60; Smith E.P., Walker K., Fields L., Brookins C.C., Seay R.C. Ethnic identity and its relationship to self-esteem, perceived efficacy and prosocial attitudes in early adolescence // Journal of Adolescence. 1999. Т. 22. №. 6. P. 867–880; Deaux K., Reid A., Mizrahi K., Ethier K. A. Parameters of social identity // Journal of personality and social psychology. 1995. Т. 68. №. 2. P. 280–291; Дмитриев А.В., Воронов В.В., Михайлова Е.А. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 97–124.

³⁰⁰ Наследов А.Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб., 2013. 416 с.

ориентирована на социальную репрезентацию и проектирование, инженерный подход и позитивистское формирование общественного мнения, то качественное направлено на потенциальную возможность узнать и понять некую объективность, стоящую за индивидуальным поведением, анализом индивидуального уровня с целью достоверного отражения сути социального взаимодействия.

Истоки качественного исследования определились в 1970-1980-е годы, когда традиция количественных исследований и эталон их проведения были уже достаточно устойчивы³⁰¹. Ранее качественные исследования проводились учеными Чикагской школы (начало XX века), но методологическое и теоретическое обоснование они получили именно в 1970-е годы в связи с проблемой объективной и единственно существующей социальной реальности и ее интерпретацией в индивидуальном познании, а также том, как она складывается в процессе социального взаимодействия между разными участниками. Основным предметом исследований становятся процессы идентификации и самоидентификации (расовые, гендерные, этнические, классовые и др.³⁰²). Тема идентичности способствовала смене экспериментального на непосредственное изучение и проверку устоявшихся версий о группах, стигматизируемых обществом, о маргинальных группах, об идентификационных стратегиях в межэтнических отношениях, о процессах интеграции и адаптации мигрантов и т.д. Изменение предмета исследования, эталона исследователя, интенсивное развитие качественной методологии в 1990-е годы стало признанием качественной методологии в академической среде. Уже в начале 2000-х годов отмечены комплексные исследования, сочетающие количественную и качественную методологии³⁰³. Качественная методология

³⁰¹ Качественные методы в социологическом исследовании. Курс лекций Омельченко Е.Л., профессор, доктор социологических наук, директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ; Крупец Я.Н., кандидат социологических наук, заместитель директора Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL: <https://openedu.ru/course/hse/QUALSOC/>

³⁰² Методы изучения культуры: учебник / Н.П. Копцева, Ю.Н. Авдеева, К.А. Дегтяренко [и др.]; под ред. Н.П. Копцевой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 184 с.

³⁰³ Омельченко Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: автореф. дис... д-ра соц. наук. Москва, 2005. 34 с.

позволяет расширить представление жизненными уникальными, единичными историями, узнать неповторимый опыт индивида, сформировать нетривиальное отношение к событиям, реально наблюдать, что происходит, производить глубинный анализ в интерпретации и смыслах.

Значение таких исследований для развития современной науки раскрыто учеными К. Чармаз³⁰⁴, Н. Дензин и И. Линкольн³⁰⁵, Е. Губа³⁰⁶, А. Готлиб³⁰⁷, Н. Козлова³⁰⁸, Н. Смирнова³⁰⁹, Л. Ньюман³¹⁰, А. Страусс и Д. Корбин³¹¹, И. Штейнберг³¹² и др. Теоретическими основаниями здесь являются: феноменология (обращение к смыслам и интерпретациям, понимание, как через объяснение рождается субъективная и intersубъективная реальность), социальный конструктивизм (оптическое понимание формируемой реальности с позиции индивидуума (-ов), постструктурализм (изучение процесса взаимодействия человека с социальными структурами, его включение или сопротивление рождает новые социальные феномены) и критические методологии (критические идеологии всего корпуса академических интерпретаций).

Качественное исследование представляют собой множественный и междисциплинарный проект, объединяющий культурологов, антропологов, этнографов, социологов и социальных психологов. Оно применяется во множестве современных комплексных исследований (в обоснованной теории³¹³, нарративном анализе и др.), позволяет интерпретировать социальную реальность

³⁰⁴ Charmaz K. Premises, principles, and practices in qualitative research: Revisiting the foundations // *Qualitative health research*. 2004. Т. 14. № 7. P. 976–993.

³⁰⁵ The SAGE Handbook of Qualitative Research / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds). SAGE Publications, Inc., 2000. 784 p.

³⁰⁶ Guba E.G., Lincoln Y.S., Lynham S.A. Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences // N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (eds.). *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand Oaks: Sage, 2011. Т. 4. P. 97–128.

³⁰⁷ Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 448 с.

³⁰⁸ Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3. С. 47–56.

³⁰⁹ Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // *Социологические исследования*. 1995. № 11. С. 12–22.

³¹⁰ Ньюман Л. Значение методологии: три основных подхода. *Социологические исследования*. 1998. № 3. С. 122–134.

³¹¹ Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007. 316 с.

³¹² Штейнберг И.Е. Качественные методы. Полевые социологические исследования СПб.: Алетей, 2009. 352 с.

³¹³ Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007. 316 с.

через индивидуальные смыслы и практики, воспроизвести повседневные классификации и категоризации. Посредством коммуникации с информантами исследователь способен рефлексировать над субъективным, индивидуальным и контекстным пониманием социальной, исторической и культурной ситуации.

В основе качественного исследования лежит индуктивная логика: от сбора данных к концептуализации, от различных историй и опытов до выхода на некие типические случаи и значимые социальные выводы. Способами сбора данных выступают групповые дискуссии, наблюдения и рефлексия во время проведения полевых исследований, изучение письменных документов и материалов (архивные данные, автобиографии, дневники и т.д.). При этом важны неструктурированные (мягкие) методы: интервью (структурированное, полуструктурированное, неструктурированное), включенное и не включённое наблюдение, полевые дневники.

В основе такого анализа лежат два процесса: линейный и нелинейный (круговой, циклический). Логика линейного строится последовательно по этапам: разработка дизайна (план, программа будущего исследования), вход в «поле» (выбор группы информантов), полевая работа и сбор данных (проведение исследования выбранными качественными методами), интерпретация и анализ собранных эмпирических материалов, презентация результатов. Нелинейный процесс основан на стратегии обоснованной теории и выстраивается круговым путем: предварительные положения проверяются, сравниваются и обогащаются в ходе циклов сбора и интерпретации данных, тем самым образуя замкнутый круг из сбора и анализа информации до момента формирования теории или концепции. Таким образом, стратегии исследовательского дизайна имеют две направленности: реконструированной логики (линейный путь, следование заданной программе или рецепту) или логика «практики» (нелинейный путь, поиск нового)³¹⁴. Качественное исследование можно скорректировать в ходе его реализации, тогда появятся иные траектории, поскольку исследуемые данные могут дать не запланированные в изначальной логике результаты. Выбор

³¹⁴ Marshall C., Rossman G.B. Designing qualitative research. Sage publications, 2014. 344 p.

стратегии зависит от изучаемого культурного феномена, вернее, микропроцессов, послуживших его оформлению и развитию в социокультурной среде.

Участником качественного исследования является не респондент, а информант, обладающий сознанием и наделяющий свои поступки смыслом, активно интерпретирующий и формирующий социальную реальность. Дистанция между информантом и исследователем сокращена: они являются собеседниками, равным в отношениях, исследователь не навязывает информанту свою интерпретацию, а пытается понять качества (смыслы, ценности, нормы) партнера, включается в процесс понимания субъективного. В качественной парадигме к исследователю предъявлены очень высокие требования, поскольку в триединстве личность-профессионал-инструмент он становится частью исследуемого поля и наряду с изучением опыта информанта получает свой включенный опыт, решает вопросы этического характера.

Разработка дизайна исследования начинается с определения ключевого вопроса и цели, затем происходит выбор качественного методологического основания, целевых групп и «поля» исследования. Планирование состоит из практических шагов: определение количества этапов исследования, специфики сбора данных (включая методы, разработку выборки, организацию полевых работ) – и теоретических: анализ собранных данных, валидизация полученных результатов (триангуляция).

Триангуляция – важный этап определения валидности и достоверности итогов. Он заключается в сочетании количественных и качественных исследований³¹⁵. Для триангуляции в культурных исследованиях применяют несколько методов³¹⁶. Иначе говоря, качественное и количественное исследование сами по себе недостаточны. Все выводы делают перекрестным путем: количественные проверяют качественными и наоборот. Справедливо рассматривать количественные и качественные методы как взаимодополняющие в

³¹⁵ Bogdan R.C., Biklen S.K. Qualitative research in (validation) and qualitative (inquiry) studies // An introduction to theory and methods. Allyn & Bacon, 2006. 304 p.

³¹⁶ Sociological Methods: A sourcebook (Methodological Perspectives) / Denzin N. [ed.]. Routledge; 1st edition (September 2, 2006). 600 p.

культурных исследованиях. Качественный подход исследует внутрикультурную точку зрения и определяет категоризации (способы формирования социального опыта), а количественный делает с внешней позиции, сопоставляя разные данные (переменные) и определяя общие характеристики (универсалии). Таким образом, оба подхода функционально взаимодополняют друг друга: 1) можно различить области исследования; 2) качественные методы позволяют интерпретировать и производить теоретические обобщения, количественные – проводить эксперименты, опыты и математически обрабатывать полученные результаты; 3) качественная методология может привести к открытию новых (не типизированных, стигматизированных фактов, явлений), количественная – обосновать достоверность этого нового; 4) индуктивная и дедуктивная логика исследования позволяет полноценно и объемно изучить тот или иной культурный феномен. В последнее время уже появились научные исследования феномена идентичности путем синтеза количественных и качественных методов³¹⁷.

В отношении сложных форм этнокультурной идентичности, количественное культурологическое исследование позволит выяснить формы сложности идентичности и свести их к общим знаменателям, качественное – понять смысл этих идентичностей через ценностный и нормативный склад информантов, раскрыть сложность культурных форм и выяснить контекст, в котором эти сложные формы проявляются, выявить, какие культурные объекты и какие культурные практики используют в своей жизнедеятельности различные этнокультурные группы. Качественное культурологическое исследование этнокультурной идентичности направлено на получение групповых категоризаций, с помощью которых формируются сложные формы идентичности.

Целью качественного культурологического исследования становится получение развернутого культурного описания групповых категоризаций

³¹⁷ Titova T.A., Kozlov V.E., Guschina E.G. Ethno-Confessional Group of the Kryashens: Transformation of Identity and Modern Ethno-Cultural Processes // *Journal of Sustainable Development*. 2015. Т. 8. №. 4. Р. 260; Монгуш М.В. Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: автореф. дис... д-ра ист. наук. Москва, 2005. 52 с.; Амоголонова Д.Д. Бурятские этнокультурные процессы в условиях трансформации российского общества (1990–2000-е гг.): автореф. дис... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 51 с.

(представлений) и фиксация ключевых категориальных сфер (областей), с которыми индивидуальное сознание связывает переживание феномена этнокультурной идентичности.

Одним из типов качественного анализа является фокус-групповое интервью, в котором при помощи одного интервьюера принимают участие небольшое количество информантов с целью фокусировано (глубинно) обсудить какую-то тему. Метод фокус-группы сочетает в себе, с одной стороны, принципы качественного глубинного (фокусированного) интервью и, с другой – элементы групповой дискуссии, что дает синергетический эффект. С помощью фокус-группового интервью можно не только выяснить, что каждый человек думает на заданную тему, но также узнать, как люди реагируют на высказывания друг друга, какую аргументацию используют. В процессе взаимодействия у информантов возникает со-формирование значений и смыслов, то есть участники формируют коллективные понимания.

Фокус-группа достаточно активно применяется в прикладных исследованиях и является признанным научным методом³¹⁸. Она дает возможность достаточно быстро собрать разнообразные ответы (широкий спектр мнений) и протестировать интерпретации по ходу интервью (другие участники сразу оценивают их и высказывают свое мнение). Достоинствами метода является то, что он дает возможность реконструировать аргументацию (ситуация во время дискуссии похожа на «реальное» обсуждение в обычной жизни); сбалансировать отношения между исследователем и исследуемыми; услышать голоса тех, кто обычно молчит в дискуссиях. Оптимальное количество участников фокус-групп – восемь–десять человек, минимальное – четыре-пять, так как группа должна быть управляемой, каждый участник должен быть вовлечен в обсуждение (см. С.А. Белановский³¹⁹, А. Готлиб³²⁰). Количество фокус-групп зависит от задач и

³¹⁸ Маликова Н.Н., Рыбакова О.В. Дизайн и методы социологического исследования. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2014. 234 с.

³¹⁹ Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996. С. 35–42.

³²⁰ Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 448 с.

специфики исследования, определяемой по гетерогенности изучаемого объекта (необходимость разнообразия мнений).

Увеличение или уменьшение количества фокус-групп зависит от теоретического насыщения, которое определяется при понимании, что на исследовательский вопрос получены необходимые ответы. Отбор участников должен производиться по принципу получения разных точек зрения (по группам) при отсутствии контактов с исследователем.

Одним из важных требований при планировании и проведении фокус-группы выступает четкое определение количества времени, в течение которого планируется обсуждать тему. Стандартная фокус-группа рассчитана на 1–1,5 часа, так как именно столько времени понадобится для активной дискуссии, чтобы держать напряжение и внимание участников. Процесс обязательно записывается с помощью технических средств: диктофонная запись для детальной расшифровки, видеозапись для лучшей идентификации участников во время дискуссии и анализа невербальной информации (мимика, жесты, реакция на слова-высказывания).

Процесс проведения фокус-группы состоит из трех этапов:

а) представление модератора, озвучивание цели встречи, правил участия (поочередное и дискуссионное обсуждение), необходимости цифровой аудио- и видеозаписи, анонимности и конфиденциальности. Ключевые роли модератора подробно рассмотрены в трудах М. Дебуса³²¹ и А. Готлиба³²²;

б) транскрибирование фокус-группы (перевод аудиозаписи в текст) для формирования знания, возникшего в ходе дискуссии, анализа групповых категоризаций. В обработке эмпирических данных предпочтителен нарративный анализ описания жизненного опыта информантов с фиксацией категориальных понятий и их контекстного содержания. При анализе массива качественных данных, полученных в проведенных фокусированных интервью, необходимо

³²¹ Debus M. Methodological review: a handbook for excellence in focus group research. Academy for Educational Development, 1988. 55 p.

³²² Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 448 с.

суммировать, обобщать проявленные в тексте темы и проблемы; сопоставлять и подвергать анализу высказывания информантов по отношению к главной теме исследования; анализировать полученные блоки высказываний по типу сходств и различий, особенностей, деталей (например, возрастные различия в восприятии темы, уровень формального и неформального образования, уровень социального благополучия, и т.д.);

в) этап кодирования (техника тематического анализа) структурирует отдельные типы высказываний до уровня обще сравнимых частей. Кодирование при анализе данных позволяет обнаружить общее между информантами (понятия, практики, опыт и т.д.), преобразовать высказывания до теоретического (например, региональная идентичность) или аутентичного понятия, обозначаемого информантами в ходе дискуссии (например, «Сибирские поляки»). Для оформления структурных представлений можно привлечь метод составления таблиц, наглядно представляющих соотносимость групповых категорий.

Вывод параграфа 1.2

Таким образом, междисциплинарная методология, основанная на синтезе теоретических и эмпирических методов социальных и гуманитарных наук, лежит в основе современной методологической стратегии комплексного исследования сложной идентичности как культурного феномена. С одной стороны, количественные культурные исследования позволяют выявить единичные и сложные формы идентичности, факторы влияния, этнический состав в сложных формах, составить представления социокультурных портретов носителей сложных этнокультурных форм, определить ключевые закономерности и устойчивые коэффициенты. Посредством анкетных вопросов будет «снята» актуальная информация о сложных формах и степени их сложности, что позволит сформулировать «рабочие» определения и оформить гипотезы для их уточнения в качественном исследовании. С другой, качественные культурные исследования, проведенные методом фокус-групп, позволят выявить особенности формирования сложных форм этнокультурной идентичности (ключевые категории, устойчивые региональные культурные практики, сложные формы и актуальность их

воспроизводства в социокультурной среде Красноярского края) и, одновременно, дадут глубинное понимание культурного феномена, обозначат актуальный опыт, отражающий ситуацию формирования сложной идентичности. Эффективность количественных и качественных культурных исследований состоит в решении теоретической проблемы, в данном случае – анализа феномена этнокультурной идентичности. Данная стратегия позволит продвинуть методологические поиски исследования феномена сложной идентичности в современном научном мире и показать новые возможности российской научной культурологической школы³²³.

Современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена, предложенная в данной диссертационной работе, позволяет уйти от традиционного описания специфики идентичности как множественной формы, дифференцируемой по видам (лингвокультурная, гражданская, религиозная, и пр.) и осуществить переход к углубленному и комплексному познанию ее сущности; раскрыть закономерности в формировании сложных форм идентичности, зафиксированные в коллективном повседневном опыте; обнаружить реально существующие общие и специфические категории, свойственные разным поколениям жителей Красноярского края; сравнить выявленные категории и выявить причины их формирования в межэтнической и межкультурной региональной среде. Данная стратегия выступает основой эмпирических культурных исследований, представленных во второй и третьем параграфе пятой главы.

³²³ За последние десять лет XXI в. методологическим вопросам посвящены российские исследования: Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. дис... канд. филос. наук. Красноярск, 2013. 22 с.; Резникова К.В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. 20 с.; Колесник М.А. Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы: дис... канд. культ. наук: 24.00.01. Красноярск, 2015. 168 с.; Копцева Н.П. Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография. Красноярск: СФУ, 2013. 183 с.; Обморокова А.М. Формирование региональной идентичности и способ воплощения концепта «Родина» в красноярском культурном пространстве // Социодинамика. 2015. № 2. С. 37–53.

1.3 Сложные формы этнической идентичности как предметность современной теории культуры

В данном параграфе представлены результаты аналитического обзора современных исследований этнической идентичности, разработанных в области теории культуры с учетом научных достижений философии, социологии, психологии, этнопсихологии, истории и ряда других научных дисциплин³²⁴. Определяется специфика теории культуры в данном контексте. Рассмотрены существующие подходы к исследованию этнической идентичности и дана классификация ее форм по их принадлежности либо к двойной, либо к комплексной вариации. На материале анализа научных исследований Б.Е. Виннера и В.А. Тишкова сделан анализ двух противоположных точек зрения, посредством которых синтезируется единство в понимании данного феномена. В заключение предложены виды этнической идентичности, характеризующие ее как сложный феномен внутри процессов социальной идентификации и самоидентификации.

Этническая идентичность является разновидностью социальной идентичности и в самом общем виде может быть определена как процесс отнесения и осознание принадлежности к определенной этнической общности и переживание тождественности своего «Я» в процессе этнических отношений с данной группой (см. Т.Г. Стефаненко³²⁵; В.Ю. Хотинец³²⁶; А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева³²⁷). «В отечественных исследованиях обнаруживается большой спектр понимания феномена этнической идентичности как: зрелого уровня этнического

³²⁴ Данные материалы были представлены в статье: Замаараева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

³²⁵ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. С. 279–300.

³²⁶ Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с.

³²⁷ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Психология межэтнических отношений // Этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 33.

самосознания³²⁸, когнитивно-мотивационного ядра этнического самосознания³²⁹, составной части этнического самосознания³³⁰, фактора социальной идентичности³³¹. Таким образом, этническая идентичность формируется посредством когнитивной (мотивационной), эмоциональной, поведенческой составляющих, что позволяет исследовать ее в аспекте межэтнических отношений.

«В узком смысле, этническая идентичность – это процесс отнесения и осознания себя представителем и членом определенного этноса на основании принятого в данной группе образа жизни, отличающего ее от иных этнических групп»³³². В этом контексте этническая идентичность выступает как самоидентичность. Кроме того этническую идентичность рассматривают с точки зрения различных научных подходов: психодинамического, ситуационного, конструктивистского, инструменталистского (см. В.Д. Попков³³³), примордиалистского (см. А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая³³⁴), а также теории социальной идентичности. С позиции конструктивизма, например, этническая идентичность строится индивидом в процессе межэтнического взаимодействия через систему этнодифференцирующих признаков (родной язык, уникальные культурные традиции и нормы, религиозные представления, территориальная и историческая принадлежность), а потому признана результатом (а не первичной характеристикой) существования идентичности этногруппы, выраженной в целенаправленных действиях со стороны самих ее представителей при поддержке социальных институтов.

В современной этнопсихологии структура этнической идентичности рассматривается как совокупность аффективного (позитивное или негативное

³²⁸ Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 235 с.

³²⁹ Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. Москва: Смысл, 1998. 389 с.

³³⁰ Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология. Москва: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. 483 с.

³³¹ Galkina N. Theoretical approaches to ethnic identity [Электронный ресурс]. URL: http://maxweber.hunter.cuny.edu/pub/eres/BLPR102_PIMENTEL/ethnicity.html

³³² Данные материалы были представлены в статье: Замараева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

³³³ Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. Москва: ИС РАН, 2003. С. 64.

³³⁴ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2000. 304 с.

отношение индивида к иным этногруппам), когнитивного (осознание себя представителей этнической группы) и поведенческого компонентов³³⁵. А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева в своем исследовании выявляют когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности как измеряемые параметрами валентности («эмоционально окрашенный аффективный компонент») и определенности («степень ясности осознания себя представителем этнической группы, степень полноты знания, представлений о культурных и психологических особенностях собственной группы»). Валентность этнической идентичности определяют в границах позитивно-негативного восприятия автостереотипов и чувств, связанных с этничностью. Подобно валентности социальной идентичности этническая валентность также может быть с позитивной или негативной социальной оценкой по отношению к другой социальной группе. Ученые обосновывают теорию социальной идентичности как подход к исследованию взаимосвязи этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия. Авторы предполагают, что «на психологическом уровне взаимодействие представителей этнических групп поликультурного региона определяется, прежде всего, их этническими идентичностями»³³⁶. Следовательно, для поддержания у групп их этнической идентификации необходимы специальные культурные практики по сохранению и восстановлению определенности этнической идентичности для снижения интолерантности к окружающим группам и межгрупповой дифференциации и достижения позитивной отличительной идентичности для своей группы через ряд маркеров³³⁷.

Здесь показаны сложные формы этнической идентичности, распределенные на две группы по принадлежности либо к двойной, либо к комплексной вариации. Для первой характерно удвоение признаков этнической идентичности и спряжение с приставкой «би» (означает «двойной», «двукратный»). У второй

³³⁵ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Психология межэтнических отношений: этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия // Saarbrücken: LAPLAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2010. С.33.

³³⁶ Там же, с.70.

³³⁷ Замаева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

комплексная характеристика этнической принадлежности описана посредством приставки «мульти» (умножения), и наиболее сложна при определении в научном плане. Носителями первой и второй форм этничности являются диаспоры мигрантов, представители смешанных браков, а также групп этнокультурных меньшинств в мультикультурном сообществе. Что касается простой формы этнической идентичности (терминологические вариации с приставкой «моно»: моноэтничность, монокультура, монораса), то ее можно охарактеризовать изначально. Моноэтничность формируется у индивида в период инкультурации, а при социализации характеризуется осознанным выбором принадлежности к одной (родной) этнической группе. При ресоциализации моноэтничное качество может усложниться до степени двойной или мультиэтничности.

Биэтничность как форма этнической идентичности

В существующей литературе, посвященной изучению данного феномена, встречаются различные обозначения: двойная, двойственная, бикультурная, биэтничная, биполярная. Раскрывает их схожесть самоидентификация с двумя этническими группами и формирование двойной этничности. «Биэтничность» в качестве формы выраженной идентификации с двумя культурными группами одновременно предполагает компетентность индивида в обеих культурах, поэтому носит определение «двойственной»³³⁸ и характеризуется как сильный социально-психологический фактор, формирующий на пересечении этнических идентификаций позитивную этническую идентичность и этническую толерантность.

Изучению биэтничной идентичности в современных научных источниках уделено недостаточно внимания. В основном это научные исследования эмпирического характера, посвященные сравнению межгруппового взаимодействия (толерантности или интолерантности) в группах с ярко выраженной моно или биэтничной идентичностью (см. Дж Эрба³³⁹; Н. Дауд³⁴⁰).

³³⁸ Стефаненко Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 41.

³³⁹ Erba J., Zhang D., Liu Y. Exploring the role of ethnic and bi-ethnic identities in advertisements targeting Chinese and Chinese-American consumers using celebrity athletes // China Media Research. 2019. Т. 15. №. 1. P. 67–76.

В исследовании С. Кастро-Этуотер, где изучена биэтничность детей (возраст от 9 до 18 лет) мигрантов, сформированная в процессе их социализации и этнической идентификации, сделан вывод о том, что в современных сообществах она успешна при владении языком, что влияет на этническое отношение и самооценку³⁴¹.

Тема биэтнической идентичности обсуждается зарубежными учеными на ежегодной конференции междисциплинарных исследований, организуемой некоммерческой организацией «Международное общество исследований идентичности» («International Society for Identity Research» с 2015 г.), ранее имевшей название «Общество исследований по формированию идентичности» («Society for Research on Identity Formation» в 2000-е гг.). На сайте журнала «Identity: International Journal of Identity Theory and Research»³⁴² публикуются исследования идентичности как феномена, вышедшего за пределы национальных, политических и культурных границ, обретшего глобальные масштабы и требующего перехода от чисто теоретического и исследовательского анализа к практическому применению в решении проблем идентичности.

За последние два десятилетия стремительно выросло количество бирасовых и мультирасовых поколений, носителей множественной идентичности. Это факт зафиксирован в статических данных Бюро переписей США³⁴³, где была выявлена идентификация людей более чем с одной расой и увеличение количества би- и мультикультур на 37% с 2000 по 2010 г., а также спрогнозировано превышение численности испано- и латиноамериканцев над европейскими американцами к 2020 году.

Однако сегодня не существует устойчивой методологической базы для точного определения и классифицирования расовой идентификации, что создает

³⁴⁰ Daoud N., O'Brien K., O'Campo P., Harney S., Harney E., Bebee K., Smylie J. Postpartum depression prevalence and risk factors among Indigenous, non-Indigenous and immigrant women in Canada // Canadian Journal of Public Health. 2019. Т. 110. №. 4. P. 440–452.

³⁴¹ Castro-Atwater S., Huynh-Hohnbaum A.L. Ecological factors and interventions for fostering college-age multiracial identity // Education. 2018. Т. 138. №. 4. P. 369–377.

³⁴² Редактор журнала Рене В. Галлихер, Университет штата Юта. [Электронный ресурс]. URL: <http://identityisri.org/identity-journal/>

³⁴³ Бюро переписей США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.commerce.gov/bureaus-and-offices/census>

глобальную проблему при учете всех комбинаций этнической принадлежности в разных социальных сообществах. В Японии, например, подобное наблюдается в связи с притоком иммигрантов и увеличением числа смешанных браков (см. С.О. Торнгрен³⁴⁴, ³⁴⁵). Там разрешено людям со смешанным происхождением (термин «хаафу», что означает «наполовину») официально сохранять свое двойное гражданство до 23 лет, а далее они должны регистрироваться как граждане Японии. Многонациональное и многорасовое население статистически не диагностируемо и частично невидимо. В японском социальном сознании закреплён термин «международные дети» (или «двойные», “daburu”, от англ. слова «double») как попытка положительно переопределить «хаафу» в сторону международного и культурного происхождения. Вариант “daburu” не прижился в общественном сознании и с течением времени был заменен на словосочетание «смешанные корни» на японском языке³⁴⁶. С.О. Торнгрен определяет понятие «этническая идентичность» как идентификацию культурного происхождения и наследия независимо от того, практикуют люди культуру или нет. В отличие от расовой принадлежности (приписываемой и назначаемой категории), этническая не видна и самопровозглашается отдельными людьми. Однако она становится проявленной в среде этнических меньшинств и бикультурных людей при использовании этнических особенностей для изменения социально-экономического статуса. И наоборот, в случае нежелания обнаруживать свою этническую принадлежность, индивиды меняют модель поведения на ассимиляционную путем изменения имен, одежды, поведенческого стиля (см. С. Такешита³⁴⁷). До тех пор, пока действуют ограничения на самоидентификацию более чем одной этнической идентичности, в Японии лица не японского

³⁴⁴ Törngren S.O. Choosing Mixed Methods in Examining Attitudes Toward Interracial Marriages in Sweden. [Электронный ресурс]. URL: <https://methods.sagepub.com/case/mixed-methods-examining-attitudes-toward-interracial-marriages-in-sweden>

³⁴⁵ Törngren S. O., Sato Y. Beyond being either-or: identification of multiracial and multiethnic Japanese // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019. P. 1–19.

³⁴⁶ Yamashita M. Haafu Wa Naze Sainou Wo Hakki Surunoka-Tabunka Tajinshu Jidai Nippon no Mirai // Tokyo: PHP, 2009.

³⁴⁷ Takeshita S. The Passing CCKs in Japan: Analysis on Families of Cross-Border Marriages Between Japanese and Brazilian // *Journal of Comparative Family Studies*. T. 41. № 3. P. 369–387.

происхождения будут отождествляться как «иностранцы». На основании данных, полученных из полуструктурированных интервью с 18 японцами в возрасте 18-25 лет с высоким социально-экономическим статусом (высшее образование, двуязычие, ежегодные путешествия по разным странам), идентифицирующих себя как «хаафу» и проживающих в городе Токио, исследователь констатирует следующее: самоидентификация (самоутвержденная) и групповая (приписываемая) идентификация среди японцев имеет очевидное различие: внешне воспринимаемая расовая однозначность (японец – представитель монголоидной расы) не совпадает с самоидентифицируемой многоэтничностью (одновременно японец-китаец, японец-американец, японец-австралиец, японец-кореец). Современные японцы осознано избирают соотнесенность «хаафу» как позитивную японскую идентичность. Однако у молодых японцев американского происхождения возникают трудности в утверждении идентичности «хаафу» в случае группового восприятия его физической внешности.

Многонациональным государством с биэтнической структурой населения можно назвать и современный Казахстан, где межэтническое согласие стало важнейшим условием поддержания внутривнутриполитической стабильности и национальной безопасности (см. Ж.Е. Колбачаева³⁴⁸). Биэтническая идентичность становится фундаментом для модернизационного развития современного общества, стремящегося к формированию многоэтнической гражданской идентичности и желающего взрастить новое поколение молодых людей, не зависящих от их этнической принадлежности при формировании «политических, правовых и экономических основ государственности». Достижение многоэтничности видится в активной гражданской консолидации и политической стабильности. Программа будущего единства казахстанской идентичности отражена в тексте «Стратегии развития Казахстана до 2030 года», и звучит как «современное государство для всех», в котором будет построена нация будущего.

³⁴⁸ Колбачаева Ж.Е. Особенности формирования национальной идентичности Казахстана в современных условиях // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. №. 1. С. 101–107.

Национальной ценностью признано культурное, этническое, языковое и религиозное разнообразие.

Еще раз заметим, что биэтническая идентичность как форма отождествления с двумя этническими группами одновременно в основном возникает вследствие смешанных браков, когда индивидуум одновременно самоидентифицирован в двух культурах.

Понятие «бикультурная этническая идентичность» дано в определении Т.Г. Стефаненко: «Это форма идентификации себя с двумя этнокультурными группами, проявляющаяся на уровне переживания, представлений и поведения»³⁴⁹. Социологические исследования анализируют ее как культурно-идентификационную принадлежность этнических групп в полиэтничном пространстве. Сделан вывод о том, что бикультурная идентичность есть фактор, препятствующий ассимиляции этнических групп в принимающем обществе, и потенциал диаспорности (см. Д.А. Соколова³⁵⁰). В сфере психологии бикультурная этническая идентичность зафиксирована как проблема с высокой сложностью изучения в теоретическом и методологическом планах, поскольку по своей сути обладает неопределенностью, множественностью и динамикой (см. А.А. Леонтьева³⁵¹). Методология прорабатывается и в психолингвистических исследованиях бикультурной идентичности (см. А.Б. Чернова³⁵²). В сфере педагогики и психологии ученые признают необходимость взращивания бикультурной языковой личности, поскольку такая личность «реализует себя посредством коммуникации, выбирая и осуществляя одну из возможных тактик, стратегий и способов общения» (см. И.Е. Брыксина³⁵³).

³⁴⁹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. С. 131–133.

³⁵⁰ Соколова Д.А. Бикультурная идентичность как потенциал диаспорности этнически корейцев, проживающих в Приморском крае // Серия «Экономика. Социология. Культурология» Научного рецензируемого журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2016. С. 53.

³⁵¹ Леонтьева А.А. Бикультурная идентичность как проблема психологии // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. Т. 8. №. 40. С. 11.

³⁵² Чернова А.Б. Проблема методов психолингвистических исследований становления бикультурной идентичности в межэтнических семьях // Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы. 2010. С. 76–80.

³⁵³ Брыксина И.Е. Когнитивные аспекты формирования бикультурной языковой личности в обучении иностранному языку // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №. 4. С. 133–138.

В зарубежных исследованиях, так же как и в российских, тема бикультурной идентичности возникает с 1990-х годов и фиксируется как сложное и многомерное явление. Первоначальной в ряду исследований стала идея о необходимости развивать в поликультурных обществах бикультурных личностей, поскольку они демонстрируют большую самооценку и психосоциальное благополучие, более гибки и способны справляться со стрессом в неоднозначных в культурном отношении обстоятельствах, чем представители монокультуры (см. Ю.Б. Доманико³⁵⁴). Зарубежные ученые-психологи больше сосредотачивают свое внимание на вариантах индивидуальной интеграции бикультурной идентичности (см. В. Бенет-Мартинес^{355, 356, 357, 358, 359})»³⁶⁰.

Уникальность бикультурной личности заключается в концептуальной организации дуальных культур на основании культурной дистанции (совместимые или несовместимые идентичности) и чувственной навигации своего положения внутри и вне каждой культуры (см. С.Х. Чен³⁶¹; Д.Р. Мирамонтес³⁶²). Отмечена также важность изучения феномена бикультурных личностей, которые являются ключом к раскрытию динамики культуры и идентичности, поскольку способны к смешению (переключению культурных рамок) идентичностей в связи с различными личностными и ситуационными переменными³⁶³. На современном

³⁵⁴ de Domanico Y.B., Crawford I., De Wolfe A.S. Ethnic identity and self-concept in Mexican-American adolescents: Is bicultural identity related to stress or better adjustment? // Child and Youth Care Forum. Kluwer Academic Publishers-Human Sciences Press, 1994. Т. 23. №. 3. P. 197–206.

³⁵⁵ Benet- Martínez V., Haritatos J. Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents //Journal of personality. 2005. Т. 73. №. 4. P. 1015–1050.

³⁵⁶ Benet-Martínez V., Lee F., Leu J. Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations //Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. Т. 37. №. 4. P. 386–407.

³⁵⁷ Chen S. X., Benet- Martínez V., Harris Bond M. Bicultural Identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: immigration- based and globalization- based acculturation //Journal of personality. 2008. Т. 76. №. 4. P. 803–838.

³⁵⁸ Huynh Q.L., Nguyen A.M.T.D., Benet-Martínez V. Bicultural identity integration // Handbook of identity theory and research. Springer, New York, NY, 2011. P. 827–842.

³⁵⁹ Nguyen A.M.T.D., Benet-Martínez V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis //Journal of Cross-Cultural Psychology. 2013. Т. 44. №. 1. P. 122-159; Saad C.S. et al. Multiculturalism and creativity: Effects of cultural context, bicultural identity, and ideational fluency // Social Psychological and Personality Science. 2013. Т. 4. №. 3. P. 369–375.

³⁶⁰ Замаева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

³⁶¹ Cheng C.Y., Lee F., Benet-Martínez V. Assimilation and contrast effects in cultural frame switching: Bicultural identity integration and valence of cultural cues // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2006. Т. 37. №. 6. P. 742-760.

³⁶² Miramontes D.R., Benet-Martínez V., Nguyen A.M.D. Bicultural identity and self/group personality perceptions // Self and Identity. 2008. Т. 7. №. 4. P. 430-445.

³⁶³ Benet-Martínez V., Huynh Q.L., Nguyen A.M.T D. Bicultural identity integration // Handbook of identity theory and research. Springer, New York 2011. P. 827–842.

этапе зарубежные и российские ученые видят необходимость развитие бикультурной идентичности на основании двуязычия, что способствует психологической адаптации в многокультурных обществах³⁶⁴.

Исследование биполярной этнической идентичности не пользуется популярностью среди ученых. В статье М.Х. Фарукшина дано описание разновидностей биполярной федерации, в которых отношения этнического равенства или доминирования строятся на основании лингвистической и культурной исключительности³⁶⁵. Изучение биполярности более всего разворачивается в области психологии (гендерной, политической, психопатологии) и отчасти в философии (например, понятие «идентичность мира» у А.С. Железнякова³⁶⁶). Можно предположить, что биполярность функционирует как сила удерживания культурных различий этнических принадлежностей. Биполярную идентичность можно назвать разновидностью двойной, но в ней идентичности пребывают в конфликтном состоянии, а значит, активируются только в отвечающих их содержанию социальных условиях. Биполярность как явление социальной идентичности строится на соревновании двух разных контекстов как дихотомий (см. С.А. Реншон³⁶⁷), например, сильной этнической и религиозной идентичностей.

Мультиэтничность как форма этнической идентичности

Данное понятие можно раскрыть на основании двух контрастирующих, но созвучно развивающих содержание понятия «этническая идентичность» подходов Б.Е. Винера и В.А. Тишкова. Ученые много лет всесторонне анализируют существующие теории и подходы к этнической идентичности и ведут научную

³⁶⁴ Chen S. X., Benet- Martínez V., Harris Bond M. Bicultural Identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: immigration- based and globalization- based acculturation // Journal of personality. 2008. Т. 76. №. 4. Р. 803–838.

³⁶⁵ Фарукшин М.Х. К вопросу о типах этнофедераций // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. №. 7.

³⁶⁶ Железняков А.С. Цивилизационное измерение идентичности многополюсного мира // Философские науки. 2012. №. 11. С. 11–21.

³⁶⁷ Renshon S.A. Dual citizenship and American national identity [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.org/Dual-Citizenship-and-American-National-Identity-Dilemma-Diversity>

дискуссию в ряде опубликованных научных исследований (см. В.А. Тишков³⁶⁸,³⁶⁹; Б. Е. Винер³⁷⁰,³⁷¹).

Форма мультиэтничности определена Борисом Ефимовичем Винером, российским этнографом, с 1990-х гг. изучающим вопросы этнической проблематики в контексте социально-антропологических процессов. Разрабатывая понятие «этничность» на основании теории этноса Ю. В. Бромлея и синтезируя существующие представления, ученый рассматривает принятые в зарубежной науке подходы к этничности и возможность их применения в российских исследованиях с целью развития общей теории этноса. Синтез трех теоретических подходов (примордиализма, ситуационизма, конструктивизма) при анализе феномена этничности понадобился Б.Е. Винеру для показа особенностей межпоколенческой передачи этнической идентичности. Ученый отмечает, что в середине XX столетия в зарубежной социологии были переосмыслены модели этнической принадлежности и разработана новая модель, согласно которой этническая идентификация имеет «изменчивый, ситуативный, волевой и динамический характер» (см. Дж. Нагель³⁷²), а ее границы могут выстраиваться определенными способами (обговариваться, определяться и создаваться) через социальное взаимодействие внутри и за пределами этнических сообществ. В результате могут складываться новые этнические группы либо возрождаться культурные различия между существующими. Создание этнических границ происходит благодаря ответу на вопрос «Кто мы?», а внутри этих границ культивируются определенные значения, придаваемые людьми собственной этничности. Переосмысление этнических рамок происходит благодаря формированию культуры, которое идет «через реконструкцию старых элементов культуры и создание ее новых элементов... конструирование культуры оживляет

³⁶⁸ Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности. М.: Русский мир, 1997. 532 с.

³⁶⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

³⁷⁰ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. №. 4. С. 3–26;

Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис... канд. соц. наук. Москва, 1998. 197 с.

³⁷¹ Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №. 2.

³⁷² Nagel J. Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture // Social problems. 1994. Т. 41. №. 1. P. 152–176.

этнические границы и позволяет следующим поколениям исследователей придавать новое значение этничности»³⁷³. Все это выступает залогом сохранности этнических групп.

При анализе природы этноса и этничности Б.Е. Винер обращается к понятию «габитус» из теории П. Бурдьё. Объясняя идею габитуса, ученый отмечает: «Габитус порождается объективными социальными структурами и в свою очередь производит эти структуры. Габитус – продукт истории. Прошлый опыт присутствует в нем активно. Габитус производит индивидуальные и коллективные практики. Он включает в себя длительные диспозиции, которые могут пережить экономические и социальные условия, в которых они появляются»³⁷⁴. «В связи с тем, что габитусы бывают индивидуальные и групповые, Винер делает предположение о существовании *этнического габитуса*. Феномен этот раскрывается в аналогии с компьютерной программой, позволяющей человеку преобразовывать этническую информацию и действовать по ней с учетом человеческих знаний и эмоций. Этнический габитус может не включать в себя некоторые этнические установки и стереотипы или быть индивидуально перепрограммированным под влиянием собственных практик. С позиции конструктивизма этот феномен становится творческой силой, которая «постоянно воспроизводит себя» и реализуется в человеческой деятельности, поддается интерпретации «постоянно изменяющихся и сдвигающихся значений и мотивов». Этнический габитус обладает признаками устойчивости (сохраняет без изменений этническую идентификацию в межпоколенческой связи) и изменчивости (обновляет качество этничности в окружении социальных и природных условий), традиционности (сохраняет прежние практики для будущих поколений) и новаторства (создает новые практики). Исходя из сказанного процесс идентификации возможно представить в виде особого функционирующего пространства, создаваемого посредством взаимодействия объективно существующей социальной и субъективной реальности и

³⁷³ Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. №. 4. С. 3.

³⁷⁴ Винер Б. Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис... канд. соц. наук. Москва, 1998. С. 29.

действующего на основании традиционных для этноса признаков ради создания новых практик и объединения этнической общности. Результатом идентификации становится этническая идентичность, которая сохраняется и/или изменяется наряду с признаками, принятыми этнической общностью (язык, религия или идеология, социальное устройство, антропологический вид и др.).

Б.Е. Винер определяет «этническую идентичность» как разновидность социальной идентичности, которая (так же, как и социальная) включает в себя ряд самоидентификаций (самоописаний). Предполагается, что посредством этнической самоидентификации члены одной этнической группы отличают себя от членов другой при условии контактирования обеих. Этническая идентификация, как и социальная, отвечает за восприятие себя членом определенной этнической группы и происходит больше на когнитивном (чем на оценочном) уровне. На основании сравнительного анализа устоявшихся на западе терминов социологии и психологии, а в российской науке – этнологии, ученый приходит к выводу, что в русской терминологии понятие «этническое самосознание» близко по значению к английским «этническая идентичность» и «этническая идентификация (самоидентификация)» как широкий и узкий смысл первого. «Этническая идентичность» – это широкая область идентифицируемых элементов: от общей этнической идентичности до различных стереотипов и установок, которые могут не совпадать среди членов одной группы или реконструироваться с течением времени в приписываемых группой значениях. «Этническая идентификация» – это процесс самоописаний, которые в большинстве тождественны на когнитивном уровне среди членов одной этнической группы. Результатом идентификации становится этническая самоидентификация, которая, согласно Б.Е. Винеру, есть ядро этнической идентичности. Образуется взаимосвязь трех аспектов: этнической идентичности и этнической идентификации посредством этнической самоидентификации. В диссертационном исследовании автор дает следующее определение: «этническая самоидентификация человека, то есть отнесение себя к той или иной этнической общности, выступает в качестве ядра, вокруг которого формируется этническая

идентичность»³⁷⁵. Смена этнической идентичности может произойти только на основании самоидентификации, когда обостряется разница в стереотипах и установках, и член группы может покинуть ее и перейти в другую или даже в две этнические группы либо стать маргиналом³⁷⁶.

На этом основании рассматриваемая ранее теория Ф. Барта не объясняет этничности как процесса, поскольку она заключена в этнические границы и определена этнодифференцирующими признаками. Далее Винер анализирует связи между понятиями «габитус» и «этническая идентичность». Поскольку этническая самоидентификация служит ядровым элементом идентичности, формируемым в процессе идентификации как устойчивая основа для осознания своей этничности, то его можно сравнивать с процессом конструирования габитуса. Ученый видит совпадение этнической самоидентификации с консервативными психологическими конструктами габитуса. Не совпадающими элементами названы: в габитусе – творческий компонент («психологические образования, сконструированные в результате собственного творчества индивида»), в этнической идентичности – прочие составляющие (которые «могут в значительной степени различаться даже внутри одной семьи, что свидетельствует о большой роли самого человека в их формировании»). Отнесение этнической самоидентификации к консервативным факторам связано с ее первичным складыванием в период инкультурации индивидуума, когда тот естественным образом познает окружающий мир и людей, учится понимать их значения, узнает от других о своей этнической принадлежности. Винер в своем исследовании употребляет термин «интернализация» (широко используемый в зарубежной феноменологической социологии), который имеет очень схожее с понятием «инкультурация» значение в сфере кросс-культурной психологии. По мнению ученого, этническая идентичность во многом зависит от этнического происхождения, формируется внутри семьи, тем самым обеспечивая передачу

³⁷⁵ Винер Б.Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис... канд. соц. наук. Москва, 1998. С. 32.

³⁷⁶ Замаева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

этнической самоидентификации от родителей к детям. То есть одну из решающих ролей в этнической социализации берет на себя семья. В дальнейшем, при социализации, индивидуум может изменять свою первичную этническую самоидентификацию на основе самостоятельного сопоставления знаний о родном этносе с признаками других этнических групп. При смене любого вида идентификации (половой, этнической, расовой, кастовой и др.) необходимо учитывать тот фактор, что помимо когнитивного происходит психологический кризис, который может существенно затруднить смену идентичности или вообще препятствовать ей даже в благоприятных условиях. В первую очередь механизм формирования самоидентификации «возникает в результате получения от других людей представления о своей этнической принадлежности», что справедливо делает неверным утверждение о ее формировании на основе сопоставления знаний о собственных культурных признаках с признаками различных этнических групп. Таким образом, этническая принадлежность формируется на этапе инкультурации как этнический габитус, закрепляется как консервативный конструкт и участвует в межпоколенческой передаче этнической самоидентификации. В процессе социализации она подкрепляется (или не подкрепляется) психическими дополнительными свидетельствами и объективными чертами (язык, религия, обычаи и др.). Формирование этнической самоидентификации усложняется при двойной этничности, поскольку индивидуум стоит перед осознанным выбором идентификации себя либо с этническим большинством, либо с меньшинством. Вместе с тем самоидентификация не может быстро и легко поменяться, она не является произвольной, поскольку сформирована естественным путем (психологически и когнитивно) родителями и близким окружением. Винер доказывает, что этнический габитус среди этнических иммигрантов может сохраняться до 5-6 поколения. Что касается ключевого вопроса о существовании у человечества насущной необходимости сохранять свои этнические общности и их различия в современном мире, то Винер отвечает на него так: «... габитусы направляют наши мотивации и поведение согласно выработанным в течение тысячелетий

предрасположенностям (диспозициям). Таким образом, этничность существует как своего рода передаваемая от поколения к поколению привычка, от которой мы не в состоянии отказаться, но в которую мы можем вносить модификации».

Валерий Александрович Тишков, российский историк, этнолог и социальный антрополог, раскрывает феномен этничности как процесс социального формирования этнической общности. В данном процессе ключевую роль играет культурная идентичность, в свою очередь формируемая с помощью различных социальных институтов. На основании сравнительного анализа понятий «этничность» и «этнос» в российской и зарубежной литературе ученый констатирует тот факт, что «этничность стала одной из доминирующих категорий с 1970-х годов, когда обозначилась смена дисциплинарного интереса «от расы к культуре, затем к этничности, а базовой единицей антропологического анализа стало не «племя», «этническая группа» (см. В.А. Тишков³⁷⁷). Феномен этнической идентичности сложен для анализа в связи с его множественной и ситуативной (релятивистской) природой. Дифференциация этнических групп по принципу «мы-они» уже невозможна, поскольку значительно упрощает понимание феномена этнической идентичности. В.А. Тишков утверждает, что этническая самоидентификация во многом зависит от частной стратегии человека, которая направлена больше на собственное социальное преуспевание, чем на служение группе и/или нации. Основываясь на теории Ф. Барта и его последователей об этнической идентичности, ученый резюмирует: этническая общность представляет собой социальный конструкт, создаваемый целенаправленными усилиями и поддерживаемый социальными институтами. В таком формировании постепенно формируется общая этническая идентичность (представление о принадлежности) и чувство солидарности, разделяемое индивидуумами. Содержание общей идентичности включает ряд избранных общностью культурных характеристик, которые могут изменяться («в историко-временном, диахронном, ситуативном планах») в реальности этнических отношений. Иными

³⁷⁷ Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности. М.: Русский мир, 1997. 532 с.

словами, этническая идентичность, с одной стороны, ограничена избранными этнической группой культурными характеристиками, с другой – процессуальна, поскольку существует на уровне культурных практик. В.А. Тишков в определении этнической идентичности употребляет понятие «социально-культурная коалиция», подчеркивая социальную природу этничности, определяемую целями и стратегиями группы, умением консолидировать общие решения, принимать участие в экономических и политических процессах ради обеспечения социального комфорта «в рамках культурно гомогенных сообществ».

Таким образом, ученый раскрывает феномен этнической идентичности как явления *мультиэтничности* (множественной формы), в котором этнические общности находятся в фундаментальных связях на основе культурной самоидентификации. Самоидентификация выстраивается либо оппозиционным путем (локализацией культурных отличительных признаков своей этногруппы), либо выделением доминантной этничности внутри множественной идентичности. При этом В.А. Тишков особо уделяет внимание процессуальной природе множественной идентичности: «... мы рассматриваем групповую этническую идентичность как операцию социального конституирования «воображаемых общностей», основанных на вере, что они связаны естественными и даже природными связями»³⁷⁸. Однако автор не дает ответа на вопросы о длительности процесса формирования общей идентичности и о механизмах выбора этнической идентичности. По его мнению, этническая идентичность выстраивается на границе осознания общей для группы культуры и истории, а функционирует как ресурсный культурный комплекс в диалоге с другими этническими общностями³⁷⁹.

Понятие границы этнической общности в подходе Тишкова имеет разные значения при определении групповой и личной идентичности, где в последней допускается инвариантность восприятия общей этнической идентичности. Что касается группового уровня, то границы этничности становятся жесткими только

³⁷⁸ Тишков В.А. Очерки теории этноса и политики этничности. М.: Русский мир, 1997. С. 61.

³⁷⁹ Замараева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75–89.

в кризисные периоды истории и внешних угроз. В.А. Тишков в своем исследовании выдвигает очень актуальный тезис о том, что в современной реальности важно научиться понимать, как улучшать управление в многоэтнических обществах, поскольку в условиях мультикультурного развития ослабевают идеи национализма, сохраняется выбор рационального поведения, происходит обогащение культурных ценностей этнических групп. Здесь этническая идентичность более проявлена не на индивидуальном, а на групповом уровне, т.к. выстраивает свои границы еще и посредством политических, экономических, межобщинных и других признаков. В отношении формирования этнической идентичности В.А. Тишков отмечает ее возникновение либо произвольным образом, либо предписанием извне «одной из иерархических субстанций». Ученый предлагает различать две формы представлений об этнической группе: «эмная» (внутренняя, ситуативные критерии) и «этная» (внешняя, ведущая к генерализации и стереотипным критериям). Эмная форма запускается при описании различных локальных групп (в лингвистике так различают диалекты одного языка), а этная – при сравнении различных по культурным основаниям этногрупп. Таким образом, этническая идентичность, согласно В.А. Тишкову, есть *представление* о главных чертах и ценностях группы как отличительного от других признака. Это представление постоянно формируется (меняется, дополняется, изменяется), но в качестве символической идентичности оно сохраняется и культивируется через язык, науку, религию, символику, знания об общей истории и территории, причем не только на групповом, но и на государственном уровне.

В заключение можно привести *виды этнической идентичности*, характеризующие ее как сложный феномен социальной идентичности.

Классическая этничность свойственна тем, у кого этническая идентичность основана на этнических признаках: территориальном (рождение и проживание в пределах одной территории как связь с предками), языковом (использование родного языка), конфессиональном (поддержка религиозных ценностей), культурном (следование обычаям своих предков). Классическая форма характерна

этносам, чья этническая принадлежность не меняется в пределах четырех – шести поколений³⁸⁰.

Символическая этничность является специфической формой этничности, в которой идентификация основана на осознании принадлежности «без участия в существующих этнических организациях (формальных или неформальных) или без практики существующей этнической культуры».

Мультиэтничность возникает при отнесении себя к нескольким этническим общностям как синтезированному качеству родословного происхождения. Данная форма имеет вариативный и динамичный характер, поскольку отражает принадлежность одновременно к нескольким этническим началам, которые особым образом самоидентифицируются и активируются. Мультиэтничность формируется внутри смешанных браков в условиях длительного существования многоэтничного общества. При обосновании выбора своей идентичности индивиды в большинстве случаев используют как примордиальные (кровные) связи, так и конструктивистские (сформированные представления внутри принимающего сообщества) основания.

Сдвоенная этничность формируется при отождествлении себя не более, чем с двумя этническими общностями (например, англо-кельты в Австралии, афроамериканцы в Вашингтоне). Соотнесение с той или иной этнической общностью дает индивидууму возможность большей вариативности поведения (когнитивного и/или эмоционального), исходящего из смешения двух культурных традиций³⁸¹. Форма сдвоенной идентичности близка по содержанию понятию «двойная этническая идентичность», которое в современном понимании имеет отношение к феномену миграции, раскрывая суть двойной идентификации детей мигрантов в инокультурной среде. Например, в исследовании Кима Ромеро представлена модель интеграции двуязычной идентичности с общей в среде

³⁸⁰ Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. №. 2.

³⁸¹ Там же.

погружения в иностранный язык афроамериканских подростков³⁸². Билингвизм рассматривается при интеграции как возможность осуществлять выбор и позиционировать свою двуязычную идентичность в качестве символического капитала, позволяющего чувствовать себя опережающим среди сверстников в академическом и социальном планах. Чувство двойной принадлежности помогает преодолеть отчужденность, а также проявить свою позицию в различных социальных ситуациях (например, школьники продемонстрировали высокую активность в практиковании испанского языка при участии его носителя).

Квазиэтничность как неклассическая форма была обнаружена Б.Е. Винером в ходе проведения глубинных интервью среди представителей моноэтнических семей или семей смешанного происхождения, где один из родителей происходит из моноэтнической семьи. В данном варианте при самоидентификации у респондентов практически отсутствуют «иные компоненты этнической идентичности тех этносов, к которым они себя причисляют». Ученый объясняет этот феномен межпоколенческим разрывом в преемственности, когда респондент самоидентифицирует себя с этнической общностью не прямо наследуемых, а более далеких предков.

Надэтничность проявляется у представителей малочисленных этнических групп как обобщение этнических характеристик в полиэтническом пространстве и обозначение новых границ этих групп. Данная форма проанализирована в ряде исследований (см. В.А. Иванюшина и др.³⁸³) среди школьников-мигрантов, у которых период инкультурации проходил в родной социально-культурной среде, а социализация – в инокультурной. В результатах опросов и интервью зафиксирована новая форма надэтнических идентичностей, таких как «мусульмане» и «кавказцы», которые возникают в поликультурном пространстве межэтнических отношений и очерчивают иные, обобщающие границы. Авторы

³⁸² Romero, K. A Model of the Process African American Adolescents Use to Integrate their Bilingual Identity with their Overall Identity in a Foreign Language Immersion Environment: A Grounded Theory Study [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalcommons.liberty.edu/doctoral/1768/>

³⁸³ Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные / под ред. Д.А. Александров, В.В. Баранова, В.А. Иванюшина. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2011. 100 с.; Иванюшина В.А., Александров Д.А., Казарцева Е.В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. №. 2. С. 173–195.

отмечают, что надэтничность встречается редко, поскольку формируется локально, «в зависимости от этнического состава школы и складывающихся межэтнических отношений»³⁸⁴.

В современной социальной психологии обсуждают еще одну новую форму, именуемую как «глобальная идентичность личности». Т.А. Нестик, поддерживая идею С. МакФарленда, в дискурсивном исследовании предлагает называть термином «глобальная идентичность» отождествление личностью себя с человечеством. Ключевыми факторами, по мнению ученого, являются: «интенсивность международных контактов, гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение личности в способности влиять на свое будущее»³⁸⁵. Глобальная идентичность связана с позитивной этнической идентичностью, выступает в качестве «компенсаторного механизма», сохраняющего «позитивную идентичность при негативной оценке собственного прошлого и неверии в возможность повлиять на происходящее в стране». Рассматриваемая форма имеет двойную природу, поскольку позволяет сохранять принадлежность и к социальной группе, и к обществу в целом, что дает человеку возможность быть культурно компетентным, глобально ориентированным, быстро адаптироваться к когнитивным сложностям, иметь позитивное отношение к глобализации. На материале широкомасштабного анкетирования руководителей предприятий автор констатирует, что глобальное мировоззрение формируется независимо от уровня и статуса. Фиксируется разная степень сформированности: высокая присуща менеджерам телекоммуникационной индустрии, меньшая – руководителям производственных компаний. Т.А. Нестик предполагает, что глобальная идентификация способствует повышению самооценки членов социальной группы за счет демонстрации интеллектуальными и политическими лидерами региональных или

³⁸⁴ Иванюшина В.А., Александров Д.А., Казарцева Е.В. Этническая самоидентификация подростков-мигрантов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. №. 2. С. 125.

³⁸⁵ Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. №. 4. С. 145.

даже геополитических амбиций. Глобальная идентичность отличается от других тем, что проявляет нравственную позицию морально зрелой личности. Она близка чувству патриотизма и сильной гражданской идентичности»³⁸⁶. Подтверждают исследования Т.А. Нестик результаты, полученные в 2015 – 2016 годах агентством GlobeScan, где выявлен перевес глобальной идентификации (51 % опрошенных) над национальной (43 %) ³⁸⁷.

Специфика теории культуры при изучении этнической идентичности заключается в следующих применяемых ею принципах:

1) среди многих процессов, детерминирующих формирование этнической идентичности (и самоидентичности) в качестве базового выделяется культурный процесс, выделяется культурное своеобразие факторов, влияющих на становление различных видов сложных этнических идентичностей;

2) фиксируется, что в современном мире этнические взаимодействия часто осуществляются в формате создания и обмена культурными формами, значительная часть этнических практик имеет форму культурных практик; межэтническое взаимодействие понимание в контексте межкультурного взаимодействия;

3) культурный текст становится пространством воплощения и передачи культурного наследия как базы для формирования различных форм этнической идентичности (и самоидентичности);

4) используются культурологические категории, понятия, принципы для объяснения процессов этнической идентификации и самоидентификации;

5) применяемые методы исследования имеют культурологическую специфику, которая оговаривается и определяет предметность, объекты исследования, выбор методик и векторов интерпретации полученных результатов;

6) в зависимости от понимания понятия культуры, культурных практик делаются выводы, связанные с культурной динамикой, культурными

³⁸⁶ Замираева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. №. 2. С. 75-89.

³⁸⁷ Там же.

закономерностями, связанными с процессами этнической идентификации и самоидентификации.

Данные принципы реализованы в культурологических исследованиях ряда российских и зарубежных ученых, в том числе, В. Куренной³⁸⁸, К. Гирц³⁸⁹, А.А. Белик³⁹⁰, Ю.М. Резник³⁹¹, Э. Дряева³⁹², Д.В. Пивоваров³⁹³, Н.П. Копцева³⁹⁴, М.А. Маттайни³⁹⁵, У.Х. Сьюэлл³⁹⁶, В.В. Волков³⁹⁷, Дж. Берри³⁹⁸ и др. Они будут конкретизированы в последующих разделах данной диссертационной работы.

Вывод параграфа 1.3

На основании критического анализа подходов Б.Е. Винера и В.А. Тишкова, а также при сравнительном обзоре современных исследований этнической идентичности в области теории культуры с учетом достижений философии, социологии, психологии, этнопсихологии и ряда других дисциплин, можно прийти к следующим положениям³⁹⁹:

– феномен этнической идентичности раскрывается в осознанной принадлежности человека как к одной (классическая этничность), так и к нескольким этническим группам (би- или мультиэтничность), причем в монокультурной среде обнаруживается пограничное состояние, которое определяют квазиуровнем, когда психологическое отождествление происходит с этническими предками;

³⁸⁸ Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал Логос. 2012. № 1. С. 14–79.

³⁸⁹ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры, 1973. [Электронный ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/1/Desktop/Geertz_Thick_descriptions.pdf

³⁹⁰ Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 613 с.

³⁹¹ Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 328.

³⁹² Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 41–53.

³⁹³ Пивоваров Д.В. Социоцентрические религии. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 140 с.

³⁹⁴ Копцева Н.П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия // Человек и культура. 2014. № 1. С. 17–30; Методы изучения культуры: учебник / под ред. Н. П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2020. 184 с.

³⁹⁵ Mattaini M.A. Envisioning cultural practices // The Behavior Analyst. 1996. Т. 19. № 2.

³⁹⁶ Sewell Jr W. H. The Concept (s) of Culture // The Cultural Geography Reader / T.S. Oakes, P.L. Price [eds.] London: Routledge, 2008. P. 40–50.

³⁹⁷ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 12.

³⁹⁸ Berry J.W., Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge University Press, 2002. 588 p.

³⁹⁹ Замираева Ю.С. Сложные формы этнической идентичности // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 2. С. 75–89.

– наряду с понятием «этнос», в научную терминологию вводится термин «этничность», поскольку он охватывает группы, обладающие этничностью, и позволяет выявить этнические линии принадлежности у этнорасовых групп, в результате чего возможным становится исследование сочетаний этнических принадлежностей индивидуума и обнаружение новых форм этнической принадлежности;

– при исследовании процесса межпоколенческой этнокультурной трансмиссии (передаче идентичности) необходимо учитывать подвижность культурных границ этнической группы и изменяемость ее этнических установок, характеристик и ценностей, однако несмотря на любую скорость изменения окружающих процессов наряду с изменениями остаются стабильные, устойчивые убеждения (понятие «дрейф идентичностей»);

– этническая идентичность наиболее сложная форма социальной идентичности, поскольку фундаментально формируется у индивида в период инкультурации, а при ресоциализации может трансформироваться из моноэтнической в двойную или мультиэтническую. Если при монокультурной вариации доминирует тенденция к сохранению одной этнической принадлежности, то в двух других формируется этничность смешанного типа. Судя по количеству опубликованных работ, в гуманитарных науках с 2000-х годов произошло переосмысление доминанты от «моно-» к «би-» как наиболее маневренной и одновременно устойчивой в условиях постоянно меняющегося мира. На ее основе выстраиваются стратегии современных бикультурных сообществ, в которых культурные и языковые различия становятся потенциалом развития до уровня мультикультурного общества. Что касается мультиэтничности, то исследователи характеризуют ее как сложно сформированную форму, так как она обязательно включает в себя, помимо моно- и биэтничности, иные этнические идентичности. Данную форму можно именовать комплексной, поскольку самоидентификация в ней происходит не поочередно, а в сложном сочетании этничностей;

– в рамках структуралистско-конструктивистского подхода «этнос» понимается как часть социального пространства, проявляющаяся посредством определенной конфигурации социокультурных процессов, культурных практик, как процесс и результат социального конструирования, создаваемого и возрождаемого самими людьми;

– формы этнической идентичности (моно-, би-, над-, квази-, мультиэтничности) суть вариации этнической манифестации. Самоидентификация с несколькими этническими группами является самопрезентацией выбора той или иной идентичности исходя из требований и возможностей условий окружающего мира. Встречается также определение «безэтничность» как очень редкая форма отсутствия идентификации с каким-либо этносом;

– современная теория культуры имеет определенную специфику в исследованиях процессов этнической идентификации и самоидентификации, данная специфика связана с системой категорий, понятий, принципов, методов, методик, характерных для культурологических научных дисциплин; основываясь на достижениях сопредельных гуманитарных и социальных наук, теория культуры исследует процессы этнической идентификации и самоидентификации в контексте акцентирования исследовательского фокуса на культурных практиках, культурных формах и культурном своеобразии данных процессов.

1.4 Культурологическая модель измерения сложной социальной идентичности

Понятие «сложная идентичность» неотъемлемо связано с определением природы личной и социальной идентичности. Поэтому в течение XX столетия социальные отношения и формы взаимодействий стали предметом изучения, причем непосредственно в живой реальности. Однако к началу XXI века в связи с динамикой глобализационных процессов, ускорившей взаимодействие социального мира, ученые большее внимание сосредоточили на межгрупповых отношениях как длительного, состоящего из контактов и результатов взаимодействия между различными социальными группами. В теоретических исследованиях обосновываются стратегии поведения (от локализации до ассимиляции), в эмпирических обсуждаются происходящие социокультурные трансформации внутри поликультурных сообществ. Вместе с тем, исследования социальных отношений затрагивают и иные научные области: психологию (вопросы о субъективных представлениях в межличностных и межгрупповых отношениях), этнологию (существование и проявление этнической идентичности, ее форм), культурную и визуальную антропологию (формы конструирования идентичности). В объединенном научном усилии одна из ключевых целей – понимание формирования идентичности в индивидуальном и групповом смысле, на межличностном и межгрупповом уровнях, где вскрывается огромный пласт аспектов культурного взаимодействия, выделяются и анализируются новые культурные практики.

Во второй половине XX века представители структурно-функционального подхода в культурной антропологии предложили модель измерения сложной социальной идентичности, которая объясняет, как индивидум концептуализирует свои первичные социальные идентичности и группы, и предлагает структуры по взаимодействию. *Концепция сложности социальной*

идентичности изложена в статье Сони Роккас и Мэрилин Брюер 2002 года⁴⁰⁰, где феномен сложности рассмотрен как определенная и четко фиксированная культурная практика, где формируется и реализуется субъективное представление индивида о взаимосвязях его множественных идентичностей, каждая из которых обладает той или иной степенью совпадения между группами, в которых человек является членом. Предполагалось, что уровень сложности социальной идентичности повышается при сочетании как схожих и пересекающихся, так и не схожих и не пересекающихся идентификаций. Такая идентичность образуется, когда индивид осознано дифференцирует и интегрирует множественные групповые идентичности, осознавая разность их функциональных ролей. Создание простой (внутригрупповой) или сложной (межгрупповой) социальной идентичности зависит от личных ценностных приоритетов и терпимости к членам внешней группы или групп.

Сони Роккас и Мэрилин Брюер изложили ряд новаторских идей в понимании природы сложной социальной идентичности. Мэрилин Брюер еще в 1996 году предположила, что разные уровни идентичности представляют различные перспективы для интерпретации социальной реальности, теория коллективной идентичности становится всеобъемлющей для понимания изменчивости как самого индивидуума, так и других людей, имеющей специфику в конкретном социокультурном пространстве⁴⁰¹. Потребность идентичности (определение себя в контакте с другими) одна из ключевых у человека. Обнаружить свою идентичность можно, если принять, что идентичность стала сложнее и она множественна. Феномен социальной идентичности проявляется у большинства людей в одновременной принадлежности к нескольким социальным группам (в реализации нескольких групповых идентичностей). На рубеже XX–XXI веков современные технологии позволили индивидам пересекать географические,

⁴⁰⁰ Roccas S., Brewer M.B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Т. 6. №. 2. P. 88–106.

⁴⁰¹ Brewer M. B. Who is this "We"? Levels of collective identity and self representations // *Journal of personality and social psychology*. 1996. Т. 71. №. 1. P. 83-93.

культурные и социальные границы, выражать себя посредством широкого и изменчивого членства в различных группах и социальных категориях⁴⁰².

Вместе с тем С. Роккас и М. Брюер исследуют еще две проблемы: природу отношений между многочисленными внутригрупповыми идентичностями конкретного человека и культурное влияние множественных социальных идентичностей на межгрупповые отношения в целом. Для индивида понимание структуры его социальных идентичностей важно, поскольку представления о своих группах влияют не только на самооценку, но и на характер отношений между ними. Ученые подробно остановились на процессах, посредством которых членство в группах может способствовать усложнению социальной идентичности (SIC), поскольку сама сложность относится к субъективному восприятию перекрытия между различными самоопределяющимися группами или категориями, то есть степени, в которой различные социальные образования (и идентичности, связанные с ними) разделяют членов.

Авторы концепции предлагают четыре структуры множественных внутригрупповых представлений субъекта о межгрупповых отношениях.

Первая структура называется «пересечение», когда индивид формирует единое представление о своем «социальном Я» на основе нескольких групповых членств. Модель пересечения внутригруппового представления возникает при наличии сходства, при котором соединение двух групповых идентичностей составляет ингруппу воспринимающего.

Вторую структуру именуют как «доминирование», когда одна социальная идентичность приоритетна, то есть индивид отождествляет себя с некой первичной (основной) группой, а идентификации в других категориях соподчинены с первичной как вариативное поведение (членство в других группах указывает и подтверждает преобладающую социальную идентичность). Данная

⁴⁰² Crisp R.J., Hewstone M., Rubin M. Does multiple categorization reduce intergroup bias? // Personality and social psychology bulletin. 2001. Т. 27. №. 1. P. 76–89.

структура более сложна чем первая, поскольку имеет дробление социальных идентичностей внутри одной доминирующей.

Третья структура – «*обособление*», где одна идентичность является источником для «социального Я», а другие существуют относительно отдельно и активируются в разных контекстах и ситуациях. Таким образом, множественные идентичности как бы разделены и дифференцированы, существуют изолировано друг от друга и актуализируются (переключаются) в определенных условиях. Данная структура работает по аддитивной схеме оценки других людей в зависимости от их членства в нескольких группах.

Последняя (четвертая) структура определена как «*слияние*», когда возникает интеграция всех множественных групп внутри одной категории социальной идентичности. Сложность здесь состоит в том, что «... идентификация внутри группы распространяется на тех, кто разделяет любую важную социальную категорию»⁴⁰³. Все идентификации актуальны и действуют наравне друг с другом как сочетание социальных идентичностей. Внутри структуры интегрируются разные составляющие и характеристики, создавая сложную форму объединенной идентичности внутри группы. Результатом становится разнообразие социальной идентичности, при котором пропадает единичное категориальное разделение между людьми (например, для их оценки). Авторы отмечают, что чем множественнее социальная идентичность индивидуума, тем сложнее определение его ингруппы, поскольку нет четких различий между ин- и аутгруппами в связи с их равнозначным оцениванием.

Все рассмотренные структуры являются разными режимами разрешения несоответствия и представления идентичности; движение от простой («пересечение») к сложной («слияние») происходит на когнитивном уровне в зависимости от сложности дифференциации и интеграции потенциально противоречивых убеждений и ценностей.

⁴⁰³ Brewer M. B. Who is this "We"? Levels of collective identity and self representations // Journal of personality and social psychology. 1996. Т. 71. №. 1. P. 91.

Сложность социальной идентичности зависит от двух условий: 1) понимания наличия более одной группы в категории; 2) признания того, что множественные внутригрупповые категории не сходятся. Согласование несоответствий требует познавательных ресурсов, поэтому (как и другие формы) сложность социальной идентичности зависит от ситуативных и мотивационных факторов, а также от индивидуальных различий в когнитивном стиле.

По мнению С. Роккас и М. Брюер, «социальная идентичность» как модель представления категорий может иметь два подтипа. В первом социальные категории могут осознаваться типичными и характерными (сходство между прототипами групп). Во втором социальная категория выстраивается посредством границы, на которой определяются члены группы (те, кто считаются таковыми), это степень предполагаемого совпадения между членством в различных группах. Сложность социальной идентичности может формироваться как внутри, так и между четырьмя типами когнитивного представления, причем каждый может иметь как низкий уровень сложности (когда идентичности можно условно разделить), так и высокий (когда происходит их слияние). Низкая степень сложности означает, что несколько идентичностей субъективно встроены в одно представление группы, тогда как высокая сложность включает в себя признание дифференциации и разницы между категориями внутри группы.

Из рассмотренных подтипов вытекают два аспекта, позволяющие проявить воспринимаемые отношения между ингруппами. Аспект, основанный на представлении прототипа, касается восприятия сходства прототипических ценностей, норм и других характеристик, которые определяют различные ингруппы. Второй аспект, основанный на представлении членства, – это осознание степени общего членства в разных группах. Отсюда два различных проявления субъективного перекрытия (совмещения, наложения) между ингруппами: совмещение групповых характеристик (прототипические представления соответствующих групп) или членов группы. В любом из аспектов высокий показатель совмещенного представления образует единую социальную реальность, а низкая степень воспринимаемого совпадения отражает более

сложную социальную идентичность. Поскольку аспекты различны (прототип и определение границ), они формируют два разных типа сложности. В итоге, чем больше человек воспринимает группы, к которой он принадлежит, близкими друг другу, тем менее сложна его социальная идентичность.

Такая операционализация сложности социальной идентичности свойственна и ряду других конструкций. Одна из них (с очевидной релевантностью) – это самосложность, определяемая по структуре самопознания, которая различна у людей. Простая самооценка представлена в виде небольшого количества восприятий с перекрывающимися функциями и атрибутами, сложная же состоит из большого количества аспектов с независимыми функциями. Подобно этому сложная социальная идентичность состоит из взаимосвязей между аспектами самопознания, однако они отличаются по типу знания: самосложность относится к структуре восприятия личных качеств, тогда как сложная социальная идентичность – к структуре восприятия ингрупп. Следовательно, когда измеряется самооценка, люди сообщают о восприятии собственных личных качеств, тогда как при изучении сложности социальной идентичности речь идет о восприятии прототипов группы, к которой (или которым) принадлежат респонденты. Тем не менее обе конструкции представляют аналогичные понятия в разных уровнях репрезентации человека: личностную и коллективную самость («Я»).

Сложность социальной идентичности частично пересекается и с понятием «роли личности», согласно которому каждый человек играет несколько ролей, расположенных в порядке значимости. Роль идентичности – это самовосприятие человеком его социального положения по отношению к другим людям, которые занимают разные положения в рамках одной системы. Теории идентичности и сложности социальной идентичности рассматривают последствия структурных отношений между несколькими ролями, которые индивиды исполняют одновременно в различных социальных группах или контекстах. Поскольку роли – это реляционные (зависимые) идентичности, сложность их происходит из множества представлений индивида о себе во взаимоотношениях с другими. М.Б.

Брюер и В. Гарднер называют эти множества представлений «межличностным Я», тогда как сложность социальной идентичности вытекает из когнитивных представлений об ингруппе в целом: «коллективное Я»⁴⁰⁴.

Еще одним проявлением сложности социальной идентичности выступает воспринимаемое дублирование членства в группах. Некоторые люди могут считать группы, к которым они принадлежат, содержащими одни и те же элементы. Например, татарские и мусульманские группы не равны по составу (многие татары не мусульмане, а многие мусульмане не татары), но некоторые люди могут воспринимать их сильно совпадающими (перекрывающимися): когда они думают о татарах, подразумевают мусульман, а представителей других конфессий не считают «настоящими» татарами. Высокое совпадение в восприятии подразумевает, что различные ингруппы фактически задуманы как единая конвергентная социальная идентичность. В этом случае предметные границы ингрупп включают только тех, кто принимает такую же идентичность. С другой стороны, когда схожесть (перекрытие) членства между различными ингруппами видится относительно небольшой, границы каждой из них определены так, что включают в себя тех, кто не разделяет других идентичностей. Такие объединенные групповые идентичности больше и сложнее, чем любая из ингрупп в одиночку, то есть чем больше человек воспринимает группы, к которым он (или она) принадлежит, тем менее сложна его (или ее) социальная идентичность.

Сони Роккас и Мэрилин Брюер в своей теории предложили гипотезу о сложных формах социальной идентичности, которая заключается в представлении когнитивной модели и факторов (экспериментальных и мотивационных), определяющих сложность идентичности:

- 1) стабильные экспериментальные факторы: социокультурная структура общества, культурное сходство между ингруппами;
- 2) личные качества: потребности, культурные ценности;

⁴⁰⁴ Brewer M.B., Gardner W. Who is this "We"? Levels of collective identity and self representations// Journal of personality and social psychology. 1996. Т. 71. №. 1. P. 83–93.

3) ситуационные факторы: факторы, снижающие ресурсы внимания; факторы, повышающие значимость конкретной группы.

Понятие «сложная идентичность» во многом раскрыто авторами концепции благодаря изучению социокультурного опыта. Непосредственная социокультурная среда, в которую большинство людей социализировано, объективно менее сложна, чем общество в целом. Таким образом, локальная социокультурная структура обладает относительно высокой степенью сходства и дублирования между ингруппами, что приводит к более простой социальной идентичности. Развить необходимую комплексную социальную идентичность можно только при наличии особых условий: вхождение более, чем в одну ингруппу с частичным перекрытием. Очевидно, что на сложность социальной идентичности влияет фактическая сложность жизненного опыта. Социокультурные среды, где основанием для различий ингрупп – аутгрупп является сквозное (перекрестное), а не конвергентное (не сходящееся) противостояние, дают человеку знания о различиях в значении и составе социальных категорий.

Жизнь в поликультурном обществе может дать осведомленность о том, что социальные категоризации, основанные на этническом культурном наследии и на гражданстве, не перекрываются полностью (не полностью совпадают) и, следовательно, увеличивают сложность социальной идентичности, в том числе, за счет воздействия ряда культурных факторов (религии, языка, принимаемых культурных ценностей, усвоенного культурного наследия, функционирования культурной памяти). В объяснении бикультурализма авторы обосновывали, что проживания в поликультурном обществе не всегда достаточно, чтобы обеспечить условия формирования сложной идентичности. Воздействие поликультурной среды может восприниматься участниками по-разному в зависимости от их установок на разнообразие.

Кроме того влияние поликультурного общества на сложность идентичности, вероятно, будет зависеть от того, насколько общество стратифицировано (расслоено) по этнокультурным признакам и какие нормы, культурного

многообразия преобладают. При стратифицированном обществе, особенно когда высока степень соответствия между гражданской (статусной) и групповой этнической идентичностью, может снизиться сложность опыта, даже если общество поликультурно. Там, где представители различных религиозных или этнических групп имеют разные профессии, объективная взаимосвязь между профессиональной и этнической ингруппами значительна и, следовательно, ожидается низкая степень сложности социальной идентичности. Кроме того, в стратифицированных обществах первичные группы обычно состоят из членов одной этнической группы и класса, а контакты одновременно с представителями ингруппы и аутгруппы минимальны.

Необходимо заметить, что если представители разных культур живут вместе, они часто образуют не равные по силе культурные группы (некоторые доминируют, и их идеология может иметь большее влияние как на фактическое разнообразие, так и на восприятие различий в таком обществе). Бывают доминирующие группы ассимиляционного характера, их идеология продвигает единую культуру в нации, тогда как другие (интеграционисты) явно поддерживают установку на сохранение культурного наследия недоминирующих групп (см. Берри⁴⁰⁵). Очевидно, что интеграционная идеология повышает сложность социальной идентичности представителей доминирующей группы, поскольку поощряет различные этнокультурные вариации, чтобы показать разнообразие и поднять их значимость.

Особое значение при определении сложности социальной идентичности имеет фактическое совпадение и сходство между ингруппами. Человек, который является членом разных групп, где люди очень похожи по характеристикам или тесно взаимодействуют, вероятно, имеет простое представление о взаимосвязях между этими группами, то есть низкую сложность социальной идентичности, но и одновременное участие в группах, которые заметно отличаются по объективным признакам (например, по целям), не обязательно приводит к сложному

⁴⁰⁵ Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied psychology. 1997. Т. 46. №. 1. P. 5–34.

представлению. Большие различия между характеристиками могут привести к низкой сложности, если одна группа доминирует, что проявляется в относительной самобытности (своеобразии) таких ингрупп и их статуса: отличительные ингруппы обычно более заметны и чаще используются для самостоятельной категоризации. Исследование стратегий поведения иммигрантов поддерживает это рассуждение. Когда ингруппы отличаются между собой, могут возникнуть два противоположных результата: либо сложное представление, отражающее различия между группами, либо простое, в котором доминирует одна из групп.

Постоянное осознание социокультурной сложности структуры групп, в которых участвует человек, также влияет и на его *личные качества, к которым* Сони Роккас и Мэрилин Брюер относят такое понятие, как индивидуальные различия в способности противостоять сложной (комплексной) неоднозначной информации, куда включают 1) потребность в закрытии; 2) ориентацию на неопределенность; 3) личную потребность в структуре; 4) терпимость к неопределенности. Возможные последствия влияния когнитивных мотивов на сложность социальной идентичности мы рассмотрим на примере двух из них.

Потребность в закрытии – это желание быстрого и окончательного ответа на любой вопрос, а не затянувшаяся неопределенность, замешательство (путаница) или неоднозначность. Люди с высокой потребностью в закрытии стремятся к стабильным ответам, которые позволяют избежать в будущем изменений, неопределенности и двусмысленности, ведущих к пересмотру позиций. Сложная социальная идентичность уменьшает необходимость однозначных ответов, которые люди относят как к себе, так и к другим в группах участия. Когда существует низкое перекрытие между ингруппами, некто может быть одновременно членом как ингруппы, так и аутгруппы. Следовательно, нет однозначного ответа на вопрос, является ли этот человек одним из «нас» или он один из «них». Если ингруппы воспринимаются сильно отличающимися друг от друга, тоже нет определенного ответа на вопрос, хорошая ли это группа. Ингруппы характеризуются различными ценностями и нормами, поэтому один и

тот же человек может считаться хорошим членом в одной группе и неудовлетворительным в другой. Следовательно, люди с высокой потребностью в закрытии предпочитают воспринимать интруппы похожими друг на друга и разделяют это мнение с другими, образуя низкую сложность социальной идентичности.

Связь между потребностью в закрытии и сложностью социальной идентичности непосредственно не изучалась. Тем не менее, результаты ряда исследований показывают, что потребность в закрытии усиливает желание однородной социальной среды (см. А.В. Круглански и др.⁴⁰⁶). К примеру, А.В. Круглански и Д.М. Вебстер обнаружили, что люди в небольших группах, помещенных в условия, которые активируют повышенную потребность к закрытию, с большей вероятностью отвергали собеседника, утверждающего, что он придерживается иного мнения. И наоборот, выяснилось, что люди с вероятной сильной потребностью в закрытии предпочитают соглашение с их диадическими партнерами относительно лиц с низкой потребностью. Кроме того, продемонстрировано, что потребность в закрытии связана со степенью интруппового фаворитизма и отступления от внешней группы, а также с четкой категоризацией на внутреннюю и внешнюю группы.

Ориентация на неопределенность, как и потребность в закрытии, относится к индивидуальным различиям. На одном полюсе люди, ориентированные на определенность и активно избегающие столкновения с неопределенностью, на другом – те, кто справляется с неопределенностью путем поиска информации, направленной на ее устранение. При этом ориентированные на определенность индивиды, во избежание признания несхожих групповых идентичностей, представляют множество социальных идентичностей как единую (совместимую) интруппу, тогда как ориентированные на неопределенность охотнее ищут информацию о себе и о социокультурной среде, которая привела бы их к высокой

⁴⁰⁶ Kruglanski A.W., Webster D.M. Group members' reactions to opinion deviates and conformists at varying degrees of proximity to decision deadline and of environmental noise // Journal of personality and social psychology. 1991. Т. 61. №. 2. P. 212.; Kruglanski A.W., Webster D.M., Klem A. Motivated resistance and openness to persuasion in the presence or absence of prior information // Journal of personality and social psychology. 1993. Т. 6. №. 5. P. 861.

сложности социальной идентичности. В соответствии с изначальной гипотезой было установлено, что ориентация на неопределенность играет значительную роль в процессах социальной и культурной категоризации. Так, люди, ориентированные на культурную определенность, воспринимают свои ингруппы более однородными, особенно во внутригрупповых контекстах. Кроме того, они больше склоняются к ингруппе в условиях неопределенности, чем те, кто заранее ориентирован на нее. Первые используют различия ингрупп и аутгрупп для сохранения ясности и избегания неопределенности, а вторые терпимы к неясным внутригрупповым границам.

Та же линия рассуждений, которая связывает сложность социальной идентичности с познавательными мотивами, соотносит ее с *личными приоритетами (культурными ценностями)*, которые представляют собой когнитивные представления об основных мотивационных целях, различающихся по значимости и выступающих в качестве руководящих принципов в жизни людей. На основе универсальных потребностей человеческого существования, Schwartz определил десять мотивационно различных типов значений и проверил их в кросс-культурных исследованиях более чем в шестидесяти странах. При этом все десять образуют круговую структуру, которая может быть сведена к двум основным конфликтам.

1. Самоутверждение против самоопределения. Все культурные ценности человека укладываются в две дихотомии: типы значений силы и собственных интересов конфликтуют с типами универсализма. Первая пара типов предпочитает собственные интересы, тогда как вторая связана с заботой о благосостоянии и интересах других.

2. Открытость к изменениям против консерватизма. Типы значения самонаправленности и стимуляции конфликтуют с типами культурных ценностей безопасности, согласованности и традиционности. Первые подчеркивают независимые действия, мысли и чувства, а также готовность к новому социокультурному опыту, в то время как другие акцентируют самоограничение, порядок и сопротивляемость изменениям.

Культурные ценности влияют на то, как люди воспринимают и интерпретируют информацию, следовательно, могут определять понимание ингрупп и осознание несхожести между различными группами, в которых человек участвует. Так, могут быть противопоставлены консерватизм и открытость к изменениям. Ценности первого выражают мотивацию избегать неопределенности, неоднозначности и нестабильности, то есть воспринимать окружающую среду в простых условиях. Осознание того, что ингруппы отличаются по ряду социокультурных признаков, может вызвать чувство нестабильности и незащищенности, поэтому люди, которые ценят консерватизм, скорее всего, имеют простую социальную идентичность. И, наоборот, те, кто готов к изменениям, мотивированы учиться, исследовать и делать независимые суждения на основе собственного опыта, менее склонны принимать преобладающие социальные нормы и более способны к развитию сложной социальной идентичности.

Точно так же культурные ценности универсализма (терпимость и понимание всех людей) ближе к принятию неясных внутригрупповых границ. Напротив, ценности силы (власти) выражают мотивацию узаконить иерархические отношения и стремление контролировать людей и ресурсы, поэтому люди, которые подчеркивают ценности силы (власти, доминирования) собственных интересов, могут развить простую социальную идентичность с четким различием между членами ингруппы и аутгруппы.

Опыт социализации и устойчивые индивидуальные различия приводят к долгосрочным последствиям, которые могут определить постоянный доступ к сложным представлениям множественных социальных идентичностей.

Помимо долгосрочных (хронических) переменных на характерные особенности внутригрупповой идентичности и когнитивные особенности, в том числе на сложность социальной идентичности, влияют *ситуационные социокультурные факторы*, по крайней мере, временно.

Люди, как правило, обращают особое внимание на культурные атрибуты, которые делают их *отличительными*, и меняют основу категоризации от

контекста к контексту, используя ингруппу, отличающуюся в каждом конкретном контексте. Например, вероятность того, что респондент делает описание себя с точки зрения своего пола, тем выше, чем больше доля людей противоположного пола, присутствующих в данный момент. Таким образом, в ситуациях, когда конкретная ингруппа особенно отличается, она будет играть доминирующую роль в представлении социальной идентичности, приводящей к простому представлению взаимосвязей между различными ингруппами.

Ситуационные культурные факторы, которые требуют большого внимания (например, одновременное выполнение нескольких задач), также влияют на обработку, поиск и анализ информации. Люди обычно не всегда осведомлены обо всех членах их групп, скорее о категориях, которые делают социокультурный контекст субъективно более значимым особенно там, где есть наибольшее сходство внутри групп, а различимость между ними максимальна. Более того, перекрытие между группами более постоянное и длительное, чем неперекрытие, потому что люди обычно окружены теми, кто входит в их ингруппы. Таким образом, осознание сложности социальной идентичности может потребовать больших когнитивных усилий и внимания, чем простые внутригрупповые представления. Как следствие, когнитивная перегрузка может повлиять на доступность информации, которая вносит вклад в сложную социальную идентичность (одновременное осознание нескольких групп и осознание неперекрытия между ними), больше, чем относящуюся к простой социальной идентичности (осведомленность только об одной внутригруппе или восприятие значительной степени перекрытия), что приводит к временному снижению сложности социальной идентичности.

Аналогичная аргументация применима к воздействию острого *стресса*. Исследования показывают, что у тревожных людей уменьшаются когнитивные ресурсы. Тревога особенно вредна при выполнении трудных задач, но мало влияет на простые или автоматические действия. Кроме того, выяснено, что

стресс вызывает сужение фокуса внимания (см. Р.В. Дж. Нойфельд и др.⁴⁰⁷, Дж.Х. Салмела и др.⁴⁰⁸, Н.М. Стеблей⁴⁰⁹, Ф. Хойер и др.⁴¹⁰).

Еще одним фактором формирования социальной идентичности выступает *внутригрупповая угроза*, которая может повлиять на представления индивида через несколько процессов. Прежде всего, она может повысить значимость находящейся под угрозой ингруппы по сравнению с другими, то есть такая группа может временно доминировать, а членство в других группах становится менее важным и менее различимым. Кроме того, угроза может вызвать стресс и истощить ресурсы внимания, что ведет к упрощенному представлению групп. В соответствии с изначальными гипотезами было установлено, что угроза влияет на процессы социальной категоризации. Например, при наличии угрозы индивиды воспринимают свою ингруппу как более однородную, а себя более похожим на ингруппу и отличающимся от внешней группы. Это свидетельствует о том, что под угрозой люди предпочитают четкие границы внутри группы.

Таким образом, предполагается, что на сложность социальной идентичности влияет как долгосрочная, так и временная доступность одновременного членства в неконвергентных (не сходящихся) ингруппах. Или, по-другому, сложность социальной идентичности может варьироваться как между людьми, так и между ситуациями. Факторы, которые влияют на постоянную доступность к множественным ингруппам (например, объективная сложность социальной среды, личные мотивы и культурные ценности), будут способствовать индивидуальным различиям в сложности социальной идентичности, тогда как влияющие на когнитивную способность интегрировать представления ингруппы (например, когнитивная перегрузка, стресс) будут способствовать изменению

⁴⁰⁷ Neufeld R.W.J., McCarty T.S. A formal analysis of stressor and stress- proneness effects on simple information processing //British Journal of Mathematical and Statistical Psychology. 1994. Т. 47. №. 2. P. 193-226.

⁴⁰⁸ Salmela J.H., Ndoye O.D. Cognitive distortions during progressive exercise // Perceptual and Motor Skills. 1986. Т. 63. №. 3. P. 1067-1072.

⁴⁰⁹ Steblay N.M. A meta-analytic review of the weapon focus effect // Law and human behavior. 1992. Т. 16. №. 4. P. 413-424.

⁴¹⁰ Heuer F., Reisberg D. Vivid memories of emotional events: The accuracy of remembered minutiae // Memory & cognition. 1990. Т. 18. №. 5. P. 496-506.

степени сложности социальной идентичности в разных ситуациях, особенно для людей, которые не являются постоянно сложными в социальной идентичности.

На начальных этапах программы исследований по оценке сложности социальной идентичности и ее коррелятов Роккас и Брюер провели анкетные опросы в двух культурных контекстах – в Соединенных Штатах Америки и в Израиле – для проверки некоторых прогнозов, полученных на основе теоретического анализа.

Прежде всего, авторы концепции попросили американских респондентов (198 человек) проверить различные социальные категории, к которым они принадлежат (из длинного списка этнических, религиозных, политических, организационных, демографических и географических социальных групп) и указать, какие из этих групповых членств были особенно важны для них (например, католическая религия и гражданин Огайо). На основе полученных ответов была отобрана социокультурная подгруппа (белые американцы, студенты колледжа, связанные с крупной религиозной конфессией), а меры сложности социальной идентичности были рассчитаны с учетом четырех социальных категорий: гражданство, этническая принадлежность, религиозная принадлежность и университет. Далее респондентам напомнили об их индивидуальных социокультурных группах и задали им ряд вопросов об отношениях, которые они воспринимают между всеми парами своих групп (например, католики и американцы). В одной серии вопросов оценивалось их субъективное впечатление о степени совпадения членства между каждой из их групп в каждом направлении сравнения (например, «Из числа католиков, сколько из них студентов университета?» «Из лиц, которые являются студентами университета, столько также католиков?»). Во второй оценивалось субъективное впечатление о степени сходства между каждой из групп. Для каждой пары из четырех внутригрупповых идентичностей участников просили указать, насколько они согласны, что типичный представитель одной из двух ингрупп очень похож на типичного представителя другой ингруппы (например, в общем, типичный американец очень аналогично обычному студенту колледжа) с использованием 7-

балльной шкалы оценок от 1 (категорически не согласен) до 7 (полностью согласен). Индекс сложности подобия был создан путем вычисления средних оценок сходства по всем парам ингруппы, причем более высокие оценки указывают на более высокие общие характеристики и более низкую сложность.

Среди студентов израильских университетов Роккас и Брюер провели прикладное исследование «Настроение и сложность социальной идентичности», где изучили взаимосвязь степени сложности социальной идентичности и стресса. Были предложены разработанные по американским образцам вопросы на иврите (путем перевода и обратного перевода значений). Была отобрана подгруппа респондентов, которые назвали себя светскими, израильтянами, студентами колледжей и евреями ($n = 99$). Эти группы были использованы для измерения сложности. В результате обследования два показателя сложности снова были лишь слегка положительно коррелированы ($r = 0.14$).

В целом результаты показывают, что переживание настроения, которое истощает когнитивные ресурсы, связано с меньшей сложностью социальной идентичности. Это согласуется с прошлыми исследованиями (например, Дж. А. Истербрук⁴¹¹), показывающими, что сильное эмоциональное возбуждение сужает внимание, чтобы сосредоточиться на центральных сигналах, исключая более периферийные стимулы (раздражители). Возможно, влияние стресса на сложность самопредставлений в других областях еще не изучено, но можно предположить, что аналогичных результатов и для других областей вполне ожидаемы.

Для изучения *причинно-следственной связи между угрозой и сложностью идентичности* Роккас и Брюер провели эксперимент, где сложность была измерена после экспериментального манипулирования угрозой. Эксперимент проводили в Израиле с использованием респондентов-студентов, отобранных по тем же критериям членства в группах. Исследователи манипулировали угрозой, повышая либо (а) доступность угрозы применения нетрадиционного оружия в

⁴¹¹ Easterbrook J.A. The effect of emotion on cue utilization and the organization of behavior // Psychological review. 1959. Т. 66. №. 3. Р. 183–201.

возможной будущей войне с Ираком (состояние с высокой угрозой), либо (б) доступность вопросов, связанных с природой (состояние с низкой угрозой). Замечено, что манипулирование угрозами оказало незначительное и статистически незначимое влияние на показатели сложности социальной идентичности.

Изучения субъективных представлений о социальной идентичности тесно связано с анализом ее *последствий*, причем некоторые из последствий сложности социальной идентичности аналогичны последствиям сложности представлений в других областях Я-концепции. То есть сложность социальной идентичности может помочь людям успешно противостоять аффективным последствиям негативных событий, связанных с социальной идентичностью, так же, как личностная сложность помогает противостоять негативным событиям, связанным с личной идентичностью.

К таким же факторам можно отнести *терпимость* по отношению к членам внешней группы. Сложность социальной идентичности основана на хроническом осознании перекрестной категоризации в своей собственной и других социальных группах. Простая социальная идентичность, скорее всего, будет сопровождаться восприятием того, что любой человек, который является членом внешней группы (аутгруппы) в одном измерении, также является членом внешней группы во всех других. В отличие от этого, если человек понимает, что одна из его (или ее) ингрупп лишь отчасти перекрывается (пересекается) с любой другой из его (или ее) ингрупп, то можно предположить, что этот человек также осознает, что некоторые членов ингрупп пересекаются в членстве: они являются членами группы в одном измерении, но одновременно членами группы и в других. Очевидно, что член аутгруппы в одном измерении категории является членом ингруппы в другом, а это уменьшает смещение по сравнению со случаями, когда последняя информация недоступна. Возникает предположение, что эффект сложности социальной идентичности может быть распространен на терпимость (толерантность) к внешним социокультурным группам в целом.

Существует ряд теоретических причин, по которым сложное представление внутригрупповой категоризации должно влиять на межгрупповые социокультурные отношения и поведение таким образом, чтобы уменьшить предвзятость и дискриминацию.

Во-первых, сквозные (межсекторальные) различия усложняют социальную и культурную категоризацию и уменьшают масштабы различий между группами (внутренними и внешними). Согласно теории социальной и культурной категоризации (см. Дж.К. Дешам и др.⁴¹², В. Дойз⁴¹³, Н. Ванбеселазр⁴¹⁴), процессы внутрикатегориальной ассимиляции и межкатегориального контраста противодействуют друг другу, когда категории пересекаются. Таким образом, эффекты межкатегориального акцентирования уменьшаются или устраняются, а различия между группами сводятся к минимуму (или не превышают воспринимаемые различия внутри групп). Это подрывает когнитивные основы ингрупповой предвзятости.

Во-вторых, частичное дублирование членства в группах снижают значимость для самооценки межгрупповых сравнений, тем самым подрывая мотивационную базу межгрупповой дискриминации.

В-третьих, членство в нескольких группах снижает важность какой-либо одной социальной идентичности для удовлетворения потребности индивида в принадлежности и самоопределении (см. Брюер⁴¹⁵), что опять же снижает мотивационную базу для внутригрупповых предубеждений. Наконец, принципы когнитивного равновесия (см. Ф. Хайдер⁴¹⁶, Т.М. Ньюкомб⁴¹⁷) также вводятся в действие, когда членство в ингруппах и внешних группах совпадает. Когда некто является членом группы в одном измерении категории, но принадлежит к

⁴¹² Deschamps J.C., Doise W. Crossed category memberships in intergroup relations // *Differentiation between social groups. Studies in the social psychology of intergroup relations*. 1978. P. 141–158.

⁴¹³ Doise W. *Groups and individuals: Explanations in social psychology*. CUP Archive, 1978. 244 p.

⁴¹⁴ Vanbeselaere N. The different effects of simple and crossed categorizations: A result of the category differentiation process or of differential category salience? // *European review of social psychology*. 1991. Т. 2. №. 1. P. 247–278.

⁴¹⁵ Brewer M.B. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and social psychology bulletin*. 1991. Т. 17. №. 5. P. 475–482.

⁴¹⁶ Heider F. *The Psychology of Interpersonal Relations*. New York: John Wiley & Sons, 1958. 322 p.

⁴¹⁷ Newcomb T.M. Stabilities underlying changes in interpersonal attraction // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Т. 19. №. 4. P. 3–14.

внешней группе в другой категории, возникает когнитивная несогласованность, если этот человек оценивается положительно как член группы, но ассоциируется с другими, которые оцениваются отрицательно как члены внешней группы. В попытке устранить такие несоответствия процессы межличностного баланса должны привести к большей позитивности по отношению к внешней группе на основе перекрывающихся членств. В целом как когнитивные, так и мотивационные факторы позволяют предсказать, что сложные социальные идентичности будут связаны с уменьшением (снижением) внутригруппового социокультурного фаворитизма и повышением толерантности и позитивности по отношению к внешним группам в целом.

Проблематика *многомерности социальной идентичности*, определенная в концепции Роккас и Брюер, была подробно рассмотрена российскими исследователями О.Е. Хухлаевым и М.А. Хайт⁴¹⁸. По сути, статья представляет собой подробный анализ англоязычного текста «Social Identity Complexity» Сони Роккас и Мэрилин Брюер. В 2014 г. Мария Хайт публикует результаты кросс-культурного исследования *взаимосвязи сложности социальной идентичности* (на материале анализа отношения к ситуации неопределенности в России и Италии). Автор подтверждает свою гипотезу о том, что исследуемая взаимосвязь между отношением к неопределенности и уровнем сложности социальной идентичности является **культурной универсалией**⁴¹⁹. Более того, толерантность (эмоциональный комфорт и высокий/средний уровень сложности) социальной идентичности или интолерантность (нетерпимость и низкий уровень сложности) к ситуации неопределенности позволяет выявить выраженность специфики взаимосвязи посредством когнитивного или эмоционального фактора.

А.В. Сидоренко и В.А. Дорофеев *исследовании соотношения между уровнями идентичности*: «групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности по трем компонентам (когнитивный, аффективный и

⁴¹⁸ Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюер // Социальная психология и общество. 2012. №. 3. С. 16–26.

⁴¹⁹ Замаева Ю. С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

поведенческий) внутри малых групп людей»⁴²⁰ приходят к выводу, что уровни идентичности образуют определенную социокультурную иерархию (группа, подгруппа, индивид), взаимосвязаны между собой (полная и линейная, слабая или неполная), и имеют разную степень выраженности. В качестве дополнения к последующему изучению сложности идентичности предложено добавить еще два (к трем) уровня: персональная и организационная идентичности с целью понять связи между пятью уровнями идентичности.

Таким образом, культурологическая модель исследований сложной идентичности связана с описанием социокультурного своеобразия групповых и межгрупповых взаимодействий, а также выделением ряда феноменов, характерных для этих процессов, как культурных универсалий, проявляющихся в разных конкретных социокультурных средах достаточно схожим образом. Подходы и методы, изложенные в анализируемых исследованиях, будут адаптироваться к задачам актуального культурологического исследования в последующих разделах данной диссертационной работы.

Вывод параграфа 1.4

Таким образом, люди отличаются по сложности субъективных представлений об их множественных социокультурных ингруппах. Живущие в поликультурном обществе, которое придерживается принципов адаптации и интеграции, скорее всего, могут иметь более сложные представления о множественных социокультурных идентичностях, чем те, кто живет в монокультурном или стратифицированном обществе. Лица с высокой потребностью в закрытии или с ценностными мотивационными целями, которые подчеркивают наличие статуса-кво, будут иметь более простое представление о взаимосвязях между ингруппами, чем индивиды с противоположными мотивами и мировоззрениями. Кроме того, на представление о своих ингруппах, могут влиять социокультурные и персональные факторы, ограничивающие ресурсы внимания, такие как стресс или когнитивная нагрузка.

⁴²⁰ Сидоренков А.В., Дорофеев В.А. Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. №. 3. С. 60–75.

По мнению Роккас и Брюер, множественные групповые идентичности различаются по степени совпадения между группами, и это зависит от субъективных представлений и наличествующих культурных ценностей. Большая степень неперекрывающихся групп (высокий SIC) связана с более благоприятными межгрупповыми отношениями, однако эта форма зависит от множества социальных, культурных и психологических факторов, ограничивающих ее развитие (высокая потребность в закрытии, желание сохранить статус-кво, высокий стресс или когнитивная нагрузка, жизнь в монокультурном или стратифицированном обществе).

Другим аспектом в понимании природы идентичности является возможность комбинирования множественных аспектов собственной личности, направлять свои действия и внимание в связи с изменением социокультурного контекста⁴²¹. Сегодня наука предлагает большие возможности для понимания процессов межсекционных идентичностей. Однако единство в концептуальных подходах к изучению сложности социальной идентичности по сию пору отсутствует.

Выводы первой главы

В научной истории концептуальное определение понятия сложной идентичности состоялось в последней трети XX столетия в ряде социальных и гуманитарных наук, выполняющих социокультурный анализ внутригрупповых и межгрупповых отношений. С начала XXI века данное понятие получило развитие благодаря междисциплинарным исследованиям, позволившим ученым выявлять сложные формы идентичности в различных формах современного социокультурного пространства. В общенаучном понимании понятие «сложная идентичность» раскрывается в качестве феномена и процесса, имеющего структуру и формы идентификационных пересечений, что дает мощный методологический инструмент для культурологического исследования специфики форм и процесса формирования идентичности в индивидуальном и групповом

⁴²¹ Замаараева Ю. С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 89–102.

форматах, на межличностном и межгрупповом уровнях, где вскрывается огромный пласт аспектов культурных практик и межкультурных взаимодействий.

В начале XXI века возрастает интерес к исследованию идентичности как культурологической проблеме и проявляет необходимость ее изучения в контексте современной теории культуры и межкультурных отношений. Культурологическая проблематика позволяет соединить существующие представления в концептуальное определение понятия «сложная идентичность» и выстроить приоритеты исследования в контексте актуальных социально-культурных отношений.

Стремительное и разнообразное формирование понятия «сложная идентичность» в современных социальных и гуманитарных науках привело к тому, что оно стало здесь одним из самых научно обсуждаемых и дискутируемых на концептуальном, методологическом и прикладном уровнях. Множественность подходов к трактовке идентичности образует широкое предметное поле социокультурного феномена, далекое от унификации и от возникновения единой теории идентичности⁴²². В данном контексте современная культурологическая методологическая стратегия комплексного исследования сложной идентичности как культурного феномена выстраивается на междисциплинарной методологии, синтезирующей теоретические и эмпирические методы социокультурных исследований для решения культурологической проблемы. Методологическая стратегия выступает основой эмпирических и теоретических культурных исследований: количественное культурное исследование для выявления ключевых закономерностей и устойчивых коэффициентов, определяющих формирование простых и сложных форм идентичностей; качественное культурное исследование для анализа категориальных представлений и особенностей формирования сложных форм этнокультурной идентичности. Современная стратегия исследования сложной идентичности как культурного феномена позволяет уйти от традиционного описания специфики идентичности

⁴²² Замаева Ю. С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. №. 2. С. 80–102.

как множественной формы, дифференцируемой по видам (лингвокультурная, гражданская, религиозная, и пр.) и осуществить переход к углубленному и комплексному культурологическому познанию ее сущности.

Теория культуры имеет здесь ряд преимуществ, как в силу своего междисциплинарного характера, так и в связи с особенностями категориально-понятийного аппарата, связанного с содержанием понятий культуры, культурных практик, культурных процессов, сущностно ориентированных на акцентирование процессуальности, динамики, с одной стороны, а с другой стороны, на моделирование сложной диалектики культурных универсалий и культурных уникальностей любого социального процесса.

В общенаучном понимании наибольшую сложность для анализа представляет этническая идентичность, формирующей фундамент для инвариантной социокультурной идентификации и установку на интеграционное поведение в поликультурной среде. В современном мире каждому субъекту, каждому актору, видимо, необходим выбор интеграционной стратегии, формирующей навык распознавания множественных идентификаций, социальной солидарности, включенности в широкое социальное поле межгрупповых отношений и межкультурных взаимодействий. Аналитический обзор современных исследований в области теории культуры с учетом достижений философии, социологии, психологии, этнопсихологии и ряда других научных дисциплин позволил зафиксировать классификацию форм этнической идентичности по их принадлежности либо к двойной, либо к комплексной социокультурной вариации. Формы этнической идентичности характеризуют ее как сложный феномен социальной идентичности, они встраиваются в стратегии современных бикультурных сообществ, в которых культурные и языковые различия становятся потенциалом развития до уровня поликультурного общества⁴²³.

⁴²³ Zamaraeva Y.S., Koptseva N.P. History of complex identity research // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. 2020. Т. 13. № 7. P. 1216–1229.

Культурологически значимая модель измерения сложной социальной идентичности в межкультурных отношениях раскрыта в концептуальном подходе С. Рокасс и М. Брюер. Посредством ряда прикладных исследований ученые показали разность качества воспринимаемого пересечения идентифицируемых групп: при сильном пересечении складывается простая форма социальной идентичности, при меньшем – сложная форма в бифуркации собственных групповых идентичностей. Влияющими факторами на развитие межсекционных форм идентичности являются социальные, культурные (ценностные, в том числе) и психологические установки, а также существующая модель общества (моно или поликультурная, стратифицированная или интеграционная). На основании вышеизложенного, формулируются концептуальные определения, содержательно взаимосвязанные и характеризующие феномен сложной идентичности («социальная идентификация», «социальная идентичность»).

После выполнения концептуального анализа сложной идентичности необходимо исследование методологических подходов, методов и методик как в системе социального и гуманитарного познания, так и в современной теории культуры, которая обладает рядом научно-дисциплинарных преимуществ, позволяющих выстроить адекватную исследовательскую модель, обладающую прогностическими возможностями и имеющую прикладное значение для эффективной реализации государственной национальной и культурной политики в современной Российской Федерации, в том числе, на федеральном и региональном уровнях.

ГЛАВА 2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЛОЖНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Вторая глава посвящена обзору методологических основ анализа сложной идентичности в исследованиях XIX-XXI веков с целью дальнейшего фокусирования на методологии исследования сложной формы этнокультурной идентичности. Интеллектуальная история должна проявить наиболее эффективный путь его изучения в современных прикладных разработках. Концептуальным фундаментом для настоящих исследований служат синтетическая концепция культуры как идеалообразования Д.В. Пивоварова и интерпретативная теория культуры К. Гирца.

2.1 Методологическое обоснование исследования сложной идентичности в социогуманитарном знании XIX–XXI веков

Понятие «идентичность» применяется для описания отождествления индивидом себя с социальными группами, но при методологическом подходе оно обретает уникальное содержание, раскрывающее тот или иной аспект самого процесса и результата взаимоотношения, пути трансформации обеих сторон и формирования ими нового идентификационного качества. В философском осмыслении тема идентичности возникла в XVII веке, а как термин и категория ряда наук (культурологии, этнологии, психологии, социальной философии, культурной антропологии, социальной психологии) оформилась с середины XX столетия.

Существующие теоретические описания не были бы возможны без понимания того, как исследовать феномен идентичности, один из самых дискуссионно обсуждаемых на концептуальном, методологическом и прикладном уровнях. Однако некоторые ученые не видят необходимости теоретических разработок и без того широкого предметного поля данного феномена, далекого от унификации и от создания единой теории идентичности⁴²⁴. Другие (например, представители социального конструктивизма) считают, что процесс идентификации и самоидентификации раскрывается в реалиях взаимоотношений человека и общества, а потому развитие теории идентичности в духе классической научной дисциплины невозможно. Так, Питер Бергер и Томас Лукман считают, что «растущее значение проблемы идентичности подтверждается непрекращающимися дискуссиями об этом предмете в различных областях общественнознания и множасьимся числом подходов к трактовке идентичности и ее взаимосвязей с другими исследованиями в области наук о

⁴²⁴ Côté J.E., Levine C.G. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis. Psychology Press, 2014. 268 p.; Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? An appraisal of the field // Identity. 2006. Т. 6. №. 1. P. 3–25.

человеке»⁴²⁵. Российский ученый Элла Дряева так определяет насущную необходимость изучения данного явления: «...идентичность представляет собой один из ключевых компонентов социально-психологической (человеческой) действительности и остро нуждается в исследовании в равной мере как необходимый компонент теории социальной реальности (онтологический аспект проблемы идентичности) и как влиятельное средство объяснения отдельных социальных и индивидуально-психологических проблем и явлений (функциональный аспект)»⁴²⁶.

Данный параграф посвящен обзору методов исследования идентичности, поскольку сегодня существует многообразие его теоретических и эмпирических исследований в разных областях науки, однако целостное представление до сих пор отсутствует.

Философское обоснование исследования сложной идентичности

Проблема изучения идентичности, процессов идентификации и самоидентификации возникла, когда общество перешло из традиционного состояния в современное, индустриальное и постиндустриальное, социально мобилизовалось, и различные социальные субъекты должны были быстро реагировать на происходящие во внешней среде изменения. Отправной точкой методологического исследования человека как субъекта (с позиции автономного, отличного от внешнего мира существования) является эпоха Нового времени (которая создала научную картину мира), когда идентичность стала пониматься как изменяемая и процессуальная наряду с другими социально-динамическими процессами. Именно в это время акцентируется значение активной субъективной составляющей в структуре данного феномена.

Философы Нового времени способствовали появлению особого типа мышления человека новой формации. Это связано с изменением представлений о мире, о человеке и его существовании. Научные открытия Н. Коперника

⁴²⁵ Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Penguin Books, 1966. 249 p.

⁴²⁶ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С. 41.

(гелиоцентрическая система устройства Вселенной), И. Кеплера, Г. Галилея, помогли развиться прагматизму зарождающего капитализма. Такая картина мира противоречила представлениям предыдущей эпохи, в связи с чем возникла необходимость в поиске места человека в бесконечном мире, его возможной идентификации с различными социальными группами. Одно из ключевых представлений о субъектности (активности) человека лежит в основе рационализма, методология которого была разработана Р. Декартом.

В философии Нового времени на первый план выступают проблемы метода познания (пути развития познавательных способностей) и творческой активности субъекта в процессе постижения им мира. Сущность человека понимается как деятельность, которая помогает ему познавать окружающее бытие и одновременно самопознавать себя. Философ Н.П. Копцева в своей монографии отмечает: «Основным в индивидуальном сознании становится постоянное противопоставление Себя и Другого. Без этого противопоставления невозможно формирование «Я», следовательно, индивидуальное сознание постоянно устанавливает отношения между собой и внешним миром. Вместе с тем это противопоставление условно, поскольку человек органично включен в общество как в целостность более объемного порядка. Вне этой включенности самобытие индивидуума не полно и не целостно. И личность, и общество взаимодополняют друг друга, будучи частями друг друга, дают друг другу смысл существования»⁴²⁷. Исследователь Т.А. Борисова пишет: «Впервые идентичность заявляет себя как некое «Я», как некое проявление субъективности, когда выражает сомнение по отношению к чему-либо другому, не сомневаясь в своем собственном существовании»⁴²⁸.

Внутри философского знания тема идентичности развивается в поиске системы ориентации, которая дала бы человеку возможность отождествить себя с неким признанным образцом. Э.Д. Дряева пишет: «Тема рационального

⁴²⁷ Копцева Н.П. Философия. Истина как цель и смысл: введение в алетологию: монография. Красноярск: СибГТУ, 2003. 192 с.

⁴²⁸ Борисова Т.А. Педагогический контекст понимания идентичности личности: опыт историко-философского анализа // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 54.

мышления возводится до статуса законодательного уровня, что позволяет в практических действиях индивидуально реализовать всеобщий моральный закон и одновременно обрести собственную идентичность в повседневной практике. Соответственно, практическое действие обеспечивает персонализацию, а моральное начало (трансцендентальный исток) этого действия обеспечивает родовую принадлежность и связанные с нею социальные константы, позволяя индивиду быть не только «уникальным», но и «человеком»⁴²⁹.

Заметим, что Рене Декарт рассматривал проблему тождества психического и телесного «Я» (дуализм души и тела), проявляющегося в самосознании человека. Он обосновал две модели (модуса) человеческого бытия. Благодаря первому модусу мыслящее «Я» человека устойчиво и не растворяется в динамике внешнего мира. Второй модус обнаруживается в процессе социализации, и поскольку он лишен какой-либо базовой ориентации, вектор его распространения изменяется в зависимости от столкновений идентичностей с породившим их социумом. Таким образом, декартово понятие «*cogito*» как центра самосознания включает в себя активность под действием внешнего мира. Декарт выявил сущность человеческого «Я», связанную с глубинными свойствами человека и изменяющую свое содержание в различное время.

Противоположная точка зрения на персональную идентичность была обоснована в исследованиях Дж. Локка, Д. Юма, И. Канта. Понятие личности Джон Локк раскрывает посредством непрерывности сознания, формирующего опытное знание чувственным путем. В его трудах речь идет о социальной идентичности личности: физическое, умственное, религиозное, нравственное и трудовое воспитание человек получает только в обществе, поэтому каждый ответственен за свои поступки и может быть вознагражден или наказан обществом.

Дэвид Юм, один из крупнейших представителей британской философии Просвещения, так же, как и Джон Локк, большое значение придает опытному

⁴²⁹ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С. 45.

знанию, проблемам морали и нравственности, социальному взаимодействию людей в современном им обществе. Э Дряева подчеркивает: «Человеческое «Я» создается внешним миром и осознается индивидом через собственную деятельность. Идентичность формируется также «извне», в культурном пространстве и обществе. Совокупность восприятий и есть суть человеческого «Я», а все людские качества формируются воспитанием и образованием»⁴³⁰.

Вслед за Д. Юмом Иммануил Кант в теории трансцендентального субъекта обосновывает идею опыта как основы человеческого познания, способа познания себя, своих границ и возможностей. Такое познание есть временное единство представлений, возникающих в процессе получения многообразного эмпирического материала и формирующих повседневный опыт, оно предполагает тщательное самописание, самоопределение, восходящее к конкретной познавательной ситуации⁴³¹. И. Кант пишет о человеке как об активно познающем субъекте, осмысленно действующем, развивающем способность мышления и нравственное деяние. Как отмечает Н.П. Копцева: «В рассуждениях философа речь идет именно о нравственном действии, то есть таком, которое устанавливает единство индивидуального и социального бытия с точки зрения осуществления блага. Проблема нравственности понималась Кантом как путь регуляции социального поведения, поскольку нравственный закон трактовался как всеобщий и необходимый, отстраивающий действия всех людей в соответствии с требованиями разума»⁴³². Дальнейшее развитие философского исследования идентичности перешло в русло научной психологии.

Таким образом, философы периода Нового времени определили место человека как включенного в пространство окружающего мира, рационализирующего свои суждения и поступки и участвующего в социальной динамике. К определению идентичности применяют категории «пассивного» и

⁴³⁰ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 50.

⁴³¹ Копцева Н.П. Философия. Истина как цель и смысл: введение в алетологию: монография. Красноярск: СибГТУ, 2003. 192 с.

⁴³² Копцева Н.П. Философия. Истина как цель и смысл: введение в алетологию: монография. Красноярск: СибГТУ, 2003. 134 с.

«активного», «индивидуального» и «социального», в единстве формирующих представления человека о себе как уникальной личности и участнике социальных изменений одновременно.

Условное разделение на персональную (единство представлений) и социальную (совокупность восприятий) идентичность позволило уже в Новейшее время развиться двум наиболее влиятельным стратегиям исследования идентичности: «психоцентричной и социоцентричной» (определение Э. Дряевой⁴³³). Можно согласиться с данной классификацией, поскольку она отражает обе содержательные стороны понятия «идентичность» и характеризует его как комплексное явление. Психоцентричная и социоцентричная стратегии как крайние точки возможной методологии фиксируют разнообразие существующих подходов, указывая на доминанту значимости «внутренних» (внутренние психические процессы) или «внешних» (социальные взаимодействия) процессов, а также проявляя интерес к тому или иному компоненту структуры сложной идентичности или преимущественным механизмам ее воспроизводства.

Распространение психологических и психоаналитических исследований в новейшую эпоху не было случайным, поскольку в XIX веке происходит дифференцирование социального пространства на общественное и частное, в котором общественное имеет большее развитие, а частное локализуется в пространстве семьи. Появляется тезис о кризисе идентичности, возникающем в состоянии конфликта личности и общества⁴³⁴. И в философии, и в психологии ученые постепенно выделяют проблему анализа юношества как особой жизненной категории, к анализу которой требуются новые концептуальные подходы, помогающие раскрыть специфику становления и развития идентичности. Яркими представителями этих подходов являются Зигмунд Фрейд (автор психоаналитической философии) и Эрик Эриксон (основатель эпигенетического подхода в психологии).

⁴³³ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С. 41-53.

⁴³⁴ Борисова Т.А. Педагогический контекст понимания идентичности личности: опыт историко-философского анализа // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. №. 1. С. 53-58.

Концептуальное и методологическое основание изучения сложной идентичности в области психологии. Методики исследования.

В психоаналитической традиции сложилась традиция исследований идентичности, на основе которой развился анализ идентификационных процессов. В теории бессознательного как научном объяснении поведения человека в повседневном бытии идентификация понимается через разрабатываемые понятия: «самость», «Я» и собственно «идентичность». В психоаналитической традиции под идентичностью понимается бессознательный процесс отождествления субъекта с другими людьми, который происходит в раннем детстве, когда посредством наблюдения, критики и сравнения запускается механизм противопоставления и отождествления действительного «Я» и собственной деятельности с неким «Я-идеалом», созданным в процессе, посредством которого в раннем детстве ребенок научается разделять внешние по отношению к нему личности и объекты⁴³⁵. Идентификация мыслится как защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя некому образцу, желание быть похожим, походить на того, кто человеку кажется идеалом, кого он любит и почитает. Зигмунд Фрейд рассматривает этот процесс как попытку ребенка перенять силу родителя (отца, матери) или «воспитателя» (лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью. В дальнейшем сформированная идентичность способствует ассоциированию себя с какой-то общностью (группой) на основе единства характеристик, ценностей, целей, традиционных представлений. Функцию постоянной идентичности в сознании человека выполняет «Эго», а социальной – «Супер-Эго». Понятие «Я-идеал» («Супер-Эго») раскрывается как совесть – внутренний стержень личности, на фундаменте которого строится персональная идентичность и происходит освоение социальных ролей.

Таким образом, идентификация понимается здесь как динамичный и активный социально-психологический процесс самоопределения личности, как

⁴³⁵ Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1990. С. 425–440.

способ реагирования на социальную интеракцию и адаптацию к ней. Несмотря на то, что теория психоанализа направлена на выявление сущности идентичности (настоящего «Я» человека) и её концептуальное оформление, в самой идее акцент сделан на внутренние устремления человека. Несомненно, что психоанализ помогает раскрыть идентификацию как психологический механизм, рождающий чувство тождественности человека самому себе, а идентичность как результат процесса уподобления. Например, современник З. Фрейда философ и психолог Карл Ясперс причислял идентичность к одному из формальных признаков Я-сознания, благодаря которому человек осознает себя устойчиво и стабильно.

В философско-психологическом подходе к исследованию идентичности развита идея о личности с доминантой ее субъективного, рефлексивного пространства (Я или Эго). По мнению Э. Дряевой, Зигмунд Фрейд объяснил, как «происходит процесс становления человеческой Самости, отражающей поведенческую ориентацию человека. Однако в сфере психологии понятия «Я», «Самость» и «Личность» всё же отличаются от идентичности как общности, возникающей на границе внешней детерминации и внутренней индивидуальности, инвариантно проявляющейся в различных представлениях о себе»⁴³⁶. Возможно, этот факт стал причиной разработки методик всестороннего измерения личной идентичности и изучения её содержательных характеристик.

Представители интеракционистской школы Мэнфорд Кун и Томас Макпартленд разработали экспериментальный опросник самоописания «Кто Я?» как метод измерения идентичности через получение личных ответов на двадцать высказываний теста⁴³⁷. Теоретическим основанием создания опросника является получение представления о личностном «Я» как внешнее выражение позиции в социальной системе. Самоотчет респондента помогает определить восприятие себя в связи с возможными референтными группами. Предполагается, что чем больше саморефлексивных представлений имеет отвечающий, тем более развито

⁴³⁶ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 47.

⁴³⁷ Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // American sociological review. 1954. Т. 19. №. 1. P. 68–76.; Kuhn M.H. Self-attitudes by age, sex, and professional training // The Sociological Quarterly. 1960. Т. 1. №. 1. P. 39–55.

его самопредставление. Ранжирование личных характеристик происходит скрытым образом: принято считать, то первые в начале списка более актуализированы в сознании субъекта. Е.Д. Беспанская-Павленко, изложившей суть применения психодиагностических методик в прикладных исследованиях, пишет: «Результаты опроса обрабатывают методом контент-анализа по ряду категорий: социальные группы (пол, возраст, национальность, религия, профессия), идеологические убеждения (философские, религиозные, политические и моральные высказывания), интересы и увлечения, стремления и цели, самооценка. При обработке применяют такие шкалы, как объективные и субъективные социальные роли»⁴³⁸. Благодаря этому методу анализируют структурные характеристики идентичности на основании имеющихся установок в отношении себя и выявления социального статуса индивида. Полученный материал вновь обрабатывают методом контент-анализа. Высказывания респондента делят на две группы: объективные (общие, разделяемые членами в группе характеристики) и субъективные (те, которые может пояснить лишь сам респондент). Данная методика не информативна для глубинного понимания процесса и условий развития идентичности, представление о которых необходимо в корректной диагностике стадии развития идентичности. Однако она нашла современное применение в консультационной практике для эффективной работы с кризисом идентичности (профессиональной – Е.Б. Ермолаева⁴³⁹; образовательной – И.В. Кротова⁴⁴⁰; инклюзивно образовательной – Дж. Ф. Пол⁴⁴¹; субъективного переживания идентичности – А.Ш. Тхостов⁴⁴²; С.М. Меджидова⁴⁴³;

⁴³⁸ Беспанская-Павленко Е.Д. Психодиагностические методики изучения гендерных особенностей личности. Минск: БГУ, 2013. С. 5–9.

⁴³⁹ Ермолаева Е.Б., Шатюк Т.Г., Сильченкова С.В. Особенности профессиональной идентичности учителей Беларуси, России, Латвии // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2018. №. 2 (54). С. 127–135.

⁴⁴⁰ Krotova I.V. Socio-psychological identity of foreign students with high academic achievement // Revista Publicando. 2017. Т. 4. №. 13 (2). Р. 496–506.

⁴⁴¹ Paul J.F. The impact of music on self-concept: An investigation with deaf and hearing children using the Twenty Statements Test [Электронный ресурс]. URL: <https://ttu-ir.tdl.org/bitstream/handle/2346/73214/PAUL-DISSERTATION-2017.pdf?sequence=1>

⁴⁴² Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И., Емелин В.А. Психодиагностика субъективного восприятия своих идентификаций: применение модифицированной методики «Кто Я?» // Национальный психологический журнал. 2014. №. 2 (14). С. 58–69.

⁴⁴³ Меджидова С.М., Орланова А.И. Анализ «Я-концепции» с помощью теста «Кто я такой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. №. 6-7. С. 169–180.

М.Г. Синчурина⁴⁴⁴). Методики исследования идентичности и различные диагностики личностной идентичности на сегодня имеют уже некую стандартизированную форму и представлены в разработанных авторских методиках (например, В.Б. Никишина⁴⁴⁵). В качестве примера применения теста двадцати высказываний как психодиагностической методики может выступить эмпирическое исследование А.А. Яковлевой, выявившей структурные компоненты и функции виртуальной идентичности, а также влияние этой формы идентичности на самоактуализацию личности подростков⁴⁴⁶.

К методологическим разработкам 1950-х годов относится и опросник по исследованию «Я-реальное» и «Я-идеальное» Т. Лири, Г. Лефоржема и Р. Сазека⁴⁴⁷. Ученые предложили исследовать трансформацию личности посредством изучения само- и взаимооценки личности в малой группе (семья, рабочий коллектив, сообщество по интересам и т.д.). Стандартизированный самоотчет (опросник) содержит 128 утверждений, сгруппированных в восемь психологических шкал, по которым определяют «различные личностные черты: авторитарность, эгоистичность, агрессивность, подозрительность, подчиненность, зависимость, дружелюбие, альтруистичность»⁴⁴⁸. В опроснике респонденту предлагают дважды произвести отбор не менее восемнадцати утверждений, первые из которых он относит к своему «реальному Я» (ответить на вопрос «Какой Вы человек?»), а вторые – к идеальному «Я-образу» («Каким бы Вы хотели стать?»). Обработка результатов по восьмишкальному принципу (в зависимости от количества набранных баллов по каждой из шкал) определяет степень выраженности качества. Эмпирический материал заносят в оценочный лист, считают количество ответов, совпадающих с ключом по каждой из восьми шкал,

⁴⁴⁴ Синчурина М.Г. Структура Я-концепции: интеграция научных представлений // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 115–119.

⁴⁴⁵ Никишина В.Б., Петраш Е.А. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. Т. 21. № 6 (177). С. 254–261.

⁴⁴⁶ Яковлева А.А. Влияние виртуальной идентичности на самоактуализацию личности в подростковом возрасте // Психология и психотехника. 2016. № 12. С. 1017–1022.

⁴⁴⁷ Leary T. *Interpersonal Diagnosis of Personality: A functional theory and methodology for personality evaluation*. N.Y.: Ronald Press Company, 1957. 518 p.

⁴⁴⁸ Беспанская-Павленко Е.Д. Психодиагностические методики изучения гендерных особенностей личности. Минск: БГУ, 2013. С. 19–27.

результаты заносят в сводную таблицу. Данную методику, как и предыдущую, успешно применяют в эмпирических исследованиях личной (Я, эго) идентичности. Современные исследователи доукомплектовывают методику психодиагностическими средствами с целью проявить реальную степень самоактуализации. Например, девятишкальная оценка своего «Я» в методике исследования самоотношения (см. С.Р. Пантлеев⁴⁴⁹), пятишкальная в тесте смысложизненных ориентаций (адаптированная в 1992 году Д.А. Леонтьевым⁴⁵⁰, версия теста «Цель в жизни» Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика), и двенадцатишкальная в самоактуализационном тесте (Л.Я. Гозман, М.В. Кроз и др.⁴⁵¹).

Теоретическое оформление идентичности как предмета исследования произошло во второй половине XX века в концепции Эрика Эриксона, благодаря которой проблематика вышла на междисциплинарный научный уровень обсуждения и развилась в различных направлениях зарубежной психологии: собственно психоаналитическом (Дж. Марсиа⁴⁵², А. Ватерман⁴⁵³); бихевиористическом (М. Шериф⁴⁵⁴, Д. Кэмпбелл⁴⁵⁵), символическом интеракционизме (Дж. Мид⁴⁵⁶, Э. Гоффман⁴⁵⁷, Г.Фогельсон⁴⁵⁸); когнитивном подходе (Г. Тешфел⁴⁵⁹, Дж. Тернер⁴⁶⁰, Г. Брейкуэлл⁴⁶¹).

⁴⁴⁹ Пантлеев С.Р., Столин В.В. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.

⁴⁵⁰ Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000 (1-ое изд. 1992). 18 с.

⁴⁵¹ Гозман Л.Я., Кроз М.В., Алешина Ю.Е., Загика М.В. Самоактуализационный тест (адаптация теста ROI Эверетта Шострома). М.: Изд-во МГУ, 1984.

⁴⁵² Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of personality and social psychology*. 1966. Т. 3. №. 5. P. 551–558; Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L. Ego identity: A handbook for psychosocial research. Springer-Verlag New York, 1993. 391 p.; Marcia J.E., Kroger J., Martinussen M. Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis // *Journal of adolescence*. 2010. Т. 33. №. 5. P. 683–698.

⁴⁵³ Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // *Developmental review*. 1999. Т. 19. №. 4. P. 591–621; Waterman A.S., Schwartz S.J., Mullis R.L., Dunham R.M. Ego identity status, identity style, and personal expressiveness: An empirical investigation of three convergent constructs // *Journal of adolescent research*. 2000. Т. 15. №. 4. P. 504–521; Waterman A.S. Identity as an aspect of optimal psychological functioning: Advances in adolescent development / G.R. Adams, T.P. Gullotta, & R. Montemayor (eds.). Sage Publications Inc., 1992. P. 50–72.

⁴⁵⁴ Sherif M. Intergroup conflict and cooperation: The Robbers Cave experiment. Norman, OK: University Book Exchange, 1961. P. 150–198; Sherif M. Group conflict and co-operation: Their social psychology. Psychology Press, 2015 (1st ed. 1966). 212 p.; Sherif M. Social interaction: Process and products. Routledge, 2017 (1st 1967). 528 p.

⁴⁵⁵ Campbell D.T. Ethnocentric and other altruistic motives // *Nebraska symposium on motivation*. 1965. Т. 13. P. 283–311; Campbell D.T. Stereotypes and the perception of group differences // *American psychologist*. 1967. Т. 22. №. 10. P. 817; Campbell D.T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions: S. Koch, *Psychology: A study of a science*. Study II. Empirical substructure and relations with other sciences. Vol. 6. Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences, 1963. P. 94–172.

⁴⁵⁶ Mead J.G. Reason, I and the Society (Mind, Self, and Society). Chicago: University of Chicago Press, 1934. 536 p.

Психолог и психоаналитик Эрик Эриксон изучал процессы идентификации и самоидентификации в «контексте проблемы индивидуального «Я» и личных средств формирования индивидуальных образов для обнаружения себя и осознания собственных границ»⁴⁶². В трактовке Э. Эриксона идентичность имеет значение процесса, посредством которого формируется и проявляется способность личности отождествляться самой себе. Процесс не прерывается во времени, поэтому в нем отражается комплекс представлений и восприятий себя в окружающем мире: это «...твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем многообразии социальных отношений»⁴⁶³. В работе «Идентичность: юность и кризис» ученый пишет: «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях – на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими»⁴⁶⁴.

Mead J.G. Selected Writings / A. J. Reck [ed.] University of Chicago Press; Phoenix ed edition. 488 p.

Mead G.H. The Philosophy of the Act / C.W. Morris, J.M. Brewster, A.M. Dunham, D. Miller [eds.]. Chicago: University of Chicago, 1938.

Mead G.H. The relation of play to education: George Herbert Mead: Essays on his Social Philosophy / J.W. Petras (ed.). New York: Teachers College Press, 1968. P. 27–34.

⁴⁵⁷ Goffman E. The presentation of self in everyday life. University of Edinburgh Social Sciences Research Centre. Monograph No. 2, 1956. 162 p. [Электронный ресурс]. URL: https://monoskop.org/images/1/19/Goffman_Erving_The_Presentation_of_Self_in_Everyday_Life.pdf; Goffman E. Behavior in public places. NY: The free press, 1963. 248 p.; Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. NY: Simon and Schuster, 1963. 168 p.

⁴⁵⁸ Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects: Psychosocial theories of the self. Springer, Boston, MA, 1982. P. 67–109.

⁴⁵⁹ Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // Social science information. 1974. № 13 (2). P. 65–93; Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge university press: Cup Archive, 1981. 384 p.; Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge university press, 1982. 523 p.

⁴⁶⁰ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // Advances in Group Processes // Theory and Research / E. J. Lawler (ed.). Psychology press, 1985. Т. 2. P. 77–122; Turner J.C. Social influence. Milton Keynes: Open University Press, 1991. 206 p.; Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict: The social psychology of intergroup relations / W.G Austin, S. Worchel [eds.] Chicago: Nelson-Hall, 1986 [1st ed. 1979]. 429 p.; Turner J.C. Some current issues in research on social identity and self-categorization theories // Social identity: Context, commitment, content. 1999. Т. 3. №. 1. P. 6–34; Turner J.C. et al. The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence // British Journal of Social Psychology. 1986. Т. 25. №. 3. P. 237–252; Turner J.C. Toward a cognitive redefinition of the social group // Social Identity and Intergroup Relations / H. Tajfel (ed.). Cambridge University Press, 1982. P.15–40.

⁴⁶¹ Breakwell G.M. Coping with threatened identities. Psychology Press, 2015 [1st ed. 1986]. 234 p.; Breakwell G.M. et al. The distinctiveness principle: Identity, meaning, and the bounds of cultural relativity // Personality and Social Psychology Review. 2000. Т. 4. №. 4. P. 337–354; Breakwell G. Social representations and social identity // Papers on social representations. 1993. Т. 2. P. 198–217; Breakwell G.M. Social representational constraints upon identity processes // Representations of the social: Bridging theoretical traditions. Blackwell Publishing. 2001.p. 271–284.

⁴⁶² Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С. 43.

⁴⁶³ Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис/ общ. ред. А. В. Толстых. М.: Флинта, 2006 (2-е изд.). С. 8.

⁴⁶⁴ Там же, с. 28–33.

Исходя из идеи о том, что подростковый и юношеский возраст – ключевая стадия формирования идентичности, в центре внимания оказываются индивидуальные механизмы формирования и изменения идентичности. Например, Эриксон отмечает, что важным моментом в развитии личности становится осмысление профессионального образования среди подростков. Содержанием эго-идентичности является «чувство тождественности самому себе (несмотря на происходящие в процессе развития изменения), целостности, непрерывности своего существования во времени и пространстве, возможности контроля над собой и одновременно осознание того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими»⁴⁶⁵.

В концепции Эриксона разработаны понятия «личностная идентичность» и «групповая идентичность». По словам Дж. Шварца, в работах Эриксона 1970–1980-х годов личностная (или индивидуальная) идентичность понимается как более осознаваемая и более социальная, чем эго-идентичность. «Личностная идентичность» содержит способности, потребности, цели, ценности, идеалы, представления и другие индивидуальные особенности человека, включая его профессиональные предпочтения, выбор избранника, используемые выражения и многое другое. «Социальная идентичность» определяется как чувство внутренней приверженности групповым идеалам, принятие человеком определенных социальных ролей, отождествление себя с другими членами группы. Понятие «идентичность» является наиболее общим среди рассмотренных и употребляется Э. Эриксоном в одном из вышеуказанных значений⁴⁶⁶.

Концепция Э. Эриксона стала фундаментом для разработки методологии исследования идентичности, в котором одним из первых предложил *статусный подход в эмпирических исследованиях* Джеймс Марсия⁴⁶⁷. Основное внимание уделено индивидуальным различиям, проявляющимся в разные периоды жизни при поиске решения проблем личной идентичности. Исследовательская гипотеза

⁴⁶⁵ Там же, с. 58.

⁴⁶⁶ Schwartz S J. Author's Response. The Evolution of Identity: A Rejoinder // Identity: An international journal of theory and research. 2001. Т. 1. №. 1. P. 87–93.

⁴⁶⁷ Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // Journal of personality and social psychology. 1966. Т. 3. №. 5. P. 551–558.

построена на том, что с помощью ортогональных измерений можно обнаружить поведенческие маркеры, формирующие идентичность личности в процессе принятия решений. В пересечении двух измерений (горизонтального – наличие или отсутствие идентичности, и вертикального – принятие или непринятие обязательств по отношению к идеологии и профессии) определяют четыре типа (или статуса) идентичности: достигнутая (формирование самостоятельных представлений о себе как итог активного поиска), предрешенная (обязательство, принятое под воздействием внешних обстоятельств, родителей или других авторитетов), мораторий идентичности (продолжающийся активный поиск решения проблемы, при этом решение ещё не принято) и диффузная (отсутствие обязательства в сочетании с небольшим систематическим исследованием, ни поиск, ни выбор решения не осуществляется индивидом).

На фундаменте статусного подхода вырос ряд методик, состоящих из психодиагностических инструментов: *методика незаконченных предложений* (см. Дж. Марсиа⁴⁶⁸, Г.Р. Адамс⁴⁶⁹; Г. Манро⁴⁷⁰; В.Р. Орестова⁴⁷¹ и др.); опросники закрытого типа (*«шкала сформированности идентичности»*⁴⁷², *«объективная мера статусов эго-идентичности»*⁴⁷³). В большинстве существующих исследований проводят измерение адаптивной идентичности, причем в одних такой ее характер связывают с качествами «открытости» и «общего любопытства»⁴⁷⁴, а в других – с повышенной тревожностью и депрессивными симптомами⁴⁷⁵. Подобные применения статусного анализа обнаруживаются и в

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Adams G.R., Shea J., Fitch S.A. Toward the development of an objective assessment of ego-identity status // *Journal of Youth and Adolescence*. 1979. Т. 8. №. 2. P. 223–237.

⁴⁷⁰ Munro G., Adams G.R. Ego-identity formation in college students and working youth // *Developmental Psychology*. 1977. Т. 13. №. 5. P. 523.

⁴⁷¹ Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дис... канд. псих. Наук. Москва, 2001. 207 с.; Орестова В.Р., Карабанова О.А. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсиа // *Психология и школа*. 2005. №. 1. С. 39–90.

⁴⁷² Simmons D.D. Development of an objective measure of identity achievement status // *Journal of Projective Techniques and Personality Assessment*. 1970. Т. 34. №. 3. P. 241–244.

⁴⁷³ Adams G.R., Bennion L., Huh K. Objective measure of ego-identity status: A reference manual. Guelph, Ontario: Department of Family Studies, University of Guelph, 1998. 90 p.

⁴⁷⁴ Clancy S.M., Dollinger S.J. Identity, self, and personality: I. Identity status and the five-factor model of personality // *Journal of Research on Adolescence*. 1993. Т. 3. №. 3. P. 227–245.

⁴⁷⁵ Kidwell J.S., Dunham R.M., Bacho R.A., Pastorino E., Portes P.R. Adolescent identity exploration: A test of Erikson's theory of transitional crisis // *Adolescence*. 1995. Т. 30. №. 120. P. 785–794.

современности. Одним из примеров является исследование С.А. Татарко «Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии»⁴⁷⁶. Автором предложен корректный методологический инструментарий для изучения процесса формирования идентичности, определяемого через поведенческие индикаторы – паттерны решения индивидом проблем. Ключевым для анализа эго-идентичности стал метод полуструктурированного интервью, составленного из трехсот вопросов, среди молодого и взрослого населения по темам, относящимся к разным жизненным сферам (выбор профессии и профессиональная деятельность, религиозные и политические убеждения, взаимоотношения с друзьями и пр.). Методика статусного анализа применена в изучении формирования идентичности у подростков (см. К. Хатано⁴⁷⁷) и студентов (см. Т. Манчини⁴⁷⁸).

Психодиагностика, статусный подход, а также концептуально оформленная теория идентичности в конце XX столетия разрастаются множественными методиками и методами исследования психосоциальной идентичности и расширяются за счет альтернативных теорий (например, М.Д. Берзонский⁴⁷⁹, Х.Д. Гротевант⁴⁸⁰, А.С. Уотерман⁴⁸¹, В.М. Куртинес⁴⁸², Г.Р. Адамс⁴⁸³, С. Дж. Шварц⁴⁸⁴, Ж.Э. Котэ⁴⁸⁵). Резюмируя, можно отметить тот факт, что теоретический и эмпирический подходы, методики и методы не противоречат, а скорее дополняют друг друга, выделяя в качестве предмета исследования разные стороны феномена

⁴⁷⁶ Татарко С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // Психологическая диагностика. 2009. № 1. С. 1–39.

⁴⁷⁷ Hatano K., Sugimura K., Crocetti E. Looking at the dark and bright sides of identity formation: New insights from adolescents and emerging adults in Japan // Journal of Adolescence. 2016. Т. 47. P. 156–168.

⁴⁷⁸ Mancini T., Caricat L., Panari C., Tonarelli A. Personal and social aspects of professional identity.: An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university students // Journal of Vocational Behavior. 2015. Т. 89. P. 140–150.

⁴⁷⁹ Berzonsky M.D. Identity style: Conceptualization and measurement // Journal of adolescent research. 1989. Т. 4. № 3. P. 268–282.

⁴⁸⁰ Grotevant H.D. Toward a process model of identity formation // Journal of adolescent research. 1987. Т. 2. № 3. P. 203–222.

⁴⁸¹ Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // Developmental review. 1999. Т. 19. № 4. P. 591–621.

⁴⁸² Kurtines W.M., Szapocznik J. Family psychology and cultural diversity: Opportunities for theory, research, and application // American Psychologist. 1993. Т. 48. № 4. P. 400.

⁴⁸³ Adams G.R., Marshall S.K. A developmental social psychology of identity: Understanding the person-in-context // Journal of adolescence. 1996. Т. 19. № 5. P. 429–442.

⁴⁸⁴ Schwartz S J. The evolution of Eriksonian and, neo-Eriksonian identity theory and research: A review and integration // Identity: an international journal of theory and research. 2001. Т. 1. № 1. P. 7–58.

⁴⁸⁵ Côté J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity? An appraisal of the field // Identity. 2006. Т. 6. № 1. P. 3–25.

идентичности. В психологии, где использует модель статуса идентичности, оцениваются либо статусы по-отдельности (см. Дж.Э. Марсия⁴⁸⁶), либо рейтинги статуса идентичности (см. А.С. Уотерман⁴⁸⁷). Сегодня на основании двух подходов проводят метаанализы по исследованию статусов личности: теоретические (Э. Борн⁴⁸⁸, М. Сайед⁴⁸⁹, Дж.Э. Марсия и др.⁴⁹⁰, К.Р. Лиллеволл⁴⁹¹, В. Икес⁴⁹², Р. Джоссельсон⁴⁹³) и эмпирические (Дж. Крогер⁴⁹⁴, К. Люикс⁴⁹⁵, С. Озер⁴⁹⁶, Р. Восилис⁴⁹⁷). В отличие от исследований второй половины XX века, в современных личностный и социальный аспекты идентичности объединяются в содержательном измерении, рассматриваются онтогенетически и структурно взаимосвязанными, однако статусный подход имеет ограничение: изучение статусов идентичности не позволяет уделить полноценное внимание тому, как они взаимосвязаны⁴⁹⁸.

Благодаря психологической теории идентичности Э. Эриксона и его особому вниманию к теме детства и юношества в конце XX столетия сформировались методики, направленные на изучение *гендерной идентичности и половозрастной идентификации*, которые основаны на нестандартных методах. Так, «гендерная автобиография» (нестандартизированный самоотчет), предназначена для изучения

⁴⁸⁶ Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status // Journal of personality and social psychology. 1966. Т. 3. №. 5. P. 551–558.

⁴⁸⁷ Waterman A.S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement // Developmental review. 1999. Т. 19. №. 4. P. 591–621.

⁴⁸⁸ Bourne E. The state of research on ego identity: A review and appraisal // Journal of youth and adolescence. 1978. Т. 7. №. 3. P. 223–251.

⁴⁸⁹ Syed M., McLean K.C. Understanding identity integration: Theoretical, methodological, and applied issues // Journal of adolescence. 2016. Т. 47. P. 109–118.

⁴⁹⁰ Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L. Ego identity: A handbook for psychosocial research. Springer Science, Business Media, 2012 (1st ed. 1966). 391 p.

⁴⁹¹ Lillevoll K. R., Kroger J., Martinussen M. Identity status and anxiety: A meta-analysis // Identity. 2013. Т. 13. №. 3. P. 214–227.

⁴⁹² Ickes W., Park A., Johnson A. Linking identity status to strength of sense of self: Theory and validation // Self and Identity. 2012. Т. 11. №. 4. P. 531–544.

⁴⁹³ Josselson R. Narrative, identity, and identity statuses: The Handbook of Personality Development. NY: Guilford Press, 2019. 623 p.

⁴⁹⁴ Kroger J., Marcia J.E., Martinussen M. Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis // Journal of adolescence. 2010. Т. 33. №. 5. P. 683–698.

⁴⁹⁵ Luyckx K., Lens W., Smits I., Goossens L. Time perspective and identity formation: Short-term longitudinal dynamics in college students // International Journal of Behavioral Development. 2010. Т. 34. №. 3. P. 238–247.

⁴⁹⁶ Ozer S., Meca A., Schwartz S. J. Globalization and identity development among emerging adults from Ladakh // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2019. Т. 25. №. 4. P. 515–526.

⁴⁹⁷ Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? // Emerging Adulthood. 2018. Т. 6. №. 1. P. 32–41.

⁴⁹⁸ Syed M., McLean K.C. Understanding identity integration: Theoretical, methodological, and applied issues / M. Syed [et al.] // Journal of adolescence. 2016. Т. 47. P. 109–118.

процесса становления гендерной идентичности и направлена на реконструкцию индивидуального социального опыта. И.С. Клецина считает, что исследовательскими задачами являются: изучение процесса развития личной гендерной идентичности на примере условий гендерной социализации; «выявление механизмов и способов, при помощи которых осуществляется конструирование гендерной идентичности». При обработке и интерпретации результатов исследователь систематизирует «наиболее часто встречающиеся механизмы и способы, определяющие характеристики гендерной идентичности», систематизирует гендерные представления респондентов⁴⁹⁹.

Методика *«половозрастная идентификация»* позволяет изучить уровни сформированности некоторых аспектов самосознания, связанных с идентификацией пола и возрастом ребенка (см. Н.П. Белопольская⁵⁰⁰). Исходной гипотезой здесь стало положение о том, что в детстве каждый ребенок осваивает социальные нормы поведения и ценностные ориентации. Начиная с трехлетнего возраста, он осознает границу «Я» и «не-Я», которая сначала ощущается в физическом плане, а затем переходит на уровень различия своих эмоциональных переживаний и желаний (что есть фантазия, а что реальность, оценка и самооценка). Поскольку половозрастная идентификация формируется с развитием самосознания, то, начиная с возраста 1,5 и до 12 лет, уже возможно изучать процесс идентификации и идентичности (текущее переживания Я-целостности) пола и возраста. В эксперименте ребенку предлагается невербальный стимульный материал (12 картинок с персонажами женского и мужского пола, с типичными чертами, характерными для разных периодов жизни) для самооценки в настоящий момент, в прошлом, в будущем; сравнительной оценки предпочтений себя в позитивном и негативном образе.

Таким образом, эволюция исследования идентичности прослеживается от ранних работ З. Фрейда до экстраполяций и теоретических экспозиций Э. Эриксона, а также эмпирической эксплуатации Дж. Марсии (см. Н.В. Антонова

⁴⁹⁹ Клецина И.С. Гендерная психология: практикум. СПб.: Издательский дом Питер, 2009. 496 с.

⁵⁰⁰ Белопольская Н.Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания. М.: Когито-Центр, 1998. 24 с.

⁵⁰¹). Сложная идентичность в области психологии характеризуется как содержательно процессуальная, способная перестраиваться в течение жизни через преодоление «кризисов идентичности»; ее типология квалифицируется по наличию или отсутствию такого кризиса, осознанию новых целей и решений, поиску новых путей саморазвития.

Поскольку понятие «идентичность» комплексно включает в себя и социальную форму, далее будет рассмотрено социоцентрическое направление подходов и методик.

Концептуальное и методологическое основание изучения сложной идентичности в области социологии. Методики исследования

Огромное множество методик исследования идентичности в области социологии связано с тем, что актуальное знание исходит из самого социума: ученые-социологи наблюдают, анализируют взаимодействия человека и общества, структурируя и формируя новые смыслы для будущего. Энтони Гидденс и Филипп Саттон определили специфику современного развития социологического знания: «Общественная жизнь никогда не пребывает в статичном состоянии, она представляет собой процесс постоянных изменений. В течение последних 30 лет современный мир был трансформирован «текучими» гендерными отношениями, меняющимися формами миграционных потоков, интернетом и социальными медиа, мультикультурализмом, цифровой революцией в коммуникациях, финансовыми кризисами, глобальным терроризмом и многочисленными политическими беспорядками. Социология, это порождение XIX века, не может позволить себе остаться в стороне от новых явлений и процессов и должна идти в ногу со временем, иначе она рискует стать бесполезной»⁵⁰².

Именно появление социологии в XIX столетии серьезно продвинуло теоретическую разработку темы идентичности. Э. Дряева пишет, что ещё в эпоху

⁵⁰¹ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

⁵⁰² Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / под науч. ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 336 с.

Просвещения, когда происходило становление психологии, философы фиксировали неотъемлемую взаимосвязь «Я» и «других», «общественного человека и социальных институтов. Субъектоцентричные исследования в психологии, индивидуалистические в антропологии способствовали формированию представления о том, что формирование персональной идентичности зависит не только от усилий человека. Так называемые «интерсубъективные взаимодействия» тоже влияют на её формирование, личность не может формироваться вне общества, индивид и личность всегда социальны... Идентичность индивида проходит постоянно процесс трансформации, так как процесс идентификации никогда не прекращается, и основной причиной нестабильности, текучести идентичности оказывается именно отсутствие автономии внутреннего мира индивида от переменчивого внешнего социального мира»⁵⁰³.

Теоретическим направлением, внутри которого проблема идентичности понималась как процесс социального взаимодействия и продукт социальных процессов, является «символический интеракционизм». Основателями направления считаются Дж. Мид и Ч. Кули, использующими схожие понятия идентичности названия: «Я» и «Самость». Э. Дряева считает, что «представители символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Ч. Кули, У. Джеймс, И. Гофман) сосредоточились на социологическом изучении идентичности и смогли раскрыть двойственность человеческой природы. С одной стороны, индивид как социальное существо проявляет свою принадлежность к различным социокультурным группам. С другой – он имеет уникальный жизненный опыт и самосознание, чем отличается от всех других. В процессе социализации человек осваивает ценности и нормы определенного общества, и одновременно получает ограничения, накладываемые на него этим обществом, что в результате формирует его представления о самом себе»⁵⁰⁴. В направлении символического интеракционизма сформировались пять центральных идей: 1) человек – это

⁵⁰³ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С.47.

⁵⁰⁴ Там же, с. 48.

социальная личность, стремящаяся к социальному взаимодействию и испытывающая влияние на свое поведение и действие (интеракция является фундаментальной основой социального взаимодействия и в то же время единицей познания); 2) человеческое мышление есть результат взаимодействия со своим внутренним Я и с другими людьми; 3) человек воспринимает окружающую действительность опосредовано, определяя ситуации социального взаимодействия в процессе мышления; 4) действия человека определяются конкретной ситуацией («здесь и сейчас»), в какой-то степени эти действия зависят от его прошлых взаимодействий, но больше – от социальной интеракции, мышления и определения ситуации; 5) человек признан активным и действующим по отношению к окружающей его среде, он вовлечен в то, что делает. Таким образом, идентичность «формируется в процессе социальной интеракции из оценки личности другими. При взаимодействии индивид нуждается в самовыражении, а потому производит определенные действия, на что со стороны социума получает обратную связь в виде мнения о нем. В терминологии Чарльза Хортон Кули представление индивида о себе как отражение сложившегося восприятия его другими получило название «зеркальное Я», а у Джорджа Герберта Мида – «идеи Я»»⁵⁰⁵.

Чарльз Хортон Кули полагал, что в социальном взаимодействии следует изучать воображение людьми друг друга, поскольку личность человека вырастает из межличностного взаимодействия в обществе и восприятий других. Человеческое «Я» определяется и развивается во взаимодействии, являясь продуктом «зазеркалья», включающим в себя впечатления о том, как мы представляем себя другим, а также от оценок других о нас и наших ощущений, возникающих из этих представлений (см. Р.Т. Серпе⁵⁰⁶). Как отмечают Э. Дряева: «Три элемента образа «Я», или, как называет это Кули, «самооценки», развиваются при социальном взаимодействии: наш образ в представлении

⁵⁰⁵ Там же, с. 49.

⁵⁰⁶ Serpe R. T., Stryker S. The symbolic interactionism perspective and identity theory // Handbook of Identity Theory and Research. Vol. 1: Structures and Processes / S. J. Schwartz, K. Luyckx, L. Vignoles (eds.). NY: Springer, 2012. P. 225–248.

другого, его мнение об этом образе и наших ощущения гордости и стыда, возникающие из этих представлений. Воздействие других людей на мироощущение индивида помогают ему выглядеть по-разному»⁵⁰⁷. В статье «Зеркальное Я»⁵⁰⁸ Чарльз Хортон Кули пишет о том, что «Я» это не весь разум, а своеобразно центральная, энергичная и сплоченная часть его, не отделенная от остального окружения, но постепенно сливающаяся с ней. «Я» обладает практической отчетливостью, проявляется посредством языка и поведения человека, оно организовано и сформировано чувством социальной ответственности (совесть) и осознанием окружающего мира других людей. «Зеркальное Я» имеет социальную природу (воображение людей друг о друге). Социальная референция принимает форму некоего определенного представления, ориентированного на мнение окружающих: «Каждое в каждом зеркалит отражение другого, которое проходит», то есть через воображение другого человека мы воспринимаем мысли о нашей внешности, характере, друзьях и т.д. «Зеркальное Я» обладает временным характером, изменяемым в зависимости от конкретных темпераментов и условий. Следовательно, самопонимание человека, с одной стороны, зависит от наследственных (генетических) и социальных (первичный язык и культура) факторов, а с другой – социальный аспект его личности формируется в связи с приобретаемыми чертами в ходе общего социального развития (исторического, национального, профессионального и т.д.). Первичной средой, формирующей социальную природу личной идентичности и выступающей источником более сложных отношений, служит семья, внутри которой отношения выстраиваются на основании доверия и сотрудничества. Наблюдая поведение детей, Кули установил, что уже в самом раннем возрасте они могут варьировать свое поведение по отношению к взрослым (капризность, излишняя требовательность). То есть «зеркальное Я» начинает формироваться в процессе инкультурации, когда ребенок слышит от близких людей оценочные

⁵⁰⁷ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С.49.

⁵⁰⁸ Cooley C. H. Looking-glass self //The production of reality: Essays and readings on social interaction. 2011 (1st ed. 1902). Т. 6. P. 126–128.

суждения о его поведении. Таким образом, Кули исследуя динамику изменяемого содержания человеческой природы, показывает её способность к самопониманию через социальную коммуникацию и, далее, к усвоению социального порядка. Понятие «значимые другие» в теории Кули центральное, оно подчеркивает важность определения ситуации людьми.

Социолог Джордж Герберт Мид оказал большое влияние на современный интерес к изучению социальной идентичности. Исследовав возникновение самости как результата принятия отношения другого, Мид установил двойственную природу личности. Как отмечает Э. Дряева: «Самость человека видится в двух аспектах: «внутрипсихическое Я» как творческое начало индивида, субъективное восприятие себя, чистый импульс и «социальное Я» как совокупность мнений других об индивиде, которые им усваиваются»⁵⁰⁹. Оба аспекта состоят в постоянной диалектической взаимосвязи: первое «Я» – продукт общества, а второе постоянно реагирует на общество, которое его формирует⁵¹⁰, в связи с чем сущность самости постоянно создается и воссоздается. Во-первых, принятие отношения другого помогает человеку рефлексивно думать о себе (самоосознавать), видеть себя так, как нас видят другие⁵¹¹. Во-вторых, взаимодействуя с другими, человек начинает развивать собственную идентичность, а также способность сопереживать другим. Мид считал, что самость человека проходит два этапа развития, которые, как отмечает Э.Д. Дряева, соответствуют сути процессов инкультурации и социализации: «На первом этапе самость подвержена влиянию отдельных установок других индивидов. Например, у ребенка есть четкая картина того, чего от него требует каждый из родителей. На втором этапе на самость воздействуют установки социальной группы, а в терминологии Мида «обобщенного другого» –

⁵⁰⁹ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С.49.

⁵¹⁰ Serpe R.T., Stryker S. The symbolic interactionism perspective and identity theory // Handbook of Identity Theory and Research. Vol. 1: Structures and Processes / S. J. Schwartz, K. Luyckx, L. Vignoles (eds.). NY: Springer, 2012. P. 225–248.

⁵¹¹ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 492

организованного сообщества, которое обеспечивает индивиду единство»⁵¹². Х. Абельс отмечал по поводу концепции Мида: «Идентичность возникает, если импульсивное и рефлексивное Я находятся в постоянном устойчивом взаимодействии. Идентичность есть постоянный диалог, в котором индивид общается с самим собой, т. е. с обеими “половинками” своей личности. Если обе стороны Я находятся в гармоничном равновесии друг с другом, мы говорим о состоявшейся личности»⁵¹³. Таким образом, в символическом интеракционизме подчеркнуты идеи: социального поведения как результата взаимодействия человека и общества, общества как основы для развития себя, самооценки как руководства в социальном поведении. «Идентичность» в понимании Мида есть способность человека воспринимать свое поведение как связанное, единое, целое гармоничное равновесие двух рефлексирующих сторон его «Я»: внутриспсихического и социального, результатом взаимодействия которых становится единство образа собственной личности и успешная адаптация в социуме. Идентичность человека находится в непрерывном внутреннем состоянии, обусловленном органичной связью с социальным миром.

Американский социолог Ирвинг Гофман в своей концепции социальной драматургии исследовал феномен идентичности в условиях множественности социальных ролей и предложил *социологический анализ повседневного управления впечатлениями*: «Это исследование посвящено некоторым обычным повседневным приёмам, с помощью которых люди поддерживают создаваемые друг у друга впечатления, и некоторым следствиям, связанным с применением этих техник... Здесь исследуются исключительно драматургические проблемы, касающиеся человека в социальной группе, связанные с презентацией себя перед другими людьми»⁵¹⁴. О.А. Симонова, автор социологического анализа понятия «идентичность», пишет о том, что И. Гофман «работал на стыке интеракционистского направления в социологии, социологии Э. Дюркгейма и

⁵¹² Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. №. 10. С. 48.

⁵¹³ Ирвинг Гофман: Техники презентации // Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 272 с.

⁵¹⁴ Там же.

американской антропологической традиции... (Гофман) исследует техники самовыражения и создания впечатления о себе самом. Изучая взаимодействие человека и общества, он больше концентрируется на том, как человек пытается сохранить свое «Я» в повседневной жизни перед другими людьми. Согласно его теории, есть три вида идентичности: 1) социальная – типизация личности внутри его социальной группы на основе атрибутов; 2) личная – индивидуальные свойства личности и его уникального жизненного опыта (уникальная комбинация событий в истории жизни); 3) Я-идентичность – субъективные ощущения индивидом себя самого и проживаемых ситуаций»⁵¹⁵. Разделение идентичности на три аспекта проявляет три вещи: 1) смена аспектов «Я» происходит в зависимости от аудитории, с которой индивид контактирует; 2) социальная идентичность имеет большую функциональную нагрузку, т.к. состоит из множества идентичностей (социальных ролей) в разные моменты индивидуального поведения; 3) Я-идентичность находится в зависимости от социальной, поскольку последняя требует от индивида проигрывания своей роли, интерпретации ситуаций в предписанных рамках, построения стратегий для адаптации и достижения целей. Гофман вводит понятие «ролевая дистанция», чтобы показать специфику сохранения человеком его идентичности в сложных институциональных средах. Дистанцирование – это некий отход от социальной роли, условие сохранения качества «Я-идентичности», механизм балансирования между личным и социальным «Я», сохранение нормального функционирования в повседневности. Э. Дряева считает, что «Гофман вводит понятие «политика идентичности», с помощью которого объясняет возможность индивида влиять на информацию, посылаемую им в окружающий социум, применять разные техники (избегание, искажение мнения о личности, деиндификацию)»⁵¹⁶, тем самым лично изменяя содержание собственных идентичностей.

Вернемся к символическому интеракционизму, где заложены идеи позитивизма и комплекс эмпирических методов. Чтобы показать специфику

⁵¹⁵ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 51.

⁵¹⁶ Дряева Э.Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования // Философские науки. 2016. № 10. С. 51.

интеракционного направления, Н. Дензин сформулировал шесть методологических принципов: 1) при исследовании человеческого взаимодействия нужно учитывать внешние и внутренние формы поведения, соотнося символическое поведение с внешними моделями; 2) исследователю необходимо вжиться в изучаемое взаимодействие, чтобы не подменить значения субъектов и объектов собственным мнением; 3) в позиции «роли другого» исследователю необходимо применить двухуровневый принцип исследования, чтобы увидеть связи субъективных значений и символов с групповыми и институциональными структурами; 4) любое взаимодействие ситуационно, поэтому в результатах исследования должны быть отражены временные характеристики; 5) научное исследование, направленное на обнаружение процессуальных и структурных аспектов, должно включать в себя как стандартизированные методы (наблюдение, измерение), так и эвристические (творческие, нацеленные на открытие); 6) любое исследование должно ставить целью обнаружение «чистых форм социальности»⁵¹⁷. Таким образом, Дж. Мид раскрыл феномен социальной идентичности как взаимообмен символическими значениями между людьми в процессе межличностного взаимодействия (в ситуациях повседневной жизни). То есть практически все взаимодействия между людьми реализуются посредством символов, соединяющих осознание и самосознание, значение и значимое, осмысленное сказанное и сделанное. Это помогает находить соответствие типам поведения в определенном контексте.

В современных социологических исследованиях теория Дж. Мида апробируется в аспектах развития чувства самости и универсальности в процессе социального взаимодействия. Д. Розенберг, кинезиолог, применяет идеи отношения игры к образованию Дж. Мида⁵¹⁸ для объяснения генезиса «Я» в процессе социального (ролевого) взаимодействия: поскольку человек формируется в окружающей среде через принятие на себя социальных ролей, то в игре возможно не только развить его индивидуальные способности

⁵¹⁷ Denzin N.K. The research act: A theoretical introduction to sociological methods. NY: Routledge, 2017. 382 p.

⁵¹⁸ Mead G.H. The relation of play to education // George Herbert Mead: Essays on his Social Philosophy / J. W. Petras (ed.). NY: Teachers College Press, 1968. P. 27–34.

(мотивационные, когнитивные, эмоциональные), но и освоить универсальные смыслы социального опыта. В ролевых играх активируется множество составляющих: включается самосознательная рефлексия, происходит четкая и последовательная согласованность в поиске решения той или иной социальной проблемы, порождается положительная самооценка и чувство уверенности в себе, обретается целостность «Я» (исчезает дуализм индивидуального и социального «Я») через самоанализ и рефлексия себя в другом в процессе социального взаимодействия. Концептуально обоснованная идея «Я в игре и игра во мне» Дж. Мида применяется в современных *спортивных и профессиональных практиках коучинга* (например, Д. Розенберг⁵¹⁹). Как средство улучшения понимания социального поведения и изучения процессов самости применяется *нейробиологическая методология* эмпирического исследования аспектов процесса идентификации, в частности с целью помочь современным людям справляться с постоянными угрозами личности (см. Б.Дж. Миллер⁵²⁰).

Начатое Дж. Мидом социологическое понимание идентичности личности было продолжено Питером Людвигом Бергером и Томасом Лукманом в их совместном трактате «Социальное конструирование реальности»⁵²¹. Как отмечают российские ученые К.В. Патырбаева, В.В. Козлов [и др.]: «Будучи идеологами конструктивистской парадигмы, ученые раскрыли феномен идентичности как диалектическую взаимосвязь индивида и общества в социальных процессах и социальных отношениях, где человек идентифицирует себя со стереотипными моделями поведения, характерными для окружающей его культурной среды»⁵²². Ученые предложили понимать типы идентичности как социальную продукцию: это относительно стабильные элементы объективной реальности. Социальное формирование идентичности происходит в процессе первичной социализации

⁵¹⁹ Rosenberg D. Antecedents of Physical Literacy: George Herbert Mead and the Genesis of the Self in Play and Games // *Quest*. 2019. Т. 71. №. 4. P. 463–478.

⁵²⁰ Miller B. J., Kalkhoff W., Pollock J., Pfeiffer M. A Persistent identity threats: Emotional and neurological responses // *Social Psychology Quarterly*. 2019. Т. 82. №. 1. P. 98–111.

⁵²¹ Berger P.L., Luckmann T. *The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. PB, 1966. 249 p.

⁵²² Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты // под ред. К.В. Патырбаева. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2012. С. 29 с.

(период инкультурации), а при вторичной поддерживается внутри социальных отношений. Как правило, индивид выражает это в виде участия в определенном социальном порядке: стремится обрести свой статус в обществе, осваивает социальные роли и идентифицирует их в других людях, сохраняя при этом свою индивидуальность. Если другие члены социальной группы признают социальное участие индивида, то его идентичность обретает собственную реальность. Этот процесс признания друг другом социальных действий (участий) ведет к нормальному социальному функционированию в повседневной жизни. Иными словами, каждая социальная структура порождает свой тип идентичности, поэтому выбор стратегии поведения в повседневной жизни зависят от таких типизаций⁵²³. Однако ученые также признаются в том, что при исследовании этих типов существует проблема методологического анализа, поэтому «типы идентичности доступны «наблюдению» и «верификации» в дотеоретическом, а тем самым – донаучном опыте». Сложность выявления типов идентичности связана с её постоянно изменяемой природой в процессе социальных взаимоотношений. Э.А. Орлова, ученый в области социальной и культурной антропологии, пишет о том, что: «Бергер и Лукман предложили три исследовательские стратегии изучения идентичности: «пассивную» (наблюдение за другими без вмешательства в процесс взаимодействия, выявление реакций на различные стимулы и сравнение); «активную» (задавание вопросов, касающиеся предмета интереса, структурирование информации); «интерактивную» (непосредственное взаимодействие с теми, о ком собирается информация, выспрашивание, попытки раскрыть себя, обнаружение обманов)»⁵²⁴. Таким образом, каждая из стратегий дает определенный результат: описание (представление о наблюдаемом в терминах физических характеристик), предсказание (прогноз о будущем состоянии ситуации) и объяснение (ответ на

⁵²³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. С. 75–78; Berger C. Beyond initial interactions: Uncertainty, understanding and the development of interpersonal relationship // Language and Social Psychology / Giles H. St., Clair R. (eds.). Oxford, 1979. P. 122–144; Berger C.R., Gardner R.R., Parks M.R., Schulman L., Miller G.R. Interpersonal epistemology and interpersonal understanding // Explorations in interpersonal communication / G. R. Miller (ed.). Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1976. P. 149–171.

⁵²⁴ Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие. М.: Академический проект, 2017. 480 с.

вопрос: «Почему это произошло?»). Далее Э.А. Орлова отмечает: «Тип идентичности определяют через типичные условия социального взаимодействия, разделенного по категориям: цели и их структуры; нормы и правила; роли, репертуар или элементы поведения, их последовательность; характер коммуникативных сетей. Из обозначенного лишь нормы, правила, роли и коммуникативные сети влияют на то, как кодируются и декодируются вербальные и невербальные сообщения. Социальная жизнь требует от человека внимательно относиться к ожиданиям окружающих, ему необходимо научиться интерпретировать собственную реальность происходящих событий и реальность других людей, чтобы не разрушать повседневный ход жизни»⁵²⁵. Подход Бергера и Лукмана, направленный на поиск типичных идентичностей, остался больше теоретическим, авторы не предлагают четкого методологического плана исследования по поиску типов в реальных сообществах. Однако они обратили внимание на то, что в современную эпоху растет число социальных ролей, человеку становится всё труднее их совмещать, и поиск идентичностей усложняется.

Таким образом, на протяжении XX столетия в социологических исследованиях, посвященных изучению идентичности как проблемы взаимоотношения человека и общества, подчеркивается роль обязательного участия «другого» (человека, группы, групп) в формировании личной идентичности человека. Выходя на границу взаимоотношения с социумом, индивид обнаруживает черты собственной (личной) идентичности и усваивает или отвергает ценности, предлагаемые социальной группой и реальностью. В пространстве процесс взаимоотношения «Я» и «Другое» образует феномен рефлексирующего индивида, объективирующего себя и свои внутренние потребности в общество. Определились также четыре научных направления в поиске показателей идентификационного поведения:

1) в *структурно-функциональном подходе* изучается процесс социальной адаптации индивида в группе, влияние социальной группы на социальные

⁵²⁵ Там же.

действия, установки индивида. Яркими представителями являются Эмиль Дюркгейм (основатель идеи о механизмах формирования социальной идентичности и влиянии на индивида его связей с различными общностями), Толкотт Парсонс (теория социального действия как самоорганизующейся системы, подход к идентичности как структурной характеристики личности), Роберт Кинг Мертон (теория о роли референтных групп и самореализации в коллективе);

2) в рамках *символического интеракционизма* социальная общность понимается как фактор развития «самости» индивида через освоение им ролевого поведения и получение социального опыта. Как отмечает О.В. Шиняева: «Представители: Джордж Герберг Мид (проявление идентичности через профессиональный язык, гармоничное сочетание социальных ролей) и Чарльз Хортон Кули, Ирвинг Гофман, Юрген Хабермас (идея необходимости баланса вертикального и горизонтального измерений идентичности), Владимир Александрович Ядов (теория наличия в структуре идентичности потенциальных возможностей и реального поведения, возникновения «Мы-идентичностей» в солидарных группах и общностях)»⁵²⁶;

3) *феноменологическая социология знания* (Питер Людвиг Бергер, Томас Лукман) говорила о формировании идентичности в социальных процессах, о формировании личностью социальной реальности и «Я-образа», трансформирующийся во времени в связи с переменами в жизни общества и самой личности;

4) в *интегративном подходе* (Пьер Бурдьё, Энтони Гидденс, Сэмюэл Хантингтон) разобраны социальные, культурные и личностные аспекты, находящиеся во взаимодействии.

Разноаспектное понимание природы идентичности, сформированное различными научными направлениями, к началу XXI века постепенно примиряется в едином мнении ученых о том, что идентичность имеет сложную

⁵²⁶ Шиняева О.В. Идентичность и идентификационное поведение: теоретические подходы к исследованию //Гражданское общество России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. №. 1.С. 3–8.

сущность, внутри которой созревают, изменяются и исчезают разные статусы индивидуального и социального качества. Например, интересен подход Н.И. Даудрих, которая в статье «Социальная идентичность: методический аспект»⁵²⁷ одной из первых предложила *комплексный подход к изучению идентичности в ее пространственно-временной форме, применив опросные методы* (традиционный формализованный опросник из закрытого и открытого типов вопросов) и метод фокус-групп (техника рисуночных тестов: «образ города» для исследования идентичности, «круги времени» для временной самоидентичности). Данный комбинированный подход как нельзя лучше позволяет понять процесс формирования новых идентичностей и оценить степень распространенности и значимости существующих в обществе типов.

В области социологии сложная природа идентичности представлена намного шире и объемней. Данный факт подтверждается множественностью методологических подходов, а также синтезом всевозможных оттенков личного и социального. Например, в диссертации Е.А. Петраш отмечает: «Содержание социальной идентичности имеет смысловую форму осознания и переживания человеком своей принадлежности к той или иной группе, проявляющейся в принятии социальных норм и идентификации себя в устойчивых социально-психологических качествах своего Я»⁵²⁸. Здесь можно обнаружить общие тенденции теоретической интерпретации проблемы идентичности, которые взаимодополняют друг друга на протяжении всей истории изучения.

В начале XXI века на смену детализации взаимоотношений социума и индивида приходят глобальные темы идентификационного поведения социума и сложной идентичности. Например, в российской науке данные темы получили широкое освещение в коллективных научных сборниках: «Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России»⁵²⁹,

⁵²⁷ Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. №. 12. С. 77–95.

⁵²⁸ Петраш Е.А. Социальная идентичность в норме и при нарушении: автореф. дис... д-ра псих. наук. Курск, 2017. 57 с.

⁵²⁹ Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сборник научных трудов / отв. за выпуск О. В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 245 с.

«Институциональные практики межэтнического и межрелигиозного взаимодействия в контексте становления Российской гражданской нации»⁵³⁰, «Идентичность как предмет политического анализа»⁵³¹. В современной социологии ученые измеряют социологическими методами разные виды социальной идентификации: региональную (Г.С. Корепанов⁵³², А.С. Герасимов⁵³³, В.Н. Муха и В.А. Литовка⁵³⁴, М.А. Катбамбетова⁵³⁵, Д.С. Докучаев⁵³⁶, Г.С. Денисова и Л.В. Клименко⁵³⁷, М.В. Крылов⁵³⁸, М.В. Назукина⁵³⁹, В.С. Лузан⁵⁴⁰); гражданскую (Н.Ю. Кравченко⁵⁴¹, О.В. Головашина⁵⁴², В.В. Дьякова⁵⁴³, М.Б. Максимов⁵⁴⁴, А.Г. Санина⁵⁴⁵); национальную (М.В. Фирсов и Е.Г. Студенова⁵⁴⁶, Т.С. Баранова⁵⁴⁷, Н.Л. Смакотина, Н.А. Хвыля-Олинтер⁵⁴⁸, Н.А. Алексахина⁵⁴⁹),

⁵³⁰ Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.

⁵³¹ Идентичность как предмет политического анализа: сборник ст. / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. Москва: НИИ, 2011. 299 с.

⁵³² Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. 2009. № 1. 15 с.

⁵³³ Герасимов А.С. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке // Вестн. Псков. гос. ун-та. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2013. № 3. С. 57–63.

⁵³⁴ Муха В.Н., Литовка В.А. Методологические аспекты изучения региональной идентичности // Современные исследования социальных проблем. 2013. Т. 9. № 29. 12 с.

⁵³⁵ Катбамбетова М.А. Региональная идентичность в контексте многоуровневой идентичности // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4 (130). 4 с.

⁵³⁶ Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ: автореф. дис... канд. филос. наук. Иваново, 2011. 25 с.

⁵³⁷ Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 25–34.

⁵³⁸ Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 13–23.

⁵³⁹ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. политич. наук. Пермь, 2009. 26 с.

⁵⁴⁰ Лузан В.С. К вопросу о влиянии культурной политики на современные локальные идентичности // Социодинамика. 2016. № 2. С. 47–66.

⁵⁴¹ Кравченко Н.Ю. Методологические аспекты исследования гражданской идентичности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 4. С. 3–7.

⁵⁴² Головашина О.В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 7 (7). С. 64–71.

⁵⁴³ Дьякова В.В. Гражданская идентичность современного российского поколения X (на примере Астраханской области) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 3. С. 28–31.

⁵⁴⁴ Максимов М.Б., Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Ноянзина О.Е. Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. Т. 11. № 133. С. 167–171.

⁵⁴⁵ Санина А.Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 12: Социология. 2010. № 4. С. 281–286.

⁵⁴⁶ Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы / М.В. Фирсов [и др.]. Москва: Академический Проект, Гаудеамус, 2001. 512 с.

⁵⁴⁷ Баранова Т.С. Эмоциональное «я – мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2002. № 14. С. 70–101.

общегородскую (И.С. Самошкина⁵⁵⁰, Г.А. Бударин⁵⁵¹, Н.И. Даудрих⁵⁵²), сельскую (Р.А. Смирнова⁵⁵³, М.М. Шахбанова⁵⁵⁴, С.А. Ахметова⁵⁵⁵), политическую (А.И. Вицентий⁵⁵⁶, О.В. Попова⁵⁵⁷, С.М. Елисеев⁵⁵⁸). Интересен тот факт, что к основным видам социальной идентификации (национальной, гражданской, региональной, групповой, семейной) примкнули «корпоративная» и «предпринимательская». Сегодня в социальной психологии проводят замеры степени сформированности глобальной идентичности с помощью большого количества методов и методик (зарубежных или адаптированных российской социальной психологией из других наук).

Так, Т.А. Нестик с целью изучения социально-психологических детерминант глобальной идентичности российской молодежи продемонстрировал свою исследовательскую программу⁵⁵⁹: первое исследование состоит из синтеза пяти шкальных опросников («Стенфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI), «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна, «Социальные аксиомы» Д. Бонда и К. Леонга (SAS), «Шкала базового доверия» Л. Хаффа и Л. Келли, «Базовые представления личности» (WAS) Р. Янова-Бульман);

⁵⁴⁸ Смакотина Н.Л., Хвьяля-Олинт ер Н.А. Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 2. С. 59–79.

⁵⁴⁹ Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 49–54.

⁵⁵⁰ Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99–105.

⁵⁵¹ Бударин Г.А. Центр города как пространство смыслов общегородской идентичности: пример Ульяновска // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России / отв. ред. О.В. Шиняева, И.Г. Гоношилина. Ульяновск: УлГТУ, 2015. С. 99–102.

⁵⁵² Даудрих Н.И. Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2000. № 12. С. 77–95.

⁵⁵³ Смирнова Р.А. Сельские регионы как объект социологического исследования // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 290–302.

⁵⁵⁴ Шахбанова М.М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6. С. 232–237.

⁵⁵⁵ Ахметова С.А. Сельское локальное сообщество как объект монографического исследования // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151 № 5 (2). С. 139–149.

⁵⁵⁶ Вицентий И. В. Ценности и установки толерантности в политической субкультуре студенчества (на материалах Мурманской области): дис... канд. соц. наук. СПб., 2016. 293 с.

⁵⁵⁷ Попова О.В. Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга по данным эмпирического исследования 2015 года // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2016. № 2. С. 31–41.

⁵⁵⁸ Елисеев С.М., Вицентий И.В. Уровень политической толерантности студенческой молодежи Мурманской области // Современные концепции профессионального образования студенческой молодежи. Ульяновск: simjet, 2015. С. 292–304.

⁵⁵⁹ Нестик Т.А. Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 145–185.

во втором исследовании использовали методики «Идентификация с человечеством» (IWAN) С. МакФарленда и «Глобальная идентичность» А. Дер-Карabetяна и И. Руиз (GI); в третьем – методику «Глобальная социальная идентификация».

Современных ученых интересуют также различия в ценностных установках молодого и взрослого поколений в контексте формирования самоидентификации (Н.Б. Горбачева⁵⁶⁰, Н.В. Корж⁵⁶¹, О.В. Заводовская⁵⁶²), факторы формирования российской идентичности (Ф.О. Широков⁵⁶³, В.А. Чернов⁵⁶⁴), особенности национальной и региональной идентификации трудовых мигрантов в России (Т.Н. Иванова, Е.В. Андреева, Ю.А. Афонин и О.В. Галкина, Е.С. Тарханова, Л.Н. Мордишева и Е.В. Щанина)⁵⁶⁵. Несмотря на разнообразие исследований до сих пор не сложился ни единый комплексный методологический подход при решении проблем идентичности, ни один универсальный метод⁵⁶⁶. С 2000-х годов ученые постепенно перешли к рассмотрению идентичности в её единстве с социальными процессами, которые создают условия существования и изменения идентичности⁵⁶⁷. Происходит поиск метатеоретического уровня и мультиметодов, помогающих понять феномен сложной идентичности.

Таким образом, в социологическом изучении сложной идентичности современными теоретическими подходами являются функционализм, структурализм и символический интеракционизм.

⁵⁶⁰ Горбачева Н.Б. Влияние межпоколенной коммуникации на социализацию молодежи // Карельский научный журнал. 2015. Т. 1. № 10. С. 111–114.

⁵⁶¹ Корж Н.В., Щанина Е.В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. №. 1 (37). С. 143–152.

⁵⁶² Заводовская О.В. Проблемы ценностных ориентаций в дискурсе социальной ответственности современной молодежи // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: Материалы, 2020. С. 281–288. [Электронный ресурс]. URL: <https://itdperspectiva.page.link/MolPol2020>

⁵⁶³ Широков Ф.О. Эскапизм и кризис идентичности // Раздел 1. Идентификационное сознание и поведение: теоретико-методологические подходы к исследованию, 2015. С. 163–167.

⁵⁶⁴ Чернов В.А. Патриотическое воспитание как фактор гражданской идентичности // Раздел 1. Идентификационное сознание и поведение: теоретико-методологические подходы к исследованию, 2015. С. 167–172.

⁵⁶⁵ Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сборник научных трудов / отв. за выпуск О. В. Шиняева. Ульяновск: УлГТУ, 2015. 245 с.

⁵⁶⁶ Похилько А.Д., Сергеев С.М. Методология изучения социальной идентичности в социологии и социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. Т 6. № 103. С. 47–51.

⁵⁶⁷ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность в норме и патологии: монография. Новосибирск: НГПУ, 2000. 256 с.

Концептуальное и методологическое основание исследования сложной идентичности в области культурной и социальной антропологии, кросс-культурной антропологии и психологии. Методики исследования.

Культурная антропология молодая наука, ей около ста лет. В различных странах она имела разные названия: в Британии – социальная антропология, во Франции – этнология. Слово «культурная антропология» («cultures anthropology») возникло в университетах США вначале для обозначения учебных курсов, семинаров, прикладных научных исследований, которые проводились научной школой Франца Боаса. Предметной областью там были традиционные американские культуры, языки коренных американских народов, их обычаи, религия, брачные и семейные отношения и другое.

В первой половине XX столетия ученики и последователи Франца Боаса, основателя школы «Культура и личность», Р. Бенедикт, Р. Линтон, К. Клакхон, А. Кардинер, К. Дюбуа, М. Спиро, И. Халлоуэлл и др., смогли развить новое научное направление, всесторонне изучавшее, как действует, мыслит (познает, воспринимает) и чувствует (эмоционально реагирует) индивид в условиях различного социально-культурного окружения. О.А. Самсонова отмечает: «Личностной целостностью (идентичностью) занимались американские антропологи, изучавшие взаимодействия культуры и личности. Многие из них находились под прямым влиянием идей З. Фрейда»⁵⁶⁸.

В британской школе на рубеже XIX-XX веков антропологи изучали специфику социальной коммуникации и структуры отношений. Как отмечает исследователь А.А. Никишенков: «В трудах британских антропологов главным предметом анализа чаще всего выступает социальная структура изучаемых сообществ в виде систем родства, родовых, общинных, племенных, а позже и классовых образований»⁵⁶⁹. Регулярные длительные эмпирические (полевые) исследования различных культур Р. Хэлдона (1898-1899), А. Рэдклифф-Брауна (1906-1908), Б. Малиновского (1914-1915) сформировали новый аспект

⁵⁶⁸ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 49.

⁵⁶⁹ Никишенков А.А. История британской социальной антропологии [Электронный ресурс]. URL: <https://mybook.ru/author/aleksej-nikishenkov/istoriya-britanskoj-socialnoj-antropologii/read/>

методологии культурных отношений. Методы и основные направления исследования в культурной (социальной) антропологии подробно изложены Андреем Александровичем Беликом⁵⁷⁰. Ученый пишет, что сто пятьдесят лет назад длительные полевые исследования были направлены на обнаружение устойчивых человеческих структур с целью описания взаимоотношения людей и понимания как на эти коммуникации можно воздействовать. Именно из коммуникативного отношения, системы отношений и социальных связей этих отношений возникают закономерности, которые можно анализировать, чтобы понимать структуру отношений (первичную среди примитивных культур, вторичную в урбанизированных культурах). Первые антропологи от культуры рассматривали социальные связи внутри примитивных сообществ, призывая таким образом непосредственно изучать социальную жизнь. В ходе полевых экспедиций антропологи создали разнообразные приемы получения информации и техники её фиксации. Причиной методологического разнообразия стала разноаспектность исследовательских целей: «Направления в культурной (социальной) антропологии отличались друг от друга специфической совокупностью теоретических положений и исходных принципов, имеющих приоритетное значение при выборе аспекта познания культур и способов его осуществления. Основные направления в культурной (социальной) антропологии, которые сформировались в конце XIX – первой трети XX веков, это эволюционизм, биологическое направление, диффузионизм, функционализм, структурализм, психологическая ориентация в культурной антропологии, имеющая сложную структуру исследований»⁵⁷¹.

В методологическом плане антропологи исходили из позитивистской доктрины, применяя к своим исследованиям индуктивные, эмпирические методы и методы сравнительного анализа, поскольку именно они позволяли изучать закономерности социокультурных явлений (взаимосвязь культуры, общества и человека, и натуралистические законы существования общества и человека).

⁵⁷⁰ Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1999. 241 с.

⁵⁷¹ Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ. 2009.С. 31.

Темы прикладной антропологии были направлены на получение результата с практической общественной пользой, так ученые сосредотачивались на познании сущности общественных институтов и человека, а потому активно проводили сравнительные исследования социокультурных систем для решения ряда проблем: определения связи социальной структуры и культуры с модальными паттернами воспитания детей, анализ влияния паттернов воспитания детей на модальную структуру личности, проявляющуюся в поведении, обусловленность модальной структуры личности ролевой системой и проективными аспектами культуры и, наконец, обнаружение связи всех этих переменных с паттернами девиантного поведения, варьирующегося от одной группы к другой. Центральной темой, особенно на первых этапах развития направления, было *исследование процесса инкультурации*, т.е. анализа методов воспитания в период детства для понимания особенностей функционирования взрослой личности.

В период 1930-1940 годов основной задачей ученых-антропологов стало изучение социокультурной среды, чтобы понять явления культуры на уровне представлений и действий людей. Особенным считается поиск типических черт, стандартизированных моделей действия, мышления, характерных для членов одной культурной группы (см. Дж. Хонигманн⁵⁷²). Существенную роль поначалу играл тезис о специфическом типе личности, определяющем характер той или иной культуры («модальная личность»). Этим термином обозначали репрезентативный тип личности в конкретной социокультурной среде (согласно Рут Ф. Бенедикт)⁵⁷³.

Близким, но не тождественным, считают теоретический конструкт «базисной, или базовой, структуры личности. Данная концепция – один из ключевых подходов научной школы «Культура и личность». С одной стороны, базисная структура личности – это теоретический конструкт (basic personality structure), обозначающий ядерный набор черт, присущий всем носителям данной

⁵⁷² Honigmann J.J. Culture and Personality. NY: Harper and Brothers, 1954. P. 171.

⁵⁷³ Копцева Н.П., Резникова К.В. Методологические возможности антропологической школы «Культура и личность» для современных российских социально-культурных исследований // Современные проблемы науки и образования. 2013. №. 4. С. 390

культуры (согласно концепции А. Кардинера⁵⁷⁴). С другой – это склонности, представления и способы связи с другими людьми. Она формируется на основе единого для всех членов одного общества опыта (единая культурная практика), становясь личностными характеристиками индивидов и обеспечивая в дальнейшем неконфликтное (безопасное) сосуществование внутри группы. Идея сложилась благодаря изучению методов воспитания детей в различных культурах и понимаю того, что любая практика есть не что иное, как путь адаптации к определенной культуре, усвоение индивидами установок по отношению к ключевым аспектам жизнедеятельности (организация семьи, взаимодействие с другими людьми и т.д.). Абрам Кардинер различал первичные и вторичные институты, формирующие базовые характеристики внутри структурной модели личности.

Исследователь концепции А. Кардинера С.В. Лурье выделила характерную для него «иерархическую систему основной личностной структуры»⁵⁷⁵, состоящую из пирамидальной взаимосвязи качеств личности, постепенно изменяющихся в условиях социальной реальности. С.В. Лурье пишет: «В основании находятся проективные системы, основанные на бессознательном опыте, это психологическая защита индивида и его “супер-эго”. Далее по восходящей расположены: выученные нормы, относящиеся к допустимым моделям проявления импульсов; выученная система моделей деятельности; система табу, воспринятая как часть реального мира; реальность, воспринятая чисто эмпирическим путем. Если нижний уровень практически не подвержен трансформации, то верхний, отражающий жизненный опыт личности, осознается и изменяется в зависимости от внешних обстоятельств. Таким образом, базисный тип личности есть совокупность склонностей, установок, особых черт характера, которая свойственна большому количеству представителей того или иного

⁵⁷⁴ Kardiner A. The individual and his society: the psychodynamics of primitive social organization. New York: Columbia Univ. Press, 1939. 503 p.

⁵⁷⁵ Лурье С.В. Историческая этнология: Гл 4. . М.: Академический Проект, 2003. 624 с.

общества»⁵⁷⁶. Структура личности понимается как динамичная, включающая внешние и глубинные поведенческие характеристики, проявляемые по-разному, синтезирующая осознанные и бессознательные сферы личности. В концепции Кардинера подчеркнута важность освоения индивидом норм на социальном уровне, что вносит определенные изменения в его личную идентичность.

На смену понятию базисной структуры личности чуть позже пришли другие определения, помогающие понять *социальную природу идентичности*: ««национальный характер» (М. Мид), «модальная личность» (К. Дюбуа), «статусная личность» (Р. Линтон), «социальный характер» (Э. Фромм)»⁵⁷⁷. Например, у Эрика Фромма персональная и социальная идентичности описаны в состоянии конфликта, происходящего между требованиями социума и индивидуальной свободой. Формирование же персональной идентичности происходит в процессе индивидуализации человека (см. О.А. Симонова⁵⁷⁸).

Культурные антропологи (Б.К. Малиновский в 1914-1918 годах, А.Р. Рэдклифф-Браун в 1906-1908 годах, с 1920-х гг. Р. Бенедикт и М. Мид) на основании длительных эмпирических исследований создавали теории с целью, с одной стороны, обнаружить устойчивые структуры человеческих отношений и помочь современным урбанистическим цивилизациям наладить межсоциальное взаимодействие, а с другой – *создать научный инструментарий для позитивного социального управления и разумного формирования сложной идентичности*. Ученые дополнили сферу антропологии разнообразием приемов полевой работы, где каждый становился методом интерпретации, упорядочения эмпирических исследований (см. А.А. Белик⁵⁷⁹). Например, Маргарет Мид, классик американской культурной антропологии, создала эталонную программу, в которой представлена стратегия исследования культурных и психологических

⁵⁷⁶ Лурье С.В. Первая психоаналитическая концепция в этнологии. А. Кардинер: концепция основной личностной структуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/2250420/page:17/>

⁵⁷⁷ Цит. по Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 45–61.

⁵⁷⁸ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 49.

⁵⁷⁹ Белик А.А. Культурная (социальная) антропология – область научных исследований и учебная дисциплина // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 2–15.

феноменов внутри того или иного культурного общества⁵⁸⁰. В статье о методологии полевого исследования А.А. Тарасовой отмечается: «В основе методологии лежит междисциплинарный подход, основанный на тесном взаимодействии двух гуманитарных наук – психологии и этнологии (этнографии). Данный подход синтезирует методы этнографии (наблюдение, обязательная языковая подготовка, метод возрастных срезов, изучение систем родства) и психологии (методы опроса, анкетирования, тестирования и интервьюирования), которые позволяют индуктивным путем составить более широкую картину изучаемого социума, обнаружить универсальные паттерны поведения и выявить уникальные «личностные» параметры локальной культуры»⁵⁸¹. Синтезируя методы, М. Мид предлагает уникальный *кросс-культурный подход, спроектированный для проведения прикладных культурных исследований*. Система анализа у М. Мид состоит из последовательного применения методов, где результаты одного становятся дополнительным материалом для изучения в следующем: метод возрастных срезов; метод изучения языка и форм родства данной культуры; метод наблюдения и опросные методы; метод анализа, кросс-культурный метод. Таким образом, отличительной особенностью культурной антропологии стало использование преимущественно естественных методов наблюдений.

Н.П. Копцева пишет об методах культурной антропологии в XX-XXI вв. и отмечает в своей статье: «Особую ценность имеет *программа развития культурных исследований*, сформулированная А.Р. Рэдклиффом-Брауном, одним из основателей британской социальной антропологии. Изучив структурно-функциональный метод, ученый ввел понятие «социальная система», благодаря которому становится возможным *изучать поведенческие явления и социальные*

⁵⁸⁰ Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: Университет, 2006. С. 27.

⁵⁸¹ Тарасова А.А. Методология полевого исследования культурного феномена «детство» в теории культуры (на материале анализа текста «Культура и мир детства» Маргарет Мид). [Электронный ресурс] – 2011. URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/5835/s5_61.pdf?sequence=1

*отношения»*⁵⁸². Кроме того, он выделял: «(1) социальную структуру; (2) общую совокупность социальных обычаев; (3) специфические образы мыслей и чувств, о которых мы можем заключить (из поведения и речи), что они связаны с социальными обычаями»⁵⁸³. Согласно Рэдклифф-Брауну, социальная структура – это общая сумма социальных отношений всех индивидов в данный момент времени, он пишет: «Сущность человеческих сообществ – это структура отношений между людьми в реальном взаимодействии». Методология Б. Малиновского, А. Рэдклиффа-Брауна и др. основана на *институциональном анализе*, который «...направлен, как известно, на определение той основной цели, которая объединяет членов общности в институт и определяет характер их поведения в конкретном виде деятельности»⁵⁸⁴. Благодаря трудам британских антропологов с середины XX века вводится понятие «социальная антропология» и начинает развиваться социокультурное знание, обращенное к изучению жизни людей индустриальных стран. Помимо этого, эволюция структурного функционализма привела к оформлению в начале 60-х годов XX века психологической антропологии как междисциплинарной области исследований, в которой продолжилось изучение *проблемы этнографической идентичности* в различных измерениях, с углублением в анализ понятия «self» (внутреннее «ядро» личности).

Концептуальная методология, предложенная учеными в области культурной (социальной) антропологии, усилила значимость культурно-антропологических исследований. Во второй половине XX века глобализация вызвала ответную реакцию в виде усиления национальных традиций в разных государствах. Предметом исследования становятся: способы внутрикультурной и межкультурной коммуникации; знаковые системы; механизмы регулирования социальных отношений; культурный опыт и способы его передачи; искусственная

⁵⁸² Копцева Н.П. Культурно-антропологический проект социальной инженерии (проблема методологии современных прикладных культурных исследований) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2009. Т.1. № 3. С. 22–34.

⁵⁸³ Белик А.А. Культурная (социальная) антропология – область научных исследований и учебная дисциплина // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 10.

⁵⁸⁴ Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 306.

среда и технологии ее создания и поддержания; механизмы регулирования межличностных и межгрупповых отношений. В 1972 году была создана Международная ассоциация кросс-культурной психологии, цель которой – объединить теоретические и прикладные исследования в психологической и когнитивной антропологии и этнографии в понимании того, «... как люди изменяют культуру, и как культура изменяет их». Кросс-культурная методология, одна из первых синтезировавшая подходы многих научных областей, приблизилась к реалиям повседневной жизни, позволила увидеть множество уникальных культур и дала возможность применять накопленный методологический арсенал в прикладных кросс-культурных исследованиях⁵⁸⁵. Эмпирические и методологические исследования кросс-культурной психологии сфокусировали тему изучения отношений этнокультурных групп, предложив ученым модели и стратегии межкультурных взаимодействий (см. Дж. Берри⁵⁸⁶). Джон Берри в 1970-1980-е годы исследовал специфику стратегий этнокультурных групп в процессе межкультурной коммуникации. Четыре стратегии аккультурации: «ассимиляция», «интеграция», «сегрегация (сепарация)» и «маргинализация» – направлены на выявление ценностных ориентиров межкультурных отношений, в которых та или иная группа может быть ориентирована на ценности либо собственной группы (например, этнической культуры), либо групп доминирующей культуры. Концепция Берри применима в междисциплинарных исследованиях при анализе современных ориентаций межкультурных отношений, сближая и интегрируя друг с другом методы психологии, социологии и культурологии.

Специфика стратегий этнокультурных групп определяется посредством культурной идентичности. Данный концепт предложен Кармель Камиллери и Ханной Малевска-Пейре. Авторы пишут о том, что «Понятие «культурная идентичность» имеет значение сложного набора убеждений и установок, которые люди проявляют в отношении себя и своего членства в культурной группе.

⁵⁸⁵ Ареальная Картоотека Человеческих Отношений [Электронный ресурс]. URL: / <https://hraf.yale.edu/>

⁵⁸⁶ Berry J.W., Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge University Press, 2002. 588 p.

Отличительная особенность культурной идентичности в том, что она складывается не в монокультуре, а при контакте с другой (другими) культурой(ами)⁵⁸⁷. Как и у Джона Берри, процесс идентификации здесь строится на двух параметрах культурной идентичности: локализации или адаптации культурной самобытности в процессе межкультурной коммуникации. В зависимости от выбора происходит изменение этнической, гражданской и национальной формы социальной идентичности. К. Камиллери, анализируя установки и поведение иммигрантов-мусульман во Франции, зафиксировала различие между образами идеальной идентичности (установки на аккультурацию) и реальной (аккультурационное поведение). Наибольшую разницу между двумя образами ощущают недоминирующие группы, что нарушает «целостность идентичности». В связи с этим ученые предлагают три возможные адаптационные стратегии: «простую толерантность» для избегания конфликтов идентичности, «прагматизм» как форму двойной ориентации на свою и окружающую культуру, «предотвращение конфликта путем сложного согласования», которое складывается из наиболее предпочтительных аспектов каждой культуры для максимизации преимуществ.

Вклад в развитие методологии исследований межкультурных отношений внес и Г. Тэшфел, разработавший когнитивный подход к изучению социальной идентичности, которая есть не что иное, как знание индивида о своем членстве в социальной группе (группах), дополненное эмоциональным и ценностным значением. Данное знание позволяет индивидууму понимать, кем он является в определенной социальной категории, и чувствовать (эмоционально оценивать) определенную степень привязанности к этой категории. Взаимодействие когнитивного и эмоционального в содержании понятия «социальная идентичность» было проверено другими учеными в эмпирических исследованиях, проведенных с помощью факторного анализа.

⁵⁸⁷ Camilleri C., Malewska-Peyre H. Socialization and identity strategies // Handbook of cross-cultural psychology. 1997. Т. 2. Р. 44.

Когнитивный аспект изучили Джон Берри и Рудольф Калин в национальном исследовании мультикультурных и этнических отношений в Канаде⁵⁸⁸. Ученые обнаружили, что люди могут помещать себя в разные этнические категории, при этом самостоятельно оценивают степень своей привязанности к множеству подходящих этнических категорий. По мнению Берри: «Если оценка степени привязанности была самой высокой для той категории, в которой они первоначально находились, то высокая оценка привязанности была дана и другим категориям. Таким образом, то, что люди думают о себе (категорийная или когнитивная идентичность) не связано с тем, как сильно они привязаны к множеству культурных категорий. Этот феномен был описан как внедрение идентичностей более специфического характера (например, местной, региональной или этнической идентичности), которые содержатся в более крупной (например, национальной или гражданской) идентичности»⁵⁸⁹.

Эмоциональный аспект теории социальной идентичности Г. Тэшфела в области социальной психологии межгрупповых отношений изучен в исследовании Дональда М. Тейлора и Фатхали М. Могаддама⁵⁹⁰. Под словом «эмоциональный» имеются в виду два значения: мотивация личности на достижение положительной социальной идентичности и цель, побуждающая людей делать социальные сравнения с аутгруппами, чтобы достичь отличающейся и в то же время положительной идентичности. Авторы отмечают, что если в процессе сравнения выявлена положительная идентичность, то личность стремится её сохранить, расширить и усилить. В случае отсутствия таковой личность старается изменить себя или ситуацию, в которой она находится. При этом некоторые изменения происходят на индивидуальном уровне, тогда как остальные на коллективном, в котором поведение отдельных людей изменяется вместе с групповым. Положительная и отличающаяся

⁵⁸⁸ Berry J. W., Kalin R. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey // *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue canadienne des sciences du comportement*. 1995. Т. 27. №. 3. P. 301–320.

⁵⁸⁹ Berry J. W., Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P. R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge University Press, 2002. P. 388.

⁵⁹⁰ Taylor D.M., Moghaddam F.M., Moghaddam F.M. *Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives*. Greenwood Publishing Group, 1994. 245 p.

идентичности схожи с межкультурными стратегиями ассимиляции и сепарации. «Положительная» (ассимиляционная) стратегия демонстрирует потерю отличительной идентичности, а «отличающаяся» стремится её усилить.

Благодаря научным разработкам по теории социальной идентичности и развитию кросс-культурных исследований на рубеже XX-XXI веков была зафиксирована необходимость постоянного обсуждения и реконструирования содержания культурной идентичности, поскольку значительная часть населения живет в бикультурной и мультикультурной среде. Так, Шуан Лю в своей статье «Идентичность, бикультура и мультикультурализм»⁵⁹¹ отмечает: «Смешанные культурные связи способствуют развитию межкультурной компетенции». Поэтому современные исследования должны быть направлены на диагностику культурной идентичности как сложной, в которой групповое и индивидуальное изменяются в процессе межкультурных отношений. В качестве актуальных примеров можно привести исследование Франка К. Уоррелла, где предложен новый инструмент исследования стратегий: «Межэтническая шкала этнической и расовой идентичности у взрослых» (CERIS-A)⁵⁹². Авторы, используя методику измерения семи этнических и расовых идентичностей, выявляют одну метаструктуру культурной идентичности: ассимиляция, неправильное воспитание, ненависть к себе, анти-доминантность, этноцентризм, мультикультурализм, этническая расовая принадлежность. Методика позволяет выявить расовые профили культурной идентичности и их ориентацию (низкую или высокую степень) на аккультурацию.

Концептуальное осмысление феномена идентичности в теме межкультурных отношений, обнаруживающих индивидуальные и социальные ценностные установки разных социальных групп, повлияло на дальнейшее широкое применение метода факторного анализа в исследовании сложной идентичности. С помощью данного метода становится возможным выявить степень когнитивной и

⁵⁹¹ Liu S. Identity, bicultural and multicultural // The International Encyclopedia of Intercultural Communication / Y.Y. Kim [ed.]. Hoboken, NJ, US: John Wiley and Sons, 2017. P. 1–9.

⁵⁹² Worrell F.C., Mendoza-Denton R., Wang A. Introducing a new assessment tool for measuring ethnic-racial identity: the cross ethnic-racial identity scale–adult (CERIS-A) // Assessment. 2019. Т. 26. №. 3. P. 404–418.

эмоциональной зависимости от социальных категорий, классифицировать и определить в структуру выявленные формы идентичности.

Прикладные исследования, в которых применен метод факторного анализа, свидетельствуют о сложной природе современной идентичности и идентификации. Так, в период с 2014 по 2019 год на основании обзорного просмотра рецензируемых научных публикаций (РИНЦ, Web of Science, Scopus), можно зафиксировать высокую востребованность факторного анализа при изучении форм сложной идентичности. Далее приведен ранжированный список тем с примерами опубликованных работ в области изучения идентичности данным методом. Лидируют форма социальной идентичности (Р. Лой⁵⁹³; Ч. П. Лин⁵⁹⁴; Б. Брэдфорд⁵⁹⁵, М.В. Брунер⁵⁹⁶; Э. Крочетти⁵⁹⁷, Д. Шеперд⁵⁹⁸, Б. С. Райх⁵⁹⁹; А. Банкирт⁶⁰⁰; Н.Ф. Прахарсо⁶⁰¹; Ван Дик Р.⁶⁰²; Дж. Чжан⁶⁰³), управление социальной идентичностью (Н.К. Стеффенс⁶⁰⁴); социальная идентичность и её влияние на службу социальных сетей (С. Юн⁶⁰⁵, К. Хенттонен⁶⁰⁶; К.Н. Шен⁶⁰⁷;

⁵⁹³ Loi R., Chan K.W., Lam L.W. Leader-member exchange, organizational identification, and job satisfaction: A social identity perspective // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2014. Т. 87. № 1. P. 42–61.

⁵⁹⁴ Lin C.P. Predicating team performance in technology industry: Theoretical aspects of social identity and self-regulation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Т. 98. P.13–23.

⁵⁹⁵ Bradford B. Policing and social identity: Procedural justice, inclusion and cooperation between police and public // *Policing and society*. 2014. Т. 24. №. 1. P. 22–43.

⁵⁹⁶ Bruner M.W., Boardley I.D., Côté J. Social identity and prosocial and antisocial behavior in youth sport // *Psychology of sport and exercise*. 2014. Т. 15. №. 1. P. 56–64.

⁵⁹⁷ Crocetti E., Avanzi L., Haw S.T., Fraccarol F., Meeu W. Personal and social facets of job identity: A person-centered approach // *Journal of Business and Psychology*. 2014.Т. 29. №. 2. P. 281–300.

⁵⁹⁸ Shepherd D., Sigg N. Music preference, social identity, and self-esteem // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. 2015. Т. 32. №. 5. P. 507–514.

⁵⁹⁹ Reiche B.S., Harzing A.W., Pudelko M. Why and how does shared language affect subsidiary knowledge inflows? A social identity perspective // *Language in International Business*. Palgrave Macmillan, Cham, 2017. P.209–253.

⁶⁰⁰ Bankert A., Huddy L., Rosema M. Measuring partisanship as a social identity in multi-party systems // *Political behavior*. 2017. Т. 39. №. 1. P.103–132.

⁶⁰¹ Prahars N.F., Tear M.J., Cruwys T. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change // *Psychiatry research*. 2017. Т. 247. P.265–275.

⁶⁰² Van Dick R., Ketturat C., Häusser J. A., Mojzisch A. Two sides of the same coin and two routes for improvement: Integrating resilience and the social identity approach to well-being and ill-health // *Health psychology open*. 2017. Т. 4. №. 2. P 1–6.

⁶⁰³ Zhang J., Morrison A. M., Tucker H., Wu B. Am I a backpacker? Factors indicating the social identity of Chinese backpackers // *Journal of Travel Research*. 2018. Т. 57. №. 4. P. 525–539.

⁶⁰⁴ Steffens N.K., Haslam S.A., Reicher S.D., Platow M.J., Franssen K., Yang J., Boen F. Leadership as social identity management: Introducing the Identity Leadership Inventory to assess and validate a four-dimensional model // *The leadership quarterly*. 2014. Т. 25. №. 5. P. 1001–1024.

⁶⁰⁵ Yoon S. Does social capital affect SNS usage? A look at the roles of subjective well-being and social identity // *Computers in Human Behavior*. 2014. Т. 41. P.295–303.

⁶⁰⁶ Henttonen K., Johanson J. E., Janhonen M. Work-team bonding and bridging social networks, team identity and performance effectiveness // *Personnel Review*. 2014. Т. 43. № 3. P.330–349.

К.И. Тэн⁶⁰⁸), социальная идентичность предпринимателей (Г.А. Алсос⁶⁰⁹). Вторую обширную группу составляют четыре наиболее обсуждаемые формы: национальная (Ф. Али⁶¹⁰; С.С. Алави⁶¹¹; С. Э. Ха⁶¹²; К.П. Цойгнер-Рот⁶¹³, Л. МакЛарен⁶¹⁴; Д. Осборн⁶¹⁵), расовая (Д.М. Шимански⁶¹⁶, М.Дж. Миллер⁶¹⁷, Р.Т. Картер⁶¹⁸; Ф.С. Уоррелл⁶¹⁹; М.Г. Франко⁶²⁰), этническая (С.Д. Браун⁶²¹; М.З. Бут⁶²²; Дж. Стюарт⁶²³; П. Муссо⁶²⁴; А. Ньюман⁶²⁵; Р. Димитрова⁶²⁶), бикультурная

⁶⁰⁷ Shen K. N., Zhao F., Khalifa M. Dural identity process for virtual community participation and impact of gender composition // *Internet Research*. 2017. Т. 27. № 2. P.182–198.

⁶⁰⁸ Teng C. I. Impact of avatar identification on online gamer loyalty: Perspectives of social identity and social capital theories // *International Journal of Information Management*. 2017. Т. 37. №. 6. P. 601–610.

⁶⁰⁹ Alsos G.A., Clausen T.H., Hytti U., Solvoll S. Entrepreneurs' social identity and the preference of causal and effectual behaviours in start-up processes // *Entrepreneurship and Regional Development*. 2016. Т. 28. №. 3-4. P. 234–258.

⁶¹⁰ Ali F., Kim W.G., Ryu K. The effect of physical environment on passenger delight and satisfaction: Moderating effect of national identity // *Tourism Management*. 2016. Т. 57. P.213–224.

⁶¹¹ Alavi S.S., Jannatifard F., Maracy M.R., Alaghemandan H., Setare M. Comparison of national and personal identity between person with internet addiction disorder and normal internet users // *Journal of education and health promotion*. 2014. Т. 3. P.52–58.

⁶¹² Ha S.E., Jang S J. Immigration, threat perception, and national identity: Evidence from South Korea // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Т. 44. P.53–62.

⁶¹³ Zeugner-Roth K. P., Žabkar V., Diamantopoulos A. Consumer ethnocentrism, national identity, and consumer cosmopolitanism as drivers of consumer behavior: A social identity theory perspective // *Journal of international marketing*. 2015. Т. 23. №. 2. P. 25–54.

⁶¹⁴ McLaren L. Immigration, national identity and political trust in European democracies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Т. 43. №. 3. P. 379–399.

⁶¹⁵ Osborne D., Milojev P., Sibley C.G. Authoritarianism and national identity: Examining the longitudinal effects of SDO and RWA on nationalism and patriotism // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2017. Т. 43. №. 8. P. 1086–1099.

⁶¹⁶ Szymanski D.M., Lewis J.A. Race-related stress and racial identity as predictors of African American activism // *Journal of Black Psychology*. 2015. Т. 41. №. 2. P. 170–191.

⁶¹⁷ Miller M.J., Alvarez A.N., Li R., Chen G.A., Iwamoto D.K. Measurement invariance of the people of Color Racial Identity Attitudes Scale with Asian Americans // *Psychological assessment*. 2016. Т. 28. №. 1. P. 116–122.

⁶¹⁸ Carter R.T., Johnson V.E., Roberson K., Mazzula S.L., Kirkinis K., Sant-Barket S. Race-based traumatic stress, racial identity statuses, and psychological functioning: An exploratory investigation // *Professional Psychology: Research and Practice*. 2017. Т. 48. №. 1. P. 30–37.

⁶¹⁹ Worrell F.C., Andretta J.R., Woodland M.H. Cross Racial Identity Scale (CRIS) scores and profiles in African American adolescents involved with the juvenile justice system // *Journal of counseling psychology*. 2014. Т. 61. №. 4. P. 570–580.

⁶²⁰ Franco M.G., O'Brien K.M. Racial identity invalidation with multiracial individuals: An instrument development study // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2018. Т. 24. №. 1. P. 112–125.

⁶²¹ Brown S.D., Hu U., Kirsten A., Mevi A.A., Hedderson M.M., Shan J., Ferrara, A. The Multigroup Ethnic Identity Measure—Revised: Measurement invariance across racial and ethnic groups // *Journal of counseling psychology*. 2014. Т. 61. №. 1. P. 154–161.

⁶²² Booth M.Z., Abercrombie S., Frey C.J. Contradictions of Adolescent Self-Construal: Examining the Interaction of Ethnic Identity, Self-Efficacy and Academic Achievement // *Mid-Western Educational Researcher*. 2017. Т. 29. №. 1. P. 3–19.

⁶²³ Stuart J., Jose P. E. The protective influence of family connectedness, ethnic identity, and ethnic engagement for New Zealand Māori adolescents // *Developmental psychology*. 2014. Т. 50. №. 6. P. 1817–1826.

⁶²⁴ Musso P., Moscardino U., Inguglia C. The Multigroup Ethnic Identity Measure—Revised (MEIM-R): Psychometric evaluation with adolescents from diverse ethnocultural groups in Italy // *European Journal of Developmental Psychology*. 2018. Т. 15. №. 4. P. 395–410.

⁶²⁵ Newman A., Nielsen I., Smyth R., Hirst G., Kennedy S. The effects of diversity climate on the work attitudes of refugee employees: The mediating role of psychological capital and moderating role of ethnic identity // *Journal of Vocational Behavior*. 2018. Т. 105. P. 147–158.

⁶²⁶ Dimitrova R., Johnson D.J., van de Vijver F.J.R. Ethnic socialization, ethnic identity, life satisfaction and school achievement of Roma ethnic minority youth // *Journal of Adolescence*. 2018. Т. 62. P. 175–183.

(К.Л. Хьюнь⁶²⁷), этническая социальная идентичность (Т.И. Бонкало⁶²⁸; Л. Рью⁶²⁹). В третью группу входят исследования, посвященные изучению ранней социализации подростков и их выбора будущего: профессиональная (Ю.Ф. Хао⁶³⁰; М. Э. Уилсон⁶³¹; Т. Манчини⁶³²; Л.А. Сестито⁶³³; Х. Цзян⁶³⁴) карьерная у выпускников учебных заведений (Г. Сантиси⁶³⁵; М.Э. Роджерс⁶³⁶); образовательная/инженерная у студентов-бакалавриатов (М. Борррего⁶³⁷; Д. Вердин⁶³⁸), студенческая (Дж. Э. Стец⁶³⁹). В четвертой группе определились социальные и сексуальные формы идентичности, что указывает на актуальность изучения поведенческих ролей в современном обществе: гендерная (Д. Бамман⁶⁴⁰; У. Вуд⁶⁴¹; Б.К. Эшдаун⁶⁴²; Э.Б. Кинг⁶⁴³); трансгендерная (К. Скандурра⁶⁴⁴);

⁶²⁷ Huynh Q.L., Benet-Martínez V., Nguyen A.M.T.D. Measuring variations in bicultural identity across US ethnic and generational groups: Development and validation of the Bicultural Identity Integration Scale—Version 2 (BIIS-2) // *Psychological Assessment*. 2018. Т. 30. №. 12. P. 1581–1596.

⁶²⁸ Bonkalo T.I., Kolesnik N.T., Sorokoumova E.A., Bonkalo S.V. Development of ethnic social identity among the members of ethnic community organizations as the factor of preventing the spread of nationalist sentiments in a multicultural society // *Biosciences biotechnology research asia*. 2015. Т. 12. №. 3. P. 2361–2372.

⁶²⁹ Rew L., Arheart K.L., Johnson K., Spoden M. Changes in ethnic identity and competence in middle adolescents // *Journal of Transcultural Nursing*. 2015. Т. 26. №. 3. P. 227–233.

⁶³⁰ Hao Y.F., Niu H.J., Li L.P., Yue S.J., Liu X.H. Measurement of professional identity in Chinese nursing students // *International journal of nursing sciences*. 2014. Т. 1. №. 2. P. 137–144.

⁶³¹ Wilson M.E., Liddell D.L., Hirschy A.S., Pasquesi K. Professional identity, career commitment, and career entrenchment of midlevel student affairs professionals // *Journal of College Student Development*. 2016. Т. 57. №. 5. P. 557–572.

⁶³² Mancini T., Caricat L., Panari C., Tonarelli A. Personal and social aspects of professional identity.: An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university students // *Journal of Vocational Behavior*. 2015. Т. 89. P. 140–150.

⁶³³ Sestito L.A., Sica L.S., Ragozini G., Porfeli E., Weisblat G., Di Palma T. Vocational and overall identity: A person-centered approach in Italian university students // *Journal of Vocational Behavior*. 2015. Т. 91. P. 157–169.

⁶³⁴ Jiang H., Wang Y., Chui E., Xu Y. Professional identity and turnover intentions of social workers in Beijing, China: The roles of job satisfaction and agency type // *International Social Work*. 2019. Т. 62. №. 1. P. 146–160.

⁶³⁵ Santisi G., Magnano P., Platania S., Ramaci T. Psychological resources, satisfaction, and career identity in the work transition: an outlook on Sicilian college students // *Psychology Research and Behavior Management*. 2018. Т. 11. P. 187–195.

⁶³⁶ Rogers M.E., Creed P.A., Praskova A. Parent and adolescent perceptions of adolescent career development tasks and vocational identity // *Journal of Career Development*. 2018. Т. 45. №. 1. P. 34–49.

⁶³⁷ Borrego M., Patrick A., Martins L., Kendall M. A New Scale for Measuring Engineering Identity in Undergraduates // *ASEE Gulf-Southwest Section Annual Meeting 2018 Papers*. American Society for Engineering Education. 2018. P. 1–3.

⁶³⁸ Verdin D., Godwin A., Kirn A., Benson L., Potvin G. Understanding how engineering identity and belongingness predict grit for first-generation college students, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1077&context=enegs>

⁶³⁹ Stets J.E., Brenner P.S., Burke P J., Serpe R.T. The science identity and entering a science occupation // *Social science research*. 2017. Т. 64. P. 1–14.

⁶⁴⁰ Bamman D., Eisenstein J., Schnoebelen T. Gender identity and lexical variation in social media // *Journal of Sociolinguistics*. 2014. Т. 18. №. 2. P. 135–160.

⁶⁴¹ Wood W., Eagly A. H. Two traditions of research on gender identity // *Sex Roles*. 2015. Т. 73. №. 11. P. 461–473.

⁶⁴² Ashdown B.K. Homa N., Brown C.M. Measuring gender identity and religious identity with adapted versions of the multigroup ethnic identity measure-revised // *Journal of Educational and Developmental Psychology*. 2014. Т. 4. №. 1. P. 226–237.

⁶⁴³ King E.B., Mohr J.J., Peddie C.I., Jones K.P., Kendra M. Predictors of identity management: An exploratory experience-sampling study of lesbian, gay, and bisexual workers // *Journal of Management*. 2017. Т. 43. №. 2. P. 476–502.

сексуальная (Дж.С. Морандини⁶⁴⁵; О. Амола⁶⁴⁶; Р.Дж. Крамер⁶⁴⁷). Ещё одной группой, набирающей популярность, являются ролевая (К.Дж. Ванг⁶⁴⁸); предпринимательская, лидерская, организационная (С.Ю. Мурниекс⁶⁴⁹; М. Акбари⁶⁵⁰; С.А. Бём⁶⁵¹; С.Л. Дэйли⁶⁵²; М.Э. де ла Круз⁶⁵³; К. Джордан⁶⁵⁴), организационного поведения (Х. Ху⁶⁵⁵). В последнюю группу отнесены редко встречающиеся темы: атлетическая и спортивная идентичности (Т.М. Кабрита⁶⁵⁶; С.А. Китон⁶⁵⁷); религиозная (Т.Дж. Вандервил⁶⁵⁸); моральная как форма просоциального и антисоциального поведения (Харди, 2015); авторская (в научном смысле) идентичность студентов (К.Ю.Ф. Чунг⁶⁵⁹); глобальная (С.

⁶⁴⁴ Scandurra C., Amodeo A.L., Bochicchio V., Valerio P., Frost D.M. Psychometric characteristics of the Transgender Identity Survey in an Italian sample: A measure to assess positive and negative feelings towards transgender identity // *International Journal of Transgenderism*. 2017. Т. 18. №. 1. P. 53–65.

⁶⁴⁵ Morandini J.S., Blaszczyński A., Ross M.W., Costa D.S., Dar-Nimrod I. Essentialist beliefs, sexual identity uncertainty, internalized homonegativity and psychological wellbeing in gay men // *Journal of counseling psychology*. 2015. Т. 62. №. 3. P. 413.

⁶⁴⁶ Amola O., Grimmitt M.A. Sexual identity, mental health, HIV risk behaviors, and internalized homophobia among black men who have sex with men // *Journal of Counseling and Development*. 2015. Т. 93. №. 2. P. 236–246.

⁶⁴⁷ Cramer R.J., Burks A.C., Golom F.D., Stroud C.H., Graham J.L. The Lesbian, Gay, and Bisexual Identity Scale: Factor analytic evidence and associations with health and well-being // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. 2017. Т. 50. №. 1-2. P. 71–88.

⁶⁴⁸ Wang C.J., Tsai H.T., Tsai M.T. Linking transformational leadership and employee creativity in the hospitality industry: The influences of creative role identity, creative self-efficacy, and job complexity // *Tourism management*. 2014. Т. 40. P. 79–89.

⁶⁴⁹ Murnieks C.Y., Mosakowski E., Cardon M.S. Pathways of passion: Identity centrality, passion, and behavior among entrepreneurs // *Journal of management*. 2014. Т. 40. №. 6. P. 1583–1606.

⁶⁵⁰ Akbari M., Kashani S.H., Nikookar H., Ghaemi J. Servant leadership and organizational identity: The mediating role of job involvement // *International journal of organizational leadership*. 2014. Т. 3. P. 41–55.

⁶⁵¹ Boehm S.A., Dwertmann D.J., Bruch H., Shamir B. The missing link? Investigating organizational identity strength and transformational leadership climate as mechanisms that connect CEO charisma with firm performance // *The Leadership Quarterly*. 2015. Т. 26. №. 2. P. 156–171.

⁶⁵² Dailey S.L., Zhu Y. Communicating health at work: Organizational wellness programs as identity bridges // *Health Communication*. 2017. Т. 32. №. 3. P. 261–268.

⁶⁵³ De la Cruz M.E., Jover A.J.V., Gras J.M.G. Influence of the entrepreneur's social identity on business performance through effectuation // *European Research on Management and Business Economics*. 2018. Т. 24. №. 2. P. 90–96.

⁶⁵⁴ Jordan K., Weller M. Communication, collaboration and identity: factor analysis of academics' perceptions of online networking // *Research in Learning Technology*. 2018. Т. 26. P.1–13.

⁶⁵⁵ Hu X., Jiang Z. Employee-oriented HRM and voice behavior: a moderated mediation model of moral identity and trust in management // *The International Journal of Human Resource Management*. 2018. Т. 29. №. 5. P. 746–771.

⁶⁵⁶ Cabrita T.M., Rosado A.B., Leite T.O., Serpa S.O., Sousa P.M. The relationship between athletic identity and career decisions in athletes // *Journal of Applied Sport Psychology*. 2014. Т. 26. №. 4. P. 471–481.

⁶⁵⁷ Keaton S.A., Gearhart C.C. Identity formation, identity strength, and self-categorization as predictors of affective and psychological outcomes: A model reflecting sport team fans' responses to highlights and lowlights of a college football season // *Communication and Sport*. 2014. Т. 2. №. 4. P. 363–385.

⁶⁵⁸ VanderWeele T.J., Yu J., Cozier Y.C., Wise L., Argentieri M.A., Rosenberg L., Shields A.E. Attendance at religious services, prayer, religious coping, and religious/spiritual identity as predictors of all-cause mortality in the Black Women's Health Study // *American journal of epidemiology*. 2017. Т. 185. №. 7. P. 515–522.

⁶⁵⁹ Cheung K.Y.F., Stuppel E.J.N., Elander J. Development and validation of the Student Attitudes and Beliefs about Authorship Scale: a psychometrically robust measure of authorial identity // *Studies in Higher Education*. 2017. Т. 42. №. 1. P. 97–114.

Анг⁶⁶⁰); адаптивная идентичность (К.В. Коланер⁶⁶¹); экологическая (Т.Н. Уолтон⁶⁶²). Метод факторного анализа позволяет проводить статический мета-анализ (Л.В. Хеджес⁶⁶³). Он широко применяется в биологических науках (биометрическая аутентификация, нейронная идентичность), науках об окружающей среде, в компьютерных науках (идентификация, аутентификация личности пользователей интернета, формирование идентичности в Facebook).

В зарубежной кросс-культурной психологии был реализован проект по интегративной концептуализации, объединяющей психологические, социологические и антропологические теории, и анализу структуры идентичности в мультикультурном контексте⁶⁶⁴. Питер Вайнрайх и Венди Сондерсон (ученые Университета Ольстера), синтезируя подходы из символического интеракционизма, социального конструктивизма, теории социальной идентичности, произвели мета структурный анализ личности на платформе программного обеспечения «Ipseus» (кластерный анализ), позволяющего проводить прикладные исследования личности на индивидуальном и групповом уровне в социальных и межкультурных условиях. Результаты проекта отражены в книге «Анализ идентичности: межкультурный, социальный и клинический аспекты» в темах: анализ структуры личности, теория и практика исследования идентичности, межкультурные проблемы по результатам оценочных измерений идентичностей в различных национальных группах. Ученые ставили две задачи при анализе структуры идентичности: 1) повышение уровня абстракции рабочих концепций по изучению личности и общности, и 2) поиск общего метода исследования самости как идентичности (как на индивидуальном, так и на социальном уровне). Анализ структуры личности (ISA) строили на оценочном представлении индивидом социального мира. Эмпирический материал,

⁶⁶⁰ Ang S., Van Dyne L. Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications. NY: Routledge, 2015 (1st ed. 2008). 414 p.

⁶⁶¹ Colaner C.W. Measuring adoptive identity: Validation of the adoptive identity work scale // Adoption Quarterly. 2014. Т. 17. №. 2. P. 134–157.

⁶⁶² Walton T.N., Jones R.E. Ecological identity: The development and assessment of a measurement scale // Environment and Behavior. 2018. Т. 50. №. 6. P. 657–689.

⁶⁶³ Hedges L.V., Olkin I. Statistical methods for meta-analysis. NY: Academic press, 2014 (1st ed. 1985). 369 p.

⁶⁶⁴ Analysing identity: Cross-cultural, societal and clinical contexts / Weinreich P., Saunderson W. (ed.). London: Routledge, 2005 (1st ed. 2002). 416 p.

представляющий собой биографический опыт (самооценки себя и своего места, роли в социальных отношениях), подлежал изучению в социально-историческом контексте. Исследовательской целью было понять мультикультурный контекст, складываемый из множества человеческих самооценок. Локус ISA заключался в способах, которыми люди оценивают свои ситуации, события, в которых они играют роль, и своих собственных персонажей и роли в этих событиях. Поскольку ISA направлено на двойное отслеживание развития идентичности как на уникальном, так и на общем уровне, то анализу подлежали биографические и автобиографические нарративы. Авторы применили метод анализа двойного значения, позволяющего выявить как специфические аспекты из совокупности оценок, так и уникальные, присущие только этому человеку. ISA как интегративный подход к человеку и обществу позволяет выявить тонкое взаимодействие между формированием социальной идентичности через отношение с другими и персональным формированием личной идентичности. Поскольку авторы понимают две стороны идентичности как биполярные, возникающие в границах повседневного взаимодействия с людьми и сложными развивающимися контекстами, то в исследовании делается попытка проанализировать степень их доминирования друг над другом.

Сегодня в кросс-культурной психологии идентичность понимают как культурный феномен и изучают факторы, способствующие развитию мультикультурной идентичности в современном мире. Так, исследователи Ричард Л. Миллер и Тайлер Коллетт актуализировали в теме межкультурных отношений персональное формирование независимых и зависимых Я-конструктов, тесно связанных с культурными синдромами индивидуализма и коллективизма⁶⁶⁵. Авторы произвели попытку понять положительные и отрицательные последствия формирования мультикультурной идентичности.

Таким образом, зарубежная методология социальных и кросс-культурных исследований основана на синтезе существующих подходов, благодаря чему

⁶⁶⁵ Miller R.L., Collette T. Multicultural identity development: Theory and research // Cross- Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives. 2019. P. 614–631.

возможно всестороннее описание переменных и факторов развития феномена идентичности. При анализе социально-культурного контекста происходит поиск сложных характеристик идентичности в условиях мультикультурного мира.

Российская наука во многом схожа с зарубежными направлениями в изучении феномена идентичности. Однако за последние двадцать лет в ней особое внимание уделено изучению этнической формы идентичности. Причиной такого высокого научного интереса является государственный переход в XX веке от формы союза социалистических республик, основанной на суммативном качестве крупных этнических групп, к социальному формированию единого межнационального и межкультурного единства. В постсоветское время возросла динамика межэтнических отношений и трансформации социокультурных процессов. Российским ученым было необходимо актуализировать методики, позволяющие производить замеры личностных индексов толерантности и общегрупповых ценностных установок в межэтническом культурном взаимодействии. В основу научной гипотезы легла идея о том, что показатель толерантности и интолерантности есть результат влияния культурных, религиозных, этнических и возрастных факторов. Оттого степень толерантного отношения индивидуума или социальной группы регулируема и формируема в межкультурных и межэтнических отношениях.

В настоящее время разработанные на рубеже XX-XXI веков методики толерантности успешно применяют в кросс-культурных исследованиях этнической идентичности. Наиболее известны: экспресс-опросники «Индекс толерантности», «Типы этнической идентичности», тест общей коммуникативной толерантности, опросник «Толерантность в неопределенности». Российские методики в определенной степени представляют собой адаптированные с зарубежными, валидизированные и расширенные шкалы толерантности к неопределенности с целью их широкого применения в различных социокультурных средах.

Так, например, авторская методика Баднера «Шкала толерантности к неопределенности» (1962) была переведена и адаптирована в 2008 году Г.У.

Солдатовой и Л.А. Шайгеровой, а в 2014 году переработана Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой. Методики «Шкала Сингелиса» (30 утверждений на измерение зависимого и независимого Я-конструкта) и «Шкала металичности самоинтерпретации ДеЧикко» (11 утверждений по семибалльной оценке) применяются в современных исследованиях (см. О.Р. Тучина⁶⁶⁶; А.С. Берберян⁶⁶⁷). Опросный метод Ж. Финни «Мультигрупповая шкала измерения этнической идентичности» (1992) используют для измерения этнической идентичности мигрантов и этнических меньшинств (Ю.П. Зинченко⁶⁶⁸). Но существуют и авторские методики, разработанные российскими учеными. Так, тест общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко⁶⁶⁹) направлен на оценку степени конфликтности в поведенческих реакциях, стратегиях и установках в межличностном общении.

В российских исследованиях кросс-культурные особенности идентичности представлены в немногочисленных работах: Ю.В. Ставропольского (факторный анализ ингрупповой этнокультурной идентичности российских и американских респондентов⁶⁷⁰), М.С. Фабриканта (обзор кросс-культурных исследований национальной идентичности⁶⁷¹), А.Н. Татарко⁶⁷², Ю.Д. Гавроновой⁶⁷³, А.В. Мироновой⁶⁷⁴, Т.Л. Крюковой и М.В. Сапоровской (кросс-культурное исследование образов российских мужчин и женщин в

⁶⁶⁶ Тучина О.Р. Самоинтерпретация и рефлексивность // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. 2012. №. 5. 29 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17854862>

⁶⁶⁷ Берберян А.С., Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Этническая идентичность и индекс толерантности в различной социокультурной среде // Ярославский педагогический вестник. 2019. №. 1. С. 127–133.

⁶⁶⁸ Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Солдатов Г.У., Шилко Р.С., Кипиани А.Ю., Ваханцева О.В. Разработка и апробация комплексной психодиагностической методики изучения этнокультурной идентичности (ЭКИ): методологические принципы и технические решения // Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России. М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016. С. 150–193.

⁶⁶⁹ Бойко В.В. Коммуникативная толерантность: методическое пособие //СПб.: МАПО, 1998. 24 с.

⁶⁷⁰ Ставропольский Ю.В. Теория Л.С. Выготского и кросс-культурные различия в ингрупповой идентификации (американо-российское исследование) // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5. №. 3. С. 44–77.

⁶⁷¹ Фабрикант М.С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. №. 4. С. 22–31.

⁶⁷² Татарко А. Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2004. 403 с.

⁶⁷³ Гавронова Ю.Д. Связь культурно-психологических характеристик личности с профессиональной идентичностью русских и немецких студентов // В мире научных открытий. 2015. №. 1-2. С. 1050.

⁶⁷⁴ Миронов А.В. Самоотношение и этническая идентичность личности (на примере обских угров и русских): автореф. дис.... канд. психол. наук. СПб, 2012. 23 с.

представлениях европейцев⁶⁷⁵). Д.С. Корниенко и М.В. Балева предложена модель взаимодействия ситуационных (экстраэтнических) и личностных (инстраэтнических) факторов, определяющих характер межэтнических отношений⁶⁷⁶.

А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева в совместном труде «Методы этнической и кросс-культурной психологии» (2011) предлагают переработанные этнопсихологические методики исследования этнической идентичности как методики новых кросс-культурных исследований: «это шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева); методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности (А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева); методика Дж. Финни, измеряющая выраженность этнической идентичности»⁶⁷⁷; шкальный опросник О.Л. Романовой для исследования этнической идентичности детей и подростков. Авторы отмечают: «Каждая методика имеет, как правило, обширную теорию, подробно описывать которую не представляется возможным»⁶⁷⁸. Экспертное мнение подтверждает присутствие количественных инструментов и шкал оценок, что фиксирует поливариатность методологического инструментария кросс-культурной психологии, возможность подбора конкретной методики для изучения той или иной формы идентичности.

В методологических разработках Галины Владимировны Солдатовой в соавторстве с другими учеными представлены несколько методик, направленных на исследование межкультурной коммуникации. Методика «Типы этнической идентичности» (см. Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова)⁶⁷⁹ позволяет выявить доминирующий тип среди семи: адекватной, этноцентрической,

⁶⁷⁵ Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В. «Мы» и «Они» в межкультурном пространстве коммуникативного процесса (на примере России, Германии и Франции) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. Т. 15. №. 4. С. 221–225.

⁶⁷⁶ Корниенко Д.С., Балева М.В. Структура интраэтнических факторов в комплексной модели межэтнического взаимодействия // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2013. №. 1. С. 76–84.

⁶⁷⁷ Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии /отв. ред. И.М. Савельева. М.: НИУ ВШЭ. 2011. С. 7.

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Солдатова Г.У., Рыжова С.В. Типы этнической идентичности // Психодиагностика толерантности личности. 2008. С. 140–146.

этнодоминирующей, этнического фанатизма, этнической индифферентности, этнонигилизма, амбивалентной (двойной).

Методика «Диагностический тест отношений» разработана для исследования автостереотипов, гетеростереотипов и этнической толерантности⁶⁸⁰. Экспресс-опросник «Индекс толерантности»⁶⁸¹ позволяет проявить отношение респондентов к некоторым социальным группам, а также социальные установки в различных сферах взаимоотношения. Данная методика основана на трех субшкалах, позволяющих провести качественный анализ аспектов толерантности: этнической, социальной и толерантности как черты личности. Количественный анализ проводят в подсчете и суммировании прямых и обратных утверждений, каждому из которых присвоен определенный бал (от 1 до 6).

В 2016 году учеными впервые предложена методика, разработанная на пересечении научной методологии В.С. Степина и психологической методологии Ю.П. Зинченко⁶⁸². Это опросник, включающий 70 пунктов и состоящий из психодиагностических тестов (этнокультурная идентичность, субъективное восприятие социальной ситуации, межкультурное и межэтническое взаимодействие) и вопросов социо-демографического характера (пол, возраст, профессия, род занятий, материальное положение, место проживания, и т.д.). В методике задействованы различные психодиагностические инструменты, методы, приемы (открытого и закрытого характера, шкальные методики, вопросы с ранжированием вариантов ответа, кейсы). После экспертизы предварительного варианта методики, первичной апробации, пилотажного исследования, на каждом этапе были сделаны корректировки и создана *компьютеризированная версия комплексной психодиагностической методики «этнокультурная идентичность»*. В исследовании определены следующие категории: гражданская принадлежность, национальная принадлежность, региональная идентичность, религиозная

⁶⁸⁰ Солдатова Г.У., Кравцова О.А., Хулаев О.Е., Шайгерова Л.А. Психодиагностика толерантности // Психологи о мигрантах и миграции в России. М., 2002. № 4. С. 59–65.

⁶⁸¹ Там же.

⁶⁸² Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Солдатова Г.У., Шилко Р.С., Кипиани А.Ю., Ваханцева О.В. Разработка и апробация комплексной психодиагностической методики изучения этнокультурной идентичности (ЭКИ): методологические принципы и технические решения // Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России. М.: МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016. С. 150–193.

идентичность⁶⁸³. По мнению авторов, опросные методы уязвимы в низкой возможности учета социокультурного контекста и этноцентризма исследователя в создании стимульного материала. При анализе этничности широко и разнообразно применяют качественную методологию: «включенное наблюдение, полуструктурированные интервью, самоотчеты респондентов, анализ жизненных историй, нарративные методы исследования идентичности и методы с использованием фотографий»⁶⁸⁴. Авторы методики ссылаются на актуальность исследования этнокультурной идентичности в мировой науке: «В настоящее время в области кросс-культурной психологии ученые сосредотачивают внимание на культурных аспектах интеграционных процессов, в которых важную роль играют разные формы идентификации (например, этническая, городская, районная, национальная). Методология разнообразна, и методы между собой возможно различить по авторскому предпочтению изучаемых групп: одни исследователи предпочитают использовать культурно-специфические методы, учитывающие этнокультурные особенности (например, К.Г. Сибли и К.А. Хоукамау⁶⁸⁵), тогда как другие считают необходимым использовать глобальные методы, позволяющие сравнивать результаты, полученные на различных выборках (например, Дж.С. Финни⁶⁸⁶; А.Дж. Уманья-Тейлор⁶⁸⁷). Кросс-культурные методики российских ученых обладают поливариантным характером, позволяющим осуществить подбор конкретной методики для изучения той или иной формы идентичности. Пристальное внимание уделяется форме этнокультурной идентичности, однако в настоящее время в ней обнаруживаются формы, аналогичные содержанию социальной идентичности.

В настоящее время термин «культурная антропология» применяют для обозначения широкого спектра культурных исследований, в центре которых

⁶⁸³ Там же, с. 5-20.

⁶⁸⁴ Там же, с. 156.

⁶⁸⁵ Sibley C.G., Houkamau C.A. The multi-dimensional model of Māori identity and cultural engagement: Item response theory analysis of scale properties // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. 2013. Т. 19. №. 1. P. 97–110.

⁶⁸⁶ Phinney J.S., Chavira V. Ethnic identity and self-esteem: An exploratory longitudinal study // *Journal of adolescence*. 1992. Т. 15. №. 3. P. 271–281.

⁶⁸⁷ Umaña-Taylor A.J., Yazedjian A., Bámaca-Gómez M. Developing the ethnic identity scale using Eriksonian and social identity perspectives // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2004. Т. 4. №. 1. P. 9–38.

построение различных моделей динамики культуры, изучение культурных объектов-артефактов, создание теоретических концепций различных видов деятельности людей в их природном и искусственном окружении. На протяжении XX века, исходя из цели понять воздействие культуры на человека и общество, антропологи разработали интерпретативную методологию исследования сначала социальной, а затем культурной идентичности. В поиске модальной структуры личности ученые зафиксировали проблему ее постоянного идентификационного изменения в процессе межкультурных отношений. Сегодня исследователи обширно используют факторный анализ для структурного определения смыслов сложной идентичности и классификации ее форм.

Концептуальное и методологическое основание исследования сложной идентичности в российской культурологии. Проблемы исследовательской программы

В изучении сложной идентичности с позиции современной культурологии обнаруживается существенный недостаток научных разработок. С одной стороны, этот факт объясним тем, что в зарубежной науке социальная (культурная) антропология уже давно совершила переход к прикладным культурным исследованиям и активно использует общеметодологический арсенал для анализа современных процессов. В созданной в 1949 году картотеке данных по человеческим отношениям HRAF объединена и продолжает пополняться база научной информации об общечеловеческой культуре и культурах различных стран, городов и т.д. Это существенно помогает современным ученым получить нужную информацию для проведения собственного исследования.

С другой стороны, российская методология также сосредоточена на создании эффективного инструментария прикладных культурных исследований. Как верно отметил Юрий Михайлович Резник в своей статье о методологии социокультурных исследований: «Методология социокультурного анализа представляет собой многоуровневую систему подходов, принципов и методов исследования, разработанных и апробированных в разных областях социально-научного знания – социологии, социальной и культурной антропологии,

психологии и лингвистике»⁶⁸⁸. Ю.М. Резник предложил подход, в котором объединены и взаимосвязаны три компонента социального знания (социально-философский, социологический и антропологический), как методологию культурного (социокультурного) анализа, где единицами социальной жизни, подвергаемыми исследованию, служат институты и позиции: «Социальные отношения рассматриваются как институционально обусловленные и существующие (благодаря сходным позициям субъектов) в определенном социальном пространстве». *Современный культурный анализ основан на комбинированных методах: структурализме* (сравнительно-исторический метод как комбинация исторического, сравнительного и эволюционистского подходов), *функционализме* (функционально-динамический подход как объединение эволюционистского и функционалистского методов)⁶⁸⁹ и *конструктивизме* (анализ текстовой информации и контекста как двух аспектов формируемой субъектом реальности).

Автор пишет: «В качестве аналитических единиц культурного анализа мы рассматриваем, с одной стороны, реальные жизненные формы, сложившиеся в конкретных социоприродных и культурных условиях, с другой стороны, проблемные ситуации субъектов, рассматриваемые с точки их текстуального содержания и социокультурного контекста»⁶⁹⁰. Теоретико-методологической основой социокультурных исследований выступают феноменологический подход и экзистенциальный анализ, которые «ориентируют исследователя на раскрытие смыслов существования различных жизненных форм»⁶⁹¹. Интегрированными методами здесь признан событийный (единичные и комплексные социальные события) и рефлексивный анализ (анализ и оптимизация социальных коммуникаций).

Таким образом, проводя параллель между комбинированной методологией современных культурных исследований, предложенной Ю.М. Резником, и

⁶⁸⁸ Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 328.

⁶⁸⁹ Там же, с. 315.

⁶⁹⁰ Там же, с. 320.

⁶⁹¹ Там же, с. 321.

сложной природой идентичности, позволительно говорить о том, что в сфере прикладной культурологии возможен полноценный всесторонний и многоуровневый анализ феномена идентичности.

Методология российской культурологии и традиционна, и инновационна. С одной стороны, теоретически и исторически сформировавшись рубеже XX–XXI веков теория и истории культуры стала интегративным пространством, внутри которого мобилизуются и модернизируются методы и подходы современных гуманитарных исследований. С другой – как молодая наука, ставшая относительно самостоятельной в начале XXI века, она методологически экспериментальна, поскольку нацелена на получение полного и достоверного представления об изучаемых феноменах.

В 2008 году В.М. Розин отмечает, что в конце XX века культурологическое знание переживает кризис, однако «... наряду с продолжающимся развертыванием культурологической науки складываются прикладные культурологические исследования, на которые все больше начинает ориентироваться культурологическое познание»⁶⁹². Прикладная культурология стала приоритетным направлением в современном культурологическом знании, она связана с общей наукой, совершившей переход к непосредственному наблюдению социокультурных явлений, формированию социальных процессов и рациональному управлению ими. Примером тому служит существующий с 2006 года интернет-проект под названием «Сетевое сообщество «Российская культурология»», который является научным форумом для начинающих и профессиональных культурологов, развивающих культурологическое знание. И.М. Быховская в книге-энциклопедии пишет, что современная культурология образно представляет собой «многоэтажное» знание, в котором прикладная как сегмент исполняет не только инструментальную роль «осмысления многообразных социокультурных практик», но выступает важным компонентом «... процесса разработки и обоснования практических действий, направленных на

⁶⁹² Розин В.М. Культурологические исследования // Проблемы культурологии. Античная культура. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1503>

решение социально значимых проблем в самых разных областях – от формирования культуры здоровья личности до сохранения и актуализации культурного наследия региона/страны посредством создания национально значимых проектов»⁶⁹³. Среди (пятидесяти) перечисленных культурологических концептов, значимых для практико-ориентированного анализа, есть понятия «культурная идентичность» и «культурная идентификация» (автор обеих энциклопедических статей А.В. Костина).

П.С. Гуревич пишет о том, что идентификация и самоидентификация – это феномен антропологический и является человеческой потребностью как со стороны индивидуума (самоотождествление), так и со стороны социума (представление социальной части личности)⁶⁹⁴. В связи с этим феномен идентичности раскрывается как отношение, формируемое в ходе социального взаимодействия: «Идентичность всегда выражает сложные связи и взаимоотношения, которые постоянно меняются, преобразуются». Однако, по мнению ученого, идентичность также и социальный феномен, который проявляется на уровне государств, стран, цивилизаций как потребность в самоуверенности, поиске ответа на вопрос «Кто мы?». Поэтому сложность идентичности заключена в её принципиальной процессуальной природе, не имеющей итоговой точки, не обладающей тяготением ни к завершенности, ни к предельной открытости. Ученый резюмирует: «При такой трактовке идентичность по определению не может считаться чем-то сохранным, нераздельным, слитным. А это означает, что идентичность и не способна утвердиться. Это вечный процесс самокорректировки, самоотождественности»⁶⁹⁵.

Виталий Куренной, определяя специфику современных культурных исследований пишет о том, что они связаны прежде всего с междисциплинарным и постдисциплинарным (против академической дисциплинарности) полем предметной и методологической идентификации и практико-ориентированным формированием социокультурных феноменов, в том числе с вопросами

⁶⁹³ Прикладная культурология: энцикл. / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. М.: Изд-во «Согласие», 2019. С. 3.

⁶⁹⁴ Гуревич П.С. Идентичность многолика и взыскующая // Философия и культура. 2015. №. 7. С. 957–961.

⁶⁹⁵ Там же, с. 960.

производства и воспроизводства идентичностей⁶⁹⁶. Следовательно, культурные исследования строятся прежде всего на качественной методологии.

Согласно В. Куренному, исторически программа культурных исследований сформировалась в зарубежной науке в три этапа: середина 1950-х начало – 1960-х годов (публикации ключевых работ «поколения основателей»: Р. Хоггарта, Р. Уильямса, Э. П. Томпсона), 1960-1970-е годы (основание Центра современных культурных исследований в Бирмингеме под управлением Р. Хоггарта и С. Холла), 1980-1990-е годы (консолидация ученых). Автор отмечает характерные особенности каждого этапа, которые «важны для последующей истории культурных исследований. На первом поколение основателей сняло дихотомию высокой и низкой культуры; сформулировало критическое отношение к детерминистской схеме «базис – надстройка» (и в целом к редукционизму); способствовало выдвиганию культуры в центр исследовательского интереса как неотъемлемого аспекта социальной жизни; развило исторические методы социального анализа; привлекло внимание к исторической семантике, трактовало культуру как пространство политического конфликта и борьбы»⁶⁹⁷. Ученые привлекли внимание к получению живого опыта от исследуемой реальности как в методологическом, так и в содержательном отношении. Вместе с тем они актуализировали ряд методологических инструментов исследования: культурно-антропологическое описание (не связанное с обязательным построением теории) и «понимающие методы» социокультурных наблюдений⁶⁹⁸.

На втором этапе Стюарт Холл, создатель теоретического направления «Исследования культуры», представил *Cultural Studies* как процесс изучения символических форм и значений (производство идей, точек зрения, языков, практик, институтов, структур власти) и как территорию культурных практик (художественных форм, текстов, канонов, архитектурных принципов, товаров

⁶⁹⁶ Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал Логос. 2012. №. 1. С. 14–79.

⁶⁹⁷ Там же.

⁶⁹⁸ Там же.

массового потребления и пр.)⁶⁹⁹. Благодаря возникновению Центра современных культурных исследований и деятельности С. Холла в поиске альтернативных решений было пересмотрено большинство социальных и культурных теорий, а также подходы функционализма и позитивизма (как нередукционистские), этнометодологии, символического интеракционизма и социального конструктивизма. Результатом этого стала разработка концепции «кодирования – декодирования» в отношении любого культурного или медийного артефакта, который полноценно анализируется посредством пяти взаимосвязанных элементов: продукции, потребления, регуляции, репрезентации и идентичности. Иными словами, все элементы существуют в любом культурном или медийном артефакте и должны быть проанализированы для получения наиболее полной информации, причем функция идентичности – проявить сущность артефакта: «...каким образом в своем употреблении или в рамках культурных практик он способствует конституированию социальных идентичностей»⁷⁰⁰. Также Холл констатирует, что «культура организована как язык» (кодирование и декодирование смыслов), а культурные исследования есть интеллектуальная практика выращивания органических интеллектуалов междисциплинарной направленности, решающих проблемы социальной реальности.

На третьем этапе, где концепция Холла не находит большой поддержки со стороны ученых, культурные исследования переходят в русло постмодернизма. Типология направлений этого периода представлена у Оливера Марчарта: «Исследования субкультур (молодежные, альтернативные, суб- и клубные культуры); медиа-исследования (культура, коммуникация и политика сигнификации), дискурс и идентичность (раса, класс, гендер и т. д.)».

Рассмотрев историю культурных исследований, В. Куренной резюмирует: в российской науке развитию программы культурных исследований уделено крайне

699 Азизов З. Стюарт Холл и локализация культуры. Московский журнал Moscow Art Magazine, № 77–78. [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/484>; Холл С. Вопрос культурной идентичности // Художественный журнал. 2010. №. 77–78. [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>

⁷⁰⁰ Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал Логос. 2012. №. 1. С. 53.

мало внимания. С одной стороны, в постсоветский период доминировали структуралистская и постструктуралистская традиции, что противоречило британскому культурализму, с другой – существующая критика идеологии советского прошлого не позволяла одновременно пользоваться интеллектуальной базой 1970-х годов. Следовательно, *современные культурные исследования должны быть направлены на создание и предложение новых интеллектуальных программ* (таких, как британская программа культурных исследований XX столетия), *политически нейтральных, нацеленных на эвристическое познание, исследовательскую стратегию, методологическую проработку нерепрезентативных социокультурных* («или культурсоциологических») *исследований, отказ от литературоцентристского и кабинетного профиля ученого, освоение различных методик качественных эмпирических исследований.* В. Куренной акцентирует внимание на *практикоориентированном подходе современных культурных исследований*: «Ориентация на живой опыт, конкретные практики и подчеркнутое значение индивидуальной активности, присутствующей в «культурализме» культурных исследований, – важный источник для преодоления также кабинетного «структурализма», и далее: «Не следует упускать из вида и еще одну принципиальную особенность проекта культурных исследований. А именно, постоянную и напряженную работу с современной теорией, подвижную интеллектуальную отзывчивость, направленную против любых форм интеллектуального изоляционизма. Без усилия, нацеленного на постоянное теоретическое и методологическое обновление, культурные исследования не представляли бы того заметного интеллектуального явления, в качестве которого они в конечном счете смогли состояться»⁷⁰¹.

Таким образом, с точки зрения В. Куренного, программа российских культурных исследований находится в начале своего формирования. Нередукционистская позиция позволяет понять особую роль культуры как пространства кодирования и декодирования смыслов, существенно влияющих на формирование человеческой среды. Ученым предложен

⁷⁰¹ Там же, с. 78.

практикоориентированный подход с применением качественной методологии эмпирических исследований в изучении культурных феноменов. Специфика развития российской культурологии также определена в статье М.А. Мониной «Культурология и/или Cultural studies»⁷⁰². Ученый пишет о том, что современная культурология должна приблизиться к анализу и интерпретации современной (коммуникативной) ситуации.

Вывод параграфа 2.1

Обзор методологических возможностей изучения сложной идентичности в исследованиях XIX-XXI веков позволил зафиксировать её историко-интеллектуальную специфику, а также определить проблематику современных исследований.

Философское обоснование понятия идентичности раскрывается через диалектику развития человеческого «Я» в социальном пространстве как одного из ключевых междисциплинарных сюжетов, объединяющим различные стратегии и предметные области исследования, что служит общей дискуссионной территорией для рефлексии над сущностью отношения человека и социальных групп.

Стратегия исследования идентичности в области психологии определена «внутренними» (психическими) процессами. Психоцентрический анализ направлен на глубинное познание самопредставлений индивида и диагностику их жизненных изменений. Выбор статусного или поло-возрастного подхода к исследованию сложной идентичности определяет ряд соответствующих методик (частично или полностью структурированных).

В социологическом направлении процессы идентификации и самоидентификации изучают с точки зрения «внешних» факторов: как процесс и результат социальных взаимодействий. Ученые фиксируют первичность социальной идентичности по отношению к личной, что дает право определять множественные формы социальной стратификации и дифференциации,

⁷⁰² Мониной М.А. Культурология и/или Culture studies //Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. №. 1. С. 79.

структурировать их по типам взаимодействия и диагностировать контекстные различия в современных сообществах. Существующие здесь методики направлены либо на обнаружение процессуальных и структурных аспектов формирования социального «Я» (ролевой подход), либо на изучение типов идентичности (конструктивный подход). Ученые акцентируют внимание на необходимости комплексного подхода, концептуально синтезирующего индивидуальное с динамичной множественностью ролей социального «Я».

В области социальной и культурной антропологии развернут наибольший спектр культурных исследований, направленных на построение различных моделей культуры, изучение культурных объектов-артефактов, создание теоретических концепций различных видов деятельности людей в их природном и искусственном окружении. Интерпретативная методология позволила ученым сфокусировать внимание на форме идентичности, возникающей в процессе межкультурных отношений этнических разных групп. Для анализа культуры как процесса складывания смыслов, закодированных в практиках, ученые применяют факторный метод, помогающий определить структуру переменных сложной идентичности и классифицировать ее формы.

Специфика концептуального и методологического основания к исследованию сложной идентичности в российской культурологии еще находится в стадии определения. Однако путь прикладных культурных исследований осознается учеными как один из эффективных в практикоориентированном подходе, где базой должна стать качественная методология эмпирических исследований культурных феноменов.

2.2 Междисциплинарные исследования сложной идентичности

Данный параграф посвящен недавно осуществленному в науке переходу от разнонаправленного понимания сложной идентичности к изучению ее множественных и пересекающихся форм. Цель научного поиска – обнаружение структурных конфигураций и возможность описания последствий множественной интеграции для психологического функционирования. Проблема такого понимания личности заключена в недостаточности концептуального и методологического определения, значительной неоднородности в том, как сложная идентичность формируется и измеряется.

Концептуальному и методологическому объяснению того, как сложные процессы идентичности связаны с психологическим функционированием, посвящено исследование Моин Сайед и Кейт С. Маклин. Ученые рассмотрели четыре формы интеграции (интеграция «в контексте» и «во времени», «эго–интеграция» и интеграция «человек–общество»), проявляющиеся в психологии поведения⁷⁰³.

Первые две являются временными, слагающими внутреннюю структуру сложной идентичности в связи с изменением контекста или новым жизненным периодом. Отталкиваясь от теории развития Э. Эриксона в части интеграции идентичности, современные зарубежные психологии переводят дискуссию с прежнего «Кто я?» на новый исследовательский вопрос «Как я стал тем, кто я есть?», предлагая по-другому посмотреть на организацию сложной конструкции идентичности. Ученые акцентируют внимание на том, что концепция интеграции фундаментально связана с объединением разных аспектов личности в единое целое. В процессе идентификации участвуют все четыре формы интеграции, которые координируются между собой попарно: интеграция во времени и

⁷⁰³ Syed M., McLean K.C. Understanding identity integration: Theoretical, methodological, and applied issues // Journal of adolescence. 2016. Т. 47. P. 109–118.

контексте, интеграция в себя и в общество. Одновременное наличие всех четырех форм способствует здоровой и продуктивной жизни (здоровому психологическому функционированию), поскольку, согласно теории Э. Эриксона, без успешной интеграции человек имеет раздробленную идентичность и может столкнуться с серьезными психологическими проблемами.

Форма контекстной интеграции представляет собой объединение нескольких форм идентичности (например, региональной, этнической, профессиональной), отвечающих определенным искомым личностью условиям самореализации и успешной социальной адаптации. Такая интеграция задействует и приводит в соответствие множественные формы сложной идентичности. Контекст востребован человеком, когда он (или она) находится перед выбором «Кем стать?» или при изменении социально-структурных факторов (идеологического, этнического и пр.), причем в интеграцию включаются либо личностно значимые, либо социально и культурно значимые для общества формы идентичности. Однако в обоих случаях речь идет об интеграции множественной идентичности при доминанте нескольких форм. Контекст способствует социально-пространственной адаптации и интеграции в сообщество. В плане психологического функционирования контекстная интеграция позволяет осознавать формы собственной множественной идентичности как неконфликтные, рационально и последовательно интегрируемые в некую целостность.

С точки зрения методики контекстная структура идентичности исследуется учеными либо как горизонтальная интеграция, посредством которой выясняется набор актуальных для человека форм, либо как вертикальная, где рейтинг актуальных форм множественной идентичности определяется по степени важности (см. А. ванн Хоф⁷⁰⁴). Структурную организацию *контекстной горизонтальной интеграции методологически исследуют личностно-ориентированными аналитическими методами: кластерный анализ (например, С.*

⁷⁰⁴ van Hoof A., Raaijmakers Q.A.W. The search for the structure of identity formation // Identity: An international journal of theory and research. 2003. Т. 3. №. 3. Р. 271–289.

*Синхарай*⁷⁰⁵ *К. Рой*⁷⁰⁶), анализ скрытого профиля, которые, будучи статическими, позволяют выявить шаблоны самооценки (позитивной адаптации), а также доминантные формы идентичности в их сумме. Результатом становится фиксация форм множественной идентичности и их конфигурация (суммативно тождественное объединение или доминанта одной из них внутри этой суммы).

Применив личностно-ориентированный подход, Лиза Кианг, Тиффани Ип и Эндрю Дж. Фулиньи⁷⁰⁷ группировали области этнической, национальной, религиозной и семейной идентичности (в выборке этнически разнообразных взрослых в США) в четыре кластера: с высоким показателем по всем четырем переменным (множественная социальная идентичность), с двумя доминирующими или несколькими формами по убыванию (две формы смешанного типа) с низким показателем во всех переменных (тождественные).

Э. Крочетти⁷⁰⁸, М.А. Гонсалес-Бакен⁷⁰⁹, К. Люкс⁷¹⁰ исследовали сложную идентичность в контексте разнообразия ее структуры, относительной частоты различных структур и их взаимосвязи с психологическим функционированием.

Другие методологические подходы (нарративный и статусный) позволяют исследовать взаимосвязи между формами множественной идентичности и корреляцию между ними по переменным показателям. Для этого подбирают группы людей в соответствии с заранее определенными критериями. Цель такого исследования – анализ личных повествований, проявляющих сосуществование множественных форм идентичности в прошлом и настоящем опыте человека, а затем расчет профилей корреляции по рейтингам самостоятельно

⁷⁰⁵ Sinharay S. An Overview of Statistics in Education // P. Peterson [et al.] (eds.) International Encyclopedia of Education. 2010. 3rd ed. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-044894-7.01719-X>.

⁷⁰⁶ Roy K., Kar S., Das R.N. Ch. 6. Selected Statistical Methods in QSAR // Understanding the Basics of QSAR for Applications in Pharmaceutical Sciences and Risk Assessment. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-801505-6.00006-5>.

⁷⁰⁷ Kiang L., Yip T., Fuligni A.J. Multiple social identities and adjustment in young adults from ethnically diverse backgrounds // Journal of Research on Adolescence. 2008. Т. 18. №. 4. P. 643–670.

⁷⁰⁸ Crocetti E., Scignaro M., Sica L.S., Magrin M.E. Correlates of identity configurations: Three studies with adolescent and emerging adult cohorts // Journal of Youth and Adolescence. 2012. Т. 41. №. 6. P. 732–748.

⁷⁰⁹ Gonzales-Backen M.A., Dumka L.E., Millsap R.E., Yoo H.C., Schwartz S.J., Zamboanga B.L., Brown E.J. The role of social and personal identities in self-esteem among ethnic minority college students // Identity. 2015. Т. 15. №. 3. P. 202–220.

⁷¹⁰ Luyckx K., Seiffge-Krenke I., Schwartz S.J., Crocetti E., Klimstra T.A. Identity configurations across love and work in emerging adults in romantic relationships // Journal of Applied Developmental Psychology. 2014. Т. 35. №. 3. P. 192–203.

сгенерированных областей идентичностей. В немногочисленных исследованиях – Дж.П. Делин⁷¹¹, К.К. Маклин⁷¹² – обнаружена новая сфера нарративной идентичности – область экзистенциальных проблем. Недостаток названных методологических подходов заключается в отсутствии ответа на вопрос, как несколько форм идентичности фактически связаны друг с другом. При безусловной важности для человека форм множественной идентичности нет доказательства интеграции этих форм.

Структурная организация контекстной *вертикальной* интеграции методологически отвечает на вопрос, *как множественные формы идентичности взаимосвязаны*, причем избираются качественные методы, позволяющие оценить отношения между соответствующими формами идентичности. Таковы *метод рейтинговой шкалы и прямой открытый вопрос*. Оценка интегрированности проходит главным образом путем измерения степени воспринимаемой дистанции между формами идентичности (степени их разделенности, удаленности друг от друга) или уровень конфликта между несколькими формами (например, этнической и культурной).

Одними из первых применили метод рейтинговой шкалы для оценки бикультурной идентичности Вероника Бенет-Мартинес и Яна Харитатос, структура которой состоит из двух независимых конструкций, посредством измерения степени конфликтности и дистанции между ними⁷¹³. Данный метод эффективен при изучении процесса и результата интеграции этнической и национальной идентичности как у иммигрантов, так и среди представителей смешанного этнического происхождения (например, С.Ю. Ченг⁷¹⁴). Метод открытых вопросов – альтернатива предыдущему, поскольку непосредственно

⁷¹¹ Dehlin J.P., Galliher R.V., Bradshaw W.S., Crowell K. A. Navigating sexual and religious identity conflict: A Mormon perspective // Identity. 2015. Т. 15. №. 1. P. 1–22.

⁷¹² McLean K. C., Syed M., Yoder A., Greenhoot A.F. The role of domain content in understanding identity development processes // Journal of Research on Adolescence. 2016. Т. 26. №. 1. P. 60–75.

⁷¹³ Benet- Martínez V., Haritatos J. Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents // Journal of personality. 2005. Т. 73. №. 4. P. 1015–1050.

⁷¹⁴ Cheng C.Y., Lee F. Multiracial identity integration: Perceptions of conflict and distance among multiracial individuals // Journal of Social Issues. 2009. Т. 65. №. 1. P. 51–68.

заданный респондентам вопрос об их множественной идентичности позволяет понять отношения между формами и их конфигурацию.

Методом полуструктурированного интервью Элли П. Шахтер исследовал отношения между потенциально конфликтующими идентификациями в процессе формирования идентичности (для анализа были взяты ортодоксальная и сексуальная формы) и выявил четыре инварианта: конфигурация, основанная на выборе и подавлении; ассимиляционная и синтезирующая конфигурация; конфедерация идентификации и конфигурация, основанная на ощущении диссонанса⁷¹⁵. Результаты опроса показали, как люди рассматривают отношения между двумя формами идентичности.

Маргарита Азмития, Мойн Саед и Кимберли Радмахер исследовали три разные формы и в процессе обнаружили невозможность оценки интеграции больше двух форм одновременно⁷¹⁶. Сами респонденты обсуждали отношения между формами множественной идентичности попарно.

В существующих исследованиях остается неразрешенной проблема исследования сразу нескольких форм и оценки их интеграции. Концептуально при описании интегрального уровня любой структуры можно дать объяснение этой неразрешенности, суть которого в единении всех форм в неразрывное целое так, что происходит сложная диалектика и формы консолидируются, образуя интегральные иерархичные или многоуровневые инварианты. Целью любой интеграции служит появление новой общности (союзного качества), в связи с чем каждая форма стремится при сохранении относительной независимости интегрироваться в единое неразрывное целое. Ключевой характеристикой интегральной выступает качество связи, консолидирующей разные формы множественной идентичности в единый инвариант. Сегодня в области социальной психологии выявлены родственные контекстной интеграции конструкции, в каждой из которых проявлена доминанта либо личного, либо группового

⁷¹⁵ Schachter E.P. Identity configurations: A new perspective on identity formation in contemporary society // *Journal of personality*. 2004. Т. 72. №. 1. P. 167–200.

⁷¹⁶ Azmitia M., Syed M., Radmacher K. On the intersection of personal and social identities: Introduction and evidence from a longitudinal study of emerging adults // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2008. Т. 2008. №. 120. P. 1–16.

содержания. Концепция слияния идентичности (см. В.Б. Суонн⁷¹⁷) демонстрирует стремление личного «Я» к идентификации со своими группами, сосредотачивая внимание индивида на той или иной социальной группе (например, по этнической принадлежности). В концепции сложности социальной идентичности С. Роккас и М. Брюер⁷¹⁸, наоборот, рассматривается членство в нескольких социальных категориях, где основное внимание уделяется восприятию дублирования и сходства рассматриваемых социальных групп с точки зрения групп в более широком смысле, а не с точки зрения чувства индивидуальности.

Форма *интеграции «во времени»* позволяет формировать временно интегрированную идентичность соотнося прошлое, настоящее и будущее, а также координировать настоящую (здесь и сейчас) идентичность с прошлым и предполагаемым будущим (см. Д.П. МакАдамс⁷¹⁹). Например, осознанно избирать будущую профессию на основе жизненного и профессионального опыта своих предков. Теория нарративной идентичности была создана благодаря философии субъективности (герменевтики себя⁷²⁰) Поля Рикёра и развита в понятиях «автобиографическое мышление»⁷²¹, «личная преемственность»⁷²², «автобиографическая история жизни»⁷²³.

Временную интеграцию исследуют автобиографическим методом, посредством которого можно проследить личную преемственность, временной процесс интеграции постоянных и относительно постоянных форм идентичности, реконструировать важные события, которые интегрированы в идентичность. Большинство методов в этой области основаны на том, что респонденты

⁷¹⁷ Swann Jr W.B., Buhrmester M.D. Identity fusion // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Т. 24. №. 1. P. 52–57; Swann Jr.W.B., Jetten J., Gómez Á., Whitehouse H., Bastian B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion // *Psychological review*. 2012. Т. 119. №. 3. P. 441–456.

⁷¹⁸ Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. Т. 6. №. 2. P. 88–106.

⁷¹⁹ McAdams D.P. The psychological self as actor, agent, and author // *Perspectives on Psychological Science*. 2013. Т. 8. №. 3. P. 272–295.

⁷²⁰ Рикёр П. Я-сам как другой / под ред. И.С. Вдовиной. М.: Изд-о гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

⁷²¹ Habermas T., Bluck S. Getting a life: the emergence of the life story in adolescence // *Psychological bulletin*. 2000. Т. 126. №. 5. P. 748–769.

⁷²² Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J.R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives // *Human development*. 2007. Т. 50. № 2 (3). P. 85–110.

⁷²³ McAdams D.P. *The stories we live by: Personal myths and the making of the self*. Guilford Press, 1993 (1st ed. 1997). 336 p.

повествуют о важном прошлом (например, о самоопределяющихся воспоминаниях⁷²⁴), о ключевых событиях жизни⁷²⁵ или о том, как эти события связаны с нынешним «Я». Личные рассказы анализируют с акцентом на том, как люди связывают прошлое и настоящее.

Анализ временной идентичности может быть на предмет: связи с конкретными жизненными событиями (см. М. Пасупати⁷²⁶), причинно-следственных связей (см. Дж.П. Лилгендаль⁷²⁷), создания смысла в нарративном повествовании (см. К.К. Маклин⁷²⁸), проявления генеративности и её влияния на благополучие взрослых людей (см. Д.П. Макадамс⁷²⁹), согласованности хорошо интегрированной и последовательной жизненной истории в связи с жизненным благополучием (см. Д.Р. Бэргер⁷³⁰), автобиографичности диалогов (см. Р. Джоссельсон⁷³¹).

Результаты исследований раскрывают процесс понимания людьми смыслов прошлого в прежнем контексте и по отношению к настоящему. Недостатком здесь можно назвать интегративную связь прошлого и настоящего с будущим, поскольку невозможно построить такую связь на индивидуальном уровне, скорее она проявится только во взаимосвязи с какими-то нормативными событиями (например, как в культурной концепции биографии у Т. Хабермаса⁷³²). Однако такие эмпирические методы достаточно эффективны в интервенционной

⁷²⁴ Blagov P.S., Singer J.A. Four dimensions of self- defining memories (specificity, meaning, content, and affect) and their relationships to self- restraint, distress, and repressive defensiveness // *Journal of personality*. 2004. Т. 72. №. 3. P. 481–511.

⁷²⁵ McAdams, D.P., Anyidoho N.A., Brown C., Huang Y.T., Kaplan B., Machado M.A. Traits and stories: Links between dispositional and narrative features of personality // *Journal of personality*. 2004. Т. 72. №. 4. P. 761–784.

⁷²⁶ Pasupathi M., Mansour E., Brubaker J.R. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives // *Human development*. 2007. Т. 50. №. 2-3. P. 85–110.

⁷²⁷ Lilgendahl J.P., McAdams D.P. Constructing stories of self- growth: How individual differences in patterns of autobiographical reasoning relate to well- being in midlife // *Journal of personality*. 2011. Т. 79. №. 2. P. 391–428.

⁷²⁸ McLean K.C., Pratt M.W. Life's little (and big) lessons: identity statuses and meaning-making in the turning point narratives of emerging adults // *Developmental psychology*. 2006. Т. 42. №. 4. P. 714–722.

⁷²⁹ McAdams D.P., Guo J. Narrating the generative life // *Psychological Science*. 2015. Т. 26. №. 4. P. 475–483.

⁷³⁰ Baerger D.R., McAdams D.P. Life story coherence and its relation to psychological well-being // *Narrative inquiry*. 1999. Т. 9. №. 1. P. 69–96.

⁷³¹ Josselson R. The present of the past: Dialogues with memory over time // *Journal of personality*. 2009. Т. 77. №. 3. P. 647–668.

⁷³² Habermas T., Bluck S. Getting a life: the emergence of the life story in adolescence // *Psychological bulletin*. 2000. Т. 126. №. 5. P. 748–769.

работе, которая, рефлексировав над прошлым и настоящим, проектирует изменения будущего⁷³³.

Понять, как настоящее связано с будущим, можно с помощью диагностики статуса идентичности, которому уделено немало внимания в современной социальной психологии. Например, широко применяется шкала «Измерение идентичности» (пятимерная оценка идентичности представлена в исследованиях К. Люкса⁷³⁴) в виде опросного показателя статуса личности, который оценивает области будущих планов и целей. Исследуются факторы, связанные с тем, как люди концептуализируют свое будущее, и формы, которые эти концептуализации принимают⁷³⁵. Вместе с тем, предоставляя полезную информацию о будущих идентичностях, ни один из этих подходов действительно оценивает не временную интеграцию идентичности, а то, как люди интегрируют свое прошлое, настоящее и будущее.

Интеграция «эго» связана с координацией форм идентичности в режиме «онлайн» и с примериванием на себя той или иной идентичности. Как правило, проявляется при решении вопроса, что я буду делать, если буду домохозяйкой, учителем, бизнес-вумен и т.д. Она предполагает постоянную саморефлексию, руководство своими действиями, самостоятельное принятие решений. «Интеграция эго» динамична, однако в ней можно фиксировать то, как люди осознают (или неосознанно демонстрируют) развивающуюся во времени координацию множества форм идентичности. Это возможность понять, как личность формирует и концептуализирует собственную множественную идентичность. Форма не требует от ученого трудоемких лонгитюдных исследований (как в случае оценки во временной форме) и не провоцирует на поиск глобальных, специфических форм или на сравнительный анализ форм во времени. В методологическом плане требуется поиск особых оценочных методов,

⁷³³ Morisano D., Hirsh J.B., Peterson J.B., Pihl R.O., Shore B.M. Setting, elaborating, and reflecting on personal goals improves academic performance // Journal of applied psychology. 2010. Т. 95. №. 2. P. 255.

⁷³⁴ Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // Journal of Research in Personality. 2008. Т. 42. №. 1. P. 58–82.

⁷³⁵ Seginer R. Future orientation in times of threat and challenge: How resilient adolescents construct their future // International Journal of Behavioral Development. 2008. Т. 32. №. 4. P. 272–282.

которые контекстуализируют личность людей в их повседневной жизни. Примеры научных исследований крайне малочисленны: стиль идентичности и личная выразительность (см. С. Дж. Шварц⁷³⁶); идентичность эго (см. Э. Борн⁷³⁷).

«Интеграция человека и общества» касается оценки индивидом его «Я» в социальном контексте, когда человек выравнивает свои действия под значимые для общества ценности и значения. В центре внимания стоит изучение того, как аспекты общественной культуры усвоены в идентичности индивидов; как люди согласуются с социальными сообщениями и ожиданиями. Форма интеграции человека с обществом включает изучение того, насколько хорошо идентичность индивидов соответствует более широкой культуре, в которой они участвуют. Данная форма характерна для маргинального отношения, когда интеграция в общество не является личным выбором и может быть институционально и культурно ограничена.

В работе Моин Сайед и Кейт С. Маклин представлены небольшие тексты личных историй людей, повествующих о том, как стать хорошим членом общества. В этих рассказах пересечены личные (основные и альтернативные) повествования пробуждающие читательскую саморефлексию. Целью прочтения становится выявление тождества предложенной истории и личной истории читающего: «Когда личная история человека соответствует основному повествованию, он (или она) часто неосознанно испытывает чувство принадлежности, интеграции со своей группой. Однако, когда личные истории не совпадают с основным повествованием, этот потенциал интеграции находится под угрозой, возникает необходимость в альтернативном повествовании. Это означает, что самый ясный (до настоящего времени) способ понять интеграцию

⁷³⁶ Schwartz S.J., Waterman A.S., Mullis R.L., Dunham R. M. Ego identity status, identity style, and personal expressiveness: An empirical investigation of three convergent constructs // Journal of adolescent research. 2000. Т. 15. №. 4. P. 504–521.

⁷³⁷ Bourne E. The state of research on ego identity: A review and appraisal // Journal of youth and adolescence. 1978. Т. 7. №. 3. P. 223–251.

человека с обществом состоит в том, чтобы нацеливаться на выборки, которые некоторым образом отклоняются от того, что воспринимается как норма»⁷³⁸.

Интеграция человека и общества была исследована в нарративных историях людей с нетрадиционной ориентацией, успешных представителей этнических меньшинств и противников культурно-нормативных форм (например, Ф. Хэммак⁷³⁹, Н.М. Вестстрат⁷⁴⁰).

Таким образом, на основании научных исследований проявлена методологическая трудность изучения сложной идентичности. При анализе интегральных форм ставится задача оценивания, что требует новых, возможно смешанных, методов. Мультиметодные исследования по сути представляют собой сбор, анализ и интерпретацию количественных и качественных данных в одном или в серии исследований, посвященных одному феномену⁷⁴¹.

Выводы параграфа 2.2

Современные исследования интегральных форм идентичности обнаруживают необходимость поиска новых методов, направленных на анализ настоящего контекстно-временного содержания для будущего формирования индивидуальной, социальной и общечеловеческой идентичности.

Немногочисленные, преимущественно зарубежные, исследования показывают, что при множестве методологических инструментов существует определенная сложность в проведении эмпирических исследований. Концептуализация и методологическая разработка интегральных форм идентификации и самоидентификации поможет привлечь внимание исследователя к интеграционному качеству идентичности, расширить знание о данном феномене и подчеркнуть гибкость, с которой множественные формы интегрируются в способность удовлетворения текущих целей.

⁷³⁸ McLean K.C., Syed M. Personal, master, and alternative narratives: An integrative framework for understanding identity development in context // Human Development. 2015. Т. 58. №. 6. P. 318–349.

⁷³⁹ Hammack P.L., Thompson E.M., Pilecki A. Configurations of identity among sexual minority youth: Context, desire, and narrative // Journal of Youth and Adolescence. 2009. Т. 38. №. 7. P. 867–883.

⁷⁴⁰ Weststrate N.M., McLean K.C. The rise and fall of gay: A cultural-historical approach to gay identity development // Memory. 2010. Т. 18. №. 2. P. 225–240.

⁷⁴¹ Morse J.M. Principles of mixed methods and multimethod research design // Handbook of mixed methods in social and behavioral research. 2003. Т. 1. P. 189–208.

Разработка методологии и поиск новых методов исследования сложной идентичности необходимы, поскольку каждая из форм обладает потенциалом содействия и согласования множественных форм, определения набора мотивов и целей, снижения уровня угроз двух или более форм интеграции. Например, функция временной интеграции заключена в согласовании прошлого и настоящего, а форма «интеграции человека с обществом» обеспечивает формирование коллективного будущего. Очевидно, что контекстная интеграция наиболее сложна для исследования, поскольку в ней можно зафиксировать актуальные и рейтинговые идентичности, значимые для развития личности индивида, и степени его успешной адаптации в окружающей среде.

К настоящему времени в исследовательской литературе акцент сместился к изучению идентичности как сложному феномену, возникающему в социальном восприятии и взаимодействии. Процесс социальной категоризации в межличностных и межгрупповых взаимоотношениях усложнился, появились новые формы идентификации с многонациональными и многокультурными группами возможности идентифицировать себя с людьми разных национальных и культурных традиций по всему миру. Сложная идентичность как актуальная форма социального восприятия и самоопределения в современном обществе, позволяет реальным и виртуальным (онлайн) способами искать, определять потенциальные группы взаимодействия. Опыт сложных социальных идентичностей становится реальностью, обогащающей жизнь современного человека. Как справедливо пишут С.К. Кан и Боденхаузен: «Интеграция продольных конструкций, качественных и полевых исследований в наши традиционные подходы обеспечит более широкое и глубокое понимание восприятия опыта множества идентичностей»⁷⁴².

⁷⁴² Kang S.K., Bodenhausen G.V. Multiple identities in social perception and interaction: Challenges and opportunities // Annual review of psychology. 2015. T. 66. P.547–574.

2.3 Концептуальное обоснование исследования сложной идентичности с позиции современной теории культуры

Социальные науки сложную идентичность рассматривают как модель, состоящую из множественных форм осознания человеком его групповой принадлежности. В зависимости от обстоятельств социальные идентичности изменяются во времени и пространстве: происходит их слияние, пересечение, разделение или объединение, исходя из низкой или высокой степени потребности принадлежать социальному окружению. Согласно подходу Г. Тешфела⁷⁴³, Дж. Тернера⁷⁴⁴, М. Хогга⁷⁴⁵ идентификация есть постоянно необходимая эмоционально-когнитивная потребность, благодаря которой индивид категоризирует (распределяет людей и самого себя по категориям), идентифицирует (ассоциирует себя с какими-то определенными группами в категорию «мы» и получает от этого выгоду в виде самооценки), сравнивает и оценивает (противопоставляет свои ингруппы остальным с позиции позитивной оценки собственных групп⁷⁴⁶). Иными словами, чувство сопричастности к социуму, обладание той или иной конфигурацией социальной идентичности, связано с поиском комфортных (позитивно переживаемых) отношений, с помощью которых формируется позитивная самооценка, усиливается Я-концепция, удовлетворяется потребность быть социально сопричастным. Всевозможные формы идентичности становятся посредниками между индивидом

⁷⁴³ Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // *Organizational identity: A reader*. Oxford university press, 1979. P. 56–65; Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge university press: Cup Archive, 1981. 384 p.; Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge university press, 1982. 523 p; Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behaviour // Austin William G., Worchel Stephen. *Psychology of Intergroup Relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1986 [1979]. P. 276–293.

⁷⁴⁴ Turner J.C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E. J. Lawler (ed.). 1985. Т. 2. P. 77–122; Turner J.C., Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986. P. 276–293;

⁷⁴⁵ Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M. S. *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford, England: Basil Blackwell, 1987. 256 p.

⁷⁴⁶ Майерс Д. *Социальная психология*. СПб.: Питер, 2011. С.408.

и социумом (социальными группами), способствующими их комфортному сосуществованию.

В данной части диссертационного исследования концептуально рассмотрена сложная этнокультурная форма идентичности с позиции современной теории культуры. Предметная область позволяет раскрыть феномен сложной этнокультурной формы, возникающей в процессе социально-культурного отождествления индивида с этническими группами. Для понимания специфики этнокультурной формы процессов идентификации и самоидентификации необходимо обратимся к философскому пониманию генезиса культуры в авторской концепции Д.В. Пивоварова.

Даниил Валентинович Пивоваров, российский ученый, автор синтетической концепции культуры, раскрывает это понятие как идеалообразующую сторону человеческой деятельности⁷⁴⁷. Основаниями для анализа феномена «культура» послужили аксиологический, деятельностный и семиотический подходы, которые, по мнению автора, представляют три главных взгляда на природу культуры: «В предельно общем смысле различие между этими тремя взглядами основано на отождествлении культуры то ли с особой вещью (полезными предметами, ценностями), то ли со специфическим свойством (действиями и операциями), то ли с разновидностью отношения (отражением, информацией)»⁷⁴⁸. Д.В. Пивоваров, следуя законам философской диалектики, синтезирует указанные подходы в единство трехаспектного понимания бытия культуры как единства вещи, свойства и отношения⁷⁴⁹.

Этимологический анализ термина «культура» позволяет Д.В. Пивоварову раскрыть сложный генезис образования слова, состоящего из двух: «культ» (возделывание, возвращение, почитание) и «ур» (свет, тепло, уют, комфорт).

⁷⁴⁷ Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. М.: Юрайт, 2020. 248 с.; Он же. Социоцентрические религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 140 с.; Его же. Философия религии: Онтология религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 568 с.; Его же. Философия религии: Гносеология религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 554 с.; Его же. Философия религии: Праксеология религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 476 с.; Пивоваров Д.В., Медведев А.В. Философия религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 338 с.

⁷⁴⁸ Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. М.: Юрайт, 2020. С. 6.

⁷⁴⁹ Там же. С. 15.

Изначально «культура» обозначает человеческую деятельность по культивированию (вращиванию) и призвана способствовать уютному, комфортному существованию каждого человека с собой, другими людьми, предметами первой и второй природы, Богом и Полнотой бытия в целом. В генеральной дефиниции понятия обозначен его главный компонент – идеал, значение которого раскрывается как особая ценность; особое производство и оперирование идеалами, сопряженного с особыми формами деятельности; особый информационный код приемлемого поведения. Концептуально понятие «идеал» трактуется как «...итог процесса признания какого-либо предмета (веди, идеи, личности и т.д.) совершенным и концентрирующим в себе сущность однородных ему рядовых предметов. Предмет, принимаемый за идеал, может воистину оказаться подлинным совершенством и выражать либо генотип целого класса сходных ему предметов, либо вершину фенотипического развития того же класса»⁷⁵⁰.

С одной стороны, на социальном уровне идеал концентрирует в себе ценности, формы деятельности и знаки-символы социоцентрического качества, с другой – обозначает культуру как человеческую деятельность по производству социоцентрических идеалов, которые помогают восстановлению, возрождению, воссозданию союза, объединения человека с другими людьми, социумом в целом. Таким образом, идеал является главным компонентом культуры и в качестве общественного объекта нацелен на преобразование той действительности, которая сама же его порождает.

Синтетическое понимание культуры как идеалообразования позволяет понять потребность индивида в социальной идентичности: будучи носителем культуры, человек соотносится с любым объектом (живым или косным, естественным или искусственным) не непосредственно, а только посредством того или иного «идеала». Любой человек, будучи с детства и на протяжении всей

⁷⁵⁰ Пивоваров Д.В. Философия религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 65.

своей жизни сопричастным к социуму и социальной жизни, озабочен культивированием идеалов социоцентрического качества.

Экстраполируя знание о социальной идентичности на этническую, определим ее как идеалообразование этнокультурного качества, состоящего из специфических ценностей этнической группы, форм деятельности и знаков-кодов.

Для понимания того, о каких ценностях этнокультурной группы может идти речь, необходимо обратиться к двум понятиям концепции Д.В. Пивоварова: «ядро и периферия культуры»⁷⁵¹. Всем видам и уровням индивидуальной и общественной жизни характерно создание, поклонение и сохранение идеалов. Трансляция идеалов происходит через традиции и обычаи, становясь своеобразным кодом культуры, в которого содержится иерархия ценностей. Культура формирует человека как носителя религиозного, этнического и общечеловеческого смысла, в связи с чем модель культуры можно представить в виде солнечной системы, в ядре которой расположены базовые идеалы (священные ценности), окруженные «защитным поясом» светских идеалов. Если роль твердого ядра выполняет основополагающий священный текст, то защитный пояс – материализацию его базового смысла в «бытовой, производственной, социально-преобразующей и научно-технической практике». В качестве идеалов выступают слова национального языка, научные эталоны, промышленные образцы, художественные произведения, технические приемы, физические нормы, методы организации людей, способы общественного руководства и т.д. Отсюда идеал имеет значение образцового, эталонного, того, что бережно передается от поколения к поколению, превращаясь в ткань традиций и обычаев.

Представленная модель культуры позволяет понять процесс сохранения этнокультурной самобытности, поскольку «твердое ядро» задает индивиду высший смысл, в то же время оставляя выбор между входящими в этой ядро альтернативными идеалами. Тем самым процесс идеалообразования демонстрирует опосредованную связь человека с людьми и социумом в целом

⁷⁵¹ Там же, с. 256–261

через идеалы: осваивая тот или иной идеал в процессе практики или познания, индивид наделяет его культурными признаками и смыслами. Поскольку отношение индивида с окружающим миром происходит посредством идеала, то его сознание и самосознание опосредуется личными и социальными идеалами. Любая этнокультурная общность обладает уникальным набором социоцентрического качества идеалов, содержащих в себе особый род ценностей (общий язык, вера, традиции и обычаи), формы деятельности (порождаемые этносом культурные практики, которые влияют на процесс развития и способствуют сохранению этнической и культурной самобытности) и знаки-коды (передаваемые в знаковой форме смыслы этнокультурной общности).

Понимание культуры как идеалообразования приводит не только к научной, но и повседневной интуиции, поскольку речь идет «не только о культуре определенного общества, но и об уникальной культуре отдельного индивида»⁷⁵². Данный подход не противоречит существующим, напротив, позволяет систематизировать историко-культурологическую информацию и адекватно раскрыть смысл процесса идеалообразования. Понимание культуры как идеалообразования позволяет кристаллизовать уникальность каждой культуры в истории человечества и не отождествлять их друг другу, ориентироваться «на видение не столько культуры «вообще», сколько множества отдельных культур в их историческом и актуальном противостоянии»⁷⁵³.

Социальное значение этнокультурных идеалов можно объяснить интерпретативной теорией Клиффорда Джеймса Гирца, американского культурного антрополога, изучающего влияние концепции культуры на концепцию человека⁷⁵⁴. Семиотический подход автора позволяет раскрыть суть в его теории как «насыщенное описание».

К. Гирц исходит из идеи о том, что процесс коммуникации носит сознательный характер, имеет определенную направленность (к другому

⁷⁵² Пивоваров Д.В. Философия религии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 67.

⁷⁵³ Там же, с. 68.

⁷⁵⁴ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры, 1973. [Электронный ресурс]. URL: http://anthro-org.narod.ru/files/Geertz_Thick_descriptions.pdf

человеку, людям, социуму в целом), передает сообщение и действует в соответствии с социально установленным кодом. При этом у каждой взаимодействующей стороны формируется «свое» представление о смысле происходящего в коммуникации.

Исследователь, изучающий коммуникативное поведение, ключевой задачей в насыщенном описании считает восприятие и интерпретацию коммуникативных действий с целью понимания контекста происходящего и построения стратифицированной иерархии наполненных смыслом структур. Данный процесс имеет характер насыщения интерпретативным смыслом (по типу усложнения умозаключений) антропологического наблюдения и затем этнографического описания. Гирц характеризует этнографическое описание как то, что на «самом деле есть наши собственные представления о представлениях других людей о том, что из себя представляют они сами и их соотечественники» или, по-другому, «экспликация экспликаций». Исследовательский анализ строится на определении социальных оснований и значений обеих сторон: «описание культуры берберов, евреев или французов должно быть выполнено с использованием тех конструкций, в которые, по нашим представлениям, берберы, евреи и французы сами себя мысленно помещают, и тех формул, в которых они сами себя описывают, что с ними происходит. ... Они должны быть выполнены исходя из тех же позиций, из которых люди сами интерпретируют свой опыт, потому что описывать следует именно то, что люди сами считают; но они антропологические, потому что их выполняют антропологи. Результатом исследования становится упорядочивание множественных сложных концептуальных структур и их представление в ясной, отражающую реальную ситуацию, форме»⁷⁵⁵.

В концепции К. Гирца культура имеет общественный характер и потому любые действия человека, людей, социума в целом должны изучаться не как спонтанные, а в качестве осмысленных, контекстуальных, несущих определенные общие значения. В связи с этим исследователь должен стремиться обнаружить культурный контекст: дать «насыщенное» (широкое, объемное) описание явлений

⁷⁵⁵ Там же.

общественной жизни, поведения индивидов, институтов и процессов с целью расширить границы человеческого дискурса о том или ином изучаемом явлении. Суть антропологического описания состоит в понимании культуры как смысловых конструкций, которые формируются из слов и представлений информантов. При этом результат описания не должен быть отождествлен с реальными людьми, а иметь характер научного (расширенного, насыщенного) знания.

В теории К. Гирца раскрывается специфика семиотического исследования: основой является описание первичного порядка (представление от первого лица), на которое надстраиваются интерпретации второго и третьего порядка по типу усложнения модели представления до степени проявления антропологической и (или) этнографической сути. Насыщенное описание должно обладать большой степенью убедительности, чтобы интерпретация выражала «суть того, что она интерпретирует». С точки зрения ученого, насыщенное описание должно быть сосредоточено на анализе изреченного («мысль», «содержание», «суть») и выглядеть как сообщение-вывод интерпретирующих значений, отражающих суть социального дискурса. Иными словами, описание состоит в детальном анализе и комплексной интерпретации социального дискурса с целью реконструирования социального явления и презентации полученного знания широкой аудитории.

Интерпретативный подход, по мнению К.Гирца, должен помочь исследователю производить концептуальные умозаключения и нацеливать на систематическое изучение явления. С одной стороны, в данном подходе исследователь находится в длительном процессе изучения, работает с огромным массивом эмпирических данных, усложняет степень своей интерпретации до выжимки сути явления. С другой – концептуальная основа культурной интерпретации не строго научна. Она менее, чем в точных науках, оперирует четкой терминологией и менее подвержена строгим канонам оценки. То есть культурная интерпретация производится в границах абстрактно-конкретного описания, нацеленного на теоретизирование и прирост знаний.

Семиотический подход к культуре позволяет одновременно тонко анализировать и осознавать различия в сущности явления, но ведет сложным путем поиска соответствующей интерпретации. Прирост научного знания в теории культуры не систематичен, поскольку культурные исследования нацелены на комплексное изучение и описание природы культурных феноменов. Гирц пишет об этом: «Смысл семиотического подхода к культуре, как я уже говорил, состоит в том, чтобы открыть нам доступ к концептуальному миру, в котором обитают наши сюжеты, и дать возможность в самом широком смысле этого слова разговаривать с ними. Конфликт между <...> необходимостью понять и необходимостью анализировать в результате становится глубоким и неустранимым. Поистине, чем дальше развивается теория, тем глубже становится этот конфликт. Такова первая особенность развития теории культуры: она сама себе не хозяйка. И поскольку она неотделима от спонтанности «насыщенного» описания, ее свобода формироваться сообразно собственной внутренней логике весьма ограничена... Теоретические обобщения столь невысоко поднимаются над интерпретациями, что вдали от них они теряют смысл и лишаются всякого интереса. Так происходит не потому, что в них недостает обобщения (без обобщения не было бы теории), но потому что, оторванные от фактического материала, они кажутся банальными или пустыми. <...> главная цель теоретических построений в нашей области — не создать свод абстрактных правил, а сделать возможным «насыщенное» описание, не обобщить разные исследования, а добиться высокого уровня обобщения в каждом из них. <...>»⁷⁵⁶.

Если первой особенностью теории культуры является интерпретативная сила знания, то второй К. Гирц считает ее неспособность делать предсказания. Теория культуры строится на последовательном приросте знания, добываемым множественными исследованиями и путем заимствования, совершенствования и применения синтезированного результата для интерпретации новых проблем. Функция теории в интерпретативной науке состоит не только в различении «описания» и «объяснения», полученных экспериментальным способом.

⁷⁵⁶ Там же.

Функционирование теории заключается в процессе концептуализации двух взаимосвязанных процессов: начиная с насыщенного описания и определения спецификации (диагноза), переходя к определению значений социальных действий и развернутой констатацией знания об обществе и общественной жизни в целом, завершает определением детерминант поведения человека и (или) людей посредством «сказанного» в социальном дискурсе и созданием концептуальных структур о сути символического действия, то есть выявлении роли культуры в жизни человека. К. Гирц особо акцентирует на то, что предметным полем культурного исследования в семиотическом подходе становятся «искусство, религия, идеология, наука, право, мораль, здравый смысл, которые и представляют символические измерения социального действия»⁷⁵⁷, ведущие к пониманию роли культуры в жизни разных людей и социумов.

Современная концепция К. Гирца концептуально дополняет методологический аппарат культурной антропологии, придавая ему большую строгость и артикулированность. Теория насыщенного описания представляет собой дискурсивное (повествовательное, текстовое) раскрытие и интерпретацию смысла человеческого действия. Повествование выстраивается благодаря применению аналитической философии языка, позволяющему выявлять смысловые различия представлений людей об одном феномене (предмете, событии, ситуации). Обнаруженные при анализе различия есть не что иное, как культурные смыслы, раскрытие которых происходит в ходе дискурсивного (полного, конкретного и насыщенного) описания.

Российский философ и культуролог Виталий Куренной, изучая произошедший в XX веке лингвистический поворот в исследованиях культуры в части поиска смысла, относит теорию Клиффорда Гирца к понимающей традиции исследований культуры⁷⁵⁸. Аналитическая философия языка, семиотический подход в лингвистике, структурализм как междисциплинарная научная программа

⁷⁵⁷ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры, 1973. [Электронный ресурс]. URL: http://anthro-org.narod.ru/files/Geertz_Thick_descriptions.pdf

⁷⁵⁸ Лингвистический поворот в гуманитарных науках [Электронный ресурс]. URL: <https://openedu.ru/course/hse/CULT/#>

трансформировали проблематику понимания в исследованиях культуры XX столетия и позволили исследователям сосредоточиться на проблеме смысла и методологическом понимании культуры как системы создаваемых знаков, состоящей из их взаимодействия. К. Гирц предложил семиотическую модель культуры, состоящую из системы знаков, которую следует понять без навязывания известных науке схем изучаемого культурного явления. Культура в качестве системы знаков представляет собой контекст, внутри которого отдельные знаки или действия могут быть адекватно, то есть насыщенным образом, описаны, в связи с чем, она должна быть понята и описана изнутри, а не на основе научного представления исследователя о том, как устроены культурные, общественные и политические процессы. Исследователь должен быть нацелен раскрыть тот смысл, в котором представители этой культуры сами себя понимают, сами себя воспринимают, сами себя описывают. Дискурсивное описание в виде текста и является «насыщенным» в терминах Гирца. Во многом благодаря его теории в исследовательской научной практике понятие «культурный смысл» определяет объективность культурных исследований.

В исследовании Н.П. Копцевой сказано: «В настоящее время неправильно рассматривать причины действий людей как влияние определенных культур. Поведение людей не определяется одной культурной группой. Этногенез и культуригенез являются постоянными процессами. Процессы появления новых этнокультурных групп, формирующихся под постоянным культурным влиянием, никогда не заканчиваются в мире. По этой причине усилия исследователей этнокультурных групп должны быть направлены на поведение людей, принадлежащих к этнокультурным группам⁷⁵⁹».

Таким образом, специфика теории культуры в исследовании процессов идентификации и самоидентификации состоит не только в акцентировании предметности и применении культурологических методов, как об этом было сказано ранее, но и в применении концепции культуры как идеалообразования

⁷⁵⁹ Koptseva N.P., Kirko V.I. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation // Life Sci J. 2014. Т. 11. №. 7. P. 180–185.

для анализа процессов этногенеза и культурогенеза в их реальном единстве. Современное общество становится максимально культуроцентричным. Выделение этнических групп, их обособление друг от друга происходит именно по культурным основаниям. В связи с этим этническая идентификация и самоидентификация, как правило, осуществляются посредством ориентации на те или иные культурные тексты как носители этногрупповых идеалов, эталонов, норм, ценностей.

Дальнейшее исследование будет связано с культурологическим анализом процессов формирования сложных форм этнокультурных идентичностей и изучением процессов этнокультурных самоидентификаций, характерных для современных сообществ, в том числе, в региональном аспекте.

Вывод параграфа 2.3

На основании современной теории культуры как идеалообразования Д.В. Пивоварова и методологического обоснования культурных исследований К. Гирца можно совершить переход к аналитическому обзору методик исследования сложной идентичности с целью изучения комплекса этнокультурной идентичности. Данный фокус исследования вытекает из того факта, что культуры всех современных обществ разнообразны и практически все они представляют собой системы нескольких этнокультурных групп со своей социальной коммуникацией и социальной жизнью.

Выводы второй главы

Феномен сложной идентичности в его методологическом определении изучается различными научными дисциплинами либо в дисциплинарных, либо в междисциплинарных подходах. Существующие подходы к изучению структуры сложной идентичности можно объединить по принципам статистического или динамического рассмотрения. Общими для таких методик выступают два основания: методики возникают на стыке психологии, антропологии и социологии или появляются в результате отдельных психологических, антропологических и социологических исследований; результат методологического анализа фиксирует, как правило, единство внутриличностных

и социально-культурных процессов. Например, социальные психологи обычно описывают идентичность как относительно стабильный набор значений и утверждают, что эта степень стабильности требуется для эффективного функционирования индивида в социальных группах. Напротив, дискурсивные социологи и постмодернисты отрицают понятие устойчивой и стабильной идентичности и считают ее всегда временной и оспариваемой.

Интеллектуальная история методологического исследования сложной идентичности позволила определить специфику научных направлений внутри каждой научной дисциплины и конкретизировать их проблематику для современных культурологических исследований.

В первом параграфе второй главы раскрыто философское обоснование феномена идентичности, по сию пору объединяющее различные стратегии и предметные области исследования, являющиеся общей дискуссионной территорией для рефлексии над сущностью отношения человека и социальных групп. Психоцентрические исследования направлены на глубинное познание самопредставлений индивида и диагностику их жизненных изменений. В социологическом направлении феномен идентичности изучается с точки зрения «внешних» процессов: как процесс и результат социальных взаимодействий. Ученые акцентируют внимание на необходимости выработки комплексного подхода, концептуально синтезирующего в единство индивидуальное с динамичной множественностью ролей социального «Я». Объединяет психологические и социологические исследования разнообразие существующих подходов, направленных на изучение того или иного компонента сложной структуры идентичности либо преимущественного инструмента воспроизводства идентичности.

В области социальной и культурной антропологии существуют наибольший спектр культурных исследований феномена идентичности. Интерпретативная методология позволила ученым сфокусировать внимание на форме культурной идентичности, возникающей в процессе межкультурных отношений этнически разных групп. В пространстве межкультурных отношений с помощью особых

культурных практик формируются смыслы, актуализирующие содержание сложной идентичности. Специфика концептуального и методологического основания исследования сложной идентичности в российской культурологии еще находится в процессе определения. Однако путь прикладных культурных исследований осознается учеными как один из эффективных в практикоориентированном подходе, в котором основной должна стать качественная методология эмпирических исследований культурных феноменов.

Во втором параграфе второй главы показан поиск структурно-интегральных форм сложной идентичности в современных междисциплинарных исследованиях. Концептуальным и методологическим путем ученые обнаруживают необходимость новых методов, направленных на анализ настоящего контекстно-временного содержания для будущего формирования индивидуальной, социальной и общечеловеческой идентичности.

В целом к настоящему времени в исследовательской литературе акцент сместился к изучению феномена идентичности как множественного, возникающего в социальном восприятии и взаимодействии. Усложнение социальной категоризации в межличностных и межгрупповых процессах привело к новым формам идентификации с многонациональными и многокультурными группами, возникли возможности идентифицировать себя с людьми разных национальных и культурных традиций. Сложная идентичность как актуальная форма социального восприятия и самоопределения в современном мире позволяет реальным и виртуальным (on-line) способами взаимодействовать с потенциальными ингруппами. Опыт сложных социальных идентичностей становится реальностью, обогащающей и разнообразящей жизнь современного человека.

В третьем параграфе второй главы дано концептуальное обоснование методологических возможностей исследования этнокультурной идентичности. Согласно синтетической концепции идеалообразования Д.В. Пивоварова культура формирует человека как носителя социоцентрического (в том числе, этнического) смысла, который проявляется в сознании и самосознании индивида через выбор

личных и социальных идеалов. С одной стороны, культура функционирует через создаваемые и почитаемые этнокультурной общностью идеалы (вещи, отношения, знаки-символы), способствующие взаимодействию человека с самим собой, с другими людьми, с миром в целом. С другой – помогает приобщиться к традициям и обычаям как особым кодам приемлемого поведения, которое человек осваивает в процессе практики или познания и наделяет культурными признаками и ценностями.

Семиотическая модель культуры К. Гирца сфокусирована на интерпретационной модели современных культурных исследований, которые должны быть сосредоточены на выявлении роли культуры в социальном дискурсе. В процессе насыщенного описания того или иного культурного феномена исследователь-культуролог должен концептуализировать и представить в виде текста детерминанты символического поведения человека.

Анализ комплекса этнокультурной идентичности невозможен без определения понятия «культурные практики». Поскольку этнические группы могут строить разные практики (политические, экономические и т.д.), в диссертации акцентировано внимание на использование именно культурных практик. Далее необходимо подвергнуть анализу те, которые используются людьми для сохранения собственной этнической и культурной самобытности (на материале этнокультурных групп Красноярского края).

ГЛАВА 3 КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

В данной главе выполнен анализ представленности понятия «культурные практики» в современной культурологии, в том числе, с помощью концептуального анализа данного понятия в зарубежной и отечественной научной литературе. С конца XIX века и на протяжении первой половины XX века систематическое исследование культурной обусловленности поведения людей происходило в основном с точки зрения бихевиоризма, привлекшего внимание исследователей к изучению мотивационного поведения социальных и культурных групп в изменяющихся условиях окружающего мира. С 1990-х годов по настоящее время всё большее внимание ученых-культурологов сосредоточено на культурных практиках как особой деятельности по формированию этнической идентификации и самоидентификации. Объединяет ученых признание того факта, что современные общества представляют собой системы культурных групп, связанных стабильными социальными коммуникациями и общей социальной жизнью. В связи с этим во второй части настоящей главы рассмотрены культурные практики различных этнокультурных групп, которые используют для сохранения аутентичного культурного наследия этих групп. На материале анализа социально-культурного пространства Красноярского края выявлены региональные особенности соответствующих культурных практик.

3.1 Понятие «культурные практики» в современных культурных исследованиях

Определение понятия «культурные практики» в зарубежной теории и истории культуры конца XX – начала XXI века.

Понятие «культурные практики» рассматривается в различных направлениях и научных школах. Так, представитель радикального бихевиоризма Петр А. Ламаль обратился к анализу понятия «культурные практики» в труде «Поведенческий анализ обществ и культурных практик»⁷⁶⁰, где раскрыта необходимость изучения современных обществ не экспериментальными методами (имеющими, по мысли автора, «манипулятивный» характер), а описательным, позволяющим изучать поведение как функциональное отношение, взаимосвязанное с непредвиденными обстоятельствами, порождающими определенное поведение отдельных людей и поколений, что приводит к возникновению культурной практики. П.А. Ламаль обращает внимание на важность постоянного мониторинга общества на предмет отбора культурных практик, который должен быть аналогичен механизмам анализа индивидуального поведения, но свободен от «ментализма и когнитивной причинности». Предложенные рамки исследования «одного субъекта» и «контролируемых условий» альтернативен «традиционному» подходу и связан с использованием новых данных и методов из смежных дисциплин.

Ученые Американской психологической ассоциации (American Psychological Association или АРА) обращаются к понятию «культурные практики», видя их интегративную роль в культурном пространстве. Жаклин Дж. Гуднау, Пегги Дж. Миллер и Франк Кессель вводят следующее определение культурных практик: «... это значимые действия, обычно происходящие в повседневной жизни, широко распространённые среди членов группы и несущие

⁷⁶⁰ Lamal P.A. Behavioral analysis of societies and cultural practices. NY: Hemisphere. 1991. 257 p.

нормативные ожидания относительно того, как всё должно быть сделано»⁷⁶¹. Сопряжение культурных практик с процессом социальной динамики обусловлено их контекстным содержанием и, на этом основании, конструктивной способностью объединять мышление и чувства людей⁷⁶².

В продолжение данной темы Джеффри Б. Сакс, последователь когнитивной теории развития Жана Пиаже, признает коллективные культурные практики ключевым организационным конструктом в процессах микрогенеза, онтогенеза и социогенеза⁷⁶³. В микрогенезе индивиды создают схемы, основанные на предшествующих репрезентативных и стратегических конструкциях (онтогенез). Однако эти схемы могут быть распространены на новые коллективные формы представления и процедуры решения проблем в сообществе (социогенез). Во взаимосвязи микро- и социоуровней индивиды получают доступ к новым формам микрогенетической схематизации, которые становятся основой для новых способов участия в практике и началом последующих онтогенетических сдвигов в знании. Сближение двух уровней способствует не только раскрытию взаимосвязи между культурными процессами и процессами развития в социальной истории традиционных групп, но и созданию основы для понимания динамики когнитивного развития в коллективных культурных практиках.

К рубежу XX–XXI веков происходит резкое увеличение научного интереса к исследованию культурных практик. Их контекстуальная природа позволила ученым приступить к изучению индивидуального и общественного развития на основе анализа базовых культурных практик. В личностном аспекте эти практики стали пониматься как когнитивные схемы познания. В социальном их анализ должен был перейти на уровень решения общественных проблем, создания коллективных формы представлений и процедур. Интересен тот факт, что в междисциплинарном поле определение культурных практик одновременно

⁷⁶¹ Goodnow J.J., Miller P.J., Kessel F.E. Cultural practices as contexts for development. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. 126 p.

⁷⁶² Miller P.J., Goodnow J.J. Cultural practices: Toward an integration of culture and development: New Directions for Child and Adolescent Development. Т. 67. San Francisco: Jossey-Bass, 1995. P.5–16.

⁷⁶³ Saxe G B. Cognition, development, and cultural practices // New Directions for Child and Adolescent Development. 1999. Т. 1999. №. 83. P. 19–35.

получило различные значения: «социального отношения» (в бихеовиризме) и «схемы, формы, конструкта» (в когнитивной психологии).

С 2000-х годов тема культурных практик стала развиваться в русле социального формирования по созданию, организации, воспроизводству и передаче просоциальных ценностей. Исходя из концептуального анализа существующих публикаций очевидно расширение исследовательского определения понятия «культурные практики»: ученые привлекают знания разных научных областей для его концептуализации.

Специфика изучения понятия «культурные практики» раскрыта в научных трудах Марка А. Маттайни, социолога-бихеовириста, ученого Иллинойского университета в Чикаго, работающего более двадцати лет над теорией поведенческого анализа. Длительный путь исследования обусловлен разработкой метода инфографики как графического способа фиксации множественного характера социального поведения: «диаграммы непредвиденных обстоятельств особенно ценны для разработки науки о поведении, помогая проследить, как основные элементы объединяются в сложные репертуары поведения»⁷⁶⁴.

Основываясь на традиции бихеовиризма, ученый дает характеристику культурных практик и определяет значимость культурного анализа современных социальных отношений. Во-первых, культурные практики и есть те непредвиденные обстоятельства, которые сложно подчиняются изучению в сфере поведения, а также при попытке обнаружить правила их управления или выявить единство их эволюционного развития. Ученый отмечает: «Прикладной анализ культурных практик становится главной профессиональной и социокультурной проблемой, стоящей перед аналитиками поведения в XXI веке <...> Диаграммы практики могут быть эффективными инструментами в лучшем понимании культурных явлений, широко применимыми в науке к важным вопросам о поведении». Иными словами, культурные практики есть неотъемлемая часть обширной сети взаимосвязанных практик, существующих в непредвиденных социальных обстоятельствах.

⁷⁶⁴ Mattaini M.A. Envisioning cultural practices // The Behavior Analyst. 1996. Т. 19. №. 2. P. 257.

Во-вторых, культурные практики есть опосредованное социальное поведение, поскольку включают модели социального обмена: производят взаимодействия между людьми, создают межличностные отношения и ведут к созданию новых моделей социальности и социальных отношений. Опираясь на труды современников (см. Р.В. Малотт⁷⁶⁵; С.С. Гленн⁷⁶⁶) Марк Маттайни выявляет особую роль практик: как компонент взаимосвязанных непредвиденных обстоятельств они приводят к совокупным результирующим последствиям – определенному уровню культурных достижений. Отбор культурных практик (опосредованного поведения) происходит с целью либо выживания культуры, либо получения лучших совокупных результатов, приносящих выгоду членам группы. В обоих случаях культурные практики создаются и поддерживаются как основные поведенческие отношения, проявляемые посредством подкрепления или дискриминации, утверждения или исключения модели поведения. При этом в культурном дизайне исследуют не поведение человека и (или) людей, а ряд существующих практик и условных отношений, в которые они встроены: «При анализе и построении диаграммы культурных практик исследуются: последовательность событий, положительные усилители, операции установления (наличие правил, требований и степень их соблюдения), цепочка действий и частота их повторения в поведении. Так, культурным объектом может выступить семья, а в ядре анализа семейных культурных практик будет лежать изучение частоты и распространенности желательных и нежелательных практик внутри этой культурной группы»⁷⁶⁷.

В-третьих, ядром культурных практик служит «операнд» (идентификатор), который передается при активных и повторяющихся обстоятельствах и имеет социальное подкрепление в группе людей. Не случайно ученый при описании сути операнда использует понятие «паттерн» как модель поведения, которую можно обнаружить как внутри группы, так и в межпоколенческой культурной

⁷⁶⁵ Malott R.W. Rule-governed behavior and behavioral anthropology // The Behavior Analyst. 1988. Т. 11. №. 2. P. 181-203.

⁷⁶⁶ Glenn S.S. Contingencies and metacontingencies: Toward a synthesis of behavior analysis and cultural materialism // The Behavior Analyst. 1988. Т. 11. №. 2. P. 161-179.

⁷⁶⁷ Mattaini M.A. Envisioning cultural practices // The Behavior Analyst. 1996. Т. 19. №. 2. P. 260.

трансмиссии. На основе операционализации действий, выявления набора паттернов и закрепляющих их культурных практик можно предложить новый набор практик или реструктурировать существующие. В рамках теории поведения культурные практики изучают как средство сохранения или смены паттернов поведения и как возможность обучения новым социальным ролям, приводящим к изменению поведения и его закреплению в новых паттернах при передаче последующим поколениям.

В научных статьях 2019 года Марк Маттайни обосновывает необходимость адекватной науки о культуре и культурном поведении, что позволяет «рассматривать эволюцию культур и выбор культурных практик»⁷⁶⁸. Однако развитие этой науки затруднено по двум причинам: 1) к прежде анализируемому повторяющемуся оперантному поведению произошло добавление множества иных (от поддерживаемых микрокультурой семьи до тех, которые поддерживаются сверстниками, этническими, религиозными, организационными и национальными культурами). В сфере культурного анализа единицами социального поведения становятся все формы организованных групп (от семьи до нации), а не только отдельные общества или этнические группы; 2) расширение исследовательского поля культурного анализа требует нового междисциплинарного усилия от ученых: «текущее состояние науки о культурных системах ограничено теорией и методологией, а также конкуренцией за внимание с устоявшимися возможностями для исследований и практики, связанными с проблемами на индивидуальном уровне»⁷⁶⁹. Марк Маттейни полагает, что будущая эффективность культурного анализа заключена в возможности выхода за рамки общего и абстрактного для идентификации конкретных элементов данных посредством эмпирических исследований.

Энтони Биглан, ученый Исследовательского института Орегона, разрабатывая теорию поведения в междисциплинарном поле науки более

⁷⁶⁸ Cihon T.M., Mattaini M.A. Emerging cultural and behavioral systems science // Perspectives on behavior science. 2019. Т. 42. №. 4. P. 699–711.

⁷⁶⁹ Mattaini M.A. Out of the lab: Shaping an ecological and constructional cultural systems science // Perspectives on behavior science. 2019. Т. 42. №. 4. P. 713–731.

двадцати лет, дает научное обоснование культурным практикам как ключевому процессу формирования социального поведения внутри крупных социальных систем. Если в ранних работах ученый считал необходимым выявлять переменные, влияющие на культурные практики, и подвергать их модификации как альтернативному пути для решения общественных проблем⁷⁷⁰, то в последующем он фиксирует произошедшую эволюцию, благодаря которой потребовалось прогнозирование и предотвращение будущих проблем, а также разработка ориентированных на будущее практик⁷⁷¹.

Э. Биглан, подвергая всестороннему анализу историю культурных практик, отмечает, что на протяжении XIX–XX веков они эволюционировали из-за необходимости обеспечивать выживание людей (практики по производству пищи, обеспечению безопасности, предотвращению болезней). Например, в развитии сельского хозяйства практики постепенно расширились от первоначального одомашнивания животных и видов растений до увеличения поставок продовольствия, что не только зафиксировало факт массового применения этого вида практики, но и «способствовало росту населения и развитию армий и иерархических систем управления, которые поддерживали расширение сельскохозяйственных обществ в новые области». Анализируя исследования Элионор Остром⁷⁷², работающей в институциональном подходе, Э. Биглан выявил яркие характеристики культурных практик, влияющих на эффективное групповое управление: они создают сильную групповую идентичность и целеустремленность, ведут к справедливому распределению затрат и выгод; способствуют адекватному принятию решений; согласовывают поведенческие действия; включают санкции на неправильное поведение; имеют быстрое и безусловное разрешение конфликтов; дают право на самоуправление; выстраивают эффективные отношения с другими группами. Данный анализ есть

⁷⁷⁰ Biglan A. Changing cultural practices: A contextualist framework for intervention research. Context Press, 1995. 464 p.

⁷⁷¹ Biglan A., Barnes-Holmes Y. Acting in light of the future: How do future-oriented cultural practices evolve and how can we accelerate their evolution? // Journal of contextual behavioral science. 2015. Т. 4. №. 3. P. 184–195.

⁷⁷² Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: Presidential address, American Political Science Association, 1997 // American political science review. 1998. P. 1–22; Ostrom E. A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems // Science. 2009. Т. 325. №. 5939. P. 419–422.

описание причинно-следственных моделей поведения в настоящем и будущем времени. Ученый настаивает на том, что в процессе изучения событий и моделирования будущих результатов требуются методы наблюдения и эмпирический анализ данных о культурных практиках. Очевидна необходимость выяснения отношений между текущей практикой и будущими результатами. Для подкрепления своей гипотезы автор обращается к наработкам Сигрид С. Гленн⁷⁷³, предложившей концепцию непредвиденных метаобстоятельств для выбора групповых практик по их последствиям. «Метаконтент» выявляют путем анализа способов выбора координации поведенческих действий двух и более людей с целью прогнозирования вероятности расширения опыта их скоординированных действий как практики для успеха других групп. Таким образом, ориентированные на будущее культурные практики обладают преимуществами при обеспечении выживания человеческих групп, так как включают: планирование дальновидных действий, их скоординированность среди членов группы, создание общей реляционной сети, которая обеспечивает связь между текущей практикой и будущими результатами. Основной проблемой в разработке эффективных действий, ориентированных на будущее, является обеспечение долгосрочных социальных последствий, в связи с чем требуется анализ итогов уже существующих практик (как скоординированных действий в настоящем), а также ведение научных исследований и разработок в области ориентированных на будущее практик (принятие ориентированных на будущее действий).

Энтони Биглан прогнозирует в будущем развитие науки о «поведении, ориентированном на будущее, которое укрепляет нашу способность прогнозировать и предотвращать или смягчать будущие проблемы». Например, на индивидуальном уровне возможны две ориентации на изменение целевых поведений путем изменения их последствий: а) материальная ориентация – изменение принципов поведения в условиях прямых и непосредственных обстоятельств путем увеличения или уменьшения стоимости этого поведения

⁷⁷³ Glenn S.S. Operant contingencies and the origin of cultures // Behavior theory and philosophy. Springer, Boston, MA, 2003. P 223–242; Glenn S.S. Individual behavior, culture, and social change // The Behavior Analyst. 2004. Т. 27. №. 2. P. 133–151.

(налогообложение, госпошлины на проблемные практики, субсидии и льготы на успешные); б) ценностная ориентация – изменение текущего поведения людей путем ориентации в реляционной сети на нематериальные ценности, на их альтернативный комплекс. Например, это может быть поощрение широкого принятия просоциальных ценностей, способствующих развитию личности, альтруизму и заботе об общем благе, что приводит к культурным изменениям. В обоих случаях должны быть предприняты комплексные меры, позволяющие людям оценивать свое воздействие на тот или иной процесс (изменение окружающей среды, социума, этнической группы и т.д.).

Несмотря на то, что в современных исследованиях прорабатываются гипотезы научного понимания факторов, влияющих на ориентированные в будущее культурные практики, их контекст остается достаточно ограниченным и дается в общих чертах. Однако признание необходимости разработки ориентированного на будущее поведения индивидов и групп позволяет зафиксировать особенность практико-ориентированного подхода к развитию изучаемых практик: они в меньшей степени (отрицательно) взаимосвязаны с материальными ценностями и в большей способствуют формированию просоциальных ценностей.

Далее необходимо обратиться к научным исследованиям, раскрывающим онтологический характер культурных практик. Этому вопросу посвящено достаточно малое количество публикаций, но благодаря им все же возможно сформировать сущностное представление о данном феномене.

Уильям Х. Сьюэлл, политолог и историк, представитель ветви Американской социологии культуры, публикует свою статью «Понятие (я) культуры», которая была включена сразу в две крупные коллективные монографии (2004⁷⁷⁴, 2008⁷⁷⁵). Понятие «культура» рассмотрено ученым в контексте произошедшего во второй половине XX столетия лингвистического поворота в исследованиях культуры,

⁷⁷⁴ Sewell Jr W. H. The concept (s) of culture // Practicing history / G. V. Spiegel (ed.). London: Routledge, 2005. P. 76–95.

⁷⁷⁵ Sewell Jr W. H. The Concept (s) of Culture // The Cultural Geography Reader / T. S. Oakes, P. L. Price (eds.). London: Routledge, 2008. P. 40–50.

благодаря которому сложились два ее определения: 1) как теоретической категории, абстрагирующей от социального опыта и его сложных реалий (экономики, политики, биологии); 2) как обозначение конкретной и ограниченной совокупности верований и практик (набора убеждений), принадлежащих определенному обществу: «конкретную исторически специфическую сущность, которая более или менее эквивалента или синонимична «обществу»»⁷⁷⁶. Ученый последовательно доказывает, что второе определение более фундаментально, оно позволяет употреблять слово «культура» во множественном числе («культуры») и четко идентифицировать его с различными субсоциальными группами (национальными, региональными, этническими, гендерными и пр.). Данное значение возникло, по мнению ученого, с 1980-х годов, выйдя из социологического поля.

Согласно У.Х. Сьюэллу, современное понятие «культура» гораздо шире, чем считали антропологи в первой половине XX века («как совокупности религиозных убеждений, институциональных привычек, обычаев, привычек, мифов и т.д., созданных людьми и переданных из поколения в поколение»⁷⁷⁷), когда был характерен расовый подход к изучению поведения сообществ и их практической деятельности, состоящей, якобы, из преднамеренных действий, властных отношений и борьбы. Когда расовые аргументы практически исчезли из антропологического дискурса (во II половине XX века), содержание культуры определилось двумя значениями: произведенное в изучаемых обществах и представленное в антропологических текстах. Американские антропологи в 1960–1970-х годах разработали концепцию *культуры как системы символов и значений*, оказывающей влияние на человеческую деятельность, в отличие от других видов воздействий (демографических, географических, биологических, технологических, экономических). Новый концепт культуры во многом оформился благодаря развитию семиотических способов исследований в гуманитарных науках (аналитическая философия языка, лингвистика, семиотика,

⁷⁷⁶ Sewell Jr W. H. The concept (s) of culture, 2005.

⁷⁷⁷ Там же, с. 40

структурализм и постструктурализм, историческая семантика, исследования культуры). Сьюэлл считает, что Клиффорд Гирц, американский культурный антрополог, основатель символически-интерпретативной антропологии, с помощью термина «культурная система» отделил её от социальной (системы норм и институтов) и личной (системы нотаций) с целью проводить культурный анализ: «Участие в культурном анализе означало абстрагирование значимого аспекта человеческой деятельности от потока конкретных взаимодействий». Подобные модели культуры обнаруживаются в работах Виктора Тёрнера (британская школа социальной антропологии); Клода Леви-Стросса и его последователей; Ролана Барта, Жака Лакана, раннего Мишеля Фуко (французская структурная антропология), которыми сделана попытка определить структуры человеческих символических систем и указать их глубокое влияние на поведение человека. У. Сьюэлл отмечает: «Общим для всех этих подходов была настойчивость в систематической природе культурного значения и автономность символических систем – их отличие и неприводимость к другим особенностям социальной жизни»⁷⁷⁸.

Система культуры в целом осознавалась как институциональная, посвященная созданию смысла. Функционирование сферы культуры обеспечено кластерами институциональных учреждений (политика, экономика, общества и культуры), которые ограничены своей специализированной деятельностью и которые производят, распространяют и используют значения. Внутри культурной сферы есть подсферы: искусство, музыка, театр, мода, литература, религия, средства массовой информации, образование. Исследования культуры определяются изучением деятельности институционально определенных сфер и значений, произведенных в них.

Таким образом, У. Сьюэлл считает, что интерпретативная концепция 1960-1970-х годов позволила исследователям культуры избежать оценочных и иерархизирующих последствий. Понимание культуры как логической, связанной,

⁷⁷⁸ Там же, с. 20.

общей, однородной и статичной, с одной стороны, позволило понять единство природы её сущности (это значения, производимые в изучаемых обществах и представленные в антропологических текстах), с другой же – привело к плюралистическому пониманию культуры как «транслокализованной обобщенной системы значений».

Второй, перформативный, аспект сложился к началу 1980-х годов: культурологи-социологи, чтобы проявить свое исследовательское поле и показать наличие причинно-следственной эффективности культуры, стали ее исследовать как совокупность переменных (класс, этническая принадлежность, пол, уровень образования, экономический статус и т.д.), влияющих на поведение. В методологическом плане это дало возможность анализировать процесс трансформации культурных значений и объяснять его при помощи стратегий поведения.

В период 1980-1990-х годов концепция культуры как системы смыслов дополняется новым ключевым содержанием: *культура – это диалектическое взаимодействие системы и практики*. У. Сьюэлл отмечает: «Заниматься культурной практикой – значит использовать существующие культурные символы для достижения определенной цели. Можно ожидать, что использование символа приведет к достижению определенной цели только потому, что символы имеют более или менее детерминированные знаки-значения, определяемые их систематически структурированными отношениями с другими символами. Следовательно, практика подразумевает систему». *И система взаимозависима от практики, поскольку последняя её создает, воспроизводит и преобразовывает*: «Система и практика представляют собой неразрывную двойственность или диалектику: важный теоретический вопрос, таким образом, заключается не в том, следует ли культуру воспринимать как практику или как систему символов и значений, но как осмыслить артикуляцию системы и практики ... Культура не является ни особым видом практики, ни практикой, которая имеет место в определенном социальном месте. Это, скорее, семиотическое измерение социальной практики человека в целом. Я также предполагаю, что эти аспекты

практики взаимно формируют и ограничивают друг друга, но также и то, что они относительно автономны друг от друга. Самостоятельность культурного измерения практики также может быть понята, если рассматривать культуру как систему. Культурное измерение практики автономно от других измерений практики в двух смыслах. Во-первых, культура имеет семиотический принцип структурирования, который отличается от политических, экономических или географических принципов структурирования, которые также определяют практику. Следовательно, даже если действие было почти полностью определено, скажем, подавляющим неравенством, что касается экономических ресурсов, то эти различия все равно должны быть осмысленными в действии в соответствии с семиотической логикой, то есть в языке или в какой-либо другой форме символов». Исходя из слов ученого, культурная практика может иметь самостоятельное измерение через семиотическую логику. Однако понимание этого измерения сложно из-за многозначности системы символов и восприятию ее значений, их подверженности трансформации в том или ином контексте. Предназначение современных культурологов состоит в умении методологическим путем отличить в культурной практике институциональный (упорядоченное, согласованное, имеющее относительный характер содержание) от смыслового (знаковое, интерпретативное, контекстуальное). В заключение У. Сьюэлл пишет: «Наша работа как аналитиков в области культуры заключается в том, чтобы определить, каковы на самом деле формы и согласованность местных значений, и определить, как, почему и в какой степени они связаны друг с другом»⁷⁷⁹.

В 2000-е годы понятие культурной практики уже имеет самостоятельное значение и прочно укореняется в теории и истории культуры, а также уточняется в междисциплинарном исследовательском поле. Например, содержание понятия дискурсивной деятельности в интерпретируемом смысле раскрыто в антологии «Поворот практики в современной теории»⁷⁸⁰, изданной учеными Билефельдского университета (Германия). В частности, Энн Свидлер, профессор социологии

⁷⁷⁹ Там же, с. 58.

⁷⁸⁰ The practice turn in contemporary theory / K.K. Cetina, T.R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). London, NY: Routledge, 2005. 240 p.

Калифорнийского университета, определила несколько черт культурных практик: они могут быть неосознаваемыми; соединяют культуру и действие (практики не тождественны действию, поскольку содержат организованную компоненту); могут осваиваться, передаваться и воспроизводиться в вариативном поведении членов культурной группы; каждая практика, развиваясь в пространстве и времени, имеет индивидуальный профиль; культурные практики повсеместны, что позволяет этот термин применять к любой области изучения; всё чаще под культурной практикой в науке понимается культурсозидающая деятельность⁷⁸¹.

Ученые-психологи этого времени видят необходимость применения культурных практик в обучении и преподавании. В коллективной статье американских психологов Н.С.Р. Насир, Э.С. Роузбери, Б. Уоррен, К.Д. Ли термином «культура» обозначена совокупность практик, исторически разработанных и динамически формируемых сообществами для достижения необходимых целей⁷⁸². Содержанием практик являются: инструменты, которые культурные сообщества используют; социальные сети, с которыми они связаны; способы организации совместной деятельности; дискурсы (конкретные способы концептуализации, представления, оценки и взаимодействия с миром). Культурные практики способствуют процессу обучения и преподавания на пути приобретения (на протяжении всей жизни) разнообразных репертуаров перекрывающихся, взаимодополняющих или даже противоречивых культурных практик.

Майкл Фрезе, специализирующийся в области организационной психологии, предложил два аспекта понимания культурных практик: 1) это общие представления о том, как люди обычно себя ведут в культуре, 2) это культурные ценности, содержащие идеалы культуры⁷⁸³. Если первое определение тождественно понятию «обычай», поскольку «отражают ситуацию как есть», то

⁷⁸¹ Swidler A. What anchors cultural practices // *The Practice Turn in Contemporary Theory* / K. K. Cetina, T. R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). London, NY: Routledge, 2005. P. 83–101.

⁷⁸² Nasir N.S., Rosebery A.S., Warren B., Lee C.D. Learning as a Cultural Process: Achieving Equity Through Diversity // *The Cambridge handbook of: The learning sciences* / R. K. Sawyer (ed.). Cambridge University Press, 2006. P. 489–504.

⁷⁸³ Frese M. Cultural practices, norms, and values // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2015. T. 46. №. 10. P. 1327–1330.

второе, ценностное определение, «как должно быть или должен быть». Опираясь на разработанную в социальной психологии теорию описательных норм (см. Г. Штейнберг⁷⁸⁴), Фрезе обосновывает её концептуальную взаимосвязь с культурными практиками: «Нормы являются как входными, так и выходными переменными при разработке практик. Нормы предписывают определенные виды поведения, и после того, как эти модели поведения становятся социально рутинными, они становятся практиками. Таким образом, культурные нормы ведут к культурным обычаям и наоборот. И то, и другое основано на восприятии обычного поведения других – «как люди думают и ведут себя здесь». Ученый считает, что между ценностями и нормами существует внутренняя и внешняя дифференциация: ценности принадлежат к внутреннему миру человека («я живу своими ценностями»), а нормы и культурные обычаи воспринимаются как находящиеся вне человека («я подчиняюсь нормам»). Внешний контроль поведения над выполнением какой-то нормы постепенно превращается в рутину, однако при программировании (усилении) поведения это становится культурной практикой. Так, Фрезе приводит пример с чисткой зубов у детей, когда со временем без этой практики они начинают чувствовать себя некомфортно.

Культурная практика есть диалектическое взаимодействие норм и ценностей и состоит в их дифференциации и интеграции, обретая (как результат этого отношения) конкретику и последовательность. Включенность в культурную практику норм способствует процессу «не специального» («неявного») обучения. Например, освоение норм помогает подростку решить задачу включения в определенную культуру. Поскольку нормы предписывают конкретное поведение, они рационализируют культурные практики, активируют уровень идентификации, усиливают тактику социализации со стороны общества в процессе неявного обучения. Автор предполагает, что чем выше однородность общества, тем сильнее культурные практики и идентификация с группой сверстников.

⁷⁸⁴ Shteynberg G., Gelfand M.J., Kim K. Peering into the “magnum mysterium” of culture: The explanatory power of descriptive norms // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. Т. 40. №. 1. P. 46–69.

Эдвин Хатчинз, представитель когнитивной антропологии в области философской психологии, определяет сущность культурных практик так: «Феномен принятия смыслов путем «осознания» мира особым образом абсолютно повсеместен в человеческом опыте и достигается посредством культурных практик»⁷⁸⁵. Подход Э. Хатчинза заключается в том, что культурные практики понимаются как ключевой *компонент* человеческих когнитивных процессов.

Во-первых, начиная с объяснения того факта, что любая практика включает взаимодействие внутренних и внешних ресурсов, ученый предполагает, что культурные практики представляют собой *комплексную систему*, состоящую из взаимоподдерживающих компонентных практик (например, социальных, индивидуально-ментальных). Единство и внутренняя взаимосвязь культурных практик обеспечены тем, что увеличение вероятности любого компонента увеличивает вероятность других компонентов, причем «практике» отдается ключевая роль: посредством нее образуется опыт распределения информации, уменьшения её объема до одномерности, увеличения предсказуемости, структурирования, и таким образом приобретения свойства распределенной системы. На примере того, как формируется группа людей в очереди на обслуживание, ученый доказывает, что выстраивание в линию (физическая форма уменьшения размерности в пространстве) – это не когнитивная способность отдельного человека, а когнитивная практика: «Когда линия рассматривается как очередь, другие элементы настройки будут рассматриваться как экземпляры других ролей в очереди». Культурная практика является когнитивной и системообразующей для комплекса (социальных и личных) компонентных практик.

Во-вторых, врожденные когнитивные способности регулируются культурными практиками для создания когнитивных процессов более высокого уровня. Второй аспект раскрыт ученым в статье «Роль культурных практик в

⁷⁸⁵ Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition //Philosophical psychology. 2014. Т. 27. №. 1. P. 34–49.

становлении современного человеческого интеллекта»⁷⁸⁶. Культурные практики координируют взаимосвязь предметной и когнитивной деятельности, преобразуя их в распределенное познание и структурированное знание. Функциями культурных практик выступают:

1) посредничество и адаптация в процессе познании людьми внешнего мира объектов и явлений («основное местонахождение культурной практики определяется в культурной экосистеме человеческого познания: практика есть когнитивный (познавательный) процесс, возникающий из взаимодействий среди элементов в некоторой системе общего мира объектов и явлений, и включающий в себя адаптивные ресурсы, необходимые для каждого члена сообщества»);

2) повышение предсказуемости в процессе когнитивного познания за счет согласованности и взаимодополняемости. Культурные практики, согласно Э. Хатчинзу, имеют общий базовый формальный процесс проектирования траектории на пространственный массив: «Та или иная культурная практика является «траекторией», которая накладывается на видимые или воображаемые объекты и позволяет увидеть их системную целостность (например, как из световых точек небесных тел увидеть созвездие)». Ключевыми характеристиками этого функционального процесса становятся динамичность (координация внутренних процессов с внешними ресурсами) и влияние на когнитивное мышление (организация массива в систему). Иными словами, любая совокупность культурных практик образует среду, в которой организуются когнитивные процессы, приобретающие свойства распределения, упорядочивания и систематичности. Культурная практика, таким образом, наделена характеристиками распределенной системы и структурирования;

3) способность существовать как «возникающие структурные конфигурации в богатой сети отношений». Э. Хатчинз особо подчеркивает, что культурно-познавательная экосистема неоднородна и сложна. Она функционирует за счет связности множества когнитивных систем, имеющих фрактальную структуру и

⁷⁸⁶ Hutchins E. The role of cultural practices in the emergence of modern human intelligence // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2008. Т. 363. №. 1499. P. 2011–2019.

порождающих соединения разных структурных уровней в единую модель мира, которую осваивает человек. Культурная экосистема функционально оказывает разное воздействие на *глобальном и локальном уровнях*. На уровне *глобальной культуры* она динамична, поскольку представляет собой множество конфигураций культурных практик, осуществляющих механизм удовлетворения ограничений, которые существуют в любой культурной экосистеме. Определенные конфигурации (стабильные практики) возникают и самоорганизуются преимущественно для удовлетворения существующих ограничений в культуре и реализуются в виде нейронных механизмов или материальных инструментов, либо проявляются в социальных процессах коллективного разума (например, при разработке конвенций). На уровне *локальных культур* система также динамична и адаптивна, но здесь культурные практики имеют: внутреннюю согласованность и взаимоподдерживаемость; тесно связаны с контекстом «в местном времени и пространстве»; имеют бóльшую вероятность динамического формирования конкретных практик посредством опыта, обучения и проектирования окружения (процесс сборки новых конкретных практик); стабильны, устойчивы и постоянны, поскольку включены через экокультурную сеть отношений в «семью практик» («сеть отношений с другими практиками, в которые она встроена»); через взаимосвязанные отношения с другими практиками имеют возможность множественного определения и/или переопределения определенных признаков; быстрее, чем на глобальном уровне, имеют вероятность получения положительной обратной связи в динамике формирования и поддержания практики («чем более распространенной становится практика, тем более вероятно её формирование»); могут содержательно изменять процесс обучения за счет новых артефактов.

Э. Хатчинз определяет особенности функционирования культурных практик на индивидуальном и групповом (социальном) уровне. В индивидуальном познании практики уменьшают энтропию (меру хаотичности в поведении траекторий системы) и повышают предсказуемость опыта; в сознании людей способствуют надежной индукции освоенных элементов; в локальной экосистеме

сходные свойства практик уменьшают сложность процессов обучения, повышая степень восприятия и усвоения; способствуют обобщению действий в разных контекстах благодаря «семейному сходству» между практиками.

На групповом уровне культурные практики способствуют образованию межличностной коммуникативной координации. Поскольку культурная практика формирует у каждого члена сообщества определенный когнитивный навык, то это в дальнейшем это способствует распределению членов сообщества по виду культурной деятельности («распределение когнитивных навыков в сообществе будет определяться распределением практик, которыми занимаются члены сообщества»).

На основании теории распределенного познания Э. Хатчинза можно прийти к интересному выводу о том, что культурные практики направляют человека к познанию социокультурной реальности, систематизируя и распределяя его знания внутри культурной системы. И наоборот, через культурно-познавательную экосистему и сеть культурных закономерностей, человек с сформированными когнитивными навыками способен «найти свое место» среди других людей. Э. Хатчинз показывает, что культура познаваема и функционирует посредством системы практик как процесс познания мира и адаптации к нему.

Определение понятия «культурные практики» в отечественной теории и истории культуры 2000–2019 гг.

В российской теории и истории культуры понятие «культурные практики» появилось гораздо позднее, чем в зарубежной, оформилось благодаря философско-культуролого-социологическому дискурсу и вошло в междисциплинарное научное поле в начале XXI века. Вадим Викторович Волков, доктор социологических наук, профессор, социолог, и Олег Валерьевич Хархордин, доктор философских наук, историк и политолог, опираясь на работы теоретиков прагматического поворота в гуманитарных и социальных науках, резюмируют: «Сегодня практическая парадигма если и существует, то лишь как

удобная территория для междисциплинарных исследований»⁷⁸⁷. В книге «Теория практик» ученые дали как теоретическое, так и практическое обоснование сложившемуся в XX веке широкому значению термина. Авторы отмечают: «С одной стороны, как основная научная категория в антропологии, философии, культурологии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории понятие «практика» формирует общую для социальных наук парадигму. С другой – анализируемое понятие обретает уникальную специфику внутри каждой научной области вплоть до авторской интерпретации: «Для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. Последний к тому же варьируется в зависимости от отдельных авторов»⁷⁸⁸.

Далее ученые на основании ранних трудов философов Л. Витгенштейна (издание 1922 г.⁷⁸⁹), Дж. Остина (издание 1955г.⁷⁹⁰), осуществивших «прагматичный поворот» в гуманитарных и социальных науках, с привлечением философских идей М. Хайдеггера раскрывают два способа понимания слова «практика»: «1) фонового (неэксплицированного) знания и умения, и 2) конкретной деятельности, соединяющей слова и действия («языковая игра»)»⁷⁹¹. Практика понимается как «действие» (речевое, ритуальное), обладающее возможностью изменять реальность: «... в обыденном контексте некоторые речевые высказывания имеют перформативную силу и являются речевыми действиями»⁷⁹².

Исследователь С.В. Недбаева с своей диссертационной работе отмечает: «Фоновые практики характеризуются как контекстная (значимая) деятельность, сквозь которую интерпретируется высказывание или поведение в той или иной культуре»⁷⁹³. Другой исследователь дискурсивной (фоновой) практики О.С.

⁷⁸⁷ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 12.

⁷⁸⁸ Там же.

⁷⁸⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Литрес, 2018. 340 с.

⁷⁹⁰ Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? М.: Идея-Пресс, 1999. 332 с.

⁷⁹¹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 48.

⁷⁹² Там же.

⁷⁹³ Недбаева С.В. Становление и развитие личностно ориентированной психологической практики в российском образовании: дис... д-ра пед наук. Ставрополь, 2001. 400 с.

Иссерс: «Культурный фон (контекст) и образует совокупность практик совместной деятельности, навыков, обычаев в каждом конкретном случае различные фрагменты этой совокупности практик, принятых в данной культуре, функционируют как практическое знание того, как обращаться с людьми и предметами для достижения определенной цели»⁷⁹⁴. Посредством фоновой практики происходит освоение общего культурного знания. В.В. Волков и О.В. Хархордин подчеркивают различают практики только по культурному содержанию, тому, что принято в одной культуре, разделяемо членами культурной группы и усваиваемо в процессе социализации: «Действительный смысл практик будет содержаться в конкретных способах деятельности, на фоне которых используются те или иные понятия. Поэтому в различных культурах или традициях одни и те же понятия на самом деле будут означать совершенно разное – стоит только пристально взглянуть на то, что и как при этом люди делают»⁷⁹⁵.

Далее авторы дают второе определение понятию практика «раскрывающие практики», которые способствуют воспроизводству различных форм социальной идентичности: «Иными словами, [пишут авторы] практики «раскрытия» основных способов социального существования, возможных в конкретной культуре в данный момент истории понимаются как различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые в то же время раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве («врач», «политик», «отец», «плотник», «предприниматель», «женщина», «шаман» и т.д.)»⁷⁹⁶. Такие практики способствуют обретению социальной идентичности через освоение трех составляющих: а) инструментального снаряжения (необходимый набор инструментов-атрибутов, используемых в практических целях для выполнения некоторых задач); б) совокупности навыков; в) практических задач. Три компонента образуют пространство целесообразной деятельности, в процессе которой формируется

⁷⁹⁴ Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. №. 4. С. 227–232.

⁷⁹⁵ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 49.

⁷⁹⁶ Там же. С. 50.

форма идентичности. С.В. Недбаева отмечает же: «Отличием «целесообразных» практик (второго авторского значения) является их временный характер: «... раскрывающие практики меняются исторически еще более, а главным образом в зависимости от конкретной культуры <...> В основе различных миров, таким образом, лежат совокупности практических навыков, которые осваиваются путем особых игр или упражнений (или просто – «на практике») и тем самым раскрывают осмысленные идентичности»⁷⁹⁷.

Ученые определили три способа изменения практик: артикуляцию (именование определенного стиля или способа действия, нормативное выражение и распространение в обществе), реконфигурацию (перемещение практики с периферии на центральное место) и заимствование (перенос). Изменение всех трех фоновых практик может привести к смене ценностей в той или иной культуре. Далее предложены два пути анализа практик: синхронный и диахронный (на основании подходов Мишеля Фуко и Ирвинга Гоффмана). Суть первого заключается в антропологическом подходе к описанию и анализу повседневных способов идентификации. Второй состоит в исторически обусловленном рассмотрении развития практик и их критическом анализе для реконструкции генезиса, причем обнаружение элементов происходит в прямой последовательности различных событий, произошедших в разное время. Оба пути нацелены на обнаружение элементов практик и представление их как объективных фактов каких-либо подвижных социально-исторических условностей.

Таким образом, концептуально обоснована идея о практиках как механизме создания и изменения специфически ценностных знаний и умений внутри каждой культуры. Вневременной характер имеют «фоновые» практики. Они способствуют появлению, развитию и смене востребованных социальных знаний и культурных ценностей; делают значимой человеческую деятельность и вызывают социальные изменения, «... сопровождающиеся появлением

⁷⁹⁷ Недбаева С.В. Становление и развитие личностно ориентированной психологической практики в российском образовании: дис... д-ра пед наук. Ставрополь, 2001. 400 с.

соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий» (мысль Людвиг Витгенштейна).

Измерением во времени обладают «раскрывающие» практики. Их рефлексивность является источником значения и смысла социальных форм идентичности. Сложность здесь состоит в том, что для обеспечения рефлексии требуется деятельность по воспроизводству практик и адекватному предложению необходимого набора компонентов: инструментального снаряжения, навыков и практических задач (идея Мартина Хайдеггера). Возможно авторам книги понадобились разные значения слова «практики», чтобы проявить их очевидную социоцентричную и культуросозидающую направленность. Различие практик только в функциях: «фоновые» практики направлены больше на обеспечение социальной связи (человека, социальной группы и групп) в едином культурном контексте, а «раскрывающие» – на формирование и воспроизводство различных форм социальной идентичности.

Валерий Павлович Большаков, доктор философских наук, профессор, ведущий исследования в области теории культурных практик, дает культурным практикам следующее определение: «... это и есть реализация культуры в её непосредственной действительности⁷⁹⁸». Ученый анализирует феномен культурных практик в процессах исторического и современного становления культуры. Например, отмечает, что в отличие от индустриального общества XX века культурные практики в первобытной эпохе были способом создания и практической реализации культуры (и цивилизации), позволяющим сообществу выжить.

Проследив путь формирования культурных практик в истории человечества, В.П. Большаков определяет пять универсальных видов культурных практик, разделяя или объединяя их по принадлежности к культуре повседневности:

⁷⁹⁸ Большаков В.П. Культурные практики в процессах становления культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. Т 2. № 27. С.16–22.

- практики хозяйствования, породившие системы знакового и коммуникативного общения и ставшие принципом коллективной самоидентификации;
- ритуально-мифологические практики, ставшие основой практики верований;
- практики воспитания, способствующие инициации младшего поколения;
- культурные практики совместного приема пищи, показывающие кросс-культурные универсалии и отличия в исторических и современных этнокультурах;
- практика заботы о внешности как принцип обозначения себя представителем той или иной культуры.

Ученый подчеркивает особую роль взаимосвязи повседневных и неповседневных культурных практик, их трудную отделимость друг от друга. Обе формы находятся в постоянной диалектической взаимосвязи: повседневность – праздность; материальное – духовное; земное – небесное; культ – вера. Согласно В.П. Большакову, специфика повседневных практик состоит в порождении практической деятельности «культурных центров, центров концентрации и хранения духовных ценностей, центров, в их совокупности создающих особые культурные пространства»⁷⁹⁹.

За последние двадцать лет возникает ряд российских публикаций, в которых содержание культурных практик определяется исходя из понятия «габитус» теории практик Пьера Бурдьё⁸⁰⁰. Михаил Гронас, российский и американский ученый, переводчик философских текстов П. Бурдьё, пишет, что габитус «складывает, генерирует и классифицирует практики, снабжая своих носителей способностью реагировать на внешние изменения, применяться к новым условиям», а культурные практики представляют собой «результат адаптации

⁷⁹⁹ Там же.

⁸⁰⁰ Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique: précédé de trois études d'ethnologie kabyle. Genève: Droz, 1972. 269 p; Bourdieu P. Le Sens pratique. P.: Minuit, 1980. 480 p.

габитуса к постоянно возникающим новым обстоятельствам»⁸⁰¹. Наталья Анатольевна Шматко, кандидат философских наук, ученый НИУ «Высшая школа экономики», пишет о том, что культурная практика не может «быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным осуществлением (объективных и субъективных) социальных структур»⁸⁰². Людмила Георгиевна Скокова, доктор социологических наук, предложила на основе концепта Бурдьё проводить современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации в современных обществах с целью лучшего понимания динамики культурных практик и их связи с системой социальной стратификации⁸⁰³. Галина Алексеевна Аванесова, доктор философских наук, профессор, и Ирина Александровна Купцова, доктор культурологии, профессор, анализируя природу культурных кодов и их функциональную роль в культурной практике пишут: «Исторический опыт отбирает и сохраняет в культурной практике разных поколенческих когорт только то, что позволяет данному народу адаптироваться к окружающему миру, выживать, развиваться»⁸⁰⁴. Культурные коды содержатся в социальных и культурных практиках и позволяют тому или иному этносу сохранять прочность в течение длительного времени, а её носителям (представителям разных поколений) глубоко осознавать свою неразрывность с родной культурой, поддерживать чувство этнокультурной идентичности. Исходя из обзора существующих публикаций, российские ученые, благодаря идее Пьера Бурдьё, в своих исследованиях изменили содержание культурных практик от изучения индивидуального сознания к дискурсу о системе появляющихся (и продуцируемых), меняющихся и передающихся (передаваемых) значений.

⁸⁰¹ Гронас М. Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре // Новое литературное обозрение. 2000. Т. 45. С. 6–21.

⁸⁰² Шматко Н.А. На пути к практической теории практики // Практический смысл. СПб: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 552

⁸⁰³ Скокова Л.Г. Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации // Социологический альманах. 2014. №. 5. С. 232–243.

⁸⁰⁴ Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. № 4 (47). Новосибирск: СибАК, 2015. С. 35.

Вывод параграфа 3.1

Сегодня в культурологических зарубежных исследованиях наблюдаются два подхода к понятию «культурные практики»: эпистемологический и онтологический. Первый был разработан бихеовиристами XX века, согласно которым практика есть процесс возникновения познания и обучения (что и как люди узнают на практике). В середине века благодаря произошедшему лингвистическому повороту вскрылась контекстуальная природа практик, возможность интерпретации культурных смыслов и значений для решения задач развития культурных сообществ. Междисциплинарный подход к исследованиям культуры сформировал особый интерес к изучению сущности культурных практик. Именно культурные антропологи занялись вопросом онтологического содержания культурной практики, поскольку обнаружили способность быть «первично социальной» и активизировать социальную жизнь как на локальном, так и на глобальном уровнях. Главным образом, был обозначен функциональный потенциал культурных практик: способность к организации когнитивного (индивидуального и социального) поведения в пространстве и времени, системное качество осуществления и трансформации культуросозидающей человеческой деятельности. Культурные практики рассматриваются как процессы прошлого и как факторы формирования будущего.

В российском научном понимании феномен «практики» анализируется «над» теорией поведения, сближаясь то с историко-культурным контекстом, то с философской интерпретацией воспроизводства элементов культурной структуры.

В целом на основании совокупности имеющихся исследований можно резюмировать содержание понятия «культурная практика» таким образом:

1) социальное поведение, производящее взаимодействие между людьми для возможности встречаться с другими людьми и создавать новые модели социальности, в том числе и новые социальные отношения;

2) процесс идентификации и самоидентификации, трансформации и интеграции, воспроизводства и реконструкции социокультурного качества человека, группы и групп людей, или иначе: это социальное формирование по

созданию и организации, воспроизводству и передаче социальных форм идентичности и самоидентичности;

3) путь социально значимой человеческой деятельности посредством ее соответствия культурным ценностям и нормам конкретного общества;

4) функции системы культуры по формированию культурной среды на локальном и глобальном, индивидуальном и социальном уровнях.

Одной из ключевых функций культурных практик является их социокультурная направленность на удовлетворение познавательных способностей, формирование социального опыта, и как результат – разных форм социальной и культурной идентичности.

Культурные практики как деятельность особо востребованы в периоды трансформации: на личном уровне при социализации, на групповом – для успешной адаптации к изменяющимся условиям окружающего мира. Как носители социоцентрических ценностей, схем деятельности и знаков-символов культурные практики воспроизводятся и сохраняются.

В научном плане понятие «культурные практики» имеет дискурсивное определение, соединяющее интеллектуальные традиции конца XX – начала XXI века. Ученые (социологи, психологи, антропологи, культурологи) сосредоточены на разработке единой теории изучения социальной жизни и социальных явлений, прежде всего в образовании, культуре потребления, профессиональной практике и обучении. Так, с 2000-х годов понятие «культурные практики» стало более широким, выходящим за рамки существующих теорий поведения: это «регуляторы» когнитивной деятельности (призванные повысить уровень мышления); это ресурсы по приобретению социальных и культурных навыков, опыта и знания для социализации, адаптации и интеграции в социокультурную реальность; это путь обретения профессиональной идентичности и её реализация в сфере предметной деятельности.

В современных культурологических исследованиях производится попытка ответить на вопрос «для чего существуют культурные практики?». Обобщающими ответами являются: культурные практики отражают конкретно-

историческую сущность культурной общности; организуют (распределяют, систематизируют и структурируют) действия группы к определенным целям, необходимым этой группе; помогают преодолеть непредвиденные обстоятельства посредством установления норм (видов поведения) и правил, придавая им программный характер совместной деятельности и транслируя их посредством социальных институтов и через социальные сети; уменьшают энтропию и повышают предсказуемость опыта посредством ориентированных на будущее действий; создают культурную среду действуя как механизм удовлетворения ограничений и ведя таким образом к разработке новых коллективных решений.

Несмотря на постоянную проработку понятия «культурные практики» в культурологических подходах и направлениях по сию пору отсутствует единая теория культурных практик, ее содержание формируется собирательным путем в междисциплинарном поле современной науки.

3.2 Виды культурных практик в социально-культурном пространстве Красноярского края

В данном параграфе понятие «культурные практики» рассмотрено теоретически (с точки зрения концепции культуры как идеалообразования) и на материале исследования этнических групп, населяющих Красноярский край. Сопряженность понятий «культура» и «культурные практики» очевидна, однако на протяжении всего XX и в начале XXI века культурные практики изучались либо как часть теории поведения, либо как функциональное проявление системы культуры в виде особых ценностей, схем действий и знаков-символов и т.д. Все аспекты справедливо относятся к определению культурных практик, однако их научный синтез по сию пору не выполнен. Назрела концептуальная необходимость соединить аспектное понимание и осуществить анализ культурных практик как деятельности по созданию, передаче и воспроизводству социоцентрических идеалов, характерную для данного социально-культурного пространства.

3.2.1. Виды культурных практик в современной культурологии

Согласно синтетической концепции Д.В. Пивоварова, «... культура есть идеалообразующая сторона жизни людей», то есть это процесс формирования идеалов. Процесс идеалообразования включает в себя сохранение, передачу и воспроизводство эгоцентрических, социоцентрических и космоцентрических идеалов. Социоцентрические идеалы направлены на восстановление и воссоздание союза, объединения людей друг с другом. В аспекте социоцентрической деятельности культурные группы могут создавать разные практики (политические, экономические и т.д.). В данной диссертации сосредоточимся на тех видах культурных практик, которые используются

различными этнокультурными группами для сохранения и воспроизводства собственного уникального культурного наследия.

В культурологических исследованиях термином «культурные практики социокультурного качества» обозначаются разные виды деятельности: в зарубежной культурологии превалирует тема социализации (детей, подростков, мигрантов, инвалидов), в отечественной – актуальные прикладные культурные практики (прежде всего педагогические, лингвистические, художественные, этнические), указывающие на специфику того или иного социально-культурного пространства.

Современные культурные практики социализации направлены на формирование потребности в межэтническом общении. В исследованиях 1990-х годов наметилась тенденция нового понимания роли семьи в процессах формирования социально-культурных идентичностей: культурные убеждения родителей ведут к широкой социализации детей (см. Ч. Кагитчибаши⁸⁰⁵). Социализация стала трактоваться как культурный процесс: при модели широкой социализации культурные практики формируют ценности самовыражения (индивидуализма, независимости) и способствуют сохранению индивидуальных различий в процессе развития. При узкой – доминируют ценности послушания и конформизма, ведущие к стремлению индивида соответствовать определенному стандарту (см. Дж.Дж. Арнетт⁸⁰⁶).

С 2000-х годов ученые сосредоточились на изучении практик этнокультурных групп. Исследования направлены на решение проблем дискриминации и неравенства, а также на фиксации значимости группового взаимодействия при социальной поддержке. Этно-расовая социализация заключается в передаче форм поведения от родителей к детям через их отношение и взгляды (см. Д.Л. Хьюз⁸⁰⁷; Д.Б. Бугенталь⁸⁰⁸). В современных исследованиях

⁸⁰⁵ Kâgıtçıbaşı Ç. Family and socialization in cross-cultural perspective: A model of change // Cross-cultural perspective: Nebraska symposium an motivation / J.J. Berman (ed.). Lincon, NE: Nebraska University Press, 1990. P. 135–200.

⁸⁰⁶ Arnett J.J. Broad and narrow socialization: The family in the context of a cultural theory // Journal of Marriage and the Family. 1995. P. 617–628.

⁸⁰⁷ Hughes D. Correlates of African American and Latino parents' messages to children about ethnicity and race: A comparative study of racial socialization // American journal of community psychology. 2003. T. 31. №. 1–2. P. 15–33;

изучают семьи иммигрантов (их поведение в процессе этнической и расовой социализации детей), а также анализируют влияние на поведение демографических, культурных и социально-политических факторов. Например, исследование Сесилии Айон показывает современную практику (матерей и отцов мексиканского происхождения) просвещения детей о родословной семьи с целью адаптации в межэтнической среде⁸⁰⁹. Выборка из 300 родителей-иммигрантов (80% из которых были матерями, в среднем показателе имеющими по 3 ребенка) выявила низкий уровень недоверия и высокий уровень стремления к культурному просвещению как эффективному пути осознания детьми культурных сходств и различий в межэтническом мире.

Педагогические культурные практики направлены на формирование культурных потребностей в самопознании и активном познании окружающего мира (посредством игрового взаимодействия с материально-предметной средой, с помощью преподавателя-медиатора, а также побуждения самостоятельного интереса к познанию смысла окружающих феноменов). Ярким примером философско-педагогической рефлексии о роли культурных практик в школьном образовании являются научные работы Наты Борисовны Крыловой⁸¹⁰, где культурные практики (в узком значении) представлены как *определенный набор способов действий: исследовательские, социально-ориентированные, организационно-коммуникативные, художественные.* Они развивают самостоятельную деятельность, формирующую уникальный индивидуальный опыт: «Культурные практики – это обычные для ребенка, повседневные и привычные способы самоопределения и самореализации, тесно связанные с экзистенциальным содержанием его бытия и со-бытия с другими людьми»⁸¹¹. В

Hughes D., Rodriguez J., Smith E.P., Johnson D.J., Stevenson H.C., Spicer P. Parents' ethnic-racial socialization practices: a review of research and directions for future study // *Developmental psychology*. 2006. Т. 42. №. 5. P. 747.

⁸⁰⁸Bugental D.B., Grusec J.E. Socialization processes // *Handbook of Child Psychology*. 2007. Vol. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9780470147658.chpsy0307>

⁸⁰⁹ Ayón C., Tran A.G.T.T., Nieri T. Ethnic–racial socialization practices among Latino immigrant families: A latent profile analysis // *Family Relations*. 2019. Т. 68. №. 2. P. 246–259.

⁸¹⁰ Крылова Н.Б. Развитие культурологического подхода в современной педагогике // *Личность в социокультурном измерении: история и современность: Сб. статей*. М.: Индрик. 2007. С. 132-138.; Крылова Н.Б. Культурная парадигма как основа развития современной школы // *Школьные технологии*. 2008. №. 3. С. 51–54.

⁸¹¹ Крылова Н.Б. Свободное воспитание в семье и школе: культурные практики детей. М.: Сентябрь, 2007. С. 13.

широком же понимании *практики есть путь развития универсальных культурных умений*, в число которых входят «... принятие и освоение культурных норм общества, к которому принадлежит ребенок; принятие общезначимых (общечеловеческих) культурных образцов деятельности и поведения»⁸¹².

С 2010–х годов понятие «культурные практики» в аспекте игрового взаимодействия стало широко применяться в дошкольном образовании. Так, Александра Анатольевна Фенькина⁸¹³ пишет: «Игровая деятельность дошкольников как культурная практика, представляя собой *интегративное* явление, обеспечивает удовлетворение актуальных запросов ребенка и общества за счет *ориентации на потенциальные социальные возможности детей*. Эта деятельность как *образовательное средство* «шагает» в ногу со временем и ориентирована на реализацию культурологического подхода в дошкольном образовании в рамках культурологической парадигмы»⁸¹⁴. Сегодня в дошкольной педагогике культурные практики активно обсуждаются как *основной способ организации образовательной деятельности*: ребенок осваивает новый культурный опыт; он нацелен на творчество, формирование и продуктивную деятельность для самостоятельной пробы моделирования действительности. В технологию организации культурных практик заложена поисково-исследовательская (проблемная) ситуация, в которой обсуждаются варианты решения, вывод наглядно моделируется (чертеж, рисунок и пр.) (см. О.В. Солнцева⁸¹⁵, В.Б. Толстова⁸¹⁶).

В научных работах последних лет речь идет уже о необходимости стандартизации процесса организации культурных практик детей дошкольного

⁸¹² Крылова Н.Б. Введение в методологию индивидуального образования // Новые ценности образования. 2005. Т. 21. №. 2. С. 28.

⁸¹³ Фенькина А.А. Модель организации игровой деятельности дошкольников как культурной практики // Евразийский Союз Ученых. 2015. №. 11-2 (20). С. 69–73.

⁸¹⁴ Фенькина А.А. Игровая культурная практика как жизнь дошкольника // Педагогическое образование в России. 2014. №. 5. С. 26.

⁸¹⁵ Солнцева О.В. Культурные практики как способ организации образовательной деятельности [Электронная ресурс]. URL: <https://ds62spb.ru/images/pedagogi/solntseva-kult-praktiki.pdf>

⁸¹⁶ Толстова В.Б. Овладение специфическими культурными практиками детей раннего возраста-основа формирования универсальных культурных умений // Образование и наука в России и за рубежом. 2017. №. 3. С. 21–24.

возраста (см. И.С. Гармаева⁸¹⁷). *Культурные практики становятся средством позитивной социализации и дифференцируются по видам деятельности: интеллектуальная, творческая, игровая, спортивно-оздоровительная, социально-бытовая* (см. А.В. Шипова⁸¹⁸). В качестве современной культурной практики предложено медиаобразование (см. А.Н. Коробкина⁸¹⁹). Автор также считает, что культурная практика является процессом формирования знаний, ценностей и компетенций, необходимых для социализации.

Лингвистические культурные практики направлены на широкую социализацию, в которой понимание значений и смысла может происходить посредством объект-языка (читательская идентичность) и субъект-языка (культурная идентичность).

Чтение как особая культурная практика проанализировано в ряде статей Маргаритой Юрьевной Гудовой⁸²⁰. Опираясь на идеи П. Бурдьё, автор формулирует определение множественности культурных практик, возникающих в процессе взаимодействия объекта (чтения) и субъекта (агента чтения), как способов действий в пространстве культуры. При этом методологически можно зафиксировать три момента: 1) исследование субъекта – «... описание агента чтения, его снаряжения и операциональных навыков, языка, на котором он характеризует свою практику, ценностей, формирующихся у агента в процессе практики и его читательской идентичности»; 2) описание социокультурного фона, на котором осуществляется практика, то есть «... условий, определяющих практику чтения»; 3) выявление тех изменений, которые произошли в процессе взаимодействия «... в отношении самого читателя, языка описания практики, и практических операциональных навыков агента чтения, а также в отношении

⁸¹⁷ Гармаева И.С. Стандартизация требований к профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования в организации культурных практик детей дошкольного возраста // Дошкольное образование в современном изменяющемся мире: теория и практика. 2018. С. 59–68.

⁸¹⁸ Шипова А.В. Культурные практики как средство социализации ребенка // Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход. / под ред. О. Е. Нестеровой [и др.]. М.: Перо, 2016. С. 183–188.

⁸¹⁹ Коробкина А.Н. Медиаобразование как дискурс и современная культурная практика // Теория и практика общественного развития. 2013. №. 11. С. 398–400.

⁸²⁰ Гудова М.Ю. Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №. 30. С. 100–104; Гудова М.Ю. Культурная практика досугового чтения в современной информационной культуре // Теория и практика общественного развития. 2012. №. 12. С. 374–376.

текста и форм его бытования»⁸²¹. М.Ю. Гудова особо подчеркивает, что в процессе (книжное, экранное, аудиочтение) взаимодействия субъекта с тем или иным объектом *прежняя социокультурная идентичность обязательно преобразуется*: «Сравнительный анализ показал, что в процессе осуществления каждой практики при использовании особого снаряжения формируется иной тип социокультурной идентичности читателя. В практике традиционного книжного чтения – идентичность образованного, грамотного книголюбителя. В практике экранного чтения складывается идентичность мобильного, технически обеспеченного, «продвинутого» интеллектуала, читающего с экрана гаджета. В практике аудиочтения – это идентичность обособившегося в толпе мобильного и независимого адепта аудиочтения. Методология исследования множественных практик чтения показывает их не противоречивость, а взаимодополняемость внутри единой сложноорганизованной системы, способность производить социальный эффект в стратификации общества (по уровню владения информационно-медийной грамотностью) и выполнять социально организующую функцию культуры»⁸²².

Лингвистические культурные практики в российской и зарубежной литературе понимаются как сущностное отношение «высказывания и его понимания», но имеют разные научные определения. У соотечественников это область разработки «межкультурной коммуникации», имеющая ярко выраженный прикладной аспект (этнолингвистика, кросс-культурные исследования языковых диалектов и т.д.). Мира Борисовна Бергельсон, доктор филологических наук, профессор, отмечает, что лингвокультурные практики направлены на освоение коммуникативно-знаниевых навыков (профессиональных, социальных и межличностных): «Эти знания должны быть освоены таким образом, чтобы изменить некоторые коммуникативные и культурные презумпции и повлиять тем

⁸²¹ Гудова М.Ю. Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования // Вестник культуры и искусств. 2014. №. 3 (39). С. 83–84.

⁸²² Там же, с. 86.

самым на поведение людей в ситуациях межкультурного общения»⁸²³. За рубежом это новая научная ветвь междисциплинарного характера по разработке метакультурной компетенции – ключу к успешной межкультурной коммуникации⁸²⁴. Фарзад Шарифиан⁸²⁵, профессор, разработчик теории культурной лингвистики, отмечает: «Культурная лингвистика предлагает теоретическую и аналитическую структуру, которая фокусируется на изучении особенностей языка, которые кодируют концептуализации, основанные на культурный опыт докладчиков. Основная предпосылка, лежащая в основе подхода культурной лингвистики, заключается в том, что определенные особенности человеческих языков укоренились в таких культурных концептуализациях, как культурные схемы, культурные категории и культурные метафоры»⁸²⁶.

Несмотря на разность российского и зарубежного подходов, в них можно определить три традиционные лингвокультурные практики социоцентрического качества:

- изучение иностранных языков как способа включения в мировую сеть межкультурных процессов и отношений;
- глубинное изучение языка первичной культуры для обретения необходимого набора компетенций и последующей успешной социализации (в т.ч. профессиональной);

⁸²³ Бергельсон М.Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 166.

⁸²⁴ Шарифиан Ф., Лебедева И.Л. Культурологическая лингвистика и межкультурная коммуникация // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 3. С. 80–97.

⁸²⁵ Sharifian F., Palmer G.B. Applied cultural linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication. John Benjamins Publishing, 2007. Т. 7. 170 p.; Sharifian F. Cultural linguistics and intercultural communication // Language and intercultural communication in the New Era. 2013. P. 60–79; Sharifian F. Advances in cultural linguistics // Approaches to language, culture, and cognition. Palgrave Macmillan, London, 2014. P. 99–123; Sharifian F. Cultural linguistics and world Englishes // World Englishes. 2015. Т. 34. № 4. P. 515–532; Sharifian F. Cultural linguistics and linguistic relativity / Language Sciences. 2017. Т. 59. P. 83–92; Sharifian F. Cultural linguistics: The state of the art // Advances in cultural linguistics. 2017. P. 1–28.

⁸²⁶ Sharifian F. Cultural linguistics and linguistic relativity // Language Sciences. 2017. Т. 59. P. 83.

– сохранение и воссоздание исчезающих родных языков для поддержания этнокультурного разнообразия в поликультурном мире (например, исчезающие языки коренных малочисленных народов).

Художественные культурные практики направлены на восстановление, возрождение и воссоздание союза (объединения) человека с другими людьми и социумом в целом посредством сохранения, производства и потребления произведений искусства (кино, театр, музыка, литература, хореография, видео).

В.И. Жуковский, философ, искусствовед и художник, автор современной теории изобразительного искусства⁸²⁷, так определяет функциональную взаимосвязь практик с социальными институтами «1) производящими ценности изобразительного искусства для системы социального взаимодействия (это сеть социальных институтов художественного образования – школ, училищ, институтов и т.д.); 2) занимающимися демонстрацией, изучением и сохранением творческих изделий (музеи, галереи, выставочные залы, библиотеки, научно-исследовательские отделы и лаборатории, реставрационные мастерские и пр.); 3) организующими площадки по купле-продаже творческих продуктов, определению их подлинности или поддельности, художественной ценности и меновой стоимости, что связано с деятельностью особой категории уникальных экспертов изобразительного искусства (искусствоведов-знатоков, критиков, кураторов, арт-менеджеров и т.п.), наличием печатных изданий по искусству (книги, художественные каталоги, журналы, видеофильмы, интернет-сайты, порталы и др.)»⁸²⁸. В узком понимании художественные практики реализуются в прикладных видах деятельности: художественной самодеятельности, народном творчестве, декоративно-прикладном искусстве.

За последние десять лет возросла роль социально значимых художественных культурных практик, которые ориентированы на формирование новых культурных образцов и новых моделей реальности, на получение социального опыта переживания через активное взаимодействие с произведениями

⁸²⁷ Жуковский В.И. Теория изобразительного искусства: монография. СПб.: Алетейя, 2011. 496 с.

⁸²⁸ Жуковский В.И. Производство искусства; концептуальный стержень художественной культуры // Художественное образование и наука. 2015. №. 4. С. 26.

визуального искусства, для идентификации и самоидентификации в процессе освоения художественного пространства современной культуры (см. М.И. Ильбейкина⁸²⁹). Одним из ярких примеров является мировая популярность партиципаторных практик, в которых содержится идея контакта, коммуникации, сотрудничества, взаимодействия, выстраивания нового социального качества и социальных отношений в художественных проектах (см. А.Н. Балаш⁸³⁰). Современные художественные практики становятся посредниками (медиумами) *в производстве взаимоотношений* между людьми, позволяют налаживать взаимодействие между ними (см. Н. Буррио⁸³¹). Тенденция в потребности художественных практик социоцентрического качества отмечена венским ученым Тасосом Зембиласом: «В качестве катализатора социальных взаимодействий искусство может либо вызывать общественные конфликты и создавать разногласия, либо способствовать взаимопониманию и укреплять коллективные связи. Все это основано на практике, которая развивается и изменяется в соответствии с социальным взаимодействием, культурной динамикой, а также технологическими и экономическими линиями»⁸³².

Культурные практики по сохранению этнической и культурной уникальности, воспроизводству аутентичного культурного наследия имеют особую значимость как для понимания как интегративного характера самих практик, так и специфики их социально-конструктивной природы. В начале XXI века ученые (культурологи, социологи, психологи, кросс-культурные психологи, антропологи) сошлись во мнении о том, что культуры современных сообществ разнообразны, они взаимодействуют и изменяются в процессе адаптации к совместному проживанию⁸³³. Прежние термины: «малая группа», «этническое меньшинство», «национальные меньшинства» – заменены словом

⁸²⁹ Ильбейкина М.И. Современные музейные практики: 2000-2012гг [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. №. 1. С. 399. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8403> (дата обращения 08.04.2020)

⁸³⁰ Балаш А.Н. Реляционная эстетика в контексте современных культурных практик // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. №. 4 (37). С. 98–101.

⁸³¹ Буррио Н. Реляционная эстетика. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.

⁸³² Artistic practices: Social interactions and cultural dynamics / T. Zembylas (ed.). Routledge, 2014. 216 p.

⁸³³ Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambridge University Press, 2002. 588 p.

«этнокультурная группа», более адекватным для объяснения системы множества культурных групп с устойчивыми социальными связями и общей социальной жизнью. Согласно точке зрения Н.П. Копцевой: «Каждая этнокультурная группа имеет возможность сохранять чувство своей культурной уникальности и занимать свое собственное место в социальной культуре, которая характеризуется некоторыми общими (конвенциональными) нормами: экономическими, политическими, юридическими соглашениями относительно того, как жить вместе различным этнокультурным группами»⁸³⁴.

На основании теорий о социальной идентичности (Г. Тешфел), стратегиях идентичности в процессе самоидентификации (К. Камильери⁸³⁵) и типах аккультурационных стратегий этнокультурных групп (Дж. В. Берри⁸³⁶) в процессе межкультурных отношений этнокультурная идентичность формируется по двум параметрам: 1) идентификация с собственным наследием или с этнокультурной группой (этническая самоидентификация) и 2) идентификация с большим или доминирующим обществом (этническая идентификация). В зависимости от доминанты к сохранению своего или принятию другого определяется стратегия поведения (аккультурация, ассимиляция, сепарация или маргинализация). Согласно теории Г. Тешфеля, понятие социальной идентичности центральное для понимания межкультурных отношений: 1) благодаря ей формируется ценностное и эмоциональное знание о своей группе, 2) она мотивирует на социальное сравнение своей и других групп для достижения положительной социальной идентичности. Второй аспект чрезвычайно важен для поддержания межкультурного отношения: если сравнение приводит к положительной этнокультурной идентичности, то люди стремятся её сохранить или коллективно

⁸³⁴ Копцева Н.П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // Социодинамика. 2013. № 12. С. 1–16.

⁸³⁵ Camilleri C., Malewska-Peyre H. Socialization and identity strategies // Handbook of cross-cultural psychology. 1997. Т. 2. Р. 41–67.

⁸³⁶ Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied psychology. 1997. Т. 46. №. 1. Р. 5–34; Brewer M.B. The social self: On being the same and different at the same time // Personality and social psychology bulletin. 1991. Т. 17. №. 5. Р. 475–482.

усилить свою культурную уникальность и свое культурное наследие в процессах культурных изменений.

Обобщение выводов ряда исследований приводит к пониманию, что культурные практики этнических групп имеют прямое отношение к выявлению процессов развития и сохранения их этнокультурной уникальности (см. С.В. Бранч⁸³⁷; Дж. Берри⁸³⁸, М.Л. Грин⁸³⁹; С.Э. Френч⁸⁴⁰, Л. Кианг⁸⁴¹, Дж. С. Финни⁸⁴²).

Среди российских исследований достаточное количество посвящено анализу средств, способов и практик формирования этнокультурной идентичности у северных народов. Так, важная роль отведена языку как средству формирования и сохранения этнической идентичности среди коренных народов, живущих в мультикультурной среде и соседствующих с численно преобладающими этническими группами (см. Н. Мельникова⁸⁴³). Анализируется деятельность, связанная с декоративно-прикладным искусством как механизмом формирования и поддержания этнической идентичности современных представителей индигенных народов (см. Н.И. Лобакова⁸⁴⁴), другие практики сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов в период постсоветского времени (см. Н.Н. Пименова⁸⁴⁵), и современные процессы сохранения этнической

⁸³⁷ Branch C.W. The many faces of self: Ego and ethnic identities // *The Journal of genetic psychology*. 2001. Т. 162. №. 4. P. 412–429.

⁸³⁸ Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge University Press, 2002. 588 p.

⁸³⁹ Greene M.L., Way N., Pahl K. Trajectories of perceived adult and peer discrimination among Black, Latino, and Asian American adolescents: patterns and psychological correlates // *Developmental psychology*. 2006. Т. 42. №. 2. P. 218–236.

⁸⁴⁰ French S.E., Seidman E., Allen L., Aber J.L. The development of ethnic identity during adolescence // *Developmental psychology*. 2006. Т. 42. №. 1. P. 1–10.

⁸⁴¹ Kiang L., Yip T., Gonzales-Backen M., Witkow M., Fuligni A.J. Ethnic identity and the daily psychological well-being of adolescents from Mexican and Chinese backgrounds // *Child development*. 2006. Т. 77. №. 5. P.1338–1350; Kiang L., Witkow M.R., Baldelomar O.A., Fuligni A.J. Change in ethnic identity across the high school years among adolescents with Latin American, Asian, and European backgrounds // *Journal of youth and adolescence*. 2010. Т. 39. №. 6. P. 683–693.

⁸⁴² Phinney J.S., Ong A.D. Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions // *Journal of counseling Psychology*. 2007. Т. 54. №. 3. P. 271–281.

⁸⁴³ Melnikova N., Carlsdotter S.E. Formation of ethnic identity and preservation of the language of indigenous peoples: on the example of the Evenks and Yukagirs of the village of Nelemnoye // 2018. P. 89-95.

⁸⁴⁴ Libakova N.M., Sertakova E.A. Formation of ethnic identity of the indigenous peoples of the North in arts and crafts on the example of bone carving // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. Т. 4. № 8. P. 750–768.

⁸⁴⁵ Пименова Н.Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // *Человек и культура*. 2014. № 2. С. 28–66.

идентичности коренных народов (см. Н.П. Копцева⁸⁴⁶), а также система культурных практик, одни из которых способствуют, а другие препятствуют формированию определенной этнокультурной идентичности и самоидентичности (см. Н.П. Копцева⁸⁴⁷), и, наконец, – специфика современных художественных практик в построении позитивной этнической идентичности (см. Н.Н. Середкина⁸⁴⁸).

В следующем разделе обратимся к культурным практикам этнических групп Красноярского края, что вызвано двумя причинами: 1) регион представляет собой этнокультурную палитру из проживающих в нем представителей 159 этносов, 2) некоторые группы особенно ярко манифестируют свою этнокультурную уникальность в поликультурном региональном пространстве.

3.2.2. Культурные практики этносов Красноярского края

Важным источником информации и материалом для исследования стал «Этноатлас» (ред. Р.Г. Рафиков⁸⁴⁹), в статьях которого дано описание истории формирования этнического пространства Красноярского региона, хозяйствования и быта, расселения и динамики численности отдельных народов. В ходе исследования сделана попытка градации культурных практик по уровням идеалообразования: передаче, воспроизводству и созданию социоцентрических идеалов. Стимулами для проведения обзора стали вопросы: посредством каких культурных практик этносы поддерживают развитие своей культурной самобытности? Оказывают ли культурные практики этнических групп взаимовлияние в межэтническом пространстве?

Первичный анализ материалов «Этноатласа» показывает, что национальный состав населения Красноярского края, как и всего Сибирского макрорегиона Российской Федерации, достаточно разнообразный – это результат сложных

⁸⁴⁶ Копцева Н.П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия // Человек и культура. 2014. № 1. С. 17–30.

⁸⁴⁷ Копцева Н.П., Лобакова Н.М. Гигиена как культурно-антропологическая практика сохранения и трансляции культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 646.

⁸⁴⁸ Sereckina N. The Construction of a Positive Ethnic Identity in the Current Artistic Practices: doctor of Philosophy. Department of Cultural Studies, Institute of Humanities, Siberian Federal University. Krasnoyarsk, 2016. 95 p.

⁸⁴⁹ Этноатлас Красноярского края / ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: Поликор, 2018. 240 с.

исторических, демографических, политических, экономических, социокультурных процессов. Большая часть жителей региона – потомки пришлых народов, переселенцы из европейской части России и бывших республик СССР: русские и украинцы, татары и чувашаи, немцы, поляки, белорусы, армяне, киргизы и так далее.

По данным Красноярскстата на 1 января 2018 года численность населения Красноярского края составляет 2 876 360 человек, причем по этому показателю край занимает тринадцатое место среди всех субъектов РФ и первое в Сибирском федеральном округе⁸⁵⁰.

Национальный состав (% от общей численности населения), по данным Всероссийской переписи 2010 года, представлен группами: русские (88,08%), украинцы (1,34%), татары (1,23%), немцы (0,79%), азербайджанцы (0,58%), белорусы (0,35%), чувашаи (0,38 %), армяне (0,38 %), киргизы (0,30%), узбеки (0,23%), таджики (0,23%), мордва (0,15%), марийцы (0,12%), башкиры (0,11%), тувинцы (0,10%), лезгины (0,10%), молдаване (0,10 %), хакасы (0,15%), эстонцы, эстонцы-сету (0,08%), латыши (2,184 – 0,07%). Кроме того, численность коренных малочисленных народов Севера, по той же переписи, составляет: долганы (0,21 %), эвенки (0,16%), ненцы (0,13%), якуты (0,05%), кеты (0,03%), нганасаны (0,02%), селькупы (0,01%), энцы (0,01%), чулымцы (0,01%).

Для выявления особенностей культурных практик этнических групп Красноярского края рассмотрены десять наиболее многочисленных этносов. Обзор дан по пяти параметрам: язык, питание, уклад жизни, обычаи, традиционное жилище.

У русского населения Красноярского края сохранение культурных традиций происходит более всего в образовательном процессе, в деятельности учреждений культуры, музеев и библиотек, профессионального искусства и народной самодеятельности, различных общественных институтов. В восемнадцати учебных заведениях (средние образовательные школы, кадетские корпуса,

⁸⁵⁰ Красноярскстат [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республика Хакасия и Республика Тыва. URL: www.Krasstat.gks.ru/ (дата обращения 10.04.2020).

Мариинские женские гимназии, казачьи школы и кадетские классы) с 2017 года введены предметы, направленные на освоение этнической грамотности: «Православная культура», «История казачества», «Развитие русской этнической мысли»⁸⁵¹. Для поддержания знания родного языка для школьников проводится Всероссийская олимпиада, а с 2016 года в регионе идет краевой межнациональный конкурс «Наш русский язык» по различным номинациям. Проявление *практики по воспроизводству этнокультурного знания* – музеефикация памятных мест в среде современного города. Информация об известных русских красноярцах, их деятельности и творчестве сохраняется в центральной (исторической) части города в виде объектов деревянного зодчества и памятников регионального культурного значения (музей-усадьба художника В.И. Сурикова, дом-музей и памятник самобытного художника А.Г. Поздеева, усадьба-дача известного библиографа Г.В. Юдина, музей художника Б.Я. Ряузова, Дворец спорта двухкратного олимпийского чемпиона И.С. Ярыгина). К *практикам по сохранению русских традиций и обычаев* отнесем регулярные фольклорные праздники, фестивали и конкурсы: Масленица, Дни славянской письменности и культуры, «Играй гармонь, звени частушка»⁸⁵² и т.д. Тема русской культуры обсуждается в рамках научных мероприятий (научно-практические конференции, круглые столы филологов-славистов и русистов, Астафьевские чтения, фестивали «драматургов-деревенщиков»), а также представлена событиями с ярко выраженной «русской» культурной составляющей (фестиваль «Рождественские образовательные чтения», Пасхальный фестиваль искусств и благотворительности, фестиваль «Сретение в Сибири», фестиваль духовной культуры «Покровские встречи», гуманитарно-просветительский форум «Славянская душа», просветительский цикл «Русские вечера»). Социокультурный аспект присутствует в краевых мероприятиях: «Русские на Енисее: 400 лет служения Отечеству» (г.Енисейск), Дни русской духовной культуры в Красноярском крае (г.Минусинск), «Русские забавы»

⁸⁵¹ Этноатлас Красноярского края, с. 34.

⁸⁵² Там же.

(Емельяновский район). Популяризацию собственных традиций и культуры осуществляют казачьи объединения и национально-культурные общества (общество русской культуры «Русло», общественная организация культурного наследия русского общества «Единство»). Силами общественной организации по сохранению культуры русских старожилов Сибири «Кежемское землячество» ежегодно проводятся Фестиваль старожильческих народов Красноярского края и «День благодарения малой родины». Общественная организация по развитию русских традиций и сибирской самобытности «Живая старина» представляет различные аспекты национальной самобытности русских в Сибири (традиционные песни, костюмы, обряды, этнографические мастер-классы)⁸⁵³. Что касается культурных практик по сохранению и воспроизводству традиционного питания и жилища, то с начала XXI века эти процессы в связи с урбанизацией сохраняются в основном семейном быту. Культура русской пищи проявляется в лепке пельменей, заготовке солений, собирательстве кедровых орехов, черемши и т.д. Этнические особенности народного творчества можно увидеть в некоторых домах, расположенных в загородных поселках и деревнях (срубные избы, деревянные четырехскатные крыши, ставни и наличники с художественной резьбой и т.д.).

Украинской этнокультурной группе характерны культурные практики, связанные с *сохранением традиций* национальной кухни как устойчивого компонента народной культуры, выраженного в выборе блюд, способах приготовления, поведенческих стереотипах, режиме питания и застольном этикете. Преобладание растительной и мучной пищи способствовало широкому распространению украинских блюд: борщ, галушки, вареники, каша, пампушки с чесноком, пироги с разной начинкой и лепешки. Национальными напитками являются компот из сухофруктов (узвар), квас, кисель. *Воспроизводят* украинский быт элементы обрядовой жизни: свадебные чины с разделом караваея, колядование; щедрование и ряжение на Новый год; катание на лошадях, санках, угощение блинами, варениками – на Масленицу (проводы зимы). Сюда же

⁸⁵³ Там же, с. 34.

относится народное творчество украинцев: изобразительное, песенно-музыкальное, хореографическое, словесный фольклор. К созданию социокультурных идеалов имеют прямое отношение общественные объединения украинцев. Красноярское национально-культурное общество «Барвинок» проводит большую работу по сохранению и развитию национальной культуры, традиций и родного языка: хоровая деятельность (хор «Барвинок», песенно-коллективный ансамбль «Водограй»), проведение краевого фестиваля «Украинские песни над Енисеем», мероприятия, направленные на поддержание этнокультурных связей украинцев Красноярского края, а также (в дни фестивалей и городских праздников) выставки традиционных украинских блюд, картин, вышивок, поделок. Украинцы особо почитают праздники, знаменательные даты и события из жизни украинского народа: Рождество, Пасха (Вэлык дэнь), День независимости Украины, освобождение Украины от фашистских захватчиков.

Татарской этнокультурной группе присущи три вида культурных практик: сохранение уклада жизни, передача новым поколениям традиционных обычаев, воспроизводство татарского языка. Дополнить список можно практикой питания (мясная пища, медовые угощения, плов, чай) и национальной религиозностью традиций семейно-бытовых отношений (устойчивость браков, уважение к родителям, почитание бабушек и дедушек, тесные связи с родственниками и взаимопомощь, воспитание детей). Сохранение национальных традиций и культуры происходит благодаря множеству татарских национально-культурных автономий, имеющих региональное представительство (РНКА «ЯР») и молодежную организацию («Кызыл Яр»). Этнокультурному самосознанию способствуют «Курултай» – съезд татарского народа Красноярского края, на котором обсуждаются и принимаются важные для культурной автономии решения. Языковые традиции передаются посредством семинаров-практикумов по татарскому языку, выпусков газеты «Нур» («Луч») на двух языках (русско-татарский), регулярных практик летнего отдыха детей и молодежи в языковых лагерях республики Татарстан, а также через пополнение региональных библиотечных фондов литературой на татарском и русском языках. Народные

традиции имеют большое значение, поэтому в шестнадцати городах и районах края действуют татарские фольклорные объединения. Проведение праздников способствует бытованию культуры, традиций, обычаев и языка татарского народа и одновременно развитию сотрудничества между жителями Красноярского края (религиозные праздники Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, народный Сабантуй). Особо необходимо отметить практики религиозной культуры Ислама, способствующей воспроизводству одной из мировых религий. Так, с 2017 года в регионе действует уже двадцать религиозных организаций, тридцать мечетей и молитвенных домов в одиннадцати городах и шести районах края.

Немецкой этнокультурной группе свойственны практики, направленные на передачу знаний об этнокультурной самобытности (уклада жизни). Празднование религиозных (Рождество, Пасха, Троица, Новый год), национальных праздников и памятных дат (праздник весны, День матери, День памяти – 28 августа, праздник урожая и пр.). *Воспроизводством ценностей этнокультурной группы* занимаются национально-культурные объединения, общей целью которых является возрождение родных традиций, культуры и языка на всей территории Красноярского края (местные НКА в городах Красноярске, Канске и Лесосибирске, семь центров немецкой культуры в различных муниципалитетах центральной и северной части края). Интересен тот факт, что в названии автономии «Российские немцы» подчеркнута их этническая и национальная самоидентичность, что выявляет аккультурационную стратегию поведения. Языковые практики содержатся в различных видах социокультурной деятельности: зимние и летние лингвистические лагеря для детей (например, с 1998 года Минусинский Центр народной культуры проводит летний лингвистический лагерь «Югендкрайс»), языковые группы и курсы, библиотечные фонды, специализированные немецкие классы в двух средних школах (дер. Николаевка Краснотуранского района, г.Красноярск) и одном дошкольном учреждении (г. Минусинск). Культурные практики по сохранению и передаче этнокультурных ценностей сосредоточены в действующих клубах по досуговой деятельности всех возрастных групп (вокал, хор, танцы, спорт, театр, флористика, рисование,

вязание, национальная кухня, туризм, журналистика, связь с исторической родиной, история, краеведение и т. п.). С этими практиками можно сравнить метод «языковых гнезд», благодаря которым в процессе живого общения «напрямую» передаются ценности этнокультурной группа. Так, в 2018 г. региональная НКА начала реализацию проекта «Мосты – создание открытых возможностей для детей и молодежи в изучении национальной истории, культуры, и спорта народов, проживающих в Красноярском крае». Ежегодно проводятся: праздник «Адвент», фестиваль традиций и культур российских немцев, фестиваль театральных постановок. Работают творческие коллективы: струнный ансамбль В.Зейферта, вокальная группа под руководством А. Шендрика, детские музыкальные, фольклорные и танцевальные. Дополняет обширный список культурных практик деятельность немецких лютеранских общин, благодаря которым развивается духовность общества через регулярное отправление обрядов и культа.

Этнокультурная группа азербайджанцев имеет две ярко выраженные этнокультурные практики, направленные на *воспроизводство традиционного уклада жизни и сохранение обычаев*. *Крепкие связи с исторической родиной* позволяют использовать малое количество практик. *Традиционный уклад жизни* проявлен через культивирование традиционной пищи (лепешки-чуреки, лаваша, более пятидесяти видов плова, бозбаш, хамраши, довга, сладкие угощения из пахлавы, виноградного сиропа, напитки из чая, щербета и айрана). *Сохранению обычаев диаспоры* способствует празднование Навруза, Дня солидарности азербайджанцев всего мира, Дня независимости Республики Азербайджан, Курбан-Байрам и Ураза-Байрам; организация таких мероприятий, как День Республики Азербайджан в Красноярском крае, национальный «Праздник граната» («Нар байрамы»), День России, День Победы. Каждый праздник сопровождают творческие коллективы, национальные подворья, выставки национальных костюмов и блюд национальной кухни. *Высокий уровень этничности* проявлен в языковом общении в кругу семьи и родственников (по статистике 2012 года 91% азербайджанцев Красноярского края владеют родным

языком). Огромное значение имеют национально-культурные объединения, существующие на территории всего региона с 1990-х годов, в 2004 году формируется «Азери» – местная азербайджанская национально-культурная автономия, объединяющая соотечественников в Ачинском, Шарыповском, Березовском районах. *Сохранение и развитие национальных традиций и культуры* происходит благодаря деятельности Азербайджанского культурного центра, организующего краевые и муниципальные культурные события (международный фестиваль «Сроднила нас Сибирь» и «Содружество на Енисее»). Отсутствуют практики по сохранению традиционных занятий (хлопководство, виноградарство, шелководство, отгонное овцеводство, разведение крупного рогатого скота), воспроизводства традиционного жилища (каменные дома с плоскими крышами) в связи с климатическими факторами Сибири.

Этнокультурная группа белорусов проявляет свою самобытность в традиционной бытовой культуре, их обычаи – яркие элементы этнического самоопределения. Большой календарный обрядовый цикл определяет многообразие народных традиций в виде празднования Святков (Каляда с участием ряженых, колядованием и щедрованием), Пасхи (Вяликдзень с волочечными песнями и пожеланиями счастья, здоровья и приплода скота), Троицы (Семуха), Рождества, Масленицы, дня Ивана Купалы (Купалье с кострами, гаданием, поиском цветов папоротника), Дзяды (день поминовения усопших). Родильные, свадебные и похоронные обряды тоже имеют свою специфику. Практики по сохранению и развитию родного языка, культуры и традиций с 1997 года создает белорусская национально-культурная автономия «Беларусь» г. Красноярска и ряд местных автономий в городах Дивногорске, Минусинске. Благодаря их деятельности ежегодно проводятся белорусские народные праздники и памятные даты. *Художественные практики* проявляются в организации выставок красноярских художников-белорусов В. Бычинского, А. Мигаса, А. Знака, М. Тонкаль. Как и в азербайджанской группе, белорусы поддерживают тесные взаимоотношения с исторической родиной. Так, в 2010

году открыто Посольство Республики Беларусь в Красноярске, что способствовало активизации дружественных связей.

Этнокультурная группа чувашей поддерживает практики по сохранению традиций, обычаев, культуры своего народа. *Сохранение самобытности* происходит благодаря существованию в Красноярском крае двенадцати сел и деревень компактного проживания этноса. При сообществах организованы и действуют двадцать два ансамбля художественной самодеятельности, функционируют три сельских чувашских музея, три библиотеки и одна фонотека. В чувашских деревнях широко распространены национальная вышивка и резьба по дереву. Женщин старшего поколения сегодня в селах можно увидеть в национальном костюме. Характерный для традиционного проживания этноса деревенский образ жизни способствует *укреплению родственных связей*. В календарных праздниках переплелись православные и языческие традиции (праздник весенней пахоты Акатуй, праздник урожая Чуклеме). *Самоидентичность* чувашей во многом сложилась благодаря процессу общественной самоорганизации чувашского сообщества Красноярского края с 1980-х гг. и её развитию с 2003 г. в виде региональной НКА и двадцати четырех представительств в городах и районах края. *Языковые практики* актуализированы в ежегодном Дне чувашского языка, когда устраиваются литературные чтения, книжные выставки на чувашском и русском языках, концерты фольклорно-хореографических ансамблей. *Подкрепляющей практикой читательской идентичности* стало издание книги «Чуваши на берегах Енисея» Г.И. Храмова (президент автономии, заслуженный работник культуры Чувашской Республики). *Национально-культурные отношения с исторической родиной* развиваются благодаря практикам, закрепленным в основных документах-соглашениях о сотрудничестве (например, в концепции национально-культурного развития чувашского народа Красноярья, пятилетнем плане развития чувашского этноса на территории региона) и реализуемым в Съездах чувашей всего региона.

Этнокультурная группа армян сохраняет, передает и воспроизводит культурные практики по национальной кухне, армянскому языку, укладу жизни и

обычаям. *Этническая самобытность отражается в национальной кухне*, где сакральное значение имеет хлеб как символ благополучия, играющий большую роль в обрядах жизненного цикла армянского народа. Плов обязателен на свадебных и поминальных столах, обрядовые блюда готовятся из мяса (люля-кебаб, шашлык в лаваше, суджук, бастурма). В семейные традиции входит сохранение кулинарных традиций, в интерьере, как правило, присутствуют вещи, напоминающие об исторической родине (ковры, картины с родными пейзажами, нарды и пр.). *Национальные праздники и памятные даты* связано с армянской историей и современностью: Аманор – Новый год (1 января), Трндез – праздник молодоженов (13 февраля), Амбарцум – День Воскресения Христа, День красоты (7 апреля), День памяти жертв геноцида армян (24 апреля), День Конституции (5 июля), День независимости (21 сентября), День памяти жертв землетрясения в Спитаке (7 декабря). Наряду с этим проводятся Дни армянской культуры в Красноярском крае, Вардавар (аналог Ивана Купалы), праздник сбора винограда, День матери, любви и красоты, «Рифма без границ», мероприятия, приуроченные к годовщинам со Дня геноцида армян.

В Красноярском крае армянская этнокультурная группа – одна из самых многочисленных (наряду с киргизской, азербайджанской, узбекской) среди нерусских этносов. *Высокий уровень самоидентичности* проявлен в знании *родного языка* (владеют 66% армянским и 98% русским), при этом большая часть проживает на территории региона, имея российское гражданство. На армянском языке *ведутся службы в армянских церквях*, работает воскресная школа по изучению родного языка и национальных традиций в Красноярске. *Социоцентричность* проявлена в деятельности армянской национально-культурной автономии «Ехпайрутюн» («Братство») и молодежной организации «Союз армянской молодежи»: совместно ведется работа по сохранению и развитию национальных традиций, культуры, родного языка, укреплению связей с исторической родиной, стабилизации межнациональных отношений и межконфессионального согласия. Религиозная социоцентричность реализуется посредством работы двух армянских храмов («Церковь Святого Саркиса»

Армянской Апостольской церкви, церковь «Сурб Арутюн»), почитаемых горожанами.

Этнокультурная группа киргизов включилась в общественную жизнь региона достаточно поздно (НКЦ «Достук» образован в 2000 г.), однако сегодня ведется активная общественная деятельность по помощи и поддержке соотечественников через культурный центр и общественный центр по адаптации и интеграции мигрантов в Красноярске. С 2016 г. создана местная НКА «Энесей» в г. Норильске (численность города более 150 тысяч человек), в 2018 г. киргизская местная НКА (г. Дудинка). Киргизская автономия активно ведет работу *по сохранению и развитию национальных традиций, культуры, межнациональных отношений, налаживанию деловых и культурных связей* между Красноярским краем и Республикой Кыргызстан. На территории края оказывает благотворительную помощь детским домам, соотечественникам в исправительных колониях региона. Активно проявляется себя молодежная студенческая организация, принимая участие в организации и проведении международного конкурса красоты и талантов «Азия – Сибирь», турнира по футболу «Кубок наций», летнего культурно-спортивного фестиваля «Интерземлячество», межвузовского фестиваля «Студенчество без границ», городского фестиваля «Венок дружбы», игр брейн-ринг и КВН, семинаров, тренингов и др. Руководители киргизских общественных объединений совместно с краевой администрацией при участии дипломатов Республики Кыргызстан и представителей местной диаспоры организовали консульскую структуру для работы с гражданами-киргизами, включая трудовых мигрантов. В созданном в 2017 году общественном центре по адаптации и интеграции мигрантов помимо оказания юридической и консультативной помощи, *преподается русский язык, ведутся занятия с детьми-инофонами*. Для мигрантов были выпущены *двуязычные справочники*, а для детей разработаны специальные уроки. С местным старожильческим населением *проводится культурно-просветительская работа* с целью формирования лояльного отношения к приезжим. Отмечают национальные праздники Навруз (21 марта), День Конституции (5 мая), День

независимости (31 августа), а также мусульманские Орозоайт и Курман айт (Ураза-Байрам и Курбан-Байрам), проводятся мероприятия День Республики Кыргызстан, международные соревнования по борьбе на кубок «Манас», Дни киргизской культуры в Красноярском крае, праздник урожая Оп майда.

Этнокультурная группа узбеков передает свою самобытность посредством *языкового общения* (в 2010 г. в регионе зарегистрировано 93% владеющих родным языком), многие говорят на двух (узбекский, русский) и даже трех (таджикский) языках. Проживают в крупных городах (Красноярск, Ачинск, Норильск). Во многом рост узбекского населения происходит за счет трудовой миграции. С 2001 года образован Красноярский узбекский *национально-культурный центр «Дустлик» («Дружба»)*, а с 2014 г. – узбекские *национально-культурные автономии* г.Красноярска (имеет молодежное отделение «Мир», 2017 г.) и г. Лесосибирска. Культурные практики направлены на *сохранение и развитие национальной культуры, популяризацию лучших традиций узбекского народа, развитие конструктивных межнациональных отношений и межконфессионального согласия*. Реализуются в проведении традиционных праздников (День независимости Республики Узбекистан, Дни узбекской культуры, Навруз, День народов Средней Азии в Красноярском крае) и местного «Ковун сайли» (праздник узбекской дыни).

Выводы параграфа 3.2

Исследование доминирующих культурных практик десяти этнокультурных групп Красноярского края позволило зафиксировать разные уровни процессов социоцентрического идеалообразования.

Союзу, объединению этнокультурной группы способствуют культурные практики, связанные с деятельностью национально-культурных автономий, обеспечивающих как сохранение самобытности этнических культур (организация и проведение совместных календарных национальных и этнических праздников, отмечание памятных дат, воспроизводство элементов национальных костюмов и блюд традиционной пищи), так и создание общинной коммуникации через систему НКА (при краевом охвате) или парном взаимодействии (в краевом

центре отношение этнической группы выстраивает пара из «взрослой» и молодежной НКА). Социоцентрические идеалы культивируются в семейных практиках: общинное участие в праздниках с обязательной трапезой блюд традиционной пищи, особенно в дни календарно-обрядовых праздников.

Почти все этнокультурные группы усиливают лингвистические культурные практики как в дошкольной и молодежной среде (русская, азербайджанская, белорусская, чувашская, армянская, узбекская), так и между поколениями посредством организации культурно-досуговых центров, пополнения библиотечного фонда, издания двуязычных газет, ведения уроков на родном языке в специализированных классах (татарские, немецкие, киргизские). Создание языковых практик важно для сохранения этнообразующего ядра самобытной культуры, а также в развитии межкультурных отношений. Особую роль социоцентрического притяжения имеют лингвистические культурные практики для трудовых мигрантов и детей-инофонов (консультации, лектории по культурному просвещению).

Характерно для этнических групп поддержание связи с исторической родиной. Она может варьироваться от слабой (например, армяне любят украшать свой домашний интерьер привезенными с родины небольшими памятными вещами) до сильной (отделение посольства Кыргызской Республики в РФ) степени выраженности. Целями являются урегулирование вопросов по адаптации и интеграции трудовых мигрантов на территории региона, а также получение актуальной информации для формирования новых адекватных смыслов для развития этногруппы.

Доминирующие культурные практики указывают на актуально ценностные для этногруппы ориентации. Наибольшую силу имеют культурные практики по языковой поддержке, посредством нее сохраняются базовые смыслы этноса и когнитивные значения культурной уникальности. Этнокультурные группы в Красноярском крае создают особые средства для поддержания минимального лингвокультурного разнообразия, необходимого для позитивной самоидентификации и целостности этнокультурной идентичности в пространстве

самобытных культур. Сопутствующими являются практики по сохранению уникального культурного наследия через воссоздание аутентичных культурных вещей и атрибутов, рецептов традиционной кухни, а также обязательном совместном праздновании религиозных и этнокультурных значимых событий.

3.3 Культурные практики коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края

Цель данного параграфа – обращение к региональным культурным практикам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как уникальному процессу социокультурного идеалообразования в период XX – начала XXI века. Актуальность исследования состоит в том, что в современных процессах глобализации культурные практики малочисленных народов находятся в зоне исчезновения, понижается уровень этнокультурного многообразия в экстремальных условиях Арктики.

В начале XX века (с 1930 года) концепция нациестроительства стала основой институционального возвращения этнокультурных форм самосознания путем языкового образования и культурного просвещения северных народов, усиления их традиционных видов хозяйствования (оленоводства, охоты, рыболовства). К концу столетия, в 1990-е годы, традиционные виды природопользования потеряли господдержку, произошла трансформация коренного образа жизни по всем уровням (политическому, экономическому, социальному, профессиональному), потребовались новые решения по сохранению и развитию культурного наследия этнических групп в условиях поликультурного мира.

В начале 2000-х годов⁸⁵⁴ отмечается значительный рост этнокультурного самосознания у всех коренных малочисленных северных народов, что объясняется, с одной стороны, отнесением детей, рожденных в смешанных этнических браках, к числу коренных народностей, с другой – желанием сохранить и возродить художественные и лингвистические культурные практики,

⁸⁵⁴ Данные Всероссийской переписи населения 2002г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 15.04.2020)

этносберегающее ядро культурного наследия. С 2002⁸⁵⁵ года динамика численности северных народов остается стабильной, в связи с чем можно зафиксировать процессы культуuroобразующих и культуросозидающих практик, которые избираются самими этногруппами для сохранения и развития их уникальности (см. К.В. Резникова)⁸⁵⁶.

В основе исследования лежат два вопроса: какие идеалы в настоящее время движут этнокультурную деятельность северных народов? Посредством чего (каких процессов, институтов и пр.) можно продолжить возвращение (сложных) форм этнокультурной идентичности? На материалах о современном состоянии культуры коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Красноярского края (селькупы, ненцы, энцы, долганы, нганасаны, эвенки, кеты, есейские якуты), произведен анализ существующих культурных практик в этнокультурном пространстве одного из самых крупных и разнообразных по этническому составу регионов Российской Федерации. Источниками избраны результаты многолетних полевых исследований, проведенных учеными на территории Красноярского края (2010-2020⁸⁵⁷); материалы «Этноатласа» Красноярского края⁸⁵⁸, а также существующий этнографический материал о коренных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории региона.

Красноярский край – один из наиболее разнообразных и неоднородных по этнокультурному составу регионов, где зафиксированы процессы по сохранению и развитию этнокультурного наследия коренных малочисленных народов Севера⁸⁵⁹. В частности, за последнее десятилетие в научных культурологических

⁸⁵⁵ Данные Всероссийской переписи населения 2010г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 16.04.2020).

⁸⁵⁶ Резникова К.В., Копцева Н.П., Пименова Н.Н. Сохранение и развитие коренных народов циркумполярных территорий: культурно-антропологический анализ // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2010. Т. 3. № 5. Р. 649–666.

⁸⁵⁷ С 2010 г. исследовательская группа под руководством Н.П. Копцевой, профессора, доктора наук, проводят экспедиции в северные территории края с целью изучения процессов сохранения традиционных культур коренных малочисленных народов и определению мер, необходимых для современного развития северных народов.

⁸⁵⁸ Этноатлас Красноярского края, 2018.

⁸⁵⁹ Reznikova K.V., Pimenova N.N., Kistova A.V., Kolesnik M.A., Koptseva N.P., Sitnikova A.A., Petrova K.I. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: The current state // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Т. 12. № 8. Р. 1552–1567.

исследованиях значительное место отведено вопросам этнической идентичности и практикам сохранения этнической идентичности коренных народов, населяющих северные территории⁸⁶⁰. Особое внимание со стороны ученых привлечено к изучению факторов, влияющих на изменение этнической культуры коренных народов, среди которых особо выделяются образовательные ресурсы⁸⁶¹. В области образования решающим фактором сохранения этнической идентичности видится систематическое изучение родных языков⁸⁶². Специалисты фиксируют сдвиг в языковом образовании, ослабление родных языков, необходимость усиления их изучения для сохранения уникального культурного северного наследия⁸⁶³. Ученые-культурологи Сибирского федерального университета и ученые Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева с 2010 года изучают этнокультурные особенности северных народов (эвенков, селькупов, кетов и чулымцев), компактно проживающих на территории Красноярского края, и предлагают возможные решения в создании произведений детской литературы на родных языках северных народов⁸⁶⁴. Социокультурной проблемой в области изучения родного языка до сих пор остается недоступность образовательной среды в местах компактного проживания малочисленных народов. Особое внимание в некоторых

⁸⁶⁰ Koptseva N.P., Kirko V.I. Post-Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation // *Life Sci J.* 2014. Т. 11. № 7. P. 180–185; Libakova N.M., Sertakova E.A. Formation of ethnic identity of the indigenous peoples of the North in arts and crafts on the example of bone carving // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2015. Т. 4. № 8. P. 750–768; Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у тувинцев юга Красноярского края // *Новые исследования Тувы.* 2017. № 1. С. 45–58; Шиманская К.И., Копцева Н.П. Историографический обзор коренных исследований за 2014–2018 гг. // *Сибирский антропологический журнал.* 2018. Т. 2. № 1. С. 43–57; Шиманская К.И. Современные тенденции в научных исследованиях коренных народов Севера // *Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы.* Красноярск: СФУ, 2018. С. 58–64.

⁸⁶¹ Sitnikova A.A., Pimenova N.N., Filko A.I. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the North in higher educational institutions // *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin.* 2018. Т. 4. P. 26–45; Kolesnik M.A., Libakova N.M., Sertakova E.A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East // *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin.* 2018. № 4. P. 237–247.

⁸⁶² Koptseva N.P. Modern concepts of cultural sociodynamics un the context of research of the indigenous people of the north, Siberia and the Far East // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2016. Т. 9. № 1. P. 68–78.

⁸⁶³ Kotorova E.G., Nefedov A.V. The problem of representation of ethnocultural realities of a minority language (on the example of the Ket vocabulary) // *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies.* 2016. Т. 3. № 13. P. 24–32.

⁸⁶⁴ Koptseva N.P., Kirko V.I. Specificity of ethnogeny indigenous people by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society // *Life Science Journal.* 2014. Т. 11. № 8. P. 221–229; Koptseva N.P., Kirko V.I. Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk Region (Eastern Siberia) // *Life Science Journal.* 2014. Т. 11. № 10. P. 489–494.

научных исследованиях уделено теме воспитания и образования детей северных народов. Так, Н.П. Копцева, К.В. Резникова, Н.Н. Пименова, А.В. Кистова отмечают, что культура детства наиболее уязвима в процессах глобальных преобразований двадцать первого века, но именно подрастающее поколение можно мотивировать на сохранение уникальной культуры. Социокультурный аспект находится в зоне риска, поскольку в недалеком будущем традиционная культура коренных народов Красноярского края «будет иметь только виртуально-информационную форму или исчезнет вместе с родными языками культурных групп»⁸⁶⁵. Современные исследователи ставят перед собой задачи сохранения уникального наследия северных народов, глубинного анализа всех аспектов жизнедеятельности в настоящем, прогнозирование развития этнокультурного разнообразия в будущем.

В основе современных научных и полевых исследований коренных малочисленных народов лежит понимание слова «этнос» как «исторически сложившейся на определенной территории устойчивой биосоциальной межпоколенной общности людей, обладающей относительно стабильными чертами и особенностями культуры, осознанием своего единства и отличия от других этносов (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»⁸⁶⁶. Однако в настоящее время, когда проходит этап глубокой (интенсивной и экстенсивной) глобализации, производящей существенные структурные изменения в информационном и реальном измерении, коренным малочисленным народам требуются особые усилия для сохранения их уникальной культурной целостности.

⁸⁶⁵ Koptseva N.P., Reznikova K.V., Pimenova N.N., Kistova A.V. Cultural and anthropological studies of indigenous people of Krasnoyarsk Krai childhood (based on the field studies of Siberian Federal University in 2010–2013) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2014. Т. 7. № 8. P. 1312–1326; Reznikova K.V., Koptseva N.P., Seredkina N.N., Zamaraeva Y.S. Regional specifics of social values and their impact on Central Siberian territories' modernization (based on research of Krasnoyarsk Region) // Economic Annals. 2016. Т. 160. № 7 (8). P. 92–95; Reznikova K.V., Seredkina N.N., Zamaraeva Y.S. Perspective formats for the development of decorative and applied art of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2017. Т. 10. № 10. P. 1573–1593; Reznikova K.V., Zamaraeva J.S., Kistova A.V., Pimenova N.N., Seredkina N.N. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Science. 2015. Т. 6. № 3. P. 225–232.

⁸⁶⁶ Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н.П. Копцева, А.Е. Амосов, Р.Г. Рафиков [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С. 31.

Коренные малочисленные народы Красноярского края по большей части компактно проживают в трех муниципалитетах: Эвенкийском муниципальном районе, Таймырском Долгано–Ненецком муниципальном районе, Туруханском районе. В связи с компактным проживанием на огромных северных территориях региона, малочисленностью этносов, культурной и языковой ассимиляцией подрастающего поколения в межэтнических семьях, ориентированных на будущее развитие в контексте ведущих цивилизационных трендов, образовался разрыв с традиционным образом жизни их предков. Однако и у современных представителей северных этносов продолжают сохраняться разные социокультурные и этнокультурные практики, манифестирующие этнокультурную идентичность (сознание и самосознание) этносов в современных реалиях.

Вопросам сохранения языков и культур малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока посвящено достаточное количество научной литературы. Так, существуют объемные исследования по историографии научных исследований коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Российской Федерации⁸⁶⁷, по практикам сохранения этнокультурной идентичности^{868,869} и уникальных северных языков⁸⁷⁰. Как отмечает Н.Н. Пименова: «Согласно современным исследованиям, культурное наследие коренных народов представляет собой в первую очередь систему базовых ценностей этноса и все разнообразие присущих ему социокультурных практик, которые служат как реальными способами/инструментами жизни, так и маркерами принадлежности представителей народа к сообществу. На нынешнем

⁸⁶⁷ Gashilova L. Education as a factor of preservation of languages and cultures of northern indigenous peoples // Arctic Dialogue In The Global World. The Proceedings of Joint Science and Education Conference. 2015. P. 260–261.

⁸⁶⁸ Koptseva N.P., Kirko V.I. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3 (5). P. 217–223.

⁸⁶⁹ Копцева Н.П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // Социодинамика. 2013. № 12. С. 1–16.

⁸⁷⁰ Копцева Н.П. К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера // Арктика и Север. 2014. № 16. С. 34–40; Резникова К.В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. Т. 1. № 1. С. 1879. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25325672_14432656.pdf (дата обращения 20.04.2020).

этапе культурное наследие в качестве ведущей функции имеет формирование этнической идентичности автохтонных народов, в том числе коренного населения Красноярского края»⁸⁷¹.

В данном исследовании анализу подвергнуты культурные практики, с помощью которых современные коренные народы сохраняют этнокультурную идентичность и возрождают этносознание – это информационные (аудиальные и текстологические) и художественные (визуальный «конструкт» этнической идентичности) практики. Такой подход обоснован тем, что существующие практики коренных малочисленных народов заметно отличаются от практик урбанистических сообществ и могут быть совокупно собраны по двум направлениям этнокультурной деятельности. Данный подход также фиксируется в ряде современных научных исследований по культуре и искусству коренных народов^{872,873}.

Этнокультурная группа долган является коренным народом севера Красноярского края (самоназвание «долган, тыакихи, саха») численностью в 5 810 человек (по данным Всероссийской переписи 2010 г. это 0,21% от всего населения региона), большей частью проживающих в Хатангском районе Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района вдоль рек Хета и Хатанга, меньшей – в Авамской тундре на Енисее. Около 1,1 тыс. живут в районном центре – городе Дудинке, остальные являются сельскими жителями (3,7 тыс. в сельском поселении Хатанга). Долганы – один из самых «молодых» народов Севера, их этногенез произошел в начале XX века путем смешения трех этнических компонентов: русских старожилов (затундренных крестьян), тунгусов (Якутские эвенки и эвены) и якутов-оленеводов. Во второй половине XX века во всех официальных документах этноним «саха» был заменен на «долган» и в это же

⁸⁷¹ Пименова Н.Н. Механизмы социокультурных изменений коренных этносов Севера и Сибири: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Красноярск, 2015. С. 11.

⁸⁷² Копцева Н.П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия // Человек и культура. 2014. № 1. С. 17–30.

⁸⁷³ Либакова Н.М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно-прикладного искусства (резьба по кости) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. Т 1. № 1. С. 1887. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18640> (дата обращения 20.04.2020).

время произошел массовый переход к оседлому образу жизни (проживанию в поселках с типовыми домами). Сегодня родовые отношения долган почти забыты, они живут малыми семьями.

Информационные практики долган развиты в достаточной степени по нескольким причинам: долганский язык самостоятелен (относится к тюркской группе алтайских языков) и закреплён в диалектном развитии (западный, восточный и попигайско-анабарский); как литературный изучается в дошкольных и школьных учреждениях (младшая и старшая ступень). Однако родной язык в разговорной речи употребляется в основном старшим поколением и в достаточно малом объеме. Причинами сокращения бытования долганского языка стали советские практики обучения только русскому языку в интернатах. В постсоветский период вслед за исчезновением оленеводства как традиционной деятельности долган общение на долганском минимизировалось в Южных районах, а в северных продолжило бытование в устной речи. Ученые объясняют, что практиками, ориентированными на будущее возрождение языка, могут выступить методы «языковых гнезд» в дошкольном и школьном образовании, а также восстановление оленеводства как лингвосохраниющего фактора.

Несмотря на то, что говорящих и понимающих родной язык с каждым годом становится меньше, поддержка и развитие долганского языка происходит благодаря воздействию ряда информационных механизмов: создание в 1970-е годы письменности на основе русского алфавита, появление книг и букварей для организации образовательной деятельности с незнающими родной язык детьми, издание и переиздание литературного наследия родоначальницы долганской литературы и письменности Е.Е. Аксеновой (Огдо Аксенова), публикация страницы на долганском в окружной газете «Таймыр», выход радиопередач с блоком долганской устной речи на «Радио Дудинка». В 2004 году обсуждению развития долганской письменности была посвящена Международная конференция, а в 2017 г. вышло в свет Евангелие на долганском языке, иллюстрированное известными долганскими художниками Евгением и Юлией Поротовыми.

Большое значение для поддержания высокого уровня этнического самосознания долган имеет деятельность фольклорных творческих коллективов (хоровой «Ародуй», вокальный «Юртель», вокально-хореографический «Чокуркаан»), популяризирующих самобытную культуру во внешнем мире и одновременно дающих этнообразующий смысл современному культурному развитию. Фольклорное творчество сохраняется и посредством бытования долганских сказок во всех информационных форматах (книги, сайты, теле- и радиопередачи, авторские мультфильмы). Неотъемлемой составляющей в формировании этнической идентичности долган является сказочный фольклор. Фольклорное наследие сохраняется как часть этнической системы воспитания и образования, компонент этнической идентичности с исконной культурой. У долган очень распространены сказки, в которых фигурируют животные («Война щук и куропаток», «Как появились галки», «Ворон и лебедь», «Почему лиса красная»), волшебство («Лиса-плутовка», «Заря», «Откуда пошли разные народы») и герои («Старик-рыбак и ворон», «Царь Ёксёкю», «Сказка о царе птиц Ёксёкю, красавице Огдо, пастухе Тойоо и злой мачехе Кыычын», «Легенда об охотнике Ньюкуу и его братьях», «Наследство шамана», «Встреча двух братьев», «О славном герое хомус-богатыре»). Присутствуют также и бытовые сказки («Юноша-царь и дочь крестьянина», «Предприимчивый бедняк»)⁸⁷⁴. В сюжетных повествованиях сформирован особый мир – Универсум, имеющий трехчастную структуру из Верхнего, Среднего и Нижнего миров, ему характерна патриархальность (верхний мир управляется царями, как и Нижний; в Среднем мире царей нет, здесь важным оказывается родовое устройство общества, лидерами являются вожаки). В сказках или представлено, или упомянуто противоборство Верхнего и Нижнего миров, разрешиться которое может только при участии богатырей Среднего мира. В Среднем мире живут люди, он богат растительностью, иногда географически обозначает место действий (река Хатанга, Котуй), в нем действуют общественные нормы (читать клятву, держать

⁸⁷⁴Долганские сказки [Электронный ресурс]. URL: http://www.hobobo.ru/catalog/narodnye_skazki_byliny_skazaniya/dolganskie-skazki (дата обращения 21.04.2020).

слово, выполнять завет предкапревыше даже семейных связей) и ценности родовых обычаев. Наиболее важны для долган семья и богатство⁸⁷⁵.

Картина мира, представленная в фольклорном наследии долган, имеет вселенский охват, структурирует и объединяет противоположные миры в гармонию человеческого и природного существования, благодаря которой преодолеваются суровые испытания и приобретаются сильные социоцентрические качества. Данный контекст характерен не только для деятельности творческих коллективов, он ярко проявлен в коллективных поселковых и межпоселковых празднованиях («Хейро», «День оленевода», «День рыбака», «День коренных народов мира и др.) и широко распространен через содействие общественных объединений (местная общественная организация «Ассоциация КМНС сельского поселения Хатанга ТДНМР», с 2002; местная общественная организация ТДНМР «Ассоциация коренных малочисленных народов Таймыра Красноярского края», с 2003; местная общественная организация «Союз долган» ТДНМР, с 2007; местная Ассоциация общественных объединений КМНС ТДНМР, с 2010. Большую роль в изучении, сохранении и воспроизводстве культуры долган играет Таймырский дом народного творчества, где хранится уникальный фольклорный архив, издаются книги, пишутся научные и популярные статьи, проводятся выставки и другие мероприятия, посвященные долганскому языку и народному искусству. Здесь же представлена коллекция народного искусства долганских мастеров, собранная за многие годы трудами сотрудников «Главного чума Таймыра». На базе этого учреждения действуют 17 клубных формирований. Среди них студия «Алгыс» (рук. О.Г. Поротова), которая своим искусством пропагандирует творчество долганских поэтесс Огдо Аксеновой и Аксиньи Рудинской.

Художественные практики долган содержатся в прикладном искусстве. Именно в нем, как отмечают ученые-культурологи Сибирского федерального университета: «Создаются украшения из бисера, шьется и украшается

⁸⁷⁵ Резникова К.В., Замаева Ю.С. Долганская детская литература: история и специфика // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Т. 9. № 9. С.2022–2043.

этническими орнаментами из оленьего меха и бисера традиционная одежда и обувь, развито косторезное мастерство. Национальная одежда в основном праздничная, но она сохраняется и в повседневной жизни, особенно в отдаленных поселках, когда семьи выезжают на промысел (унтайки, долганские шапки)»⁸⁷⁶. К особо значимым праздникам (День оленевода, День поселка) мастерицы обшивают целые семьи от мала до велика традиционными нарядами: летом долгане надевают расшитые бисером кафтаны, зимой – парки из оленьего меха и сшитые из лисьего камуса капорообразные головные уборы. В настоящее время традиционное декоративно-прикладное искусство сохраняет стилизованное под древнюю символику направление, знание о нем передается дошкольникам и школьникам в учебном предмете УПК и на кружках декоративно-прикладного искусства, где детей учат вышивать бисером сувениры, пояски. Рост этнического самосознания проявляется в желании сохранить доставшиеся по наследству парки, возродить элементы традиционных узоров, вышивая бисером сумки, шапки, унтайки. Сохранению долганской культуры способствует деятельность сотрудников долганского семейного клуба при Городском центре народного творчества (г.Дудинка), вышивальной мастерской (пос. Потапово), в доме народного творчества работают швейные студии, меховые, учебно-производственная мастерская резьбы по кости. Организация семейный форм работы клубов эффективна для укрепления межпоколенческих взаимоотношений. Специалисты Дома народного творчества постоянно организуют творческие исследовательские экспедиции, в ходе которых собирают этнографический материал, который впоследствии обретает методическую ценность, а также пополняет электронный фольклорный архив. Мастерство уникальных художников и косторезов фиксируется в картотеке Центра народного творчества, а также демонстрируется на муниципальных, краевых, зональных, международных выставках, смотрах, конкурсах (Красноярск, Омск, Москва, Финляндия). В настоящее время на Таймыре работают передвижные выставки

⁸⁷⁶ Резникова К.В., Середкина Н.Н., Замараева Ю.С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края //Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. №. 3. С. 23–41.

«Современное искусство долган», «Изделия из бивня мамонта и меха» в Хатангском и Дудинском районах. В экспозициях представлены работы мастера декоративно-прикладного искусства М.Г. Бету и мастера-костореза Н.М. Киргизова. Для сохранения традиций в отдельных поселках проводят конкурсы национального костюма, конкурс кукол в национальных костюмах (например, «Волшебная игла» в Хатанге, «Северный сувенир» в Дудинке)⁸⁷⁷.

Таким образом, этнокультурная самобытность долган поддерживается и восстанавливается комплексно: художественные практики способствуют сохранению фольклорного фундамента и декоративно-прикладной деятельности посредством организации разнообразных форм детских, семейных, профессиональных формирований (мастерские косторезов, современного и традиционного костюма, старинное пение). И наоборот, информационные практики направлены вовне, формируя общую среду общения (в детских садах, школах, кружках, профессиональных сообществах и т.д.). Этнокультурная идентичность основана на идеалах единства в образовании, совместной деятельности, взаимопомощи в самобытном и профессиональном развитии, она активно формируется через разнообразные информационно-художественные практики, поддерживаемые со стороны власти и сохраняемые в семейно-досуговой, профессионально-образовательной деятельности долган. Можно сказать, что современная жизнь этноса отражает традиционную картину мира, смоделированную в сказочном фольклоре – фундаменте, сохраняемом и почитаемом народом. Ученые предполагают, что для сохранения и дальнейшего развития традиционной культуры необходимо создание этнопарка как просветительского центра северной культуры как для современных долган, так и для туристов. От развития туризма также зависит и становление северного частного предпринимательства, способного экономически и технически поддерживать инициативу долган в сохранении этнокультурной самобытности.

Эвенкийская этнокультурная группа (самоназвание эвэнк, тонгус, орочен – от орон «олень»; илэ – «человек») имеет широкий ареал проживания

⁸⁷⁷ Там же.

(Эвенкийский муниципальный район, Енисейский, Туруханский, Северо-Енисейский районы и на Таймыре), и две мононациональные фактории (п. Советская Речка Туруханского района и в п. Вельмо Северо-Енисейского района Красноярского края). Численность этнической группы в Красноярском крае – 4 372 человек (0,16% от общего числа населения региона). Енисейские эвенки в основном занимаются таежным оленеводством, пушной охотой и сезонным рыболовством. С оленеводством связана особая забота о разведении домашнего и дикого оленя (родовые общины и фермерские хозяйства в Суринде, фактории с северными дикими оленями в Чиринде и Эконде) и почитании его образа в фольклорном и художественном творчестве.

Информационные практики эвенков тесно связаны с историей развития этноса в XX – начале XXI века. Вернее, это всего два периода наиболее активного использования информационных практик: исторический в 1930-е – начало 1980-х (годы реализации Концепции культурного строительства на территории Крайнего севера при активной поддержке ученых ленинградской лингвистической школы, в частности Г. М. Василевич)⁸⁷⁸ и современный – с конца 1990-х годов – время подъема этнического самосознания и возрождения эвенкийского языка. В первый период язык развивался благодаря трем диалектам (северный – к северу от Нижней Тунгуски, южный – к югу от Нижней Тунгуски, восточный – к востоку от Витима и Лены), письменности (созданной в 1928-1929 годах ленинградскими лингвистами), литературной формы (преподаваемой с 1930-х годов в эвенкийских школах и зафиксированной в учебниках и художественной литературе), информационным каналам (с 1930-х годов выпуск газеты «Эвенкийская жизнь», с 1960-х – радиовещание). Информационные практики эвенкийской этнокультурной группы имеют длительную историю, однако в настоящее время необходимы особые усилия со стороны ученых для поддержания практики звучания языка коренного малочисленного народа в мировом информационном пространстве. С 1990-х годов произошло сокращение занятости в оленеводстве, в

⁸⁷⁸ Zamaraeva Y.S. Experience in the preservation and development of the Evenki language in the Evenki Municipal District of the Krasnoyarsk Krai on the basis of the analysis of Evenki archival documents // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Т. 11 № 8. P. 1327–1368.

связи с чем большинство эвенков было вынуждено отказаться от кочевого образа жизни в тайге, что привело к разрыву практики живого общения. В 1997 году статически зафиксирован низкий уровень владения родным языком (30% свободно говорящих), в 2018 году эвенкийский уже не является языком семейного общения (чуть больше 15%). Во второй период существования эвенкийского языка оказалось под угрозой исчезновения, ученые проводят ежегодные и интервальные полевые экспедиции с целью мониторинга его состояния и разработки необходимых комплексных мер сохранения. Так, с 2018 года в рамках проекта «Возрождение эвенкийского языка» ученые-культурологи Сибирского федерального университета на основании проведенных полевых исследований, проведенных в поселках Тура и Байкит (местах компактного проживания эвенков), разрабатывают современные способы и эффективные технологии по созданию среды для формирования позитивной этнокультурной идентичности молодых эвенков, в частности формирования первой цифровой аудиотеки эвенкийской речи. Также учеными издана коллективная монография «Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры». В 2018 году эвенкийский язык факультативно или как предмет преподается в 18 дошкольных учреждениях (450 чел.), на уровне начального образования – в 15 школах (226 учащихся), основного и среднего – в 12 школах (206 учащихся).

Информационные практики содержатся и в эвенкийском фольклорном творчестве, включающим песни-импровизации, мифологический и исторический эпос, сказки о животных, исторические и бытовые предания. У эвенков имеются описания эпических героев (сонинг) – например, Урэн у илимпийских эвенков, Хэвэкэ на Подкаменной Тунгуске. В сказочном фольклоре этническое мировоззрение раскрыто через объяснение близкой взаимосвязи человека и природы, а также уникальный собирательный образ эвенка, занимающегося традиционными видами деятельности в условиях холодной, но богатой тайги Севера⁸⁷⁹. Современные информационные практики развиваются благодаря

⁸⁷⁹ Serechkina N.N. Evenk Children's Literature: History and Specific Features // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Т. 9. № 9. P. 1994–2004.

деятельности эвенков: широкому празднованию сугубо этнических праздников (День оленевода, День рыбака, День аборигенных народов мира, День Туры, праздник «Мучун», возродивший обряд очищения и празднования наступления Эвенкийского нового года), повышению этнического самосознания в творческой деятельности прославленных коллективов (вокально-хореографический ансамбль «Осиктакан», фольклорные коллективы «Улта» и «Айна») и участию в ежегодно организуемых конкурсах и фестивалях («Эвенкийские зори» и «Тунгусское диво», детский фестиваль «Аяврик», конкурс «Эвенкийская семья»). Ни один праздник не обходится без пошива и демонстрации стилизованной под традиционную национальную одежды (в основном праздничной). Главным культурным центром, координирующим работу четырнадцати сельских домов культуры, трех сельских клубов и шестнадцати библиотек, является Эвенкийский районный культурно-досуговый центр⁸⁸⁰. В последние годы благодаря совместным усилиям Центра этнической культуры и Центра народного творчества реализуются проекты детских этнокультурных лагерей, этнографического музея под открытым небом «Аморин», проводятся конференции по фольклору эвенков.

Художественные практики эвенков в настоящее время развиваются благодаря народным промыслам: художественной резьбе по кости и дереву, обработке металла (мужчины), вышивке бисером (у восточных эвенков – шелком), аппликации мехом и тканью, тиснению по бересте (женщины). Особую роль имеет декоративно-прикладное искусство, поскольку в нем сохраняется тема гармоничного сосуществования человека и природы. Основными предметами декоративно-прикладного искусства, находящимися в ходу у эвенков в наши дни, являются изделия из меха оленя и одежда: традиционные ковры – кумаланы, выючные потакуи – пота, тяжелые бисерные нагрудники из ровдуги – хэлми, нэл, зипуны – хипун, сипун, традиционная эвенкийская сумка – инмэк, парка – хэгимэ, огдоко, мужской нагрудник – хэлми, женский нагрудник – нэлми, нэлкэн. Кумаланы (традиционные коврики) до сих пор в ходу у эвенков, ими

⁸⁸⁰ Сайт МБУК «Эвенкийский районный культурно-досуговый центр» [Электронная ресурс]. URL: <https://www.dk-evenkia.ru/kollektivny> (дата обращения 08.05.2020).

украшают жилища и автомобили. Традиционный кумалан напоминает по форме песочные часы или бант – прямоугольная форма с закруглёнными краями сужается к центру, где перетянута полосой бисера. Такая форма отсылает к двоимирию, миру верхнему и нижнему. Довольно часто встречаются круглые кумаланы, являющие собой образ солнца, что было священо для эвенков⁸⁸¹. Сохранением и развитием форм декоративно-прикладного искусства с целью фиксации особенностей этнической идентичности заняты сами мастера-эвенки. Так, Т.М. Сафьянникова при поддержке краевых и местных издательств ведет многолетнюю работу по сохранению всех культурных особенностей эвенков, причем доминирующая роль отведена языку, искусству и особенностям жизни в определенных природных условиях⁸⁸².

Этнокультурная самобытность эвенков развита благодаря высокой степени этнического самосознания, сформированного в середине прошлого и возрождаемого в начале XXI века. Информационные и художественные практики изменяются вслед происходящим трансформациям в окружающем мире эвенков, позволяя им сохранить и возродить свое этнокультурное наследие.

Этнокультурная группа ненцев (самоназвание ненэй, ненэц – «настоящий человек», не, хасова) численностью 3 633 человек (согласно статистическим данным 2010 года, 0,13% от общего числа региона) расселена в северо-западных районах Таймыра по обоим берегам Енисея и Енисейской губы. Этнографически поделены на две группы: тундровые и лесные. До 1930-х годов имели название «самоеды», «юраки», а позже, в годы образования национальных округов, приобрели официальное название «ненцы». Традиционными видами хозяйствования являются крупнотабунное оленеводство, охота и рыболовство. В связи с длинными сезонными перекочевками с севера на юг, по сию пору хорошо сохранились материалы и техники по установлению чумов, используется традиционная одежда. Отличительной особенностью является поэтапный рост численности ненецкого населения на протяжении всего XX века (1 900 чел. в

⁸⁸¹ Замараева Ю.С., Лузан В.С., Метляева С.В., Середкина Н.Н., Филько А.И., Хребтов М.Я. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 3. С. 34-47.

⁸⁸² Сафьянникова Т.М. [Электронная ресурс]. URL: <https://bit.ly/329a9RH> (дата обращения 08.05.2020).

1920– - 1950-е гг.; 2 500 чел. с незначительной тенденцией роста в последующее тридцатилетие и неожиданное увеличение на 22 % в кризисные 1990-е), что демонстрирует рост этнического самосознания и самоидентификацию русскоязычных метисов в пользу ненецкой национальности. В настоящее время ненцы большей численностью (2881 чел.) проживают в сельском поселении Караул, где существуют девять моноэтнических поселков (72% от всех жителей поселения), меньшая часть (530 чел.) – в поселках г. Дудинки. Среди представителей большинство – молодые люди (47,6% населения до 19 лет – это самый высокий показатель среди других сибирских этносов).

Информационные практики состоят в сохранении и возрождении родного языка посредством преподавания в школах, сохранения в цифровых форматах (аудио-, видеозаписи речи, радиозаписи). Ненецкая письменность была создана в 1932 году на основе латинской, а затем (в 1937) – русской графики. По этнографическому принципу делятся и диалекты: наиболее распространен тундровый, лесной в меньшей степени. В 2010 году была зафиксирована высокая степень владения родным языком (48%). В настоящее время ненецкий изучают до восьмого класса включительно. Информационно язык поддерживается изданием страницы на ненецком в газете «Таймыр», а также ведется радиовещание с блоком ненецкой устной речи. Несмотря на достаточно высокий уровень владения родным и русским языками среди взрослого населения, есть существенная проблема в языковом обучении детей: если в раннем возрасте язык осваивается через общение с родителями в естественных условиях во время длительных кочевок, то при поступлении в школу за год ученик должен освоить русский язык и через некоторое время уже в качестве предмета начать изучать родной. Сложность состоит в том, что языковые диалекты родного языка в школе преподаются в усредненном виде, как литературный ненецкий, отличающийся от привычного. Сохранению языка в настоящее время способствует моноэтничность и компактность проживания, наличие школ с родным языком, занятость в традиционных видах хозяйствования.

Фольклорное наследие (песенное, музыкальное, поэтическое) сохраняется в архиве Таймырского дома народного творчества и актуализируется в праздничных мероприятиях (праздник Хэйро, День оленевода, День рыбака). Этнокультурная самобытность зафиксирована в сказочном фольклоре, где отражена реальная история людей-ненцев, их восприятие жизни (кочевой быт, виды традиционного хозяйствования, связь с природным и животным миром тундры)⁸⁸³. В мифологии энцев выстроена трехчастная вертикальная модель Вселенной, наполненная природными духами: «помощниками», «покровителями», «посыльными»⁸⁸⁴. Ненецкие сказки и песни вошли в музыкальный альбом «Фольклорное наследие народов Таймыра». Устный фольклор разнообразен по жанрам (эпические и героические песни, песни-плачи, сюжетные рассказы, исторические предания), он вошел в академическое издание «Фольклор ненцев», книгу «Сказания седой старины», в 2016 году издана книга «Дорога в вечность», в которой представлен уникальный труд собирателей фольклора ненцев Хатангской тундры. Значимый вклад в сохранение культурного наследия и традиций ненцев делают сотрудники Таймырского дома народного творчества (выставки, конкурсы, полевые исследования). На его базе работают семнадцать творческих студий, в число которых входит двенадцать детских (для воспитанников интерната и детского дома). Руководители студий – носители культуры – знакомят учеников с азами этнокультурной жизни ненцев: плетением сетей, резьбой по кости, игрой на традиционных инструментах, выпечкой лепешек и т.д. На территории г. Дудинки возведено стойбище Таймырских кочевников: чумы, балки, лабазы).

Художественные практики сосредоточены в ненецком декоративно-прикладном творчестве: пошив традиционной одежды, обуви, вышивка бисером. Традиционная одежда по-прежнему пользуется спросом у оленеводов. Она состоит из малицы (зимой – из оленьих шкур мехом внутрь, с откидным капюшоном и пришитыми к рукавам рукавицами, летом – в виде матерчатой

⁸⁸³ Sertakova E.A. Nenets Children's Literature: the History and Specificity // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Т 9. № 9. P. 2013–2021.

⁸⁸⁴ Леонтьева А.В., Бугаева К.М. История и культура ненецкого народа // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 125–134.

накидки. В холодное время года дополнительно надевается «сокуй» (сшитый их двух шкур взрослых оленей мехом наружу). Женщины носят теплые парки (двусторонние с мехом наружу и вовнутрь, распашные, без застежек, но с замшевыми вязками). Обувь (унты, реже – бокари) шьют местные мастера, украшаются орнаментами из шкур оленей, для внутреннего слоя применяют искусственный мех. Верхнюю одежду и обувь декорируют цветным сукном и орнаментом (белый, черный, коричневый и серый мех), между меховыми полосками вставляют суконную полоску красного цвета⁸⁸⁵. Поскольку символика цвета и рисунка утеряна, то цветовое решение носит декоративно-эстетический характер.

Таким образом, процессы этнокультурной идентификации коренного малочисленного народа ненцев на протяжении столетия (с 1930-х по 2020-е годы) имеет устойчивое развитие благодаря сохранению кочевого оленеводства, компактному проживанию в северных поселках, длительному обучению детей родному языку в школах, функционированию этнокультурных студий. Высокий уровень самоидентичности среди молодого поколения развит благодаря комплексу информационных и художественных практик, направленных на укрепление этнического самосознания ненцев и поддержке их позитивной этнической идентичности.

Этнокультурная группа кетов (самоназвание кет – «человек», кето, денг, остяки) рассредоточенно проживает компактными группами в Туруханском районе (586 чел.), в поселках Сым Енисейского района (40 чел.) и Суломай Эвенкийского муниципального района (206 чел.), территориально охватывая среднее и нижнее течение реки Енисей в Красноярском крае. Общая численность – 957 человек (0,3%), живут малыми семьями, немного занимаются традиционными видами деятельности (на охоте, в рыболовстве занятость мужчин 29%, а женское население не принимает участия). Высокий показатель численности кетов был зафиксирован в 2002 году (1494 чел.), однако

⁸⁸⁵ Резникова К.В., Середкина Н.Н., Замараева Ю.С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. №. 3. С. 23–41.

представители слабо знали родной язык (30%) и говорили на нем (1,5% от всего числа). Кетский – один из самых сложным для изучения и понимания из-за огромного количества глагольных форм – считается языком-изолятом, единственным представителем особой енисейской группы палеоазиатской языковой семьи. Имеет два диалекта (имбатский и сытский), одним из которых зафиксирован в кетско-русском словаре (Вернер Г.К., 2002). В 1930-е годы была создана письменность на основе латинского, а в 1970–1980-е – на основе русского алфавита. В 1990-е кетский язык преподавали в начальных классах местных школ, к 2004 году кетский компонент применялся в восьми школах Красноярского края, в 2018 – только в трех. В одном из моноэтнических поселков – Суломай – ни в семьях, ни в единственной школе-детском саду никто не общается и не изучает родной язык. Единицы кетов, знающих родной язык, находятся в почтенном возрасте, они не имеют образования, проживают отдельно от семей детей и внуков (на 2018 год в поселке проживало шесть говорящих на кетском языке человек). Достаточно плачевное состояние информационных и художественных практик: с 2000-х этнокультурная самобытность кетов находится в зоне полного исчезновения. Частичное приобщение детей к традиционным видам хозяйствования происходит только в летнее время на озере, вокруг или вдоль которого расселены кеты. В остальное время мужчины уходят на охоту, младшие школьники посещают местную школу, а старшие уезжают обучаться в школу-интернат. Одной из эффективных мер по сохранению языка учёные считают создание учебной и художественной литературы на кетском языке, а также корпусной лингвистики северных языков.

Фольклорное искусство кетов сохраняется благодаря полевым исследованиям, проведенным в XX веке лингвистами и археологами. А.П. Дульзон занимался изучением кетского языка с 1940-х годов, собранные материалы были опубликованы в виде кетских сказок. Последователи научной школы Дульзона (ученые Томского педагогического университета) продолжают собирать этнографический материал, чтобы на его основе создать лингвистический корпус кетского языка. В 1962 году по результатам экспедиции

ученых Института славяноведения АН СССР и Московского государственного университета был созданы и опубликованы два кетских сборника (один – лингвистический, второй – мифологический и фольклорный)⁸⁸⁶. Фольклор кетов отличается от картин мира индигенных народов: это космогонические сказания и мифы, в которых деятельность является ведущей силой (происхождение мира и человека, мифические деяния Альбэ, его борьба с Хоседэм и превращение его в каменный хребет на восточном берегу Енисея; подвиги богатыря Бальнэ). В сказках присутствуют образы разных (в основном лесных) животных, встречается образ их покровителя и хозяина Кайгусе, посылающего промысловую удачу, испытания и обманы людей со стороны злой Кэлбэсам.

С 1991 года российский ученый и этнограф В.П. Кривоногов проводит интервальные исследований кетов (1991, 2001, 2014) и по результатам последней экспедиции фиксирует длительную тенденцию языковой ассимиляции, роста смешанных браков, снижения преподавания кетского языка в местных школах. Однако ученый отмечает: «Между тем, благодаря государственной национальной политике поддержки малочисленных народов, национальное самосознание кетов укрепилось, почти все дети в смешанных семьях относятся родителями к кетской национальности. Это способствовало росту численности кетов и улучшению демографических показателей, что оставляет надежду на дальнейшее сохранение этой численности. Кеты быстро превращаются в группу русскоязычных метисов, но с сохранением прежнего этнического самосознания»⁸⁸⁷. Таким образом, для сохранения и возрождения кетской самобытной культуры требуется серьезный комплекс мер для формирования у молодежи и укрепления у старшего поколения этнокультурной идентичности. Необходимы новые форматы: создание единой информационной базы по кетскому языку и культуре с возможностью дистанционного интернет-обучения детей, профессионального этнокультурного образования молодежи; создания корпуса сказок, мифов, легенд с параллельным переводом на несколько языков (кетский, русский, английский, французский,

⁸⁸⁶ Колесник М.А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера // *Litera*. 2014. № 3. С. 39–59.

⁸⁸⁷ Кривоногов В.П. Динамика этнических процессов у кетов в конце XX – начале XXI века // *Сибирский антропологический журнал*. 2017. Т. 2. № 9. С. 41–57.

немецкой); создание молодежных объединений и вовлечение в организацию этнических праздников (поскольку в дисперсном проживании кеты не отмечают национальные праздники, нет возможности возродить основы традиционного костюма), популяризация самобытного фольклора кетов через цифровые формы (аудиокниги, аудиозаписи, радиовещание с блоком кетской устной речи). Также ученые предполагают, что возрождение самобытной культуры кетов может произойти только при создании этнографического парка – комплексной меры в условиях социально-экономического и культурного кризиса.

Этнокультурная группа нганасан (самоназвание «ня», «тавгийцы») численностью 807 человек (0,03%) проживает на территории Центрального Таймыра (поселения Усть-Авам и Волочанка Дудинского муниципалитета, Новая в Хатангском районе). Этногенез нганасан произошел еще в XVII–XVIII веках из нескольких племенных групп, однако в 1930-е годы они были объединены из наиболее многочисленных групп тавгийских, авамских и вадеевских самоедов этнонимом «нганасаны» (нганаса – человек, мужчина). Традиционный кочевой образ жизни (основные занятия – охота на дикого северного оленя, песцов, зайцев, птиц) в 1960-е годы был сменен на оседлый в связи с увеличением популяции дикого оленя, но к 1990-м годам этот вид деятельности, как и домашнее оленеводство, исчез. В настоящее время нганасаны проживают в стационарных поселках, частично заняты промыслом (охота на дикого оленя, добыча пушнины, рыболовство).

Информационными предпосылками к созданию письменностью стали полевые и научные исследования советского этнографа Б.О. Долгих. В результате полевых этнографических исследований были опубликованы «Легенды и сказки нганасанов» (1938), «Песни нганасанов» (1939), «Мифологические сказки и предания нганасанов» (1976). Н.М. Терещенко, ученый-лингвист, составитель первого русско-ненецкого языка, занималась созданием нганасанской письменности, опубликовала ряд значимых работ по языку этноса и защитила докторскую диссертацию. Письменность нганасан была создана достаточно поздно, в 1999 году, когда вышел первый нганасанский букварь, сопровождаемый

методическим материалом (автор С.Н. Жовницкая-Турдагина). Преподавание родного языка в начальных классах началось с 2001 года. Именно в это время впервые опубликован первый словарь (нганасанско-русский). В 2007 году вышла первая книга «Каананку» для внеклассного чтения младших школьников. В настоящее время для сохранения этнокультурной самобытности нганасан активно издается национальная литература: «Нганасанская фольклорная хрестоматия» (2001, на нганасанском языке с переводом), книга «Происхождение нганасанского народа», словарь-разговорник «Язык нганасан», издание «Традиционные игры нганасан» и др. Исчезновение нганасанского языка можно предотвратить путем создания информационно-коммуникативной среды (радиовещание, интернет-радио, вики-сайт для сбора и обмена информацией по актуальному состоянию динамики развития этноса и пр.). К 2018 году родной язык изучают в двух дошкольных учреждениях и трех школах. Владеющих родным языком по данным переписи 12,1% (2010), хотя ещё в 2002 году их был 51%.

Фольклорное творчество нганасан жанрово разнообразно: эпические сказания, сказки, мифы, загадки, заклинания, частушки. В настоящее время фольклорное наследие популяризируется фольклорными группами «Хенсу» (пос. Волочанка) и «Нгамтусо» (пос. Усть-Авам). Ключевым информационным центром, концентрирующим знания об этнокультуре нганасан, является Таймырский дом народного творчества (выставки костюмов, организация картинной галереи М. Туртагина, оцифровка работ художников и мастеров-костреров, издания о традиционной культуре этноса и пр.).

В настоящее время декоративное искусство представлено резьбой по мамонтовой кости, инкрустацией и штамповкой по металлу, окраской кожи (природными красками или искусственными красителями) и узорным шитьем оленьим волосом. Шитье национальной одежды является редкостью в связи с давней утратой кочевого образа жизни. Национальную одежду до сих пор предпочитают носить примерно четверть нганасан, поскольку по трехцветному орнаменту определяют статус носителя: возраст, родовую принадлежность и семейное положение. Одежду изготавливали из оленьих шкур, декорированных

аппликациями из меха разного цвета и геометрическими орнаментами. Мужчины носили малицу глухого кроя в белом цвете, женщины – распашные парки, поверх которых надевали ровдужный комбинезон (фоние) с нашитыми на груди металлическими бляхами. В качестве головных уборов использовали белого цвета шапки-капоры с опушкой из черного собачьего меха. Обувь была конусообразной, без взъема. Сегодня национальную одежду большинство нганасан надевают в день празднования летнего солнцестояния «Большой день» (пос. Волочанка). Централизованному сохранению декоративно-прикладного искусства способствует муниципальная и краевая власти: в настоящее время при муниципальных учреждениях культуры функционируют клубы, в которых работают мастера, даются мастер-классы по созданию нганасанских узоров, выделыванию шкур⁸⁸⁸.

Этнокультурное наследие нганасан сохраняется централизованным путем, и инициатива идет больше со стороны властей, муниципальных организаций и ученых-этнологов и этнокультурологов. Информационные и художественные практики достаточно ослаблены, однако на фундаменте существующего культурного наследия возможно возрождение нганасанского языка (издание детской литературы, аудиокниг, мультимедийные проекты для компьютеров и телефонов). Основная проблема – отсутствие собственно нганасанской литературы, в связи с чем овладению данным этнокультурным компонентом поможет популяризация рассказов, сказок, загадок, песен, стихов этого коренного народа, имеющего уникальное культурное наследие.

Этнокультурная группа селькупов (самоназвание «солькуп», «шелькуп»– «таежный человек», чумылькуп, суссекум, шошкум) численностью 281 чел. (0,01%) компактно проживает в моноэтничном поселке Фарково Туруханского района Красноярского края, небольшой группой – в эвенкийском поселке Совречка, отдельными семьями – в кетских факториях. Селькупы занимаются пушной охотой (соболя, белки) и в меньшей степени рыболовством, сохраняют

⁸⁸⁸ Резникова К.В., Середкина Н.Н., Замараева Ю.С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края //Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. №. 3. С. 23–41.

практики традиционной пищи, народной медицины, отдельные обычаи и обряды, праздники, частичное бытование родного языка у людей, самозанятых в традиционных промыслах. Оленеводство исчезло в 1960-1970-х гг., поэтому практики традиционных видов деятельности хранятся в памяти современных селькупов, этноберегающим фактором служат охота и рыболовство, поскольку необходимо добывать пропитание для своих семей.

В селькупском языке выделяют три диалекта (тымский, кетский и тазовский). Письменность возникла, как и у большей части северных народов, в 1930-е годы сначала на основе латинской, затем на русской графике. Однако сохранить устную речь до настоящего времени не удалось, слабое владение языком зафиксировано в 2010 году – 16,4%. Информационной поддержкой звучащей речи является преподавание селькупского наряду с изучением истории и традиций этноса в школе. Сложность изучения родного языка даже в моноэтническом поселке состоит, по мнению ученых, в двух причинах: «1) нежелании со стороны жителей поселка изучать иной диалект (тазовский, используемый селькупками Томской области), который предлагается к изучению детям в местной школе; 2) незнании взрослым населением в достаточном объеме родного языка»⁸⁸⁹. Введение этнокомпонента в образовательную среду чрезвычайно важно, поскольку новое поколение получает азы строения и звучания селькупского языка именно в детстве – ключевом этапе формирования идентичности и этнического самосознания. Селькупский фольклор представлен в минимальном объеме (героические песни, исторические предания, сказки, загадки, поговорки) в связи с отсутствием практикования устной речи на родном языке.

Художественные практики проявлены в минимальном объеме в связи с утерей знаний по пошиву традиционной одежды, отсутствию фольклорной деятельности в исконной форме. Однако в настоящее время этнокультурное самосознание проявилось в новой форме авторского творчества. Селькупы сохранили в памяти красоту национальной одежды, сшитой из оленьих шкур

⁸⁸⁹ Резникова К.В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона // Современные проблемы науки и образования. 2015. Т. 1. № 1. С. 1879.

мягкой выделки, декорированной мехом и бисером. Парки и малицы были традиционной одеждой, бокари и унты – традиционной обувью.

Декоративно-прикладное искусство прекратило свое существование, сохранившись лишь в виде орнаментов на берестяной посуде, деталей одежды, оленьих упряжках с декором из кости. В настоящее время присутствует интерес со стороны детей, охотно принимающих участие в освоении техники выделки голов крупных щук в рамках досугового кружка, организованного школьным учителем. Отклик со стороны школьников обоснован и может быть развит как новая форма традиционного вида деятельности – рыболовства. Основные праздники, которые сохраняются и почитаются селькупам, – День реки (весной) и День рыбака (летом). В эти дни надевают национальную одежду, читают стихи о селькупах, исполняют стилизованные танцы, проводят состязания по прыжкам через нарты. Летом все участвуют в соревнованиях по рыбной ловле, скоростной езде на лодках-долбленках (традиционны для северных рыболовов).

Этнокультурная группа энцев (самоназвание эннэчэ – «человек») компактно проживает в поселках Воронцово (в устье Енисея на западе Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района) и Потапово (южнее Дудинки), а также в ненецких поселках и в городе Дудинке. Численность этнической группы всего 221 человек (0,01%), что говорит о крайней малочисленности энцев – коренного народа Севера Красноярского края. Этническая группа находится в зоне исчезновения по двум причинам: большого количества смешанных браков среди энцев и полиэтничности «энецких» поселков (в п. Потапово доминируют русский этнос, более 25%, и ненецкий, 23,8%; в п. Воронцово ненцев более 60%)⁸⁹⁰. В Красноярском крае энцы преимущественно проживают в поселках (74% сельские жители, 2010). Этнокультурная идентичность фиксируется у двух субэтнических групп: северной (тундровой, хантайской) и южно-лесной (карасинской). Традиционным занятием энцев считается охота на северного оленя, современным – пушная охота (на песцов, лисиц, горностаев).

⁸⁹⁰ Reznikova K.V., Zamaraeva Y.S., Sergeeva N.A. The sociocultural problems of teaching the entsy language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Т 7. № 11. P. 1137–1150.

Энецкий язык относится к урало-юкагирской языковой семье (вместе с нганасанским, селькупским и ненецким). Как самостоятельный зафиксирован в 1960-е годы с диалектами лесным и тундровым⁸⁹¹. Владеют родным языком, по данным переписи, 40 человек (17,6% от всех энцев региона). Причиной столь малого количества знающих родной язык является его бесписьменная форма. Однако, по мнению ученых, энецкий язык имеет схожесть и сопоставимость с русским, что дает возможность билингварному, построенному на сходстве языков, обучению энецкому языку русскоговорящих и/или малоговорящих на родном языке⁸⁹². В современном энецком языке ученые обнаруживают сочетание исконных уральских языковых структур, заимствованных из русского языка^{893,894}. Для сохранения культурно-языковой идентификации и самоидентификации энецкой группы требуются вспомогательные меры: разработка энецкого языка, обучение родному языку взрослого и подрастающего поколения, восстановление оленеводства как этноразвивающего фактора, обеспечивающего сохранение этнокультуры группы. Со стороны ученых предлагается активный путь решения социокультурной проблемы по знанию и обучению родному языку⁸⁹⁵. В середине XX века сибириковед и этнограф Б.О. Долгих издал сборник с мифами и рассказами энцев; фольклорист К.И. Лабанаускас обеспечил звукозаписи энецкой речи и в 2003 году издал книгу «Родное слово»; лингвист и специалист по энецкому Д.С. Болина сделала перевод Библии на энецкий, опубликовала русско-энецкий сборник (2003), книгу «Эззуйууй – След нарты» (2015) с фольклорными текстами и иллюстративным материалом. Красноярские ученые-культурологи с 2019 года ведут огромную работу по нормативному оформлению письменности и созданию энецкого алфавита – последнего бесписьменного коренного малочисленного

⁸⁹¹ Болина З. Н. Эззуйууй - след нарты. Дудинка, 2014. С.2.

⁸⁹² Shluinsky A.B. Specific system of the Enets language on the background of the Russian language: To the typology of word-classifying forms // Questions of Linguistics. 2017. Т. 3. P. 24–52.

⁸⁹³ Khanina O.V. The writing strategies of the Enets language // Uralo-Altai Studies. 2016. Т. 2. № 21. P. 131–148.

⁸⁹⁴ Pozdeeva G.P., Sonina E.V. "Paired noun + verb" constructions in selcup dialects and northern samoyed languages (nganasan, enets and nenets dialects) // Russian linguistic Bulletin. 2016. Т. 2. № 6. P. 10–12.

⁸⁹⁵ Библиография работ по энецкому языку [Электронный ресурс]. URL: <http://lingsib.iea.ras.ru/ru/bibliography/enets.shtml> (дата обращения 21.05.2020).

народа, проживающего на территории Красноярского края ⁸⁹⁶. В 2018 году энецкий язык в устной форме изучали факультативно в школе пос. Потапово (11 чел.), в детском саду (12 чел.), и в Таймырском колледже г. Дудинка. С 2002 года реализуется программа «Языковые гнезда» для школьников Потаповской средней школы. Информационными каналами являются радиовещание с блоком энецкой речи и страница на энецком в газете «Таймыр».

Художественные практики сохраняются частично: энцы живут традиционными практиками хозяйствования по типу семейно-родовой общины, для детей ведется кружковая деятельность по передаче сохранившихся знаний об этнокультурной группе, хранятся национальные костюмы как символический образ этноса (особо востребованный как позиционирование своего народа во время межэтнических праздников). Энецкий национальный костюм во многом идентичен нганасанскому: мужская парка из двух частей (верхняя глухого покроя до колен, с капюшоном, мехом наружу; нижняя мехом внутрь, ниже колен), окаймлена по подолу опушкой из белого собачьего меха.

Энецкий фольклор сохраняется в мифах («Звёздный миф», «Солдэй каха» и «Сиосику», «Происхождение людей», «Хозяин земли»), исторических преданиях («Приход юраков», «Колё-биомо», «Дели и Лаура»), сказках о животных, легендах («Ослепление дикого оленя», «Разделение племён»), бытовых рассказах («Худое яйцо») и загадках. Традиционны для декоративно-прикладного искусства резьба по кости, аппликации из меха и сукна. Однако особенности и отличительные черты исконного искусства уже утрачены.

Тесная связь с другими этносами, с одной стороны, ассимилируют энцев и стирает границы их этнокультуры (сложно провести грань между энецким, ненецким, нганасанским в произведениях и предметах декоративно-прикладного искусства), с другой – фиксирует возможность будущего возрождения синкретического содержания энецкого, сохранившего сложную форму этнокультурной идентичности. Результаты полевых экспедиций, проведенных

⁸⁹⁶ Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты: монография / Н. П. Копцева (рук., отв. ред.), Ю.Н. Авдеева, Ю.С. Замараева [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 196 с.

учеными Сибирского федерального университета (2019, пос. Потапово), показывают наличие ряда проблем, которые могут быть решены в ближайшее время: узкий круг коммуникативной среды энецкого языка, слабая оснащённость методическими материалами и отсутствие готовых преподавать родной язык на высоком профессиональном уровне учителей. Со стороны ученых ждут разработку комплекса учебно-методических материалов для обеспечения языкового обучения дошкольников, школьников и студентов среднего профессионального образования; сотрудничества с педагогами высшей школы с целью формирования и передачи такого методического опыта; создание детской и подростковой литературы на двух языках, аудиокниг, аудиословарей, аудиокolleкций живой речи. Как отмечают Коруова D.A., Androsova S.V.: «Одним из решений поддержки обучения энецкому языку может стать внедрение современных инновационных технологий, которые способствуют сохранению уникальных культурных феноменов этой этнокультурной группы»⁸⁹⁷. В статье, опубликованной нами, была дана следующая рекомендация: «Языковой навык дает возможность развитию коммуникативной и культурологической компетенций, социализации личности (как детской, так и взрослой) в окружающую среду. Социокультурную проблему изучения этнического языка можно решить путем подключения форм визуальной коммуникации: путем сравнения образности языков (мультипликационная визуализация северных сказов, мифов, легенд), погружения в аутентичную языковую и культурную среду (метод «языкового гнезда»), анализ сложностей, возникающих в процессе изучения этнического языка как родного, привлечение молодого поколения к созданию современных текстов, стихов на тему северной тематики»⁸⁹⁸. Для активно-познавательной деятельности, синтезирующей культурные особенности этногруппы, эффективно будет создание этнолагерей с освоением детьми всех особенностей тундрового образа жизни, а также формат этнодеревни. Подобный

⁸⁹⁷ Коруова D.A., Androsova S.V. "The language nest" as a way to solve the problem of preserving the Evenki language in the Amur Region // Theoretical and Applied Linguistics. 2017. Т. 3. № 3. P. 17–25.

⁸⁹⁸ Reznikova K.V., Zamaraeva Y.S., Sergeeva N.A. The sociocultural problems of teaching the entsy language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Т 7. № 11. P. 1137–1150.

проект с включением энецкого этнокомпонента сейчас реализован в «Таймырской Ойкумене» – художественно-этнографическом комплексе пяти аборигенных народов Севера Красноярского края.

Этнокультурная группа ессейских якутов численностью 1 477 человек (0,03%) компактно проживает на северо-востоке Эвенкийского муниципального района в поселке Ессей, Согласно сохранившимся архивным данным поселение возле одноименной реки сформировалось в 1628 году, однако имеются две версии об основателях (северные якуты-оленеводы⁸⁹⁹ или мангазейские казаки, основавшие острог⁹⁰⁰). Ессейские якуты являются самостоятельной этнической общностью, исконно проживающей на территории. В 1920-е годы при разграничении национальных округов эта группа была определена к Эвенкийскому и изолирована от якутской этногруппы⁹⁰¹. Озеро Ессей расположено за полярным кругом в бассейне реки Хатанги между двумя ее притоками реки под названием Котуй, в 1070 км. от г. Вилюйска и в 200 км от границы Саха-Якутии.

В сельском поселении Ессей развиваются *художественные практики*, связанные с празднованием якутского национального праздника «Ысыах». Декоративно-прикладное искусство ессейских якутов развивается в связи традиционными промыслами (оленеводство, промыслы в тайге) и состоит в пошиве традиционной одежды и обуви (бокари), вышивке бисером. Традиционная одежда ессейских якутов – это парки, сшитые из шкур оленей мехом внутрь; капорообразные шапки, состоящие из трех деталей, в швы которых вкраивали полоски из красного сукна, опушки шапок украшали мехом россомахи, песца или рыси⁹⁰². С 2000-х годов в поселке возрождены мастерские по пошиву коротких унтов для охотников и оленеводов, мастерицы украшают пошитые изделия

⁸⁹⁹ Ессейские якуты. Якутск [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/3t48V62> (дата обращения 25.05.2020).

⁹⁰⁰ Ессейские якуты / Эвенкия. Официальный сайт Эвенкийского муниципального района [Электронный ресурс]. URL: http://www.evenkya.ru/infoeg/life/esseyskie_yakuty_tozhe_malyu_narod.html (дата обращения 25.05.2020).

⁹⁰¹ Kuznetsova E.M. Ethnocultural portrait of Russia: The Yessey Yakuts. The Life by the Lake (History and Culture of an Ethnic Group) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Т. 11. № 4. Р. 561–569.

⁹⁰² Резникова К.В., Середкина Н.Н., Замараева Ю.С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края // Сибирский антропологический журнал. 2017. Т. 1. №. 3. С. 23–41.

традиционными мотивами для сохранения самобытности. Одним из способов передачи этнокультурных знаний является практика школьного преподавания основ декоративно-прикладного искусства в виде вышивки бисером (узор рогов оленя, изображения волн озера Ессей, окружающих гор). *Информационные практики* реализуются в деятельности работников Краеведческого музея «Аартык» («Исток»), отрывшегося в 2011г. В среднеобразовательной школе с 2016г. ведется урок по краеведению, на котором школьники знакомятся с историей и культурой региона, особенностями традиционного образа жизни (оленеводство, рыболовство, охотничества).

Этническое самосознание ессейских якутов развивается посредством синтеза трех компонентов: близости к якутской культуре (традиции, язык), традиционного для коренных малочисленных народов Сибири образа жизни (рыболовство) и самобытном диалекте, отличающем субэтническую группу. Язык ессейских якутов имеет свои особенности, жители поселка считают его «более чистым и более древним». С 1933 года в поселке работает школа, в которой не прекращается изучение языка. В детском саду, в школе, в бытовом общении родной язык достаточно распространен. Этнокультурная самобытность и сегодня во многом сохраняется благодаря оленеводству (охота на дикого северного оленя) и рыболовству (озеро Ессей богато ценными породами рыб). Обособленный образ жизни этнической общности позволил сохранить виды традиционного природопользования и особенности языка.

Для обобщения обзора культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока рассмотрим сходные черты и характеристики по сохранению и производству этнокультурной идентичности и самоидентичности, в настоящее время фиксируемые на территории Красноярского края и имеющие определенную региональную специфику.

Во-первых, у коренных малочисленных народов актуальны практики сохранения и воспроизводства родного языка, культуры и традиций. Почти во всех северных поселениях в программу школьного и дошкольного обучения введен этнокультурный компонент изучения родных языков и культуры

этнических групп коренных малочисленных народов. Функционируют кочевые начальные школы-детсады для оленеводов, летние кочевые школы, детский отдых организуется в лагерях-стойбищах, лингвистических этностойбищах. При муниципальных учреждениях организовано изучение учебных предметов этнокультурного содержания, детей обучают народным промыслам, мастера (художники, косторезы, швеи) ведут кружки по декоративно-прикладному искусству, как традиционному, так и авторскому. Сегодня следование культурным традициям выступает важным фактором социо- и этнокультурного развития и условием воспитания подрастающего поколения.

Во-вторых, организовано сохранение этнокультурного наследия посредством музейных экспозиций, фондов и архивов. Идут экспедиционные работы по сбору фольклора, созданию корпусной лингвистики и двуязычных словарей, а также учебно-методических пособий для преподавания родных языков. Этнокультурные знания передаются через систему кружков, мастерских, центров народного творчества и создание цифровых и интерактивных форматов для приобретения и обмена опытом между мастерами – представителями коренных народов. С уникальными образцами подрастающие поколения знакомят, синтезируя виды традиционного искусства в этностойбищах и этнокультурных центрах (ярким примером является художественно-этнографический комплекс «Таймырская Ойкумена»).

В-третьих, коренные малочисленные народы имеют сильную поддержку со стороны этнических общественных организаций, способствующих социально-культурному развитию этнических меньшинств, а также сохранению традиционных видов хозяйственной деятельности, налаживанию отношений с государственными структурами. Представители этногрупп входят в состав Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Таймыра, палаты коренных малочисленных народов Севера в Гражданской ассамблее Красноярского края, региональной ассоциации общественных объединений КНМС края. Существуют региональные и общественные объединения и движения. В настоящее время ключевую функцию коммуникатора между всеми

территориальными организациями и этносами осуществляет Ассоциация коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока Российской Федерации⁹⁰³. Практика участия коренных народов в ассоциациях крайне необходима для интенсивного взаимодействия между различными этнокультурными группами.

Вывод параграфа 3.3

Исследование культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края, позволяет зафиксировать ряд региональных этнокультурных особенностей, присущих каждой этногруппе по-отдельности, и определенную совокупность сходных черт, позволяющих определить региональную специфику современного процесса образования социоцентрических идеалов северных народов.

С одной стороны, этносообщества крайне разнородны и каждая из этногрупп преимущественно ориентирована на особый тип культурных практик. Культурное наследие коренных народов можно условно обобщить в ряд этнокомпонентов: родной язык, традиционные способы хозяйствования, фольклор, декоративно-прикладное искусство, а также религиозные представления (обычаи и обряды), которые не были включены в анализ культурных практик. Сегодня каждый этнос использует разные средства и форматы фиксации культурного наследия и его актуализации в современной этносреде. Коренные народы сохраняют этнокультурную идентичность и самоидентичность посредством информационных и художественных практик, специфика которых определена культуросозидающей направленностью: информационные практики (лингвистические, фольклорные) формируют «аудиальный конструкт» этнокультурной идентичности, художественные (декоративно-прикладное искусство прежде всего) воплощают ее «визуальный конструкт». В той или иной степени современное состояние коренных малочисленных народов указывает на присутствие обоих видов культурных практик.

⁹⁰³Официальный сайт Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raipon.info/> (дата обращения 25.05.2020).

С другой стороны, исконный образ жизни, в котором органично развивались традиционные виды деятельности, уже невозможно полноценно сохранить и возродить в связи с происходящими последние тридцать лет социокультурными трансформациями в постиндустриальном мире (урбанизация, миграция, интеллектуальная технологизация, глобализация межгрупповых отношений). Тем не менее, процесс идеалообразования не прекращается. Объединяющими социокультурными идеалами для всех без исключения являются: сохранение языковых диалектов (даже у бесписьменного этноса энцев); межпоколенные родовые отношения и ценность семейной культуры (вовлечение детей в познавательную деятельность); устойчивое развитие позитивной этнокультурной идентичности (особенно в кризисные моменты как ответная реакция на риск исчезновения).

Выявленные актуальные ценности позволяют предложить ряд комплексных мер по формированию сложных форм этнокультурной идентичности: 1) билингвальное языковое обучение, основанное на систематическом изучении родного и русского языка, позволяющем приобретать компетенции межкультурного языкового общения и навыки поддержания лингвоэтнического многообразия в современном мире; 2) создание единой этнокультурной карты народов Севера в компактных игровых форматах для дошкольников и школьников; 3) включение в глобальное мировое пространство путем освоения цифровых технологий с возможностью дистанционного образования (цифровой формат способствует организации самообразования и досугового чтения); 4) создание комплекса этнодеревень для быстрого экономического и социокультурного развития, а также укрепления этнокультурной идентичности и самоидентичности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Выводы третьей главы

Третья глава диссертации посвящена двум аспектам исследования понятия «культурные практики»: теоретическому (на основании актуальных

культурологических исследований) и эмпирическому (на материале анализа доминантных культурных практик этногрупп поликультурного Красноярского края, включая обобщение результатов полевых исследований 2010-2020 гг.).

Теоретический культурологический анализ позволил выстроить путь исследования культурных практик и концептуально обозначить их ключевые характеристики.

Во-первых, благодаря развитию теории поведения у бихеовиристов XX века слово «практика» закрепилось для анализа сферы социальных и культурных отношений. В середине XX века оно трансформировало свое значение в контекстуальную деятельность, требующую со стороны ученых (антропологов, психологов, социологов, культурологов) насыщенной интерпретации смыслов и значений для решения задач развития культурных сообществ. К концу века междисциплинарный подход кристаллизовал специфику особых практик как «первично» социальных, способных влиять на деятельность, как на локальном, так и на глобальном уровнях. В начале XXI века происходит активная разработка функционального определения культурных практик в исследованиях зарубежных и российских ученых.

Во-вторых, культурные практики всегда есть некий набор, функционально направленный на комплексную организацию когнитивного и деятельностного поведения, необходимого социальным группам для сохранения своего прошлого, трансформации настоящего и проектирования будущего. Ключевыми характеристиками культурных практик являются: 1) *производство* взаимодействий между людьми для укрепления существующих и построения новых социальных отношений, новых моделей реальности; 2) *частичное социальное формирование* по созданию и организации, *воспроизводству* и передаче социальных форм идентичности и самоидентичности; 3) *деятельностный процесс* по сохранению, передаче и воспроизводству культурных ценностей, обычаев и традиций, поддерживаемых конкретной этногруппой.

В-третьих, в комплексном понимании, культурные практики способны сформировать культурную среду для проживания разных социальных групп. Особую необходимость в них испытывают современные большие города и мегаполисы (системы социальных групп), где проживают представители этносов – носителей смыслов и значений разных культур. С помощью культурных практик каждой этнической группе возможно манифестировать свою культурную уникальность и, одновременно, успешно адаптироваться в межкультурной среде. Очевидно, что культурные практики имеют фундаментальную социокультурную природу для сохранения, созидания и передачи особых ценностей, схем деятельности, знаков и символов, в совокупности позволяющих продолжить процесс социоцентрического идеалообразования, включая солидаризацию отдельных индивидов в значимые для них сообщества, в том числе, этнокультурные.

Анализ культурных практик как деятельности по созданию, передаче и воспроизводству социоцентрических идеалов, произведенный на материале десяти этнокультурных групп Красноярского края, позволил зафиксировать разные уровни создания и воспроизводства их социоцентрических идеалов. На основании культурологической интерпретации теории социальной и культурной идентичности, концепции межкультурных стратегий и синтетической концепции культуры как идеалообразования проверена гипотеза о положительном воздействии культурных практик на процессы этнической идентификации и самоидентификации, идущие по направлению сохранения и манифестации этнокультурной уникальности или по направлению развития этнокультурной группы в интенсивном межкультурном взаимодействии.

Доминантными (избираемыми этнокультурными группами) практиками, направленными на сохранение и манифестацию этнокультурной уникальности, являются: 1) общинная и семейная коммуникация, основанные на культивировании элементов традиционного уклада, обычаев, со-трапезы блюдами традиционной кухни; 2) передача в минимальном объеме основ родного языка как этнообразующего ядра культурных смыслов и значений; 3) сохранение связи с

исторической родиной на уровне общины и адаптации трудовых мигрантов в регионе посредством участия в культурных мероприятиях данной общины. Однако в результате анализа было зафиксирована минимальная выраженность обозначенных культурных практик: сохраняются, передаются и воспроизводятся лишь отдельные элементы традиционной жизни этноса, каждая этнокультурная группа наряду с традиционными проявляет и развивает современные культурные практики, характерные для урбанизированного сообщества, современной массовой и поп-культуры.

Для этнокультурного развития формируются новые практики, поскольку почти все этнические группы проживают в регионе относительно недавно (большие миграционные волны были зафиксированы в 1960–1970-е, затем в 1990–е годы), осваивая новую реальность, требующую от них принятия условий со-бытия с другими: 1) для сохранения этнокультурной самобытности группа прежде всего сосредотачивает усилия на слабо проявленном или недостающем в этнической системе ценностей элементе (своей истории, укладе жизни, традиционной пище, лингвистических особенностей); 2) посредством деятельности таких общественных организаций как национально-культурные автономии этнические группы формируют свой уникальный культурный образ, исключая стигматизацию и стереотипное отношение со стороны других групп, в результате чего группа выстраивает позитивное отношение и к собственным ценностям, и к межкультурному сотрудничеству; 3) функциональная значимость в региональном пространстве именно социоцентрического качества культурных практик состоит в обеспечении устойчивости более высокого (религиозного) качества идеалов, основанием которых служит единое межкультурное содружество.

Изучение культурных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края, зафиксировало ряд региональных этнокультурных особенностей, проявленных в современном процессе идеалообразования. С одной стороны, этносообщества крайне разнородны и каждая из этногрупп преимущественно ориентирована на

особый тип культурных практик. С другой – культурное наследие коренных народов можно условно обобщить в ряд этнокомпонентов, сохраняемых информационными и художественными культурными практиками: родной язык этногруппы, традиционные способы хозяйствования, фольклор, декоративно-прикладное искусство, религиозные представления (обычаи и обряды). Современные коренные народы выстраивают процессы этнокультурной идентификации и самоидентификации посредством указанных практик, специфика каждой из которых определена культуросозидающей направленностью: информационные практики (лингвистические, фольклорные) формируют «аудиальный конструкт» этнокультурной идентичности, художественные практики (декоративно-прикладное искусство, прежде всего) воплощают ее «визуальный конструкт». В той или иной степени современное состояние коренных малочисленных народов указывает на присутствие обоих видов культурных практик. Исконный образ жизни, в котором органично развивались бы традиционные виды деятельности, уже невозможно полноценно сохранить и возродить в связи с происходящими последние тридцать лет социокультурными трансформациями в индустриальном и постиндустриальном мире (где господствуют урбанизация, миграция, интеллектуальная технологизация, глобализация межгрупповых отношений). Однако процесс социоцентрирующего идеалообразования у северных народов не прекращается благодаря сохранению лингвистических особенностей; межпоколенным родовым отношениям и ценностям семейной культуры.

Таким образом, научное определение понятия «культурные практики» и их анализ в деятельности этнокультурных групп Красноярского региона позволил обнаружить ценностное представление о культурных практиках как процессе передачи, воспроизводства и создания социоцентрических идеалов, культивируемых как каждым отдельно взятым само-бытием этнокультурной группы, так и бытием-с-другими в межкультурном полиэтническом пространстве. Очевидно, что посредством культурных практик формируется деятельностная и когнитивная среда, влияющая на взаимоотношения этнокультурных групп.

Однако каким образом происходят процессы формирования представлений культурных групп об их этнокультурной «сущности», остается вопросом, ответ на который будет дан в следующем разделе исследования.

ГЛАВА 4 ТЕОРЕТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СЛОЖНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

В данной главе выполнен анализ концептуального определения понятий «этнокультурная группа» и «сложная этническая идентичность». Применялась современная интерпретация концепции этноса С.М. Широкогорова для фиксации особенностей процессов трансформации психоментального комплекса этнокультурных групп. Понятие «сложная этническая идентичность» формируется с помощью интеграции теоретических результатов исследований динамики и способов формирования сложных идентичностей в культурных процессах общероссийского и красноярского регионального уровней. Синтез полученных результатов позволит обосновать наиболее эффективную методологию и ход эмпирических исследований региональной этнокультурной идентичности для выявления её сложных форм.

4.1 «Этнокультурная группа» как научное понятие

Сергей Михайлович Широкогоров, русский культуролог-востоковед, антрополог, этнограф и этнолог, является, наряду с Н.М. Могилянским, одним из первых авторов термина «этнос» как научной категории. Его можно с полным правом назвать основателем этнологии в 1920-е годы – времени коренного пересмотра механизмов развития и изменения общества как в российской, так и в зарубежной науке. Заслуженное внимание к трудам ученого проявилось относительно недавно по причине глобализации базовых социально-культурных процессов и поиска новых фундаментальных оснований, объясняющих процессы социокультурных трансформаций межэтнических отношений. Актуальность исследований «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (1923), «Психоментальный комплекс тунгусов» (1935) и других не менее значимых работ С.М. Широкогорова по теории и методологии исследования этносов освещены учеными В. Мюльман⁹⁰⁴, С.В. Чешко⁹⁰⁵; Е.В. Ревуненковой и А.М. Решетовым⁹⁰⁶, А.М. Кузнецовым⁹⁰⁷, В.Р. Филипповым⁹⁰⁸, А.М. Монаковым⁹⁰⁹, А.М. Певновым и М.М. Хасановой⁹¹⁰, У. Йохансен⁹¹¹, Н.П. Копцевой и В.И. Кирко⁹¹², А. Д. Маймаковой⁹¹³ и др.⁹¹⁴.

⁹⁰⁴ Мюльман В. С. М. Широкогоров. Некролог // Этнографическое обозрение. 2002 (1940). № 1. С. 144–155.

⁹⁰⁵ Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 1–22.

⁹⁰⁶ Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–118.

⁹⁰⁷ Кузнецов А.М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 54–71.

⁹⁰⁸ Филиппов В.Р. С. Широкогоров: у истоков биосоциальной интерпретации этноса // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 86–93.

⁹⁰⁹ Монаков А.М. Этнос и этническая идентичность // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7: Философия. 2008. № 1. С. 72–91.

⁹¹⁰ Певнов А.М., Хасанова М.М. «Тунгусский словарь» С. М. Широкогорова // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и прецеденты. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 121–124.

⁹¹¹ Йохансен У. По страницам книги С. М. Широкогорова (01.07.1887 Суздаль – 19.10.1939 Пекин) «Психоментальный комплекс тунгусов». Лондон – Шанхай, 1935 // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2010. Т. 12. № 1. С. 117–120.

⁹¹² Копцева Н.П., Кирко В.И. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 792.

Сотрудниками Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в 2018 году – А.А. Сириной, В.Н. Давыдовым, А.М. Певновым, О.А. Поворознюк, В.В. Симоновой, А.Н. Горлиным – переведена с английского на русский книга «Социальная организация северных тунгусов».

Концепт этноса стал результатом синтеза длительных научных и полевых работ, связанных с изучением культурного комплекса этнических групп (тунгусов, маньчжуров), наименее подверженных в те времена внешнему влиянию в местах компактного проживания. С.М. Широкогоров проверял и уточнял гипотезу о том, что феномен этноса состоит в его надродовой сущности и существовании, циклично производящем комплекс культурных элементов и целостно определяющем все сферы жизнедеятельности людей. Предполагалось, что искусственное разделение жизни этноса на социальные, психологические, антропологические, этнологические и этнографические составляющие дифференцирует его первичную целостность как сбалансированной системы. Результаты философско-культурологического и практического осмысления привели ученого к выводу, что этнос является культурной константой, определяемой по трансформациям психоментального комплекса. На основании концептуального определения «этнос» рождается понятие «этнокультурная группа», где культурный фундамент становится базовым для объяснения динамики развития этнокультурных групп в межэтнической среде. В данном параграфе рассмотрены концептуальные основания понятий «этнос» и «этнокультурная группа» на материале культурологического анализа труда С.М. Широкогорова «Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений».

Согласно Широкогорову, «этнос...» – это группа людей, «...говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом

⁹¹³ Маймакова А.Д. Язык и этнос: этносоциальный аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. Т. 3. № 1. С. 123–127.

⁹¹⁴ Широкогоров С.М. // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=1539439&oldid=111955604> (дата обращения 10.09.2020).

*обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»⁹¹⁵. Автором определены три важнейших компонента (или признака) этноса: наличие языка (этническая общность объединена в первую очередь языком), вера его участника в общее происхождение (социальное убеждение принадлежности к некоему общему племени, связи с предками вплоть до тотемных животных), общий культурный код (общие традиции, обычаи и верования). С одной стороны, «этнос» отграничен от понятий «род» и «семья», предполагающих кровное коллективное родство, а с другой – соединяется с ними как форма социальной организации. Этнос есть первая надсемейная и надродовая форма, объединяющая солидарную группу семей в единство. Элементарная ячейка этноса состоит не менее чем из двух родов, строящих между собой семейные и культурные отношения и формирующих социальный образ коллективного «Я», обязательного для этнического развития. Этнос как простейшая форма общества производит социальные институты брака и семьи, в связи с чем функционально наделяет индивидуума первичными этническими характеристиками, равно принадлежащими всем членам этногруппы и обеспечивающими этим равноправием гармоничное сосуществование. Этногенез и социогенез происходит за пределами исторического развития и социальной дифференциации, а потому понятие этничности фундаментально, постоянно и вечно связано с воспроизводством уникальных культурно-социальных характеристик. Данная функция «работает» и на формирование *этнической идентичности – первичного социального и культурного определения индивида, связывающего не по кровному (биологическому) родству, а интегрирующего и адаптирующего его с конкретной этнической группой.**

Этногенез и социогенез строго тождественны друг другу. Выступая первой формой рождения общности базовый этнос является суммой родовых семей и чем больше в его состав входит родовых семей, тем меньше степень родства и сила родовой организации, а больше культурное родство и социальная связь.

⁹¹⁵ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений [Электронный ресурс]. Гл. 1. URL: http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos/glava_01 (дата обращения 20.09.2020).

Несводимость этноса к одному роду проявляет принцип непереносимости принятия представителя иного (человека, людей, общности) для развития социальных отношений внутри простых или сложных со множественными связями родов. Социокультурный процесс адаптации и интеграции означает, что *этнос – это всегда принципиально открытая реальность*: в него можно вступить, а также поменять, потерять или утратить прежний. В разных этносах эта процедура бывает либо очень простой, либо очень сложной: чем меньше этнос, чем более он архаичен, тем сложнее туда войти «со стороны». Тем не менее, даже самые закрытые этнические общины предполагают возможность входа в них и выхода. Человек, принадлежащий к одной этнической группе, по каким-то причинам оказывается в ситуации иной этнической группы: он должен выучить язык, признать общность истоков происхождения и практиковать обряды, обычаи и традиции того сообщества, в котором оказался. Через некоторое время он оказывается неотличимым от постоянных членов этого общества. Однако поскольку все этнические группы имеют свои собственные устои, индивид не сразу на полном основании интегрируется в сообщество, и в зависимости от его пола, возраста, от обстоятельств (посредством которых он оказался в ином этносе), может занять периферийную границу (например, метек в древнегреческом обществе имел вид на жительство и право участвовать в демократическом процессе, но не был гражданином полиса).

Иными словами, в основе этногенеза лежит модель двух типов отношений: 1) установление родства между двумя разными родами и 2) интеграция и адаптация «чужих» в «свои» в процессе вхождения в родовую общину новых членов группы. Принятие людей из другого рода и включение в состав этносоциальных отношений (жених/невеста, беженец/мигрант и т.д.) выявляют еще одну фундаментальную функцию этноса: процесс интеграции происходит на уровне культурного отношения, изменяющего качества обеих сторон и обеспечивающего общность дальнейшего развития.

Далее в концепции определены ключевые производные этноса, раскрывающие динамику его развития по пути трансформаций. Речь идет о

природной, культурной и межэтнической средах, как своеобразных барьерах, испытывающих силу каждого этноса.

Первым вызовом назовем изменения, происходящие в природной среде («сумме условий, созданных без участия человека»). Солидарная группа семей определенным образом приспосабливается к определенному ландшафту, чтобы в нем жить, питаться, одеваться. Постепенно вырабатываются формы сотрудничества (соседство, взаимопомощь), возникает социальная организация, состоящая из комбинационного соотношения норм и правил (право собственности, разделение труда). И чем сильнее происходят изменения ландшафтно-климатической среды, чем сложнее физическая приспособляемость, тем быстрее происходят трансформации, приводящие этнос либо к исчезновению (он не справился), либо к успешному приспособлению и укреплению этнической общности. История культурной антропологии явно доказывает тот факт, что *успешная адаптация в природной среде, пафос победы над измененным ландшафтом сохранен в форме произведений искусства*: архитектурные памятники египтян («Заупокойный комплекс в Гизе»), греков («Афинский акрополь»), римлян («Колизей», «Пантеон») и др. Литературное творчество с древнейших времен фиксирует совершённый прорыв собственного развития в формах эпоса, легенды, повести, оды, гимна и пр.

Второй вызов, который этнос принимает, – развитие технологий. С.М. Широкогоров определяет вторичную среду как производную деятельность, когда этнос совершает переход к более усовершенствованным формам, усиливая разнообразие отношений: развивая пути сообщения, знакомясь и производя обмен с другими этносами⁹¹⁶. Пример ученого: расселение этносов происходит сначала в низинных местах и близ рек (в речных долинах), надолго обеспечивая себя благоприятными условиями для проживания и развития, зачастую создавая там центр своей культуры. Отсутствие строительных материалов принуждает изобретать разнообразные и недолговечные (часто переносные) жилища, и

⁹¹⁶ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012. С. 64.

наоборот, обилие долговечных материалов способствует строительному искусству и появлению архитектурных форм разнообразных по виду, технике и структуре. Иными словами, во вторичной среде этнос идет по пути освоения возможностей природных ресурсов и создания новых материалов и технологий, требующих сложных вычислительных процедур в ходе строительства. Историческими примерами могут выступить технологии, предложенные этносами: строительство домов, устройство землянок, изготовление чумов.

С.М. Широкогорov отмечает, что даже глубоко цивилизованные общности могут погибнуть из-за неспособности адаптироваться к условиям быстро изменяющегося мира. Если этнос обладает способностью к созданию новых общественных форм, то есть два последовательных периода формирования его социальной культуры: период бессознательного движения, когда этнос ищет пути своего изменения, и период сознательного социального творчества, где объяснения происходящего возникают как *post factum*. В отличие от мира животных и насекомых, руководство строительным процессом у человека основано на социально-психологических убеждениях и влечет за собой создание новых общественных форм. Таким образом, вторичная среда оказывает не меньшее воздействие на способность трансформироваться под давлением окружающего мира: «Насколько этот созданный человеком новый фактор влиял на развитие этносов, может показать вся история Европы за последнее тысячелетие, где можно проследить преобладающее влияние той или иной нации в зависимости от изменения техники путей сообщения⁹¹⁷». В результате освоения технологий выстраивается соответствующая социальная структура и субъективное осознание связи с целым, что закрепляется в культурном коде этноса – традиции или традициях, сохраняющих суть социально-культурной деятельности.

Уникальность освоения вторичной среды состоит в том, что при изменении технологии должен возникнуть способ, с помощью которого этнос примет (либо не примет) инновацию. В современности ярким тому примером являются

⁹¹⁷ Там же, с. 71.

технологические уклады и их смена, ход прогресса производит новые способы приспособления: промышленные и научно-техническая революции, в том числе, появление нанотехнологий, постепенный переход к метакогнитивным технологиям и новой антропологии. Те этносы, которые осваивают ведущие технологии (или критическую сумму технологий), попадают в поток, отвечают на вызов и совершают свой собственный прорыв, тем самым укрепив свою общность социальной и культурной инноватикой.

Третий влияющий на развитие этноса или этносов фактор отождествляется Широкогоровым с этнической средой. Во взаимодействии этносов актуализируется качество этничности (в зависимости от степени влияния этносов друг на друга формируются различные комбинации межэтнических отношений – от дружбы до открытой вражды): «этническая среда ставит этносу ещё одну задачу: создание отношений с другими этносами, причем эти отношения могут принять самые различные формы, – форму сотрудничества, формы взаимных выгод, форму паразитизма и форму поглощения или слияния, если не происходит полного уничтожения или вытеснения одного этноса другим, что зависит, конечно, прежде всего от мощности этноса»⁹¹⁸. Согласно Широкогорову, сильные (доминирующие, руководящие) этносы определяют условия и динамику взаимных отношений. В условиях борьбы и противостояния этнос может расширить свои территориальные границы и тем самым продемонстрировать внешнее выражение роста.

Вместе с тем в мирных условиях существования определяющими признаками этноса являются численный состав, территориальная определенность и уровень культурного развития (результат освоения природных и технологических вызовов).

Количественный признак регулируется социальными, культурными, религиозными практикам и нормами: ограничивающие деторождение неизменно приводят к сокращению прироста населения (например, инцест приводит к гибели

⁹¹⁸ Там же, с. 82.

культуры), и, наоборот, содержательно направленные на деторождение и продление жизни старшего поколения культурные практики, как правило, основаны на чувстве неприятия и греховности ограничительных способов регулирования прироста. Выбор этих практик для этноса влияет на его биологические функции (численность) и общее культурное состояние (рост или деградацию).

Территориальный признак, фиксирующий границы существования этноса, определяется по роду деятельности: «чем интенсивнее эксплуатация территории, тем большее количество населения она может прокормить», то есть, разность соотношения необходимого объема территории и рода деятельности меняется от скотоводческой к земледельческой и далее к промышленной деятельности. К распределению территорий между этносами необходимо добавить факт существования непригодных для проживания земель.

Культурный признак обозначает суть межэтнических отношений: «в более простых отношениях двух этносов сложность их велика, но она ещё более увеличивается при столкновении двух более крупных единиц, каковыми, например, допустим, будут группа этносов латинской культуры и группа этносов германской культуры». Данным утверждением разграничивается степень сложности культурного развития: небольшим этносам легче удерживать свою культурную самостоятельность и равновесность элементов (численную, территориальную и культурную определенность), крупным группам гораздо труднее удерживать равновесие из-за сложности организации высококультурных межэтнических отношений. Принцип удерживания равновесия не свойственен только «низкокультурным» (термин С.М. Широкогорова) этносам как менее сложным и менее нуждающимся в фиксированной среде. Но их включенность в межэтнические отношения важна, поскольку они влияют на изменимость этнической среды и обновляют жизнеспособность крупных групп.

В самом общем виде совокупность перечисленных культурных признаков дает *формулу состояния равновесия*, где три составляющих: количество населения и соотнесенные с ним степень культурности и объем территории

проживания – имеют взаимное влияние и уравнивают друг друга. Определить степень современности или вымирания этноса, согласно Широкоговору, можно при учете культуры, территории и количества населения. Любая диспропорция (увеличение или уменьшение территории и культурности при сохранении количества населения по отношению к первым двум) показывает фазу вымирания или роста этноса.

Все три составляющих качества этноса не абсолютны. Определяя относительно измеряемые факторы этнической среды, ученый делает следующий комментарий: «Эти внешние признаки, однако, не исчерпывают всех признаков, так как даже при условии поддержания желаемого состава и уровня может происходить замещение антропологических типов одного другим и, таким образом, по истечении времени может произойти полное замещение одного типа другим со всеми вытекающими отсюда последствиями, как например, несомненная связь некоторых психических и умственных качеств с антропологическими типами⁹¹⁹».

Таким образом, Широкоговор определяет суть и сущность этноса как живого организма, предельно развивающегося при равновесии ключевых функций (количество населения, территориальный охват и степень культурного развития) в этнической среде. Увеличение одной из функций поглощает эффективность действия других, и ведет к обязательному перестроению всего организма: либо он переходит в фазу максимального сохранения (стационарное состояние этноса, локализация существования, консерватизм), либо импульсно («толчками») начинает получать недостающую силу за счет других этносов.

Особое внимание С.М. Широкоговор придает *удержанию этнического равновесия как условию существования этноса в виде культурной и социальной единицы.* Данное условие определяется соотношением между численностью этноса, занимаемой им территорией и степенью адаптации к средам. Если происходят изменения в каком-либо одном элементе, это сразу ведет к общему системному сдвигу, и этнос может быть поглощен (ассимилирован) другим либо

⁹¹⁹ Там же.С. 88.

станет лидирующим (руководящим). Широкогоров пишет: «Поэтому этносу, находящемуся в состоянии медленных изменений, существующие формы кажутся извечными и данными ему свыше, а этносы, быстро изменяющие свою структуру, находят иные объяснения существованию социальной структуры, доводя в таких случаях даже до полного отрицания необходимости давать какие-либо объяснения, кроме своей собственной воли⁹²⁰».

При одинаковом способе существования двух и более этносов конфликт (борьба, война) может произойти по территориальному признаку: «Так, например, если живут рядом два этноса занимающиеся охотой, то оба они могут быть только конкурентами и стремиться вытеснить друг друга. Небольшое культурное или численное превосходство одного предопределяет исход столкновения – слабейший уступает территорию, но если происходит столкновение двух этносов различной культуры, то здесь требуется создание некоторого *modus vivendi*, не предопределяющего обязательного уничтожения одного этноса другим или утерю территории одним за счет другого⁹²¹».

Элемент культурного развития становится важным фактором в межэтнических отношениях, рационализирующих способ своего существования через интеграцию двух разных культур. К интеграции культурных особенностей этносов приводит кооперация – развитая форма сотрудничества на основании разделения труда – и усложнение социального аппарата при сохранении культурной самостоятельности. К ассимиляции ведет потеря одним из этносов формы его социальной организации, а сегрегации межэтнических отношений способствует форма паразитизма, в которой один этнос приспосабливается ради своего выживания, компенсируя доминирующему какой-то недостающий этнический элемент. Перечисленные формы свойственны только этническим сообществам, поскольку обладают тенденцией быстрого перехода одной формы в другую.

⁹²⁰ Там же, с. 79.

⁹²¹ Там же, с. 101.

Если же этносы поддерживают одну культуру (один культурный цикл), то их отношения складываются с большим или меньшим постоянством кооперативных отношений. Так или иначе, ученый констатирует тот факт, что стадии и темп развития того или иного этноса определяются относительно изменяющейся этнической среды. Важно и то, что изменение внутриэтнических элементов у одного этноса ведет к изменению всей этнической среды. Изменение одного элемента как импульс к изменению передается другим. Если же этнос, следуя своим биологическим процессам и безграничному распространению по территории, начинает осуществлять свое желание, он лишает другие возможности получать импульсы, исходящие из этнической среды, а сама среда перестает дифференцироваться, что является непременным условием обеспечения естественного существования и развития: «Таким образом, сохранение тех или иных делений в человечестве, а пока нам известна только одна форма: форма этнической дифференциации – естественное явление человечества, без чего его существование в состоянии развивающегося, вероятно, невозможно»⁹²².

На основании культурного взаимодействия, этнообразующего и регулирующего отношения этносов, происходит развитие и сохранение этнических элементов. Ключевым этническим признаком является самосознание, формирующееся на основании культурных, языковых, этических и эстетических значений общности, которая находится вне политического и юридического определения. Чем сложнее устроено равновесие комплекса общественных форм, тем сложнее организовано общество.

Культура воздействует «мягкой силой», открывая возможности этноса интегрироваться и формировать более сложные отношения, развивать все стороны взаимодействия при сохранении относительной этнокультурной самостоятельности. К потере самостоятельности одного этноса и подчинение другому происходит в связи с утратой языка, религии, социального устройства, что приводит к замещению, односторонней диффузии или смещению культуры. Наиболее комфортной для этнических отношений форма смешения по

⁹²² Там же, с. 105.

территории, когда «один из этносов самопроизвольно сокращается численностью, оставаясь равномерно распределенным по территории. Вытеснение по территориальному признаку может произойти только при численном превосходстве одного этноса над другим, что усиливает сопротивляемость у менее численного этноса. Культурное вытеснение не происходит более спокойным и предсказуемым способом. Ученый в данном случае делает описание современных форм развития цивилизованных полиэтнических обществ.

Одной из актуальных социальных практик, воздействующей на психоментальные комплексы этносов, было распространение мировоззрения межэтнической толерантности, в задачу которой ставилось формирование социокультурной способности принятия культуры иного этноса. Проводилось множество исследовательских (социальных, психологических и культурных) замеров, проявивших наличие эффективности общемировой установки на развитие межэтнических отношений в глобализирующемся мире. Межэтнические браки являются ярким тому примером. Поглощение одним этносом другого приводит к образованию нового этнокультурного (психоментального) качества. Но у сложноорганизованного этноса процессы изменения происходят достаточно быстро (затрачиваются большие усилия, чем у менее развитых), в связи с чем его жизненный период более краток или «интенсивнее его изменяемость и сильнее его зависимость от изменения общих условий».

Фундаментальным в концепции С.М. Широкогорова является определение «психоментальный комплекс», для полноценного объяснения которого понадобилось введение в теорию принципа трех производных этноса.

Теория С.М. Широкогорова была оформлена в духе научных исследований, проводимых в первой половине XX века. Зарубежные антропологи, этнографы, культурологи сосредоточились на поиске социально-психологических оснований, зафиксированных в культурных артефактах и проводящих к распознаванию феномена отношений человека и культуры. Результатирующими определениями стали концепты о типе модальной личности (Р. Бенедикт, К. Дюбуа), базисной структуры личности (А. Кардинер), национальном характере (М. Мид), статусной

личности (Р. Линтон), социальном характере (Э. Фромм). Комплексные явления культуры объяснялись как отражение суммы устойчивых психологических характеристик, свойственных тем или иным человеческим общностям и сохраняемых ими в определенном типе жилища, технологии и т.д. (например, в теории культурных кругов Л. Фробениуса). С другой стороны, С.М. Широкогоров в своей эвристической концепции предложил теорию психоментального комплекса, объясняющую современную проблематику этнокультурного развития групп в социокультурном пространстве.

Причинами развития психоментального комплекса являются отношения этноса с первичной, вторичной и третичной средами. Так, в первичной среде борьба за существование в сложных условиях добычи необходимых для жизни ресурсов дает импульс развитию ума и психики этноса, от его активности и изобретательности зависит итог биологической адаптации. Во вторичной расширяется производная социальная и культурная созидательная деятельность, консолидирующая силу для адаптации или приводящая к ассимиляции с другими этническими группами⁹²³. В третичной возникают внутренние – социально-психологические – основания культурного развития в пространстве отношений этнических групп, под влиянием которых этнос создает и сохраняет самобытную культуру. *Понятие психоментального комплекса раскрывает подвижную природу этнокультурного самосознания, закрепляемого в установках, идеях, видах поведения, обычаях и практиках. Комплекс суть устойчивая надындивидуальная структура, составляющая парадигму этнического бытия в его психологических и интеллектуальных измерениях.*

С.М. Широкогоров предложил свою *теорию этноса и как методологическое основание для исследования этнических общностей* – уникальных культурных и самобытных систем, считая неприемлемым и невозможным «применение терминов одного культурного комплекса для интерпретации другого», поскольку это не способствует пониманию действительно существующих функций

⁹²³ Там же, с. 61.

последнего. Ученый пишет: «Психоментальным комплексом я называю те культурные элементы, которые состоят из психических и ментальных реакций на данную среду»⁹²⁴. Решающие изменения в культуре этноса происходят только через психоментальный комплекс: когнитивные (моральные) и эмоциональные (психические) реакции-ответы на процессы трансформации природной и межэтнической сред. При этом претерпевают изменения только культурные элементы, а не весь комплекс в целом.

Культурными элементами выступают вещественное производство (сотворчество природного и человеческого в виде произведений-идеалов), технологии (мастерское производство, закрепленное в уникальных практиках и традициях), наука (доказательное и достоверное объяснение законного существования) и искусство (наглядная визуализация сущности этноса). Каждый этнос производит свой уникальный комплекс культурных компонентов, позволяющих успешно адаптироваться в окружающие природную, социокультурную и межэтническую среды, изменение одной из которых повышает динамику изменения этноса и кристаллизует его творческую (приспособительную) силу. От этноса требуются особые усилия по модификации прежнего качества, по моделированию новых технологий, восполняющих психические и ментальные компоненты с целью уравнивания комплекса.

Психоментальная деятельность этноса выражает себя через области культуры: культурно-созидательную (вся сумма знаний в области строительного искусства, одежды и питания), социально-организационную (потенциальная возможность этноса преобразоваться в форму народа, нации, государства) и философско-эстетическую (религия, наука, философия, этика и эстетика искусство). Глубинно понять ту или иную этническую культуру можно через анализ созданных ею архифункциональных вещей и текстов. *Исследовательский путь культуры этноса базируется на артефактах и культурных текстах, не только способствующих детальному изучению этнографически-культурных элементов, но и указывающих на сумму психологических оснований, созданных*

⁹²⁴ Там же, с. 66.

этносом для самоидентификации и этнической идентичности. Культурные тексты есть результат психологической и умственной деятельности, в высокой степени концентрирующий этнические (базовые) различия этнокультурных групп.

Для С.М. Широкогова было принципиально важно доказать, что этнос не имеет никаких иных оснований для доказательства своего существования и развития, кроме культурных: «Этнос является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству, как виду, существовать». Физические, расовые, видовые классификации дифференцируют и разрушают целостность этноса. Языковые, религиозные, научные, философские, психологические основания выступают фундаментальными условиями создания человеческой культуры⁹²⁵.

Широкогов уточняет *специфику научных подходов к изучению этноса*: антропологический должен быть сосредоточен на изучении психологического и мыслительного (ментального) комплекса в процессе приспособления человека к природе (антропологические признаки как проявление биологической функции); лингвистический – на определении культурного местоположения (например, южный и северный диалекты одного этноса), этнографический состоит в этнокультурной идентификации (определение степени влияния культуры одного этноса на другой либо кросс-культурное исследование этносов).

Наиболее эффективен (идеален) комплексный подход, объединяющий аспектное понимание в синтез знания об этносе, однако такого подхода, по мнению ученого, еще не существует: «Итак, классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точек зрения до настоящего времени ещё не дали возможности построить согласованную схему. Быть может, ввиду неустойчивости всех признаков и легкого заимствования их, это и невозможно сделать вообще». Однако поскольку каждый этнос имеет огромное количество своих обычаев и традиций, даже если произошла утрата первоначального значения (сохраняется как привычка) или смена значений, то актуальность

⁹²⁵ Там же. С. 33.

культурных элементов и явлений можно выявить путем анализа современных культурных практик, проявляющих устоявшиеся (привычные) и формирующих новые смыслы традиций и обычаев.

Культура этноса живет и обновляется в процессе гибели или рождения внутренних явлений и элементов, но этот процесс осуществляется только по принципу этнического равновесия: этнографические комплексы в системе культуры тесно взаимосвязаны и могут взаимоуравновешиваться (низкий уровень материальной культуры и высокий эстетико-философский) друг за счет друга, поскольку функционируют ради сохранения целостности этноса. Ученый отмечает: «Каждый этнос во имя своего существования стремится к сохранению равновесия, которое иногда достигается слабым развитием одних элементов за счет сильно развитых других. Только этим принципом мы можем объяснить существование сложнейших этнографических явлений наряду с примитивными или даже нулевыми другими явлениями». Если убрать, исключить, заменить какой-то уже присущий этносу этнографический комплекс, то этнос и его культура исчезнут. Одним из верных исследовательских путей признано изучение в предельно возможном объеме существующих «здесь и сейчас» этнических элементов и явлений как некой целостной системной комбинации. На место эволюционного подхода необходимо поставить структурный подход, где объективно все этносы имеют равный вес и уникальный набор этнокультурных элементов. Изучение этносов имеет не узкое, а фундаментальное значение, поскольку этнический фактор в любом обществе первичен по отношению к его политическому определению. То есть рассмотрение общества как народа, нации или государства не только разделяет знание по областям науки («общественные, государственные и юридические институты покоятся прежде всего на их всеобщем признании⁹²⁶»), но и отдаляет от понимания сущности этноса.

На основании теории этноса С.М. Широкогорова можно сформулировать определение «культуры этноса» как уравнивающей силы его интеллектуального и психического развития. Сфера культуры структурирована на

⁹²⁶ Там же. С. 27.

ряд составляющих: религиозную, научную, техническую, политическую, экономическую, физическую, правовую, художественную. При этом культура этноса структурирована сложным образом, поскольку формируется во внешней среде социокультурных и межэтнических отношений, актуализирующих психоментальную силу этноса и изменяющих его культурные качества. Самоизоляция приводит к ослаблению силы и потере культурных качеств. И наоборот, устойчивые межэтнические отношения фиксируют валентность и определенность этносов в поликультурной среде. Принцип устойчивости отношений фиксирует особого рода связь между этносами, обеспечивающую стабильность их развития в целом. Этнокультурное пространство становится органичной средой, импульсирующей естественное развитие этногрупп в целом.

Подобную точку зрения на феномен сложной этнокультурной идентичности в начале XX века сформулировал Вильгельм Вундт (1832–1920), основатель школы психологии и автор доказательства возможности экспериментального пути проявления вовне психических процессов с целью выяснения природы психологии народов⁹²⁷. Одной из задач в исследовании описательной и исторической психологии В. Вундт считал разработку методологического анализа отражения человеческого духа в формах культуры (язык, религия, обычаи, мифы). В первую очередь В. Вундта заботила возможность изучения актуального состояния психологии народов. Ученый считал, что непосредственное переживание языка и мифов (основы веры), обычаев (основы морали) закрепляется в сознательном опыте, исследование которого открывает актуальные ценностные смыслы группового определения как особой общности.

С одной стороны, выяснение законов психологии народов дает ключ к пониманию многих локальных культур⁹²⁸. Поскольку культура есть результат взаимодействия с внешними материальными условиями и влияниями, то в ней и заключены психологические особенности народа – *его внутренний опыт и*

⁹²⁷ Вундт В.М. Проблемы психологии народов / пер. с нем. Н. В. Самсонова. Изд. 3-е. Сер. Из наследия мировой психологии. М. URSS, 2010. 132 с. [Данная книга издана в 1911 и является введением к десяти томному труду, созданному ученым в 1900-1920 годы].

⁹²⁸ Там же. С. 6-7.

актуальное состояние сознания. «Душа народа» (термин В. Вундта) понимается через совокупность всех внутренних переживаний, общих для большего числа индивидуумов, однако не является следствием никакого первичного объекта-источника. В связи с этим изучение исторического развития, поиск объяснений и описаний связи народа с его «первоначалом» не имеет смысла: «... все духовные явления втянуты в тот поток исторической эволюции, в котором прошлое хотя и содержит в себе задатки развития законов, пригодных для будущего, однако эти законы никогда не могут быть исчерпывающим образом predeterminedены прошлым. Поэтому в каждый данный момент можно в крайнем случае предсказать направление будущего развития, но никогда не само развитие»⁹²⁹.

С другой стороны, общие культурно-психологические основания можно исследовать и интерпретировать только в настоящем (актуальном) состоянии, понять законы развития психологии крайне сложно и, возможно, не необходимо, т.к. потребует излишних усилий для поиска эволюционных (психологических, физиологических) сравнений, уже мало имеющих отношения к психологии народа, к сфере которой В. Вундт относил те *психические продукты, которые создаются вследствие общественного характера жизнедеятельности.* Поэтому они необъяснимы индивидуальным сознанием. При этом «душа народа» всегда состоит из «единичных душ» и представляет собой совокупность содержания душевных переживаний людей, принадлежащих к данному народу и общности и связанных между собой постоянными взаимоотношениями и взаимодействиями. «Общий дух» есть нечто большее, чем сумма отдельных индивидуумов, через которых он проявляется.

К основным проблемам психологии народов В. Вундт относил исследование проблем языка, мифов, обычаев. Именно они и представляют общий дух и выражают психический склад тех или иных людей. Язык, миф и обычаи есть не отдельные фрагменты творческого духа, а они и есть этот дух. Также народный дух явлен в национальном самосознании: личности выражают то или иное национальное самосознание и сами воздействуют на него. Данный социально-

⁹²⁹ Там же. С. 19.

культурно-психологический процесс порождает общие переживания, восприятия и представления взаимодействующих между собой людей. Феномен народа можно исследовать двумя путями: 1) анализом культурных практик; 2) изучением особенностей языка, мифов и обычаев, почитаемых народом. И то, и другое служит индивиду мостом к знанию его народа: «Можно исследовать индивидуальные переживания также с точки зрения общего их значения или проявляющихся в них общих законов душевной жизни».

Устойчивость культурно-психологических характеристик отражает общие закономерности, продолжительно существующие при самых различных культурных условиях, и тем самым доказывающие общую значимость и закономерность развития. Так, *язык* как содержательная форма представлений о духе народа и законах его развития *выступает знанием. Мифы служат повествованием*, существуя как форма первоначального содержания этих представлений, *обычаи* же обозначают возникшие из этих представлений общие направления воли, существующие как *установленный порядок и система права и морали*. Данные факторы взаимосвязаны и представляют собой непосредственные продукты творчества духа народа, они и есть дух народа: «обычаи выражают в поступках те же жизненные воззрения, которые таятся в мифах и делаются общим достоянием благодаря языку. И эти действия, в свою очередь, делают более прочными и развивают дальше представления, из которых они проистекают. Исследование такого взаимодействия является поэтому, наряду с исследованием отдельных функций души народа, важной задачей психологии народов».

Таким образом, *В. Вундт объясняет феномен психологии народа как содержание значимых и поддерживаемых представлений, закрепленных в языке, мифах и обычаях. Концепция В. Вундта подтверждает ключевую гипотезу С.М. Широкогорова о том, что любая этнокультурная группа создает свою культуру и фундирует ее в комплексе произведений с целью сохранения и воспроизводства этнической самодентичности и идентичности. В.Вундт подчеркивает органичную природу элементов культуры и их относительную независимость от истории народа. Этнический язык хранит знания как ядерный элемент сохранения*

общего, а потому вбирает в себя исторические и индивидуальные изменения, не меняя своего базового содержания. Этнический миф как повествование об общем и всеобщем содержит в себе инварианты прошлых и настоящих представлений и поэтому должен исследоваться как актуальный для современного общества феномен. Этнический обычай – это привычный порядок, культивируемый в сознании и человека, и этноса, к которому тот себя относит, что имеет определенное влияние на характер поведения. Следуя логике Вундта, можно констатировать, что дух народа воплощается в феноменах языка, мифа и обычаев, приобретая свой контекст в среде взаимоотношений людей.

В методологическом плане культуролого-психологическое исследование идет по двум путям: 1) простое и беспристрастное описание фактов, 2) эмпирическое исследование процессов сознания на индивидуальном и социальном уровне. Результатом становится фиксация условий, в которых возникли и (или) происходят психологические явления, а также контекстной среды, сформировавшей его. Иначе говоря, невозможно понять суть явления вне развивающих его условий – контекстной среды, в которой оно возникло. Поскольку условия складываются только в среде социальных отношений, то при исследовании психологического материала обнаруживаются три уровня базовых феноменов: индивидуальный (как факт индивидуального сознания), социальный (существующий в контексте истории) и всеобщий (вне исторических условий, как мотивы мышления и поведения). В целом психология народов помогает проследить фактическое развитие коллективного сознания, безоценочно исследуя реальные значения отдельных фактов для общей связи и обнаруживая сложные формы социально-психологических явлений.

Вывод параграфа 4.1

На основании культурологического анализа теории этноса С.М. Широкогорова и подтверждающей ее основные положения концепции В. Вундта в контексте понятия «этнокультурная группа» можно прийти к следующим выводам.

Понятие «этнос» является концептуальным стержнем для исследований сферы жизни этнокультурных групп, каждая из которых объединена верой в единство своего происхождения, традиций и обычаев, языка и уклада жизни. Каждый этнос имеет свойственный психоментальный комплекс, на основании которого выстраиваются основания для развития этнических общностей. Психоментальный комплекс – это 1) процесс и результат освоения этносом природных (ландшафтно-климатических) и технологических барьеров, преодоление которых приводит к социальной и культурной инноватике, закрепленной в уникальных способах, типах, видах этнической деятельности; 2) процесс и результат производства этнического самосознания, выраженного в устойчивых психологических характеристиках (психические и интеллектуальные реакции), и закрепленных в виде научных представлений, обрядов, обычаев, норм и правил; 3) комплекс культурных текстов, создаваемых и культивируемых этносом для своей самоидентификации и этнической идентификации посредством сохранения и воспроизводства этнического фольклора, кино, поэзии, особенностей национального костюма, рецептов традиционной пищи.

Этногенез, социогенез и культуругенез строго тождественны, обладают характеристиками вневременности и цикличности, данная совокупность психически и ментально закреплена в коллективном сознании. В этой связи феномен этнической идентичности сложен в определении, его природа имеет подвижные границы, отражая путь развития этноса от трансформации к трансформации.

Этническая идентичность формируется в границах исторических изменений, производящих смену адаптаций к окружающему миру. Как социокультурная единица этнос развивается путем преодоления происходящих вовне изменений (природных, технологических, межэтнических), выстраивая свое отношение по принципу сохранения устойчивости психологических оснований и уравновешенности самосознания, проявляющихся через интеллектуально-психическую деятельность.

Определения «этнос» и «психоментальный комплекс» в совокупности отвечают современному содержанию понятия «этнокультурная группа», недавно вошедшему в научный лексикон для объяснения динамики развития социокультурных и межэтнических отношений, что должно быть учтено на всех уровнях управления этими процессами (государственном, краевом, муниципальном).

Во-первых, в определении этноса как этнокультурной группы происходит синтез онтологического (союз родовых семей, коммуна, община, общность) и деятельностного (культурообразующая и культуросозидающая деятельность этноса) аспектов. Во-вторых, оно более отвечает реальности существования этноса в социокультурном межэтническом мировом пространстве, постоянно оказывающем влияние на развитие психоментальных комплексов. В-третьих, в социокультурной межэтнической среде именно сфера культуры определяет самоидентификацию и этническую идентификацию, делая их этнокультурной идентификацией и самоидентификацией. Культурные тексты становятся преобладающей и стабильной связью между индивидом и его этническим самосознанием, выдерживающей трансформации в связи с изменениями социально-экономических условий. Этнокультурная группа достаточно четко фиксирует набор аутентичных культурных текстов, культурного наследия, которые позволяют ей сохранять, развивать и культивировать этническую самоидентификацию на основе общности культурной и исторической памяти.

Этнокультурная группа есть производная процесса создания культурный текстов и воздействия культурных практик, поддерживаемых общностью с целью развития и адаптации к новым культурным реалиям. Исходя из этнологического (С.М. Широкогоров) и психологического (В. Вундт) обоснования, можно утверждать, что ключевым процессом для каждого этноса является сохранение этнокультурной идентичности, посредством которой формируются базовые ценности, осуществляется взаимовлияние с другими культурными этногруппами, складываются ее новые формы.

На этом основании определяются особенности понимания процесса сохранения и развития этнокультурной идентичности: 1) устойчивость этнокультурной идентичности во времени обеспечивается успешными способами приспособления к новым социокультурным условиям; 2) развитие этнокультурной идентичности происходит посредством выстраивания отношений с иными этногруппами, что одновременно обеспечивает уход от кризиса идентичности; 3) потребность в сохранении идентичности приводит к необходимости в культурных практиках, адаптирующих прежнее и развивающих новое ценностное восприятие.

4.2 Динамика государственной культурной и национальной политики советского периода

В данном параграфе рассмотрена динамика культурной национальной политики с 1920-х годов по настоящее время: в период формирования и трансформации этнокультурного идентификационного качества советского и российского общества с помощью механизмов культуры. Столетие охватывает крупные исторические этапы формирования и развития, включая советско-национальное социоцентрическое качество общества. Цель исследования – выявление закономерностей советской национальной политики в динамике культурных и социальных практик по формированию этнокультурной идентичности. Для культурологического анализа привлечены концептуальные положения теорий С.М. Широкогорова (принцип динамики этноса как пути этнической группы от трансформации к трансформации) и К. Гирца (принцип воспроизводства этнической идентификации в культурных практиках и текстах), на основании которых можно понять, как организована этническая идентификация посредством культурных текстов, и сформулировать целостное представление об этнокультурной группе. Для достижения цели были решены следующие задачи: 1) рассмотрены базовые определения «культурная политика» и «культурная национальная политика» в контексте современной теории и истории культуры; 2) проведен анализ динамики культурной национальной политики Советского Союза в аспекте генезиса и пути трансформации психоментального комплекса этнических групп с помощью механизмов культуры (1922-1991); 3) обосновано определение «этнокультурной группы» как результата воздействия на этносы конкретной культурной политики.

Для определения понятия «культурная политика» необходимо прежде всего обратиться к культурологическим исследованиям, в которых уделено внимание ее социально-культурной роли. В диссертационных работах В.С. Лузана

«Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации» и «Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 годы: культурологический анализ»⁹³⁰ предложено синтетическое определение культурной политики как системы человеческой деятельности, включающей в себя «ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощения в социально-культурной действительности»⁹³¹. Следовательно, можно зафиксировать два ее функциональных значения: как государственной политики, связанной с деятельностью государства, и как культурного механизма, образующего социокультурную реальность посредством деятельности различных социальных субъектов. Их функциональная взаимосвязь видна в процессе формирования единого культурного пространства как на федеральном, так и на региональном уровнях. На региональном уровне культурная политика приобретает смысл практической реализации государственных задач с учетом специфики социально-культурных процессов. Ученый отмечает, что в истории российского государства именно с начала XXI века начинается формирование реальной региональной культурной политики. В советский же период и до конца 1990-х годов она была подчинена государственной национальной политике, идеологически определяющей развитие социальных процессов на всех территориях.

Понятие «культурная национальная политика» акцентирует внимание на объекте воздействия: формирование «национального» идентификационного качества. Однако в содержании определения кроется его двойственное понимание в современном отечественном научном дискурсе: оно отождествляется либо с «этническим», либо с «гражданственным». Как отмечает К.В. Резникова, в научной дискуссии сложились два противоположных подхода на природу нации:

⁹³⁰ Лузан В.С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 год: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурол. наук. Красноярск, 2017. 386 с.

⁹³¹ Лузан В.С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. Красноярск, 2011. С. 8.

«этнос преимущественно понимается как народ, тогда как нация – как гражданство, при этом и нация, и этнос обладают социально-конструктивной природой»⁹³². В связи с этим можно обнаружить отдельные аспекты понятия «национального» в разные периоды, выявив его содержание посредством анализа задействованных социально-культурных практик как в историческом прошлом, так и в актуальной действительности.

Российские научные центры исследований советской национальной политики по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Основой формирования советской национальной политики является строительство федеративного типа отношений, цель которого - создание единого многонационального государства нового типа (социалистического). Национальная политика СССР как предмет научных интересов является предметом исследований центров как столичных, так и региональных.

Современные российские центры исследований государственной национальной политики советского периода включают в себя исследовательские институты городов Москвы и Санкт-Петербурга. Москва как столица в период становления и развития СССР с 1920-х и до 1970-х годов XX века являлась центром государственного управления, в том числе и средоточием академических сообществ, решающих академические проблемы национальной политики. Здесь развиваются такие исследовательские центры, изучающие советскую национальную политику по целому ряду аспектов как МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая Российской Академии наук, МГИАИ, МГИМО.

Московский государственный университет им. Ломоносова является одним из основных центров сосредоточения научной деятельности с XVIII века. Национальными и этническими проблемами занимались такие ученые МГУ им. Ломоносова как: А. Я. Брюсов, Я. Я. Рогинский, Ю. В. Готье, И.С. Галкин, В.П.

⁹³² Резникова К.В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис... канд. филос. наук. Красноярск, 2012. С. 13.

Волгин, А.Л. Сидоров, Б.Д. Греков, Л.С. Гапоненко и др.⁹³³ В основном данными вопросами занимались институты истории и философии. Основное направление исследований связано с позитивным действием партийных органов или же сравнительный анализ моделей построения межнациональных отношений. Возникает вопрос о неравномерно удачном выполнении программы национальной политики и выявление некоторых отстающих областей СССР.

Университет МГИМО был создан в 1944 году и основными научными направлениями здесь являются международные и межнациональные отношения. Межнациональные аспекты международных отношений исследовали такие ученые как: Л.Н. Иванов, С.Л. Тихвинский, Н.Н. Иноземцев, Е.М. Примаков и др.⁹³⁴ В данных исследованиях изучение советской национальной политики происходило применительно к международным сравнениям.

В Санкт–Петербурге Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая Российской Академии наук генетически связан с Кунсткамерой Санкт-Петербурга, и вопросы национальных отношений и национальной политики в контексте народов СССР всегда были для него приоритетными. Социологическими исследованиями и обозначением социально-политических идеалов разных народов СССР занимались такие ученые как: Ю.В. Арутюнян, К.В. Чистов, С.И. Брук, И.С. Гурвич, И.С. Кон, М.О. Косвен, Л.Н. Чижикова и др.⁹³⁵ Историей происхождения народов СССР занимались такие ученые как: В.В.

⁹³³ Брюсов А.Я. Археологические культуры и этнические общности // Советская археология, 1956. № 26. С. 5–28; Рогинский Я.Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М.: Изд-во Московского университета, 1949. 155 с.; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: монография. Т. II. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М., Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1941; Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг.». М.: Изд-во Московского университета, 1960. 266 с.; Волгин В.П. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией: (1748– 1789). М., Ленинград: Издательство Акад. наук СССР, 1940. 190 с.; Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1970. 221 с.; Греков Б.Д. И. В. Сталин и историческая наука // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1949. № 6; Из истории Советов народных депутатов в период развитого социализма: сб. науч. тр. аспирантов / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. истории; под ред. Л. С. Гапоненко. М.: АОН, 1979. 156 с.

⁹³⁴ Иванов Л.Н. Очерки международных отношений в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 275 с.; Тихвинский С.Л. Сунь Ят– сен — друг Советского Союза. К столетию со дня рождения 1866–1966. М.: Наука, 1966. 413 с.; Иноземцев Н.Н. Современный капитализм: новые явления и противоречия. М.: Мысль, 1972. 160 с.

⁹³⁵ Социальное и национальное: опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1972. 330 с.; Чистов К.В. Русские народные социально– утопические легенды

Бунак, О.А. Ганацкая, Т.А. Жданко, В.В. Покшишевский, Ю.И. Семенов и др.⁹³⁶ Советская теория этноса отражена в трудах выдающихся исследователей работавших в данном институте: Ю.В. Бромлей, П.И. Кушнер, В.И. Козлов, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Г.В. Шелепов, М.В. Крюков, М.Г. Левин и др.⁹³⁷

Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ) был образован в 1930 году и являлся признанным центром архивоведения. Позднее на его базе создан Российский государственный гуманитарный университет. Исследования национальной политики СССР организованы учеными этого научного центра в контексте анализа архивных документов с реконструкцией исторической действительности, в том числе и в области советской национальной политики. Так, В.В. Максаков был участником организации издания дипломатических документов «Международные отношения в эпоху империализма».

Для столичных научных центров изучения национальной политики и межнациональных отношений характерен анализ теоретических концепций этничности, природы возникновения национальных конфликтов, этнополитической ситуации в советском обществе и проблемы миграции.

XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.; Брук С.И. Численность и расселение народов мира. Серия: Народы мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962 г. 482 с.; Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.; Его же. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза // Советская этнография. 1982. № 6. С. 15; Его же. Сохранение этничности у народностей Севера СССР // Этнические процессы в СССР и США: Материалы сов.-американ. симпозиума, 1986. С. 151–162; Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 260 с.; Чижикова Л.Н. Социалистические преобразования в быту и культуре колхозного крестьянства Кубани: Материал для обсуждения на Сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Ин-т истории Акад. наук СССР. Науч. совет по проблеме "История соц. и ком. строительства в СССР". М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 31 с.

⁹³⁶ Бунак В.В. Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М.: Наука, 1965. 414 с.; Ганацкая О. А. Этнические процессы в странах зарубежной Европы: сб. ст. М.: Наука, 1970 г. 284 с.; Жданко Т. А. Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1962. Т. I. 232 с.; Покшишевский В.В. Население и география. М.: Мысль, 1978. 320 с.; Семенов Ю.И. Возникновение человеческого общества. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1962. 672 с.

⁹³⁷ Бромлей Ю.В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы направления, методы / Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1988. 222 с.; Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том XV. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 280 с.; Козлов В.И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М.: Наука, 1969. 407 с.; Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии, 1964. № 11. С. 43.; Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография, 1967. № 4. С. 100; Шелепов Г.В. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография, 1968. № 4. С. 66.; Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Вып. 6, 1976.; Левин М.Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 359 с.

Затрагивается и адаптация традиционных национальных культур к современным условиям.

Санкт-Петербург наряду с Москвой является одним из крупнейших центров общественной и культурной жизни российского общества. Важно отметить деятельность Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). В советский период институт истории (ЛОИИ) занимался вопросами национальных отношений. Над данными проблемами работали исследователи: С.Н. Валк, И.Л. Тихонов, А.Л. Фрайман, В.В. Мавродин и др.⁹³⁸ В исследованиях ученых СПбГУ делается акцент на формирование общего экономического пространства и единого государственного языка, что, в свою очередь, по мысли авторов, способствует формированию новой общности «советский народ». Национальное и интернациональное являются в их исследованиях диалектическими и взаимопроникающими категориями.

Региональные исследовательские центры, изучающие советскую национальную политику, сосредоточились в крупных сибирских городах, таких как Новосибирск (Новосибирский государственный университет, Сибирское отделение Академии наук) и Томск (Национальный исследовательский Томский государственный университет). В виду близости к местам компактного проживания этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока проводимые исследования обширны, в них разрабатываются различные аспекты исторического, политического, этнографического положения этих народов.

Одними из ключевых и разносторонних исследований на базе Сибирского отделения Академии наук СССР (впоследствии Сибирского отделения Российской академии наук) являются труды В.И. Бойко⁹³⁹ и Ю.В. Попкова⁹⁴⁰, а

⁹³⁸ Очерки по истории русской общественной мысли, вторая половина XIX–XX века / отв. ред. С. Н. Валк. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 441 с.; Тихонов И.Л. Первые годы Исторического факультета // Санкт-Петербургский университет, 2004. № 22–23. С. 20–23.; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / ред. А. Л. Фрайман. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1967; Мавродин В. В. Образование русского национального государства. Л.: ОГИЗ. Соцэргиз, 1939. 196 с.

⁹³⁹ Бойко В.И. Общее и национально-особенное в концепции интернационализации общественной жизни народностей Севера СССР. Новосибирск, 1988. 71 с.; Бойко В.И. Социально- профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1981. 175 с.

также совместные работы этих ученых⁹⁴¹. Исследовательский интерес сосредоточен вокруг правового статуса малочисленных народностей Севера России, который был результатом национальной политики СССР, сравнение положения советских коренных малочисленных народов с подобными этнокультурными группами других стран. Часть работ представляет историографический анализ положения данных групп. Также можно выделить демографическое направление исторических исследований коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в новосибирских академических институтах⁹⁴², изучение традиционного труда в культуре коренных народностей⁹⁴³, вопрос освоения ресурсных территорий Севера⁹⁴⁴, религиоведческие исследования⁹⁴⁵. Исследовался вопрос о состоянии культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока во время развития СССР⁹⁴⁶ или важного государственного процесса⁹⁴⁷.

Исследования коренных малочисленных народов Севера на базе институциональных научных объединений г. Томска, разносторонни, как и у их новосибирских коллег. Они представлены трудами научного сообщества Национального исследовательского Томского государственного университета, а также Института развития образовательных систем Российской академии образования. Как правило, эти исследования носят региональный характер.

⁹⁴⁰ Попков Ю.В. Динамика правового статуса и реальное положение народов Севера: сравнительный опыт Канады и России // Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири. Барнаул; Новосибирск; Москва: Изд-во АРНЦ СО РАО, 1999. С. 150–171; Его же. Процесс интернационализации у народностей Севера: теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение Академии наук, 1990. 200 с.

⁹⁴¹ Бойко В.И. Попков Ю.В. Развитие отношения к труду у народностей Севера при социализме. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1987. 172 с.; Они же. Трансформация международного права в отношении коренных народов // Жизненный потенциал этнокультурного развития современной Сибири. Барнаул; Новосибирск; Москва: Изд-во АРНЦ СО РАО, 1999. С. 140–149; Они же. Политико-правовой статус коренных народов Севера: На пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: Издание ИФиПр СО РАН, 1997. 53 с.

⁹⁴² Исупов В.А. Демографическая катастрофа малочисленных народов Сибирского Севера в 1930–е годы (на материалах Эвенкийского национального округа Красноярского края) // Этносоциальные процессы в Сибири. №. 2. Новосибирск, 1998. 250 с.

⁹⁴³ Тураев В.А. Проблемы отношения народностей Северо-Востока СССР к традиционному и нетрадиционному труду. Сельское и промысловое хозяйство Крайнего Севера. Новосибирск, 1986. 190 с.

⁹⁴⁴ Саркин А. В. Опыт комплексного освоения биологических ресурсов Таймыра // Проблемы охотничьего хозяйства севера Красноярского края. Новосибирск, 1979. С. 19–25.

⁹⁴⁵ Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1992. 239 с.; Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1980. 317 с.

⁹⁴⁶ Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск: Наука, 1978. 367 с.

⁹⁴⁷ БАМ и народы Севера / отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1979. 176 с.

В рамках исторических научных дисциплин представлено изучение вопроса образования народов Севера⁹⁴⁸. Среди исследований коренных малочисленных народов Севера в контексте их взаимодействия с российским государством выделяется книга профессора Калифорнийского университета в Беркли Юрия Слезкина «Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера⁹⁴⁹».

В целом этнографические исследования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока не менее обширны, они характерны как для советского периода, так и современного (например, А.П. Дульзон, Г.И. Пелих, Г.П. Харючи⁹⁵⁰). Внимание Томских исследователей также сосредоточено на культурные трансформации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контексте советского социалистического строительства (например, В.А. Зибарев⁹⁵¹), предметом исследования выступает национальный политический аспект – формирование государственности у данных этнокультурных групп (Н.Т. Онищук⁹⁵²), формированию региональной идентичности в советский период (К.А. Безбрилова⁹⁵³). Правовым аспектом занимаются А.И. Ким и Ф.А. Муртаза–Оглы⁹⁵⁴, демографический разрабатывается

⁹⁴⁸ Еремеева О.И. Обеспечение Сибирского Севера квалифицированными кадрами в 30–е годы XX века // Вестник Томского государственного университета, 2012. № 1 (17), С. 39–44; Малиновская С.М. Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2014. №. 2. С. 104–111; Малиновская С.М. Формирование политики национального просвещения народностей Севера (на материалах архива Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2007. №. 302. С. 100–104.

⁹⁴⁹ Слезкин Ю., Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

⁹⁵⁰ Дульзон А.П. О приёмах определения отдалённого языкового родства. В сб.: Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд–во Томского университета, 1969.; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: Изд–во Томского университета, 1972. 424 с.; Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск: Изд–во Томского университета, 2001. 225 с.

⁹⁵¹ Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917– 1932 гг.). Томск: Изд–во Томского университета, 1968. 334 с.

⁹⁵² Онищук Н.Т. Создание Советской национальной государственности народностей Севера. Томск: Изд–во Томского университета, 1986. 162 с.

⁹⁵³ Безбрилова К.А. Формирование региональной идентичности в рамках советского прошлого (территориальный аспект) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск, 2013. Т. 4. С. 13–16.

⁹⁵⁴ Ким А.И., Муртаза–Оглы Ф.А. Часть наций и народностей СССР как субъекты автономии // Актуальные вопросы правоведения в развитом социалистическом обществе. Томск, 1982. 117 с.

Д.Д. Богоявленским⁹⁵⁵, историографический аспект представлен М.В. Белозеровой⁹⁵⁶.

Ведущие специалисты в области этнографии, культурной антропологии и лингвистики неоднократно обращаются к темам, связанным с проводимой в СССР национальной политикой по отношению к коренным малочисленным народам Севера. В их работах обсуждается, каким образом трансформировались разные сферы культуры сибирских народов с течением времени, выделяются периоды господствовавшей социалистической идеологии и социокультурной политики советского периода их истории. Так, например, в монографии «Тюркские народы Сибири» Д.А. Функ с соавторами изучают историю тюркских народов, таких как хакасы, алтайцы и другие, проживающих на территории Сибири, выделяя советский этап их истории⁹⁵⁷. Про сибирских татар сообщается, что в советский период ими осуществлялись активные миграции в города, приводится статистика о составе населения крупных сибирских городов. В монографии содержатся замечания о том, что сибирские татары повсеместно проходили этапы преобразования хозяйства в колхозную систему, следствием чего явилось развитие мясо-молочного животноводства, зерноводства и овощеводства, практически отсутствующих в досоветские времена истории этих народов. Советская власть проводила политику и в области преобразования быта сибирских татар, в этом процессе, отмечают авторы, большую роль сыграло формирование сельских советов, а также проводимая партийными с комсомольскими организациями работа среди населения. Большое значение, по мнению исследователей, имели мероприятия в области просвещения: антирелигиозная пропаганда, организация клубной деятельности, возможности доступа к литературе для чтения. Национальная политика государства активно

⁹⁵⁵ Богоявленский Д.Д. Некоторые вопросы занятости народностей Севера и демографические процессы // Смена культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1987. С. 58–61.

⁹⁵⁶ Белозерова М. . Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири: 1920–е гг. – начало XXI в.: дис...д-ра ист. наук. Томск, 2008. 794 с.

⁹⁵⁷ Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2006. 678 с.

влияла на характер экономических отношений, принятых в среде коренных народов Сибири.

Значимые исследования ключевых процессов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока характерны для Е.В. Головки, область научных интересов которого принадлежит лингвистике. Тем не менее говоря об истории североведения в отечественной науке, ученый обсуждает также и некоторые моменты политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в том числе, значение фиксации перечня северных народов в законодательных актах, введение в оборот понятия «народы Севера», введения переписи населения, особенности употребления терминов «малочисленные народы» и «коренные народы», где второй термин не употреблялся в связи с колониальным контекстом, от которого советское государство таким образом дистанцировалось⁹⁵⁸. Уделяет внимание Головка Е.В. также и вопросу проведения языковой политики на современном этапе, фиксируя особо острые проблемы уже в постсоветское время в области сохранения национальных языков в стране. В статье «Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации⁹⁵⁹» даны практические рекомендации по проведению языковой политики на современном этапе: поощрение инициатив носителей языка в различных областях применения, создание программы возрождения языков на федеральном уровне.

Ряд статей А.В. Головнёва посвящен рассмотрению ряда характеристик кочевых народов, среди которых выделяются коренные народы Севера, таких как мобильность, способность находиться в постоянном движении, осуществлять миграции, оказывающие влияние на ментальность и быт этих народов. Статья А.В. Головнёва⁹⁶⁰ посвящена подробному рассмотрению истории и

⁹⁵⁸ Головка Е.В. Петербургская школа лингвистов-североведов // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2012. Т. 2011. С. 3–15.

⁹⁵⁹ Головка Е.В. Современная языковая политика и проблема сохранения языкового и культурного разнообразия в Российской Федерации // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири. 2016. С. 9–12.

⁹⁶⁰ Головнёв А.В. Кочевники Севера: ментальность и мобильность // Новые исследования Тувы. 2019. №. 3. С.15–25

значению создания номенклатуры северных народов. В тексте содержатся примеры того, как в советский период определение народов строилось не только на этнографических данных, но, нередко, и на личных установках исследователей, что положило начало для этнографического выделения небольших демографически групп народов. Часто в процессах этноопределения в советский период оказывалась замешана и бюрократическая система, понуждавшая некоторые народы отказываться от своей этнической идентичности в пользу иной другой. Также в статье упоминается политика перевода кочевых народов на оседлый статус в 1930-1940-е гг. В другой статье⁹⁶¹ обсуждается стремление советской власти контролировать миграции кочевых народов, способствовать их переходу к оседлому образу жизни. Автор статьи отмечает, что руководители, проводившие данную политику, достаточно глубоко и всесторонне изучали культурные и общественные явления, характерные для того или иного народа, опирались в принятии решений на исследования ученых. Этой же темы А.В. Головнёв касается и в статье «Кочевая традиция как культурное наследие Арктики»⁹⁶².

Т.Д. Булгакова одну из своих статей посвящает обзору идей исследователя Гурвича И.С. о политике патернализма в советское время по отношению к коренным народам Севера⁹⁶³. Здесь автор кратко описывает различные оценки эффективности данной политики, выделяя положительные моменты (возможность получать качественное медицинское обслуживание, иметь возможность сохранить свою культуру, важнейшим компонентом которой является язык и т.п.) и обозначая критическую позицию по этому вопросу (такие как иждивенчество и зависимость от государства). Далее Булгакова Т.Д. обращается к анализу аргументов в пользу эффективности патерналистского подхода, предложенных Гурвичем И.С. В частности здесь сообщается об

⁹⁶¹ Головнёв А.В. Перевод кочевников на оседлость: ревизия идеи // Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова. Сборник научных статей, Иркутск, 2020. С. 134–151.

⁹⁶² Головнёв А.В. Кочевая традиция как культурное наследие Арктики // Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. 2017. С. 69–83.

⁹⁶³ Булгакова Т.Д. И. С. Гурвич о политике патернализма в отношении коренных народов Севера // Вестник антропологии. 2021. С. 30–40

убежденности исследователя в необходимости создания письменности, обеспечивающей возможность обучения на своем родном языке, что, в конечном итоге, должно было привести к равноправию народов Севера с другими народами. Однако, по его мнению, наряду с этим необходимо было проводить такую политику, которая не допускала бы обособления народов от общей культурной жизни, формировала бы такое самосознание, которое бы преобладало над формами локальными. В целом, автор статьи отмечает, что обращение к трудам Гурвича И.С. может быть полезным для понимания самого принципа патернализма, содержание же его может быть в настоящее время переосмыслено. Булгакова Т.Д. представляет описание проводимой в советском государстве в 1920-1930-е гг. политике в сфере образования, являвшейся частью большой программы помощи коренным народам Севера⁹⁶⁴. На практике были организованы школы-интернаты и кочевые школы, постепенно взят курс на русификацию образовательных учреждений для коренных народов, открыты мастерские для приобщения детей к промыслам. Статья Т.Д. Булгаковой в соавторстве с О. Сундстрём также затрагиваются вопросы проводимой политики в отношении коренных народов Севера в период с 1920 по 1950-е гг.⁹⁶⁵ Отмечается, что целью советской политики являлась борьба с бедностью и отсталостью. Вместе с ликвидацией хозяйственной эксплуатации, бедностью, невежеством, плохой гигиеной, патриархатом и жестоким обращением с женщинами и детьми, представлялось необходимым изжить в том числе и шаманизм. В статье обсуждается судьба шаманизма в целом в данный период времени, но тем не менее, описаны и некоторые конкретные практики, включенные в рамки осуществляемой тогда политики в отношении коренных народов. Так в процессе борьбы с шаманизмом в среде коренных жителей появляются врачи, которые начинают лечить на строго научных основаниях; проводятся лекции антирелигиозной направленности. Для самих шаманов

⁹⁶⁴ Булгакова Т.Д. К вопросу о государственной политике в сфере образования народов Севера в период становления Советской власти // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2015. №. 4. С. 23–44

⁹⁶⁵ Bulgakova T.D., Sundström O. Repression of shamans and shamanism in Khabarovsk krai. 1920s to the early 1950s // Ethnic and religious minorities in Stalin's Soviet Union. New dimensions of research. Stockholm, 2017. P. 225–262.

национальная политика оборачивается жесткими мерами: они ограничиваются в правах, подвергаются репрессиям. На схожую тематику статья Булгаковой Т.Д. О политике советского государства, затронувшей культуру коренных народов статьи «Судьба культуры коренных народов Дальнего Востока в советскую эпоху»⁹⁶⁶ и «Роль факультета народов крайнего Севера в сохранении на Севере традиционной культуры»⁹⁶⁷. Т.Д. Булгакова признает сегодня утрату истинного предназначения произведений декоративно-прикладного искусства, которое было характерно для советского периода развития этнической культуры. Культурной трансформации, согласно автору, подвергнуты также устные музыкальные традиции. По замечанию ученого, «сохраняющиеся сами по себе традиции утрачиваются тем быстрее, чем активнее деятельность по их «восстановлению».

И.Л. Набок пишет о проблемах образования в среде коренных народов Севера. Большое внимание ученый посвящает периоду 1920-1930-х гг., подчеркивая, что опыт советского государства в области культурного и образовательного строительства является весьма ценным и полезным, его изучение и осмысление могут способствовать решению современных сложных социальных проблем. В статье «Роль государственной культурно-образовательной политики 20-30 гг. XX века в развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»⁹⁶⁸ автор отмечает, что политика, проводимая в обозначенный период, была цельной, базировалась на ясной идеологической концептуальной основе. Набок И.Л. обращает внимание на сильные и слабые стороны политики советского государства. Интересным моментом также является и то, что в статье отмечена преемственность деятельности таких структур как Наркомпресс, Наркомнац, Комитет Севера в их научных основах по отношению к опыту дореволюционных учителей,

⁹⁶⁶ Булгакова Т.Д. Судьба культуры коренных народов Дальнего Востока в советскую эпоху // Культура Дальнего Востока России. В 7 книгах. Сер. «Поликультурное пространство Российской Федерации». СПб.: 2012. С. 181–188.

⁹⁶⁷ Булгакова Т.Д. Роль факультета народов крайнего Севера в сохранении на Севере традиционной культуры // Факультет народов Крайнего Севера. Традиции и современность. РГПУ им. А. И. Герцена, факультет народов Крайнего севера, 1998. С. 113

⁹⁶⁸ Набок И.Л. Роль государственной культурно-образовательной политики 20-30 гг. XX века в развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. XII Плехановские чтения. 2017. С. 121–128.

работавших с коренными северными народами. Также в статье кратко, но ясно обозначены этапы осуществления государственной политики в сфере культуры и искусства, указаны предпринятые меры и их результаты. Отчасти Набок И.Л. касается подобной темы в статьях в соавторстве с коллегами⁹⁶⁹.

И.С. Гурвич посвятил свои труды северной этнографии, антропологии и сибиреведению, рассматривая этнические особенности развития среди коренных северных народов и выделяя характеристики социально-экономических, языковых и этнокультурных изменений. Например, в статье «Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза» ученый освещает итоги положительного решения национального вопроса в период СССР⁹⁷⁰. В частности в отношении произошедших этнических изменений в языковой и культурно-бытовой сферах: расцвет национальных культур внутри целостного советского народа⁹⁷¹. Процесс государственного национального строительства привел к консолидации этнокультурных групп, построению между ними межкультурных отношений, что зафиксировано в период переписи населения между 1926 и 1939 гг. как сокращение списка национальностей и их вхождение в более крупные народности. Однако к 1940-1950 гг. был зафиксирован факт обособления друг от друга отдельных диалектных групп. В 1940-1950-е гг. ученый отмечает переход от традиционной к профессиональной (урбанизированной) культуре и к освоению этническими группами новых для них технических и технологических форматов (в их обиходе появляются новые виды жилища, одежды, обуви, новые виды пищи и т.д.). В 1960-е гг. большинство городов уже имеет сложный этнокультурный состав как результат всесоюзныхстроек (ученый фиксирует невероятно возросшую долю межэтнических браков), но языковая трансформация (переход на другой язык) происходит только среди

⁹⁶⁹ Набок И.Л., Салиндер В.П. Кочевое образование как фактор сохранения традиционной культуры и языка коренных народов Севера (на материале Ямала) // Реальность этноса. Роль образования в развитии межнациональных отношений в современной России: Сб. ст. по мат. XV междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2013. С. 486–491; Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2015. Т. 1. № 34. С. 139–144.

⁹⁷⁰ Гурвич И.С. Особенности современного этапа этнокультурного развития народов Советского Союза // Советская этнография. 1982. №. 6. С. 15.

⁹⁷¹ Там же, с.16

дисперсно расселенных народов и вошедших в состав доминирующего иноязыкового окружения. Сохранение языкового разнообразия и традиций различных этнокультурных групп стало отличительной особенностью реализации национальной политики на протяжении всего периода существования Советского союза.

Л.М. Дробижева, одна из основателей этносоциологии в российской науке, огромное количество своих научных работ посвятила этническим процессам и межнациональным отношениям в период Советского Союза. В вопросе влияния государственной политики, ученый считает, что национальная культурная политика по отношению к коренным малочисленным народам Севера выступает фактором сближения уровней образования контактирующих этносов, а на сближение ценностных ориентации влияют в большей степени межличностные отношения, чем общеполитическая ситуация⁹⁷².

В.А. Тишков в разделе «Поздний национализм как политический проект» анализирует понятия «нация» и «этнос» как историческую дилемму, возникшую в процессе реализации национального вопроса и права на самоопределение этнокультурными группами в период Советского времени и на современном этапе⁹⁷³. Ученый считает, что по отношению к периоду СССР национализация недоминирующих этнокультурных групп происходила по причине их внутренней деколонизации и перекройке территориальных границ ради сохранения территориальной целостности государства. Однако позже, в 1960-1980-е гг. понятие «нация» было политизировано в этнокультурном смысле, пойдя в разрез с предпочтениями этнических групп на их культурное самоопределение и возбуждая интересы национальных меньшинств. Ученый отмечает: «Именно в последние годы политические философы осуществили радикальный пересмотр

⁹⁷² Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.; Ее же. Межнациональные отношения и этнические процессы в СССР: (Некоторые итоги этносоциологических исследований) // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире»: Краткие тезисы докладов и сообщений, май 1981 г. Элиста, 1981. С. 5–7; Ее же. Образ жизни народов СССР и гуманизация межнациональных отношений // Этнокультурные традиции и совершенствование социалистического образа жизни: тез. докл. совещ. этнографов Прибалтики, 27–28 августа 1987 г. Вильнюс, 1987. С. 3–5; Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР) // Советская этнография. 1981. № 3. С. 11–22.

⁹⁷³ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

понятия «национальность» в пользу его этнокультурного (советского) смысла»⁹⁷⁴. Речь идет о понимании нации как практической категории, институциональной форме, дискурсивной практике структурирования самосознания (особенно в моменты трансформации общества). В этом случае, национальная политика является процессом и результатом объективного взаимодействия государства (власти) и научного сообщества (знания). В монографии «Этнология и политика» автор концептуально рассматривает стратегии и механизмы национальной политики в период СССР как процесса радикальной социальной инженерии, в результате сформировавшей особую культуру Советского времени и ее традиции, которые по сию пору сохраняются и развиваются в постсоветском социуме⁹⁷⁵. По мнению автора, национальная политика как процесс переустройства социального порядка и социального поведения не сопряжена с политическими и экономическими реформами. Необходимо заново пересмотреть нац. политику СССР вне политического поля, поскольку именно в этот период состоялся опыт «огосударствления этничности», приведший к росту этнокультурного самосознания и сохранения этнокультурного многообразия: «К чести нашей страны ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют “вымиранием” народов. Многие малые группы за последние годы сохранили или увеличили свою численность. При этом следует учитывать, что численность этнической общности зависит не только от рождаемости и миграции, но и от смены самосознания»⁹⁷⁶.

Стоит отметить издание «Этнополитология. Политические функции этничности», в которой В.А. Тишков и Ю.П. Шабаетов изложили суть политического взаимодействия государства и этнических сообществ, в частности дан анализ политики нациестроительства на постсоветском пространстве и рассмотрен процесс политической организации многоэтничных обществ в

⁹⁷⁴ Там же. С. 150

⁹⁷⁵ Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. 240 с.;

⁹⁷⁶ Там же. С. 189

российской истории⁹⁷⁷. В ранний период СССР утвердилось представление «о нации как об этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей особый характер («этническую психологию»)» и в дальнейшем подверглось идеологическому и политическому влиянию, приведшему к смещению концептуального понимания нации с культурной на политическую⁹⁷⁸. Авторы считают, что национальная политика раннего советского периода в отношении малочисленных этнокультурных групп несла задачу реализации права на сохранение культурного и политического качества ради развития их конкурентоспособности, укрепления государственных устоев и целостности многообразия, имея взамен поддержку со стороны государства (этнополитику, политику в отношении меньшинств и пр.). Национальная политика на раннем этапе СССР и современная российская гос.политика идентичны: установка на многообразие и единство, развитие региональных и этнокультурных идентичностей становится установкой на сохранение России как общего достояния, а не собственности какого-то одного народа.

В.Н. Давыдов на основе материалов собственных северных полевых экспедиций рассматривает проблему перехода эвенков-оленьеводов от кочевого к оседлому образу жизни как неизбежного, когда в 1920-е гг. на государственном уровне встал вопрос о решении экономических проблем в регионах. Тогда был начат проект создания деревень как место оседлого образа жизни, освоения рыболовного и сельского промыслов, нового культурного образа жизни, новой инфраструктуры и пр. С одной стороны, в советский период был изменен традиционный образ жизни северных народов, с другой же – трансформировал их сознание к сохранению исконного образа жизни и повседневных практик⁹⁷⁹.

В.А. Кудашкин изучает вопрос государственной политики в отношении коренных малочисленных народов: основные мероприятия, проводимые органами

⁹⁷⁷ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. МГУ: Изд-во Московского университета, 2011. 376 с.

⁹⁷⁸ Там же. С. 90

⁹⁷⁹ Давыдов В. Н. Использование мобильных и стационарных построек эвенками и политика перехода к оседлому образу жизни на Северном Байкале // Социальная организация у народов Сибири: традиция и современность. 2017. С. 162–201.

власти⁹⁸⁰; национальную политику СССР, которая оказала влияние на сложный механизм процесса аккультурации и формирование этнического самосознания у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в 1920-1980-е гг.⁹⁸¹ С.Н. Виноградова разворачивает анализ российской государственной политики, сформированной на принципах государственного патернализма, в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Советский период⁹⁸².

Одним из крупнейших российских центров, осуществляющих фундаментальные и прикладные этнографические исследования культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, является институт народов Севера Российского государственного педагогического университет имени А.И. Герцена в Санкт-Петербурге. Научные исследования сотрудников института народов Севера связаны с этнокультурологическими, философско-культурологическими и этнолингвокультурологическими и этнолингвистическими исследованиями. В состав института входит 4 кафедры (3 из них этнолингвистические, 1 – этнокультурологическая).

Под руководством доктора философских наук И.Л. Набока основана научная школа этнокультурологии. Научные направления исследований школы связаны с теорией и методикой этнокультурологического образования, теорией и историей североведения, этнической идентичностью. Вторая научная школа Института народов Севера - «Миноритарные языки Севера и Сибири в полиэтническом пространстве России» осуществляет под руководством доктора филологических наук С.А. Мызникова научные исследования в области языков коренных малочисленных народов Севера, ареальной лингвистики в контексте этнографии и

⁹⁸⁰ Кудашкин В.А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985-2004 гг // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. №. 4. С. 62–68.

⁹⁸¹ Кудашкин В.А. Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920-1980-е гг // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №. 3–2. С. 102–105.

⁹⁸² Виноградова С.Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. №. 2. С. 127–139.

этнопедагогике. Этнографические исследования широко представлены работами сотрудников кафедры этнокультурологии института народов Севера, возглавляемую И.Л. Набоком. Это этнографические исследования Е.А. Александровой⁹⁸³, Т.М. Булгаковой⁹⁸⁴, Ю.Г. Кустовой⁹⁸⁵, Е.В. Малышевой⁹⁸⁶, Л.В. Санжеевой⁹⁸⁷, С.А. Унру (Сорокиной⁹⁸⁸), С.Л. Чернышовой⁹⁸⁹, Н.С. Черняковой⁹⁹⁰. Значимое место в исследованиях ученых занимает анализ различных культурных практик коренных народов Севера. Е.А. Александра обращается к анализу этнической литературы народов Сибири и Дальнего Востока, роли художественного и музыкального компонентов в образовании коренных малочисленных народов в институте народов Севера. С.А. Сорокина обращается к анализу фольклора коренных народов Севера как богатому источнику,

⁹⁸³ Александрова Е.А. Героические сказания в эпосе народов Сибири и Дальнего Востока // Литература народов Севера: сб. науч. ст. / РГПУ, Ин-т народов Севера. СПб., 2005. Вып. 4. С. 68–73; Ее же. Музыкальный компонент в системе этнокультурологического образования в Институте народов Севера // Художественное образование ребенка: Герценовские чтения. СПб., 2016. Т. 2, вып.1. С. 35–41; Ее же. Проблемы сохранения окружающей среды и оленеводства в произведениях писателей народов Севера // Литература народов Севера: сб. науч. ст. / РГПУ, Ин-т народов Севера. СПб., 2008. Вып. 9. С. 33–41; Ее же. Развитие творческих способностей детей народов Севера в процессе инструментального музицирования // Общество знаний: когнитивные и образовательные практики: сб. науч. тр. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2020. С. 276–281.

⁹⁸⁴ Булгакова Т.Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2015. № 8. С. 227–236; Ее же. К вопросу о государственной политике в сфере образования народов Севера в период становления Советской власти // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2015. №. 4. С. 23–44; Ее же. Судьба культуры коренных народов Дальнего Востока в советскую эпоху // Культура Дальнего Востока России. В 7 книгах. Сер. «Поликультурное пространство Российской Федерации», СПб., 2012. С. 181–188; Ее же. Роль факультета народов Крайнего Севера в сохранении на Севере традиционной культуры // Факультет народов Крайнего Севера. 1998. С. 113; Ее же. Невостребованное исследование тунгусского шаманства // Этнографическое обозрение. 2017. N 5. С. 53–66; Ее же. И. С. Гурвич о политике патернализма в отношении коренных народов Севера // Вестник антропологии. 2021. С. 30–40; Bulgakova T.D., Sundström O. Repression of shamans and shamanism in Khabarovsk krai. 1920s to the early 1950s // Ethnic and religious minorities in Stalin's Soviet Union. New dimensions of research. Stockholm, 2017. P. 225–262.

⁹⁸⁵ Кустова Ю.Г. Трансформация традиционной культуры хакасов в 20–30-е годы XX века // Universum: Вестник Герценовского университета. СПб., 2013. № 3. С. 82–90.

⁹⁸⁶ Малышева Е.В. Стратегии конструирования этнокультурной идентичности в поликультурном обществе // Цели развития тысячелетия и инновационные принципы устойчивого развития арктических регионов. 2009. С. 52–54; Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2015. Т. 1. № 34. С. 139–144.

⁹⁸⁷ Санжеева Л.А. Этническая идентичность в синергетическом моделировании культуры // Общество. Среда. Развитие. 2015. Т. 4. № 37. С. 57–60.

⁹⁸⁸ Сорокина С.А., Яндо С. Отражение межэтнических отношений ненцев и эвенков в ненецком фольклоре // Universum: Вестник Герценовского университета. СПб., 2013. № 4. С. 45–56; Сорокина С.А. Фольклор как воплощение этнонационального характера эвенков // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Сыктывкар, 2017. Т.4. № 40. С. 136–153; Сорокина С.А. Этнолингвокультурологические аспекты классификации жанров эвенкийского фольклора // Реальность этноса. Образование и этническая безопасность: сб. ст. по материалам XIII Междунар. науч.–практ. конф. СПб., 2011. С. 422–425.

⁹⁸⁹ Чернышова С.Л. Язык танца как феномен традиционной культуры народов Севера // Североведческие исследования: материалы Герцен. чтений / РГПУ. Ин-т народов Севера. СПб., 2003. Вып.1. С.43–46.

⁹⁹⁰ Чернякова Н.С. Нетрадиционность как условие сохранения культур народов Севера // Творческий потенциал народов Севера в XXI веке: материалы Всерос.науч.–практ.конф. СПб., 2003. С.46–49.

раскрывающему особенности мировоззрения этносов, их взаимоотношения друг с другом. Большое внимание Т.Д. Булгакова уделяет исследованию нанайской культуры, в частности родовому культу нанайцев, шаманской картине мира коренных народов Севера. Связь языковых традиций с современными процессами развития глобализирующегося общества анализируется С.Л. Чернышовой. Большое внимание С.Л. Чернышова уделяет рассмотрению танца в контексте традиционной культуры коренных народов Севера как средство сохранения этнокультурной идентичности. Н.С. Чернякова рассматривает фактор нетрадиционности как условие сохранения культуры народов Севера. Проблема этнической идентичности является достаточно актуальной темой научных исследований ученых Института народов Севера в Санкт-Петербурге. Анализу проблемы взаимосвязи этнической идентичности представителей этнокультурных групп с современной городской средой, а также с процессами современного поликультурного общества, посвящает свои исследования Е.В. Малышева⁹⁹¹. В статье «Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов» Т.Д. Булгакова анализирует взаимосвязь традиций коренных народов с современными процессами трансформации и манифестации этнической идентичности. К проблеме этнической идентичности обращается также Л.В. Санжеева. В статье «Этническая идентичность в синергетическом моделировании культуры»⁹⁹² автор показывает необратимость эволюции этнической идентичности, определяющей направление движения этнических культур. Вопросы культуры хакасов, их этнической идентичности, лежат в центре внимания Ю.Г. Кустовой. В статье «Трансформация традиционной культуры хакасов в 20-30-е годы XX века»⁹⁹³ автор анализирует отношение хакасов к политике Советской власти, которое носило явно негативный оттенок. Подобное

⁹⁹¹ Малышева Е.В. Стратегии конструирования этнокультурной идентичности в поликультурном обществе // "Цели развития тысячелетия" и инновационные принципы устойчивого развития арктических регионов. СПб., 2009. Т. 3 С. 52–54; Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития // Общество. Среда. Развитие (Terza Humana). 2015. Т.1. № 34. С. 139–144.

⁹⁹² Санжеева Л.А. Этническая идентичность в синергетическом моделировании культуры // Общество. Среда. Развитие. 2015. Т.4. № 37. С. 57–60.

⁹⁹³ Кустова Ю.Г. Трансформация традиционной культуры хакасов в 20-30-е годы XX века // UNIVERSUM: Вестник Герценовского университета / РГПУ. СПб., 2013. № 3. С. 82–90.

отношение выразилось в сопротивлении хакасов Советской власти вплоть до 1931 года. На материале анализа архивных документов, принадлежащих хакасам, проживающим в 20-30-е годы в Аскизском районе Хакасского округа, Ю.Г. Кустова полагает, что «социально-экономические меры, проведенные государством, ... привели к масштабной трансформации традиционной системы хозяйственного уклада и ломке внутриобщинных связей хакасов»⁹⁹⁴. Автор прослеживает изменения, которые произошли среди хакасов в 30-е годы в одежде, традициях внешнего облика, религиозной жизни, шаманском устном творчестве на фоне массовых репрессий, проводимых Советской властью.

Анализу национальной политики СССР по отношению к коренным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока посвящают свои исследования Т.Д. Булгакова и И.Л. Набок. Т.Д. Булгакова в статье «Илья Самуилович Гурвич о политике патернализма в отношении коренных народов Севера» анализирует понимание И.С. Гурвичем значения советской политики в отношении коренных народов Севера⁹⁹⁵. По мысли автора, И.С. Гурвич признавал необратимость процессов трансформации, однако утрата этнической специфики, согласно И.С. Гурвичу, касается отдельных сфер культуры, а не всей культуры в целом. На основе подробного анализа взглядов Гурвича на политику патернализма советского периода в отношении коренных народов Севера, Т.Д. Булгакова выделяет отличительные особенности современного патернализма. Эти особенности касаются, во-первых, понимания того, что есть благо для коренных народов, во-вторых, какими должны быть межэтнические отношения. Сам признак патернализма, по замечанию Т.Д. Булгаковой, остается прежним. В другом исследовании, посвященном научному наследию С.М. Широкогорова, Т.Д. Булгакова видит большой методологический потенциал для современных

⁹⁹⁴ Там же. С. 86

⁹⁹⁵ Булгакова Т.Д. Илья Самуилович Гурвич о политике патернализма в отношении коренных народов Севера // Вестник антропологии. 2020. Т.3. № 51. С. 30–40.

шамановедческих исследований, переосмыслению самой сущности шаманской практики⁹⁹⁶.

Аналитический обзор образовательной политики советской власти по отношению к коренным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока представлен И.Л. Набоком в статье «Роль государственной культурно-образовательной политики 20-30 гг. XX века в развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»⁹⁹⁷. Автор отмечает целенаправленность, обоснованность и комплексность мер, принимаемых в области культуры и образования, языковой и национальной политики в 20-30-е гг. Цель позитивной политики заключалась во «включении коренных северных народов в культурную жизнь нового социалистического общества»⁹⁹⁸. И.Л. Набок приводит многочисленный ряд примеров, свидетельствующих о повышении уровня образования среди коренных народов. Это и введение всеобщего начального образования, и завершение перехода к обязательному семилетнему образованию, и создание письменности для большинства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, и появление литературы народов Севера. Кроме того, отмечается «начало процесса подготовки научно-педагогических кадров из числа представителей этих народов»⁹⁹⁹. В целом же, автор отмечает необходимость дальнейшего исследования образовательной политики советской эпохи.

Советологические исследования советской национальной политики

В рамках исследуемой тематики нельзя оставить без внимания такое междисциплинарное направление комплексных исследований Советского Союза как советология, возникшее в США и Западной Европе.

Среди университетов, исследовательских центров можно назвать следующие учреждения: Институт Гарримана (первый академический центр в США,

⁹⁹⁶ Булгакова Т.Д. Невостребованное исследование тунгусского шаманства // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 53–66.

⁹⁹⁷ Набок И.Л. Роль государственной культурно-образовательной политики 20-30 гг. XX века в развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. XII Плехановские чтения. 2017. С. 121–128.

⁹⁹⁸ Там же. С. 124.

⁹⁹⁹ Там же. С. 126.

занимавшийся междисциплинарными исследованиями России и СССР, основан в Колумбийском университете в 1946 г.); Институт по изучению истории и культуры СССР (основан учеными-эмигрантами разных этнических групп, которые покинули Советский союз в годы второй мировой войны; функционировал в Мюнхене в 1950–1972 гг.); Федеральный институт восточных и международных исследований (бывший Федеральный институт по изучению марксизма-ленинизма; Кёльн, ФРГ (1961-2000 гг.); Центр Дэвиса (Центр развития международной деятельности) при Гарвардском университете США; Архив А.Ф. Керенского в Центре гуманитарных исследований Техасского университета; Институт Кеннана (Исследовательский центр, созданный в 1974 году на базе Международного центра Вудро Вильсона) и др.

К наиболее известным ученым-советологам можно отнести М.Д. Шульмана, американского дипломата, ученого-советолога и основателя Института Гарримана¹⁰⁰⁰; Дж.Н. Хазарда, ведущего американского ученого в области советского права и государственного управления¹⁰⁰¹; Г. Фишера, ученого, историка, политолога и социолога, многими нитями связанный с Россией и российской эмиграцией, внесший существенный вклад в развитие Мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР¹⁰⁰²; З. Бжезинского, американского политолога, социолога и государственного деятеля польского происхождения¹⁰⁰³.

Внимание зарубежных исследователей в области национальной политики СССР зачастую концентрируется на особенностях государственных процессов периода 1920-х годов. Одним из векторов политических действий Советского Союза того времени являлась выработка особых подходов национальной политики с целью ускорения процессов социального и экономического развития

¹⁰⁰⁰ Marshall D. Shulman. Soviet policy in western Europe and the French Communist Party, 1949-1952. Columbia University. 1959. 356 p.;

¹⁰⁰¹ John N. Hazard. The Soviet legal system: fundamental principles and historical commentary / Published for the Parker School of Foreign and Comparative Law, Columbia University in the City of New York, by Oceana Publications. 1977. 621 p.;

¹⁰⁰² Fischer G. Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War 2. Cambridge, 1952.

¹⁰⁰³ Бжезинский З. Советский Союз – мировая сверхдержава особого типа // «Форум», общественно-политический журнал. Мюнхен: Сучасність, 1984. № 6.

народов в соответствии с общим положением страны и дальнейшей интеграции народностей в доминирующую культуру. Эти процессы касались и малочисленных народов, местом расселения которых являлись северные территории.

В русле изучения азербайджанской нации П. Воденичаров (Юго-Западный университет «Неофит Рильски» в Благоевграде, Болгария) рассматривает процессы национального строительства СССР в культурно-лингвистическом ключе, делая акцент на анализе формирования алфавитов народностей¹⁰⁰⁴. Р. Горбык (Университет Сёдертёрна в Стокгольме, Швеция), О. Палко (Университет Восточной Англии) обращает внимание на роль постреволюционной советской национальной политики 1920–1930-х гг. в развитии украинской идентичности, национального языка и культуры украинцев¹⁰⁰⁵. Горбык и Палко подчеркивают значение языка как инструмента политической консолидации в рамках национальной политики Советского Союза. Б. Пасилов, исследуя советскую национальную политику в Узбекистане, делает акцент на аспектах формирования советских наций, народов в рамках республик Советского Союза, в том числе на процессе консолидации разных этнических групп, в результате которого некоторые из них прекратили свое фактическое существование¹⁰⁰⁶. Энди Байфорд отмечает возрастающий интерес к исследованию биопсихосоциального развития детского населения в полиэтничном пространстве Советского Союза в 1920–1930-х гг. в контексте масштабных действий СССР по интеграции населения периферийных советских регионов и ускорению их социального, культурного и экономического развития, в том числе в сфере образования¹⁰⁰⁷.

Особенности религиозной политики СССР, ее хронологические этапы для многонационального советского пространства (в частности Казахстана)

¹⁰⁰⁴ Vodenicharov P. The formation of the Azerbaijan nation: Cultural and language policies // *Balkanistic Forum*. 2020. № 2. P. 118–136.

¹⁰⁰⁵ Horbyk R., Palko O. Righting the Writing. The Power Dynamic of Soviet Ukraine Language Policies and Reforms in the 1920s-1930s. // *Studi Slavistici*. 2017. Т.14. № 1. P. 67–89.

¹⁰⁰⁶ Pasilov B. National policy and identity under the soviet authorities in Uzbekistan in the 1920s and 1930s // *Copenhagen Journal of Asian Studies*. 2010. Т. 28. № 2. P. 12–34.

¹⁰⁰⁷ Byford A. Imperial normativities and sciences of the child: The politics of development in the USSR, 1920s–1930s // *Ab Imperio*. 2016. Т. 2. P. 71–124.

исследуют З.Г. Сактаганова, З.С. Мажитова, Ю.Н. Аймахов, Л.И. Зуева, С.С.Касимова¹⁰⁰⁸.

Роберт Ф. Гекель (Государственный университет Нью-Йорка) анализирует особенности реализации советской религиозной политики 1957-1964-х гг. в странах Балтии¹⁰⁰⁹. М. Kalinowska рассматривает национальную политику СССР в ее культурном аспекте, на основе анализа литературного пространства после установления советской власти, когда активно поддерживалась публикация изданий на языке народов СССР¹⁰¹⁰. Автор подчеркивает значение процессов в культурном, литературном пространстве 1920-х гг. для формирования многонационального образа Советского Союза. Р.Чепайтене (Литовский институт истории) анализирует визуальные урбанистические образы столиц республик Советского Союза, фиксируя механизмы формирования этих образов, стратегии реконструкции столичных городов согласно особенностям национальной политики СССР¹⁰¹¹. Г. Хоментовски отмечает значение кинематографии для формирования положительного многонационального облика СССР¹⁰¹². На основе анализа архивных документов, связанных с несостоявшимся «Фестивалем национальных кинотеатров», изначально приуроченным к двадцатой годовщине Октябрьской революции, автор фиксирует актуальное состояние национальных кинематографических структур и национальной политики в конце 1930-х гг. Исследователи также обращают внимание на практики возведения монументальных скульптур в 1920-1940-е гг., как на одно из средств пропаганды национальной и культурной политики СССР, когда посредством национализации скульптурных образов деятелей художественного, музыкального искусства,

¹⁰⁰⁸ Saktaganova Z.G., Mazhitova Z.S., Aimakhov Y.N., Zuieva L.I., Kassimova S.S. State-religious relations during the soviet period a periodization and content // *European Journal of Science and Theology*. 2018. Т. 14. № 1. P. 103–114.

¹⁰⁰⁹ Goeckel R.F. Soviet religious policy in the Baltics under Khrushchev, 1957–1964: Domestic repression and international engagement // *Politics and Religion*. 2010. Т. 3. № 2. P. 352–388.

¹⁰¹⁰ Kalinowska M. Between the nation and the idea. Minority policy of USSR in the field of culture and literature in twenties and thirties of the twentieth century // *Slavia Orientalis*. 2017. Т. 66. № 1. P. 91–106.

¹⁰¹¹ Čepaitienė R. In the shadow of Moscow: the Stalinist reconstruction of the capitals of the Soviet republics // *Journal of Architecture and Urbanism*. 2015. Т. 39. № 1. P. 3–16.

¹⁰¹² Chomentowski G. Every Soviet citizen wants to make films! Soviet Nationalities Policies and cinema in the USSR at the time of the Great Terror // *Revue Historique*. 2014. Т. 670. № 2. P. 343–368.

писателей формировались советские национальные культуры периферии Советского Союза (в частности Южный Кавказ)¹⁰¹³.

Х. Йилмаз, исследуя различные аспекты формирования национальной идентичности Украины, Азербайджана и Казахстана в период 1936-1945-х гг.¹⁰¹⁴, выявляет особенности формирования советских национальных идентичностей и создания сопровождающих их исторических нарративов в целом. Автор подчеркивает роль советских политических деятелей и научного сообщества (в частности исторического) в формировании национальных идентичностей СССР.

Й. Отто Польш рассматривает роль советской национальной политики по отношению к этнокультурной группе курдов в 1917-1956-е гг.¹⁰¹⁵ Криста А. Гофф (Исторический факультет Университета Майами, США) исследует особенности национальной политики СССР в период хрущевской оттепели¹⁰¹⁶.

Специфику национальной политики позднего периода СССР, приходящегося на 1970-е годы, в вопросах фиксации этнического гражданства (посредством переписей населения), исследует Индрек Яатс (Эстонский национальный музей, Тарту, Эстония) на примере вепсов, коренному этносу северо-западной части России¹⁰¹⁷. И. Яатс делает попытки разобраться в идентификационных практиках национальной политики и этнокультурного строительства Советского Союза, а именно в вопросах определения «уровня автономии для каждой этнической единицы»¹⁰¹⁸. Исследователь утверждает, что каждый нижестоящий уровень национально-территориального деления СССР (от национального округа до местного сельского совета) заслуживает увеличения внимания академического сообщества, так как зачастую в этом кроется вопрос существования (фактического наличия или отсутствия) тех или иных малочисленных этносов,

¹⁰¹³ Romyantsev S. Statuomania or the "fourth state institution": The construction of national cultures and memorial policies in the southern Caucasus // *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*. 2013. Т. 44. № 1. P. 113–151.

¹⁰¹⁴ Yilmaz H. National identities in soviet historiography: The rise of nations under stalin. London: Routledge, 2015. 240 p.

¹⁰¹⁵ Pohl J.O. Kurds in the USSR, 1917-1956 // *Kurdish Studies*. 2017. Т. 5. № 2. P. 157–171.

¹⁰¹⁶ Goff K.A. "Why not love our language and our culture?" National rights and citizenship in Khrushchev's Soviet Union // *Nationalities Papers*. 2015. Т. 43. № 1. P. 27–44.

¹⁰¹⁷ Jääts I. Illegally denied: manipulations related to the registration of the Veps identity in the late Soviet Union // *Nationalities Papers*. 2017. Т. 45. № 5. P. 856–872.

¹⁰¹⁸ Jääts I. The permiak question: Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s // *Nationalities Papers*. 2012. Т. 40. № 2. P. 241–257.

что в свою очередь напрямую связано с особенностями сохранения этнокультурного и языкового разнообразия страны.

В рамках зарубежных исследований национальной политики СССР прослеживается научный интерес к вопросам формирования многонационального советского государства, специфике создания национального, этнического образа Советского Союза, в большей степени выделяя программы национального строительства первого десятилетия советской власти.

Актуальные тенденции исследования советской национальной политики в 2000-2020 гг.

В последние двадцать лет советская национальная политика изучается в контексте ее противоречий и тенденций, которые привели к распаду СССР Союза в нач. 1990-х гг. В коллективной монографии под редакцией Дж. Е. Хадсона «Советская политика национальной безопасности в период перестройки»¹⁰¹⁹ коллектив авторов исследует природу и причины изменений советской политики национальной безопасности при М.С. Горбачеве. Авторы рассматривают исторический, экономический и культурный контексты изменений и переходят к обсуждению агентов изменений, таких как модернизация, технологии и внутренняя политика. Также исследуются конкретные компоненты внешней и военной политики, такие как контроль над вооружениями и отношения с Западной Европой, Варшавским договором и странами третьего мира.

Современные авторы внимательно исследуют все процессы советского нациестроительства, ищут причины его дальнейших неудач и противоречий. В статье Н.В. Багапша «Демографическая колонизация как инструмент политики национальной гомогенизации в Грузинской ССР (на примере Гудаутского района Абхазии)»¹⁰²⁰ данный вид анализа проводится по отношению к национальной политике на территории советской Грузии. В коллективной монографии «Советское принятие решений по национальной безопасности»¹⁰²¹ под редакцией

¹⁰¹⁹ Hudson G.E. Soviet national security policy under perestroika. London: Routledge, 2021. Т. 51.

¹⁰²⁰ Багапш Н.В. Демографическая колонизация как инструмент политики национальной гомогенизации в Грузинской ССР (на примере Гудаутского района Абхазии) // Вестник антропологии. 2021. С. 4–23.

¹⁰²¹ Valenta J., Potter W.C. Soviet decisionmaking for national security. London: Routledge, 2021. P. 47.

И. Валента и У.К. Поттера анализируется критически важный вопрос времен холодной войны, связанный с советским процессом принятия решений по национальной безопасности, касающихся приобретения оружия, контроля над вооружениями и применения военной силы. Авторский коллектив концептуализирует процесс принятия решений по вопросам национальной безопасности в СССР от сталинских предшественников до моделей 1980-х годов и исследует проблемы принятия решений, касающихся разработки оружия, оборонных исследований и разработок, а также переговоров по ОСВ. Ученые фокусируются на процессах принятия решений, которые привели к применению или угрозе применения военной силы в Чехословакии (1968 г.), на Ближнем Востоке (1973 г.) и Афганистане (1979 г.).

Российские исследователи В.А. Шамахов и Н.М. Межевич определяют эпоху гражданской войны как период, когда были заложены предпосылки будущего распада СССР, поскольку не существовало «работающей» нормы о выходе из федеративного договора¹⁰²². М.Л. Галас в книге ««Чужие среди своих»... Репатриационная политика России (СССР) в 1920–1940-е гг. Адаптация трудовых мигрантов и ремигрантов; квази-возвращение граждан СССР и приравненных к ним лиц после Второй мировой войны»¹⁰²³ рассматривает проблемные и острые вопросы советской национальной политики по отношению к репатриантам и людям без гражданства, оказавшимся на присоединенных после войны территориях.

В свою очередь И.Р. Хисматуллин в работе 2017 г. «Государственная национальная политика в СССР: ключевые особенности и практика реализации»¹⁰²⁴ обращает особое внимание на период 1970–х гг. и полагает, что

¹⁰²² Шамахов В.А., Межевич Н.М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья вторая. Стратегическая ошибка советской федерализации как рефлексия в отношении имперского устройства // Управленческое консультирование. 2021. № 12. С. 10–23.

¹⁰²³ Галас М. «Чужие среди своих»... Репатриационная политика России (СССР) в 1920–1940-е гг. Адаптация трудовых мигрантов и ремигрантов; квази-возвращение граждан СССР и приравненных к ним лиц после Второй мировой войны. М.: Прометей, 2021. 454 с.

¹⁰²⁴ Хисматуллин И.Р. Государственная национальная политика в СССР: ключевые особенности и практика реализации // Инновационная наука. 2017. № 12. С. 228–229.

здесь развивают тенденции, которые впоследствии приведут к распаду Советского Союза.

Необходимо также отметить появление большого количества интернет-источников, среди которых можно выделить: национальная политика советского государства; противоречия советской национальной политики, советская национальная политика: результаты и последствия¹⁰²⁵.

Таким образом, национальная политика СССР как предмет академических исследований характеризуется двояко. С одной стороны, ученые согласны с уникальным и эффективным характером этой политики, с другой стороны, комплексных, междисциплинарных исследований, раскрывающих конкретные политические практики и системные факторы, приведшие к радикальной трансформации этнических групп и комплексной модернизации их территории, явно недостаточно. Следующим шагом диссертационного исследования является анализ динамики культурной национальной политики Советского Союза в аспекте генезиса и пути трансформации психоментального комплекса этнических групп с помощью механизмов культуры (1922-1991).

Уникальность советской национальной культурной политики заключена в широкомасштабном управлении социально-культурными процессами. Лидеры и идеологи правящей в СССР Коммунистической партии, предпринимая решительное наступление «социалистической» идеологии на идеологию «буржуазную», уделяли огромное внимание культурной революции как мощному средству организации социоцентрически религиозной связи пролетарски ангажированного человека с советским социумом. Именно в начале существования Советской власти большевики придавали сфере культуры очень большое значение. Понятие «культура» официально стало употребляться с 1919 года для привлечения социального внимания и вовлечения трудящихся в общее управление и руководство государством через достижение ими «культурного

¹⁰²⁵ Национальная политика советского государства [Электронный ресурс] // История России с древнейших времён. URL: <http://sarist.narod.ru/tema60.htm>; Противоречия советской национальной политики [Электронный ресурс] // Этноконфликтология. URL: <http://daudov.blogspot.ru/2013/01/15.html>; Советская национальная политика: результаты и последствия [Электронный ресурс] // European Russians. URL: <http://eurorussians.com/soviet-nationalities-policy/>

равенства» с правящей партией (коммунистическим пролетариатом). По сути речь шла о переконструировании общественного сознания посредством культурной политики ради принятия и достижения целей строительства социализма.

Для анализа динамики культурной национальной политики Советского союза мы обратимся к анализу коллективного исследования «Время, вперед! Культурная политика в СССР», осуществленному под руководством В.А. Куренного, российского философа и культуролога, считающего, что современная государственная культурная политика во многом определяется наследием советской системы культурных учреждений, а созданный в советское время контур культурных институтов и культурной политики продолжает существовать по сию пору¹⁰²⁶.

Наиболее важен в определении *генезиса* современного состояния культуры в России динамичный этап формирования культурной национальной политики: 1922–1939 годы, в течение которых была осуществлена культурная революция. На многочисленных партийных съездах проходили коллективные обсуждения и принимались управленческие решения. Регулярность их проведения, тщательно зафиксированная в документах, позволяет понять эволюцию представлений о культуре во временной динамике. Согласно В.А. Куренному, именно тогда большевики совершили гигантский антропологический эксперимент, который был нацелен на трансформацию человеческого капитала (формирование нового человека), а также на формирование новой интеллигенции посредством уничтожения старой.

Решающую роль в изобретении культурной революции сыграл В.И. Ленин, который, будучи главой государства, ясно осознал проблему несоответствия поставленных большевиками задач и их представлений об обществе, которым они хотели управлять. В последние годы своей жизни Ленин интенсивно настаивал на том, что главная проблема Советской власти – это люди, и после решения политических задач захвата власти перед управленцами встают в первую очередь

¹⁰²⁶ Куренной В. Советский эксперимент строительства институтов // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И.В. Глушенко, В.А. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 12–35.

задачи культурные. Он неоднократно об этом говорит в своих выступлениях и текстах последних лет жизни («Письмо к съезду», «О придании законодательных функций Госплану», «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и др.). Чрезвычайно остро в одной из своих работ «О кооперации» (1923) В.И. Ленин пишет о необходимости всемерно повышать культурный уровень крестьянства посредством культурной революции, а также осуществлять стратегию строительства социализма и коммунизма: «нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы... раньше центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству... Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»¹⁰²⁷ ... «культурная революция – это... целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы»¹⁰²⁸.

Во-первых, для организационной работы в построении социализма и коммунизма требовались высококвалифицированные специалисты, было необходимо подготовить новое поколение интеллигенции, которое реализует решение задач культурной политики. Еще в 1919 году в ходе VIII съезда Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП (б)) в

¹⁰²⁷ Ленин В.И. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377 [Электронный доступ]. URL: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/cooperation.html> (дата обращения 15.10.2020).

¹⁰²⁸ Там же, с. 372.

отчетном докладе Центрального комитета В.И. Ленин формулирует необходимость во временном привлечении культурно-буржуазного аппарата специалистов для решения задач культурной политики большевиков¹⁰²⁹. Значение «временного» привлечения проявилось немногим позже, когда старый аппарат власти (буржуазная интеллигенция) был репрессирован и ликвидирован в ходе «большого террора» (1937–1938). В 1917–1920-х годах «буржуазные» специалисты-организаторы мыслились наследниками капиталистической культуры, технической и культурной силой, чьи знания и опыт могли помочь в построении социализма. Согласно Р.З. Хестанову: «Неслучайно В.И. Лениным упомянуто слово «культурничество», которым еще в дореволюционное время обозначалась просветительская деятельность русской интеллигенции по распространению знания и грамотности в народе, однако с позиции большевиков оно приобрело значение пропаганды прогрессивной идеологии»¹⁰³⁰, которую должен был осуществить авангард рабочего класса.

На примере трансформации культурных практик в области искусства можно проследить, как коммунистическая партия стала осуществлять руководство культурно-художественным процессом с целью развития «социалистического реализма». В ноябре 1917 года был ликвидирован старый министерский аппарат, который ведал Академией художеств и картинными галереями. Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) начал осуществлять государственное управление всеми учреждениями искусства: при отделе искусства созданы две художественные коллегии (Петроградская и Московская). В июне 1918 года были национализированы Эрмитаж и Третьяковская галерея, создан Государственный музейный фонд для хранения и распределения национализированных художественных ценностей. Декретом Совнаркома от 13 апреля 1918 года Императорская Академия художеств была ликвидирована, а 10 октября на ее месте открылись Петроградские государственные свободные учебно-художественные мастерские. На базе Московского училища живописи, ваяния и

¹⁰²⁹ Хестанов Р.З. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917–1953) // Социология власти. 2012. № 8. С. 80.

¹⁰³⁰ Там же, с. 81.

зодчества, а также Строгановского художественно-промышленного училища были созданы такие же мастерские. В ходе реорганизации факультеты были упразднены, ученики, пользуясь правом решающего голоса во всех вопросах внутреннего распорядка, вольны были сами выбирать себе учителей. Конкурсные экзамены были отменены, прием учащихся продолжался в течение всего года, сроки обучения не были установлены. Метод преподавания зависел от творческого направления руководителя мастерской. Весьма важным документом, повлиявшим на становление и развитии принципов «социалистического реализма», стал декрет Совнаркома (Совета народных комиссаров) от 12 апреля 1918 года «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции». Этот декрет положил начало знаменитому плану «монументальной пропаганды», предусматривающему с помощью видов и жанров изобразительного искусства вести политическое и коммунистическое воспитание трудящихся. В условиях советского общества произведения монументального искусства (как скульптурные, так и живописные) широко использованы как мощное средство политической пропаганды и воспитания граждан страны Советов в духе социоцентрически религиозных идей. 30 июля 1918 года Совнарком рассмотрел и утвердил «Список лиц, коим предположено поставить монументы в Москве и других городах РСФСР». Среди других в данный список были включены такие личности, как Спартак, Брут, Маркс, Энгельс, Робеспьер, Герцен, Толстой, Пушкин, Ломоносов, Рублев, Врубель, Мусоргский, Комиссаржевская, Мочалов. С 1918 по 1920 год в Москве было изготовлено и установлено двадцать пять, а в Петрограде – пятнадцать памятников. В церемонии их открытия неоднократно принимал участие лично В.И. Ленин. В годы гражданской войны стремительное развитие получили произведения агитационно-массовые. Возникла новая форма изобразительного искусства – оформление городов в дни революционных праздников и народных демонстраций. Важной формой пропаганды коммунистических идей стало художественное оформление агитационных поездов, пароходов и автомобилей ВЦИК (Всероссийский центральный

исполнительный комитет). Задачи революционной мобилизации масс на борьбу за социалистическое переустройство страны с 1917 по 1920 годы решались с помощью наиболее массовых жанров изобразительного искусства – политического плаката и сатирической карикатуры. Первые советские плакаты в 1918 году выпускало издательство ВЦИК. Основную массу печатных плакатов с середины 1919 года издавало политическое управление Реввоенсовета республики, а с весны 1920 года – Государственное издательство. В этот период зачина «социалистического реализма» по всей стране было организовано огромное число художественных выставок. Например, в 1919 году в Петрограде в восемнадцати залах Эрмитажа была открыта большая выставка произведений художников всех существовавших в стране направлений. В Москве в течение 1918-1919 годов открылось более 29 художественных выставок. В.И. Жуковский, философ и искусствовед, отмечает: «В первые послереволюционные годы наиболее активно проявили себя художники таких направлений, как «кубофутуризм», «абстракционизм», «супрематизм». Некоторые из лидеров «левых», как именовали подобные направления в стране, такие как В.В. Кандинский, К.С. Малевич, Н.И. Альтман, были даже приглашены на ответственные посты в отдел изобразительного искусства Наркомпроса»¹⁰³¹. Что же касается художников, входивших в «правые» объединения, в основном примыкавшие к направлению реализма, то в это время они в основном выступали в роли пассивных хранителей живописных традиций XIX столетия, прежде всего заповедей «Товарищества передвижных художественных выставок». Объединяющей целью для мастеров авангардного искусства становится визуализация идеи «социалистического реализма»: правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии¹⁰³². Как художественный этот метод возник в начале XX века, а терминологически оформился в 1934 году на Первом съезде писателей СССР.

¹⁰³¹ Всеобщая история искусства / под ред. В.И. Жуковского. Красноярск: ИПК СФУ, 2008. 1021 с.

¹⁰³² Определение "Социалистический реализм" // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://bse.sci-lib.com/article104892.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Таким образом, на раннем этапе внедрения коммунистической идеологии в Советском Союзе в качестве государственной избранной целью становится коренное преобразование человеческой деятельности, направленной на построение социалистической реальности. Сфере искусства предписана идеологическая задача посредством художественных практик трансформировать человеческое сознание, достоверно и правдиво оплотняя идеи общественной жизни страны Советов, олицетворяющей связь человека с другими людьми в пространстве городской культуры. Создаются новые портретные образы, изображения коммунистических праздников и праздничного оформления городов, афиши театральных постановок (например, «1918 год в Петрограде», 1920, К.С. Петров-Водкин; «Большевик», 1920, Б.М. Кустодиев; «Новая планета», 1921, К.Ф. Юон, и др.). Эпоха авангарда как раннесоветский этап истории искусства оформилась благодаря усилиям художественной интеллигенции, которая внешним образом оформляла идеологический дискурс.

*Во-вторых, повышение культурного уровня среди рабочих людей расценивалось большевиками как необходимый элемент роста производительности труда: «без повышения материального и духовного уровня трудящихся масс нельзя достигнуть прочного повышения производительности труда и рационализации трудовых производственных процессов. Профсоюзы должны обратить самое серьезное внимание...на поднятие культурного уровня производителей путем ликвидации безграмотности, работы по профессионально-техническому образованию, устройству школ грамотности, краткосрочных курсов и т.п.»*¹⁰³³. С целью повышения культурного уровня ставились задачи преодоления бюрократического управления (принуждения к работе посредством дисциплинарных практик), вовлечения всего населения в управление Советским государством, приведения к самоуправлению и, таким образом, освобождению от

¹⁰³³ Тезисы М.П. Томского. О задачах профессиональных союзов [Электронный ресурс] // IX Съезд РКП (б). Протоколы съездов и конференции Всесоюзной коммунистической партии (март-апрель 1920г.) / под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: Партийное издательство, 1934. С. 536. URL: http://istmat.info/files/uploads/51515/9_sezd._1934_g.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

прежней государственной власти¹⁰³⁴. Иными словами, культурно мотивированные специалисты, прошедшие процесс культурного (в том числе, идеологического) воспитания, мыслились как более способные к пониманию задач новой власти и замене прежних специалистов в профессиональной работе. В ленинском проекте культура виделась механизмом управления Советами для трудящихся через передовой слой пролетариата¹⁰³⁵. В связи с этим формирование социальной идентичности происходило посредством культурно-массового просвещения о новом времени с целью постепенного формирования интеллектуального поколения молодых людей, готовых работать на благо советского общества.

В.А. Куренной определяет пять факторов, два из которых характеризуют советскую социальную и культурную ситуации в период реализации Советского проекта: 1) «беспрецедентное вытеснение религии из общественной жизни, в результате чего именно интеллигенции в советском обществе досталась роль хранителя моральных образцов поведения»; 2) вера в научно-технологическое знание, которое развивалось центростремительно и было призвано реализовать задачу построения коммунистического общества (выстраивание системы массового обучения и ее централизованное управление)¹⁰³⁶.

В-третьих, в понятие «культура» был заложен еще один важный смысл новой национальной политики: устранение культурного неравенства через оказание помощи (хозяйственной, политической, культурной) «отставшим народам». Сама идея проявилась в ленинском проекте культурной революции, что зафиксировано в материалах VIII Съезда РКП (б): «Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить.... Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир — значит «угнетатель»,

¹⁰³⁴ VIII Съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы [Электронный ресурс] / под ред. Е. Ярославского. М.: Госполитиздат, 1959. С. 395–396. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#008 (дата обращения: 22.10.2020).

¹⁰³⁵ Хестанов Р.З. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917–1953) // Социология власти. 2012. № 8. С. 82.

¹⁰³⁶ Мыслящая Россия: Интеллектуально-активная группа [Электронный ресурс] / под ред. В. Куренного. М.: Фонд "Наследие Евразии", 2008. С. 52–56. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/83cnsslqwx/direct/80283861> (дата обращения: 25.10.2020).

«мошенник»¹⁰³⁷. По мнению главы государства, это неравенство должно было быть уничтожено посредством политики «позитивной дискриминации» с целью введения особых режимов управления нерусскими регионами России и их национального ранжирования по признаку достигнутого «уровня культуры». Низкий уровень культуры обозначал наличие проблем и трудностей у той или иной национальности, развитый уровень причислялся к достижению стратегических целей и тактики правящей партии, победе над государственностью и бюрократией. Понятия «культура» и «управление» понимались тождественными друг другу: «...упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти»¹⁰³⁸ или ««начиная уже с ближайшего года на культуру мы должны давать относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства... Без быстрого культурного роста мы не сможем по-настоящему переконструировать наше хозяйство»¹⁰³⁹.

Эту идею активно поддерживал И.В. Сталин. Ровно через год в материалах X Съезда РКП (б) (март 1921) в речи И.В. Сталина звучит тезис, что советскому государству досталось «исторически унаследованное неравенство ввиду хозяйственной, политической и культурной отсталости. Суть этого неравенства национальностей состоит в том, что мы, в силу исторического развития, получили от прошлого наследство, по которому одна национальность, именно великоросская, оказалась более развитой в политическом и промышленном отношении, чем другие национальности. Отсюда фактическое неравенство... которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым национальностям»¹⁰⁴⁰. Задача Партии, зафиксированная в резолюции X Съезда, состоит в том, чтобы «помочь трудовым

¹⁰³⁷ VIII Съезд РКП (б). Март 1919 года. С. 106.

¹⁰³⁸ XV съезд ВКП (б). Стенографический отчет [Электронный ресурс]. М., Л.: ГИЗ, 1928. С. 560. URL: http://istmat.info/files/uploads/51896/15_sezd._1928_g.pdf (дата обращения: 27.10.2020).

¹⁰³⁹ XV съезд ВКП (б), 1928. С. 779.

¹⁰⁴⁰ И. Сталин. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе [Электронный ресурс] // X Съезд РКП (б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Партиздат, 1933. С. 188. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#010 (дата обращения: 27.10.2020).

массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им»¹⁰⁴¹.

Смысл новой культурной национальной политики получил серьезную разработку именно с 1922 по 1939 годы, когда потребовались комплексные меры для развития личности, интеллектуально и физически готовой участвовать в реализации специфических индустриальных и социально-политических задач. В декабре 1922 года по предложению ЦК РКП (б) произошло объединение страны на новых принципах, Россия была превращена в Союз Советских Социалистических Республик (СССР). В этом же году решается вопрос перехода к новой экономической политике (НЭПу) и формулируется насущная задача культурной революции. Этот решающий поворот к проблематике культуры зафиксирован в материалах XII Съезда РКП(б), когда было необходимо удержать как внешнеполитическое положение Советского Союза после экономического кризиса 1920 года, так и увеличить внутреннее развитие промышленного производства, играющего немаловажное значение в укреплении социцентрической идеологии. После окончания гражданской войны советскому государству необходимо было в кратчайшие сроки ликвидировать хозяйственную разруху, реконструировать народное хозяйство, преодолеть экономическую отсталость. Как отмечает Б. Кагарлицкий, анализирующий суть советской национальной политики рубежа 1920-1930-х годов: «Слом старой социальной системы, появление нового государства и резкое изменение господствующей идеологии на культурном уровне запустили совершенно новую динамику, породили новые приоритеты»¹⁰⁴².

С 1924 года генеральный секретарь Центрального комитета (далее – ЦК) Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее – ВКП (б)) И.В. Сталин фактически начинает осуществлять управление государством, и в национальной политике происходит резкий переход от авторитарного к

¹⁰⁴¹ Резолюция X Съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» // X Съезд РКП (б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Партиздат, 1933. С. 573–583.

¹⁰⁴² Кагарлицкий Б. Советская политика и традиция просвещения // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глушенко, В. А. Куренного. М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2013. С. 50–63.

тоталитарному политическому режиму, поскольку для реализации будущих проектов коллективизации и индустриализации требовалось окончательное искоренение неграмотности: «репрессивно-принудительный механизм сталинского порядка обеспечил повсеместное внедрение новых культурных норм, поскольку без них система просто не могла двигаться дальше. Это тоталитарное «принуждение к культуре» не могло не отразиться на самом содержании процесса, его идеологии и ценностях. Если в первые послереволюционные годы распространение просвещения и культурный прогресс масс имели для авторов самостоятельную ценность, хотя и увязывались с общими задачами революционных преобразований и хозяйственного развития, то во второй половине 1920-х годов все более акцентируется именно связь между культурными достижениями общества и формированием социалистической промышленности»¹⁰⁴³.

В том же году начинается проект по национально-государственному размежеванию Российской Советской Федеративной Социалистической республики (далее – РСФСР) на административно-территориальные единицы (союзные республики, автономные Советские Социалистические республики (далее – ССР), автономные области и округа), внутри которых создаются укрупненные районы и т.д., что, безусловно, указывает на факт перехода к реальному культурно-политическому формированию нового союзного качества, основанного на равенстве уникальных и самобытных этнокультурных групп.

Необходимо оговорить, что в 1920–1930-е годы по замыслу Народного комиссариата по делам национальностей во главе со И.В. Сталиным были поставлены две задачи: 1) ликвидация безграмотности и рост образования, 2) создание национальных языков для удовлетворения потребности в идентичности. Совокупное их решение формировало границу, отделяющую постреволюционную Россию от ассимиляции с «великоросской» царской Империей и выстраивающую новую этнокультурную и этноязыковую основу для интеграционного развития «многонациональной советской общности». Возращение национального

¹⁰⁴³ Там же, с. 55.

самосознания уже существующих этнических групп мыслилось путем удовлетворения их культурных предпочтений и ориентиров, на что и были направлены проекты по национализации меньшинств (языковая политика) и «коренизация» (подготовка и продвижение на руководящие должности представителей местных национальностей). В 1930-е годы реализацией Концепции культурного строительства на территории Крайнего Севера занимались руководители Народного комиссариата просвещения РСФСР и Центрального исполнительного комитета СССР.

Данные процессы происходили повсеместно на всей территории СССР, поэтому на материале анализа административно-территориального обустройства Сибири и образования национальных округов с 1923 по 1930 годы можно зафиксировать некоторые общие особенности реализации проекта культурного строительства, нацеленного на производство этнокультурной идентичности посредством активного внедрения новых идеологически обусловленных культурно-информационных и языковых практик. Одним из ярких примеров внедрения культурной национальной политики стали процессы, связанные с образованием Эвенкийского национального округа – географического центра России (сегодня это Эвенкийский муниципальный район в северо-восточной части Красноярского края, место компактного проживания коренной малочисленной этнокультурной группы эвенков). Анализ архивных документов по образованию и просвещению из фонда Эвенкийского архива в поселке Тура¹⁰⁴⁴

¹⁰⁴⁴ Результаты проведения полевой экспедиции научными сотрудниками, аспирантами и студентами кафедры культурологии Сибирского федерального университета (поселок Тура, в 2017-2018 годы), отображены в ряду научных публикаций: Zamaraeva Y.S. Experience in the preservation and development of the Evenki language in the Evenki Municipal District of the Krasnoyarsk Krai on the basis of the analysis of Evenki archival documents // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Т. 11. № 8. Р. 1327–1368; Замараева Ю.С., Сергеева Н.А., Филько А.И., Стручева Е.С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53; Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе: по материалам научно-исследовательской работы / Копцева Н.П., Замараева Ю. С., Сергеева Н.А., Стручева Е.С., Филько А.И. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2018. 210 с.; Замараева Ю.С., Лузан В.С., Метляева С.В., Середкина Н.Н., Филько А.И., Хребтов М.Я. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 3. С. 34–47; Замараева Ю. С., Лузан В. С., Метляева С. В., Середкина Н. Н., Копцева Н. П., Филько А. И., Хребтов М. Я. Религия эвенков: история и современность// Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2019. Т. 12 (№ 5). С. 853–871.

за 1928–1980-е годы позволил зафиксировать актуальное содержание ценностных установок в области культурного просвещения и образования коренных малочисленных народов Севера, а также специфику региональных культурных практик формирования сложных форм этнокультурной идентичности в советское время.

Первая «пятилетка» (1928–1932) становится периодом культурного и языкового строительства этнонационального самосознания через политику коренизации Крайнего Севера, культивирующую уникальность национальных культур. Для практической реализации избран целый комплекс информационных и языковых практик, с помощью которых выполняется программа образования коренного населения и «культурного обслуживания» на родных языках. Было поставлено сразу несколько целей: 1) подготовка северной интеллигенции для их обязательного участия в качестве этнических (национальных) элит в управлении нации; 2) сближение национальных образований с советской властью; 3) применение педологических практик по возвращению этнокультурного самосознания у нового поколения через первоначальное образование на языках национальностей СССР. Для решения целей реализовывался ряд задач: а) изучение культурных, экономических и социальных особенностей каждой национальности с помощью «максимального дифференцированного подхода»; б) скорейшее выравнивание всего фронта культурного строительства, оказание максимальной помощи отстающим национальностям, содействие полному расцвету национальных по форме, социалистических по содержанию культур народов Севера; в) всеобучающее просвещение и ликвидация неграмотности малых народностей (как оседлого, так и кочевого населения) Крайнего Севера. Потребовалось максимальное финансовое вложение государственных средств и господдержка для полного снабжения народов: разрабатывалось методическое сопровождение программы всеобуча (выполняла научно-исследовательская ассоциация при Центральном исполнительном комитете Севера), массово

издавалась литература для школьного образования (через государственные полиграфические базы)¹⁰⁴⁵.

Специфика ведущих практик и итог их влияния очень четко определяются по двум направлениям:

1. *«Культурное строительство»* – формирование психоментального комплекса этнических групп посредством применения новых культурно-образовательных технологий.

Практические шаги: внедрение культурных планов и работа культурно-просветительских учреждений, школ, комплексных техникумов для взрослых, совпартшкол, рабфаков по народному образованию, семилетней школы с политехническим уклоном, создание образцовых районных школ, расширение в 1931-1932 годах сети школ (с 232 до 322, из них 185 «туземных» (термин из тогдашних документов)). Исполнителем культурного строительства является «советский актив», прошедший шестимесячные курсы для работы в условиях Крайнего Севера с изучением обязательных предметов: родной язык (обучение грамоте, письму и ликвидация малограмотности), русский язык (в объеме ликбеза), математика, обществоведение (вопросы культурного строительства, интернационального и антирелигиозного воспитания в условиях Севера), география, основы санитарии и гигиены, а также советского делопроизводства и счетоводства¹⁰⁴⁶;

2. *«Языковое строительство»* – создание национальных языков и письменности для этнических групп на основе латинизированного алфавита как основы для письменности и языковой кодификации этнокультурной идентичности.

Практические шаги: утвержден алфавит для 16 северных языков, изданы учебники и массовая, в том числе, обучающая литература на северных языках (по математике, русскому и естествознанию), квалицированные педагоги ведут

¹⁰⁴⁵ Замараева Ю.С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

¹⁰⁴⁶ Там же.

школьное преподавание на языках северных народов, в учебных целях создается кинематография северной культуры, для изучения языков и культуры народов Севера совершается научное экспедиционное отдаленных северных поселков. Языковое строительство ведется под руководством ученых Северного отделения Педагогического института имени А.И. Герцена, призванных создать национальную учебную и методическую литературу для реализации северной педагогики.

Совокупным итогом применения ведущих практик становится *формирование единичных форм этнокультурной идентичности* коренных малочисленных народов Севера.

Вторая «пятилетка» (1932–1937) ярко характеризуется звучащими в текстах Постановлений Комитета Севера концептами: «осуществление сложной грамотности», «культпоход на Север» и «политика мира, проводимая Советской властью». На основании прежних ставятся новые цели: 1) народное просвещение на самом высоком уровне, 2) повсеместный охват северных территорий для ликвидации фактического культурного неравенства национальностей; 3) культурное строительство среди малых народностей Крайнего Севера. Трансформируется содержание культурно-политических и культурно-образовательных практик, направленных на борьбу с неграмотностью и развитие образования в целом¹⁰⁴⁷.

Государство активно инвестирует решение задач развития культуры и культурной революции: «Партия за годы второй пятилетки провела настоящую культурную революцию как в городе, так и в деревне и направила на развитие культуры огромные средства... в 1937 году на высшую школу было израсходовано в 2,5 раза больше, чем в 1933. По бюджету РСФСР на социально-культурные нужды расходовалось в 1937 году 64,3% всех бюджетных расходов, по бюджету Грузинской ССР – 64,3%, по бюджету Украинской ССР – 72,3%, по

¹⁰⁴⁷ Там же.

бюджету Узбекской ССР – 67%, по бюджету Армянской ССР – 64,6%. Ни до, ни после на культуру не тратились такие огромные средства»¹⁰⁴⁸.

1. *Культурно-образовательные практики* имеют концептуальный и невероятно экспериментальный характер внедрения *сложной грамотности*, призванной в короткие сроки создать образовательное равенство среди этнокультурных групп: «Нет и не может быть особой системы просвещения национальностей, система едина, едины цели, задачи и содержание учет особенностей приводит только к отклонениям, видоизменяющим содержание и объем программ, структуры учебных планов, сроков обучения и продолжительности рабочего дня для отдельных типов учреждений ...на территории СССР до 200 национальностей, письменность имеют 79 национальностей, сверх того, принята письменность для 12 национальностей, национальности составляют 26,5% от всего населения, имеется 12 АССР, 14 АО, 9 нацокругов и 132 национальных района и около половины не имеют территориальных образований; грамотность от 0,8% до 90% (ненцы, Ямальский округ); охват от 9% до 100% (Эвенкийский округ); бесписьменные с развитой письменностью и богатой литературой»¹⁰⁴⁹.

Для реализации программного образования ведется: создание письменности, учебников, литературы и газет для многих ранее бесписьменных народностей, построение школы на родных языках национальностей, переход на новые программы, установление режима в школе и работа по твердому расписанию¹⁰⁵⁰.

Прежнее семилетнее образование модифицируется в социально-образовательную систему просвещения:

¹⁰⁴⁸ Доклад наркома А. Зверева // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Огиз: Госполитиздат, 1939. 744 с.

¹⁰⁴⁹ Об особенностях системы народного просвещения для национальностей РСФСР на второе пятилетие (от 13 июля 1932 г.) // Цит. по ст. Замараева Ю.С. и др. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 28.

¹⁰⁵⁰ Замараева Ю.С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

а) передвижные дошкольные учреждения и нулевые группы для кочевников и полукочевников, проживающих далеко от индустриальных районов (дошкольные чумы, яранги и кибитки), «развертывание» сети дошкольных учреждений на северных территориях;

б) кочевые четырехлетние школы первой ступени с последующим обучением детей в школах-интернатах, куда привозили детей с дальних северных территорий для проживания (с 1934 по 1948 годы в Красноярском крае их было построено 24);

в) семилетнее школьное образование с обязательным изучением второго и третьего родного языка и ведением предметов «история национальностей», «язык и литература национальности»;

г) комплексные техникумы для северных народностей с направлениями «педагогический», «кооперативно-колхозный», «советское строительство», «институт народов севера» (последний как особое учреждение с перспективой перерастания в вуз) и организацией подготовительных курсов при отделениях и техникумах;

д) четырехлетние рабочие факультеты;

е) подготовка квалифицированных кадров из среды представителей национальностей края в учреждениях высшего образования (вузы) и университетах (совпартшколы, комвузы).

Нововведением в обучении становится изучение одного из иностранных языков (английского, немецкого, французского) с целью реализовать лозунг «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении капиталистические страны и привлечь последние достижения иностранной науки и техники на службу строящемуся социализму»¹⁰⁵¹.

Реализация гигантского культурно-антропологического эксперимента имела ряд недостатков по неуспеваемости в профессиональной подготовке учителей в

¹⁰⁵¹ Там же.

изучении родных языков, недостаточного количества учебников и ряд других.¹⁰⁵² Однако возникающие в процессе проблемы озвучивались и имели достаточно быстрое реагирование со стороны органов власти.

Для стабильной реализации концепции народного образования районные школы активно комплектуются учебными кадрами (учителями), которые должны повысить самоорганизацию школьной работы (кустовые методические объединения учителей для обмена педагогическим опытом, система открытых уроков, выставки «лучшего школьного опыта», публикации в районной газете и кустовых стенгазетах). В помощь учителям назначается инструктор-методист, районная и городская методическая комиссии. В школах Крайнего Севера организуются деткомдвижения и детское самоуправление учащихся. В тексте с названием «Методическая работа в районе и роль образцовой школы» речь идет об устранении коренного недостатка – низкой грамотности: «Через правильно организованный педагогический процесс, основанный на активных методах работы, школа должна дать стране инициативных и деятельных участников социалистического строительства, воспитать поколение, способное самостоятельно установить коммунизм. Перед школой, учителем, органами народного образования стоит важнейшая задача – улучшить качество преподавания и воспитания»¹⁰⁵³.

2. *Культурно-политические практики* связаны с политпросвещением населения как антирелигиозной борьбы (со знахарством и шаманством) и обоснованием ценности социальной сущности в окружающем мире (проведение бесед на темы о мироздании, происхождения человека и другим естественно-научным вопросам)¹⁰⁵⁴.

Политпросвещение северных народов было поставлено на высоком уровне, поскольку с 1938 года начинают работу передвижные «красные чумы»,

¹⁰⁵² Постановление второго расширенного пленума Комитета по просвещения национальностей «Об итогах и задачах национального просвещения в 1933-1934 годы» (от «23» августа 1933 г.) // Том «Директивные указания по методической работе, «Эвенкийский отдел Народного образования». МКУ «Эвенкийский архив», 1933. 311 с.

¹⁰⁵³ Там же.

¹⁰⁵⁴ Замаараева Ю.С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

призванные привить идею советской идеологии социалистического строительства. В документах детально прописана специфика работы: «красный чум проводит свою работу в специально оборудованной палатке: юрте, яранге, чуме; действует круглый год, переезжая по определенным установленным маршрутам в районах расселения народов Севера; при обслуживании кочевого (оленоводческого, охотничьего) населения красный чум кочует с данной группой; работа красного чума среди каждой группы населения должна продолжаться от 1-2 декад до 3-х месяцев»¹⁰⁵⁵.

Таким образом, динамика советской культурной национальной политики развивается до своего кульминационного состояния. Под влиянием идеи объединения народов в новую общность «советский народ» с помощью культурно-образовательных и политических практик происходит трансформация психоментального комплекса этнических групп, а также целенаправленное идеологическое формирование сложных форм этнокультурной идентичности на основании общенациональной и этнической.

Третья «пятилетка» (1938–1942) завершает период культурной революции. Это не менее сложный и динамичный этап реализации культурной национальной политики, вновь трансформирующейся в целях государственного и военного строительства.

С одной стороны, объявляется о завершении реализации программы культурного и языкового строительства: в начальной ступени школьного образования преподавание всех изучаемых предметов ведется на родном языке, фиксируется высокий уровень знания родных языков среди учителей, имеется полное методическое сопровождение для преподавания родных языков, родители принимают участие в учебном процессе детей через родительские собрания. На VIII Съезде ВКП(б) в 1939 год подводятся итоги второй пятилетки и в отчетном докладе Сталина звучит: «С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь

¹⁰⁵⁵ Типовое положение, утвержденное Зам. наркомом от 24.02.1938 г. // Том «Директивные указания по ликбезработе. МКУ «Эвенкийский архив», 1933. 207 с.

всеобщего обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции – такова общая картина культурного подъема народа»¹⁰⁵⁶. По данным переписи 1939 года благодаря созданной обширной системе общеобразовательных школ уровень грамотности в СССР повысился до 87,4%.

С другой стороны, обнаружилась серьезная проблема утраты знания русского языка среди коренных малочисленных народов (особенно у допризывников 1922–1923 годов рождения.). Из стенограммы выступления И. В. Сталина: «Но есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, — это русский язык. Поэтому мы пришли к тому, чтобы он был обязательным»¹⁰⁵⁷. Весь образовательный процесс стратегически перестраивается на изучение русского языка и культуры, литературных и художественных произведений (особенно исторической живописи). Из документов Наркомпроса: «хорошее знание языка – необходимое условие для овладения богатствами науки и культуры, для творческой практической работы после окончания школы. Именно поэтому вопросы неграмотности школьников поставлены сейчас как вопросы не только педагогического, но большого государственного, политического значения»¹⁰⁵⁸.

Культурно-образовательные практики направлены на немедленную перестройку всего учебно-образовательного процесса на изучение русского языка как «родного», особенно в классах смешанного этнического состава. Предлагаются формы эффективного систематического обучения (литературное

¹⁰⁵⁶ И.В. Сталин. Отчётный доклад ЦК ВКП(б) [Электронный ресурс] // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат: ОГИЗ, 1939. URL: <https://www.prlib.ru/item/905904> (дата обращения: 30.10.2020).

¹⁰⁵⁷ Сталин И.В. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 140–142.

¹⁰⁵⁸ Указания докладчиков на августовских районных учительских совещаниях на тему: «Выполнение приказа Наркомпроса № 1942 от 23.12.1940 года «О мероприятиях по улучшению преподавания русского языка в начальных, неполных средних школах». Том «Годовой отчёт по сети школ и по контингентам учащихся». МКУ «Эвенкийский архив», 1941. 107 с.

чтение, грамматический разбор письменных работ учащихся и т.д.)¹⁰⁵⁹. Наибольшей проблемой оказались так называемые «нерусские» школы, где преподаватели постепенно снижают (не поддерживают) знание этнических языков. На краевом уровне идет формирование научно-образовательной среды для повышения школьного образования и активизируется процесс политического просвещения. Так, между учителями, классами, школами организуются социалистические соревнования; проводятся научно-педагогические конференции, методические советы; издается «Учительская газета».

Четвертая «пятилетка» (1946-1950) пришлась на первые послевоенные годы, сложный период для страны. Происходит полное прекращение программы всеобуча: нет связи между удаленными школами, между школами и районными центрами, отсутствует методическая помощь; идет резкое понижение числа учащихся из коренных малочисленных народов, особенно в старшей ступени. В документах докладывается: «За всё время существования округа ни один из детей коренной национальности не закончил средней школы. Такое положение с преподаванием учащихся по классам объясняется отсутствием необходимых условий для действительной коренизации национальных школ: в 16 национальных школах из 18 обучение ведется не на родном, а на русском языке по русским программам и учебникам русских школ, учителями, владеющими только русским языком, так как учителей, владеющих родным языком, в округе всего 8 человек»¹⁰⁶⁰.

Пятая «пятилетка» (1951–1955) – период возвращения к задачам всеобуча и культурному просвещению, но вне революционного контекста. Впервые избирается *культурно-информационная практика просвещения о быте и укладе коренных малочисленных народов*. В документах отсутствует четко сформулированная цель, но в перечислении практической деятельности

¹⁰⁵⁹ Замаараева Ю.С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

¹⁰⁶⁰ Докладная заведующего Эвенкийского окроно Красноярского края от 20 марта 1947 года, адресованная в Министерство просвещения от окроно поселка Тура // Том «Переписка с крайоно (краевым отделом народного образования) и министерством». МКУ «Эвенкийский архив», 1947 г. 10 с.

фиксируется процесс формирования культурной памяти о северной этнокультурной идентичности посредством художественных и литературных образов. Для проведения программы всеобуча в северные районы отправляется комсомольский десант, который проводит ускоренные курсы для неграмотных и малограмотных в места компактного проживания оленеводческих и охотничьих бригад. Учеников 4–6 классов средних школ знакомят с родной северной культурой: «в учебно-воспитательном процессе национальной школы среди других предметов прочное место должна занять родная литература, близкая и понятная детям. Программа по родной литературе для учащихся 4-6 классов включает образцы эвенкийского фольклора и литературы. Программный материал, отобранный с учетом образовательных и воспитательных задач, нацелен на приобщение учащихся к духовным ценностям своего народа, расширение кругозора, на то, чтобы они прочувствовали красоту родного языка, больше узнали о жизни своего народа»¹⁰⁶¹. Дети северных народов через сказочный фольклор познают картину мира коренного населения, знакомятся с особенностями промыслового быта, видят образ героя в преданиях, погружаются в этос северных народов через эпические произведения.

В архивных документах не отражен дальнейший ход развития северных территорий в последовательном выполнении «пятилеток» СССР, но все следующие десятилетия были посвящены активной работе по сохранению и возрождению этнокультурной идентичности благодаря совместным усилиям представителей северных элит и специалистов научно-образовательных центров. Так, в 1960-е годы, согласно архивным документам, шла трудоемкая работа над созданием развернутых учебных планов для каждого класса районных школ с

1061 Объяснительная записка о необходимости изучать предмет родной литературы в национальных школах // Том «Переписка Эвенкийского окружного отдела народного образования с вышестоящими органами народного образования и другими учреждениями по вопросам народного образования». МКУ «Эвенкийский архив», 1953 г. 20 с.

указанием видов работ с учениками, списками литературных текстов для чтения¹⁰⁶².

В 1970-е годы начинается экспериментально-опытный процесс по сохранению северных языков и поддержке этнокультурной идентичности среди детей коренных малочисленных народов Севера. Сотрудники сектора школ Севера НИИ национальных школ Министерства просвещения РСФСР проделывают огромную работу по сбору и анализу присланных из районных школ письменных работ учеников с целью изучения состояния знаний и навыков по русскому и родным языкам учащихся начальных классов коренных национальностей Севера. Есть документы, в которых говорится о выездных командировках научных сотрудников НИИ национальных школ в районные школы для проведения занятий по эвенкийскому языку¹⁰⁶³. Активно сохраняется эвенкийский язык через процесс создания учебников по языку и литературному чтению для 4–6 классов с целью «... дать учащимся определенный круг знаний из области фонетики, лексики, синтаксиса, словообразования и морфологии... При раскрытии тем особое внимание будет обращено на те явления эвенкийского языка, которые изначально имеют отличия от идентичных явлений русского языка, но в то же время испытывают его влияние». Итогом проделанной огромной работы становится издание комплексного учебного пособия по русскому языку для подготовительного и первого классов школ с родным и русским языкам обучения. Комплекты высылаются в районные школы¹⁰⁶⁴.

В 1980-е годы была вновь поднята проблема возвращения изучения родного языка в общеобразовательный процесс. Преподавание и обучение на родном и русском языке велось во всех районных школах, но обнаруживается недостаточность освоения родного языка на продвинутом уровне (4-8 классы).

¹⁰⁶² Замараева Ю. С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

¹⁰⁶³ Протокол об итогах 1973-1974 учебного года в школах Илимпейского и Байкитского районов Красноярского края // Том «Переписка и указания по вопросам родного и русского языков. МКУ «Эвенкийский архив», 1975–1976. 182 с.

¹⁰⁶⁴ Замараева Ю.С. Историко-культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000-е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. №. 1. С. 22–53.

Эвенкийский язык становится школьным предметом, в рамках которого учащиеся-эвенки приобщаются к языку родителей-оленеводов и охотников. Ученикам необходимо «глубоко изучить родной язык для приобретения в перспективе специальности учителя родного языка и литературы в начальных и старших классах». В школах треть детей – представители коренных народов (эвенки, якуты и кето) и других национальностей (украинцы, белорусы, казахи, немцы, эстонцы и др.). Концепцией школьного образования становится идея о дружбе народов многонациональной страны, в которой объединяющей силой являются взрослые выдающиеся люди – представители разных национальностей (например, организовывались встречи с оленеводами на открытых уроках по оленеводству, авторами учебников на эвенкийском языке, художниками). Ежегодным становится праздник «День рождения Советской Эвенкии», проводится олимпиада по знанию родного языка. В дальнейшем изучение родного языка становится факультативным, проводятся внеклассные мероприятия («Неделя русского и эвенкийского языков»). В течение последнего десятилетия существования Советского союза происходит резкое сокращение знания родных языков, бытовая речь сохраняется в отдаленных поселках и оленеводческих бригадах. В конце 1980-х годов уже всерьез ставится вопрос о возрождении эвенкийского языка и внедрении практического опыта обучения родному языку¹⁰⁶⁵.

Вывод параграфа 4.2

С 1920 года до начала распада СССР в ходе длительного процесса решения задач культурной революции не только состоялся масштабный социоантропологический эксперимент по формированию новой культурной и социальной действительности. Это было время создания новой культурной национальной политики, динамично воспроизводящей сложные формы социальной (групповой) идентичности. Этнические группы коренных малочисленных народов в советское время под влиянием культурно-политических практик, получая терминологические статусы «народностей»,

¹⁰⁶⁵ Там же.

«национальных культур», «нерусских», «национальностей», прошли путь трансформации, не потеряв этнического (этнокультурного) самосознания. Это очень важный факт для объяснения реальных процессов этнической идентификации и самоидентификации как базы для формирования сложных форм этнокультурной идентичности.

Анализ динамики культурной национальной политики в советский период позволил зафиксировать уникальность феномена советской культурной политики как части культурного механизма, направленного на трансформацию психоментального комплекса этносов и, как следствие, их преобразование в этнокультурные группы. Иными словами, этнические группы под влиянием активно внедряющихся культурных практик приобретают ценностное качество выступать основой этнокультурной идентичности, а также основой для формирования более сложных форм этнокультурной идентичности. Необходимо отметить, что с 1950-х годов советская культурная политика по отношению к активному нациестроительству сбавляет свою интенсивность и в 1953 году ее кураторство переходит к Министерству культуры СССР, но этнокультурные группы, сформировавшиеся в предшествующий период, продолжили свое существование, сохраняя и культивируя свою этническую самобытность уже в иных форматах и практиках.

4.3 Культурные практики формирования сложных идентичностей в Красноярском крае в XX — XXI веках

Этнический и национальный вопросы актуальны не только на общероссийском государственном уровне, но и на уровне восьмидесяти пяти субъектов федерации, в каждом из которых выстраиваются межэтнические и межконфессиональные коммуникации. На современном этапе развития Российской Федерации национальные интересы выступают ключевыми¹⁰⁶⁶, а управление национальными и межэтническими отношениями – важнейшим направлением внутренней государственной политики¹⁰⁶⁷.

Вопрос целостности сложного этнокультурного сообщества, каким является современное российское общество, во многом решается посредством сохранения и возрождения этнокультурного самосознания отдельных этносов. В связи этим интересен опыт развития этногенеза и культурогенеза тех российских регионов, где данный процесс имеет стабильную динамику и устойчивую структуру (численности и размещения этносов, проживающих на данной территории). *Данный параграф посвящен выявлению спектра культурных практик, связанных с устойчивым производством этнокультурного самосознания и формированием сложных идентичностей у жителей Красноярского края в период XX – начала XXI века.*

Красноярский край – один из самых крупных регионов Сибирского федерального округа, второй по площади субъект России, третья по величине административно-территориальная единица в мире – расположен в азиатской части страны. В нем насчитывается почти три миллиона человек (2 866 255

¹⁰⁶⁶ О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.01.2000 № 24 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14927/page/1>

¹⁰⁶⁷ Савинов Л.В. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестн. Рос. нации. 2020. № 2 (72). С. 9–17.

чел.¹⁰⁶⁸), причем $\frac{3}{4}$ проживают в городских образованиях и $\frac{1}{4}$ представляет сельские поселения. Плотность населения составляет $\frac{1}{2}$ чел. на кв.км. и имеет сильную дифференциацию по направлению север-юг. Территориальные границы края определяются на востоке с Якутией, на юге с Тувой и Хакасией, на западе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, Кемеровской и Томской областями. Несмотря на многочисленные административно-территориальные преобразования в стране и в регионе на протяжении всего XX века, внешние границы Красноярского региона изменились лишь единожды, когда в 1991 г. из его состава вышла Хакасская автономная область.

Особым вкладом в изучение поликультурного пространства Красноярского края являются региональные исследования ученых, экспертов, исследователей и специалистов, занимающихся проблематикой межэтнических и межкультурных отношений, этнических вопросов и этнокультурных процессов Красноярского края.

Специфике этнического состава Сибирского региона и трансформационным процессам этнокультурной среды Сибири посвящены труды Р.Г. Рафикова¹⁰⁶⁹, И.С. Лысенко¹⁰⁷⁰, Я.И. Федорова¹⁰⁷¹, Л.Н. Славиной¹⁰⁷², Е.Е. Ивандаевой¹⁰⁷³, Р.С. Есина¹⁰⁷⁴, А.В. Задорина¹⁰⁷⁵, Д.Г. Коровушкина¹⁰⁷⁶, Е.Л. Зберовской¹⁰⁷⁷ и др. На

¹⁰⁶⁸ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год. Сайт Федеральной службы государственной статистики (Ростат). [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls>

¹⁰⁶⁹ Этноатлас Красноярского края / ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: Платина, 2008. 223 с.; Этноатлас Красноярского края / ред. Р. Г. Рафиков. Красноярск: Поликор, 2018. 240 с.

¹⁰⁷⁰ Лысенко И.С. Специфика этнического состава населения Красноярского края конца XX-начала XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2008. Т. 7. №. 3. С. 175–182.

¹⁰⁷¹ Федоров Я.И. Этнический состав коренных жителей Приенисейской Сибири по дневникам Д. Г. Мессершмидта // Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 210–215.

¹⁰⁷² Славина Л.Н. Этнический состав сельского населения Красноярского края в последние советские десятилетия // Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 45–49.

¹⁰⁷³ Ивандаева Е.Е. Национальный состав городского населения юга Красноярского края в 1970-1980-е гг // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №. 3–1. С. 53–58.

¹⁰⁷⁴ Есин Р.С. Отечественная историография о влиянии сталинских репрессий на формирование этнического и национального состава населения Красноярского края в конце 1920-х – начале 1950-х гг. // Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 128–131.

¹⁰⁷⁵ Задорин А.В. Влияние внешней миграции на экономическую ситуацию в Красноярском крае в 1992–2017 гг: некоторые аспекты // Экономическая история Сибири XX–начала XXI века. 2018. С. 321–327.

основе материалов, документов и исследований Р.Г. Рафиков дает периодический анализ региональной проблематики межэтнических, межрелигиозных и миграционных отношений¹⁰⁷⁸. Считает многоаспектный и разноуровневый процесс данных отношений аспектом в развитии гражданского общества¹⁰⁷⁹.

Особое внимание со стороны региональных ученых уделено межэтническим отношениям и динамике их развития в поликультурном пространстве Красноярского края. Исследовательский интерес В.И. Васильева¹⁰⁸⁰, Г.Ф. Быкони¹⁰⁸¹, М.С. Баташева¹⁰⁸², В.Н. Игнатова и Г.И. Лукьянова¹⁰⁸³, Н.П. Макарова¹⁰⁸⁴, Г.Б. Карсаковой¹⁰⁸⁵ сосредоточен на этногенезе групп в Сибири. Этнокультурные группы как единый Сибирский субэтнос представлены в коллективных монографиях и научных публикациях историков и археологов Красноярского педагогического университета им. В.П. Астафьева (например, Дроздов¹⁰⁸⁶, А.С. Вдовин¹⁰⁸⁷, Б.Е. Андюсев¹⁰⁸⁸, О.В. Фельде¹⁰⁸⁹). Феномен

¹⁰⁷⁶ Коровушкин Д.Г. Трансформация этнической мозаики средней Сибири в конце XIX–нач. XXI века: факторы, результаты, перспективы // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. тр. Красноярск, 2017. С. 17–30.

¹⁰⁷⁷ Зберовская Е.Л. Сохранение диалога культур в поликультурном пространстве (на примере Красноярского края) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. Т.2. № 12. С. 136–145.

¹⁰⁷⁸ Рафиков Р.Г. Вопросы межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае за 2004–2008 годы: Информационный бюллетень №5. Красноярск: Платина, 2009. 192 с.

¹⁰⁷⁹ Рафиков Р. Г., Терентьева В.И. Межэтнические отношения - важный аспект развития гражданского общества в Красноярском крае и России [Электронный ресурс] // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. 2015. № 19. URL: vsoa.esgae.ru/185-927 (дата обращения: 05.11.2020); Рафиков Р.Г. Межнациональные отношения в Красноярском крае на современном этапе. Цикл лекций по развитию гражданской культуры населения Красноярского края. Лекция № 7 [Электронный ресурс]. Красноярск. 2011. URL: <http://gokr.ru/upload/iblock/f1d/f1d98ef786b25aca4e90a39ae3aba94b.pdf> (дата обращения: 05.10.2020); Его же. Национальные особенности демографических и миграционных процессов в Красноярском крае на современном этапе. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/1/Downloads/Rafikov_R.G..pdf (дата обращения: 05.10.2020).

¹⁰⁸⁰ Васильев В.И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера // Расы и народы. 1976. №. 6. С. 63.

¹⁰⁸¹ Быконя Г.Ф. Власть и этногенез русского народа XV–XVII вв // Россия-Сибирь-Красноярский край сб. мат. III Краеведческих чтений. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 2017. С. 3–9.

¹⁰⁸² Баташев М.С. Этническая история коренных народов Енисейского уезда // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6. № 6. С. 842–867.

¹⁰⁸³ Лукьянов Г.И., Игнатов В.Н. Отношение к историческому прошлому как фактор формирования социокультурной идентичности // Философия и культура. 2012. № 6. С. 88–95.

¹⁰⁸⁴ Макаров Н.П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2013. Т.6. № 6. С. 816–841; Макаров Н.П., Баташев М.С. История и культура народов Севера Приенисейского края: учеб. пособие. Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2007. 231 с.

¹⁰⁸⁵ Карсакова Г.Б. Этногенез сибирских татар на территории Сибири // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera-CZ sro, 2012. №. 15. С. 14–16.

¹⁰⁸⁶ Кеты на пороге III тысячелетия/ под ред. Н. И. Дроздова. Красноярск: КГПУ им. В.П.Астафьева, 1998. 87 с.; Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность / под ред. Н. И. Дроздова; Красноярск: КГПУ им. В.П.Астафьева, 2007. 221 с.

¹⁰⁸⁷ Енисейская провинция: История. Археология. География. Этнография. Филология // под ред. А. С. Вдовина. Красноярск, 2004. Вып. 1.

Сибирской региональной идентичности проанализирован в научных работах Е.Е. Дутчак, Э.Л. Львова и И.В. Нам¹⁰⁹⁰, О.Ф. Фуряевой¹⁰⁹¹, В.М. Гревнева¹⁰⁹² и др.

Специфику формирования этнокультурного самосознания в поликультурной среде изучают ученые Сибирского федерального университета. Результаты многочисленных полевых исследований изложены в коллективных трудах ученых¹⁰⁹³ и отдельных научных публикациях: Н.П. Копцева¹⁰⁹⁴, Н.Н. Середкина¹⁰⁹⁵, В.И. Кирко¹⁰⁹⁶, М.И. Букова¹⁰⁹⁷ и др. Об этнокультурных особенностях этнических групп Красноярского края пишут К.И. Шиманская¹⁰⁹⁸, В.М. Гревнев¹⁰⁹⁹, Р.И. Васильева¹¹⁰⁰, К.И. Петрова¹¹⁰¹, Н.Н. Аблажей¹¹⁰². Многие годы комплексные полевые исследования этнических групп Красноярского края в

¹⁰⁸⁸ Андюсов Б.Е. Субэтнос сибирских старожилов и особенности субэтнического характера (к постановке проблемы) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2001. С. 20–22.

¹⁰⁸⁹ Фельде О.В. Сибиряк и сибирячка в языковом сознании красноярских студентов // Речевое общение и вопросы экологии русского языка. 2009. С. 320–328.

¹⁰⁹⁰ Дутчак Е.Е., Львова Э.Л., Нам И.В. Сибирская региональная идентичность-фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. Т. 2. № 1. С. 41–44.

¹⁰⁹¹ Фуряева Т.В., Фуряев Е.А. Проблема воспитания характера ребенка-сибиряка в контексте средового подхода в психолого-педагогических исследованиях // Социальная антропология Сибири. 2020. Т.1. № 2. С. 21–30.

¹⁰⁹² Гревнев В.М. Роль этнокультурных обществ в развитии культурной и региональной идентичностей сибиряков-красноярцев // Художественная культура России вчера, сегодня, завтра: региональный аспект. 2017. С. 21–24.

¹⁰⁹³ Копцева Н.П. и др. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций. Красноярск: СФУ, 2012. 639 с.; Резникова К.В. и др. Этнокультурное пространство Красноярского края: современное состояние // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2019. С. 1552–1567.

¹⁰⁹⁴ Копцева Н.П. Культурологическая база формирования общенациональной российской идентичности в сибирских регионах Российской Федерации // Logos et Praxis. 2012. №. 3. С. 11–15; Ее же. К вопросу о комплексной социальной идентичности как факторе уменьшения межэтнической конфликтности (на материале Красноярского края) // Вопросы культурологии. 2015. №. 9. С. 64–68.

¹⁰⁹⁵ Середкина Н.Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: автореф. дисс ... кандидата философских наук. Красноярск: СФУ, 2013. 25 с.

¹⁰⁹⁶ Кирко В.И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации // Социодинамика. 2015. № 6. С. 113.

¹⁰⁹⁷ Букова М.И. Особенности этнокультурного самосознания этнической группы чулымцев, компактно проживающих на территории деревни Пасечное Тюхтетского района Красноярского края (Центральная Сибирь) // Социодинамика. 2016. №. 4. С. 41–51.

¹⁰⁹⁸ Шиманская К.И., Копцева Н.П. Историографический обзор коренных исследований за 2014-2018 гг. // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 1. С. 259–275.

¹⁰⁹⁹ Гревнев В.М. Роль региональной идентичности в диалоге этносов, этнокультурных объединений и органов власти (опыт Красноярского края) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. №. 3. С. 9–20.

¹¹⁰⁰ Васильева Р.И. Этнокультурные особенности и этническая идентичность эссеистских якутов, проживающих в инокультурной среде (на материале Красноярского края) // Коренные народы Северо-Западной Якутии и Таймыра: фольклорное наследие и проблемы этнокультурной идентичности. 2013. С. 183–186.

¹¹⁰¹ Петрова К. и др. Анализ понятия "коренной малочисленный народ Севера": взаимосвязь качества жизни и этнокультурной идентичности // Сибирский антропологический журнал. 2019. Т. 3. №. 3. С. 88–98.

¹¹⁰² Аблажей Н.Н., Аблажей А.М. Региональная идентичность как социальный капитал: конструирование и накопление (на примере Эвенкии) [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет. Новосибирский государственный университет, 2010. URL: <https://lib.nsu.ru/xmlui/handle/nsu/4046>

контексте традиционной этнографии проводит профессор В.П. Кривоногов¹¹⁰³. Ученый со своими коллегами¹¹⁰⁴ фиксирует происходящие в этническом составе Красноярского края изменения¹¹⁰⁵.

Межкультурным коммуникациям этнических групп на территории Сибири посвящены исследования Д.С. Пчелкиной¹¹⁰⁶, А.А. Шпак¹¹⁰⁷, К.А. Дегтяренко¹¹⁰⁸, В.В. Воног¹¹⁰⁹, Л.Н. Евменовой¹¹¹⁰. Ученые отмечают, что в XX – начале XXI в. этническая картина Красноярского региона претерпела невероятную динамику изменения в связи с осуществлением советской национальной политики и ростом национального самосознания этнических групп с 1990-х гг. На сегодняшний день регион является многонациональным и поликультурным пространством, в котором существуют устойчивые практики по сохранению культуры этносов. Прогностические сценарии развития Красноярского как этнокультурного региона приведены в коллективных монографиях¹¹¹¹ ученых, политиков, краеведов: В.И. Иноземцев и А.В. Усс¹¹¹², О.А. Карлова¹¹¹³, Н.П. Копцева¹¹¹⁴, А.А. Ситникова¹¹¹⁵.

¹¹⁰³ Кривоногов В.П. Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т.3. № 3. С. 6–19.

¹¹⁰⁴ Михайлова Я.С. Изменение этнической структуры Красноярского края в постсоветский период: анализ Всероссийских переписей населения [Электронный ресурс]. Красноярск, 2013. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/10484/s049-010.pdf?sequence=1>

¹¹⁰⁵ Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири: автореф. дис. д. ист. н. Новосибирск, 2000. 45 с.; Его же. Западные эвенки на рубеже тысячелетий / под ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: КГПУ, 2001. 107 с.; Его же. Этнические процессы у коренных малочисленных народов мира. Красноярск: СФУ, 2017. 96 с.; Его же. Кеты: Десять лет спустя (1991-2001 гг.) Красноярск: КГПУ им В.П. Астафьева, 2003. 198 с.

¹¹⁰⁶ Пчелкина Д.С. Трансформация этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края в конце XX-начале XXI вв: дис. Красноярск: СФУ, 2020. 176 с.

¹¹⁰⁷ Шпак А.А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей (на материале исследования регионов Сибирского федерального округа): дис. Красноярск: СФУ, 2020. 165 с.

¹¹⁰⁸ Дегтяренко К.А. Современные гуманитарные технологии конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края: дис. Красноярск: СФУ, 2016. 190 с.

¹¹⁰⁹ Воног В.В. Межкультурная коммуникация русского населения Красноярского края и китайской диаспоры // автореф. дисс.... канд. культурологии. Красноярск, 2006. 20 с.

¹¹¹⁰ Евменова Л.Н. Культурное подвижничество в истории Красноярского края. Красноярск: СФУ, 2008, 220 с.

¹¹¹¹ Карлова О.А. Сибирский характер как ценность / под ред. М.И. Шиловой. Красноярск, 2009, Т. 3. Гл. 2. 324 с.; Сибирь в XXI веке: альтернативы и прогнозы развития / под ред. О.А. Карловой. Красноярск, 2003; Красноярск: от прошлого к будущему. Очерки истории города / под ред. Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2013. 640 с.

¹¹¹² Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития / А.В. Усс, В.Л. Иноземцев [и др.]; отв. за вып. В.С. Ефимов. Красноярск: СФУ, 2013. 393 с.

¹¹¹³ Карлова О.А. Межэтническое пространство Сибири: историческая специфика и современные проблемы: (опыт Красноярского края) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы. Красноярск: СФУ, 2018. С. 8–16.

¹¹¹⁴ Новое будущее Сибири: ожидания, вызовы, решения / под ред. О.А. Карловой, Н.П. Копцевой. Красноярск: СФУ, 2013. 490 с.; Карлова О.А., Копцева Н.П. Формирование Сибирской субэтнической идентичности в

Социокультурные особенности этнических групп и межэтнических отношений в регионе изучены Л.Э. Мезит¹¹¹⁶, Л.Н. Славиной¹¹¹⁷, А.В. Немировской¹¹¹⁸, К.Е. Федюкиной¹¹¹⁹, Л.В. Зубчик¹¹²⁰, Г.В. Кивкуцан¹¹²¹. На основании многолетних социологических исследований учеными В.Г. Немировским и А.В. Немировской дан анализ динамики социокультурных процессов в Красноярском крае и представлен социокультурный портрет региона¹¹²².

Демографическому процессу как фактору влияния на этнический состав и этническую структуру региона уделено внимание со стороны Г.И. Храмова¹¹²³, Я.Н. Бегизардова¹¹²⁴, Т.Б. Смирнова¹¹²⁵ и др.

Правовым вопросам, направленным на сохранение и развитие поликультурного региона посвящены диссертационные работы В.С. Лузана¹¹²⁶. К

постсоветской России // 4-я Международная многодисциплинарная научная конференция по социальным наукам и искусству. Sgem 2017. С. 165–170.

¹¹¹⁵ Ситникова А.А. Современные практики форсайт-исследования будущего социально-антропологических систем, в том числе этнокультурных групп северных регионов Российской Федерации // Социодинамика. 2014. № 9. С. 44–62.

¹¹¹⁶ Мезит Л.Э., Валюнова А.В. Итоги реализации программы комплексного социокультурного развития Красноярского края // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 89–95.

¹¹¹⁷ Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере немцев Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 34–39.

¹¹¹⁸ Немировская А.В. Социальная толерантность в полиэтничном региональном обществе (на материалах социологического исследования в Красноярском крае) // Социальные вызовы модернизации регионов России. 2011. С. 99–104.

¹¹¹⁹ Федюкина К.А. Этническая толерантность молодежи как одно из условий социокультурной адаптации этнических мигрантов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <https://www.science-education.ru/pdf/2013/6/335.pdf>

¹¹²⁰ Зубчик Л.В. Социокультурные особенности автостереотипов населения Красноярского края. [Электронный ресурс]. Красноярск, 2013. URL <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/12587/s090-007.pdf?sequence=1>

¹¹²¹ Кивкуцан Г.В. Специфика современных межэтнических отношений на территории Красноярского края на материале ассоциативного эксперимента // Журнал СФУ: Гуманитарные науки, 2011. Т.4. № 11. С. 1553–1575.

¹¹²² Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. 264 с.; Немировский В.Г. Фреймы смерти в массовом сознании сибиряков: структура и динамика (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 1995-2010 гг.) // Мониторинг. 2011. Т.2. № 102. С. 116–125; Его же. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.): монография. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета. 184 с.; Немировский В., Немировская А. Динамика социокультурных процессов в Красноярском крае (на материалах социологических исследований в регионе в 2010–2012 гг.). Красноярск: СФУ, 2012. 246 с.; Немировский В., Немировская А. Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010-2014 гг.). Красноярск: СФУ, 2014. 244 с.

¹¹²³ Храмов Г.И. Демографическое состояние и проблемы народонаселения Красноярского края // Стратегии развития института семьи в Красноярском крае: материалы конференции, 24-25 марта 2003 года / под ред. Л. А. Новопашиной. Красноярск, 2003. С. 10–17.

¹¹²⁴ Бегизардов Я.Н. Динамика естественного прироста городского населения Красноярского края в 1959-1991 гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений, ноябрь 2004 г. Красноярск: ГУНБ, 2005. С. 63–67.

¹¹²⁵ Смирнова Т.Б. Современные этнодемографические процессы в регионах Сибири и Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 198–206.

вопросу правового регулирования социокультурного развития этнических групп обращаются С.Н. Харючи, К.Г. Филант, Ю.И. Антонов¹¹²⁷, С.И. Наумов и А.И. Савченко¹¹²⁸.

Об осуществлении государственной национальной политики в отношении этнических групп Красноярского края пишут Л.П. Бердников¹¹²⁹, В.Г. Кокоулин¹¹³⁰, К.Ю. Липатова¹¹³¹, А.А. Макаров¹¹³², Е.И. Лобынева¹¹³³, О.А. Гюнтер¹¹³⁴, Н.О. Желенкова¹¹³⁵. Изучению этнических процессов в истории края уделено внимание со стороны таких ученых как В.В.Чернышова¹¹³⁶, А.А. Дворецкой¹¹³⁷, К.Ю. Липатовой¹¹³⁸, И.Е. Гречкиной-Погребняковой¹¹³⁹, Р.А. Шакира¹¹⁴⁰ и др. На основании вышеизложенных исследований становится очевидно, что миграционные процессы в дореволюционный период, программы

¹¹²⁶ Лузан В.С. Социально-философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. дис. Красноярск: СФУ, 2011. 25 с.; Его же. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 год: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурол. наук. Красноярск, 2017. 386 с.

¹¹²⁷ Харючи С.Н., Филант К.Г., Антонов И.Ю. Социальные нормы коренных малочисленных народов Севера России. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2009. 279 с.

¹¹²⁸ Наумов С.И., Савченко И. А. Этнокультурные аспекты социального взаимодействия в правоохранительной сфере // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. Т. 8. №. 9. С. 58–81.

¹¹²⁹ Бердников Л.П. Вся красная власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 320 с.:

¹¹³⁰ Кокоулин В.Г. Национальный вопрос в Сибири в годы Гражданской войны в постсоветской историографии// Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 185–188.

¹¹³¹ Липатова К.Ю. «Братству народов быть!»: становление национальной политики Советского государства в Енисейской губернии (1920–1925 гг.) // Сибирь многонациональная. Материалы СИФ. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 137–141.

¹¹³² Макаров А.А. Мировой революционный процесс и осуществление ленинской национальной политики в XX в.: теория и практика // Сибирь многонациональная. Материалы СИФ. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 194–198.

¹¹³³ Лобынева Е.И. Государственная культурная политика в СССР в 60-80-е гг. XX в. (на примере Красноярского края): дис. Красноярск: СФУ, 2016. 173 с.

¹¹³⁴ Гюнтер О.А. Роль Красноярского комитета содействия малым народностям окраин Сибири в становлении национальной школы коренных народов севера Енисейской губернии – Красноярского края // Сибирь многонациональная. Материалы СИФ. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 124–127.

¹¹³⁵ Желенкова Н.О. Национальные школы Красноярского края в 1934–1941 гг// Сибирь многонациональная. Материалы СИФ. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 132–136.

¹¹³⁶ Чернышов В.В. Этнические процессы в Минусинском уезде Енисейской губернии в XIX – начале XX в. (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края») // Сибирь многонациональная. Материалы СИФ. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 105–108.

¹¹³⁷ Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900-1930-е гг.). Красноярск: СФУ, 2015. 188 с.

¹¹³⁸ Липатова К.Ю. Основные тенденции развития межнациональных отношений на территории Красноярского края в 1940–1990-х гг. (обзор документов КГКУ «Государственный архив Красноярского края») // Современные проблемы науки и образования. 2013. №. 6. С. 813.

¹¹³⁹ Гречкина-Погребнякова И. Е. и др. Документы по истории взаимоотношений народов Сибири в XX в. (по материалам Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Красноярского края) // Oriental Studies. 2019. Т. 11. №. 5. С. 48–57.

¹¹⁴⁰ Шакир Р.А. Этнографическая реальность малых народов русского севера в контексте типологии взаимодействия культурных систем // Философская мысль. 2017. №. 11. С. 83–97.

национального строительства и коренизации в Советское время способствовали этнокультурному формированию Красноярского края. На современном этапе ученые видят эффективность проводимой региональной политики в развитии отношений между мигрантами и принимающей стороной. Интеграционным и адаптационным аспектам миграции посвящены исследования Н.П. Копцевой¹¹⁴¹, Ю.С. Замараевой¹¹⁴², Ю.Н. Авдеевой¹¹⁴³.

Развитие межэтнических отношений в поликультурном пространстве неотъемлемо связано с вопросами сохранения культурного наследия этнических групп. Проблемам сохранения этнической культуры как основе для формирования этнокультурной идентичности посвящены исследования А.В. Кистовой¹¹⁴⁴, Н.Н. Пименовой¹¹⁴⁵, Н.М. Лещинской¹¹⁴⁶, Н.Н. Середкиной¹¹⁴⁷, Н.В. Русиной¹¹⁴⁸, М.А. Колесник¹¹⁴⁹.

Вопросам сохранения традиционных видов искусства этнической культуры Красноярского края уделено внимание со стороны Т.М. Ломановой¹¹⁵⁰, А.И.

¹¹⁴¹ Копцева Н.П. Анализ процессов аккультурации в малых городах субъектов Российской Федерации на примере Красноярского края //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. Т. 3. № 1. С. 75–79.

¹¹⁴² Замараева Ю.С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX-нач. XXI вв. (на примере Красноярского края): дис. Великий Новгород. 2011. 20 с.

¹¹⁴³ Авдеева Ю.Н. Значение культурной памяти мигрантов для этнической самоидентификации (на материале Красноярского края): дис. Красноярск: СФУ, 2018. 168 с.

¹¹⁴⁴ Кистова А.В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации // Специфика этнических миграционных процессов в XX-XXI веках: опыт и перспективы. Красноярск: СФУ, 2019. С. 170–176.

¹¹⁴⁵ Пименова Н.Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // Человек и культура. 2014. № 2. С. 28–66.

¹¹⁴⁶ Лещинская Н.М. Этнокультурные исследования энцев // Сибирский антропологический журнал. 2018. Т. 2. № 4. С. 6–19.

¹¹⁴⁷ Середкина Н.Н., Копцева Н.П., Пименова Н.Н. Изучение декоративно-прикладного искусства и традиционных религий коренных малочисленных народов Севера как фактор формирования позитивной общероссийской культурной идентичности // Педагогика искусства. 2013. №. 2. С. 15–30.

¹¹⁴⁸ Русина Н.В. Сохранение и трансляция культурно-исторического наследия украинских переселенцев на юге Красноярского края //Омский научный вестник. 2009. Т. 6. № 82. С. 214–217.

¹¹⁴⁹ Kolesnik M.A., Libakova N.M., Sertakova E.A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East //Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. 2018. Т. 8. №. 4. С. 233–247.

¹¹⁵⁰ Проблема сохранения традиций в современном декоративно-прикладном искусстве коренных народов бассейна реки Енисей // Сборник V Всероссийской научной конференции «Наука, образование в системе культуры». Красноярск, ГАУ. 2006; Этнография народов Севера в творчестве А.П. Лекаренко (по материалам поездки художника с Туруханской приполярной переписью) // Сб. Туруханская экспедиция приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера. Красноярск, 2005. С. 5–64; Ломанова Т.М. Искусство Красноярска. XX век. Живопись. Графика. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство. Красноярск: КГПУ В.П. Астафьева, 2013. 356 с.

Морозова¹¹⁵¹, Л.Э. Смирновой¹¹⁵², В.Б. Раковой¹¹⁵³, А.М. Ануфриева¹¹⁵⁴, Л.М. Русаковой¹¹⁵⁵. Проблема сохранения традиционных видов деятельности, особенностей культуры рассмотрена, Н.П. Копцевой¹¹⁵⁶, К.В. Резниковой¹¹⁵⁷, Р.Ю. Федоровым¹¹⁵⁸.

Сибирскому концептуальному искусству посвящены монографии и научные статьи Г.Л. Рукша¹¹⁵⁹, М.В. Москалюк¹¹⁶⁰, В.Б. Ракова¹¹⁶¹, Н.П. Копцевой¹¹⁶², М.А. Амосовой¹¹⁶³. Рассмотрению музыкального искусства, в частности фольклора различных этногрупп Красноярского края, посвящены труды Л.В. Гавриловой¹¹⁶⁴, В.В. Чайкиной¹¹⁶⁵, М.А. Колесник¹¹⁶⁶, С.В. Березюк¹¹⁶⁷.

¹¹⁵¹ Морозов А.И. Сибирское искусство в современном российском контексте: в том числе красноярских художников // Искусство Сибири. Традиции и преемственность: сб. мат. научно-практической конференции, посвященной 75-летию образования Красноярского края. Красноярск: КГХИ, 2009.

¹¹⁵² Смирнова Л.Э., Абаев Ю.Х. Народные промыслы и ремесла Сибири: учебно-нагл. пособие. Красноярск: СФУ, 2016. 258 с.

¹¹⁵³ Художественная культура Сибири: учебно-метод. пособие / сост. В. Б. Ракова. Красноярск: СФУ, 2012. 16 с.

¹¹⁵⁴ История Красноярского края / под ред. А.П. Статейнов, О.М. Покаместова, С.А. Войтюк. Красноярск: Буква С, 2008 Т. 1: Культура. 277 с.

¹¹⁵⁵ Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири: сборник научных трудов / отв. ред.: Л.М. Русакова, Н.А. Миненко. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1987. 196 с.

¹¹⁵⁶ Копцева Н.П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе // *НВ: Проблемы общества и политики*. 2013. № 12. С. 1–16.

¹¹⁵⁷ Резникова К.В. Сохранение и трансформация некоторых аспектов традиционного образа жизни коренных и малочисленных народов Севера, проживающих в населенных пунктах (поселках) Туруханск и Фарково // *Журнал СФУ: Гуманитарные науки*. 2013. Т. 6. № 6. С. 925–938.

¹¹⁵⁸ Федоров Р.Ю. Трансформации традиционной культуры и адаптационные процессы у белорусских крестьян-переселенцев Манского района Красноярского края (по материалам полевых исследований) // *Humanitarian sciences in Siberia*. 2019. Т. 26. № 2. С. 53.

¹¹⁵⁹ Памятники истории и культуры Красноярского края / под ред. Г.Л. Рукша, Г.Ф. Быконя, Н.И. Дроздов. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. Вып. 1: Предварительные материалы. 1989. 399 с.

¹¹⁶⁰ Москалюк М.В., Серикова Т.Ю. Живопись Сибири второй половины XX – начала XXI в контексте визуализации культуры, Красноярск: СФУ, 2012. 172 с.; Москалюк, М.В. Изобразительное искусство Сибири // *Сибирь-Дальний Восток*. Красноярск. 2015. С. 8-12.; Ее же. Красноярские художники: война и тыл, судьба и творчество // *Освобождение. Историко-культурологический литературно-художественный альманах «Тобольск и вся Сибирь»*. Т. 3. С. 246–256; *Великая Сибирь. Вехи истории: альбом-каталог* // отв. ред. М. В. Москалюк. Москва; Красноярск, 2014. 175 с.

¹¹⁶¹ Ракова В.Б. Художественная культура Сибири: учебное пособие. Красноярск: СФУ, 2011. 147 с.

¹¹⁶² Новая арт-критика на берегах Енисея / под ред. Н. П. Копцева. Красноярск: СФУ, 2015. 338 с.

¹¹⁶³ Amosova A. A. et al. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / A. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova, N. N. Seredkina, Yu. S. Zamaraeva, A. V. Kistova, K. V. Reznikova, M. A. Kolesnik, N. N. Pimenova // *Journal of the Sibir Federal University: Humanities & Social Sciences*. 2019. Т. 12. № 8. С. 1524–1551.

¹¹⁶⁴ Музыкальная культура Красноярска, [1628-1920] / отв. ред. Л.В. Гаврилова. Красноярск, 2009. 455 с.

¹¹⁶⁵ Чайкина В.В. Жанровая система песенного фольклора деревни Быстрая речка Минусинского района Красноярского края // *Художественная культура России вчера, сегодня, завтра: региональный аспект*. 2017. С. 323–327.

¹¹⁶⁶ Колесник М.А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера // *Филологические исследования*. 2014. № 3. С. 39–59.

¹¹⁶⁷ Березюк С.В. Музыкальная фольклорная культура коренных малочисленных народов Сибири и современная информационная среда: дис. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. 187 с.

В последнее время возникает достаточное количество научно-исследовательской литературы, посвященной теме изучения родных языков этнических групп Красноярского края. Языковые особенности по территориальному принципу раскрыты в исследованиях В.А. Кудашкина и Е.В. Иванченко¹¹⁶⁸, О.А. Казакевич¹¹⁶⁹, Ю.Г. Хазанкович¹¹⁷⁰, Н.П. Копцевой¹¹⁷¹, А.Н. Хижняковой и К.В.Резниковой¹¹⁷², Н.Н. Середкиной¹¹⁷³, А.А. Ситниковой¹¹⁷⁴, Т.Н. Журавель¹¹⁷⁵, О.К. Лагуновой¹¹⁷⁶, И.В. Лизуновой и Е.В. Булгаковой¹¹⁷⁷, О.Н. Марченко¹¹⁷⁸, В.И. Матис¹¹⁷⁹, А.Н. Мыреевой¹¹⁸⁰, Н.А. Непомнящих¹¹⁸¹, Е.Г. Чумак¹¹⁸².

¹¹⁶⁸ Кудашкин В.А., Иванченко Е.В. Изучение родных языков коренных малочисленных народов Севера и Сибири в системе образования в 1985–2011 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 3. С.67–71; Его же. Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920-1980-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Т. 3. № 2. 2013. С.102–105; Его же. Сохранение языковой памяти у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. № 4. С. 58–60.

¹¹⁶⁹ Казакевич О.А. Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 3. С. 221–231.

¹¹⁷⁰ Хазанкович Ю.Г. Билингвизм как процесс межкультурной коммуникации и его функционирование в прозе малочисленных народов Севера и Дальнего Востока // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2009. № 6. С.101–106; Его же. Литература и книжная культура эвенков: к истокам зарождения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 2. С.176–181; Его же. Г. Пути и пути критики: О современном состоянии изучения литератур малочисленных народов Севера и Сибири // Сибирский филологический журнал. № 3. 2009. С.78–83.

¹¹⁷¹ Копцева Н.П. К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов севера // Арктика и Север. 2014. № 16. С.34–40.

¹¹⁷² Копцева Н.П., Хижнякова А.Н., Резникова К.В. К вопросу о концептах языков коренных народов Красноярского края // Северные архивы и экспедиции. № 1. 2017. С. 6–22.

¹¹⁷³ Середкина Н.Н., Смолина М.Г., Кистова А.В. Влияние эпоса на сказки коренных народов Севера и Сибири // Сибирский антропологический журнал. 2017. № 1. С. 62–73.

¹¹⁷⁴ Ситникова А.А. Коренное образование: актуальное состояние и проблемы // Педагогика и просвещение. 2015. № 3. С. 300–311.

¹¹⁷⁵ Журавель Т.Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края: дис. Красноярск: СФУ, 2015. 171 с.; Ее же. Причины языкового сдвига в среде тувинского населения в Усинской котловине Красноярского края // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 237–240.

¹¹⁷⁶ Лагунова О.К. Научные версии литературного творчества коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири // Вестник ТГУ. № 1. 2011. С.60–68; Ее же. Научные версии феномена литературного творчества коренных малочисленных народов Севера Западной Сибири // От текста к контексту. 2010. № 9. С. 143–148.

¹¹⁷⁷ Лизунова И.В., Булгакова Е.В. Издание книг для детей в Сибири и на Дальнем Востоке (1990-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 66–70.

¹¹⁷⁸ Марченко О.Н. Культуроведческий и этнокультурный подходы к изучению фольклора народов Сибири. Русский язык в национальной школе. 2014. № 1. С.14–25.

¹¹⁷⁹ Матис В.И. Современные подходы к национальному образованию // Образование в Сибири. 1996. № 1. С. 69–80.

¹¹⁸⁰ Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэдыл чадыт рэрк. Новосибирск, 2004. 798 с.; Ее же. Мыреева А. Н. Эвенкийские героические сказания. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1990. 392 с.

¹¹⁸¹ Непомнящих Н.А. Человек на перекрестке культур: эвенкийская литература в современном мире // Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе: сб. научных статей в 2 частях. 2014. С.45-51; Ее же. Эвенкийская литература: специфика генезиса и бытования, типические сюжеты и мотивы. //

За последние двадцать лет результаты научных исследований отражают региональную специфику края и его социокультурные особенности Сибири – территории проживания 159 народностей. Ежегодно в г.Красноярске проходят крупные научные события, в рамках которых ученые философы, антропологи, культурологи, историки, этнологи, этнографы, специалисты архивов и региональных музеев обсуждаются темы о народах Сибири, развитии многонациональности и межэтнических отношений, демографических и миграционных процессах (Международная научная конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы¹¹⁸³», Сибирский исторический форум¹¹⁸⁴). На сегодняшний день в исследовательской литературе определяются актуальные научные направления по региональной специфике¹¹⁸⁵, однако комплексные исследования по изучению этнической структуры Красноярского края в аспекте динамики ее развития по сию пору отсутствуют. Следующим шагом диссертационного исследования будет анализ культурных практик, формирующих качество сложной социокультурной идентичности в этнокультурном пространстве Красноярского края.

Специфика этнокультурного развития Красноярского края тесно связана с его историей, которую можно условно разделить на пять периодов. Первый связан с длительным заселением Сибири и формированием этнической карты коренными народами: до прихода русских здесь обитали тюркские, самодийские, тунгусские и енисейские племена. Второй начинается походом Ермака Тимофеевича и процессом присоединения Сибири к России. В конце XVI –

Сибирский филологический журнал. № 4. 2014. С.75–82; Ее же. Эвенкийская литература: специфика генезиса и бытования, типические сюжеты и мотивы // Сибирский филологический журнал. № 4. 2014. С.75–82.

¹¹⁸² Чумак Е.Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №. 8. С. 109–114.

¹¹⁸³ Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 28 ноября 2019 года / отв. за вып. Н. П. Копцева. Красноярск: СФУ, 2020. 296 с.

¹¹⁸⁴ Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска) // Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 23–25 октября 2019 г. Красноярск: ООО «Лаборатория развития». 2019. 452 с.

¹¹⁸⁵ Дегтяренко К.А. и др. Обзор актуальных региональных культурных исследований (Красноярский край) / проблемы и подходы / К. А. Дегтяренко, С. В. Метляева, Д. С. Пчелкина, А. И. Филько, А. А. Шпак, М. Я. Хребтов, К. И. Шиманская // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. № 8. С. 1568–1588.

начале XVII веков шло освоение территории края выходцами из Украины, Польши, Литвы и Поволжья. Заселение происходило вдоль рек – естественных транспортных артерий, которые объединяли разноплеменные народности (стойбища эвенков, ненцев, кетов, юрты хакасов и зимовья русских землепроходцев), способствуя обмену и торговле. Сибирская земля формировала общность из приходящих сюда людей: племена южные или северные, разные народы со своей культурой оказывались в окружении других, селились вместе. Последующие три периода связаны с этнической историей русских (с начала XVII века – это доминирующее население региона, в первую половину XX века его состав расширяется за счет беженцев, военнопленных и ссыльных, во вторую – за счет новых этнических групп).

Исторический экскурс позволяет определить весь XX век как период активного развития культурных практик. Можно сразу отметить, что каждые двадцать лет фиксируется смена практик, по-разному формирующих качество сложной социокультурной идентичности.

Конец XIX – начало XX веков (до 1920-х годов) – время двух больших миграционных волн и начальный этап применения культурных практик, формирующих социальную идентичность в полиэтничном сообществе. Невероятный экономический подъем к рубежу веков позволил, с одной стороны, успешно адаптироваться пришлому населению, с другой – начать всерьез решать задачи культурного развития региона как полноценной части российского социума. Образовательные и художественные практики были задействованы в качестве культурных механизмов.

С 1865 по 1900-е годы этническая карта Енисейской губернии резко изменяется с приездом около полумиллиона переселенцев, рост населения увеличивается сначала в два, а затем в четыре раза (к 1897 г., по данным Первой всеобщей переписи населения, – 570 161 чел.)¹¹⁸⁶. По призыву премьер-министра П.А.

¹¹⁸⁶ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс] / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus1897_01.php. (дата обращения 30.10.2020).

Столыпина многочисленные семьи «безземельных» крестьян съезжаются со всех концов Российской империи и начинают осваивать плодородные земли, образуя новые поселения с русскими названиями: деревни Троицкая, Воскресенская, Полтавка, Березовка, Александровка, Успенка¹¹⁸⁷, слободы Николаевка, Покровка, Алексеевка, Нахаловка, Таракановка. Русские, украинцы, татары, поляки, евреи, мордва, латыши, эстонцы, немцы, цыгане, белорусы, марийцы, чуваша, латгальцы на месте получали не менее 15 десятин земли (десятина – 1,09 га) и, где возможно, еще три десятины лесного надела, а в районе реки Ангары переселенцам выделяли столько земли, сколько они могли обработать. В 1891-1895 годах идет строительство восточносибирской железной дороги, в 1895 году в Красноярск по Транссибирской магистрали, связавшей центр России с Сибирью, прибывает первый поезд в 1898 году началось движение поездов по новому железнодорожному мосту через реку Енисей¹¹⁸⁸. К 1900 году готова подробная карта Енисейской губернии с указанием мест поселения иноверцев и переселенцев. С 1903 года вводится обязательная регистрация выбывающих и въезжающих лиц, с 1906 года стали выдавать первые паспорта¹¹⁸⁹. В 1907 года открыты первые месторождения угля в Минусинском округе, и тысячи крестьян сменили статус на рабочего (в угольных шахтах, разрезах) или железнодорожного строителя (на дороге «Ачинск-Минусинск»). На рубеже веков губерния становится крупным центром деятельности акционерных обществ, связанных с добычей золота в Сибири. В 1900-1920-е годы, особенно во время Первой мировой и Гражданской войн, идет вторая миграционная волна, состоящая из каторжан, политических ссыльных, беженцев с прифронтовых территорий России (Украины, Белоруссии, Балтии), представителей различных европейских народов из числа военнопленных¹¹⁹⁰. Ярким примером служит история ссылки за веру в 1924 год в Енисейск участника Русско-японской войны, земского врача, хирурга,

¹¹⁸⁷ Забытые страницы Сибири: альбом / авт.–сост. Э.А. Шемрякова, А.Д. Шемряков. Красноярск: Сибирские промыслы, 2011. Ч. 2. С. 30.

¹¹⁸⁸ Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск: Лад студия, 2012. С.85.

¹¹⁸⁹ Логачева Л.Г., Шитова Т.В. Деятельность полиции по борьбе с революционным движением в Енисейской губернии в начале XX в. // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв.». Красноярск, 2000. С. 50–53.

¹¹⁹⁰ Этноатлас Красноярского края. Красноярск: Поликор, 2018. С.10.

ученого (доктора медицинских наук, профессора), епископа Русской православной церкви и архиепископа Симферопольского и Крымского – Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого.

Образовательно-культурные практики сопутствовали переселенцам благодаря просветительской деятельности со стороны купцов (Даниловы, Кузнецовы, Гадаловы, Саввиных, Юдины, Баландины, Дегтяревы) и золотопромышленников (Щеголевы, Кытманов, Матвеевы). В 1890 году построено здание железнодорожного собрания, где обосновался первый любительский оперный театр, начала работу Красноярская городская библиотека в Почтамтском переулке, в 1902 году торжественно открыт театр им. А.С. Пушкина, в 1903 году построена Красноярская духовная семинария (действовала до 1918). В Енисейской губернии множатся публичные библиотеки, народные читальни, с 1857 года выходят периодические издания (до 1917 это около 70 газет и 15 журналов). Сфера образования выстроена небольшой сетью начальных и средних учреждений. В губернском центре работают преимущественно частные мужские и женские гимназии классического типа, одноклассные и трехклассные училища, в которые приглашают высокообразованных специалистов для преподавания математики, письма, рисования, иностранных и древних языков. Нередко в число учеников входят одаренные дети бедняков, чье образование спонсируют местные купцы. Среди направлений обучения особое внимание уделяется медицинскому (школа фельдшерниц В.М. Крутовского, 1889) и художественному (рисовальная школа В.И. Сурикова, 1909). К 1918 году насчитывалось 16 учебных заведений, из них 9 гимназий и прогимназий. Школьное образование имело две ступени (1–5 и 6–9 классы), сельское – одну (1–3 классы). Несмотря на то, что решить проблему неграмотности было почти невозможно (например, крестьяне не могли оплачивать проживание детей на частных квартирах), образовательные практики становятся опорными для последующего развития, имена основателей региональных школ по сию пору присутствуют в культуре Красноярска.

Художественные практики сформировались благодаря началу широкого строительства промышленных и гражданских сооружений. Региональные специалисты адаптируют местные природные ресурсы, выстраивая за короткое время деревянные (из лиственницы и сосны) и кирпичные здания (местные и приезжие мастера в качестве основного строительного материала использовали горный «лёсс» Афонтовой горы для выделки кирпичей). В городском центре работает группа профессиональных архитекторов и гражданских инженеров. Благодаря им в архитектурном облике здесь доминирует стилистика модерна (например, «Дом Либмана» В.А. Соколовского, 1910; «Кинотеатр Гадаловых» С.Г. Дриженко, 1911), в которой проявилось новое представление о мире: его открытости для преобразования и технологий, ценности человека и социума, стремлению в индустриальное будущее. Именно в это время строятся здание Краеведческого музея в египетском образе модели мироустройства (1914, архитектор Л.А. Чернышёв) и Римско-католический костел (1910–1911, архитектор В.А. Соколовский), призванный консолидировать местные религии. Новые архитектурные ориентиры репрезентируют социокультурные идеалы, способствующие объединению человека с другими людьми, социумом в целом. Значимой художественной практикой в области изобразительного искусства становится визуализация темы Сибири и проживающих в ней народов. Начало этому положил Д.И. Каратанов, директор городской рисовальной школы и художник, совершивший более десяти длительных поездок с экспедициями в северные районы (Подкаменная Тунгуска, Курейка, Туруханск, Дудинка). Результатом художественного освоения Сибири стали портретные образы представителей коренных северных народов («Остяк в чуме», «Шаманка», 1906), а также пейзажи Сибирской природы («Тайга», 1909; «Столбы. Камень», 1910). Северная тематика, закреплённая в художественной практике, демонстрировала тягу к изучению и сохранению уникальной региональной природной и человеческой среды, надолго определив специфику сложной социальной идентичности енисейских сибиряков.

1920-1930-е годы в целом характеризовались повсеместным активным влиянием советской национальной политики, направленной на быстрый подъем этнического самосознания путем делегирования этническим общностям равных прав на сохранение их суверенной значимости с целью последующего суммативного объединения этих групп в целостное единство. Идея совмещения единичного и общего в составе всеобщего способствовало формированию в короткие сроки нового союзного объединения, построенного на основе межэтнического равенства. Большие государственные события были связаны и с развитием Красноярского края.

В 1920 году Енисейская губерния становится советской вследствие изгнания колчаковцев, прихода Красной Армии и красных партизан. Начинается строительство новой институциональной среды, состоящей из учреждений (организаций) культуры: «В первые же месяцы партийная организация Красноярска, местные органы власти энергично принялись за организацию народного образования, за создание условий для общего подъема культуры трудящихся. Восстанавливались школьные здания, проводилась работа по ликвидации безграмотности, организовывались читальни, клубы, драматические кружки, изостудии. Создан «Рабочий театр» и оркестр народных инструментов, благодаря усилиям П.И. Иванова-Радкевича и П.И. Словцова организована народная консерватория (впоследствии музыкальное училище). Оживление художественной жизни создавало предпосылки для широкого развития профессионального искусства»¹¹⁹¹.

Информационные практики на этом этапе времени были развиты в наименьшей степени, но одними из первых претерпели радикальную идеологическую трансформацию: из газет продолжилось издание только «Красноярского рабочего», «Учительской газеты», педагогического журнала «Сибирская школа».

Образовательные практики были ориентированы на всеобщее начальное образование, а в задачи национальной реформы по коренизации входило

¹¹⁹¹ Давыденко И.М. Художники Красноярска. Л.: Художник РСФСР, 1980. С.11.

обучение родным языкам, возвращение национальной элиты среди коренных народов, а также обеспечение инженерными кадрами региональных заводов истроек. Увеличение роли школьного образования заложило основу и структуру советской школы: гимназии превращены в «единую трудовую школу», в учебном плане основным становится блок естественнонаучных дисциплин. Однако этого не было достаточно для покрытия сетью школьных учреждений всей территории края, хотя по сравнению с 1917 годом число учащихся выросло ровно в два раза¹¹⁹². Не было возможности получения высшего образования, поскольку созданный в 1920 году (на базе учительского института, учительской семинарии, 3-годичных учительских курсов) Красноярский институт народного образования, уже в 1924 году был преобразован в педагогический техникум для массовой подготовки школьных учителей¹¹⁹³.

Художественные практики больше проявились в области искусства. В 1920-е годы были национализированы театры, ставшие объектами «всемирного достояния»¹¹⁹⁴. Театральная деятельность перешла во многом в форму самодеятельных объединений¹¹⁹⁵. В 1926 году была создана рабочая театральная мастерская под руководством С.И. Прокофьева, в течении года дано 100 спектаклей, из них 33 премьеры, в следующем – 38 постановок, актерами выступали только рабочие. С 1927 года проходили гастрольные выступления, которые привлекли в актерскую деятельность крестьян, началось создание колхозно-совхозных театров. Развитие данной деятельности явилось мощным стимулом социализации, усложняющим психоментальный комплекс полиэтничного общества сибиряков в неразрывную связь с советской идеологической базой.

¹¹⁹² Красовский А., Шайдт А. Сельские школы Енисейского района накануне коллективизации // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв.». Красноярск, 2000. С. 75–83.

¹¹⁹³ Ценога С.Н., Мезит Л.Э., Корытько Ю.С. Педагогические учебные заведения Сибирского отдела народного образования в 1920–1938 годы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2016. Т 1. № 35. С. 123–128.

¹¹⁹⁴ Об объединении театрального дела: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26.08.1919. [Электронная ресурс]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/history/8/1279/> (дата обращения 01.11.2020).

¹¹⁹⁵ Абдурахманова Д.А. Из истории рабочей театральной мастерской в Красноярске во второй половине 1920-х гг. // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв.». Красноярск, 2000. С. 72–75.

В области регионального искусства была предпринята первая попытка объединить художественные силы в единое целое: при Красноярском отделе народного образования создан подотдел искусств с секциями по издательской, художественной, театральной и музыкальной деятельности, зарегистрированы все художники, создана студия-коммуна для профсоюзных работников искусства, организованы выставки произведений красноярских художников. Период 1920-х годов достаточно сложен и противоречив, поскольку, с одной стороны, было необходимо развивать тему социалистического реализма, и красноярские художники включали в свои произведения узнаваемые приметы времени, например, цикл графических работ А.П. Лекаренко «Первое мая» (1924), «Комсомолка» и «Пионеры» (1925). С другой – новая тематика сложно прививалась у самобытных художников, они по большей части спланивались вокруг авторитетного мастера (Каратанова, Лекаренко, Вальдмана и др.), сохраняя приверженность к сибирской тематике (например, пейзажи 1926 года художника К.Ф. Вальдмана «Вид на Такмак с деревни Базаиха», «Городской пейзаж осенью», «По набережной Енисея», произведения «Рыбаки» Каратанова, «Хакасская девушка» А.В. Вошакина). В 1928 году на художественной выставке показано около шестидесяти работ Д.И. Каратанова, посвященных в том числе его северной экспедиции, быту и жизни северян («Кеты-рыбаки», «Разгрузка лодки», «Починка невода», «Развеска неводов», «Чаепитие»), произведения А.П. Лекаренко, запечатлевшего в этюдах, рисунках, эскизах самобытную культуру нганасан («Нганасан в сакуе», «Силкин ненец», «Нганасан Мунто» и др.). Доминирующей художественной практикой становится усиление тенденции к сохранению уникальной северной (заполярной) тематики, благодаря которой были созданы региональные идентификаторы. К слову, ни одно художественное объединение, созданное в целях консолидации всех сибирских художников и пропаганды идеологии советской культурной революции, не просуществовало долго («Новая Сибирь», 1927–1931, филиал «РАПХ», 1932).

В 1930-е годы началось индустриальное развитие региона, 7 декабря 1934 года был образован Красноярский край с центром в Красноярске и разработан

генеральный план развития города. Советская власть видела в регионе большой ресурсный потенциал, поэтому стали осваиваться целинные земли, Север. В процессе районирования Сибири произошло массовое переселение крестьян как рабочей силы в отдаленные восточносибирские спецпоселения на лесоразработки, рыбные и иные промыслы. Второй волной поселенцев стали раскулаченные, ехавшие из Украины, Белоруссии, южных районов Сибири и поселявшиеся в Богучанском, Енисейском и Северо-Енисейском районах. Северные районы остро нуждались в рабочей силе, поскольку было необходимо развертывание золотодобывающей промышленности, скорейшая разработка приисков, стратегически обеспечивающих индустриализацию страны (рудники Пролетарка, Викторовский, Соврудник). Спецпоселенцы были заняты в горном, механическом, строительном производстве, вели сплавные работы по Енисею и Ангаре, прокладывали лесовозные дороги.

Роль местных средств массовой информации невероятно возросла, теперь они позиционируются как движущая *информационная сила* социокультурных изменений. Основным содержанием газет стали публикации материалов партийных съездов, конференций, совещаний и сопутствующих постановлений, проектов, обсуждений, результатов выполнения трудовых норм, сводок с производств (бригад, колхозов, совхозов), тщательно отредактированных писем ударников – рабочих и крестьян. Информационный продукт демонстрировал оптимистически радостную жизнь советского народа, трудовой подъем и героический энтузиазм строителей социализма. Если в первую половину тридцатых годов действует 68 газет, то в 1936 году их уже 130. Количественный рост происходил за счёт окружных, совхозных и фабрично-заводских многотиражек¹¹⁹⁶. Тираж районных газет был небольшим (6000 экземпляров), краевых в разы больше («Красноярский рабочий» – 65000 и «Красноярский комсомолец» – 18500).

¹¹⁹⁶ Величинская Л.Е. Агитационно-массовая деятельность краевых газет среди сельского населения во второй половине 1930-х гг. // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв.». Красноярск, 2000. С. 90–95.

Архитектурная городская среда была лишена центрального и самого крупного Богородице-Рождественского кафедрального собора, главные улицы переименовывались с православных названий на революционные (например, появляются улица Ленина, проспект имени И.В. Сталина и др). В остальном городская квартальная застройка продолжала композиционно выстраиваться вдоль речной оси Енисея, каждое здание обрело индивидуальный стилистический облик, а разновеликость зданий и разнообразие их завершений подчеркивало нетипичный и неповторимый характер города.

Художественные практики направлены на изображение нового облика СССР, визуализацию черт социализма в быту, повествование о прошлом и настоящим страны социализма, портретирование лучших людей страны и показ советского положительного героя. Художественная среда институализировалась сначала в форме Восточно-Сибирского отделения Союза художников (1933), затем было реорганизовано в краевое отделение Союза художников СССР (1935). В доме Суриковых открылась студия повышения профессионального мастерства, художникам предоставлена возможность совершать творческие командировки. Северная тематика и меняющийся образ Красноярска выступают неотъемлемыми компонентами идентификации региональной культуры.

В 1940–1950-е годы, более всего во время Великой Отечественной войны, край стал индустриально-аграрным: в города Красноярск, Канск, Абакан, Норильск были эвакуированы многие предприятия, имеющие большое оборонное и народно-хозяйственное значение. С 1941 года начали работу машиностроительный завод («Сибтяжмаш») и химкомбинат «Енисей», в 1942–1944 годах начат выпуск продукции гидролизного, цементного и аффинажного заводов. До 1950-х годов на Север идут масштабные депортации ссыльных немцев, латышей, литовцев, эстонцев, калмыков, греков, финнов. Прибывающие на пароходах с баржами заключенные строят Норильск, Дудинку, крупные комбинаты, заводы, морские порты, шоссейные дороги, леспромхозы. Искусственный прирост нерусского населения вел к расширению спектра культурных практик.

Информационные практики проявили социоцентрическую энергетику единения жителей Красноярского края в неразрывное целое для приближения Великой Победы. Созданные в годы войны литературные произведения предельно конкретно отображают события, поступки, факты, места действия, подвиги воинов-сибиряков, фамилии и имена героев: «Чарду», «Сказ о Ферапонте Головатом», «Песня о Тотмине», «Красноярцы за Невелем», «Увачан едет домой», «Сердце Сибири», «Сибиряк на Неве», «Иван Черноус», «Стражи Мангазеи», «Стрелецкая застава», «Василий Прончинцев», «Русский человек Бегичев» и т.д. Писатели-сибиряки И.Д. Рождественский, К. Лисовский, Л. Черноморский, М. Скуратов, И. Ерошин, Б. Богатков, Г.К. Суворов и др., писали стихи-агитки, стихи-плакаты, стихи-клятвы, стихи-исповеди, стихи-размышления, баллады и поэмы (крупные эпические формы), печатали коллективные сборники. Произведения, созданные в годы войны, разоблачали врага, возбуждали ненависть к фашистам, порождали патриотические чувства, воодушевляли на героические подвиги на фронте и в тылу, вселяли уверенность в грядущей победе. В 1946 году создано Красноярское отделение Союза советских писателей по организации творческой помощи начинающим авторам. Писатели-профессионалы совместно с издателями газеты «Красноярский рабочий» проводили литконсультации, создавали литературное объединение. В 1949 году при отделении ССП создан «Кабинет молодого автора».

Художественные практики стали инструментом социальной интеграции в целостный организм народа – героя и победителя. Из всех видов изобразительного искусства самым активным и массовым, гибким и политически острым стал плакат (героический и сатирический), карикатура, станковый и газетно-журнальный рисунок. Наряду с печатным плакатом большое значение получили «Окна ТАСС», появляющиеся ежедневно на стенах домов, на заборах, в витринах магазинов практически одновременно со сводками Информбюро, содержание которых и было чаще всего темами «Окон». Ответственными за выпуск «Окон» были В.В. Федотов, Н.И. Заяц, И.И. Наливайко.

В изобразительном искусстве отразилась многоуровневая и многоаспектная тема войны, приведшей к сложной социальной организации. На краевых и межобластных художественных выставках в 1941–1942-х годах экспонируются многочисленные работы, посвященные подвигам и героическому труду советских людей. Художники стремились отразить жизнь советского народа, развивая жанр тематической картины. Портретные изображения визуализируют сущность участников и героев войны. Поясное или поколенное изображение одного человека или группы людей, скупые детали пейзажа или нейтральный фон, сдержанная гамма цветов являются основными художественными средствами. Лишь к концу войны живописные портреты стали сложнее и по сюжетно-композиционному построению, и по колориту. В них появилась некоторая торжественность. В годы войны активно проявили себя молодые художники, такие как Б.Я. Рязов («Морской бой. Эпизод в Баренцевом море в 1941», 1941; «Подвиг капитана Гастелло», 1942; «Могила фашистских пиратов», 1942), А.Я. Климанов («Кладбище военных танков, 1942), фронтовым событиям посвящены произведения К. Вальдмана («Подвиг Героя Советского Союза Н. Тотмина», 1942), К. Матвеевой («Разгром немцев под Москвой», 1942). В исторических произведениях чаще всего визуализировались эпизоды освободительных войн и народных движений. Произведения пейзажного жанра, изображая следы ожесточенных битв, оставшиеся на полях сражений, стали пейзажами войны.

В 1949–1955 годы базовые культурные практики направлены на восполнение, наращивание социальных ресурсов, необходимых в послевоенное время для восстановления социоцентрической целостности, укрепления мира и дружбы народов, международной солидарности трудящихся. Тема труда стала в те годы для художников центральной, включив в себя любовь к Родине, воплощение величия труда советского народа-созидателя, прошедшего тяжелые испытания войной и занятого восстановлением Родины. На всей территории Красноярского края работа ссыльных, заключенных, вольнонаемных привела к образованию северных путей и основанию города Норильска с железной дорогой до Енисея, Дудинки с морским портом, постройке многочисленных комбинатов,

заводов, рудников, аэродромов, леспромхозов, шоссейных дорог, железнодорожных веток. Железную дорогу «Салехард-Игарка» (секретный объект ГУЛАГа № 503 как проект защиты арктического побережья) строили свыше 30 000 заключенных, в числе которых были известные мастера искусства: режиссер и киноактер Леонид Оболенский, пианист Всеволод Топилин, артист Борис Болховский, писатель и журналист Роберт Штильмарк (автор романа «Наследник из Калькутты») и др. Культурные практики также были сосредоточены в деятельности более двухсот артистов-заключенных штатного театра, состоявшего из опереточной и драматической трупп. Концерты проходили в селе Ермаково и на трассе, в агитвагонах в лагерь приезжали концертные бригады.

Возвращались с фронта местные художники – Б.Я. Рязов, Е.С. Кобытев, Я.С. Еселевич, В.И. Мешков, приезжали с других городов – Р.К. Руйга, Т.В. Ряннель, Д. Лавров, к концу 1950-годов в творческую работу включились Ю.И. Худоногов, А.Г. Поздеев, В.С. Павленко, В.Т. Башмаков, Н.С. Сальников, Е.А. Шепелевич. В региональном творчестве преобладала пейзажная живопись, содержательно формируя суть *сибирской идентичности*: единение с величественной природой (Саяны, река Енисей, Красноярские столбы), ее разнообразный (степь, тундра, тайга) и монументально-открытый характер (в пейзажи зачастую включены фигуры охотников, рыбаков, простых людей). В 1948 году художник Д.И. Каратанов одним из первых был удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств РСФСР, а «Туруханская серия» (1947–1948) Б. Рязова стала знаковой для советской пейзажной живописи. В.И. Мешков, вернувшись с фронта, посвятил большую часть своих работ Эвенкии и запечатлел образ жизни северных людей – эвенкийских охотников и оленеводов.

Визуальные представления промышленного центра и его образа жизни дали основу для построения *городской идентичности*. В пейзажных полотнах К.Ф. Вальдмана запечатлено строительство коммунального моста через Енисей, строительство ГЭС, городское строительство. Экспонируемые на Всесоюзных и республиканских выставках пейзажи Т.В. Ряннеля посвящены Сибири как

исторической Родине и современному индустриальному Красноярску. Портретная живопись Г.П. Ермолаевой представляла красноярских поэтов, рабочих, учителей, а Я.С. Еселевич изобразил деятелей культуры и искусства, героев, большевиков, представителей русского и хакасского этносов. К рубежу следующего десятилетия появляется тема детства, семьи, материнства (например, «Маленькая Сибирячка», 1959, Т.А. Мирошкина).

В 1960–1970-е годы особенно быстро шел процесс формирования сложных форм идентичности. Шестидесятые стали временем строительства коммунистического общества и воспитания советских людей средствами культуры. С одной стороны, уже была четко выстроена культурная инфраструктура: созданное в 1953г. Министерство культуры СССР управляло краевым, в свою очередь руководившим деятельностью всех культурных учреждений на территории края. Обратная связь была организована через Краевые Съезды работников культуры, конференции работников культуры города, включение заслуженных работников культуры в состав депутатов краевого совета трудящихся (А.И. Чмыхало, Б.Я. Ряузов, Н.З. Прозоров). С другой – культурное производство шло одновременно на всех социокультурных уровнях: всесоюзном, краевом, городском, поселковом (сельском). Культурная политика советского времени заложила основные контуры гигантской сети организованной инфраструктуры, во многом продолжающей существовать в культурных процессах и практиках современности.

Шестидесятые годы XX века ознаменовались завершением программы по ликвидации неграмотности, третьим этапом модернизации региона (активным ростом экономического и промышленного потенциала)¹¹⁹⁷, социокультурным «бумом» по просвещению и массовому потреблению культурных продуктов¹¹⁹⁸. Культурное просвещение сводилось к организации культурных практик,

¹¹⁹⁷ Гайдин С.Т., Гониная Н.В., Павлюкевич Р.В., Реут Г.А., Рогачев А.Г., Шевченко В.Н. Развитие Красноярского края в годы «Оттепели»: материалы круглого стола // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 292–313.

¹¹⁹⁸ Материалы к изданию «Хроника культурного процесса Красноярского края. 1965, 1966, 1967 годы» / Гос. универс. науч. библиотека Красноярского края; Сиб. гос. ин-т искусств им. Дмитрия Хворостовского; автор-сост. Г. Л. Рукша. Красноярск: ГУНБ, 2019. 143 с.

формирующих новое (коммунное) качество. Внушительно звучит отчет из доклада III Съезда работников культуры края: «В 1966 году – каждый житель края 26 раз посетил кинотеатр, 1128000 человек побывали в театре, 850 человек из каждой тысячи выписывает газету или журнал. Сейчас в крае действует 1540 клубов, 106 домов и дворцов культуры, 1340 библиотек, 157 кинотеатров, 12 музеев, 39 музыкальных школ, 42 красных чума, свыше 2500 киноустановок, 9 государственных театров, музыкальные училища»¹¹⁹⁹.

Наиболее развитой в регионе стала *сеть социальных институтов по созданию творческих продуктов и их культурному потреблению* через гастрольные концерты театров, оркестров, ансамблей национальной песни и мастеров художественного слова; концерты-встречи с артистами РСФСР, народными артистами, писателями, художниками и композиторами; вечера памяти о выдающихся деятелях культуры и искусства; краевые кинофестивали и концерты-кинопарки, декады хорового искусства, ежегодную краевую театральную весну; постоянные, передвижные, персональные художественные выставки; театральные конференции со зрителями (обсуждение текущего репертуара театра); показ по Центральному телевидению СССР телевизионных программ по краеведению. С большим успехом в разных городах и областях проходят персональные выставки Красноярских художников А.Г. Поздеева, Ю.И. Худоногова, Н.В. Касаткиной, скульптора Ю.П. Ишханова, дни литературы и искусства Красноярского края, организованные с участием писателя А. Чмыхало, композитора Л. Масленникова, художника В. Мешкова. Местом встречи зрителей и творцов становятся драматические театры, театры юного зрителя, музыкальной комедии, государственный цирк, театр кукол, 59 взрослых и детских кинотеатров, Дворец культуры металлургов алюминиевого комбината, Дворец культуры ЦБК (целлюлозно-бумажного комбината). Северные народы самых отдаленных поселков также включены в процесс культурного потребления через передвижные объекты культуры по обслуживанию оленеводов и рыбаков, сезонную работу красных чумов, концертную деятельность местных артистов.

¹¹⁹⁹ Красноярский рабочий, 1966. 14 мая. С.51.

На региональном уровне масштабно развивалась сеть художественной самодеятельности. Функционируют 12 народных театров, идут концерты и фестивали заводских хоров и танцевальных ансамблей, эстрадных оркестров институтов, создаются пришкольные картинные галереи, народные и школьные, краеведческие и сельские исторические музеи. Проводятся районные смотры художественной самодеятельности народных театров, взрослых и детских коллективов (любителей изобразительного и хореографического искусства, современного бального танца) из городских и сельских домов культуры (85 сельских в 1965 году). Организованы литературные конкурсы («Земля Енисейская»), конкурсы народных талантов (70000 танцоров, чтецов, музыкантов в 1966-1967годы). Систематически проводятся вечера драматического искусства, где совместно играют актеры-любители и профессионалы¹²⁰⁰; по поселкам ездят агитационно-художественные бригады (368 в 1967 году); организуются выставки самодеятельных художников – речников Енисея. Площадками для самодеятельных творцов стали Краевой дом работников просвещения, Дом художника, Дворец Пионеров, Дом офицеров (литературное объединение ветеранов Гражданской и Великой Отечественной войн), Центральный парк культуры и отдыха им. Горького (выступления симфонических оркестров), Центральный Дворец культуры, Краевой дом культуры слепых.

Не менее развитой была *сеть социальных институтов, связанных с демонстрацией, изучением и сохранением творческих изделий:* Красноярская краевая художественная галерея и Краеведческий музей, ведущие научно-исследовательскую, культурно-просветительную и выставочную работу. Краевая научная библиотека и Красноярский библиотечный коллектор, обслуживающие 1920 библиотек края. Приобретение продуктов творчества и печатных изданий по науке, культуре и искусству происходило через книжные магазины (например, «Знание», «Буревестник», «Политическая книга»), на городских праздниках книги и через Всесоюзную книжную лотерею, на выставках-продажах произведений Красноярских художников. Для привлечения внимания в течение года проводятся

¹²⁰⁰ Красноярский рабочий, 1967. 31 января. С. 1, 4.

«недели» письма, изобразительного искусства для лекций, встреч с поэтами и художниками, посещения творческих мастерских. *Сеть социальных институтов по культурному просвещению* состояла из народных и школьных университетов культуры, научных лекториев на заводах, заседаний клубов творческой интеллигенции, детских клубов интернациональной дружбы, пионерских слётов. *Сеть институтов по гуманитарному образованию в области искусства* выстраивала особое пространство по обучению и взаимодействию начинающих и высокопрофессиональных мастеров – творцов идеалов культуры. Именно на 1960-е годы пришлось невероятное число художников разных поколений (под руководством старших мастеров учились молодые живописцы, скульпторы, графики, прикладники). Немалую роль в формировании творческих союзов сыграли командировки от Союза художников СССР. Результатом было успешное участие в выставках и присуждение почетных званий Б.Я. Рязову, Р.К. Руйге, А.П. Лекаренко, В.И. Мешкову, Ю.П. Ишханову, Т.В. Ряннелю, Н.П. Лою. В 1965 году Красноярская детская художественная школа им. В. И. Сурикова стала опорным профессиональным учебным заведением в области изобразительного искусства на территории Сибири и Дальнего Востока. Музыкальное образование шло в двух училищах (Красноярск, Норильск) и сети школ, расположенных в каждом краевом городе и районе.

Красноярская культура известна далеко за пределами края. Международное признание получил Государственный ансамбль танца Сибири им. М.С. Годенко (поездки в Корею, Китай, Вьетнам). Всесоюзное признание закрепляется за красноярскими художниками через участие в крупнейших художественных выставках страны: Всесоюзная юбилейная художественная выставка (1957), Всесоюзная выставка «40 лет ВЛКСМ» (1958), Всесоюзная художественная выставка (1961), Всесоюзная художественная выставка эстампа (1966). Союзную славу приносят киносъемки художественных фильмов: «Строится мост» (О.Н. Ефремов), «На диком берегу» (А.М. Граник), «Непоседы» (В.И. Иванов). Региональный статус сохранен благодаря возрождению научных этнокультурных и этнографических исследований для подготовки издания пятитомного труда

«История Сибири», открытию археологических памятников (например, Тагарской культуры), экспедиционных работ по сбору песенного и устного фольклора, публикации целой серии «Наши замечательные земляки» о красноярских художниках. Северная культура освещается в прессе: «В Ленинграде создан ансамбль из студентов, обучающихся в вузах города, из Красноярского края. Он называется «Северное сияние»»¹²⁰¹; о выставке «Северная мозаика» Н.В. Касаткиной: «Выставка оказалась не только творческим отчетом художницы, но и демонстрацией еще одной сравнительно мало известной страницы многонационального и многогранного народного декоративно-прикладного искусства края»¹²⁰²; о художниках: «В Ленинграде завершил профессиональное образование Роман Пичкунов – первый из эвенков Красноярского края, учившийся на художественно-графическом факультете в институте им. А.И. Герцена. Он родился в поселке Ванавары. Четыре его линогравюры, являющиеся дипломной работой, приобретены Ленинградским музеем Арктики и Антарктики»¹²⁰³.

Концептуальным стержнем художественной сферы культуры является произведение искусства. Основной отличительной особенностью изобразительного искусства этого времени явилось обращение художников к современности, к темам, которые представляли людей периода строительства коммунистического общества. В произведениях жанра портрета раскрывается представление о строителе коммунизма, о человеке современности, о важности его вклада в развитие региона. При этом тематика изображений становится невероятно широкой, внимание уделено каждому человеку, предмету, событию и явлению. Теме освоения Заполярья посвящены серии и работы художников А.П. Лекаренко (жизнь коренных народов Таймыра), Н.П. Лоя («Норильская серия»), В.А. Балдина (портретная серия коренных жителей), В.Т. Башмакова (портреты рабочих, доярок, рыбаков Заполярья и Енисейских рыбаков). Молодое поколение живописцев развивает северную тематику через изображение быта инганасан,

¹²⁰¹ Красноярский рабочий, 1967. 6 января. С. 2, 4.

¹²⁰² Красноярский рабочий, 1967. 7 февраля. С. 4.

¹²⁰³ Красноярский рабочий, 1967. 4 августа. С. 2.

эвенков и других этнических групп, а также северной природы: А.М. Знак, В.Д. Коротков, Б.М. Белый, В.П. Буркасов, Ф.В. Капелько («На реке Хете», 1967, «Оленьё озеро», 1967, «Сибирская пушнина», 1973), Г. Горенский («Рыбаки Заполярья», 1972, «Дары тайги», 1974). В пейзажах проявлен интерес художников к тщательному запечатлению каждого этапа развития города и региона: пейзажи окрестностей и города у А.Г. Поздеева, индустриальное развитие городов и поселков региона у В.А. Сергина, пейзажи сельской жизни и гигантские стройки на юге края у Б.Я. Рязова, хакасский пейзаж с древними памятниками у Ю.И. Худоногова, архаика памятников Минусинской котловины и Хакасии у В.Ф. Капелько.

В скульптуре одной из важнейших задач стало создание памятников героям и жертвам Второй мировой войны. При этом военная тематика получила философское осмысление. Громко зазвучал протест против войны. Особый размах получила деятельность скульпторов Д. Лаврова (портреты деятелей культуры и науки), А.Х. Абдрахимова (портреты Героев Советского Союза, гражданской войны, революционеров, борцов за установление Советской власти в Красноярске, путешественников-первооткрывателей, декабристов), Ю.П. Ишханова (станковые и монументальные портреты людей разных профессий, ветеранов ВОВ), В.А. Зеленова (динамичные портреты северян или мужественные образы строителей), В.И. Левашова (автора монумента-памятника партизанам), А.И. Шельпука (портреты и жанровые композиции, посвященные детям), В.И. Шавлыгина (портреты революционеров, героев Советского союза). Развитие искусства скульптуры способствовало расширению присутствия монументальных работ и мемориальных комплексов как знаковых памятных мест и событий, навсегда изменивших жизнь людей. Одновременно идет деятельность по сохранению культурной памяти: «В Ачинске собрались старожилы города, краеведы-любители, работники культуры, чтобы избрать Совет нового Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и

культуры¹²⁰⁴». В центре устанавливается монументальная скульптура: «Пробуждающийся Енисей» (1965, Ю.П. Ишханов), памятник Ленину (1970, В.Б. Пинчук, Ю.П. Ишханов).

Произведения графики в данный период широко вошли в быт советских людей. Возросла роль эстампа в украшении интерьера, разнообразием отличались плакаты, промышленная графическая продукция. Одной из популярнейших техник в графике стала черно-белая и цветная линогравюра, отличающаяся лапидарностью и обобщенностью форм. В 1960-е годы создана единственная в Сибири эстампная мастерская, осваиваются различные приемы гравирования (линогравюра, офорт, ксилография, литография, акватинта). Станковая и книжная графика Р.К. Руйги посвящена строительству железнодорожной магистрали «Абакан-Тайшет», Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС. Графика Е.С. Кобытева визуализировала тему фашистского концлагеря «Хорольская яма» (серии «До последнего дыхания», 1958-1963; «Люди! Будьте бдительны!», 1961), знаковым стало мозаичное панно кинотеатра «Родина». Линогравюры Н.С. Сальникова связаны с сибирскому Севером (серия работ «Хантайский цикл», «Сибирские поля», 1963, и др.). Образы Красноярска, Крайнего Севера и Сибири в целом присутствуют в работах М.Ф. Гладунова, Е.А. Шепелевич, В.А. Тодыкова, С.Ф. Турова, С.А. Степанова.

Становление профессионального декоративно-прикладного искусства произошло благодаря творчеству Н.В. Касаткиной, обратившейся к изучению народного искусства Сибири и Крайнего Севера (зарисовки одежды, обуви, предметов быта, украшенных своеобразным орнаментом, бисером, резьбой, выжиганием) и сохранившей в своих произведениях искусство северной меховой мозаики, впоследствии вошедшем в курс обучения творческим приемам северных мастериц (шитье «под бисер», приемы работы с мехом оленя). А.М. Ткачев заложил основы художественной керамики, А.С. Москвитин – художественной обработки стекла.

¹²⁰⁴ Красноярский рабочий, 1966. 12 января. С. 4.

В 1980–1990-е годы развитая экономика края и бурный рост промышленного производства способствовали решению новых социокультурных задач. Благодаря «ударным комсомольским стройкам» в эти годы появились Саяно-Шушенская и Красноярская ГЭС, Красноярский алюминиевый завод, Красноярский завод тяжелых экскаваторов, был построен аэропорт и корпуса Красноярского госуниверситета. Появились новые города: Назарово, Лесосибирск. В Красноярском крае работали более 30 тысяч юношей и девушек, многие из которых остались здесь жить. На строительство и освоение Красноярских краевых гигантов индустрии приезжают трудовые мигранты из Армении, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Молдавии. Население Красноярского края увеличилось почти в два раза.

В марте 1981 год деятелями культуры и искусства провозглашается девиз «Превратим Сибирь в край высокой культуры!», принимается комплексная программа «О мерах по дальнейшему развитию культуры и искусства в Красноярском крае на 1981-1985 годы», на основании которой начинается новый виток культурного строительства: создаются краевые презентационные площадки, улучшается материально-техническая база культурно-просветительских учреждений, устраиваются социалистические соревнования между городами и районами края через смотры-конкурсы среди всех учреждений культуры. Ключевой задачей становится культурное обслуживание жителей городов и края в целом, создание эстетической среды в Сибирском регионе. Своеобразным итогом решения поставленных задач стало *строительство региональной культурной инфраструктуры*. Красноярск становится центром художественной, литературной, музыкальной и научной деятельности.

Социально-культурные практики целенаправленно формировали стремление сибиряков к высокой культуре. Традиционными становятся общегородские массовые театрализованные праздники (праздник советской семьи, выпускной бал старшеклассников), праздники улиц, микрорайонов, молодежные вечера.

Благодаря руководству «человека-эпохи»¹²⁰⁵ П.С. Федирко появились Театр оперы и балета, Большой и Малый концертные залы, музей В.И. Ленина (ныне Музейный центр «Площадь Мира»), Дворец труда и городской Дворец пионеров, театр Музкомедии многочисленные кинотеатры, дворцы культуры и др. Художественная самодеятельность развивалась посредством певческих (хоровые коллективы Г.А. Шахраманяна), фольклорно-этнографических коллективов (например, ансамбль ГорДК «Енисеюшка» под руководством Н.А. Шульпекова), творческих отчетов содружеств профессиональных коллективов города с работниками красноярских заводов, сельских гастролей.

Художественные практики были усилены творческими командировками ведущих мастеров живописи, графики, скульптуры в Красноярский край для создания новых произведений. Совместно с Союзом художников РСФСР организовывались «заезды» групп художников на творческие дачи «Сенеж» и «Челюскинская», где мастера приобретали профессиональные навыки. Формировалась культурная творческая среда, благодаря которой красноярские художники видели уникальные черты Сибирской культуры¹²⁰⁶. В 1983 году Красноярская краевая художественная галерея была преобразована в Красноярский государственный художественный музей им. В.И. Сурикова, фонды его пополнились большим количеством произведений художников Москвы, Ленинграда, Красноярска и других городов. Одновременно были созданы народные художественные галереи и музеи в селах Тесь, Большая Уря, Подтесово, городе Лесосибирске. В честь 135-летия со дня рождения В.И. Сурикова организована неделя изобразительного искусства РСФСР и состоялось торжественное заседание с участием руководителей Министерства культуры, представителей Академии художеств СССР, двухсот пятидесяти мастеров искусства. Особое место в истории красноярской живописи в этот период занимают В.Ф. Капелько, Ю.Д. Деев, А.А. Довнар, С. Паштов, А.М. Знак и многие

¹²⁰⁵Красноярский рабочий, 2002. 12 сентября. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krasrab.com/archive/2002/09/12/08/view_article (дата обращения 10.11.2020).

¹²⁰⁶ Машанов А.Н., Прошкина О.А. Дом творчества «Челюскинская». Реальность и возможные перспективы развития // Искусство Евразии. 2019. Т 1. № 12. С. 139–147.

другие. В дальнейшем традиции реалистического живописного искусства продолжили такие художники, как К.С. Войнов, В.И. Кудринский, С.В. Форостовский, А.А. Исаенков.

Музыкальное искусство развивалось путем объединения в творческие союзы и совместной деятельности Союза композиторов с театром оперы и балеты, симфоническим оркестром краевой филармонии. Под руководством главного дирижёра И.В. Шпиллера, Красноярский академический симфонический оркестр стал уникальным, известным за пределами России. С Красноярскими творческими коллективами заключили договоры Государственный академический Большой театр, Центральный дом работников искусств, Ленинградская организация Союза композиторов, московские театр сатиры и драматический театр им. К.С. Станиславского, хор им. Пятницкого. Одним из важных событий стало начало работы в 1982 году зала органной и камерной музыки (ныне Органный зал Красноярской краевой филармонии). В 1982-1984 годах по проекту известного Красноярского архитектора А.С. Демирханова построен концертный комплекс в виде рояля с открытой крышкой, включающий Большой и Малый концертные залы.

Литературное искусство представлено деятельностью творческих групп Красноярской писательской организации и ведущих Сибирских писателей: В. Астафьева, А. Черкасова, А. Чмыхало, И. Пантелеева, Н. Волокитина, А. Ероховца, А. Зябрева, Р. Солнцева, В. Белкина, год Сысолятина, Б. Петрова, О. Корабельникова, Н. Доможакова, З. Яхнина, И. Сибирцева, А. Щербакова, Э. Русакова, М. Кильчичакова.

Красноярский Академгородок становится краевым центром научной деятельности. Он пополняется филиалом Сибирского отделения АН СССР, затем Институтом биофизики и Домом ученых. К настоящему времени в Академгородке работают более двадцати научных учреждений и организаций.

В 1990-е годы в связи с серьезными государственными событиями культурная жизнь Красноярска трансформируется демографическими, миграционными и социокультурными процессами. Во время распада СССР, в

регионе существенно уменьшается вес нерусского населения, с 1989 по 2002 годы уезжает 50,3 тысячи человек (13,3%)¹²⁰⁷. Однако достигнутый индустриальный уровень, урбанизация, высокий процент межнациональных браков, активная языковая ассимиляция, дисперсное расселение людей разных национальностей, развитие межнациональных отношений в регионе было прочным. В 1989 году в Красноярске создается первое официально зарегистрированное национальное общество. Количество национально-культурных объединений к 2006 году возрастает до 69, к 2015г. до 90.

Культурные практики перемещаются в область межэтнических и межконфессиональных отношений, поскольку формируется понимание, что этническое самосознание есть фундамент и основа сохранения, развития и возрождения национальных традиций, обычаев и культуры. С 1997 года становится известным далеко за пределами края этнокультурный фестиваль «Дети одной реки», в котором принимают постоянное участие деятели культуры Красноярского края, других регионов России и зарубежья. С 2008 года издается альманах «Этномир»¹²⁰⁸. С 2010 года как плодотворные этнокоммуникативные общественные площадки ежегодно организуются Всероссийские фестивали национальных культур, Дни коренных малочисленных народов мира и другие.

Период 2000–2010-х годов не однозначен в определении особенностей культурных практик, миграционные волны в это время становятся постоянными, что требует социокультурных изменений, создающих новые культурные ценности, установки, эталоны, нормы. Вместе с тем, согласно статистическим данным, этнический состав региона в это время только увеличивается. С 1989 по 2010 годы в наиболее крупных национальностях региона зафиксированы изменения: число украинцев, татар, немцев, белорусов, чувашей, мордвы уменьшилось в два, а армян увеличилось в четыре, азербайджанцев в два раза¹²⁰⁹. Уменьшается численность ряда старожильческих этносов: евреев, немцев,

¹²⁰⁷ Славина Л.Н. Этнический состав сельского населения Красноярского края в последние советские десятилетия // Сибирь многонациональная. 2018. С. 45–49.

¹²⁰⁸ Этно-Мир. О народах Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://gokrk.ru/upload/iblock/c65/c65f9291f0fee67e27daab7f42842f3f.pdf> (дата обращения 11.11.2020).

¹²⁰⁹ Этноатлас Красноярского края. Красноярск: Поликор, 2018. С.12.

поляков, мордвы, финнов, народов Балтии¹²¹⁰. Отрицательная динамика некоторых этнических общностей к 2002 году произошла в связи с естественной убылью населения, миграционными (возвращение на историческую родину) и ассимиляционными процессами (самоидентификация метисов как представителей этнического большинства). Однако с 2003 года происходит миграция на территорию края выходцев из стран Средней и Юго-Восточной Азии, с Кавказа и др., которых привлекли экономические и социально-культурные условия для трудовой эмиграции или постоянного проживания в Красноярске.

Активная деятельность национально-культурных объединений ориентирована на социальную помощь приезжающим. Несмотря на изменения общей численности населения (2002 – 2 966 042 чел., 2010 – 2 828 187, 2020 – 2 866 255), этническая структура региона продолжает изменяться, появляются новые этнические общности, многонациональное сообщество Красноярского края увеличивается и активно развивается. Политика краевых органов власти связана с рациональным контролем над притоком мигрантов для сохранения существующих межкультурных отношений, поддержки поликультурного общества. В крае создаются целевые программы, связанные с обустройством мигрантов, ведутся постоянные научные исследования миграционных процессов.

В 2007 году Красноярский край территориально объединился с двумя крупными национальными автономными округами – Таймырским Долгано-Ненецким и Эвенкийским, этническое многообразие региона пополнилось значимыми социокультурными группами – коренными малочисленными народами (долгане, эвенки, ненцы, якуты, кеты, нганасаны, селькупы, энцы). В связи с этим культурные практики на региональном уровне приобрели уникальный характер: с 2010 года реализуется проект кочевых школ для детей из числа коренных и малочисленных народов Севера. Научный вклад в сохранение и развитие социокультурного пространства Севера делают ученые-культурологи, с

¹²¹⁰ Официальный сайт Интернет-энциклопедии Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: my.krskstate.ru (дата обращения 15.11.2020).

2010 года результаты теоретических и полевых этнокультурологических исследований ложатся в основу ряда монографий, научных статей и диссертационных работ¹²¹¹. Закладывается научная основа для осуществления актуальных задач государственной культурной политики на современном этапе.

Выводы параграфа 4.3

На основании анализа культурных практик формирования сложных идентичностей в Красноярском крае в XX — начале XXI века можно зафиксировать ряд социокультурных особенностей данного процесса.

Во-первых, культурные практики в области искусства на протяжении советского имеют два связанных направления, в каждом из которых содержится по два ключевых аспекта:

1) *строительство региональной культурной идентичности*: а) репрезентация «вневременной» природной сути Енисейской Сибири – единого края, богатого природными ресурсами, открытого для освоения, многоликого и испытывающего силу духа человека; б) тема строительства нового индустриального центра, региона – промышленного гиганта, имеющего стратегическое значение для построения советского общества;

2) *формирование этнокультурной региональной идентичности*: а) концептуализация социальных образов «сибиряка» и «северянина» как жителей Красноярского края. Будь то рабочий, труженик, строитель, или рыбак, оленевод, – каждый имеет социальное значение, каждому уделено особое внимание; б) отражение социальной сущности в ряде идеологически обусловленных социокультурных образов: люди как строители коммунистического общества, народ как творец истории и герой-победитель, человек-современник, воодушевленный грандиозностью тех дел, свершать которые он призван.

Механизмы регионального культурного строительства направлены на оплотнение актуальных явлений, закрепляя их суть в соответствующих

¹²¹¹ Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций / Н.П. Копцева, А.Е. Амосов, Н.А. Бахова [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 639 с.; Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н.П. Копцева, А.Е. Амосов, М.И. Ильбейкина [и др.]. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 246 с.

именованиях (региональных названиях профессий, исторических событий), в изображении деталей национальных одежд, промысловых и бытовых атрибутов.

Характерной особенностью, присущей большинству красноярских художественных произведений XX века, является отсутствие мифологических сюжетов и тем прошлых веков. Большинство художников сосредоточено на визуализации сути двух базовых этнокультурных групп, проживающих в Красноярском крае: 1) аборигенных (коренных) народов Севера и 2) старожилов (потомков этнических представителей русских, татар, украинцев, чувашей, немцев и т.д.).

Наряду с художественными практиками на развитие этнокультурного самосознания воздействуют информационные и образовательные социокультурные практики, повышая уровень актуального знания, способствуя своевременной и адекватной реальности социокультурной деятельности многоэтнического общества. Результатом влияния культурных практик на психоментальный комплекс этнических групп является их трансформация в этнокультурные группы, чья идентификация складывается на основании двух и более идентификационных оснований.

Таким образом, *«ядро» региональной культуры – это и есть сумма социокультурных процессов, на основании процессов формирования сложных форм идентичности, позволяющих выстраивать самоидентификационные инварианты, отождествляя себя со «своей» («родной») этнической группой, с сибирской «надэтнической» региональной социокультурной группой, с российским полиэтническим и поликультурным обществом в целом.* Степень сложности идентификации и самоидентификации зависит от индивида, поскольку этнокультурная история Красноярского региона демонстрирует процесс подвижности этнокультурных групп. Иными словами, границы этнокультурным очень подвижны, что обуславливает сложность и динамичность природы этнокультурного самоопределения.

Результаты статистических данных Всероссийских переписей по Красноярскому краю позволяют увидеть процесс исчезновения и образования

новых этногрупп в связи со сменой или осознанным выбором своей этнокультурной идентичности.

Во-вторых, на протяжении XX столетия государственные политико-управленческие и экономические механизмы способствовали активному изменению этнокультурного состава населения, в том числе, в контекстае приезда на территорию региона большого количества мигрантов. По результатам трех Всероссийских переписей 1989, 2002, 2010 годов и актуальным статическим данным произошел значительный рост количества этнических групп в регионе: в 1989 году их было зафиксировано 128, в 2002 году – 137, в 2010 году – 159. Рост числа этнических групп с 1989 по 2002 год объясняется изменением порядка учета этнических общностей: в состав переписи включались представители этнических групп, ранее приписываемых к другим этносам¹²¹². Так, с 1990-х годов в регионе появились новые этнокультурные группы: чулымцы (ранее – хакасы или русские), езиди (курды), талыши (азербайджанцы), нагайбаки (татары), русины (украинцы), бесермяны (удмурты), юги (кеты) и кереки (чукчи), кумандицы (алтайцы), телеуты (алтайцы), что указывает на изменчивость природы этнического самосознания – ключевого фактора в процессе самоопределения и отождествления себя к той или иной этнокультурной группе.

Этническая идентичность есть прирожденное качество, однако в межэтнической среде культурная самоидентификация приобретает иной характер, поскольку формируется в связи с исторической традицией, ее устойчивым культурным воспроизводством, уверенностью в безопасном развитии жизни своего этноса. Именно традиционные этнические и культурные ценности, как наиболее устойчивые, сохраняют каждый этнос и общество в целом от распада. Этническое самосознание становится альтернативной формой, противостоящей потере социальной целостности и вписывающей индивида в определенную общность, позволяющего осмысливать и структурировать свое социальное поведение.

¹²¹² Лысенко И.С. Специфика этнического состава населения Красноярского края конца XX – начала XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2008. Т. 7. № 3. С. 176.

Во-третьих, этнокультурная история Красноярского края позволила зафиксировать три базовые группы населения, которые составляют его этнокультурную карту: 1) автохтонное, или коренное, население края, включенное в современную рыночную постиндустриальную экономику и одновременно сохраняющее и/или возрождающее традиционное хозяйство (долгане, эвенки, ненцы, якуты, кеты, нганасаны, селькупы, энцы); 2) многонациональное старожильческое население – потомки пришедших до середины XX века народов (казаки, русские, татары, украинцы, мордва, чуваш и т.д.); 3) трудовые мигранты, появившиеся в период активного индустриального развития региона и пожелавшие здесь остаться на постоянное жительство.

Уникальная история длительного межэтнического содружества формировалась в динамике возникающих и активно применяемых культурных практик. С одной стороны, основная масса этнически определенных переселенцев «растворялась», ассимилировалась в старожильческом населении (как результат сформировалась сложная форма идентичности «сибиряков» – этнокоммуникационного пространства для сохранения и развития разных культурных традиций и обычаев). С другой, в истории Красноярского края межэтническая коммуникация двигалась в тенденции к неполной ассимиляции, позволяя этнокультурным группам сохранять родной язык, культуру и религию.

В настоящее время благодаря информационным технологиям активно развиваются сетевые сообщества этнокультурных групп (включая коренные северные народы), становясь одним из актуальных пространств этнокультурной коммуникации. Еще одним таким пространством выступают разнообразные региональные праздники с этнокультурными «подворьями».

В целом многочисленные аспекты социокультурного межэтнического пространства Сибири показывают, что ключевыми ценностями были и продолжают быть традиционные культурные ценности: сохранение единства культурного многообразия, открытость и уважение людей друг к другу, приводящие к непрерывному созданию и развитию основ для формирования ряда сложных форм этнокультурной идентичности.

4.4 Государственная национальная и культурная политика Российской Федерации и процессы формирования сложных форм идентичности

Национальная политика советского времени была своего рода «пределным основанием», «неоспоримой истиной», посредством которой организовывалось культурное строительство и шел процесс целенаправленного формирования наций как основы «новой исторической общности» – «советского народа». Идентификация этнокультурных групп выстраивалась на основе их равного участия в построении социализма и коммунизма. Для национального строительства были политически избраны этнические группы, чья новая групповая идентификация на первых порах развития СССР была целенаправленно сформирована в соответствии с идеологией, однако в дальнейшем культурная политика менялась при смещении фокуса приоритетов и интересов. Целью параграфа является анализ процессов национального строительства в СССР и состояния соответствующих процессов в современном российском государстве, а также исследование регионального вектора государственной национальной политики в воспроизводстве и сохранении этнокультурной идентичности различных социокультурных групп. Исследование «национальных элементов» культурной политики позволит раскрыть особенности существующей российской модели государства-нации, а обращение к актуальной научной аналитике – зафиксировать ключевые понятия, содержательно определяющие дискурсивную природу национальной культурной политики.

Одним из значимых трудов последнего времени, посвященных вопросу государственной национальной политики СССР, является монография «Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина», где Рональд Григор Суни раскрывает содержание понятий «империя» и «нация» как ключевые для описания Советского Союза и постсоветской

России¹²¹³. В диалектической взаимосвязи рассматриваются исторические сформированные формы государства, реализованные посредством политико-культурных и политико-языковых практик. Исследователь опирается на две концептуальные модели, посредством которых сравнивает исторические конструкты и обнаруживает их достоинства и недостатки.

«*Идеальный тип империи*» понимается как сложное образование, при котором метрополия господствует над периферией, а между ними формируются иерархические, неравные отношения. Механизм управления удерживает неравенство между гражданами метрополии и периферийного населения, которому отведена роль подданных, подчиненных и эксплуатируемых, причем метрополия не нуждается в этническом или географическом определении, основой здесь выступает правление над классами и сословиями.

«*Идеальный тип нации-государства*» предполагает равенство управления всеми представителями нации и поддержку многонационального, состоящего из множества культур и религий, равного по закону гражданского социума. Однако этот тип ограничен территориально с целью удержания объединенных в целостность граждан, которые, в свою очередь, воспринимают законность центральной власти. Во второй модели ключевой концепт «*нация*» есть интеллектуально сформированное понятие, характеризующее *способность к самоопределению*. Оно приобретает функциональное значение в группе людей, которые «мыслят себя политической общностью, отличной от остального человечества, полагают, что имеют общие особенности, возможно, корни, ценности, исторический опыт, язык, территорию или любые из множества прочих элементов, и на основании своей культуры заслуживают самоопределения, что, как правило, влечет за собой контроль над собственной территорией («*родиной*») и создание собственного государства».

Обе модели применительно к российской истории есть не что иное, как пограничные точки единого пространства, внутри которого посредством практик

¹²¹³ Суни Р.Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 31–87.

происходит движение в сторону либо империи, либо национального государства. Имперские практики направлены на приведение к неравенству и дифференциации («свой–чужой»), колонизации периферии и подвластности центральному правлению. И наоборот, при построении национального (многонационального) государства политика ориентирована на обретение самосознания этническими группами с сохранением их культурной и языковой самобытности посредством усиления практик, способствующих их горизонтальной эквивалентности. «Регулятором» перехода к тому или иному типу служит интерпретация сути «национального», которое в разные исторические периоды избиралось для социоцентрического построения «многонациональной империи» (например, при усилении религиозных и культурных практик при построении Московского государства или в царствование Николая I) либо сводилось к централизации абсолютной власти (совмещение русской и европейской идентичности в правление Петра I или Екатерины II). В целом в российской истории каждый раз речь идет о «смешанном качестве» национального аспекта, посредством которого усиливается форма империи или государства-нации.

Согласно рассуждениям Р.Г. Суни, ни до, ни после Советского Союза окончательного строительства нации-государства не произошло, хотя национальный аспект в государственной культурной политике присутствовал всегда. Ученый выявляет четыре причины, по которым не удалось в царской империи создать русскую нацию:

1) обширная география, ограниченные ресурсы, слабая плотность населения и недостаток коммуникаций («до конца XIX века не делалось почти ничего, чтобы заняться культурой народов, живущих на окраинах империи»);

2) неподходящее время для проведения политики ассимиляции других народов в господствующую национальность;

3) невозможность провести «горизонтальную» политику при вертикали самодержавной власти и сословной иерархии, что не позволило удержать процесс национального строительства – социально и культурно нового вида пространства, в котором происходит гомогенизация разрозненных экономических и правовых

практик, культивация осознания национальной, региональной, религиозной принадлежности и чувства единства, национальной самобытности;

4) неспособностью русских элит ясно выразить идею русской нации: «выработать идентичность, отличную от религиозной (православной), имперской, государственной или узкоэтнической. Россия никогда не уравнивалась с этнической Россией; изначально она была несколько шире – многонациональное «русское» государство с едва намеченными общими чертами – возможно, религией или верностью царю, – но в споре между интеллектуалами и государственными деятелями так и не удалось выработать убедительного, привлекательного понятия «русскости», отделенной, с одной стороны, от этнического, а с другой – от имперского государства. Понятие нации растворилось в религии и государстве и не обрело четких очертаний в виде общности, отдельной от государства или православной общины¹²¹⁴».

К началу XX века произошел отказ от идеи русификации как идеала сплочения всего русского населения и русского императора: «Царизм так и не создал ни нации внутри империи, ни даже чувства национального единства среди коренного русского населения... Царская Россия преуспела только в государственном строительстве и создании империи, но ей не удалось построить в империи многоэтническую русскую нацию». Несостоявшееся национальное строительство в условиях империи рассматривается автором как нарушение стабильности и законности государства, его децентрализация в момент усиления национальной политики. Россия до событий начала XX столетия представляла собой смешанное государство, состоящее в неравных отношениях между русской метрополией (многоэтнической, русифицированной правящей элитой) и нерусскими народностями. Трансформировать (гомогенизировать и инкорпорировать) население в единую общность мешали программы дискриминации и подчинения периферии, а также контрдискурсы национализма нерусских. Следовательно, можно прийти к выводу, что «национальное» гораздо

¹²¹⁴ Там же, с. 35.

шире понятия «русское» и не укладывается в диалектику «свое-чужое», а предполагает иное основание формирования.

В Советском Союзе построение национального государства происходило в сложном диалектическом соотношении концептуальных моделей нации и империи. В начале XX века в связи с урбанизацией произошел отказ больших социальных групп и движений от имперского режима, политика индустриализации создала в царском обществе новых социальных субъектов, требовавших в политическом порядке от царя своего представительства: «... в новом мире, где дискурсы о цивилизации сосредоточивались на нации, конституционности, экономическом развитии (казавшемся царизму помехой) и кое-где на социализме и революции, – самодержавие все больше воспринималось как оковы, мешавшие движению вперед... Принципы империи – разобщенность и иерархия – были несовместимы с идеями демократического представительства и эгалитарного гражданства, охватившими почти всю интеллигенцию и городское общество»¹²¹⁵. Иными словами, между «вертикалью» имперской власти и «горизонталью» национального гражданства возникло конфликтное поле разнонаправленных практик управления.

В 1920-е годы возникает новая модификация национальной культурной политики, обозначенная в современном научном дискурсе как «империя положительного действия». Модернизация состояла в предоставлении политических и культурных прав этнокультурным группам с целью построения Советского государства, в котором исключены практики национализма и враждебности, дискриминации и неравенства. С политической точки зрения, русская идентичность должна была отойти на второй план, стать неприметной, чтобы дать возможность сплочению многоэтничного государства, устранив недоверие нерусских к их бывшему угнетателю.

Национально-культурная программа «коренизации» способствовала укреплению «родных» культур и местных элит, предполагая обязательное участие этнических элит в управлении создаваемых национальных обществ. Развитие

¹²¹⁵ Там же. С. 76.

наций происходило в пределах границ советской федерации через создание множества институциональных форм, присущих нации-государству. Так, были выделены десятки крупных национальных республик, заново созданы национальные территории, подготовлены национальные элиты для включения в состав нового правительства, этнических школ и промышленных предприятий: «На каждой территории национальный язык был объявлен официальным языком власти. В десятке случаев это обусловило создание не существовавшей ранее письменности. Советское правительство финансировало массовое издание книг, журналов, газет, создание фильмов, опер, музеев, ансамблей народной музыки и т.п., поощряя развитие культуры на национальных языках. Ничего подобного прежде не предпринималось ни одно многоэтническое государство не смогло достичь масштабов советской положительной деятельности»¹²¹⁶. То есть массово готовилась интеллигенция (писатели, поэты и т.д.), издавались на национальных языках книги, газеты и журналы, вся культурная работа была подчинена принципу коренизации.

Для Советского Союза формирование наций считалось неизбежной и позитивной стадией. Руководители процесса (прежде всего, В.И. Ленин и И.В. Сталин) видели новые смыслы понятия «нация» в политическом аспекте как основу для административно-территориального правового статуса нового государства, а в социальном аспекте – основу для получения различных статусных форм через осознание социальной принадлежности по территориальному, языковому и культурному признаку. Причем такие формы (национальные территории, национальные языки, национальные элиты и национальные культуры) не противоречили «реально унитарному» государству. Чтобы не повторить исторических ошибок в построении империи, не допускалась ассимиляция этнических меньшинств, для которых и создавались территории, районы, сельсоветы, колхозы с максимальным воздействием на формирование этнокультурной идентичности с целью быстрее сложения национальных элит и национальных языков.

¹²¹⁶ Там же. С. 88.

Прежний термин «национализация» при новой национальной политике был заменен на «коренизацию», что подчеркивало значение коренных народов, их независимость и одновременно включенность в состав нации-государства. Формирование позитивной социальной идентичности базировалось на межнациональном, отличимом от прежнего русского, основании, укореняющем в сознании населения близость к Советской власти. Для большевиков было важно привлечь национальные образования. В заключительном слове Сталина на XII съезде РКП (б) прозвучал тезис: «Для того чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, – необходимо, чтобы она была понятной для него»¹²¹⁷.

Для максимального развития национальных самобытных культур была предусмотрена централизованная государственная поддержка создания символических признаков национальной принадлежности: фольклора, музеев, одежды, кухни, музыки, поэзии, прогрессивных исторических событий. В перспективе стояла задача мирного сосуществования самобытных народностей с «развивающейся во всесоюзном масштабе социалистической культурой, которая должна была превзойти ранее существовавшие национальные культуры. Национальной идентичности предстояла деполитизация посредством нарочито высказываемого уважения к нерусским национальностям»¹²¹⁸.

Однако стоит заметить, что окончательного построения модели нации-государства не произошло, поскольку систематически поддерживались национальные формы (территории, культура, язык, элиты) в основном малых народов для создания множества национальных республик и их объединения в межнациональное содружество, тогда как экономического и политического объединения внутри унитарного государства не случилось, поскольку в задачи государственного управления достижение уровня «реального равенства» не

¹²¹⁷ Сталин И.В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 240.

¹²¹⁸ Суни Р.Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 98.

ставилось. Поддержка положительной деятельностью идентичности этнических групп сыграла важную роль в образовании статуса нации Советского Союза: «Именно положительная деятельность в том широком смысле структурировала Советский союз как многоэтническое государство»¹²¹⁹.

Терри Мартин обосновывает авторское понятие «империя положительной деятельности» как новый, нетрадиционный по отношению к прошлому, стратегический смысл формирования советской национальной культурной политики, где термин «положительная деятельность» может быть переведен как «положительная дискриминация». Именованное Советского Союза «империей», подчеркивает причину его распада, как и во многих случаях распада прежних крупных империй на пути национального развития (Австро-Венгерская империя, Османская империя, Российская империя). Создание национального статуса считалось у руководителей государства необходимым шагом, который должно сделать советское общество, чтобы пройти этап национализации (построения нации) для формирования многонационального государства.

Советская национальная политика успешно реализовывалась лишь одно десятилетие (1922–1932 годы), до момента, когда Политбюро ВКП (б) вынесло решение об основательной ревизии советской национальной политики и отмене программы коренизации¹²²⁰. Но некоторые составляющие «империи положительной деятельности» получили свое развитие и после 1930-х годов, просуществовав на протяжении всего сталинского правления, хотя уже не так широко освещались в прессе: а) подготовка и продвижение коренных кадров в получении образования и рабочих мест; б) развитие крупных национальных территорий (продолжающих свое существование и в постсоветском пространстве); в) развитие самобытных национальных культур, основанных «на глубоких исторических корнях всех советских народов»¹²²¹. Не сохранилась

¹²¹⁹ Там же. С. 103.

¹²²⁰ О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области. Приложение № 9 к п. 46/18 пр. ПБ № 126 [Электронный ресурс]: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР от 14 декабря 1932 года. URL: <http://istmat.info/node/58395> (дата обращения 20.11.2020).

¹²²¹ Martin T. *Modernization or neo-traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism // Russian Modernity*. Palgrave Macmillan. London, 2020. P. 161–182.

только практика развития национальных языков, поскольку с 1932 года русский стал официальным, а национальные языки продолжали существовать в пределах общего (школьного) образования, в прессе и в сфере культуры. Реабилитация русской национальности и ее традиционной культуры исключила империю положительной деятельности, политика Сталина по возвращению русской культуры (и в определенном смысле повороту к русской истории) заключалась в «настойчивом внедрении двуязычия и перекройке национальных языков и культур с тем, чтобы подчеркнуть их близость и открытость русским языковым и культурным влияниям»¹²²². Новый принцип советского единства заключался в возрождении исторической миссии русского народа олицетворять дружбу народов, посредством которой ожидалось появление сверхнационального статуса многоэтнической общности «советского народа». Однако создание этой новой общности в длительной перспективе оказалось неэффективным и утопичным.

Причины обвала социалистической системы и особенности позднего социализма проанализированы в довольно большом количестве научных работ, своеобразный итог которых был сделан в исследовании А.В. Юрчака¹²²³. В 1950–1980-е годы, по мнению антрополога, произошел перформативный сдвиг, на основании которого сформировались иные принципы функционирования системы: «Всеобщее участие в воспроизводстве точной формы языка и ритуалов способствовало появлению внутри советской системы огромного числа новых, неожиданных идей, смыслов, видов существования, которые постепенно сдвигали весь дискурсивный режим системы изнутри»¹²²⁴. Это означает, что в позднесоветское время использовались прежние социальные практики, ритуализированные в повседневности, однако приобретшие иные смыслы или интерпретации в результате изменения публичного дискурса. В 1930-е годы произошла перестройка идеологической задачи в сторону организационных мер

¹²²² Блистейн П. Национальное строительство или русификация? обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 310–335.

¹²²³ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 664 с.

¹²²⁴ Там же. С. 79.

поддержки передовой индустриально-колхозной державы – Советского Союза – и воспитания всех жителей страны Советов в духе социализма¹²²⁵. С одной стороны, политический режим Сталина способствовал формированию образа фигуры вождя как единоличного интерпретатора объективной истины, контролирующего идеологический дискурс как в политической, так и во всей художественной жизни страны (литературной, кинематографической, театральной, музыкальной). С другой – курс на реализацию задач социалистического реализма привел к широкому спектру разного рода эстетических и художественных экспериментов (например, участие советских мастеров в международных выставках в Париже, 1937 и Нью-Йорке, 1939).

После смерти И.В. Сталина продолжилась эпоха управления с помощью «авторитетного слова», но уже без внешней инстанции объективной оценки. Советский идеологический язык претерпел двойную трансформацию, перейдя к ритуальному воспроизводству дискурсивной формы, воспроизводящей, повторяющей и цитирующей прежнюю, не поддающуюся сомнению, идею. Парадоксальность перформативного поворота состоит и в ритуальности (повторяемости дискурса), и, одновременно, в относительной свободе действий, поведения и интерпретации: «Повторение застывших авторитетных форм вело не к закреплению человеческого существования, а, напротив, – к его относительному освобождению»¹²²⁶. Иными словами, организация поведения людей в заключительный советский период, происходила через идеологические перформативы как заданное некогда правило: комсомольские организации, партсобрания, участие в политических выборах и т.д. Однако к середине 1980-х годов ритуальные и перформативные церемониалы подверглись делегитимизации, развенчиванию базового мифа (о построении коммунизма), перестройке институциональных форм.

¹²²⁵XVII Съезд ВКП (б). [Электронный ресурс]: январь 1934 г. Режим доступа: <http://hrono.ru/dokum/1934vkrb17/index.php> (дата обращения 25.11.2020).

¹²²⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: Последнее советское поколение. С. 106.

В отношении дальнейшей национальной политики (1970–1980-е годы) отмечается ослабление привязанности к социалистическому проекту со стороны как центральной власти, так и национальных образований. Возникла острая необходимость создания иных, отличных от имперских, практик национальной культурной политики ради возникновения новой формы многонационального государства.

Таким образом, в раннесоветское время модель империи послужила основой для национального строительства, но в дальнейшем она стала обозначаться как устаревшая институциональная форма, задействованная как переходная, чтобы помочь в создании полноценного национального государства с помощью культивирования национальных особенностей. На внутренней противоречивости гибридного сочетания империи и нации была осуществлена культурная и образовательная революция. Уникальность опыта формирования новых национальных культур в ранний период СССР (1920-е – 1930-е годы) состоит в формировании национального самосознания этнических меньшинств посредством преобразования социальных и культурных отношений. Результатом воздействия советской национальной политики как части культурного механизма стало преобразование (усложнение, объединение) этнических групп в этнокультурные.

Роль СССР в реализации культурной политики можно отнести к модели «государства-архитектора»¹²²⁷, осуществляемой за счет полного контроля над направлением и содержанием культурной жизни. Государство являлось главным субъектом культурной политики, управляющей вертикалью властных институтов. При этом оно избрало роль авторитарного воспитателя, одновременно руководящего, поддерживающего и оценивающего всю национально-культурную политику, достоинством которой на раннем этапе стал ее длительный результат: за период существования советского государства сформировалось национальное самосознание, что позволило национальным элитам самим определять собственные интересы, поэтому в 1991 году бывшие советские республики в

¹²²⁷ Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Науч. тр. Северо-Запад. ин-та управления. 2011. Т. 2. № 2. С. 176.

достаточно короткие сроки были признаны независимыми суверенными государствами, готовыми к самостоятельному решению собственных проблем. Ключевой причиной распада Советского Союза в 1990-е годы стала неспособность объединить в целое формирующиеся нации. Несмотря на это разнообразные формы национальной (территориальной, языковой, элитарной, культурной) идентичности сохраняются в наследственной памяти о национальности и этнокультурной принадлежности родителей, предков и в наши дни активно поддерживаются национальной и этнической атрибутикой.

Далее необходимо перейти к определению основных тенденций национальной культурной политики в современном российском государстве (1991–2020-е годы), отметив, что его можно условно разделить на два: 1991–2010-е годы – этап развития новой модели государственного устройства, 2010–2020-е годы – переход к новой модели национальной культурной политики.

В постсоветской России культурная политика приобрела характер сложного и многоаспектного процесса, сопровождающегося:

- а) децентрализацией управления культурной сферой (налаживанием «обратной связи» с региональными министерствами культуры),
- б) поиском новых программ по развитию сферы культуры (ориентированной на категорию субъекта и учитывающей ее сложный и многоуровневый характер),
- в) постепенным переходом от административного управления к косвенному (расширение сети культурных учреждений, их модернизация с помощью привлечения коммерческих механизмов).

С одной стороны, быстрому темпу перестроения не способствовали иные государственные процессы, происходящие с 1990-х по 2010-е годы (социально-экономические, идеологические и т.д.). С другой – именно в период перехода от позднесоветского к российско-гражданскому состоянию в обществе случилось переосмысление советского прошлого, началось возрождение основ этнокультурной идентичности.

Переходный период активизировал горизонтальный уровень саморазвития культуры. С начала XX века в контексте возрастающей динамики изменений

современной цивилизации происходит рост креативных индустрий, туристической и досуговой мобильности, формируется экологическое сознание, активно развиваются информационные технологии, ускоряется процесс музеефикации культуры. Формируется новая поведенческая установка не только на трудовую, но и досуговую деятельность (самозанятость, фрилансерство, прекариат). Культурное потребление стало одним из значимых видов деятельности современных людей (туризм, культурные товары, креативные индустрии в российской анимации, научные онлайн курсы ведущих университетов и пр.). Яркие культурно-досуговые и культурно-образовательные практики транслируются в телевизионных и интернет программах, социальных сетях, обеспечивая доступ к культурным ценностям каждому независимо от места проживания.

С 2010-х годов происходит изменение цели и приоритетов государственной национальной культурной политики, актуализирован поиск новых концептуальных схем в трактовке ее содержания. Ученые фиксируют смену патерналистской модели культуры на партнёрскую¹²²⁸, которую предвидели как «сильную» программу региональных субъектов для инновационного развития: «Это дает возможность приблизить культурную политику к реальным социальным практикам, без осознания которых любые концептуальные схемы и любые политические действия по их реализации едва ли будут эффективны»¹²²⁹. Произошло расширение состава субъектов культурной политики. Если в советское время государство выступало единственным субъектом, то в современной России законодательно закреплено их многообразие.

Среди ученых-культурологов, которые занимаются концептуальным обоснованием современной национальной культурной политики, необходимо отметить работы О.Н. Астафьевой¹²³⁰. Она отмечает, что российская

¹²²⁸ Востряков Л.Е., Тургаев А.С. Новая модель государственной культурной политики России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 3. № 36. С. 6–16.

¹²²⁹ Востряков Л.Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Науч. тр. Северо-Запад. ин-та управления. 2011. Т. 2. № 2. С. 52.

¹²³⁰ Астафьева О.Н. Межкультурные коммуникации и коллективная идентичность: новые акценты в культурной политике национальных государств // XV Международные Лихачевские научные чтения 2015 год. «Современные

национальная культурная политика реализует процесс конструирования *национально-культурной идентичности*, в основе которой лежит «гражданская национальная идентичность, не отрицающая многообразие этнокультурных идентичностей и иных коллективных идентичностей», а укрепляющая российское государство и социальную солидарность¹²³¹. Сложное ядро национальной культурной идентичности образует культура, которая как интегрирующий ресурс удерживает тождество «национального» и «гражданского» в динамике происходящих глобальных трансформаций, и одновременно, укрепляет ценностный выбор тех культурных оснований, в которых проживает человек.

По мнению О.Н. Астафьевой, ключевая стратегия российской национальной культурной политики определяется по пути формировании национально-культурной идентичности как сложной формы коллективной идентичности, консолидирующей многообразие культур и культурных элементов, а также истории совместного существования.

Для снижения рисков утраты этнокультурной самобытности, преодоления кризиса коллективной идентичности в контексте современных социокультурных изменений, а также для формирования целостности национально-культурной идентичности О.Н. Астафьевой предложены некоторые ключевые принципы современной национально-культурной политики, в том числе:

- признание идеи культурного (этнокультурного, конфессионального) многообразия и важности диалога культур с целью общественной солидаризации как основе взаимоотношений народов России и их культур;
- создание равных возможностей для всего населения страны в развитии форм социокультурной деятельности для укрепления коллективных

глобальные вызовы и национальные интересы»: материалы и выступления, 14-15 мая 2015 г., XV. 2015. С. 302–304; Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: монография / О.Н. Астафьева, А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева [и др.]. 2-е изд. / Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // М.: Совпадение, НИК. 2015. С.95–115; Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5. С. 32–41.

¹²³¹ Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.А.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С.281.

идентичностей, что необходимо для сохранения принципов уважения культурных традиций и ценностей в поликультурной российской среде;

– формирование дискуссионных площадок «с привлечением к участию в обсуждении экспертов социально-гуманитарной сферы и политиков»¹²³².

Для смены патерналистской модели культуры на партнёрскую послужил ряд основополагающих государственных документов, касающихся развития сферы культуры. В 2014 году Указом Президента РФ утвержден ценностно ориентированный документ «Основы государственной культурной политики»¹²³³. К нему в 2016 году как неотъемлемая часть была добавлена «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года»¹²³⁴, посредством которой координируется деятельность и взаимодействие разных субъектов культурной инициативы. А с 2017 года стратегические подходы реализуются координационным органом «Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной политики»¹²³⁵, в задачу которого входит обеспечение согласованных действий органов исполнительной власти (федеральных, субъектов РФ, местного самоуправления) и организаций. Таким образом обеспечивается систематический мониторинг культурного развития общества.

Еще одним значимым элементом реализации новой модели культуры стал Ежегодный Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации, издаваемый на протяжении нескольких лет Министерством культуры. В тексте идет речь прежде всего о состоянии и функционировании учреждений культуры, подотчетных государственным органам управления. В документе «Культура в России 2012 – 2019» говорится, что с 2012 года «произошло

¹²³² Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2011. Том V. Человек в изменяющемся мире. Пределы идентичности / Ин-т философии РАН, РИК. М.: Изд-во независимого института гражданского общества, 2011. С.223–240.

¹²³³ Основы государственной культурной политики: утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹²³⁴ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹²³⁵ О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 817 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

глобальное переосмысление деятельности Минкультуры. Особое внимание ведомства сосредоточено на решении проблем регионов»¹²³⁶.

В 2018 году в документе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹²³⁷ культура впервые включена в состав приоритетных национальных проектов, благодаря чему она становится приоритетным фактором развития. В перечне ключевых направлений в четырех из двенадцати пунктов развитие «национального» должно происходить посредством: а) укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации; г) продвижения талантливой молодежи в сфере музыкального искусства, в том числе посредством создания национального молодежного симфонического оркестра; ж) создания условий для показа национальных кинофильмов в кинозалах, расположенных в населённых пунктах с численностью населения до 500 тыс. человек; к) поддержки добровольческих движений, в том числе в сфере сохранения культурного наследия народов Российской Федерации. Содержание данных пунктов проявляет ценностно ориентированный подход к развитию сферы культуры путем создания особых условий для включения в процесс молодежи, культурного просвещения россиян, сохранения и трансляции наиболее значимых культурных идеалов в социально-культурной действительности.

Происходит формирование целостной концепции государственного регулирования и поддержки культурной деятельности. При этом государство становится ключевым субъектом культурной политики и стратегическим инвестором социокультурных проектов (инвестор, меценат, соинвестор)¹²³⁸. Ученые прогнозируют, что новая модель культурной политики в перспективе

¹²³⁶ Культура в России: факты и цифры 2012 – 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/37a/37afb75287077b40ee57a017a17d6bf9.pdf>

¹²³⁷ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Указом Президента России от 7 мая 2018г. № 204 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

¹²³⁸ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

должна способствовать «сохранению единого культурного пространства, достижению национального единства и согласия, сплоченности и солидарности, уважению к особенностям этнических культур, участию в культурной деятельности различных социальных и возрастных групп»¹²³⁹.

Сегодня сфера культура понимается более широко, не только как развитая инфраструктура, но и как существующая за пределами учреждений культура, важная и неотъемлемая часть продвижения современного общества. Так, в 2020 году внесены некоторые поправки в Конституцию РФ, отражающие выстраиваемую модель многонационального государства (в некотором смысле совпадающую по содержанию с идеальным типом нации-государства Р.Г. Суни): «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (гл.3, ст.68, п.1), «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (гл.3, ст.68, п.3), «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» (гл.3, ст.68, п.4); «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» (гл.3, ст.69, п.2), «Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности» (гл.3, ст.68, п.3). Таким образом, очевидна особая значимость данного аспекта. Социально ориентированная государственная политика направлена на сохранение многонационального культурного состояния, на воспроизводство и сохранение форм этнокультурной идентичности.

¹²³⁹ Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации. Проект / Е.В. Бахревский [и др.]. М: Инс-т наследия, 2016. 136 с.

29 ноября 2019 года на заседании Совета по межнациональным отношениям Президент РФ В.В. Путин озвучил руководителям регионов необходимость постоянного личного контроля над вопросами государственной национальной политики, опираясь на национально-культурные и межнациональные общественные объединения как части механизма реализации политики. Для развития межнационального и межрелигиозного диалога должны быть подготовлены высокообразованные специалисты: «Со стороны органов власти такой диалог должны вести тоже подготовленные, знающие люди, которые разбираются в тонкостях межэтнических, межрелигиозных отношений, глубоко знают вопросы культуры, гуманитарной сферы... Здесь необходимо задействовать потенциал наших ведущих вузов, активнее использовать современные образовательные методики, интернет-ресурсы, дистанционное обучение, стажировки, межрегиональные обмены, в том числе в рамках реализации национальных проектов «Образование» и «Культура»¹²⁴⁰. Руководитель Центра исследования межнациональных отношений Л.М. Дробижева отметила необходимость в создании единого проекта по изучению этнокультурного многообразия российского пространства и укреплению общероссийской идентичности, консолидирующего результаты научных исследований российских ученых для проработки механизмов реализации национальной культурной политики в сфере межнациональных отношений.

Для получения наиболее полного представления о национальном аспекте культурной политики необходимо обратиться к региональному вектору ее развития на современном этапе.

В Красноярском крае культурная политика реализуется посредством государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края», утвержденной Постановлением Правительства Красноярского края от 30.09.2014 №442-п. (этапы и сроки реализации предусмотрены до 2030год). Госпрограмма является

¹²⁴⁰ Заседание Совета по межнациональным отношениям (29 ноября 2019). [Электронный ресурс]: стенографический отчет. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения 30.11.2020).

неотъемлемой частью документа «План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утверждаемого каждые три года Губернатором.

Госпрограмма имеет федеральное и региональное целевое значение, в связи с чем прорабатывается ежегодно с учетом утвержденной стратегии социально-экономического развития региона под методическим руководством и координацией со стороны местного министерства финансов и министерства экономики и регионального развития. Также ежегодно проходит заседание конкурсной комиссии по отбору муниципальных программ и подпрограмм, направленных на реализацию мероприятий в сфере укрепления межнационального и межконфессионального согласия. Особенностью программы являются соисполнительные отношения между агентством молодежной политики и министерством культуры Красноярского края, что отражает включенность молодого поколения в решение актуальных задач региона.

Госпрограмма – документ стратегического планирования, содержащий комплекс мер, направленных на выполнение подпрограмм и отдельных мероприятий, реализуемых органами исполнительной власти Красноярского края¹²⁴¹. Цель программы – укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Красноярском крае. Каждая из подпрограмм имеет свою направленность и соответствующую задачу:

1) «Формирование общероссийской идентичности». Задача: содействие укреплению единой российской гражданской нации;

2) «Сохранение и развитие русского этноса и российского казачества». Задача: развитие духовных и культурных традиций русского народа на территории Красноярского края и поддержка российского казачества Красноярского края. Казачество является составной частью русского этноса, сохраняющей традиции русского этноса;

¹²⁴¹ Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края [Электронный ресурс]: паспорт государственной программы. URL: <http://www.krskstate.ru/realization/gosprog/0/id/16543> (дата обращения 30.11.2020).

3) «Сохранение и развитие этнокультурных традиций». Задача: развитие этнокультурного многообразия народов, проживающих на территории Красноярского края;

4) «Противодействие этническому радикализму и экстремизму, мигрантофобии». Задача: выявление формирующихся конфликтов в сфере межнациональных и миграционных отношений, их предупреждение и ликвидация последствий.

Представители исполнительной власти Красноярского края Р.Г. Баринов и Р.Г. Рафиков раскрывают особенности региональной программы: «Уникальность подпрограмм определяется по региональной этнокультурной и межконфессиональной специфике Красноярского края, в котором сегодня проживает 159 этнических групп, составляющих четыре основных: русские, коренные малочисленные народы Севера, этнические сообщества, мигранты. Каждая из групп имеет свои характерные особенности, что требует от власти комплексного анализа, глубинного понимания культурных, религиозных и языковых особенностей, специфики социокультурной адаптации и интеграции представителей этнокультурных групп в современных межэтнических отношениях»¹²⁴².

В механизм реализации госпрограммы включена деятельность национально-культурных объединений, имеющих различные формы общественной самоорганизации этносов. Для многонационального региона, каким всегда был Красноярский край, появление и развитие национально-культурных объединений стало естественным, закономерным и объективным процессом. Их деятельность способствовала формированию стабильных межнациональных отношений, закрепляя за краем статус региона межнационального согласия.

В 1989 году в Красноярском крае появилось первое официально зарегистрированное национальное культурное общество, а к 2010 году образовались общества, землячества, центры, ассоциации, автономии. К 2020 году

¹²⁴² Баринов Р.Г., Рафиков Р.Г. Реализация государственной национальной политики в Красноярском крае: традиции и инновации //Культурное наследие России. 2016. №. 3. С. 43–50.

количество национально-культурных объединений стабилизировалось на уровне 90 организаций, помимо них действуют 335 религиозных, представляющих 30 культов и направлений. Координационные функции по взаимодействию органов исполнительной власти Красноярского края с национальными общественными объединениями выполняет широкая сеть переговорных площадок: Общественная палата национально-культурных автономий (21 представитель) и Общественная палата коренных малочисленных народов Севера (9 организаций и 1 движение) Гражданской ассамблеи Красноярского края¹²⁴³; Краевой Совет национальных молодежных объединений (11); Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Губернаторе Красноярского края¹²⁴⁴; Межнациональный культурный центр при Дворце Труда и Согласия (22 клубных формирования, 6 языковых школ, 13 национальных творческих коллективов¹²⁴⁵), Дом дружбы народов Красноярского края (базовая ресурсная площадка региона, которая способствует активному участию НКО в сохранении и упрочении самобытности культурного наследия, гармонизации межнациональных отношений)¹²⁴⁶. Для руководителей и актива национально-культурных объединений организуются и проводятся лектории, научные семинары, тренинги, круглые столы, дискуссионные площадки. Данное описание позволяет зафиксировать институализацию отношений государственных структур и национально-общественных организаций, партнерскую (государственно-социальную) модель отношений в реализации стратегических региональных задач¹²⁴⁷.

В сфере гармонизации межнациональных отношений активную позицию занимают социально ориентированные некоммерческие региональные организации, участвующие в краевой грантовой программе «Социальное

¹²⁴³ Официальный сайт Общественной Палаты Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://op.krsk.ru/assembly/wards/> (дата обращения 30.11.2020)

¹²⁴⁴ Официальный сайт Правительства Красноярского края. Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Губернаторе Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/governor/councils/0/id/19789>

¹²⁴⁵ Официальный сайт Межнационального культурного центра. [Электронный ресурс]. URL: <http://kskds.ru/struktureOld/mkc.php>

¹²⁴⁶ Официальный сайт Дома дружбы народов Красноярского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://ddn24.ru/>

¹²⁴⁷ Баринов Р.Г., Рафиков Р.Г. Реализация государственной национальной политики в Красноярском крае: традиции и инновации // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 43–50.

партнерство по имя развития» (специальные номинации «Согласие», «Красноярская идентичность»¹²⁴⁸). Реализуемые культурные проекты имеют социальную значимость, они направлены на достижение гражданского согласия, воспитание толерантности, улучшение качества жизни общества, развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту культурной самобытности этнических групп (в том числе коренных малочисленных народов Севера и Сибири).

Национальные общественные организации Красноярского края при финансовой, организационной и информационной поддержке органов государственной региональной власти обеспечивают функционирование культурных практик, направленных на возрождение и сохранение национальных традиций, обычаев и культуры. Ежегодно на территории Красноярского края реализуются более ста пятидесяти национальных и межнациональных мероприятий, направленных на выстраивание диалога культур, позитивного образа дружбы народов, формирования общероссийской гражданской и этнокультурной идентичности. На протяжении года на территории всего региона проводятся фестивали и дни национальных культуры, мероприятия, посвященные национальным и религиозным праздникам живущих в крае народов. Традиционными для Красноярского края стали русская «Масленица», праздники «Хэйро», рыбаков и оленеводов народов Севера, татаро-башкирский «Сабантуй», белорусский «Дажинки», чувашский «Акатуй», хакасский «Чыл Пазы», якутский «Ысыах», бурятский «Сагаалган», тувинский «Шагаа», таджикский «Сайри Лола», литовский «Ярмарка Казюкаса», молдавский «Мэрцишор», финский «Юханнус», армянский «Вардавар», праздник «Навруз» народов Средней Азии и Азербайджана, Дни славянской культуры и письменности, праздник народов Балтии «Янов день - Лиго», карело-финский «Калевала», немецкий праздник весны, узбекский «Ковун сайли», украинские «Шевченковские дни», фестиваль казачьей песни «У Красного Яра», турнир по футболу «Кубок наций», Дни

¹²⁴⁸ Официальный сайт Краевой грантовой программы «Социальное партнерство по имя развития». [Электронный ресурс]. URL: <https://kras-grant.ru/>

русской духовной культуры, День коренных народов мира, фестиваль еврейской книги, казачье мероприятие «Взятие снежного городка», межнациональный фестиваль «Содружество на Енисее», межнациональный конкурс красоты и талантов «Азия – Сибирь» и многие другие (всего 55). Яркими мероприятиями, объединяющими десятки тысяч гостей и жителей, являются «Международный фестиваль этнической музыки и ремесел¹²⁴⁹» (с 2012), Международный музыкальный фестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона (с 1992), фестиваль «Дети одной реки» (с 1997)¹²⁵⁰. Многообразие проводимых мероприятий высвечивает уникальное сочетание национально-культурных и самобытных особенностей этнокультурного пространства, в котором представители разных народов не утрачивают связи со своими корнями и осознают себя неотъемлемой частью единого социума.

При реализации государственной национально-культурной политики на территории края подготовлена система обучения руководителей и представителей общественных (национальных и религиозных) организаций, работающих в сфере межнациональных отношений, которая включает как теоретические семинары («Взаимодействие национальных НКО и СМИ», «Национальные НКО и правоохранительные органы», «Профилактика национального и религиозного экстремизма в молодежной среде», «Национальные НКО и проектная деятельность», «Славянские молодежные объединения Красноярского края»¹²⁵¹), так и посещения культурных центров и храмов, событий и мероприятий, позволяя, таким образом, всесторонне понять суть межнациональных и межрелигиозных взаимодействий.

С целью предотвращения межнациональных конфликтов и конфликтов на религиозной почве ежегодно проводятся социологические исследования, научное сообщество задействовано для разработки учебно-методических материалов по

¹²⁴⁹ Официальный сайт фестиваля «Мир Сибири». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.festmir.ru/> (дата обращения 30.11.2020).

¹²⁵⁰ Баринов Р.Г., Рафиков Р.Г. Реализация государственной национальной политики в Красноярском крае: традиции и инновации // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 43–50.

¹²⁵¹ Баринов Р.Г., Рафиков Р.Г. Реализация государственной национальной политики в Красноярском крае: традиции и инновации // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 43–50.

вопросам мониторинга и предупреждения экстремизма, формируется пул экспертов из числа ведущих ученых, лидеров диаспор и конфессий.

Еще одним значимым уровнем сохранения и развития этнокультурного пространства выступает информационное пространство. С 2009 года в региональном эфире выходит цикл телепередач и сюжетов, посвященных духовному самосознанию русских (125 программ); цикл телепрограмм, направленных на гармонизацию межнациональных отношений в Красноярском крае («Соседи¹²⁵²», 2017–2020); небольшие сюжеты об истории и культуре различных народов, проживающих в регионе¹²⁵³; с 2010 года издается альманах «Этномир на Енисее».

С 2017 года реализуется инновационный проект по национальному вопросу для школьников Красноярского края (включая детей-инофонов). С целью формирования этнотолерантных установок среди подростков и повышения значения традиционного социального института семьи разработано учебно-методическое обеспечение серии уроков «Семья народов Красноярского края»¹²⁵⁴. К началу 2020 года проект охватил большинство региональных школ (более 200), был удостоен государственных наград.

Таким образом, «национальные элементы» культурной политики на региональном уровне Красноярского края представлены специализированной государственной программой и ее мероприятиями. Выполнение стратегических государственных задач в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений на уровне всего края способствовало разработке уникальной многоуровневой системы мер и механизмов, направленных на развитие государственно-социальных и этнокультурных отношений. Особо стоит отметить соучастие национально-культурных объединений и автономий, социально ориентированных

¹²⁵² Официальный сайт Цикла телепередач «Соседи». [Электронный ресурс]. URL: <https://ddn24.ru/sosedi> (дата обращения 30.11.2020).

¹²⁵³ Баринов Р.Г., Рафиков Р.Г. Реализация государственной национальной политики в Красноярском крае: традиции и инновации // Культурное наследие России. 2016. №. 3. С. 43–50.

¹²⁵⁴ Официальный сайт «Содружество просветителей Красноярья»: Общекраевой урок «Семья народов Красноярского края». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intelsiberia.com> (дата обращения 30.11.2020).

некоммерческих организаций, активных граждан как равных партнеров в развитии и сохранении разнообразия этнокультурных отношений.

Выводы параграфа 4.4

Анализ «национальных элементов» культурной политики СССР, современного российского государства и на региональном уровне Красноярского края позволил зафиксировать специфику воздействия механизмов культуры на процессы формирования сложных форм идентичности.

Суть национальной культурной политики состоит в формировании (у индивида, всего социума или отдельных групп) способностей к самоопределению по целому ряду или некоторым этнокультурным признакам (территориальным, религиозным, культурным, языковым). Ее конструктивный характер позволяет совершить быструю или постепенную перестройку в связи с изменением ценностей, эталонов, интересов и приоритетов политической и социокультурной жизни. Результатом того или иного конструктивного решения является итоговый выбор формы национального культурного строительства: нации-государства или империи, по-разному воздействующих на психоментальный комплекс этнических групп, как правило, усложняя их социальную идентичность. Национально-культурная политика имеет не только декларируемую, но и дискурсивную природу, в совокупности фокусируя те культурные ценности и смыслы, которые актуальны для развития полиэтнокультурного (многонационального) пространства.

В раннесоветский период в процессе революционного культурного национального строительства концентрированно проявился аспект «национального» как статусной (элитарной) социальной принадлежности, актуализирующей содержание этнической идентичности, но не тождественной ей. Строительство наций привело к формированию иного – этнокультурного – основания, в котором соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности (по территории, языку, культуре). На этом основании в позднесоветский период был осуществлен переход от формирования

к сохранению построенного этнокультурного многообразия, но уже в российско-гражданской многонациональной модели.

Современная государственная национальная политика, которая рассматривается в данной диссертации как часть культурных механизмов, направлена на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития многонационального союза равноправных народов. С начала XXI века начался новый этап культурного строительства, в котором выстраивается партнерская модель отношений и взаимодействий между действующими социокультурными субъектами.

Новая модель государственной национальной политики, имеющая опору в культурных механизмах, активно апробируется, что отражено в официальных государственных документах и в современном научном дискурсе. Незыблемым и приоритетным остается сохранение и развитие этнокультурного многообразия через механизмы культуры. Ценностная ориентация в «национальных элементах» культурной политики проявлена в подчеркивании необходимости развития базовой культурной грамотности посредством образования и социально-культурной деятельности: от знания культурных традиций, обычаев, языка, произведений искусства до деятельного соучастия в формировании одновременно единого и многообразного этнокультурного пространства.

Региональный вектор развития национальной политики в процессе воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности нацелен на реализацию государственной программы и ее мероприятий и также опирается, прежде всего, на культурные механизмы. В Красноярском крае – действующем субъекте Российской Федерации, активно реализующем сумму культурных инициатив – создана уникальная многоуровневая социокультурная система, включающая государственно-социальное партнерство, которое через культурные и информационные практики обеспечивает сохранение и развитие этнокультурных специфик различных социокультурных групп. Основными концептами, способствующими укреплению межнациональных отношений,

выбраны «дружба народов» и «семья народов», объединяющие представителей разных этнокультурных групп и конфессий в яркую межэтническую и межрелигиозную палитру. Именно такое основание становится позитивным, актуальным, полноценным и способствующим формированию сложных форм этнокультурной идентичности.

Выводы четвертой главы

Четвертая глава диссертации посвящена концептуальному обоснованию понятия «сложная этническая идентичность» на основании анализа теории этноса С.М. Широкогорова и исследования формирования сложных идентичностей в культурных процессах на российском государственном и красноярском региональном уровнях.

Теория этноса С.М. Широкогорова служит эвристическим и фундаментальным обоснованием понятия «этнокультурная группа», актуализирующем содержание сложных форм этнической идентичности и самоидентичности. В понимании автора каждый этнос совершает путь от трансформации к трансформации, преодоление препятствий на этом пути преобразует психоментальный комплекс и закрепляет эту трансформацию в разнообразии культурных форм и практик.

Современный мир социокультурных межэтнических отношений демонстрирует, что сохранение и воспроизводство психоментального конструкта становится одним из необходимых условий для продолжения этногенеза, социогенеза и культурогенеза. Процесс адаптаций и интеграций между этнокультурными группами не прекращается по причине подвижной природы этнического самосознания. Основанием для этнической идентификации становится набор культурных текстов, которые позволяют той или иной этногруппе сохранять, развивать и культивировать этническую самоидентификацию. Понятие «этнокультурная группа» есть концептуальный синтез онтологического (союз родовых семей, коммуна, община, общность) и деятельностного аспектов (культурообразующая и культуросозидающая

деятельность этноса), поскольку более отвечает реальности существования этноса в межэтническом мировом пространстве.

На материале анализа динамики культурной национальной политики Советского Союза рассмотрен процесс формирования этнокультурной идентичности. В ранний период развития под воздействием новой культурной государственной политики этнические группы принимают вызов масштабного социоантропологического эксперимента. Под влиянием культурно-политических практик происходит усложнение форм этнической идентичности в этнокультурные (общие, национальные), что позволило в дальнейшем сформированным группам самобытно сохранять, создавать и воспроизводить содержание культурных текстов уже в иных форматах и практиках. На современном этапе развития Российской Федерации сфера культуры ещё более важна для решения этнических и национальных вопросов, а базовым направлением внутренней политики является эффективное управление межэтническими отношениями. Вопрос состояния многонациональной целостности во многом решается посредством сохранения и возрождения этнокультурного самосознания.

Понимание ключевого значения культурных практик для сохранения и развития этнокультурных групп позволило обратиться к анализу пути формирования сложных идентичностей и выявления спектра культурных практик, связанных с устойчивым производством этнокультурного самосознания и формированием сложных идентичностей у жителей Красноярского края в период XX – начала XXI веков. Этнокультурная история региона проявляет динамику формирования ядра региональной культуры, основанного на сумме культурных практик, созидающих этнокультурное качество межэтнического сообщества и позволяющих сохранять традиционные этнические и национальные ценности базовых этнокультурных групп. Посредством культурных практик этническое самосознание становится единственной формой, вписывающей современного индивида в определенную общность, позволяющей формировать сложные формы

этнокультурной идентичности, осмысливать и структурировать свое социальное поведение.

Последний параграф главы посвящен аспектам «национального» в государственной национальной политике в процессе формирования сложных форм идентичности на этапе развития современного российского государства, а также на региональном уровне. Суть национальной культурной политики состоит в формировании (у индивида, всего социума или отдельной социальной группы) способности к самоопределению. Ее характер позволяет учитывать изменение интересов и приоритетов политической и социокультурной жизни. Результатом того или иного решения является итоговый выбор модели национального культурного строительства: нации-государства или империи, что, как правило, в результате усложняет социальную идентичность этнических групп.

В раннесоветский период революционное культурное строительство актуализировало аспект «национального» как статусной (элитарной) социальной принадлежности. Формирование наций (прежде всего, с помощью культурных механизмов) проявило этнокультурное основание, в котором соединились качества собственно этнической и социокультурной принадлежности. В позднесоветский период переход от формирования к сохранению построенного этнокультурного многообразия шел уже в российско-гражданской многонациональной модели.

Современная государственная национальная политика направлена на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития многонационального союза равноправных народов, преимущественно с помощью культурных механизмов. С начала XXI века начался этап культурного строительства, в котором взаимодействуют различные социокультурные субъекты. Модель государственной национальной политики, «национальные элементы» государственной культурной политики активно апробируются, что отражено в официальных государственных документах и в современном научном дискурсе. Незыблемым и приоритетным остается сохранение и развитие

этнокультурного многообразия посредством развития базовой культурной грамотности в образовании и социально-культурной деятельности, направленной на сохранение и воспроизводство различных традиционных культурных форм.

Региональная национальная политика воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности реализуется через государственную программу «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края». В Красноярском крае создана уникальная система государственно-социального партнерства, направленная на сохранение, развитие и возвращение этнокультурных особенностей. Широко используемые концепты «дружба народов» и «семья народов» предполагают объединение разных этнических групп и конфессий в едином региональном социокультурном пространстве. Именно культурные практики, в том числе, имеющие государственную поддержку, способствует формированию сложных форм этнокультурной идентичности региона.

ГЛАВА 5 РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЁ СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

В данной главе выполнено обоснование комплексным эмпирическим культурным исследованиям, направленным на анализ специфики этнокультурной идентичности и сложных форм идентичности.

Для научных исследований в области теории и истории культуры активно применяется анкетирование для изучения проблематики сложных идентичностей¹²⁵⁵. Данный метод позволил замерить культурное влияние на поведение в конкретных этнокультурных группах. Для проверки гипотезы о том, что культурные практики как механизмы культуры, воздействующие на этнические группы, направлены на воспроизводство этнокультурной идентичности, необходимо было уточнить основу (материал) для проведения количественного культурологического исследования.

Объектом культурологического исследования выступила этнокультурная идентичность и ее сложные формы, цель – получение научно обоснованных данных и анализ сложных этнокультурной идентичности. Для достижения цели решались следующие задачи: выявление и анализ структуры и содержания сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края – представителей разных этнических групп. Поставленные цели и задачи предопределили выбор темы анкетирования: «Региональная этнокультурная идентичность жителей Красноярского края».

¹²⁵⁵ Кистова А.В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. дис... канд. филос. наук. Красноярск, 2013. 22 с.; Осколова Т.Л. Формирование национальной идентичности студентов в поликультурном обществе: дис... канд. псих. наук: 13.00.01. Москва, 2017. 218 с.; Пименова О.И. Сложности идентификационных процессов в среде современной российской молодежи // XIX Уральские социологические чтения: региональные особенности разработки и реализации социальной политики. Екатеринбург, 2013. С. 251–254.

Выборка была построена на основании случайного отбора респондентов, что является репрезентативным для проведения количественного исследования, однако в связи с поставленной целью и задачами эмпирическое исследование имело следующие особенности.

1. Методика опроса должна репрезентировать представителей генеральной совокупности – жителей Красноярского края, в связи с чем географический охват респондентов должен быть представлен большей частью населенных пунктов (численностью каждого не менее 15 000 человек), входящих в состав Красноярского края как региональные элементы (административный центр и краевые города, включая северные поселки региона¹²⁵⁶).

2. Участником опроса должен быть «массовый респондент» – представители социальных групп и носители коллективных ценностей, представлений и норм, чье поведение детерминировано социальными законами и социальной структурой. Выборка включает универсальные параметры (пол, возраст, образование, уровень дохода и т.д.).

3. Тема исследования определяет содержание вопросов, с помощью которых необходимо было выявить: степень влияния знаний об этничности прямых и далеких предков на форму идентичности респондента; структуру и содержание представлений об этнокультурной идентичности; коэффициент понижения и повышения этнической соотнесенности в обнаруженных формах; корреляцию между формами идентичности и универсальными параметрами; ключевые параметры, формирующие сложные идентификационные формы; сумму представлений об этничностях, включенных в сложные формы этнокультурной идентичности у современного человека, живущего в Красноярском крае. Сформулированные вопросы по заданным параметрам образуют структурированную модель предмета анализа.

4. Форма вопросов должна была носить преимущественно закрытый характер, иметь небольшое количество вариантов ответов и включать

¹²⁵⁶ Официальный портал Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781?print=1>. (дата обращения 13.03.2020).

дополнительный открытый тип ответа для самостоятельной записи. Каждый вопрос должен был оптимально раскрыть тему исследования, но не содержать разных идей. Варианты ответов были примерно одинаковыми по длине.

5. В вопросах был отражен этнокультурный состав Красноярского края, который представлен десятью наиболее крупными этнокультурными группами, восемью группами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, старожильческими и миграционными (включенными в состав с 1990-х гг.¹²⁵⁷) группами. Также необходимо было отразить лингвистическую компетенцию респондентов как фактор моно- или полиязычного межкультурного сообщества;

6. Период проживания респондентов на территории Красноярского края был не менее пяти лет, поскольку, с одной стороны, это минимальный период адаптации в принимающем сообществе, с другой – обоснование факта постоянного проживания в регионе, включенности в экономические, политические и социальные процессы. Особое внимание было уделено респондентам, чей период проживания в крае составляет более 30 лет, что свидетельствует об укорененности и региональной идентификации.

7. Половозрастные, гендерные, а также образовательные и социально-экономические характеристики – это универсальные параметры в методологии опроса, их представленность в «вопроснике» позволила составить социокультурный портрет носителей сложных форм идентичности: определить пол, возраст, уровень образования и социального благополучия представителей единичных и сложных идентификационных статусов, а также зафиксировать общее социально-экономическое состояние жителей Красноярского края.

8. Результаты опроса должны быть валидными, что определяется по уровню доверительного интервала не более чем 2,5% от генеральной совокупности, состоящей в соотношении величины выборки и ее объема¹²⁵⁸. То

¹²⁵⁷ Этноатлас Красноярского края. Издание третье, переработанное и дополненное. Красноярск: Изд-во Поликор, 2018. С. 9–15.

¹²⁵⁸ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В.А. Ядов. М.: Наука, 1972. С. 52.

есть тип погрешности в 2,5% допустим при обработке результатов. Особенно важно было учитывать этот фактор при выборе типа опроса (например, в on-line форме). Количество респондентов было достаточным для получения массива статических данных, обеспечивающих условия проведения факторного анализа и определения структуры взаимосвязи переменных.

9. Анкетирование было произведено в ограниченные сроки для того, чтобы зафиксировать актуальное контекстное содержание изучаемого феномена.

10. Форма анкеты включала тему опросника, введение, блок основных и дополнительных (универсальных переменных) вопросов, заключение.

Анализ количественных (числовых) данных позволил обнаружить модели, паттерны, переменные влияния и генерализировать достаточно достоверные, объективные результаты, соответствующие нынешнему состоянию этнокультурных идентичностей и их форм у современных жителей Красноярского края.

Анализ данных с помощью лицензионного программного обеспечения IBM SPSS происходил следующим образом¹²⁵⁹: на первом этапе исследователю необходимо выполнить следующие действия:

- 1) определение структуры исходных данных (корреляционных и комбинационных соотношений параметров);
- 2) ввод данных в числовую форму в соответствии со структурой, редактирование и преобразование данных;
- 3) определение метода обработки в соответствии с задачами исследования;
- 4) получение результата обработка данных в виде табличных форм и различных графиков (столбиковые, линейные, круговые, коробчатые диаграммы, гистограммы, диаграммы рассеивания);
- 5) интерпретация результатов обработки.

Вторым этапом выступает анализ категориальных переменных, где создается корреляционная таблица и определяются значения переменных: характеристики

¹²⁵⁹ См. например: Исследование отношения населения Красноярского края к изменению климата и новым источникам энергетических ресурсов / Н.П. Копцева, Ю.Н. Авдеева, М.И. Букова [и др.]. Красноярск, 2017. С. 76–77.

респондентов (частота откликов по этнонимам и процентное соотношение по основной этнической группе респондента), родной язык респондента, отклик по этнической группе родовых представителей (отца, матери, дедушки и бабушки по отцу и по матери, прадедушки и прабабушки), пол, возраст, образование, средний месячный доход, место жительства и период проживания респондента в Красноярском крае, вопрос о возможных причислениях респондентом себя к двум и более этническим группам.

На третьем этапе задаются командные программы на обработку данных в соответствии с поставленной задачей и структурой данных.

На четвертом проводится обработку полученных данных в виде комбинационной таблицы сложности этнической идентичности респондента со всеми переменными (в той же последовательности, как при корреляционном анализе), что также предполагается дальнейшее осмысление и содержательную интерпретацию.

В итоге обработка результатов анкетного опроса в статистической программе IBM SPSS позволяет полноценно определить значимые корреляции между переменными, детально сравнить их в комбинационных таблицах и визуально-графическом представлении.

Таким образом, организация, проведение опроса и обработка полученных данных позволяют получить следующие значимые результаты: определить комбинационные формы этнической идентичности респондентов и выявить закономерности формирования сложных форм для культурологического обобщения особенностей формирования региональной этнокультурной идентичности жителей Красноярского края.

Структура качественного исследования была обусловлена необходимыми этапами достижения поставленной цели¹²⁶⁰:

- 1) введение, представляющее актуальность исследования;
- 2) цель исследования и ключевые исследовательские вопросы, направленные на определение сложности индивидуальной идентичности,

¹²⁶⁰ Silverman D., Marvasti A. Doing qualitative research: A comprehensive guide Sage Publications, 2008. 576 p.

ключевых факторов (форм, процессов, практик, фигур, повлиявших, по мнению информанта, на формирование его этничности), актуальности воспроизводства сложных форм идентичности в современном мире;

3) краткая характеристика научного исследования феномена этнокультурной идентичности в контексте современной науки;

4) выбор, обоснование и применение основного метода (или методов) исследования (описание выборки, процедуры сбора и анализа данных).

5) В данной диссертации для получения информационно насыщенного описания и репрезентации этнокультурных групп Красноярского края оптимальным будет выбор шести фокус-групп, попарно представляющих молодежные, старожильческие и этнокультурные точки зрения. Данное соотношение позволит концептуально охватить современные и исторические смыслы этнокультурного представления об идентичности, определить сходства и различия этнических признаков, уточнить характеристики сложных форм, выявить региональные культурные практики, повлиявшие на формирование ключевых категорий этнокультурной идентичности.

Выборка участников для включения в группы происходила одним из способов: целевая выборка (по критериям) или метод снежного кома (обращение к потенциальному участнику по рекомендации). В данном случае целесообразно было использовать первый тип: студенческие группы гуманитарного и технического направлений, старожильческое население (1940-х и 1950-х годов рождения), представители национально-культурных автономий Красноярского края (не менее двух этнокультурных групп).

В правила проведения фокус-группового интервью входило обсуждение трех тем (форма этничности информанта, влияющие факторы, сложность этнокультурной идентичности). При этом каждая тема предполагала дискуссию между участниками, приведение примеров (личные истории о роде и семье, процессах и практиках), аргументации своей точки зрения и мнения. Помимо основных вопросов исследователь предлагал ряд уточняющих, чтобы, с одной

стороны, уделить достаточное внимание каждой теме, с другой – активизировать участников и развить тему.

5.1 Количественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края

В данном параграфе диссертационной работы представлено культурологическое обобщение результатов культуролого-социологического исследования, проведенного путем анкетирования жителей Красноярского края. Полученный массив статистических данных обработан в программе IBM SPSS с целью проведения факторного анализа и определения значимых корреляций между переменными, их детального сравнения в комбинационных таблицах и визуально-графического представления.

Во втором параграфе первой главы диссертационной работы были определены методологические возможности исследования проблематики сложных идентичностей. В связи с этим первым этапом эмпирического культуролого-социологического исследования является обоснование цели, практических задач, выборки респондентов и процедуры проведения, вторым – культурологическое обобщение полученных результатов.

Культуролого-социологическое исследование особенностей региональной этнокультурной идентичности жителей Красноярского края определяется необходимостью анализа единичных и сложных форм этнической идентичности, факторов влияния на формирование сложных идентичностей, этнического состава в сложных формах, моделирования социокультурных портретов носителей сложных этнокультурных форм, определения ключевых закономерностей и устойчивых коэффициентов, определяющих процессы сложных этнокультурных идентификаций.

Исходной гипотезой выступает предположение, что культурные практики как механизмы культуры, воздействующие на этнические группы, активно влияют на воспроизводство этнокультурной идентичности и выступают факторами, предопределяющими содержание сложных этнокультурных

идентичностей. Исходя из цели эмпирического исследования, необходимо было получить актуальную информацию о сложных формах этнокультурной идентичности, чтобы соотнести полученные данные с существующими региональными культурными практиками, оказывающими влияние на формирование именно таких форм.

Конкретные задачи были определены процедурами культурологического анализа количественной и содержательной (этнической) структуры сложных форм этнокультурной идентичности у современных жителей Красноярского края. Объектом исследования выступают культурные аспекты сложных форм этнокультурной идентичности.

Процедура проведения количественного культурологического исследования была следующей¹²⁶¹:

1) составление вопросов анкеты (с несколькими вариантами ответов) с учетом основных социально-демографических и этнических характеристик респондентов. Анкета включает семнадцать логически последовательных вопросов¹²⁶²;

2) разработка системы случайной выборки на основании географического масштаба, учета этнических характеристик взрослого населения региона, а также его социального, экономического, демографического и этнического состава;

3) «пробное» анкетирование с целью адекватного восприятия респондентами формулировок (в группе из 15 человек), определяющее корректность вопросов, адекватность понимания предложенных вариантов ответов, соответствие вопросов цели и задачам исследования;

4) проведение анкетирования (было привлечено 567 респондентов в период с 22.08.2019 по 16.09.2019). Данный этап позволил определить

¹²⁶¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.; Замараева Ю.С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX-нач. XXI вв.т(на примере Красноярского края): дис канд. филос. наук: 24.00.01. Великий Новгород. 2011. С. 85.

¹²⁶² См. приложение А. Анкета междисциплинарного эмпирического исследования сложных форм этнокультурной идентичности «Региональная этнокультурная идентичность жителей Красноярского края».

особенности группы респондентов по возрасту, соотношению мужчин и женщин, уровню образования и социальному положению;

5) сбор эмпирических данных, обработка (интерпретация) полученной информации. Данный этап был определен методикой обработки данных 567 анкет в программном обеспечении IBM SSPS, позволяющем провести частотный анализ полученных значений и статических характеристик числовых переменных, графически представить результаты распределения, соотнести таблицы сопряжения переменных и коэффициентов их корреляций;

б) построение научного вывода, основанного на теоретико-культурологическом обобщении результатов исследования. Данный этап полностью приведен далее.

Результаты исследования приведены в заданной последовательности: определены комбинационные формы этнической идентичности респондентов, выявлены закономерности формирования сложных форм для теоретико-культурологического обобщения особенностей формирования региональной этнокультурной идентичности жителей Красноярского края.

Методика опроса культуролого-социологического исследования репрезентирует объем выборки (567 респондентов), тип опроса (случайная выборка посредством on-line формы обратной связи), географический охват (административный центр и краевые города, включая северные поселки региона). Тип погрешности составляет 2,5%.

Метод случайной выборки по частоте откликов определил этнический состав респондентов – представителей двадцати семи этнических групп, что составляет 16,9% от общего количества этнических групп Красноярского края (из 159 национальностей). Из десяти наиболее крупных национальностей присутствуют семь (70% из 10 этнокультурных групп), из десяти групп автохтонного населения – пять (62,5% из 8 этнокультурных групп, относящихся к коренным малочисленным народам Красноярского края), 13 этнокультурных групп входят в этнодемографическую структуру населения региона, кроме единожды упомянутой («сибиряки»). Лингвистическая картина позволяет охарактеризовать

поликультурное сообщество региона как преимущественно моноязычное (95,2% респондентов считают родным языком русский).

Состав этнических и лингвистических характеристик респондентов представлен графически (рис. 5.1, 5.2).

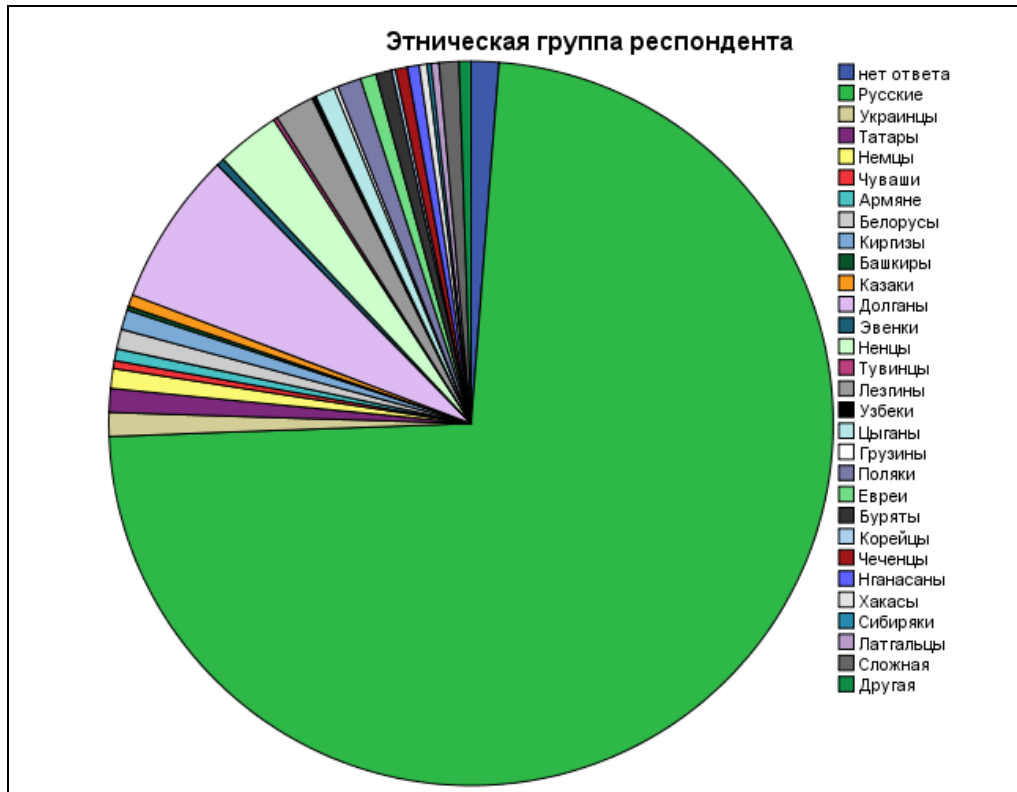

Рис.5.1. Этнический состав респондентов

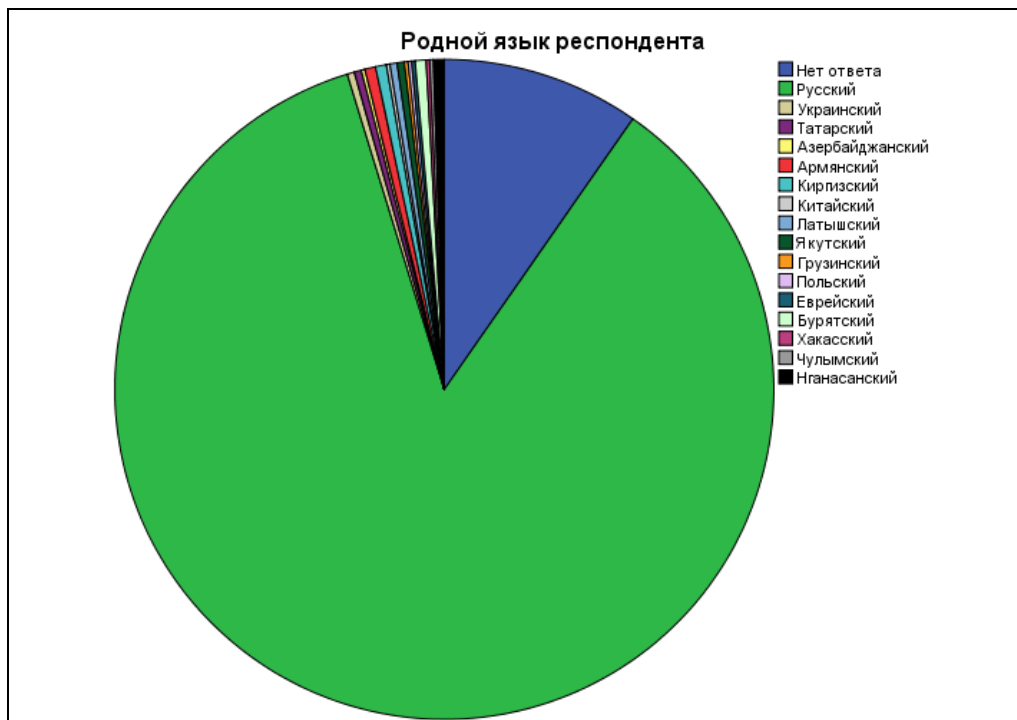

Рис.5.2 Лингвистический состав респондентов

Половозрастные характеристики определяются преимущественно женского состава участников в наиболее активных периодах жизни (рис. 5.3, 5.4).

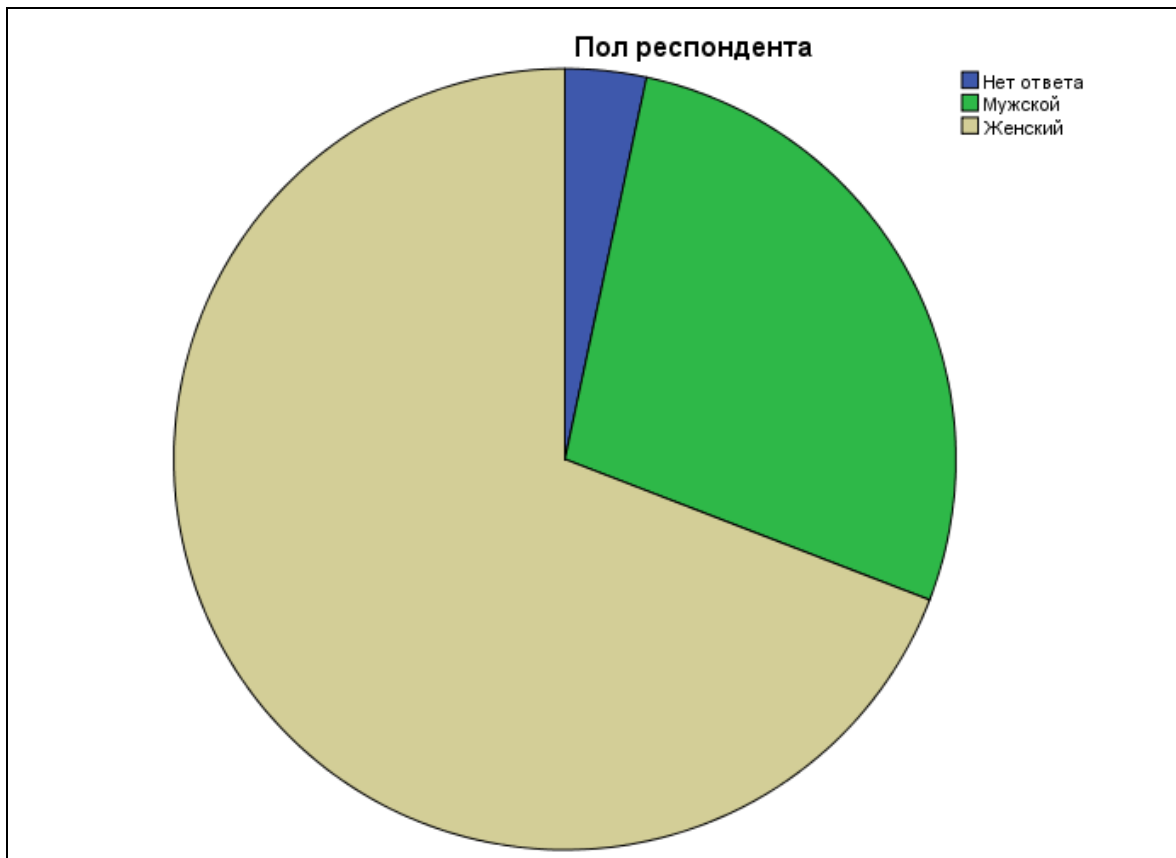

Рис. 5.3 Состав участников по половому признаку

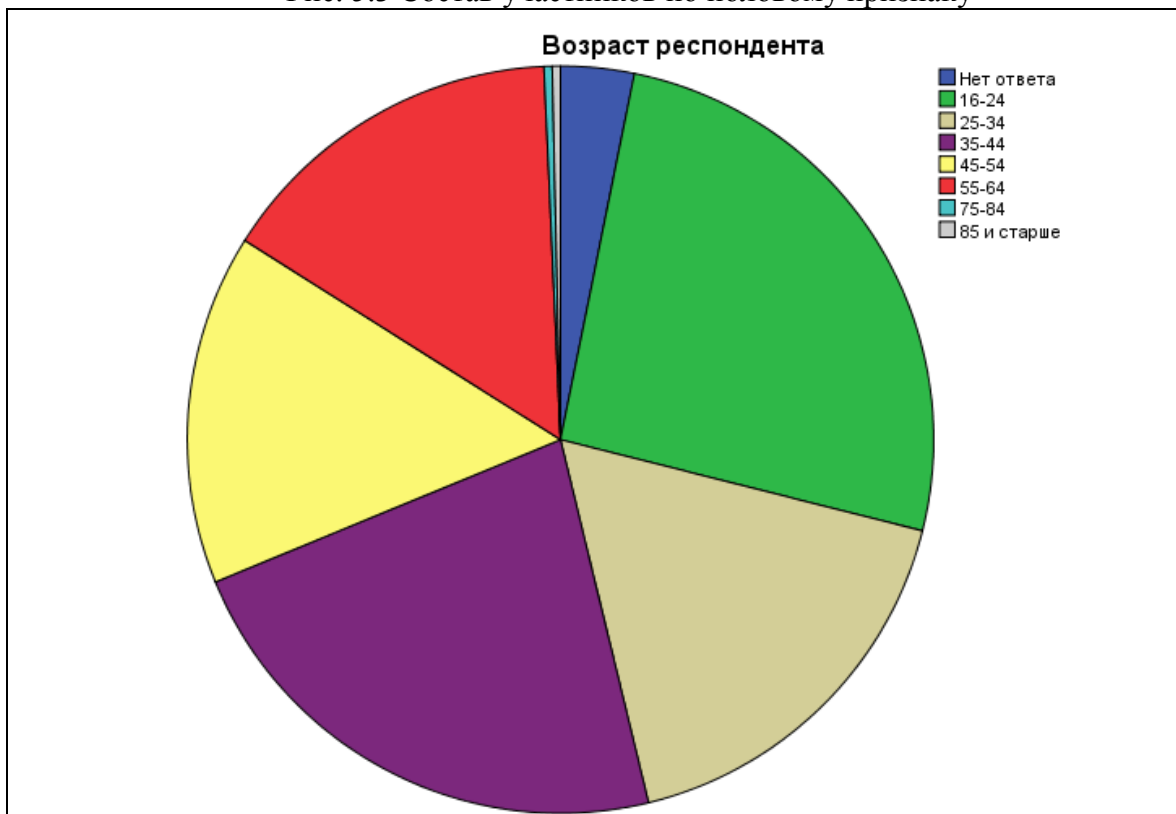

Рис. 5.4 Состав участников по возрастному признаку

Интересен тот факт, что высок образовательный уровень принявших участие в анкетировании: ровно в два раза больше участников с высшим образованием (бакалавриат, специалитет, люди с ученой степенью – рис. 5.5). Тема анкетного опроса актуальна среди жителей региона. Социально-экономическое состояние жителей зафиксировано на уровне доходов среднего периода проживания респондентов в Красноярском крае класса¹²⁶³ (рис. 5.6).

Рис. 5.5 Распределение участников по уровням образования

¹²⁶³ Официальный портал Росстата: динамика среднемесячной заработной платы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000050r.htm

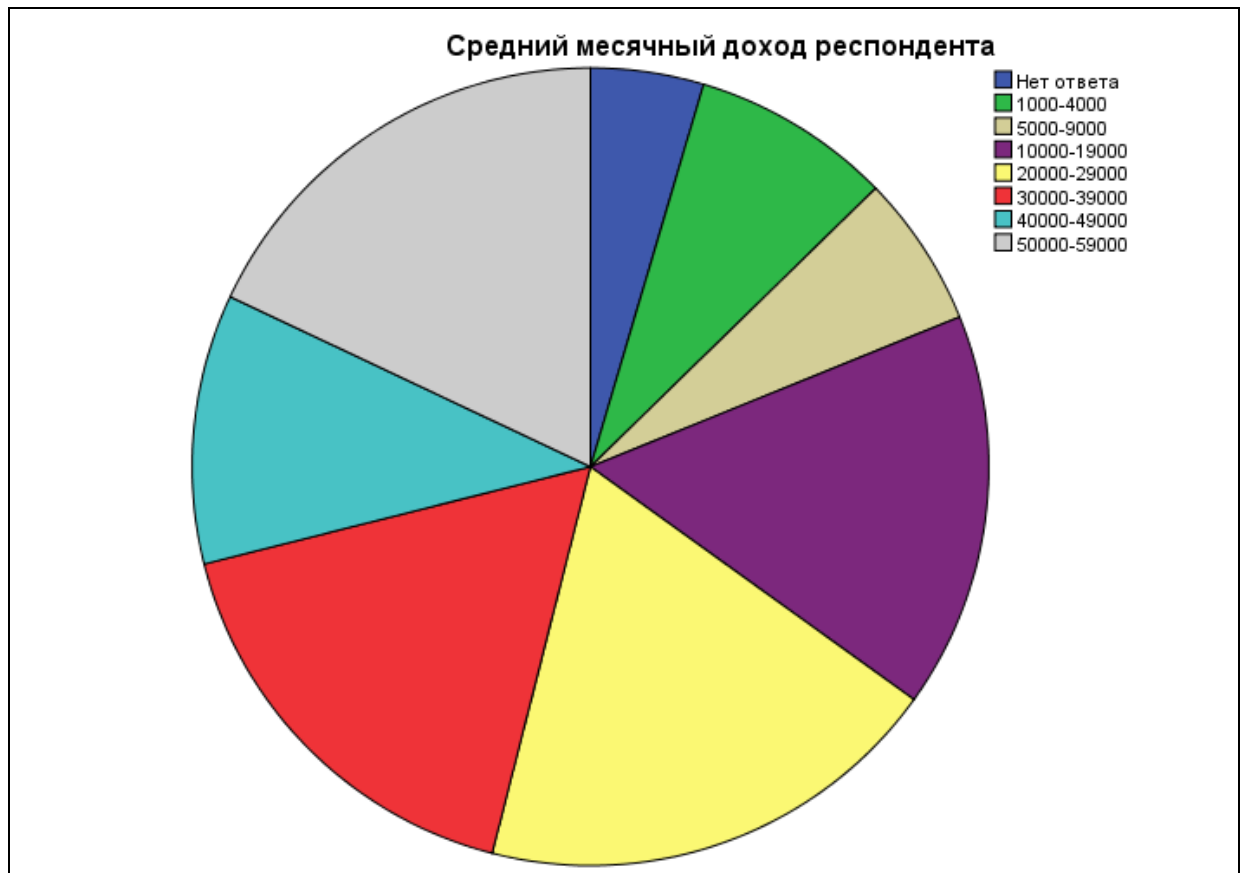

Рис. 5.6 Распределение участников по социально-экономическому уровню

Географический охват составил 16 из 21 населенных пунктов с численностью населения более 15 тыс. человек (не охвачены были только краевые города Назарово и Бородино, районные города Ужур, Иланский и Шушенское – рис. 5.7). Наибольшая доля (по периоду проживания респондентов в Красноярском крае более 30 лет) относится к старожильческому населению региона (рис. 5.8).

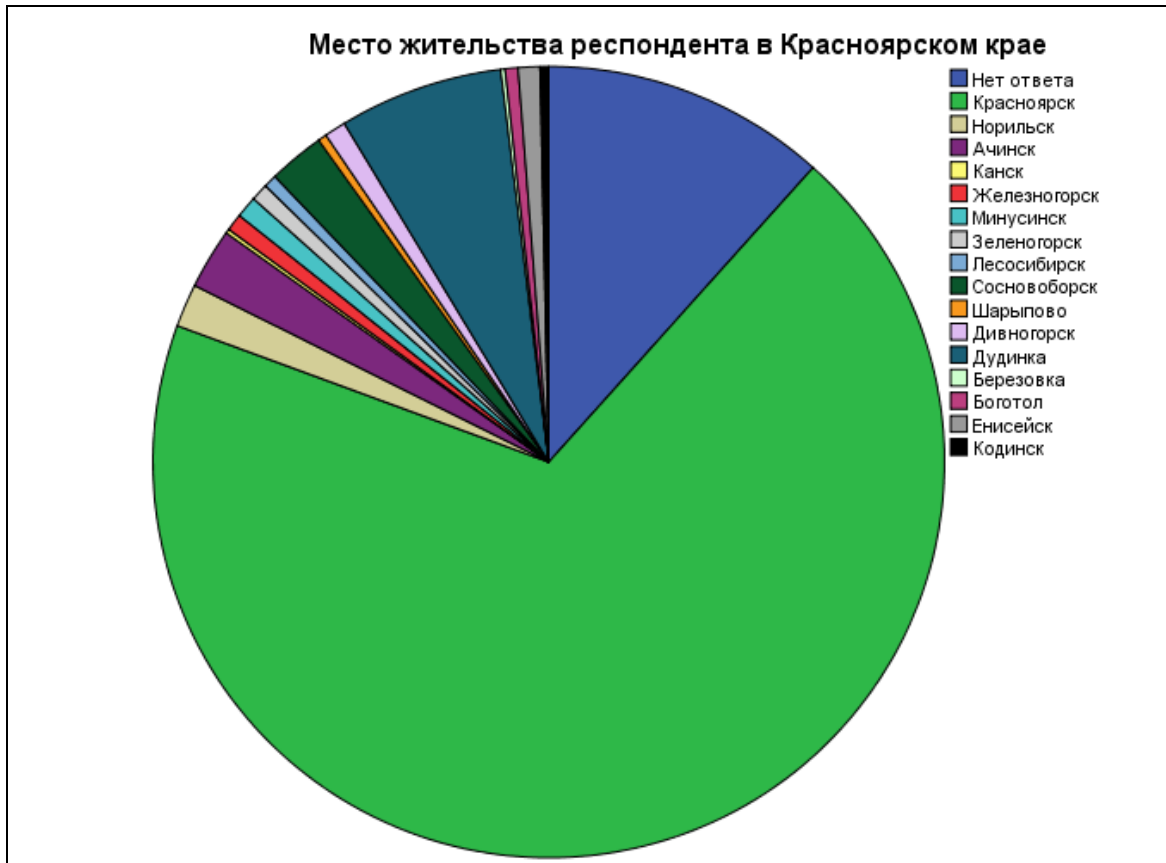

Рис. 5.7 Территориальный состав участников

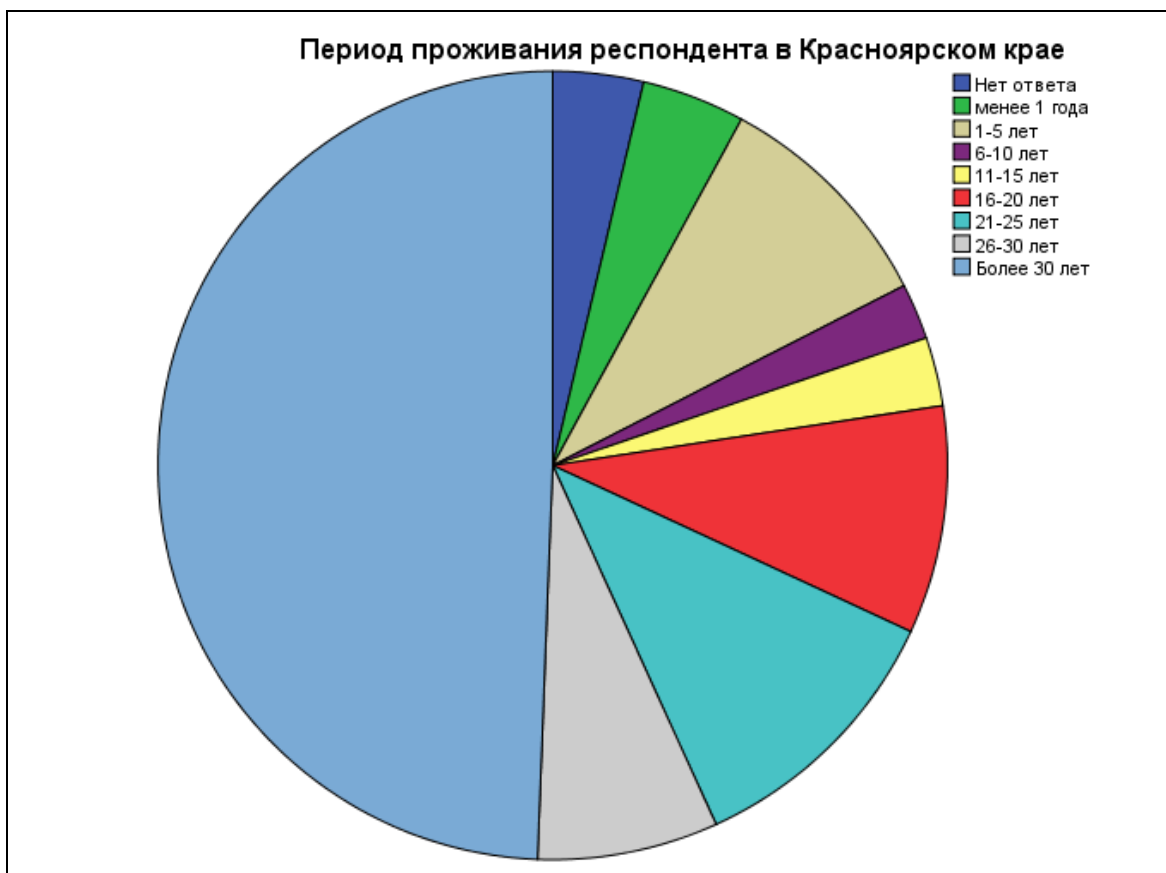

Рис. 5.8 Периоды проживания респондентов в Красноярском крае

Количество респондентов достаточно для получения массива статистических данных при проведении факторного анализа и определении структуры взаимосвязи переменных.

Для корреляционного исследования избран метод Пирсона, позволяющий интерпретировать уровень значимости и коэффициент корреляции между избранными для анализа переменными. Коэффициенты корреляции определяются в диапазонах: менее 0,25 (слабая связь), от 0,25 до 0,75 (умеренная), от 0,75 (сильная); двухсторонняя значимость – от 0,00 до 0,01–0,05 (прямая и сильная связь). Для анализа количественных данных также приведен расчет в диаграммах, уточняющих (в процентном соотношении) корреляционную связь между параметрами.

Для анализа выбраны 17 параметров, условно распределенные в 2 группы «этническая идентичность и самоидентичность респондента» и «общие универсальные параметры». К первой относятся: этническая группа, родной язык, этническая группа отца, этническая группа матери этническая группа деда по отцу, этническая группа бабушки по отцу, этническая группа деда по матери, этническая группа бабушки по матери, этническая группа прадедушки, этническая группа прабабушки. Ко второй – пол, возраст, образование, средний месячный доход, место жительства респондента в Красноярском крае (табл. 5.1).

Продолжение табл.

Сложность этнической идентичности респондента	Корреляция Пирсона	,096*	,038	,253**	,138**	,176**	,104*	,082	,116**	,179**	,188**	,213**	-,003	,086*	,089*	-,019	,037	1
	Знач. (двухсторонняя)	,022	,370	,000	,001	,000	,013	,051	,006	,000	,000	,000	,946	,042	,034	,649	,386	
	N	565	565	562	565	564	564	565	564	564	559	565	565	565	565	565	565	565

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Метод первичного наблюдения при обработке анкет позволяет составить общее представление о полученных данных. Наибольшую силу корреляции между собой имеют все параметры этничности. Прямые и умеренно сильные корреляции имеются между параметрами «этнические группы респондента и родной язык», что позволяет зафиксировать значимость и включенность этнических идентичностей прямых предков (включая поколения прабабушек и прадедушек) в этническую идентичность современного жителя региона. При этом параметр «родной язык» имеет наименьшую силу факторного влияния внутри групп этничности: при суммарном значении каждой подгруппы степень корреляции «родного языка» наименьшая (2,374). У остальных же подгрупп диапазон влияния сильнее (от 3,574 до 4,331).

Анализ взаимосвязи парных переменных при одной выборке определяет прямые и наиболее сильные корреляции между этничностями: «отец – дед по отцу» (0,706/0,00) и «мать – бабушка по матери» (0,750/0,00). Видно, что на этничность современного жителя региона влияют этничности второго и третьего поколения. При этом парные сочетания проявляют две родственные линии родителей, чья этничность имеет примерно одинаковую силу влияния на современную этничность респондентов. Незначительное (слабое) и прямое влияние на этническую идентичность имеют параметры «место жительства» (0,146/0,00), остальные универсальные параметры либо не связаны, либо имеют отрицательную корреляцию.

Исходя из поставленной цели и задач социокультурного исследования, необходимо выявить количественный и содержательный (этнический) состав форм этнокультурной идентичности у современных жителей Красноярского края. Для анализа составлены комбинационные таблицы, по данным которых определена сложность этнической идентичности респондентов, а также используются наглядные графики взаимосвязи разных параметров (рис. 5.9).

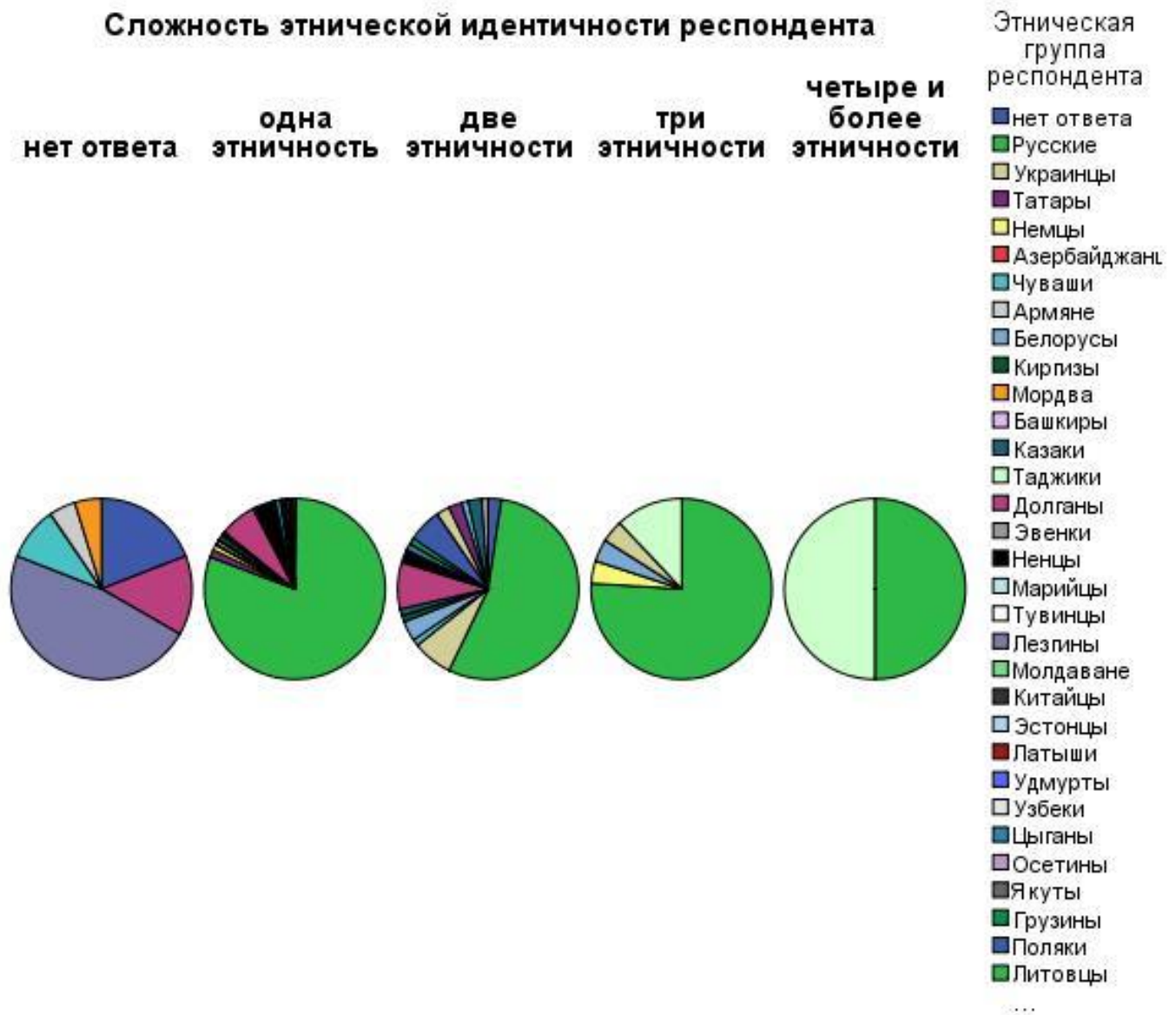

Рис. 5.9 Количественный (этнический) состав форм этнокультурной идентичности у современных жителей Красноярского края

Первой задачей исследования является определение единичных и сложных форм этнической идентичности у современных жителей Красноярского края. Указание количества этнической соотнесенности себя к этническим группам распределилось следующим образом (табл. 5.2.).

Комбинационная таблица Этническая группа / Сложность этнической идентичности

Сложность этнической идентичности / Этническая группа						Всего
	Нет ответа	Одна этничность	Две этничности и	Три этничности	Четыре и более этничности	
Нет ответа	4	1	2	0	0	7
Русские	0	347	46	19	2	414
Украинцы	0	0	6	0	0	6
Татары	0	6	0	0	0	6
Немцы	0	4	0	1	0	5
Чуваши	0	1	1	0	0	2
Армяне	0	3	0	0	0	3
Белорусы	0	1	3	1	0	5
Киргизы	0	4	1	0	0	5
Башкиры	0	1	0	0	0	1
Казаки	0	2	1	0	0	3
Долганы	3	28	7	0	0	38
Эвенки	0	2	0	0	0	2
Ненцы	0	14	2	0	0	16
Тувинцы	0	1	0	0	0	1
Лезгины	10	0	0	0	0	10
Узбеки	0	1	0	0	0	1
Цыганы	0	4	1	0	0	5
Грузины	0	0	1	0	0	1
Поляки	0	1	5	0	0	6
Евреи	0	1	2	1	0	4
Буряты	0	2	2	0	0	4
Корейцы	0	1	0	0	0	1
Чеченцы	2	0	1	0	0	3
Нганасаны	1	2	0	0	0	3
Хакасы	1	1	0	0	0	2
Сибиряки	0	1	0	0	0	1
Латгальцы	0	0	2	0	0	2
Сложная	0	0	0	3	2	5
Другая	0	2	1	0	0	3
Всего	21	431	84	25	4	565

1. Единичная форма этнической идентичности определена у большинства респондентов: из 431 ответов (76,2% от общего числа) – русская (347), долганская (28), ненецкая (14), татарская (6), немецкая, киргизская, цыганская (4), армянская (3), казачья, эвенкийская, бурятская, нганасанская (по 2), чувашская, белорусская, башкирская, тувинская, узбекская, польская, еврейская, корейская, хакасская, сибирская (по 1). Единичная форма не отмечена среди украинской, лезгинской, грузинской чеченской, латгальской. Один респондент не определился со своей идентичностью, двое указали «другая».

Большинство опрошенных соотносит свою идентичность с русской (83,8% среди 347), а в группах с наименьшим числом ответов зафиксирован достаточно высокий процент идентификации с этничностью коренных малочисленных народов региона: долганской (73,6% среди 28 человек) и ненецкой (87,5% среди 14). Интересен факт единичного ответа «сибиряк» как единственном основании для своей идентичности. В научной литературе сибирская этничность относится к множественной этнической идентичности¹²⁶⁴, в регионе не фиксируется как отдельно существующая этнокультурная группа¹²⁶⁵. В анкетных данных сложная форма с включением этничности сибиряков также не была фиксирована.

2. Двойная форма этнической идентичности зафиксирована у 84 респондентов (14,8% от всего количества участников), по основному параметру у следующих групп: русские (46), долганы (7), украинцы (6), поляки (5), белорусы (3), ненцы, евреи, буряты, латгальцы (по 2), армяне, киргизы, казаки, цыгане, грузины, чеченцы (по 1). Зафиксировано два отклика без определения основной этнической группы и один с указанием «другая».

Анализ данных внутри формы позволяет фиксировать доминирующую сложность русской идентичности. Однако горизонтальные комбинации акцентируют высокий процент присутствия двойной сложной формы и у других групп: украинцы, латгальцы и грузины (100%), поляки (83%), цыгане (70%),

¹²⁶⁴ Ремнев А.В. Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2011. Т. 3. № 62. С. 109–128.

¹²⁶⁵ Этноатлас Красноярского края / под ред. Р.Г Рафикова. Красноярск: Поликор, 2018. С. 239.

белорусы (60%), чувашаи, евреи, буряты (50%). В меньшем количестве сложная двойная идентичность фиксируется у казаков и чеченцев (33%), киргизов (20%), долган (18%), ненцев (12,5%), русских (11,1%).

Интересен факт присутствия двойной формы этнической идентичности у украинцев, латгальцев и грузин, проживающих в Красноярском крае.

3. Тройная форма этнической идентичности зафиксирована у 25 респондентов (4,4% от 565 участников). В группе русской этничности дано 19 ответов и это самый большой процент по сравнению с другими группами (76% среди 25 отмеченных). Единичные ответы присутствуют у респондентов немецкой (немцы, русские, украинцы), белорусской (русские, белорусы, татары) и еврейской идентичности (русские, евреи, белорусы). В трех ответах без указания этнической принадлежности указана только форма – «сложная».

Тройная идентичность доминирует только среди русского этноса с различающимся составом по этничности: «русские, евреи, украинцы», «донской казак, русский, славянин», «русские, украинцы, белорусы», «русские, белорусы, поляки», «русские, украинцы, белорусы», «русские, казахи, белорусы», «русские, шорцы, поляки», «русские, грузины, поляки», «немка, русская, украинка», «русские, белорусы и украинцы», «русский, немец, белорус», «русские, евреи, буряты», «русские, марийцы, беларус», «русская, украинка, белоруска», «украинцы, евреи, татары», «русские, мордва, белорусы», «русские, белорусы, украинцы», «татары, узбеки, русские», «русские, белорусы, буряты»¹²⁶⁶.

Стоит обратить внимание, что все идентификационные значения имеют разные составы этнических групп. В пяти случаях даже упомянутая группа «русские, украинцы, белорусы» имеет индивидуальную порядковую расстановку, показывая различность самоидентификации респондентами их этнической принадлежности.

¹²⁶⁶ Написание и наименование групп самостоятельно вписывалось респондентами в анкетную гугл-форму.

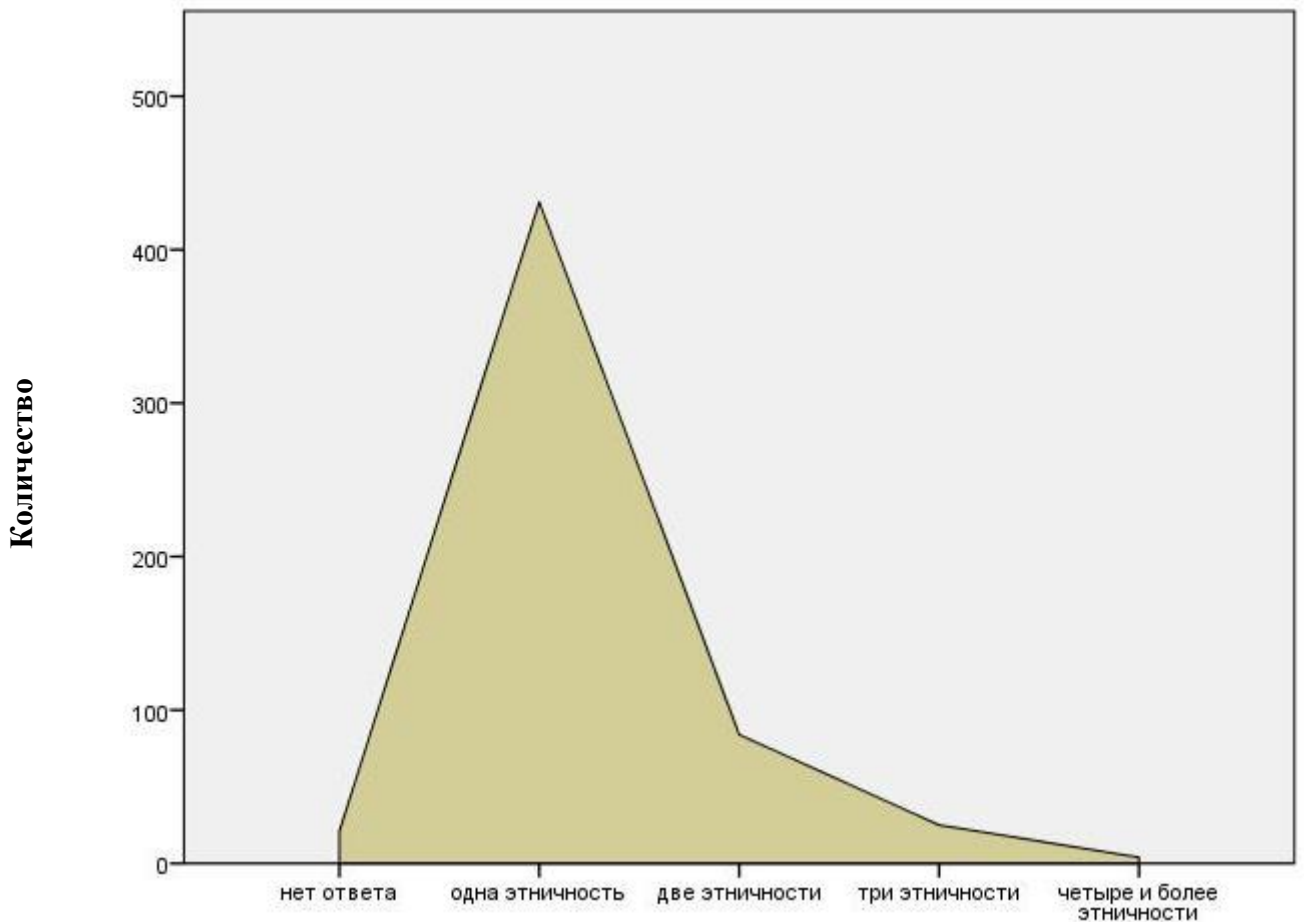
Троичные формы идентичности зафиксированы в трех случаях на основании «немецкой» (немцы, русские, украинцы), «белорусской» (русские, белорусы, татары), «еврейской» (русские, татары, евреи).

Сложная форма без указания этнического основания указана тоже в трех случаях в составах: «русские, поляки, татары», «русские, евреи, белорусы», «удмурты, евреи, русские». Таким образом, очевиден факт присутствия сложной формы этнической идентичности, сформированной по трем основаниям, но в каждом отдельном случае, *у каждого респондента она дробится на уникальные (неповторимые) по составу формы.*

4. Сложная форма на четырех основаниях этнической принадлежности четырежды встречается среди ответов респондентов: два ответа на основании «русской» («русские, эрзя¹²⁶⁷, белорусы, евреи», «русская, украинская, белорусская, польская») и два без указания идентичности, однако сложная форма фиксируется («русские, чувашаи, поляки, евреи», «русские, украинцы, евреи, татары»). В совокупности все ответы составляют 0,7% из 565 участников.

Первичный анализ анкетных ответов позволил выявить у современных жителей Красноярского края четыре формы этнокультурной идентичности, между которыми в сложных формах этническая соотнесенность имеет устойчивый коэффициент понижения, что позволяет зафиксировать следующий промежуточный вывод: *чем сложнее идентичность, тем меньше число ее носителей.* Наглядно сложность этнической идентичности респондента можно представить в графике идентификационной насыщенности (рис 5.10).

¹²⁶⁷ «Эрзя (эрзяне)» - это субэтническая группа мордвы. В составе Красноярского края как этногруппа не представлена.

Сложность этнической идентичности респондента

Рис. 5.10 График идентификационной насыщенности сложных форм этнической идентичности

Первичный анализ позволил определить наиболее сложные формы этнокультурной идентичности, в связи с чем потребуются составить *социокультурный портрет респондентов, имеющих сложную форму этнической идентичности*, чтобы ответить на вопросы: «От чего зависит уровень сложности? Какие параметры имеют сильную корреляцию со сложной формой?».

Четвертая форма этнокультурной идентичности на основании «русская» обозначена двумя респондентами, средний возраст которых (мужчины и женщины) составляет 50–59 лет, оба с высшим образованием (в первом случае это специалист, во втором кандидат наук), проживают в городе Красноярске более 30 лет, имеют ежемесячный доход в среднем 25–34 тыс. рублей. Без обозначения основной сложная форма также принадлежит двум участникам (мужчина,

женщина): средний возраст 25–34 лет, с высшим образованием (в первом случае это специалист, во втором бакалавр), проживают в городе Красноярске в среднем более 15–17 лет (не относятся к старожильческому населению), имеют ежемесячный доход в среднем 35 – 44 тыс. рублей.

Обратившись к данным в таблице корреляций, можно выявить устойчивую корреляцию между сложной формой этнокультурной идентичности и двумя ключевыми параметрами: уровень образования (,086 при двухстороннем значении ,042 на уровне 0,01) и уровень социального благополучия (,089 при ,034). Таким образом, *найдена устойчивая корреляция между сложными формами идентичности и двумя ключевыми параметрами (уровень дохода и образование). Параметры четко коррелируют с четверной формой.* Остальные параметры (возраст, пол, место жительства, период проживания) имеют очень слабую или отрицательную связь со сложностью этнической идентичности респондента.

Вызывает также интерес социокультурный портрет человека, указавшего тройную форму и имеющего в основе русскую идентичность. В средних значениях это представитель женского пола (указали себя 14 женщин и 5 мужчин) возрастом 22–30 лет, преимущественно со средним специальным и высшим образованием (1 с ученой степенью, 9 с высшим образованием, 2 со средне-специальным, 6 со школьным, 1 не указал), городской житель (17 указали г. Красноярск, 1 – г. Боготол, 1 – г. Сосновоборск), имеет среднемесячный доход в 17 – 24 тыс. рублей. При сравнении тройных и четверных форм первая на порядок ниже по показателям, чем вторая.

На основании факторного анализа и корреляционного значения можно сформировать *первую гипотезу* о том, что *чем выше уровень образования, тем сложнее человек формирует форму собственной этнокультурной идентичности.* На повышение уровня сложности этнической идентичности явно влияют два фактора: образование и доход.

Далее необходимо обратиться к анализу ключевых фигур, повлиявших своей этнической принадлежностью на формирование сложной этнокультурной идентичности респондентов. Основной блок анкетных вопросов был составлен

таким образом, чтобы при выборе варианта (или вариантов) ответа респондент указывал знаковые фигуры, сыгравшие, по его мнению, доминантную роль в его идентичности. В вопросах предложены шесть прямых родственных связей: этничность отца и матери, дедушки и бабушки со стороны отца, дедушки и бабушки со стороны матери. Еще две пары включены в вопросы с целью анализа значимости этничности прабабушек и прадедушек, а также фиксации этнокультурной памяти респондента (сохраняется ли он память о далеких предках, играет ли особую роль их этничность в сложности этнокультурной формы).

В таблице корреляционных значений (табл. 5.3) обнаружены две пары с сильной и прямой корреляцией: этничность отца респондента и его деда по отцу (,706 и ,000 при двусторонней корреляции 0,01); этничность матери респондента и его бабушки по матери (,750 и 0,00 при 0,01). При сопоставлении данных пересечений с параметром «сложность этнической идентичности» определяются две ключевые фигуры: «отец» и «бабушка по матери».

Таблица 5.3
Таблица корреляционных значений

	Этническая группа отца респондента	Этническая группа матери респондента	Этническая группа деда по отцу респондента	Этническая группа деда по матери респондента	Этническая группа бабушки по матери респондента	Этническая группа бабушки по матери респондента	Этническая группа прабабушки респондента	Сложность этнической идентичности респондента
Этническая группа отца респондента	1	,445**	,706**	,613**	,400**	,399**	,397**	,253**
	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
	564	564	563	563	564	563	563	562
Этническая группа матери респондента	,445**	1	,438**	,467**	,584**	,750**	,431**	,138**
	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,001
	564	567	566	566	567	566	566	565
Этническая группа деда по отцу респондента	,706**	,438**	1	,587**	,419**	,432**	,447**	,176**
	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000
	563	566	566	565	566	565	565	564
Этническая группа бабушки по матери респондента	,399**	,750**	,432**	,465**	,579**	1	,425**	,116**
	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,000	,006
	563	566	565	565	566	566	565	564

Этничность «отца» и «деда по отцу» коррелируют между собой, но у первой выше уровень значимости в сложности этнической идентичности респондента. То же самое происходит в отношении пары этничностей «бабушка по матери» и «мать». Таким образом, можно выдвинуть *вторую гипотезу о том, что ключевые фигуры предков, сформировавшие этнокультурную идентичность у каждого респондента, имеющего сложную форму, это, как правило, «мать матери» (бабушка) и «отец».*

В четверных формах у респондентов с русской идентичностью влияние ключевых этничностей подтвердилось:

русская (своя, матери, деда по матери, прадедушки), украинская (бабушки по матери), белорусская (отца), польская (прабабушки), дополнительно респондент указал идентичность «татарин» деда по отцу, но не включил её в свою форму идентичности;

русская (отца, дедушка и бабушка по отцу, включая прабабушку и прадедушку), эрзя (мать, бабушка по матери, включая прабабушку и прадедушку со стороны бабушки матери), белорусы (отца), евреи (мать, дедушка по матери, включая прабабушку и прадедушку со стороны деда). Крайне сложная форма идентичности сформировалась в трех поколениях межэтнических и не родственных по этничности браков предков: в третьем поколении белорусско-русское и русское (со стороны отца), эрзянское и еврейское (со стороны матери), во втором русско-белорусское (дед и бабка со стороны отца) и еврейско-эрзянское (со стороны матери), русско-белорусская идентичности отца и еврейско-эрзянская матери.

В таких же формах у респондентов с неопределенной личной идентичностью влияние ключевых этничностей так же подтвердилось, но одна из форм никому не была причислена. В первом случае в составе сложной формы не идентифицирована по роду предков русская этничность, однако три другие зафиксировали качества ключевых фигур: чувашская (отец), польская (мать и бабушка по матери), еврейская (мать). Во втором не идентифицирована украинская, другие же четко проявили свое качество: русская (мать, дед по

матери, прадед), еврейская (отец и дед по отцу), татарская (бабушка по матери и прабабушка).

Четырехсоставная форма имеет знаковую определенность (включены идентичности отца и бабушки по матери как отдельные) и направленность по родственным линиям идентичностей предков (нет пересечений идентичностей между линиями отца и матери по идентичности). Каждая этничность в составе сложной формы наделяет идентичность респондента качественной характеристикой, указывая как на множественность, так и, одновременно, на суммирование отдельных этнических идентичностей в единство. *Формирование сложной формы происходит на основе идентификационного синтеза ключевых и родственных идентичностей.*

В тройных формах ситуация подобная, идентичности ключевых фигур включены в состав. При анализе обнаружили три вероятных варианта сложения идентичностей: подтверждение (в 9 из 18 случаев этничности своей, отцовой и бабушкиной по матери совпадали), укрепление (в 8 случаях одна из форм совпадает с основной, вторая указана отдельно), дополнение (в двух случаях три формы указаны отдельно). Обобщая вышесказанное, заметим: в большинстве случаев этничность респондента либо укреплена за счет совпадения этничности с одной из знаковых фигур, либо дополнена какой-то из двух.

Чаще всего в четырехсоставные формы включены следующие этнические группы: русская (4 совпадения), еврейская (3), белорусская и польская (по 2). Пересекающихся групп нет.

В тройных картина гораздо богаче и по составу, по точному совпадению этнических сложных форм, обнаружены пересекающиеся группы (табл. 5.4).

Таблица 5.4

Состав троичной формы этнокультурной идентичности у современных жителей
Красноярского края

Наиболее часто в троичный состав формы включена этничность	Пересекающимися по этничности являются	Наиболее «коммуникативные» среди этнических групп:
Русская (23 раза), Белорусская (14), Украинская (9), Еврейская (5), Татарская (4); Бурятская, казахская, Немецкая (По 2); Грузинская, Славянская, шорская, удмуртская, марийская, мордовская, узбекская, финская (по 1)	«Русские-белорусы» (13 раз встречается в трехсложных формах), «Русские-украинцы» (8), «Русские-евреи» (5), «Русские-татары» (4), «Русские-поляки» (3), «Русские-немцы» (3)	«Русская» (включена в 24 формы, 13 раз включена с «белорусской», 8 с «украинской», 5 с «еврейской», 4 с «татарской», 3 с «польской»),
		«Белорусская» (в 9 формах, единично встречается с польской, казахской, немецкой, марийской, мордовской, татарской, бурятской, финской),
		«Еврейская» (в 5 формах, дважды с украинской, единожды с белорусской, удмуртской, бурятской, татарской),
		«Украинская» (в 4 формах, трижды с немецкой, единожды с еврейской).

Необходимо отметить, что идентичности северных коренных народов не включены в трехсоставную форму, однако здесь оказались редкие для жителей региона идентичности. Точное совпадение имеет идентичность «русские – украинцы – белорусы» у пяти респондентов.

В двухсоставных формах достаточно указать повторяющиеся «точь-в-точь» идентификационные варианты, что наглядно представлено в табл. 5.5.

Таблица 5.5

Состав двоичной формы этнокультурной идентичности у современных жителей
Красноярского края

Часто встречаемые		Редко встречаемые	
Двойные этничности	Количество	Двойные этничности	Количество
Русские-украинцы	24	Долганы-якуты	4
Русские-белорусы Русские-поляки	7	Долганы-русские	2
Русские - латгальцы	5	Долганы-нганасаны	1
Русские - евреи	4	Украинцы-венгры, Буряты-монголы, Ненцы-энцы, Евреи-латыши, Белорусы-чуваши, Поляки-белорусы, Таджики-долганы, Чеченцы-лезгины, Киргизы-узбеки, Кзаки-украинцы	1
Русские-чуваши Русские – немцы	3		
Русские-татары Русские-хакасы Русские-сибиряки	2		
Русские-цыгане, Русские-казаки, Русские - буряты, Русские-киргизы, Русские -карелофинка	1		

При сравнении двух- и трехсоставных групп можно зафиксировать следующее:

– у коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Красноярского края, сформирована двойная форма этнической идентичности, причем доминирующей является «долгано-якутская»;

– русская этничность сочетается как с идентичностями больших региональных групп (украинцы, белорусы, поляки и т.д.), так и с локальными (латгальцы, евреи, чуваши и т.д.);

– двойная форма идентичности больше характерна близкородственным этногруппам (русские, белорусы, украинцы; украинцы-венгры, чеченцы-лезгины и т.д.).

В отношении вопросов: «Сохраняется ли память о далеких предках, играет ли особую роль их этничность в сложности этнокультурной формы?» – можно ответить утвердительно в обоих случаях. Для подтверждения ответа на первый вопрос приведено соотношение ответов представителей доминирующего и малочисленного этноса (табл. 5.6.).

Таблица 5.6

Этническая память о далеких предках (процентное соотношение ответов представителей доминирующего и малочисленного этноса)

Этничность респондента	2-е поколение		3-е поколение				4-е поколение	
	Отец	Мать	Дедушка со стороны отца	Бабушка со стороны отца	Дедушка со стороны матери	Бабушка со стороны матери	Прадедушка	Прабабушка
<i>Русская этническая группа</i>								
Частота								
415	350	369	318	314	309	317	271	277
Валидный процент								
73%	61,7%	65,0%	56,14%	55,4%	54,5%	55,9%	47,8%	48,9%
Накопленный процент								
74,4%	65,6%	68,3%	60,2%	59,5%	57,5%	55,9%	57,1%	58,1%
<i>Долганская этническая группа</i>								
Частота								
39%	30%	1%	24%	30%	35%	35%	34%	35%
Валидный процент								
6,9%	5,3%	0,2%	4,2%	5,3%	6,2%	6,2%	6,0%	6,2%
Накопленный процент								
87,7%	87,2%	81,1%	85,8%	85,9%	83,6%	85,2%	82,9%	82,2%

Чтобы понять, какие культурные практики региона могут воздействовать на формирование двух-, трех- и четырехсоставных идентичностей, необходимо кратко привлечь рассмотренные в третьей главе практики этнокультурных групп, проживающих в Красноярском крае. Оговорим, что в двух- и трехсоставных формах этнический состав очень схож: «русско-украинская» и «русско-украинско-белорусская». В четырехсоставных группах есть различия, но в совокупности этничности повторяются.

В сложных формах обозначились следующие рейтинговые этничности, определяемые по критерию частоты пересеканности (табл. 5.7).

Таблица 5.7

Рейтинговые этничности в сложных формах этнокультурной идентичности у современных жителей Красноярского края

Двухсоставные	из 84 форм	Трехсоставные	Из 25 форм	Четырехсоставные
Русская	49	Русская	24	Русская
Украинская	24	Белорусская	14	Белорусская
Белорусская, Польская	7	Украинская	9	Еврейская
Латгальская	5	Еврейская	5	Польская

Выводы параграфа 5.1

Во-первых, все (зафиксированные в таблице) этнические группы имеют культурные практики, связанные с деятельностью национально-культурных автономий, которые обеспечивают этнокультурное развитие как в сохранении их самобытности (организация и проведение совместных календарных национальных и этнических праздников, отмечание памятных дат, воспроизводство элементов национальных костюмов и блюд традиционной пищи), так в создании общинной коммуникации. Как уже выяснено ранее, *культурные этноязыковые практики, ориентированные на изучение родного языка, слабо влияют на реальное владение родными языками*, что подтвердилось и в эмпирическом исследовании: доминирующим родным языком для респондентов является русский (95,2%).

Во-вторых, доминирующие культурные практики этнокультурных групп русских, украинцев, белорусов, активно проявлены в культурно-общественной жизни на уровне всего региона. У еврейской и польской групп, имеющих длительную историю проживания в регионе, культурные практики во многом противоположны по характеристикам, однако их сближает тема единения этноса (культурного просвещения о своем этносе). *В современном обществе культурные практики носят разновекторный и разнообразный характер, что имеет огромное обратное преобразующее влияние в виде формирования новых поликультурно сложенных форм этнической идентичности современных жителей региона.*

В-третьих, этнокультурная идентификация современных жителей Красноярского края развивается на основании формирования сложных форм идентичности. Культурные практики направлены не на укрепление этнокультурного ядра, а на формирование новых, сложных форм этнокультурной идентичности. Обнаруженные формы дробятся и складываются у каждого человека по-разному. Механизмы культуры производит новые сложные формы этнокультурной идентичности в результате воздействия культурных практик, содействующих как формированию сложных идентификационных форм на

индивидуальном уровне, так и общему развитию этнической сложности Красноярского края. Сложные формы этнокультурной идентичности – это актуальный феномен современной региональной культуры.

В ходе исследования зафиксирован ряд важных результатов, отражающих актуальность и новизну эмпирического исследования. Феномен этнической идентичности имеет не более четырех форм сложности, каждая из которых определяется по мере насыщения идентификационного качества. При этом в каждом отдельном случае она дробится на уникальные (неповторимые) по составу формы. Отмечена обратная зависимость количества носителей простой или сложной формы от состава: чем сложнее идентичность, тем меньше число ее носителей.

Результаты исследования позволили зафиксировать присутствие простой и сложных форм этнокультурной идентичности даже при минимальной случайной выборке: в процентном соотношении это всего 0,05% (565¹²⁶⁸ респондентов из 1 095 286 жителей – по данным Госстата¹²⁶⁹), что дает основание сформулировать предварительные определения обеих форм.

«Простая этнокультурная идентичность» – это социокультурная форма формирования единичного идентификационного основания. На индивидуальном уровне данная форма возникает как результат множественного пересечения и взаимоотождествления этнических самоопределений, осознаваемых как возможность тотальной схожести с этничностью предков, либо неразличимого этнического единства с большинством окружающих современников (например, по национальной принадлежности). На социальном уровне часто встречаемая простая форма становится фундаментом возникновения сопричастности к единой, слитной и объединенной одной этничностью культурной общности. Однако уникальность данной формы проявлена в ее потенциальной возможности становиться основой для построения более сложных этнокультурных форм

¹²⁶⁸ Количественным условием для организации и проведения факторного анализа является участие не менее 90 респондентов. В анкетировании данного прикладного исследования участвовали 567 респондентов.

¹²⁶⁹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 10.03.2020).

идентичности, поскольку в ней присутствует динамика силы связи этнической идентичности.

«Сложная этнокультурная идентичность» – это социокультурная форма формирования идентификационных определений на двух и более этнических основаниях. На индивидуальном уровне сложность проявлена в идентификационной различимости собственных этнических значений (родовых, социальных), количество этнических идентичностей может достигать до четырех оснований. Сложная форма самодостаточна и едина, поскольку в своих границах кристаллизует и проявляет динамику взаимодополняющих друг друга этнических самоопределений. Чем более форма насыщена этническими основаниями, тем чаще синтезируется неповторимое идентификационное качество. На социальном уровне сложная этнокультурная идентичность встречается редко, однако в своей сложности повышает познавательный потенциал видения этнических сходств и различий в условиях динамично развивающегося поликультурного современного общества. На региональном уровне при воздействии культурных механизмов формируются сложные формы этнокультурной идентичности, обновляя, дробя и преобразуя прежнее этнокультурное качество социума.

В процессе обработки результатов анкетирования оформились две исследовательские гипотезы, одна из которых подтвердилась при детальном комбинационном анализе данных. В сложных формах этнической идентичности знаковыми фигурами являются «мать матери» (бабушка) и «отец». У современных людей идентификационное отождествление основано на близкородственной связи, активизирующей этническую память о предках вплоть до четвертого поколения. Вторая гипотеза возникла при обнаружении корреляции между уровнем образования и сложной идентичностью: уровень образования и социального благополучия коррелируют со сложными этнокультурными идентичностями. Устойчивая корреляция между ключевыми факторами проявилась среди жителей, имеющих тройную и четверную форму сложности, это люди с высшим образованием и средним уровнем дохода. В единичной и двойной формах данные факторы не подтвердились. Можно зафиксировать следующую

закономерность: благодаря повышению образовательного уровня происходит расширение познавательного горизонта, что позволяет в разы увеличить собственные идентификационные характеристики, формировать насыщенные самопредставления, вступать в коммуникации с окружением и, что немаловажно, иметь социальное благополучие. Вторая гипотеза доказана частично, поскольку недостаточно комбинационных данных количественного исследования, требующего проверки качественными методами.

5.2 Качественное исследование сложных форм этнокультурной идентичности жителей Красноярского края

В данном параграфе представлены результаты культурологического изучения феномена этнокультурной идентичности в представлении людей XXI века. Актуальность качественного исследования связана с тем, что сознание человека напрямую сопряжено с его культурным развитием¹²⁷⁰, в связи с чем в речи репрезентируется, интерпретируется и воспроизводится дискурсивный конструкт этнокультурной сущности идентичности. Метод категориального анализа позволяет зафиксировать основные понятия и его инварианты, определить ключевые категории и найти закономерности, которые организованы общими высказываниями и признаками. Поскольку культура существует не только в виде вещественных артефактов, но и в виде психических процессов, скрытых от простого наблюдения, метод категориального анализа привлечен для изучения и реконструирования жизненного опыта людей, его динамики и содержания, связанного с изучаемыми феноменами.

Важнейшим в данном эмпирическом исследовании выступает метод фокус-групп, специфика которого состоит не только в возможности получения групповых представлений, возникающих в сознании интервьюируемых в условиях тематического фокусирования, но и в фиксации ключевых категориальных сфер (областей), с которыми сознание реципиента связывает собственное переживание феномена этнокультурной идентичности. Сопутствующими служат методы: включенного (участвующего) наблюдения, видео- и аудиозапись, подробный анализ фрагментов расшифрованных текстов с выделением ключевых категорий и их интерпретаций. Согласно В.Я. Никтину, «при проведении фокус-групп применяют ряд качественных методик: ролевую

¹²⁷⁰ Замараева Ю.С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике "Серийные тематические ассоциации") // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. №. 2. С. 69–80.

игру, незаконченное предложение, ассоциацию, метафору, сомнение в очевидном, описание противоположного собственному типу поведения, косвенные (скрытые) вопросы и т.д.»¹²⁷¹. Для уточнения категориальных определений введен количественный контент-анализ (в программе «Simple Word Sorter»).

Цель исследования – получение глубинного культурного описания групповых категоризаций, формирующих этническую идентичность современных жителей региона для последующего моделирования форм, процессов, практик, формирующих сложные формы этнокультурной идентичности. С помощью поставленной цели была запланирована также проверка гипотез и интерпретация результатов количественного исследования.

Задачами являются:

- 1) определение тематических блоков, разработка сценария и гайда (инструкции) для проведения полуструктурированных фокус-групп,
- 2) определение состава и объема фокус-групп,
- 3) организация и проведение ряда фокус-групп, обоснованных целью и задачами исследования;
- 4) обработка первичных данных (расшифровка аудиозаписей и подготовка стенограммы), формирование утверждений (выбор наиболее значимых категорий, характеризующих ход обсуждения во всех проведенных дискуссиях);
- 5) интерпретация и обобщение полученных результатов, формулирование выводов. Данные задачи полностью определяют этапы эмпирического исследования.

Специфика фокус-группового подхода изложена в монографии В.В. Семеновой «Качественные методы. Введение в гуманистическую социологию»¹²⁷² Особенности методик и техник, применяемых в подобном исследовании, а также

¹²⁷¹ Никитин В.Я. Теоретические аспекты методики применения фокус-групп в педагогических исследованиях // Академия профессионального образования. 2013. Т. 1. № 2. С. 5.

¹²⁷² Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Добросвет, 1998. 289 с.

и критерии валидности результатов его проведения приведены в книге О.Т. Мельниковой «Фокус-группы. Методы, методология, модерирование»¹²⁷³.

Описание хода исследования

Этап 1. Определение тематических блоков, разработка сценария и гайда для проведения полуструктурированных фокус-групп. В связи с тем, что диссертационное исследование направлено на определение специфики сложных форм этнокультурной идентичности, необходимо было предложить интервьюируемым ряд конкретных вопросов, которые бы вызвали бы ассоциации и развернутые интерпретации, а посредством их кристаллизовалась суть отношения к этничности как культурному феномену. Основной теоретической гипотезой является то, что культурные практики как механизм культуры, воздействующий на этнические группы, направлены на воспроизводство этнокультурной идентичности. В связи с чем ключевыми для нас становятся вопросы, приведенные далее.

1. *Можете ли Вы четко отнести себя к одной единственной этнической группе?*

Вопрос направлен на самоопределение этничности информантом: при однозначных ответах следует блок распознающих вопросов о семье (происхождение, вероисповедание, вид деятельности), этнической принадлежности по роду с целью прояснения процесса сложения простой идентичности; в случаях причисления к двум и более этничностям следует блок вопросов о родственных схемах для определения ключевых фигур, чья этничность включена в конструкт сложной формы. В оба направления включен вопрос об уровне формального и неформального образования.

2. *Что (или кто) оказало влияние на формирование Вашей этничности?*

Здесь необходимо зафиксировать ключевые формы, процессы, практики, фигуры, повлиявшие на формирование единичной и сложной форм этнокультурной идентичности. Обращаем внимание на источники информации,

¹²⁷³ Мельникова О.Т. Фокус группы: Методы, методология, модерирование: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 320 с.

сформировавшие культурную память и социально-культурный опыт информантов. В блоке наводящих вопросов отражена также региональная специфика: какие именно культурные механизмы сформировали форму этничности.

3. Что, лучше, полезнее для человека: единичная (уникальная) или множественная принадлежность к этнокультурным группам?

Вопрос помогает определить общее представление информантов о необходимости воспроизводства единичных и (или) сложных форм этнокультурной идентичности на разных социокультурных уровнях (в городе, регионе, стране, мире). Способствует сравнительному сопоставлению отношения к феномену этнической идентичности по разным уровням: между поколениями, среди ровесников, между представителями разных уровней образования и социального благополучия со сложной идентичностью.

Дизайн исследования был разработан для проведения нескольких фокус-групп с целью получения насыщенного описания феномена этнокультурной идентичности и его интерпретации со стороны информантов. Для проверки корректности формулировок вопросов, адекватности понимания наводящих вопросов, их соответствия цели и задачам исследования было проведено пилотажное фокус-групповое обсуждение среди двух студенческих групп гуманитарного направления Сибирского федерального университета (по 6–8 информантов в каждой).

Этап 2. Определение состава и объема фокус-групп. Чтобы качественное исследование обладало информационно насыщенными результатами, фокус-групповое интервью представлено выбором шести групп (каждая численностью от шести до восьми человек), распределенных по трем срезам. Состав групп определяли следующим образом: первая пара была избрана из среды студентов высшего заведения (Сибирский федеральный университет), вторая – представители старшего поколения из числа городских жителей Красноярска, третья – представители этнических групп, проживающих на территории региона.

Такое соотношение дает равенство участия в определении специфики феномена этнокультурной идентичности в настоящее время.

Студенческая молодежь – новое интеллектуальное поколение, потенциальная будущая культурная элита, которая определит развитие межкультурных отношений на территории края в самое ближайшее время; студенты вуза – это носители концептуальных современных представлений о межкультурных отношениях, поскольку во время учебного года постоянно находятся в кругу общения с представителями разных этнокультурных групп, живущих в пределах и далеко за пределами региона. В период обучения в университете в результате контакта с иными этническими культурами у каждого молодого человека формируется новая система представлений о мире и создается иное понимание этнокультурной идентичности. Следовательно, студенты – самая активная часть населения, которая не только способна к принятию нового (знания, отношения), но и к пониманию актуального содержания межкультурных отношений. Обращение к мнению молодого поколения чрезвычайно важно для определения специфики трансформации социокультурных представлений в постсоветский период – времени вхождения мировых стран в глобальные процессы межкультурных отношений. В первую и вторую фокус-группу вошли студенческие группы гуманитарного и технического направлений, что позволяет зафиксировать сходные и различные установки в отношении феномена.

Вторая пара групп, состоящих из городских жителей двух старших поколений (1950-х и 1960-х годов рождения), определена необходимостью межпоколенческого охвата и фиксации специфики отношения к феномену этнокультурной идентичности в целостности поствоенного, советского и постсоветского периодов. Старшее поколение – это носители наиболее насыщенных представлений об этничности, подтвержденных жизненным личным и социальным опытом. Их мнение фиксирует сущность регионального длительного развития этнокультурных отношений и отражает проблематику современного многонационального и межрелигиозного гражданского общества Красноярского края.

Третья пара определена необходимостью целевого выбора этнических групп по определенным критериям: они должны иметь длительную историю проживания на территории Красноярского края, представлять собой разночисленные этногруппы (по количеству проживающих в регионе), являться национально-культурной автономией и иметь собственные национально-культурные общественные организации, входить в состав Общественной палаты национальностей Гражданской ассамблеи Красноярского края по решению совместных конкретных социально-культурных задач, представлять интересы своих этнокультурных групп как гаранта сформированного отношения к феномену этнокультурной идентичности.

Таким образом, целевой выбор шести групп представителей является репрезентативным для проведения эмпирического исследования, поскольку в совокупности они входят в категорию гетерогенных, имеют различия по этническим признакам (культура, история формирования этноса), автономны, стремятся сохранить этническую самобытность и активно участвуют в развитии межкультурных отношений на территории города и края. Культурологическое исследование разбито на смысловые пары, каждая из которых раскрывает значимые аспекты трех крупных групп (студенты, взрослое население и представители этногрупп) как сторон межкультурного и межэтнического отношения в социокультурном пространстве Красноярского края.

Этап 3. Организация и проведение фокус-групп, обоснованных целью и задачами исследования. Для получения широкого спектра мнений участников при обсуждении ключевых тем и уточняющих вопросов были определены следующие критерии: среднее время проведения 60–90 минут (по 20–30 минут на каждую тему), учебная аудитория с круглым столом для организации межгрупповой дискуссии, раздаточный материал и именные таблички, модерирование группы ведущим и его ассистентом, аудио- и видеозапись. Шесть фокус-групп проведены с 30 января по 12 марта 2020 года.

Этап 4. Обработка первичных данных и формирование утверждений. Здесь произведен детальный анализ расшифрованных фрагментов текста с выделением

ключевых групповых категорий – постоянных элементов нарратива в виде существительных и прилагательных, а также лексем (глагольные формы, проявляющие действие и отношения) и реконструкции моральных оценок, которыми наделяются категории и лексемы. Целью данного этапа является поиск категорий и интерпретаций, которым информанты пользуются при определении своей этничности, а также определение контекстов внутри каждой категории. Для наглядности созданы табличные данные, в которых определены ключевые категории и приведены яркие примеры, демонстрирующие специфику формирования этнокультурной идентичности информантов.

Первая группа (табл. 5.8) состояла из 2 студентов (3 курс) и 6 магистрантов (1–2 курсы), обучающихся в Гуманитарном институте Сибирского федерального университета. По половому составу: 6 девушек и 2 молодых человека. Средний уровень ежемесячного дохода: от 15 000 до 20 000 рублей. По географическому охвату: Красноярский край (5 человек – г. Красноярск, 1 – г. Зеленогорск, 1 – Северо-Енисейский район) и один студент, приехавших на обучение в университете из Колумбии (Южная Америка). По языковому составу только один информант владеет двумя языками: испанским (родным) и русским. Фокус-группа состоялась 30 января 2020 года, общее время обсуждения 60 минут.

Анализ стенограммы фокус-группы позволил зафиксировать ключевые категориальные понятия, которыми пользуются информанты при определении своей этничности, а также выявить контекст (интерпретативный смысл) для каждой категории. Обнаруженные категоризации выступают областями определения этнокультурной идентичности в сознании современных молодых людей. В заголовках таблицы обозначены выявленные категории и подкатегории, к каждой приведены яркие примеры из стенограммы.

При определении своей этничности информанты формируют ряд значимых категорий. Наибольший вес имеет категория «семья», что сопряжено с наименьшими по объему категориальными определениями «семейные практики» и «детство». Совокупность определений позволяет сформулировать групповое контекстное представление об этнической идентичности – это определение

родовой региональной общности, сила связи которой видна через семейные практики, особо проявленные в период детства. При определении этничности понятие «семья» приобрело качество «близкородственной смешанности», однако в нем информанты прослеживают родственные «корни» («белорусские», «украинские», «цыганские», «еврейские» и т.д.) и «линии» (отца, матери, бабушки матери и т.д.). Родовая этничность закреплена в пространственном (в нескольких историях о семье, «Сибирь» определена как место рождения и пребывания предков), религиозном и семейно-фамильном качестве. При этом фамильная идентификация присутствует в сознании молодых людей как позитивное (фамильная принадлежность как факт соотнесения себя к другим этничностям рода), так и негативное переживание (неверное причисление информанта к евреям со стороны окружения повлияла на замену белорусской фамилии «Рубанович» на фамилию далекого предка «Рузанова» в значении «рузой» – русский). Ключевые фигуры обозначились во многих семейных историях, где особое значение имеет отец (как главный носитель семейной этничности) и бабушка со стороны матери (как основной носитель информации о семье и роде).

Таблица 5.8. Категориальные понятия молодых людей гуманитарного направления высшего образования

Семья				Культурные информационные практики	«Чужие» - «Свои»					
Предки		Культурные семейные практики			Детство		Чужеродная среда Закрытые сообщества, Атеисты, Дальнеродственные, Северные, Другого вероисповедания	Сохраняют «свое», другая этническая группа, «варятся в своей среде», живут далеко, другая внешность, родственники в других странах	Окружение (людей), разнородное пространство, проявленное в разных практиках взаимодействия, сплочении близких и далеких культурных дистанций, динамичная среда, образовательный и жизненный опыт, свобода выбора, возможность почувствовать себя «гражданином мира»	Одинаковые Не конфликтное Комфортное Образовательное Жизненный опыт Сплоченное в одно Взаимодействие Смешение культур, Возможность выбора
Корни Род Линии Большая семья, Близкие родственники	Смешанное качество: «намешаны корни», «корни прятались», «уже всё смешалось», «намешанная кровь», «неразличимое», «всё намешано, трудно отличить кто ты конкретно»	Общение об истории семьи (матери, отца, бабушки, бабушек, дедушки)	Истории о роде, семье, жизни предков	Рассказы бабушек, дедушек «воспитывалась бабушкой, она рассказывала про корни»	Исследование этничности предков	Узнать «свое», исследую историю рода, надо смотреть приходские книги, «увидела свидетельство о рождении отца в 17 лет», «узнавала как получить гражданство, интересно узнать другую свою этничность», «прочитала про латгальцев», «узнала, что есть эстонские корни»				
Сибирь	Золотоносный район, полноводная река, крутые земли, градообразующее предприятие, Переехали, сослали, приехали, Можно было зарабатывать, работать», «место многолетнего проживания»	Документальные источники	Свидетельства о рождении (информация о происхождении, национальной принадлежности)	Семейные фото альбомы и фотографии	Необходимость фиксации историй родов «своего» и возможности узнать «новое»; документализация для проведения исследований, сохранять языковые практики	«Сохранять свой и познавать другие, создавать новые», «помнить о том, что было раньше при оставлении свободы выбора», «нужно сохранять интересные истории», «можно думать о себе как ты хочешь, но иметь возможность коммуницировать с другими».				
Вероисповедание	Единое вероисповедание (крещение)			Поездка в другую страну (встреча с иной этничностью по роду)						
Фамилии	Отличительная черта определения родовой связи									
Ключевые фигуры										
Этничность отца осознается как определяющая этничность рода (родовая этничность): «по отцу все русские»		Бабушка (по матери) является значимым информантом по рассказам истории рода, родственников								

Второй по значимости категорией стали «культурные информационные практики». При обсуждении роли таких ресурсов возникли два значения, актуальные в сознании молодых людей: 1) это источники знания об истории, культуре, традициях, обычаях этнических групп своего рода (особенно когда утеряна близкая связь с родственниками) и возможность организации с ними встречи (получить гражданство, съездить в другую страну, сделать далекое близким), 2) это процесс сохранения, передачи и воспроизводства этнокультурного знания для формирования нового представления, расширяющего познавательные и коммуникативные возможности. Двойное обозначение данной категории фиксирует ее актуальную значимость для современной молодежи.

Третья категория определилась как граница противоположных по характеристикам пространств. «Чужие» – это неродственные или территориально дальнородственные этнические группы, стремящиеся сохранить свою самобытность посредством культивирования национальных и религиозных традиций и обычаев. «Свои» – это круг друзей, знакомых, объединенных в сознании информантов как пространство открытых возможностей: по приобретению нового жизненного и образовательного опыта, по поиску новых этнических определений в коммуникативной динамике межкультурных отношений, пробе осознать себя «гражданином мира».

На основании анализа категориальных областей можно зафиксировать новое аспектное содержание ключевых для диссертационного исследования определений.

1. Этническая идентичность формируется в период детства через семейные культурные практики общения и рассказов об истории предков. Чем сильнее проявлены семейные практики, тем насыщеннее представление о родовой и личной этничности (своей, родителей, близких и далеких предков).

2. Этнокультурная идентичность есть результат семейных и информационных культурных практик. У молодых людей данное понятие означает трансфер к знанию о своем роде, пространство разграничения на

«своих» и «чужих», возможность создать и испытать новые этнокультурные формы.

У современных молодых людей сформирована единичная (у четверых), двойная (у троих) и тройная (у одного) формы этнокультурной идентичности. При детальном анализе проясняются некоторые отличия формообразования представлений об этнической и этнокультурной идентичности. В трех случаях информанты относили свою этничность к одному основанию в связи либо с полным совпадением этничности (все русские), либо по причине потери связи и утраты родового знания (перестали общаться, нет доказательных источников). Двойное представление сформировано благодаря специальным усилиям со стороны информантов узнать этнокультурную историю рода, что повлекло добавление второй формы этничности к основной. Под влиянием информационно-культурных практик сформировалась двойная форма этнокультурной идентичности. Этот факт указывает на принципиальное различие слов «этническая» как *признак принадлежности, причисления* (к роду или этносу) и «этнокультурная» в качестве *характеристики этнического определения*. Тройное основание зафиксировано у иностранного студента (индейцы, латиноамериканцы, испанцы), что стало импульсом к самоопределению себя как «гражданин мира». Интересен факт, когда информант прекрасно разбирается в родовой истории (перечисляет до четырех этничностей у разных родственников), но в связи отождествлением его фамилии с другим этносом изменил ее и обосновал старорусским названием «руза» (со слов информанта).

С целью уточнения категориальных определений далее приведен краткий отчет по результатам применения количественного метода контент-анализа (в программе «Simple Word Sorter»), с помощью которого идентифицированы частотные слова и выявлены доминантные микротемы в анализируемом тексте¹²⁷⁴.

¹²⁷⁴ См. приложение Б. Таблица Б 1. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с молодыми людьми (гуманитарное направление высшего образования).

Количественный анализ позволил выделить несколько групп слов, которые наиболее полно отражают отношение современных молодых людей к феномену этнокультурной идентичности. В существительных определяется родовая, семейная и фамильная история этнической группы (мать, отец, бабушка, дедушка, родственники; корни, линии, этническая группа). При этом осознаются географические области, в границах которых формируется определение этнической группы (Сибирь, Россия, Красноярский край, Украина, Север) с отнесением к ее самоназванию (русские, русский, латышка, армяне, латгалька). Понятие этнокультурной идентичности фиксируется на психоментальном уровне (время, ценности, правда, жизнь, образование, школа) и осознается как общечеловеческое явление (люди, человек, гражданин). Ряд прилагательных зафиксировал небольшое количество признаков, относящихся как к определению русской этничности (русские, русский, русской, русская, православные) и характеристикам группы (большой, другой). Глагольные формы обозначают набор действий, проявляющих функции самих информантов в теме этнокультурной идентичности (помню, узнала, причисляю, понимаем, говорят, знала, рассказывала), а также отпечатанные в памяти события о предках (приехали, сослали).

В целом при обработке материалов получено насыщенное описание и ответы на поставленные вопросы исследования. В процессе обсуждения первого вопроса информанты обозначили темы «свой-чужие» и количественный состав этнической принадлежности по роду. Перейдя ко второму вопросу, обозначали ключевые фигуры и семейные культурные практики, повлиявшие на формирование этнокультурной идентичности в период детства. Интересен тот факт, что именно на втором этапе обсуждения информанты представили родственные схемы – основания для построения этнокультурной формы. В обсуждении третьего вопроса сформировалось общее групповое определение пространства для актуального поддержания своей этнокультурной идентичности: межкультурные отношения в современной образовательной среде.

Вторая группа информантов (табл. 5.9) состояла из 6 магистрантов (1-2 курсы), обучающихся по техническим направлениям Политехнического института Сибирского федерального университета. По половому составу: 2 девушки и 4 молодых человека. Средний уровень ежемесячного дохода: от 15 000 до 20 000 рублей. По географическому охвату: Красноярский край (3 человека – г. Красноярск, 1 – село Ивановка в Шарыповском районе), Украина (1 – Донецкая область), Забайкальский край Дальневосточного федерального округа (1 – г. Нерчинск). Родным языком информанты считают только русский. Фокус-группа состоялась 04 февраля 2020 года, общее время обсуждения: 1 час 15 минут.

Анализ стенограммы фокус-группы позволил зафиксировать ключевые категориальные понятия и связанные с ними контексты. В ходе дискуссии сформировались три крупных понятия: «семья», «культурные информационные практики» и «свой-чужие», при этом в каждом доминирует позитивное переживание своей этничности и восприятие этнокультурной группы, а также фиксируется осознанная необходимость усиления ряда практик для поддержания сложных форм идентичности.

Таблица 5.9 Категориальные понятия молодых людей технического направления высшего образования

Семья		Культурные информационные практики		«Свои»		
Предки «Зов крови»	Культурные семейные практики «Всё идет из семьи»	Детство «Родители русские, значит и я русский»	В современное время проявлены через феномен национальных праздников:		«Русские – это состояние души»	
<ul style="list-style-type: none"> - утрата знания о роде, память частично сохраняется через единичные вещи (икона, фотографии) и личные воспоминания из детства, культурная память сохраняется до третьего поколения - именно третье поколение предков (бабушки и дедушки) являются основой для множественной идентификации рода: «Забайкальские казаки», «Ленские кержаки» 	<ul style="list-style-type: none"> - воспитывали по русским традициям, прививали мораль, всегда об этом говорили, никто про другое о не говорил - смотрели семейные фотографии и всех знали - была сильная убежденность в определенной родовой этничности, так считали 	<ul style="list-style-type: none"> - связана с тем, что в «корнях» - «отец всегда говорил, что я русский... На Украине меня записали в русский класс, потому что отец сказал, что я русский» 	Любой информационный повод о национальном празднике воспринимается позитивно	<ul style="list-style-type: none"> - национальные праздники в городе (остров Татышева, посещение мероприятия фестиваля «Саянское кольцо») 	<p>Множественность</p> <ul style="list-style-type: none"> - понимание, что жизнь не простая, «не все однозначные, одинаковые» - в современное время есть «свобода слова» и возможность свободно сохранять свои традиции - через познание разных культур открывается свобода для саморазвития; - множественность - это основа развития; - чем больше проявляется разнообразие этнокультурных групп, тем четче самоотношенность и одновременно больше свободы выбора в самоидентификации 	<p>«Русские» - это единая крупная этнокультурная группа и одна национальность</p> <ul style="list-style-type: none"> - формируется и определяется в среде окружения (русский язык, территория Сибири, Красноярский край – все русские, нет границы между этносами) - все смешанные, обрусевшие (отсутствуют внешние идентификаторы этничности) - «русские» как сумма этносов славянского происхождения (русские, украинцы, белорусы) - самоидентификация происходит по собственному убеждению: «это как в душе лежит, как ты сам считаешь»
	<p>Ключевая фигура «Бабушка по матери»</p> <ul style="list-style-type: none"> - определяется как достоверный информант об истории семьи и рода: «только со слов бабушки узнал историю своего рода» - фамилия бабушки может выступить основой для двойной формы семейной этничности: «Дулепова – греческая фамилия, так что может быть в роду еще и греки есть» 	<p>Ключевая фигура «Отец»</p> <ul style="list-style-type: none"> - основание для построения сложной формы этнической идентичности: «не знал отца в живых, но именно по нему считаю себя еще и мордвином, у меня теперь и фотографии, и древо есть» 				
<p>Необходимые семейные культурные практики</p>			<p>Проблемы и необходимые меры для развития информационных и образовательных культурных практик:</p>		<p>«Чужие»</p>	
<ul style="list-style-type: none"> - семья – это образовательный фундамент (вместе петь песни, частушки, накрывать большие праздничные столы, быть гостеприимным) - передача знания детям как «прививка» к роду, культурным обычаям и традициям - процесс передачи должен быть построен в два этапа: с 6-7 лет – просветительская деятельность о семейных историях, в том числе посредством посещения досуговых учреждений (кружки, секции); с 12 лет просветительская и образовательная с целью приобщения к основам этнокультурной самобытности в современное время. 			<ul style="list-style-type: none"> Чем больше зафиксировано (фото, семейное древо, церковные книги, архивные данные), тем достовернее и устойчивее знание 	<ul style="list-style-type: none"> - почитание рода, знание истории семьи, своих корней для конкретизации родословного происхождения - нужны надежные информационные базы данных для поиска качественной информации о роде - сложность поиска родовых и семейных историй), много «засекреченной» или утерянной информации 	<p>Единичные</p> <ul style="list-style-type: none"> - другие современные этнокультурные группы, сохраняющие уникальную этническую самобытность: почитают свое, проявляют самобытную культуру через внешние идентификаторы (у кержаков: старообрядческая длинная одежда, длинные бороды, хороводы, игра на варгане, замкнутый образ жизни, ремесло, привлечение детей к «своему» делу; у бурятов – сохранение и внешнее почитание своих традиций; у эвенков – национальный костюм и традиционная пища) 	<p>Далекие</p> <ul style="list-style-type: none"> - определяются через далекие родственные связи (все разъехались, связь не поддерживаем)
			<ul style="list-style-type: none"> Острая необходимость в получении системного образования (периодические разговоры в семье, от случая к случаю) 	<ul style="list-style-type: none"> - разрыв межпоколенческого знания ослабляет силу эмоционального переживания и восприятию истории своего рода 		

Категориальное понятие «семья» основано на воспоминаниях из детства, в которых память о предках хранится фрагментарно и в основном до третьего поколения. Но именно поколение бабушек и дедушек осознается как фундамент для сложной идентификации своего рода (забайкальские казаки, ленские кержаки, латыши-белорусы, украинцы-мордва, украинцы-белорусы). Информанты также подтвердили гипотезу об этносе как существующем в сознании представлении о союзе родовых семей, благодаря чему формируется коллективное определение «мы» (украинская или осетинская кровь, греческие корни). Невозможность четкой этнической самоидентификации с предками фиксирует период детства как ключевой в определении базовой этничности, напрямую связанной с этничностью родителей. На формирование этнокультурной идентификации влияют семейные культурные практики, психоментальная убежденность родителей и их прямое воздействие на детское восприятие (переживание ярких эмоций в личных беседах, совместная досуговая деятельность, контроль над сохранением этничности в инокультурной среде). Ключевыми фигурами названы «отец» (постоянная связь с отцом либо восстановление связи с этничностью отца и ее включение в двойную форму своей этничности) и «бабушка по матери» (достоверный информант о родовой истории). Возможно, в связи с утраченным знанием о роде и яркими воспоминаниями о детстве информанты сформулировали три ведущие культурные практики семейного характера, цель которых состоит в приобщении поколения детей к истории рода и семьи с последующим наращиванием знания и погружением с этнокультурную специфику (историческую и современную).

Понятие «культурные практики» условно разделяются на «культурно-национальные», присутствующие в современной жизни региона, и ожидающие своего развития «образовательные» и «информационные». Первые отмечены в наибольшей степени благодаря проведению в городе и крае национальных праздников, своевременно освещаемых в СМИ, а потому позитивно воспринимаемых как место встречи многонационального сообщества. «Информационные» связаны с ожиданием появления надежных баз данных, открытых для получения информации с целью восстановления родовых и

семейных историй, которые тесно связаны с этнокультурной исторической ситуацией в Красноярском крае первой половины XX века. Образовательные практики нацелены на обеспечение систематического получения знаний для укрепления межпоколенческой родовой связи.

Пара «свои» и «чужие» демонстрирует не конфронтацию характеристик конкретных этнических групп, а диалектно взаимоопределяемые тенденции. К категории «чужие» относятся дальние родственники, с которыми давно утрачена или не поддерживается связь, и современные этнокультурные группы, имеющие четкий набор этнических признаков и практик (буряты, эвенки, кержаки). При этом этнический образ «иного» воспринимается позитивно, как необходимый элемент современной региональной культуры, как знак возрождения этнокультурного самосознания. С категорией «свои» информанты соотносят русскую этнокультурную группу, объединяющую внутри себя сумму славянских этнических групп (русские, украинцы, белорусы). В ходе обсуждения вопроса о выборе этнического основания для построения своей идентичности доминировала позиция «множественного», и по содержанию в ней проявилось сходство с определением «этноса» С.М. Широкогоровым. Согласно мнению информантов, «этнокультурная группа русских» – это сумма этнических групп, говорящих на русском языке, проживающих в пределах территории Красноярского края, обладающих комплексом обычаев и традиций (национальные праздники, традиционные костюм и кухня). Следовательно, можно зафиксировать феномен сложной этнокультурной идентичности, в которой разнообразные и множественные проявления этнической культуры становятся основой для самоидентификации современного индивида. Чем более в межэтнической среде представлен этнокультурный комплекс, тем интенсивнее самоидентификация, выше потребность в образовательных и информационных практиках.

У современных молодых людей сформированы единичная (у четверых) и двойная (у двоих) формы. В простых – основанием считается этничность родителей, даже если в третьем поколении присутствует смешанное качество. Информанты подчеркивали утерю знания о родословной и биографиях предков,

что не позволяет им достоверно предъявлять доказательства. Составление семейного древа – трудоемкий процесс, зачастую затрудненный секретностью или недоступностью архивных материалов, а легенды и личные рассказы легко можно подвергнуть сомнению и критике. Сложная двойная форма в одном случае выстроилась благодаря сильному чувству самоидентификации с этничностью отца и последующим восполнением своей однозначности («зов крови», желание передать будущим детям знание о роде, «не зная отца, я полностью восстановил связь с его ветвью»). В другом – осознание роли исторической родины – прошлого центра межэтнической культуры («уже взрослым я случайно услышал, что местом моих предков является станица Забайкальских казаков, среди которых были отряды бурятов, греков, украинцев, русских и т.д.»).

В целом, феномен сложной идентичности явление современное, формируется на основании близкородственной связи и под влиянием окружающей межэтнической среды проживания. При этом в обоих случаях доминирующим аргументом является личная убежденность и выбор («была сильная убежденность в определенной родовой этничности, так считали», «это как в душе лежит, как ты сам считаешь»). Подвижность этнического самосознания позволяет производить разное качество сложности идентичности.

Результаты контент-анализа («Simple Word Sorter») позволили соотнести категориальные понятия фокус-групп и частотные слова¹²⁷⁵. В существительных определяются близкородственные (отец, бабушка, мать, дедушка, родители, дети, родственники, род, предки, фамилия) и этнические (буряты, мордва, казаки, латыши, кержаки) группы. Территории Украины и Красноярска осознаются как родственные и межэтнические по составу. Взаимосвязь определений происходит посредством ряда слов: группы, семьи, кровь, корни, этнос, язык, линии, принадлежность, поколение, национальность. При этом, ключевые слова осознаются во вневременном состоянии: история, время, традиции, человек. Проявляющимися феномен идентичности становятся понятия: фотографии, дерево

¹²⁷⁵ См. приложение Б. Таблица Б 2. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с молодыми людьми (техническое направление высшего образования).

(семейное), практики, праздники. Прилагательные связаны только с характеристиками множественной принадлежности к русскому этносу (русские, русский, русским, русских, русская, русскими, русском, русской). Глаголы соотносятся с областью влияния феномена этничности на современное сознание: сохранить, отследить, знаем, узнали, понимаю, повлияло, говорить, рассказывала.

В процессе обсуждения первого вопроса информанты попытались проследить историю своего рода, осознавая сложность полноценного и насыщенного представления. Однако этот факт стал производным к поиску иных оснований к своей этнической идентичности, прозвучали истории о поиске информации о родовых линиях, воспоминаниях по фотографиям, составлении семейного древа, языковых и культурных различиях в межкультурной среде. При рассмотрении второго, у многих уточнилась единичная форма этничности, сформированная в период детства и связанная с семейными практиками в русскоязычной культурной среде. В детстве наибольшее влияние имеют ключевые фигуры отца как носителя родовых характеристик и бабушки со стороны матери как главного информанта об истории рода. Именно в этот период у информантов сформировалась представление об этносе как этнокультурной группе – семье народов, обладающих комплексом обычаев и традиций. В заключении беседы (третий вопрос) выяснено, что сложная форма идентичности осознанно принимается современными людьми, однако для ее формирования должны быть проявлены информационные (новые технологии в базах данных) и образовательные (систематические, двух уровневые) практики.

Третья группа информантов (табл. 5.10) состояла из 8 человек (3 мужчины, 5 женщин), возрастом от 60 до 70 лет, проживающих в городе Красноярске (в среднем период проживания 47 лет). Средний уровень ежемесячного дохода: от 30 до 35 тыс. рублей. Уровень образования информантов: высшее образование (4 человека), неоконченное высшее (2), среднее техническое (2). Фокус-группа состоялась 07 февраля 2020 года, общее время обсуждения: 1 час 40 минут.

Анализ стенограммы фокус-группы представлен в таблице 5.10. Обнаруженные категоризации являются областями определения этнокультурной идентичности в сознании людей старшего поколения (1950-60-е гг. рождения). В заголовках таблицы обозначены выявленные категории и подкатегории с яркими примерами из стенограммы.

Наиболее значима и информативна категория «*семья народов*», в которой объединены семейные истории не менее трех поколений (дедушек и бабушек, родителей, собственная) и яркие воспоминания о детстве, относящиеся к послевоенному времени. В ходе анализа было обнаружено несколько закономерностей.

1. Этничность предков является фундаментальным основанием для возникновения уникальных этнокультурных форм идентичности у представителей 1950–60-х годов рождения. Характеристики общего сложного послевоенного времени, истории больших и крепких межэтнических семей, культурно-бытовых традиций, заложенных в детстве, легли в основу построения разных сочетаний родовой этнической принадлежности. Так, у одних информантов этнокультурная форма построена на основании принадлежности к моноэтническим семьям бабушек и дедушек (немцы, белорусы, казахи), у других – к межэтническим бракам родителей (русско-украинская, русско-грузинская, и т.д.).

Таблица 5.10 Категориальные понятия людей старшего поколения (1950–60-е гг. рождения)

СЕМЬЯ НАРОДОВ			Информационные практики	«ЧУЖИЕ» - как иной образ жизни: живут большими родами, имеют национальную принадлежность (Чеченские тейпы); - иной уклад (организация быта), соблюдение культурных и языковых традиции даже в инокультурной среде - северные этносы, стремящиеся к локализации (современные якуты)	РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ Как территориальное определение - в непростых климатических условиях сформировался Сибирский субэтнос (крепкие сибирские семьи до Революции, взаимопомощь в период ссылки времени, «научились выживать в Сибирских условиях»); - дружелюбное отношение к гостям и между собой (взаимопомощь, открытость, самопожертвование, «иное отношение по сравнению с русским этносом»)
Родовая принадлежность	ДЕТСТВО				
- кровная смесь - черты характера - внешние черты как этнический маркер	Послевоенное время (процесс трансформации семейных историй)		Семейно-культурные практики - прямое общение в кругу семьи (совместное проживание) - обустройство быта по культурным традициям (русские вязаные скатерти, белорусские вышиванки)	- составление генеалогического древа рода (со слов близких родственников, по фотографиям)	Как культурологическое понятие - «Русские-сибиряки» как уникальная этнокультурная форма, сформированная в Сибирской истории и условиях жизни (открытость, межэтничность как единое качество этноса, порожденного вне кровного родства)
СЕМЬЯ ПРЕДКОВ (БАБУШКИ, ДЕДУШКИ) - этнические семьи (русские, белорусы, немцы, грузины, казаки) - большой состав семьи (9, 8, 6) - зажиточные, крепкие семьи, домострой - деревенский образ жизни (Князевка, Коммунар, Усть-ангарск, Курейка)	- ссыльные семьи в Сибирь, раскулаченные				
СЕМЬЯ РОДИТЕЛЕЙ	- межэтнические браки (ровно в половине случаев) - знание одного двух языков (белорусский, немецкий)	- переезды из сел, деревень в более крупные села Красноярского края и крупные села - разделение родовых семей (Сибирь – Казахстан, Сибирь – Грузия и т.д.), потеря связи с родовыми семьями (дедушек и бабушек, сестер, братьев, матери и отца, и т.д.) - осознание трансформации времени (запрет на крещение детей в Советское время)		- восстановление архивных документов как процесс возрождения фамильно-родовой принадлежности	
«ОДНОЗНАЧНОСТЬ ИЛИ МНОГОЗНАЧНОСТЬ: ЧТО ПОЛЕЗНЕЕ?»					
Ключевые фигуры					
Фигура отца как главного носителя этнической идентичности семьи		Фигура бабушки (со стороны матери) как носитель семейных традиций (домостроя), культурных традиций и правил			
СВОЯ СЕМЬЯ - поколение «русских», но не по этническому (многонациональные, «смешанные», межэтнические) и территориальному признаку (коренные жители, русский «по окружению», нет компактного проживания у русского этноса) - воспоминания об этнических корнях (культурные традиции: песни, музыка)		ДЕТИ, ПЛЕМЯННИКИ - четкое представление об этническом составе родовых линий, этничности своих детей (двойные и тройные формы этнокультурной идентичности)		- самоотождествление с русским этносом по личным документам (свидетельство о рождении, паспорт Советского времени)	- однозначность – это причисление себя к одной нации, но с сохранением памяти о своих «корнях» - это четкое отнесения себя только к одному этносу (без этнического смешения по роду) - это сохранение знания не только о близких, но и о далеких поколениях (до 10-20 колена) - это национальная черта, не этническая
					- многозначность – импульс к познанию «иного» - возможность сформировать разные представления (многообразие) - многоэтничность как «смешанное качество» ради развития межкультурных и межэтнических отношений («жить в мире и дружбе»)

2. На выбор доминирующей родовой этничности повлияли семейно-культурные практики детства: а) через воспитание и общение в кругу большой семьи (на одном или двух этнических языках), обустройство быта предметами декоративно-прикладного искусства (белорусские вышиванки, русские вязанные скатерти), исполнение произведений песенной этнокультуры, приготовление блюд традиционной кухни – эти особенности закрепились в этнической памяти как культурные паттерны, включенные в сложные формы этнокультурной идентичности; б) посредством тесного соседского общения между этническими семьями (в деревнях, селах) и освоения разнообразного этнокультурного поведения в своем окружении; в) вследствие разрыва родовых связей в период послевоенного времени (переезд в город, смена образа жизни) и переживания кризиса этнической однозначности в советский период.

3. Знание об этническом составе родовых линий транслируется на представление об этничности своих детей и близких родственников: чем выше уровень знаний, тем сложнее представляется форма этнокультурной идентичности (фиксируются двойные и тройные формы).

4. Ключевые фигуры, как и в результатах обработки стенограммы общения с молодыми людьми, подтвердились: фигура отца проявляется как главного носителя этнической идентичности семьи, фигура бабушки со стороны матери признана транслятором этнокультурных традиций, легших в основу этнической самоидентификации.

Таким образом, в групповом представлении доминируют понятия «семья» (подкрепленная знанием родовых этнических линий в объеме четырех поколений и закрепленная в семейно-культурных практиках) и «народы» (самоидентификация в процессе межэтнических отношений в период детства). Особое значение у информантов имеет периода детства как время складывания сложных форм этнокультурной идентичности.

Интересен факт почти полного отсутствия категорий «свои–чужие» и ассоциативного представления категории «чужие». С одной стороны, информанты привели три ярких примера, два из которых отождествлены с

этническими группами (чеченцы, якуты), чьи представители в крайней малочисленности проживают в регионе (по данным Всероссийской переписи на 2010 год в крае проживало 3 360 600 человек, из них 685 чеченцев – 0,02% и 1 468 якутов – 0,04%). С другой – данные этногруппы были охарактеризованы как соблюдающие свои культурные и языковые традиции, избирающие локализованный образ жизни даже в инокультурной среде. Тем самым информанты ассоциативно подчеркнули неприемлемость монокультурных сообществ, однако культурные практики по сохранению этнокультурных особенностей актуальны для взрослого поколения жителей Красноярского края.

Фрагментарность знаний об истории и этничности рода фиксируется категорией «информационные практики». В настоящее время избирают три вида практик: а) составление генеалогического древа рода (рукописные схемы), б) восстановление архивных документов, в которых фамильная принадлежность удостоверяет двойную форму этнокультурной идентичности (яркий пример про профессора медицины – польского пана); в) уточнение этнического основания на основе личных документов (удостоверяющие сведения в паспорте советского образца).

В ходе проведения фокус-группового интервью информанты категориально определили понятия «региональная этнокультурная идентичность» в двух значениях. В одном зафиксирован территориальный признак проживания сибирского субэтнуса, сформировавшийся благодаря суровым климатическим условиям вследствие сложных этнокультурных, демографических и политических процессов. Отмечено, что территория Сибири была и является местом проживания разных этнических групп, объединенных дружелюбным отношением друг к другу, взаимопомощью и самопожертвованием. Как следствие, у представителей старожильческого населения сформировано осознание своей принадлежности к сибирскому русскому этносу, определенному в границах регионального проживания. В другом сформулирован культурологический признак «русских сибиряков»: благодаря функционированию региональных этнокультурных практик поддерживается этническое и культурное многообразие,

на основании которого сохраняется возможность формировать разные формы этнокультурной идентичности. Так, в ходе дискуссии было отмечено, что современные национально-культурные праздники способствуют расширению кругозора, знакомству с традициями и обычаями этнокультурных групп, проживающих в регионе.

Данный факт чрезвычайно интересен для дополнения диссертационных терминов. «Этническая идентичность» определяется как результат осознания своей принадлежности по одному, двум или трем родовым (кровным) основаниям. «Этнокультурная идентичность», включающая в себя сформированную этническую форму, осознается как процесс возрождения и поддержания данной формы с помощью региональных культурных практик. Отвечая на вопрос: «Однозначность или многозначность: что полезнее?», – информанты проявили интерес к «многозначности» как основанию для сохранения собственной этнокультурной идентичности, так и для развития единого этнокультурного представления о Сибири как семье народов. Региональная специфика четко проявлена в определении Сибири как места сложения уникальных культурных традиций и межэтнических отношений, повлиявших через культурные практики на формирование сложных форм этнокультурной идентичности. У взрослого поколения красноярцев сформирована единичная (у четверых), двойная (троих) и тройная (у одного) формы. Устойчивость их в сознании обеспечивается отождествлением своей этнокультурной принадлежности к семье народов, включающей как родовое определение, так и современное региональное представление о сибирско-русском этносе.

Уточнение ключевых понятий позволяет зафиксировать их процессуальную взаимосвязь. Формирование этнической идентичности происходит в период детства и закрепляется через осознание своей принадлежности к родовым и семейным этническим основаниям. В период социализации происходит ослабление этнической кровной связи, в силу вступают иные факторы (социальные, экономические, политические, демографические и пр.),

трансформирующие самопредставления в связи с пережитыми процессами и отношениями. Актуализируется этническое самосознание под влиянием механизма культурных практик, способствующих реконструированию (восстановлению, воссозданию, восстановлению) прежнего этнокультурного качества или формированию новых (сложных) форм этнокультурной идентичности.

Результаты контент-анализа (в программе «Simple Word Sorter») подтвердили выводы культурологического исследования¹²⁷⁶, позволили выделить несколько групп слов, которые наиболее полно отражают отношение представителей старшего поколения (1950-х годов рождения), жителей Красноярского края, к феномену этнокультурной идентичности. В существительных актуализированы родовые, семейные, временные и региональные основания, соединенные в современном представлении старожильческого населения о семье народов Сибири. Примеры частотных слов: бабушка, мама, линии, отец, человек, дед, время, поколение, дети, фамилия, корни, язык, сибиряки, друг, папа, наши, род, войны, Сибирь, однозначность, мнение, родители, группа, нация, деревня, родственники, этнос. Прилагательные фиксируют актуальную значимость характеристики «русский» (русские, русский, русская, русских, русской русским, этнической, разные, этническим, множественная). Глагольные формы выявляют высокую степень знания и рефлексии над вопросами группового обсуждения («знаю», «помним»). Последующие глаголы относятся к произведенным когда-то действиям (рассказывала, приехали, сослали).

В целом при обработке данных получены насыщенные ответы на поставленные в культурологическом исследовании вопросы. В процессе обсуждения первого вопроса информанты обозначили тему «семья народов», понятийно вбирающей родовые-семейные и исторически-временные определения. Осознание времени (довоенное, военное, послевоенное, перестроечное, постперестроечное), родовой истории семьи (домострой больших

¹²⁷⁶ См. приложение Б. Таблица Б 3. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с представителями старшего поколения 1960-х гг., жителей Красноярского края.

этнически разнородных семей, культурные практики детства, память о традициях и обычаях), проявили неоднозначность при выявлении формы этнокультурной идентичности. Перейдя ко второму вопросу, обозначили тему детства как периода формирования одной, двух или трех этнических оснований для самоидентификации (национально-семейные традиции, знание разных культур в межэтническом окружении, культивирование традиционной кухни и песенной культуры). В конце (третий вопрос) сформировалось общее групповое представление пространства для актуального поддержания своей этнокультурной идентичности: национально-культурные практики этнических групп, благодаря которым сохраняются, развиваются и крепнут традиции семьи народов Красноярского края. В ходе дискуссии замечено, что вопрос выбора этнокультурной принадлежности и сложности ее формы зависит от объема знания, позитивного переживания особого статуса своей этнической группы (чувство гордости), включенности в процессы межэтнических и национальных отношений.

Четвертая группа информантов (табл. 5.11) состояла из 6 человек (2 мужчины, 4 женщины), возрастом от 70 до 80 лет, проживающих в городе Красноярске (в среднем период проживания 53 года). Средний уровень ежемесячного дохода: от 30 000 до 35 000 рублей. Образование информантов: высшее (4 человека), неоконченное высшее (1), среднее специальное (1). Фокус-группа состоялась 12 февраля 2020 года, общее время обсуждения 2 часа 19 минут.

Таблица 5.11 Категориальные понятия людей старшего поколения (1940-50-е гг. рождения)

РОДОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ			ВРЕМЕННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: характеристики межэтнической среды и региональные процессы	
	Многоязычная семья: кровные родовые линии	Религиозная семья: клановое единство		
Формирование форм этнической идентичности по родовым линиям: формирование единичной и двойной формы	<p><i>Этническая идентификация по роду. Определение форм этничности.</i></p> <p>Примеры:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Прадед: белорус, бабушка: белоруска («Собираемся вместе с сестренками, все говорят «ты что, белорус?» поэтому я отношу себя к белорусам. Оттуда я родом»). - прадед – поляк православный (записано в трех церковных книгах), прабабушка – русская, я – «русско-белорусская» - дед: крепкий Сибирский русский дед; - отец – чуваш, мать – русская (слияние двух ветвей по крови; определение этничности по отцу; «похожа больше на отцовых родственников», «и к тем, и к тем отношу», «двух национальностей дитё: и ту и другую национальность считаю в себе»). <p>Случай этнической идентификации по редким и уже не существующим этническим группам: дед: Сибиряк-«чалдон, казак», я – «карий». Родовые этничности исключаются (бабушка – белоруска, мать – русская):</p>	<p><i>Религиозная идентичность как сохранение единства клана.</i></p> <p>Пример:</p> <p>старообрядческий (Хвальнский) уезд, большой род (две родовые линии: 7 и 8 детей); единство родовых линий; единоверие («до конца были верны своей вере»).</p> <p>Сложная форма этнической идентификация: по фамилии рода (еврейская кличка рода), внешнему сходству (еврейский профиль), по месту проживания (русская «мордовка»).</p>	1900-е гг. Столыпинская аграрная реформа	<ul style="list-style-type: none"> - переезд в Сибирь на «вольные хлеба», «за землей» (из Гродненской области Белоруссии, Курской области, Волги), занятия земледелием, зажиточная жизнь - большие родовые семьи (8 детей, 8 дочерей и 1 сын, 7 сыновей; 5 братьев; троюродные сестры и братья).
			1920-1930-е гг. Время раскулачивания	<ul style="list-style-type: none"> - вынужденное переселение с Прибалтики, Польши, Саратовской области («за одну ночь погрузили детей и стариков, все разошлись в разные стороны»)
ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ	<ul style="list-style-type: none"> - мемориальные стелы Великой Отечественной Войны (почитание фамильных списков и отождествление с этничностью фамилий рода, родовые списки) - идентификация по семейным фотографиям («здоровый такой, типично русский, одна фотография осталась») - составление генеалогического дерева (до 18-го колена, до 5-го): многолетний анализ архивных данных, сбор подтверждающих документов из разных областей - посещение родовых мест проживания (родовое село, старое кладбище) - фиксация родовых историй через общение с родственниками по телефону - сохранение предметов религиозно-этнической культуры (иконы, молитвенные книги, самовар, посуда) 			
ДЕТСТВО: «МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ»				
Формирование двух и трехсложных форм этнокультурной идентичности	<p>ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ</p> <p>Период формирования сложных форм этнокультурной идентичности (второе основание этничности: семейные практики в среде проживания):</p> <ul style="list-style-type: none"> - многоязычная семья: <i>бытовая речь на двух языках</i> (русский и чувашский, русский и белорусский) - <i>межэтнические браки как союз культурных традиций</i> (русско-чувашские, русско-китайские) - <i>объединяющие национальные праздники</i> («Сабантуй») с участием татар, чувашей, русских, разнообразие национальных костюмов и блюд традиционной кухни (чувашские пироги с начинками) - <i>разнообразие культурных практик</i> (соблюдение религиозных обычаев православных и мусульман, календарно-обрядовых праздников) - <i>родительская культурная практика воспитания</i>: «терпимость национальностей» («заслуга родителей»), уважительное отношение («выросла в многоязычной атмосфере, поэтому и в моей семье много национальностей»), соблюдение обычаев (передача знания) - процесс «обрусения»: в смешанных браках выбор в сторону доминирующей этничности в среде окружения («все русские», «в России живешь»), доминирующая русская кухня 	<p>РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ</p> <ul style="list-style-type: none"> - <i>почитание веры</i>: знание множества молитв, общее моление, крещение перед принятием пищи в кругу семьи, обучение нормам и правилам - <i>строгое воспитание со стороны единоверцев</i> (бабушки и дедушки), строгие устои 	1940-1950-е гг. «Дружба народов: диалог культур»	<ul style="list-style-type: none"> - <i>этнические деревни</i> чувашей, украинцев, белорусов, татар в Ачинском районе; латышские деревни в Ермаковском районе («всё было между людей») - <i>межэтнические деревни</i> (калмыки, татары, украинцы, белорусы в Уярском районе) - <i>межэтнические школы</i> Казахской ССР (казахи, украинцы, чеченцы, ингуши «сосланные»: «всегда дружили, вместе читали книги, не было вражды», интерес к изучению национальных языков); - <i>поселковые межэтнические интернаты Красноярского края</i> (чуваша, татары, прибалты: «даже были сосланные с Москвы, чистка была, ссылали в Сибирь вместе с детьми, даже после Сталина, во времена Хрущёва, дети разных национальностей... у нас была одна национальная среда)

Ключевые фигуры	Отец: - главный носитель этничности («раньше национальность считалась по отцу») - идентификатор позитивного восприятия этнической группы («отец привил гордость к нации»)			Продолжение табл.
	Бабушка со стороны матери: - мать, бабушка и отец как разные основания для тройной формы этнической идентичности («ношу фамилию отца, он белорус, но считаю себя и русской, потому-то бабушка по матери была русской, я не разделяю русских и белорусов, у меня на душе это одно и тоже. Бабушка за поляка вышла, а мать уже была наполовину. Сейчас восстанавливаю информацию, хочу сходить в польское общество») - как первая фигура рода («Бабушка у меня была белоруска, дальше ее родственников я не знаю»)	Бабушка со стороны матери («в детстве много рассказывала», «с подвигла на изучение рода»)		
МОЛОДОСТЬ: «СВОЁ ВРЕМЯ»				
Трансформация этнокультурных форм в связи с идеологическими практиками Советского союза	- потеря родовых связей, информационное истощение родовых историй (в связи с переездом в Красноярск, потерей близких родственников) - приоритет ценностей коммунизма, атеизм	- почитание культурно-религиозных обычаев (<i>отцовское благословение</i> иконой перед вступлением в брак)	1960-1970-е гг. «Комсомольский союз»	- Всесоюзные комсомольские стройки стали практикой усиления межэтнического единства (крепкие семейные союзы) - множество межэтнических браков (переплетение этнической крови) - родительское табу на межэтнические браки (для сохранения «чистоты этнической крови») - дружественные отношения между союзными республиками - межэтнические деревни (прибалты, поляки, чехи в поселке Росляки Иланского района)
ВЗРОСЛАЯ ЖИЗНЬ: «ЭТНИЧЕСКОЕ РОДСТВО»				
Процесс сохранения этнокультурного самосознания	- межэтнические браки (русско-бурятские, русско-немецкие) - почитание культурных традиций (русские, чувашские, бурятские) - родство «трех кровей» (наблюдение процесса и результата межэтнических браков в семейной среде, в поколениях детей и внуков) - употребление этнических самоназваний в разговорной речи	- домашние иконостасы - сохранение родовых икон	1980-е гг.	-
			1990-е гг.	Отмена записи о национальности в новом российском паспорте (ослабление этнического самосознания на национальном уровне)
			2010-е гг.	-
«СВОИ - ЧУЖИЕ»				
- межэтнические браки как улучшение качества рода, укрепление связей, крепкие семьи («мир во всём мире») - моноэтнические браки сохраняют традиции («оберегают нацию») - многонациональные родственные связи (внутрироссийское общество устойчиво в развитии по причине межэтнических браков близких по языку, культурным традициям) - усиление этнического самосознания для сохранения этнического русского общества (правовая защита, изменение стереотипов о русском обществе)		- межэтнические браки как потеря этнической определенности, утрата знания одного из языков, разные культурные и религиозные традиции (как мировоззрение) - «чужие» проживают в странах Средней Азии, на Кавказе, Армении (страх кровной связи по причине разных культурных традиций)		
«НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ»: ИТОГИ				
- нет разделения на «свои» и «чужие»: уникален и индивидуален каждый случай - нет причин для религиозных войн - толерантное отношение (нет расизма) - изменилась национальная политика в отношении сохранения культурных, языковых и религиозных особенностей самобытных этногрупп: идет процесс возрождения национальностей				

Анализ стенограммы фокус-группы позволил зафиксировать ключевые понятия, которыми пользуются информанты при определении своей этничности, а также выявить контекст (интерпретативный смысл) для каждой категории. Обнаруженные категоризации относятся к областям определения этнокультурной идентичности в сознании людей старшего поколения (1940-50-е годы рождения).

Полученные в процессе обработки стенограммы результаты расположены в табл. 5.11 в логике синхронного просмотра процессов и практик, повлиявших на формирование сложных форм этнокультурной идентичности. Необходимо отметить, что жизнь информантов охватывает четыре поколения, каждое из которых, безусловно, связано с политическими, социальными, экономическими и демографическими процессами в стране и регионе. Поэтому детальный анализ позволил всесторонне выявить специфику идентификационных процессов и зафиксировать ключевые области формирования этнокультурной идентичности. В заголовках таблицы обозначены категории и подкатегории, в текстах приведены яркие примеры из стенограммы.

Наиболее важны «родовое определение» и «культурные практики детства».

Родовое определение этнической идентичности имеет сложную совокупность из личных воспоминаний о родовых линиях и этничности предков, а также о специфике исторического времени. Однако именно *представление об истоках рода является базовым в этническом определении*: для единичных форм характерна моноэтничность предков (прадед и прабабка – белорусы, сибирский русский дед), для двойных – уникальное сочетание этничности («двух национальностей дитё»). Также зафиксированы сложные формы, отсутствующие в результатах количественного исследования других фокус-групп: этническое соотнесение с редкими и уже не существующими в регионе этногруппами (дед – чалдон и казак, я – арий), и этническо-религиозная сложная форма (старобрядческая русская еврейка). *Актуализируют знание о базовой форме этничности информантов информационно-культурные практики*, с помощью которых сохраняется и восполняется знание: посещение мемориальных стел и родовых мест, хранение фотографий и антикварных предметов, составление

генеалогического древа, аудиозаписи телефонных разговоров с родственниками. Память информантов подкреплена общей исторической ситуацией начала XX века, когда вследствие проведения Столыпинской аграрной реформы родовым гнездом стала Сибирь, зажиточные крестьяне большими семьями занимались земледелием, имели собственные хозяйства. Уже в 1920–1930-е годы в процессе раскулачивания родовые семьи были вынуждены разъединить кровные линии и небольшими семьями селиться по деревням и селам.

Формирование сложных форм этнокультурной идентичности происходит в период детства под влиянием этнокультурных и религиозно-культурных практик. С одной стороны, в памяти информантов запечатлены особенности этого периода: множество этнических и межэтнических деревень, межнациональные школы и интернаты. В первые послевоенные годы Красноярский край принял значительное количество спецпереселенцев¹²⁷⁷. В межэтнической и межнациональной среде произошел диалог культур украинцев, белорусов, латышей, чувашей, калмыков, татар и др., проявилось разнообразие традиций и обычаев, дружественное отношение к друг другу в тяжелых условиях выживания. С другой – *в семьях возникли новые этнокультурные практики, под влиянием которых сформировались сложные (двойные и тройные) формы идентичности: изучение родных языков родителей, участие в семейных и общих национальных праздниках с соблюдением традиций, знакомство с разнообразием национальных костюмов и блюд традиционной кухни, – все это способствовало мощным идентификационным процессам, приведшим к избранию новых этнических оснований.* Особой практикой в семье считалось проявление уважительного отношения к представителям разных культур, обязательное соблюдение обычаев. Формирование сложных форм происходило еще и в процессе всеобщего «обрусения», объединившего межэтническое пространство людей идеей создания внутрироссийского общества. Отдельно стоит отметить религиозно-культурные

¹²⁷⁷ Зберовская Е.Л. Численность, состав и территориальное размещение спецпоселенцев в Красноярском крае (1945 г. – начало 1950-х гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2006. № 11. С. 374–379.

практики в семьях, ведущих локализованный образ жизни: благодаря строгому соблюдению догматов и канонов староверческой церкви в семейной культуре, *религиозная форма идентичности стала неотъемлемой частью этнической идентичности.*

В категории «детство» определились ключевые фигуры, сыгравшие особую роль в процессе формирования этнокультурной идентичности информантов. Двойное значение имеет фигура отца: по нему определяется доминирующая этничность в межнациональных браках и передается позитивное переживание этнической группы (чувство гордости развивает этническое самосознание). Фигура бабушки со стороны матери имеет значение проводника в мир этнических предков («в детстве много рассказывала о роде», «бабушка за поляка вышла, а мать уже была наполовину... сейчас восстанавливаю информацию, хочу сходить в польское общество»), либо осознается как первая фигура рода («бабушка у меня была белоруска, дальше ее родственников я не знаю»).

Две следующие категории, в совокупности раскрывающие процесс трансформации содержания этнокультурных форм идентичности, соотнесены с жизненными этапами молодости и взрослой жизни информантов.

В категории «молодость: своё время» охарактеризован период 1960–1970-е годов, когда на территории Красноярского края начинаются Всесоюзные ударные комсомольские стройки (Красноярская ГЭС с 1956, дорога «Абакан-Тайшет» с 1958, Красноярский алюминиевый завод с 1964, Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс с 1979)¹²⁷⁸. Юноши и девушки уезжают из родовых гнезд учиться, работать, развивать экономику края. Со слов информантов, развитие этнокультурного содержания происходило по двум молодежным установкам: родительского запрета на «кровосмешение» (табу на межэтнический брак) либо, наоборот, разрешения на межэтнический союз, который

¹²⁷⁸ Шлыкова С.А. Результаты экономической деятельности студенческих строительных отрядов Красноярского края (1967–1987)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–3. С. 213–217; Шлыкова С.А. Исторический опыт движения студенческих строительных отрядов Красноярского края 1953–1990 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 30 с. Лобынева Е.И. Государственная культурная политика в СССР в 60–80-е гг. XX в. (на примере Красноярского края): дис... канд. культур. Красноярск, 2016. 173 с.

воспринимался как крепкий, улучшающий этническое качество. Тем не менее, приоритет ценностей коммунизма и атеизма в то время стал преобладающей надстройкой в сознании людей. Этнокультурные практики отходят на «второй план», многообразие традиций, обычаев, языковых различий истощается. Сохранение этнокультурной самобытности происходит только в локализованных семьях (например, у староверов).

В категории «взрослая жизнь: этническое родство» отражена специфика возрождения этнокультурного самосознания посредством восстановления и расширения родственных связей, повышенного интереса к этничности своих потомков (детей, племянников, внуков). Зафиксированы некоторые культурные практики: почитание разных культурных традиций в семье, употребление этнических самоназваний в разговорной речи («чувашка», «мордовка», «еврейка»). У информантов со сложной формой этнокультурной идентичности прослеживается желание поддержать высокую степень сложности у своих детей (разрешение на межэтнические браки, рассказы о роде, приготовление блюд национальной кухни). У представителей со сложной этническо-религиозной формой, сохраняются культурные практики по передаче реликвий следующему поколению и информационные практики (исследование родовой истории и составление генеалогического древа).

Две последние категории («свои-чужие» и «наше поколение»), по сути, объединены общим смыслом, проявляющим два ключевых фактора влияния на развитие сложных форм этнокультурной идентичности: 1) поддержку института семьи (моноэтнических и межэтнических браков), производящего уникальные по содержанию этнокультурные поколения и способствующего сохранению синтеза родовых и семейных культурных традиций; 2) развитие национально-культурной политики в сторону усиления этнического самосознания и сохранения этнокультурного разнообразия внутри российского общества.

Результаты контент-анализа (в программе «Simple Word Sorter») позволили зафиксировать несколько групп слов, соотносимых с выявленными категориями и отражающих отношение представителей взрослого поколения 1940–50-х годов к

феномену этнокультурной идентичности¹²⁷⁹. Существительные фиксируют масштабность понятийно-предметного осознания: бабушка, дед, время, отец, родители, семья (сын, муж, дочь, внучка, сестры, брат), национальность (национальности), человек, старообрядцы, линии, мнение, мама, люди, жизнь, дом, Сибирь, кровь, дети, группа, язык, чуваша, фамилия, татары, киргизы, школа, отношение, связь, вера, род, немцы, Красноярск, иконы, район, брак, белорусы, татары, прабабушка, история, деревня, ветвь. Этнокультурная идентичность сопутствует человеку на протяжении всей жизни, строится на основании близкородственных семейных отношений. Определяется через связи и отношения с человеком, людьми, группами людей, определяя их национально-этнические и религиозные особенности (в данном случае, особенности этнокультурных форм представителей Красноярской Сибири). Прилагательных немного, но они характеризуют глубинное понимание информантами русского этноса, имеющего свою этническую специфику: русские, разные, этнической (этнических, этнические), в том числе исторически этническую («сосланные»). Глагольные формы фиксируют высокую степень рефлексии над этническими процессами и осознания их прошлого, настоящего и будущего: знаю, жили, приехали, переехали, работал, дружили, рассказывала, понять, понимаете, помню, остались.

В ходе обработки фокус-группы получено насыщенное описание и ответы на поставленные вопросы исследования.

При обсуждении первого вопроса информанты отнесли себя к русскому этносу как собирательному образу межэтнического внутрироссийского общества, равноправно включающего самобытную культуру каждого этноса в единую семью народов, в связи с чем определилась невозможность единичного самоопределения. Для актуализации этнокультурных оснований информантами были охвачены крайние временные точки рода, в границах которых прослеживались сложные формы идентичности.

¹²⁷⁹ См. приложение Б. Таблица Б 4. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с представителями старшего поколения 1950-х гг.

В дискуссии по второму вопросу проявлены глубинные связи с представлением об истоках своего рода, а также уточнены формы и основания этнокультурной идентичности. Зафиксировано несколько закономерностей: 1) родовое определение становится базовым для этнокультурной идентичности только при наличии любых документальных свидетельств (полнота знаний служит более крепкой основой); 2) период детства признан ключевым в формировании сложных форм этнокультурной идентичности под влиянием этнокультурных и религиозно-культурных практик; 3) чем ярче и длительнее этнокультурные практики, тем больше основания для возникновения сложных форм идентичности.

В ответах на третий вопрос информанты сформулировали групповое представление о необходимых мерах по развитию этнокультурных отношений в регионе: этническое самосознание может быть поддержано практикованием культурных традиций народов, проживающих на территории Красноярского края. С одной стороны, этот процесс исключит сохранившиеся до сих пор стереотипные суждения о русском этносе. С другой – позволит создать новые этнокультурные формы идентичности, видеть уникальные случаи их сочетания (в межэтнических семьях, прежде всего), а также сохранить бесконфликтное существование в окружающей среде, что особенно важно для поколения послевоенного времени.

Пятая группа информантов (табл. 5.12) состояла из 8 представителей бурятской этнокультурной группы, проживающих в г. Красноярске. Согласно Всероссийской переписи 2010 года в Республике Бурятия проживают 286,8 тысяч человек (29,5% от общего числа населения), в г. Красноярске и г. Норильске проживают 1 048 чел. (0,03% от числа населения Красноярского края). Несмотря на небольшое число представителей в Красноярском регионе, с 1997 года буряты имеют местную общественную национально-культурную автономию «Алтан Гэрэл» – «Золотистый свет» (в 2015 году преобразована из общества в НКА), входят в состав Палаты национальностей Гражданской ассамблеи, а также в религиозную буддистскую общину «Манжушри», развивают ветвь бурятского

молодежного сообщества. Ежегодно в Красноярске проводят бурятские праздники «Сагаалган» и «Сурхарбан» и принимают участие во всех общественно значимых мероприятиях региона.

Участники фокус-группы имеют средний показатель проживания 11 лет, средний уровень ежемесячного дохода – от 25 000 до 30 000 рублей. Уровень образования информантов: высшее – 6 человек, окончивших Бурятскую государственную сельскохозяйственную академию им. В.Р. Филиппова, среднее техническое – 1 (сельскохозяйственный техникум), магистрант – 1 (СФУ). По половому составу: 3 женщины и 5 мужчин. Знают русский и бурятский языки. По географическому охвату: г. Улан-Удэ – 5 человек, и по одному из Кижингинского, Дульдургинского, Баунтанского районов. Фокус-группа состоялась 10 марта 2020 года, общее время обсуждения: 2 часа 04 минуты.

Анализ стенограммы фокус-группы позволил зафиксировать ключевые понятия и связанные с ними контексты. В ходе обсуждения сформировались три категориальных блока о родовой, этнической и этнокультурной принадлежности, в совокупности проявляющие подвижную природу самоидентификации.

Первый категориальный блок относится к родовому определению бурятского этноса. Понятие «рода» у бурят закреплено в сознании через знаково-символические формы: ведения семейного древа до 7 колена, участия всех членов семьи в традиционных календарных и обрядовых практиках, широкого проведения национальных праздников с костюмированными представлениями и угощениями блюдами традиционной кухни. Информанты отмечают, что знание о роде и постоянное участие в священных традициях формирует базовое представление об этносе как уникальном самобытном явлении. Этногенез и культурогенез бурятского этноса не прекращается, представители заботятся о соблюдении обычаев и традиций, закрепляя их в комплексе социально-культурных практик.

Таблица 5.12 Категориальные понятия представителей бурятской этнокультурной группы

РОДОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ – базовая форма этничности			БУРЯТСКИЙ ЭТНОС – собирательный и развивающийся образ	РОССИЙСКИЕ БУРЯТЫ - как путь самоопределения и сложная двойная форма идентификации	
Явление	Знак	Значение			
- 7 поколений как «генетический код» для сохранения целостности рода и поддержание связи с предками	- семейное древо – обязанность семьи сохранять знание, дополнять сведениями о новых членах рода, передать следующим поколениям <i>«чтобы дальние предки смотрели на нас, поддерживали»</i>	- запрет на инцест для сохранения «чистоты» крови, сохранение бурятской этничности в целом - фиксация древа как основополагающего документа, подтверждающего базовую этничность (зачастую древо имеет цифровой вид с фотографиями предков)	Вера в единое происхождение - соотнесение с обще <i>монгольской</i> этнической группой как исток рождения чистокровных бурятов	- «смешанные» внутри государства, но единые как представители «Russians» (Россиян) для иных стран - буряты по самоопределению и соотечественники с другими народами	- Россия многонациональная, большая, включает разные народности, и одновременно позиционирует себя во внешний мир как единая неделимая на части и народности страна
- священные традиции и культурный код	- праздники, посвященные значимым периодам жизни - соучастие всех представителей в любом месте проживания - национальные костюмы	- праздники «становления ребенка» в день 1 года со дня рождения, в день женитьбы, в день смерти - календарные «Сагаалган», «Сурхарбан», «Пасха» - знание символики цвета, рисунка - бытовые и праздничные комплекты для всех членов семьи - обязательное костюмированное участие на праздниках и при встрече дорогого гостя	Сложная религиозная форма идентичности - «шаджин» <i>буддизм</i> (аналог древнему язычеству у славянских народов) - <i>шаманизм</i> - « <i>тенгрианство</i> » («вечное небо», неоязычество)	- российский бурят – носитель и представитель этнической культуры, миссионер (приобщает к своей культуре)	- буряты – коммуникаторы: <i>«мы несём в мир бурятскую культуру» «мы носители бурятской культуры»</i> , - гибкое качество соотнесения как бурятам, так и монголам и русским: <i>«кому как удобнее», «чтобы жилось хорошо»</i>
- свадьба может быть только между представителями бурятского этноса - священные предметы как подарок в день рождения новой бурятской семьи	- национальный костюм и нож с костяной резьбой дарятся молодоженам как знак освящения новой семьи - серебро как символ чистоты и защиты, янтарь и бирюза – богатство; ношение драгоценностей и их количество - повышение социального статуса	- национальный костюм и нож с костяной резьбой дарятся молодоженам как знак освящения новой семьи - серебро как символ чистоты и защиты, янтарь и бирюза – богатство; ношение драгоценностей и их количество - повышение социального статуса	Бурятский билингвизм как сложная языковая форма - грамматический и бытовой <i>бурятский язык</i> , сходный по языковому признаку с монголоязычной группой - литературный и бытовой <i>русский язык</i> как средство коммуникации с русскоязычными в Бурятии и г.Красноярске; «лёгкий» в объяснении сложных слов - <i>английский язык</i> как средство к современной международной коммуникации	- равное отношение к однозначной и множественной форме этничности в процессе самоидентификации с целью приобщения к своей культуре	- знать свою культуру и познавать культуру других народов («и то и другое принимаем») - этническое самоопределение имеет образную форму (образ «кто ты, твои предки и род»), имеющую развитие только в межэтнической среде («шире познание, развитие и обогащение») - манифестация этнической культуры как процесс передачи знания и навыков в окружение («наша сила в передаче знания»)

СЕМЬЯ И ДЕТСТВО		Современные практики поддержания сложных форм идентичности		КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ – «открытие», территория межкультурной коммуникации	
Формирование базовой этничности	<ul style="list-style-type: none"> - погружение ребенка с младенчества в бурятскую культуру: родители оказывают прямое влияние на формирование этнического самосознания (отец и мать) - общение в кругу семьи (в любом месте проживания) только на бурятском языке - в первый год жизни ребенка дарится национальный костюм как явление обще родового праздника - семейные библиотеки бурятской и монгольской литературы 	<ul style="list-style-type: none"> - языковая практика «уроки бурятского языка для детей» 	<ul style="list-style-type: none"> - бурятский считается на грани исчезновения, существует в виде грамоты и сохраняется только в бытовой речи 	<ul style="list-style-type: none"> - укрепление этнического самосознания под влиянием межэтнической среды и при поддержке национально-культурной деятельности со стороны региональной власти 	<ul style="list-style-type: none"> - организация и участие в спортивных и праздничных мероприятиях (спортивные состязания, забавы, игра на муз.инструментах, вождение хороводов, исполнение песен). Ключевые мероприятия: «Сагаалган», «Сурхарбан», Интреземлячество, Мисс Азия Сибирь. - фото и видео фиксация, а также трансляция через соц.сети результатов творческой деятельности («ВКонтакте», Facebook) - популяризация традиционной кухни на праздниках (о. Татышева) и в городской среде (кафе бурятской и монгольской кухни «Амар Сайн, кулинария «Деликатесы Бурятии»)
Бурятская культура в детском саду и школе	<ul style="list-style-type: none"> - изучение бурятского как литературного (обязательный предмет) и детских фольклорных произведений (считалки, скороговорки, благопожелания) - участие в разнообразных формах культурно-досуговой деятельности и спортивных состязаниях 	<ul style="list-style-type: none"> - вовлечение детей в национальные традиционные праздники 	<ul style="list-style-type: none"> - «мы стараемся создавать такие условия создавать, чтобы им было интересно... те же праздники, которые у нас проходят на Родине, мы проводим в Красноярске» 		
Ключевая фигура отца	<ul style="list-style-type: none"> - место рождения отца является священным и обязательным для посещения - этничность отца является определяющей в этничности ребенка - обязательным считается посещение места рождения отца - отец несет ответственность за воспитание мальчика: «в семье отец в основном всегда возил меня с собой везде, на все праздники... в классе в шестом папа сказал: всё, тебе пора бороться. Когда сказали, что бороться надо, я начал бороться и в школе боролся. И в студенчестве тоже, и дошел до звания мастера спорта России по вольной борьбе». 	<ul style="list-style-type: none"> - почитание бурятской религиозной и фольклорной литературы - бытовая речь в кругу семьи 	<ul style="list-style-type: none"> - чтение героического эпоса «Гэсэр», на бурятском и русском языке «Сокровенное сказание монголов» - «иногда всё-таки бурятскую речь включаешь, чтобы совсем не забыть» 	<ul style="list-style-type: none"> - развитие этнической самоидентичности 	<ul style="list-style-type: none"> - расширение присутствия в этнокультурной карте региона: «чтобы окружающие знали кто мы такие» - максимальное погружение в свою культуру для укрепления этнического самосознания, пестование чувства гордости быть бурятом - обязательное знание истории рода, особенностей песенной и танцевальной культуры - все буряты, проживающие в Красноярске, являются членами НКА «здесь меня сразу призвали стать участником нашего автономии»
Ключевая фигура матери	<ul style="list-style-type: none"> - знакомит своих детей с бурятской культурой, наряжает в костюмы - шьет каждому члену семьи национальный костюм для участия в праздниках 	<ul style="list-style-type: none"> - связь с исторической Родиной как практика приобщения к базовой культуре 	<ul style="list-style-type: none"> - обязательное посещение своего места рождения; постоянная телефонная связь с родственниками 	<ul style="list-style-type: none"> - роль этноса в межэтнической среде проживания 	<ul style="list-style-type: none"> - самоосознание своего национального меньшинства - помощь в адаптации впервые приезжающим бурятам-студентам через деятельность молодежной ветви НКА
Ключевая фигура бабушки по отцу	<ul style="list-style-type: none"> - бабушка – кладезь знаний: «когда живешь с бабушкой, многое перенимаешь... она была чабанкой, жила в юрте», - чтение и знание молитв в старомонгольских книгах «в детстве я жил с бабушками со стороны отца, жили мы вместе в одной комнате, в семье 5 человек, бабушка каждое утро вставала и читала на старо монгольском» 	<ul style="list-style-type: none"> - сохранение материальной культуры, особая забота над музеефикацией вещей 	<ul style="list-style-type: none"> - сохранение родовых вещей: головные уборы, украшенные серебром, бирюзой и янтарем 		

Фундамент бурятской этничности формируется в детстве, когда вся семья берет ответственность за воспитание ребенка, погружение его в разнообразные формы бурятской культуры: «С рождения ребенок понимает, что он бурят». Ключевые фигуры влияния на этничность – отец, мать и бабушка со стороны отца. Фигура отца имеет большую значимость: его этничность – определяющая в родовом самоопределении, место рождения – священо, мнение и слово – основное и не подлежит сомнению. Фигура матери связана с практиками приобщения к культурной самобытности (шьет костюмы, наряжает всю семью на праздники, заботится о домашней библиотеке с монгольской и бурятской литературой). Значение фигуры «мать отца» проявлено в информационных практиках, связанных с рассказами о роде, чтением старомонгольских молитв, передаче знания о традиционном образе жизни и видах деятельности («чабаны», «юрта»).

Второй категориальный блок проявляет сложную этнокультурную форму, основанную на вере в единое происхождение чистокровных бурят от древних монголов. Надродовая сущность бурят есть основа семейно-кровного и культурного фундамента для построения трехсоставных религиозных и языковых форм идентичности. Данный факт фиксирует невероятную гибкость психоментального комплекса бурятского этноса, трансформирующегося под влиянием исторических и современных изменений. С одной стороны, буряты стремятся сохранить этническую однозначность, производя комплекс современных культурных практик для представителей своего этноса (практикование бурятского языка, чтение книг, сохранение и воспроизводство этнической атрибутики, постоянная связь с исторической родиной). С другой – поддерживают сложные формы идентичности как возможности коммуникации с иными группами и их культурами.

Третий категориальный блок связан с процессами поддержания общероссийской и региональной идентичности. Концепт «русские буряты» содержательно раскрылся, когда информанты высказали общее мнение, что их этнос есть этнокультурный элемент Российского общества, но не соотносится с

русским этносом. Манифестация этнического самосознания связана как с желанием широкого распространения бурятской культуры, так и с необходимостью приобщения других к своей культуре для развития, обогащения, возможности быть гибким в современном мире: «Человек силён, когда однозначен. Когда ты знаешь, кто ты, то у тебя есть самоопределение и ты не мечешься. У тебя есть картина, образ того, кто ты, кем были твои предки, оттого понимаешь, что род твой дает тебе силу и знания. Но в то же время, почему бы не быть гибким и не находить язык с каждым, быть открытым каждой нации и культуре, которая вокруг тебя, и принимать любого в свою культуру. И познание шире, и ты открыт миру больше. В своей скорлупе жить неинтересно».

Красноярский край осознается бурятской группой как пространство активного развития этнокультурного самосознания и площадка межэтнической коммуникации. При поддержке региональной власти буряты имеют национально-культурную автономию и принимают участие в мероприятиях, связанных с интеграцией, синтезом, совместной деятельностью. Более того, они осознают свою ответственность за адаптацию и интеграцию соотечественников в местной среде, а поддержание этнического признака видят единственным условием для укрепления и развития самосознания: «Только когда я переехала сюда и когда мне стало не хватать бурятской культуры, тогда я начала ценить, углубляться, людям рассказывать. Тогда действительно был переходный момент к самоопределению, когда вдруг понимаешь, что ты бурятка и у тебя есть своя культура. Стоит знать свой язык, потому что это сейчас редкость. Я знаю песни, танцы. Я горжусь своей культурой и позиционирую ее».

Результаты контент-анализа («Simple Word Sorter») позволили соотнести категориальные понятия фокус-группы и частотные слова¹²⁸⁰.

В существительных наиболее частое слово «человек» как основа для выражения самосознания и центр совмещения значимых смыслов, состоящих из следующих групп слов: 1) представитель этноса (бурят, русский, этничность,

¹²⁸⁰ См. приложение Б. Таблица Б 5. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с представителями бурятской этнокультурной группы.

группа, однозначность, праздники, традиции, танцы, шапка, фотографии, внешность), религии (буддизм, шаманизм), территории (Россия, Красноярск, район, среда); 2) родственник большой группы семьи (бабушка, мать, папа, дедушка, дети, родственники); 3) помнящий значимые жизненные периоды (друг, детство); 4) образованный (образование, культура, история, язык, школа, книги, речь, слова); 5) осознающий актуальность этнокультурного развития (национальности, смешение). Прилагательных немного, и они связаны с социальной дифференциацией: другой, разные; глаголы выстраивают цепочку жизненных периодов: родился, вырос, приехали, сохраняете.

В процессе обсуждения первого вопроса информанты сформулировали ряд важных идентификационных определений этнической идентичности: бурятский этнос определяется по чистокровности рода, произошедшего от общемонгольской группы, запрет на инцест является священной традицией; значимым этническим признаком для развития самосознания служит религиозная принадлежность и почитание разных форм религиозных практик; существует конкретный набор культурных практик, закрепляющих и развивающих этнокультурное самосознание; буряты имеют сложную историческую территориальную соотнесенность, с связи с чем дружелюбны со многими народами. В выступлениях по второму вопросу доминировали две темы: 1) детство, когда формируется базовое представление этнической идентичности, и важность поддержания связи с исторической родиной; 2) значение бурятской культуры на региональном, российском и мировом уровне. В беседе по третьему вопросу зафиксированы характерные черты бурятского этноса как этнокультурной группы, развивающейся в межэтническом пространстве Красноярского края. Информанты особо отметили, что отличительными особенностями красноярцев являются: открытость, готовность к коммуникации, желание содействовать общему развитию.

Таким образом, наиважнейшими компонентами, связанными с культурным фундаментом бурятской этнокультурной группы, являются надродовая и родовая, гражданская и этническая, религиозная и языковая принадлежность. Сложные

формы идентичности выступают определенными способами организации психоментальной деятельности и основаниями в коллективно-психологическом и коллективно-социальном пространстве. Самосознание как ключевой этнический признак подвижно и гибко, что позволяет представителям этнокультурной группы причислять себя к ней одновременно по нескольким идентификационным основаниям и благодаря этому возвращать сложные формы идентичности.

Представители бурятской группы наиболее ярко проявили динамику развития этноса: превращение из аграрного в урбанизированное, создание доказательных аргументов о коренном статусе своей малочисленной группы, выращивание сложных форм этнокультурной идентичности посредством четкого комплекса культурных практик.

Шестая группа информантов (табл. 5.13) состояла из 8 представителей армянской этнокультурной группы, проживающих в г. Красноярске. Согласно Всероссийской переписи 2010 года в Красноярском крае проживают 10,7 тыс. армян (0,38%), среди национальностей региона занимают 7 место. С 1988 года имеют общество Армянской культуры «Ехпайрутюн¹²⁸¹» («Братство»), которое входит в состав Общественной палаты национальностей Гражданской ассамблеи края, и с 2016 г. развивают молодежное направление «Союз армянской молодежи».

¹²⁸¹ С 1996 г. общество преобразовано в Красноярскую краевую армянскую национально-культурную автономию.

Таблица 5.13 Категориальные понятия представителей армянской этнокультурной группы

Этнокультурная идентичность <i>«все имеет высокий смысл»</i>		Культурные практики по формированию сложных форм идентичности			Целевые задачи для этнокультурного развития
Священная история армянского народа как генетический код	Древний, но территориально разобщенный (Ереванские армяне, Грузинские армяне, Украинские и т.д.), переживший ряд исторических трагедий (геноцид в Турции, землетрясение в Спитаке, события в Нагорном Карабахе), сохраняющий веру в Армению как единую землю предков и место силы. Сохранение национальной памяти без предубеждения: <i>«нужно сохранять лицо, не реагировать на провокации, не погружаться в это».</i>	Региональная идентичность	«Сибирский армянин» - создание позитивного имиджа Деятельность НКА: вовлечение молодежи (праздники, мероприятия, СМИ, социальные сети), движение «Армяне Красноярск» <i>«Мы формируем этот важный образ»</i> «#АрмянеКрасноярска» Соревновательный дух межрегиональных движений армян как стимул к саморазвитию <i>«Соревнование во всём, где ты не прожил... у нас есть акции кто лучше»</i>	Национальная политика РФ, деятельность руководителя диаспоры, уровень самоорганизации «Однажды «Содружество на Енисее», посвященное полностью армянской культуре, проводилось в праздник Дня России. С точки зрения национальной политики - это круто».	Задачи региональной этнокультурной группы Этническая манифестация как стимул к саморазвитию и самопознанию, к возникновению новых армянских браков с устойчивой региональной идентичностью, организация формального и неформального общения в региональном информационном пространстве.
Христианство и священный текст Библии	Почитание священного текста Библии. Знание и цитирование Библии для понимания значения священных мест, имён. Проживание этнических групп только на территориях, где живут христиане. Христианские земли как залог безопасного образа жизни. <i>«Преданность вере дает силу и долголетие».</i>	Гражданская (общероссийская)	«Мы – граждане России» Взаимопомощь и взаимоподдержка через родственные связи, региональным НКА, Союзом Армян России. <i>«В России мне нравится, что есть свобода. В этом плане ты можешь говорить, что я армянин. Ты можешь этого не стесняться, ты можешь развивать свою культуру»</i>	Сохранение национальной самобытности Российской Армянской диаспоры Представительство Российских армян на Всемирном Армянском конгрессе.	Задача этнокультурной группы Через осознание феномена «армянства» нужно осуществить развитие древнего народа.
Армянский язык и его древняя грамматика	Диалектный говор (по территориальному признаку). Обще армянский язык сохраняется на исторической родине. <i>«Каждая буква говорит о Боге».</i>	Родовая идентичность	«Гордиться своим родом – это очень здорово» Составление генеалогического древа, семейные фотоальбомы <i>«Каждый армянин знает откуда он».</i> Знание рода до 7 колена, отслеживание территориальной принадлежности родовых веток. <i>«Всегда при встрече, если армянин тебя не знает, он спросит: Ты откуда, с какого района?»</i>	Посещение родовых мест на исторической Родине. Сохранение общей родовой общности, культурная и физическая память о предках. <i>«Все наши, всех помним».</i>	Задача человека Этногенез чистокровных армян. Сохранение родственной связи. Забота об этногенезе через культурные практики. <i>«Сохранение народа у нас на подсознательном уровне сидит», «самое главное в жизни – любовь к народу, любимым людям, детям».</i>
Священные обычаи и традиции	Запрет на инцест, брачные союзы между односельчанами. Укрепление кровных союзов. <i>«У каждого третьего армянина есть родственная связь».</i> Религиозные праздники (две Пасхи), национальные (День Армянской культуры, День памяти жертв геноцида армян и др.)	Причины развития сложных формы идентичности	Развитие зависит от степени открытости миру. Сложная форма идентичности помогает расширить границы познания и самосознания. Чем выше уровень образования, тем выше уровень развития. Нужно научиться принимать культуры разных народов и преодолевать трудности.		
Армянская семья			Школа		
Родительские молитвы, домашний иконостас, семейные библиотеки (историческая тематика). Образовательные практики родителей формируют базовое представление о семье, вере, языке, истории рода, необходимости в общении. <i>«Впитываешь с молоком матери»</i>		Результатом должно стать отсутствие у ребенка предубеждений к другим народам. <i>«Чем выше уровень образования родителей, тем успешнее проходит испытания их ребенок»</i>		Изучение 3-4 языков как получение коммуникативных возможностей <i>«Нужно учить языки, чтобы тебя поняли»</i>	
Ключевая фигура отца	- знаток физической истории рода (составляет семейное древо, знает места захоронения предков) - этничность ребёнка определяется по этничности отца даже в смешанных браках - место рождения отца священо, это место происхождения семейной ветви рода		«Чужие»		
Ключевая фигура матери	- формирует семейные ценности, погружает в знание культуры - закладывает основу для постоянного самопознания и получения знания об окружающем мире <i>«Семья, любимый человек, дети, родные, родственники - то, что ты должен сохранять. Главное, это внимание к семье. Меня мама так воспитала. Она запрограммировала даже меня».</i>		«Мусульмане» (азеры, турки, арабы). Имеют агрессивные взгляды, хотят уничтожить и сменить веру.		

Участники фокус-группы имеют средний показатель проживания 18 лет, средний уровень ежемесячного дохода от 25 до 30 тыс. рублей. Образование у всех информантов высшее. По половому составу: 1 женщина и 7 мужчин. Отмечен высокий уровень знания русского и армянского (диалектные варианты), среднее знание грузинского (2 чел.) и английского (4). По географическому охвату: г. Ахалкалаки Южной части Грузии – 2, г. Горис Восточной части Армении – 2, г. Эрзурум (бывшая Западная часть Армении) – 4. Фокус-группа состоялась 12 марта 2020 года, общее время обсуждения 2 часа 13 минут.

Анализ стенограммы фокус-группы позволил не только сформировать целостное представление о феномене этнокультурной идентичности, но и выявить комплекс культурных практик формирования ее сложных форм.

Феномен этнокультурной идентичности армян состоит в целенаправленной деятельности по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощению в комплексе социально-культурных практик. Значимыми идеалами и сопутствующими им практиками являются следующие.

1. «Священная история» древнейшего армянского рода, чьи потомки в настоящее время территориально разобщены, но всегда имеют возможность вернуться домой на единую землю предков. С 2009 года Армянской диаспорой создана молодежная программа «Приезжай домой» с целью массового привлечения и приобщения к базовым ценностям. Молодые люди 13–20 лет впервые приезжают в Армению для знакомства с родиной (посещают древние церкви, исторические комплексы, музеи). Цель программы – почувствовать себя сопричастным, познать «армянство», ощутить силу общности.

2. Объединяющая сила христианской веры, что проявляется в осознанном выборе для проживания «безопасных» территорий с доминирующим большинством христиан. Священный текст Библии цитируется армянами в повседневной речи, звучит в «месте единения»

(Церковь «Святого Саркиса»), изучается в детской Воскресной школе, освещает исторические события (на территории церкви организуются «Дни памяти»).

3. Влиятельная сила армянского языка, закрепленного в диалектных территориальных инвариантах («армянский говор»), в практике именовании (людей, знаковых мест и событий), в литературных и музыкальных произведениях, домашних молитвах. Армянский имеет просветительский характер и сохраняется как языковая культура. Языковое самосознание проявляется при посещении Армении (у впервые посетивших и у детей).

4. Священные традиции и обычаи, состоящие в соблюдении «чистокровности» и сохранении родственной связи между армянами: знакомство, сватовство, свадьба – это общеармянский праздник, объединяющий родовые семьи. Через социальные сети Армянского сообщества и участие в праздниках молодые люди имеют возможность найти свою вторую половину.

Содержание базовых идеалов транслируется во вне как ценностно-мировоззренческие принципы с целью выразить свою принадлежность к Армянской этнической группе. Информанты особо отмечали, что почитание и культивирование их идеалов есть отказ от предубеждений, возможность «открыться» и познакомиться со своей культурой.

Современные армянские семьи ведут урбанизированный образ жизни, однако понятие «семья» и семейные практики сохраняются и передаются в неизменном виде. Родительские практики имеют образовательный характер: с одной стороны, приобщают к базовым культурным ценностям, с другой – уберегают от предубеждений к другим народам. Стремление подготовить ребенка к будущей жизни проявляет генетическую программу армян: продолжить развитие этногенеза и культурогенеза. Память и осознание отношения к армянам со стороны мусульман до сих пор актуальны для активного саморазвития.

Базовые идеалы как ядро этнокультурной группы пронизывают все без исключения формы идентичности и определяют характер культурных практик. Наиболее оформлена «региональная идентичность»: поддержка со стороны региональной власти, конкуренция с межрегиональными армянскими сообществами (новосибирское, иркутское, томское и т.д.). Высокая самоорганизация и активная деятельность местной национально-культурной автономии, ее включенность во все значимые мероприятия региона даёт основу для формирования формы «сибирский армянин». Причиной двойной идентификации становится устойчивая этническая манифестация уравнивающего значения слов «Сибирь» как избранной территории для культурогенеза и «Армянин» как знак продолжения этногенеза. Поддержание сложной формы способствует расширению этнокультурного познания и самосознания, повышению уровня развития, адаптации в межэтнической и межрелигиозной среде: «У меня даже не общероссийская самоидентичность, а связанная с Сибирью и с Красноярском в целом. Я всегда говорю: не знаю, как представлять себя, просто армянин? Я себе представляю, как Сибирский армянин. У меня даже был логин "Siberian Armenian" везде. Именно Сибирские армяне. Есть люди, которые ассоциируют себя с Сибирью в первую очередь».

Подобной степенью сложности обладает форма «гражданская идентичность», основаниями для которой выступают представительство региональной диаспоры на российском и мировом уровнях. В ходе обсуждения не раз звучало, что территориальная разобщенность усиливает языковые и культурные признаки Армянской общины, в связи с чем устойчивым становится осознанный выбор и осознание развития в российском регионе. Позиционирование национальной самобытности через идентификацию формы «Российские армяне» становится еще одним конкурентным преимуществом в союзе украинских армян, грузинских и пр.

Форма «родовой идентичности» формируется на основаниях принадлежности к своему роду по рождению и к роду древних предков всех

армян. Практика составления генеалогического древа фиксирует память о чистокровности, а практика посещения исторической родины способствует укреплению связи с представлением о первопредках. Например, зная свой род до седьмого колена, четко указывают место рождения и захоронения первого предка рода (отслеживание по древу и посещение древних армянских кладбищ), а общеродовая идентичность отождествляют с Арменией как местом силы древнейшего народа.

В целом результаты фокус-группы позволили зафиксировать подвижность этнического самосознания и сложные формы идентичности, сформированные посредством механизма культуры. Информанты проявили осознанное отношение к самоидентификации и этнокультурной идентичности: «Вопрос самоидентификации для меня является чуть ли не ключевым, потому что ты не знаешь, как себя называть». В связи с этим отсутствует выбор однозначности для своего развития: «Множественность в этом смысле подразумевает расширение твоих собственных границ и открытость твоего сознания. Потому что если ты наполовину чувствуешь себя узбеком и киргизом, азербайджанцем, то ты, наверное, будешь хорошо относиться ко всем этим народам Растет образование и уровень твоего развития, когда ты понимаешь, что ты не только армянин. Ты в первую очередь человек, расширяешь свои границы познания».

Результаты контент-анализа («Simple Word Sorter») позволили соотнести категориальные понятия фокус-группы и частотные слова¹²⁸². В существительных наиболее упоминаемыми стали «армяне» и «человек» как приоритетные значения в идентификации. Далее можно обобщить смысловые дифференцированные группы: 1) форма общности (народ, люди, община, группа), 2) состав семьи (мама, отец, родители, дети, дедушка, бабушка, брат); 3) территориальная соотнесённость (Армения, Россия, Грузия; Красноярск; город, село); 4) базовые ценности (язык, история,

¹²⁸² См. приложение Б. Таблица Б 6. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с представителями армянской этнокультурной группы.

традиция, церкви, Бог, дом, право, честь, флаг); 5) значение детства как периода формирования идентичности (детство, школа, друг); 6) высокая степень осознания идентичности (сибиряк, этничность, отношения). Прилагательные формы фиксируют два значения: этнических признаков (армянский, русский, грузинский) и их соотнесенность (разные, другой, другие). Глаголы раскрывают широкий спектр человеческой деятельности в вопросе развития этнокультурного самосознания (знаю, говорю, думаю, разговариваю, читаю, изучаю, сохраняю).

Обсуждение первого вопроса сформировало определения «культурной памяти» как ядра ценностей и «культурной травмы» армянского народа. Древнее наследие является фундаментом сохранения множества культурных элементов (религия, язык, традиции, обычаи и т.д.) и основанием для формирования сложных форм этнокультурной идентичности, что позволяет продолжить развитие этногенеза и культуругенеза. Информанты отмечали, что острое осознание развиваться позволило их консолидированной этногруппе успешно преодолевать пути трансформации. В основе развития лежит знание и самообразование, взаимопомощь и поддержка. По второму вопросу прозвучали личные истории, связанные со значениями землячества и единства общности (родовой, семейной, религиозной), самосознания территории Красноярского региона как не связанного с дискриминацией (расизмом, нацизмом), где можно проявить свою этнокультурную самобытность. Третий вопрос позволил раскрыть актуальность слова «идентичность»: с одной стороны, оно несет значение адаптации (вхождения) в группу или группы, с другой – выбор сложности идентификационной формы и ее насыщенности зависит только от человека и его личных целей (образование, желание развиваться, быть особенным, успешным, причисленным к «своим» этнокультурным группам).

Этап 5. Интерпретация и обобщение полученных результатов, формулирование выводов.

Культурологическое обобщение результатов применения метода фокус-группы позволяет определить три ключевых исследовательских среза особенностей формирования сложных форм этнокультурной идентичности:

– ключевые категории, связанные с переживанием феномена этнокультурной идентичности, представлениями о ней у разных групп современных жителей региона;

– устойчивые культурные практики, воздействующие на трансформацию психоментальных комплексов групп, процесс и результат их влияния в межэтническом пространстве региона;

– сложные формы этнокультурной идентичности и актуальность их воспроизводства в социокультурной среде Красноярского края.

Выводы параграфа 5.2

Применим выявленные позиции исследования феномена этнокультурной идентичности для понимания специфики региональных практик по ее формированию в настоящее время.

Во-первых, у красноярской молодежи этнокультурная идентичность определяется по трем категориям: «семья и детство» как среда первичного осознания базовой идентичности, «культурные информационные практики» как обостряющие чувство сопричастности к родовой и семейной формам этничности, «свой–чужие» как диалектное отношение с иными представителями этнокультурных групп и возможность осознанного выбора новых оснований для формирования своей этничности. У старожильческой группы этнокультурный феномен уже имеет процессуальную форму, сформированную под влиянием практик национально-культурной политики в сложный период трансформации Красноярского региона в XX веке. Здесь сложные формы этнокультурной идентичности возникают как результат идентификационного насыщения межэтнической среды (позитивное переживание семьи народов в соседстве разных этнических групп, межэтнических браках, практиках календарно-обрядового всеобщего празднования). В настоящее время форма «Русские сибиряки»

позиционируется со стороны старожильческой группы как доминирующее содержание региональной идентичности, но она укреплена в ценностно-мировоззренческом отношении к открытости и готовности принять иного для продолжения этнокультурного развития. Представители этнокультурной группы мигрантов (буряты и армяне) позволили зафиксировать их потребность в комплексе идентификационных оснований для причисления себя к простой или сложной формам идентичности. Стремление к однозначности побуждает этнокультурную группу, с одной стороны, производить сложный набор культурных практик (внешняя, религиозная, языковая, родовая и пр. идентификация), а с другой – быть гибкими и принимать изменения окружающей среды. Выбор сложной формы идентичности происходит через осознание возможности быть частью и одновременно проявлять уникальную самобытность в этнокультурной среде, производящей новые стимулы к саморазвитию и позитивному переживанию этих изменений. Так, манифестация формы «сибирский армянин» есть результат влияния региональных культурных практик и новое основание к появлению более сложных и насыщенных форм идентичности.

Процесс формирования сложных форм идентичности у современных жителей региона наиболее связан с категориями «родовая и семейная идентичность», «детство» и «ключевые фигуры» (отца, бабушки по матери), «межэтническая среда». С одной стороны, этнический признак формируется в период детства через семейно-культурные практики: чем более они проявлены (устойчивы, постоянны), тем насыщеннее представление о родовой идентичности и крепче основание для самоидентификации как представителя этнической группы. С другой – сложные формы идентичности более всего связаны с этническим основанием (или основаниями), укрепленном в самосознании под влиянием разнообразных практик (информационных, образовательных, национально-культурных): чем выше уровень знания об этнокультурных группах, тем сложнее формируется форма самоидентичности. В ходе проведения фокус-групп зафиксировано, что

любой информационный повод может стать стимулом для поиска иных обоснований своей принадлежности. В случае принятия этой информации как удостоверяющего факта, форма идентичности усложняется (насыщается, приобретает вид сложной идентификации). Иными словами, формирование идентичности происходит по разным основаниям (идентификация по родовым линиям, в семейной или межэтнической среде), уже первично может иметь сложную форму (двойную, тройную), развивается в непосредственном отношении или опосредованно в случаях утраты знания при помощи изучения, исследования своей этнокультурной истории.

Во-вторых, устойчивые региональные практики, формирующие сложные формы идентичности, производятся совокупностью социальных институтов семьи, культуры и образования. Семья несет ответственность за формирование базового представления об этничности, за получение в непосредственном общении достаточного объема знания для самоидентификации по родовому определению. Культурные практики направлены на позитивное переживание этнокультурного развития, принятие факта репрезентации этнокультурных ценностей как стимула к познанию иного пути формирования представлений об идентичности. Образовательные практики влияют на получение достоверного и полноценного информационного знания, обостряют потребность в фиксации и документализации этнокультурных историй, позволяют познать социокультурные идеалы как самобытные ценности разных социальных единиц. Результатом влияния устойчивых региональных практик уже стали такие формы, как «русские сибиряки» и «сибирский армянин», что характеризует территорию региона как этнокультурное пространство взаимодействия, посредством которого формируются сложные формы идентичности. Каждый набор практик имеет свое целенаправленное воздействие на психоментальные комплексы этнокультурных групп (разновекторное, разнообразное), однако свою идеалообразующую силу они обретают в сфере культуры (семейной, межкультурной, образовательной).

В-третьих, результаты фокус-групп фиксируют наличие простых и сложных форм идентичности. Данный факт указывает на то, что формирование идентичности происходит не только под влиянием культурных практик (извне), но и посредством активной самоидентификации (изнутри). Каждый второй информант является носителем сложной формы идентичности, содержание которой дробится и складывается у каждого по-разному.

Этническая идентичность возникает как фундамент усвоения родительской (родовой) идентичности, и ее смена происходит в очень редких случаях при неверной фамильной идентификации со стороны окружения информанта. В большинстве случаев первичная этническая идентичность становится основанием для развития, насыщения и усложнения в условиях активного познания и самопознания через разнообразие устойчивых практик: 1) практики семейного культурного и религиозного воспитания, самоидентификация в межэтнических браках, познание традиций и обычаев этнокультурных групп, присутствующих в окружении информанта; 2) практики составления генеалогического древа, посещения родовых мест, самостоятельного поиска достоверного знания о предках; 3) организация и участие в межкультурных праздничных событиях, позитивная этническая манифестация в социальных сетях, воспроизводство культурных текстов этногрупп для устойчивой самоидентификации.

Выводы пятой главы

В данной главе применена интегративная методологическая стратегия исследования этнокультурной идентичности как культурного феномена, представлены результаты двух эмпирических исследований, вызванных необходимостью решения теоретико-культурологического исследования сложных идентичностей. Результаты эмпирических исследований позволили определить сложную этнокультурную идентичность как современный культурный феномен, обнаружить концептуальные моменты, актуальные для научного уточнения специфики данного феномена, сформулировать новые

теоретические определения и исследовательские гипотезы для развития теории культурных идентичностей в будущем. Междисциплинарная методология, избранная для решения насущной культурологической проблемы, позволила синтезировать возможности гуманитарных наук и раскрыть специфику формирования сложных форм идентичности в современной культурной реальности. Основными для изучения культурного феномена были обоснованно избраны междисциплинарные методы культурологии, этносоциологии, этнологии, культурной антропологии.

Эмпирическое исследование, проведенное методом анкетного опроса, определило особенности сложных форм идентичности у современных жителей Красноярского края. Этнокультурная идентичность может иметь как простую (единичную) форму, в которой идентификационные значения тождественны (идентичны) друг другу, так и сложную, имеющую идентификационное насыщение на разных этнических культурных основаниях. При этом чем сложнее (насыщеннее) форма, тем она более неповторима и уникальна, а оттого редко встречается среди современных людей. На основании анализа выявленных форм можно дополнить существующие теории идентичности¹²⁸³ и обосновать новые теоретические определения простой и сложной форм этнокультурной идентичности. Результаты анализа эмпирических данных позволили также зафиксировать специфику развития феномена этнокультурной идентичности: региональные культурные практики влияют на поддержание и сохранение значимых социокультурных идеалов, и, одновременно, направлены на формирование новых сложных форм идентичности. Также в ходе анализа выстроились рабочие гипотезы о ключевых фигурах, способствующих формированию сложных составов идентичности, и о корреляции уровня образования и дохода с формами разной сложности. В целом, зафиксирована идентификационная насыщенность региональной этнокультурной среды, в

¹²⁸³ Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge university press, 1982. 523 p.; Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. М.: Либроком, 2012. 134 с.

которой во многом благодаря воздействию культурных практик сохраняются самобытные культуры сибирского региона.

Культурологический анализ, проведенный методом фокус-групп (полуструктурированного интервью), определил актуальное представление феномена этнокультурной идентичности в сознании современных жителей Красноярского края, выявил сопряженные с ним категориальные сферы. Феномен этнокультурной идентичности положительно переживают и современная молодежь, и старожильческое население, и представители национально-культурных автономий. Специфика феномена в каждой группе, с одной стороны, определяется как уникальное сформированное целое (образовательное, историко-этнокультурное, этнически самобытное), а с другой – проявляет общие социокультурные тенденции в складывании простых и сложных форм идентичности. Этнокультурная идентичность возникает в процессе усвоения базовой (родовой) идентичности в детстве, а ее дальнейшее определение идет на основании самоидентификации (с этничностью близких и далеких предков, ключевыми фигурами в сознании, как правило, становятся отец и бабушка по матери). Но природа этнокультурной идентичности такова, что при утрате знания (о своих родных, предках) человек начинает заботиться о его восполнении или создании нового этнического основания, чтобы продолжить собственное развитие в условиях окружающего межэтнического пространства. Этот факт проявляется и на уровне этнических групп, которые воспроизводят (или создают новые) культурные практики для идентификации и самоидентификации – важных факторов развития в этнокультурном пространстве взаимодействия. В зависимости от степени самоидентификации происходит усложнение индивидуальных (обнаружены единичные, двойные и тройные формы) и групповых идентификационных форм («русские сибиряки», «сибирский армянин»). Формирование сложных форм также зависимо от культурных практик, образующих социокультурное содержание

региональной идентичности как основной и фундаментальной для построения новых идентичностей, обеспечивающих коммуникацию всех этногрупп и их представителей. Можно зафиксировать единичные и групповые культурные практики, воздействующие на психоментальные комплексы и заставляющие этнокультурные группы актуализировать свою самобытность, манифестировать свою включенность в развитие межкультурных отношений и, одновременно, быть относительно самостоятельными единицами целого.

Таким образом, изучение феномена этнокультурной идентичности в региональном пространстве Красноярского края позволило обозначить ключевые представления о механизме культурного формирования сложных форм идентичности. При отсутствии воспроизводства и создания новых сложных форм происходит быстрая и зачастую невозполнимая утрата целостного представления этнокультурной истории (семейной, родовой, региональной), запускаются другие культурные механизмы в виде особых практик, направленных на познание разных этнокультурных оснований и осознанного выбора собственной формы идентификации. Комплексные эмпирические культурные исследования обосновали корреляционную взаимосвязь между уровнем образования, социального благополучия и сложностью формы идентичности: рост формального и неформального образовательного уровня способствует расширению познавательного горизонта, возможности осознанного выбора собственных идентификационных оснований, формированию насыщенных самопредставлений, большей (открытой) коммуникации с окружением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной теории культуры научная модель процессов сложной идентификации разрабатывается с помощью междисциплинарного культурологического, философского, этнологического, социально-психологического, социологического и исторического подходов. Анализ существующих подходов раскрывает специфику феномена социальной идентичности в сложном взаимодействии внутригрупповых и межгрупповых социокультурных отношений. Так, в «широком» смысле понятие «социальная идентичность» означает осознание групповой социокультурной принадлежности, а также формирование представлений об уникальных (личных) и социальных (сходных с другими членами группы) качествах. Междисциплинарные исследования выявляют сложную природу идентификации в многообразии идентификационных форм, возникающих и трансформирующихся в условиях динамично изменяющегося современного мира. В «узком» смысле понятие «социальная идентичность» есть способность человека относить как себя, так и окружающих к тем или иным социальным категориям, основываясь при этом на восприятии своих и чужих черт и атрибутов. Каждый индивид имеет некие социальные характеристики, по которым можно определить соответствующие ингруппы и согласно которым человек структурирует свою социальную идентичность и самоопределяется как член той или иной группы.

Культурологический аспект исследования сложных идентичностей связан с интеграцией существующих подходов в единую теорию сложной идентичности как феномена, имеющего структуру и формы идентификационных пересечений, и фиксирует необходимость изучения сложной идентичности в контексте базовых культурных процессов, среди которых акцентируются межкультурные отношения и взаимодействия.

Культурологическая теория сложной идентичности кристаллизует научное моделирование вокруг понятий культуры, культурных практик, культурных процессов, ориентированных на акцентирование процессуальности, динамики, современных трансформаций. Базовая для исследования сложных идентичностей теория культуры направлена на моделирование диалектики культурных универсалий и культурных уникальностей, присущей современным социальным процессам.

Методологические основы культурологической модели сложных идентичностей опираются на междисциплинарную социогуманитарную методологию, сочетающую количественные и качественные методы как взаимодополняющие, что отвечает принципу триангуляции в культурных исследованиях. Данный подход корректен в выстраивании современной стратегии исследования сложной идентичности как культурного феномена: эмпирическое познание ключевых закономерностей и устойчивых параметров идентификационных процессов моделирует процесс формирования простых и сложных форм идентичностей, а также позволяет анализировать особенности конструирования конкретных сложных форм социокультурных идентичностей, а именно, сложных этнокультурных идентичностей.

Культурологическая проблематика исследования феномена сложной идентичности заключается в раскрытии специфики сложных форм этнической культурной идентичности. Аналитический обзор современных исследований в области теории культуры с учетом достижений и интеллектуальных открытий, сделанных в этой области культурно-антропологическими, философскими, социологическими, психологическими, этнопсихологическими, историческими и рядом других научных дисциплин, позволил создать классификацию форм этнической культурной идентичности по принадлежности либо к двойной, либо к комплексной социокультурной идентификационной вариации. Этническая культурная идентификация, в результате которой складывается та или иная этническая

культурная идентичность, есть разновидность процессов создания и воспроизводства сложных форм социальной идентичности, которые встраиваются в стратегии современных бикультурных и поликультурных сообществ, в которых культурные и языковые различия становятся потенциалом развития до уровня максимально поликультурного общества.

Этническая культурная идентичность – это одна из самых сложных и вариативных форм социальных идентичности, складывающаяся в процессе межкультурного (межэтнического) взаимодействия в ходе социокультурных процессов и реализации культурных практик и конструируемая индивидом и/или социальной группой как новая форма этнокультурной самоидентификации. Сложные этнокультурные идентичности формируют фундамент для инвариантной социокультурной идентификации и создают установку на интеграционное поведение в поликультурной социальной среде. В современном мире каждому субъекту, каждому актору приходится делать выбор интеграционной стратегии, формирующей, в частности, навык распознавания множественных идентификаций, действия в духе социальной солидарности, включенности в широкое социокультурное поле межгрупповых отношений и межкультурных взаимодействий.

Критический анализ современных культурологических моделей исследования сложных социальных идентичностей в потоках социально–культурных взаимодействий позволил зафиксировать конвенциональный научный вывод о природе дифференциальной изменчивости в социокультурном пространстве. Природа социокультурных изменений есть социально-психологический процесс упрощения или усложнения индивидуальных и коллективных представлений, формирующихся в контексте социальных, культурных (ценностных, в том числе) и психологических влияний, а также в контексте господствующего типа социальной системы – монокультурного или поликультурного, стратифицированного или интеграционного и т.д.

Таким образом, предлагаются следующие культурологические определения феномена сложной идентичности:

1) социальная идентификация – это рефлексивная область группового или индивидуального самоопределения, а также процесс комбинирования (категоризации) в простые или сложные формы множественных социальных идентичностей;

2) социальная идентичность есть итог взаимодействия персональной идентификации и множества социальных идентификаций, процесс признания определенных групп как идентичных себе («нам»), сформированное представление о своей социальной идентичности в суммированном или интегрированном качестве.

Разность указанного качества зависит от степени интенсивности воспринимаемого пересечения идентифицируемых групп: при «сильном» пересечении складывается простая форма социальной идентичности, при «слабом» – сложная форма через бифуркацию «своих» групповых идентичностей. Социальная идентичность может носить временный характер в процессах социальной мобильности и вследствие изменений социокультурного пространства. На комбинирование множественных идентификаций влияют социальные (структура общества) и психологические (способность направлять свои действия и внимание в связи с изменением контекста) факторы. Факторы открытости, готовности к взаимодействию, выборочного отождествления с ценностями, деятельностью и атрибутами разных социокультурных групп способствуют формированию сложной комбинации, которая, однако, позволяет индивиду быть соучастником множества различных социокультурных процессов.

Интеллектуальная история формирования методологических подходов к исследованию сложных идентичностей генерализирует проблематику научных направлений в контексте современных культурных исследований. На протяжении XVII–XX вв. сложился дифференцированный дисциплинарный подход, по сути определяющий итог результирующей

рефлексии над сущностью отношений индивиду и социальных групп. Философское обоснование понятия сложных идентичностей основано на диалектике развития «Я-комплекса» в социальном пространстве. Психоцентрический анализ направлен на глубинное познание самопредставлений индивидов и диагностику их жизненных изменений (статусный подход). Социоцентрический анализ – либо на обнаружение процессуальных и структурных аспектов формирования социального «Я» (ролевой подход), либо на изучение типов идентичности (конструктивный подход). В области социальной и культурной антропологии интерпретативная методология позволяет сфокусировать внимание на формах идентичностей, возникающих в процессе межкультурных отношений различных этнических групп. Для анализа культуры как процесса формирования смыслов, закодированных в практиках, ученые применяют факторный метод, помогающий определить структуру переменных сложных культурных идентичностей и классифицировать их формы.

Современная теория культуры имеет ряд научно-дисциплинарных преимуществ, позволяющих выстроить адекватную исследовательскую модель, обладающую прогностическими возможностями и имеющую прикладное значение для эффективной реализации государственной национальной и культурной политики в современной Российской Федерации, как на федеральном, так и региональном уровнях. К началу XX века философские, социально- и культурно-антропологические, социальные и психологические методологические подходы позволили обосновать эффективность проведения разнонаправленных эмпирических исследований для последующей концептуализации феномена сложной идентичности как междисциплинарного объекта исследований.

Современные междисциплинарные исследования фиксируют проблематику перехода от социальной категоризации к изучению интегральных форм социокультурных феноменов. Иными словами, произошедший поворот от статистического к динамическому понимаю

сущности феномена сложной идентичности смещает исследовательский фокус с изучения множественных форм социальной идентичности на сложные формы одной идентичности. Современная стратегия культурологического исследования позволяет произвести комплексный анализ актуального контекстно-временного содержания процессов сложных идентификаций и концептуализировать полученные результаты.

В современной теории культуры «сложная идентичность» понимается, прежде всего, как этнокультурная форма, возникающая в процессе социально-культурного отождествления индивида с этнокультурными группами. На основании синтетической концепции культуры как идеалообразования можно утверждать, что каждая этнокультурная общность обладает уникальным набором социоцентрических идеалов, содержащих а) особый род ценностей (общего языка, веры, традиции и обычаев), б) предопределяющих выбор преимущественных форм деятельности (порождаемых этносом культурных практик, которые влияют на процесс развития и способствуют сохранению и воспроизводству этнической и культурной уникальности) и в) знаки-коды (передаваемые в знаковой информационной форме смыслы существования и функционирования данной этнокультурной общности). Этнокультурное идеалообразование понимается как процесс сохранения и воспроизводства этническими группами эталонов (идеалов, норм, ценностей) своего идентифицирующего содержания. Методологическое исследование специфики сложных идентичностей как этнокультурных форм выстраивается посредством интерпретативной теории культуры: контекстно-дискурсивного анализа и описания соответствующих актуальных культурных практик, реализующих функции трансляции социоцентрических идеалов и сохранения их идентифицирующего содержания для данных этнокультурных групп.

Понятие «культурные практики» исторически кристаллизовалось в рамках бихевиористического подхода, однако широкое развитие получило благодаря междисциплинарным исследованиям, фиксирующим

интегративную роль культурных практик в социокультурном пространстве глобализирующегося мира. В российской науке определение культурных практик сопряжено с понятием «габитуса», что существенно влияет на становление теории культурных практик. В интеграции эпистемологического и онтологического подходов понятие «культурные практики» моделируется как относительно автономный идеалообразующий процесс организации когнитивного индивидуального и социального поведения в пространстве и времени, системное качество идеалообразования, осуществляющееся и трансформирующееся в культуросозидающей человеческой деятельности. Культурные практики рассматриваются как процессы идеалообразования в историческом прошлом и как факторы формирования будущего социокультурного пространства. В начале XXI в. особое культурологическое значение термин «культурные практики» приобрел в связи с ростом этнокультурного самосознания, когда в системе культуры потребовалось обнаружить или сконструировать практики сохранения и воспроизводства уникальной социальной основы различных этнических групп. Понимание сферы культуры как системы и практики идеалообразования (процесса формирования космоцентрических, социцентрических и эгоцентрических идеалов) становится ключевым для анализа культуросозидающей деятельности как социцентрирующей, а также для культурологического анализа практик социцентрического идеалообразования в конкретном социокультурном пространстве. Понятие «культурные практики» используется для исследования механизмов культуры, благодаря которым осуществляется сохранение, воспроизводство, трансляция и трансформация базовых идеалов (всечеловеческих, групповых и индивидуальных) в конкретном социокультурном пространстве.

Моделирование культурных практик, характерных для конкретного региона, позволяет проанализировать процессы сохранения этнокультурной идентичности и возрождения этносознания различных социальных групп в современном поликультурном пространстве Красноярского края. Анализ

доминирующих культурных практик выбранных для исследования десяти этнических групп позволил определить специфику формирования региональной культурной среды как процесса сохранения традиционных и «запуска» новых идеалообразующих процессов. В Красноярском крае данные культурные практики институализируются через деятельность национально-культурных автономий (далее – НКА), ориентированных как на сохранение самобытности этнических культур внутри современного поликультурного общества, так и на создание внутригрупповых культурных коммуникаций через деятельность этих НКА. Актуальными ценностными ориентациями для этнокультурных групп, организованных через институцию НКА, являются: поддержка минимального языкового разнообразия и самобытных этнокультурных традиций, а также возможное конструирование новых практик, восполняющих недостающие социоцентрирующие эталоны, формирующие уникальный позитивный культурный образ этнической группы в региональном социокультурном пространстве, создающие тем самым «усиленное» социоцентрирующее качество культурных практик для создания нового системного уровня (например, религиозного) идеалообразования, основанием которого служит развитая система межкультурных коммуникаций.

Особый тип социоцентрирующих культурных практик выявляется при исследовании этнокультурных групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В условиях глобализации данные этнокультурные группы претерпевают кризис традиционного образа жизни, в котором органично развивались этносохраняющие традиционные виды деятельности. Однако этот же фактор способствует выработке новых объединяющих социокультурных идеалов и рост интенсивности этнокультурной самоидентификации посредством разворачивающейся деятельности по сохранению редких языковых диалектов, воссозданию традиций межпоколенных родовых отношений, культивированию традиционных ценностей семейной культуры. Этнические группы коренных

малочисленных народов ориентированы на воспроизводство особого типа культурных практик, позволяющих сохранять и воспроизводить свое культурное наследие в современной поликультурной среде. «Малочисленность» из фактора культурной ассимиляции превращается в фактор культурной консолидации и этнокультурной идентификации.

Таким образом, развитие современных культурных практик раскрывает их фундаментальную социокультурную природу и позитивное воздействие на процессы этнической идентификации и самоидентификации, конструирование различных форм этнокультурной уникальности, позволяющих выделиться и обособиться в современной поликультурной социальной системе.

Для целей диссертационного исследования концептуально важным является понятие «этнос» в его культурологическом аспекте. Этнические качества указывают на базовые процессы этнокультурных групп, каждая из которых солидаризирована верой в единство происхождения, традиций и обычаев, языка и основных способов существования. Культурологический анализ теорий этноса позволяет сформулировать содержание понятия «этнокультурная группа» посредством синтеза понятий «этнос» и «психоментальный комплекс», в совокупности позволяющих объяснить динамику развития межэтнических отношений на всех уровнях управления в контексте государственной культурной и национальной политики (федеральном, краевом, муниципальном). Понятие «этнокультурная группа» концептуализируется как культурная константа, определяемая по способу трансформации психоментального комплекса группы для интеграции в актуальные природную, социокультурную и межэтническую среды. Этнокультурная группа исследуется через анализ создаваемых членами группы архифункциональных вещей и текстов, актуальное содержание которых раскрывается путем исследования соответствующих культурных практик. На этом основании определяются особенности понимания процесса сохранения и развития этнокультурной идентичности: 1) устойчивость

этнокультурной идентичности во времени обеспечивается «успешностью» способов приспособления к новым социокультурным условиям (в данном случае критерием «успешности» является продолжение жизнедеятельности данной группы в ее специфических этнокультурных идентификационных формах или растворение в других); 2) развитие этнокультурной идентичности происходит посредством выстраивания отношений с иными этническими группами, что также обеспечивает уход от кризиса идентичности; 3) потребность в сохранении идентичности в новых средах приводит к необходимости в культурных практиках, адаптирующих прежнюю и развивающих новую социоцентрирующую ценностную систему.

Понятие «сложная этническая идентичность» выстраивается с помощью интеграции некоторых теоретических результатов исследований динамики и способов формирования сложных идентичностей в культурных процессах общероссийского и красноярского регионального уровней. Выявление особенностей культурных и социальных практик советской национальной политики, приведшей к конструированию ряда новых этнокультурных идентичностей, позволило проследить путь от трансформации этносов к их преобразованию в новые этнокультурные группы. В советской системе на раннем этапе идеология равенства стала ключевой целью для коренного преобразования человеческой деятельности посредством создания новой этнокультурной и этноязыковой основы для интеграционного развития многонациональной общности. «Строительство наций» привело к формированию иного – этнокультурного – социоцентрирующего основания, в котором соединились качества собственно этнической и национальной принадлежности (по территории, языку, культуре). Под влиянием заданных культурно-политических практик произошло усложнение форм этнической идентичности в этнокультурные, что позволило в дальнейшем бывшим этническим группам удержать качество уникальных и преобразоваться в этнокультурные группы, где основанием для солидаризации выступили не территориальная, языковая, родовая и иная возможная изолированность, а

общее присвоение группой базовых культурных текстов и базовых культурных практик, обособляющих эту группу среди других в сложном поликультурном пространстве. Кажется, что одним из главных коллективных усилий постсоветских этнокультурных групп является поиск и культивирование одной или нескольких уникальных культурных практик и самоопределение через активное присвоение себе этой практики на различных уровнях современной социокультурной системы (глобальном, российском, региональном, локальном и т.д.).

Синтез доказавших свою эффективность теоретических и методологических культурологических подходов позволил обосновать наиболее эффективную методологию и дизайн эмпирических исследований региональной этнокультурной идентичности для выявления особенностей её сложных форм.

Культурологический анализ процесса сложной идентификации в современных межкультурных отношениях с помощью метода факторного анализа (со статистической обработкой данных в программе SPSS) показал идентификационную насыщенность региональной этнокультурной среды. Феномен этнической идентичности имеет не более четырех элементов сложности, каждый из которых определяется по мере насыщения идентификационного качества. При этом в каждом отдельном случае сложная этнокультурная идентичность дробится на уникальные (неповторимые) по составу формы. Отмечена обратная зависимость количества носителей простой или сложной формы от состава: чем сложнее идентичность, тем меньше число ее носителей. Анализ данных, характеризующих актуальные комбинации форм этнокультурной идентичности, позволил сформулировать «рабочие» определения форм простой и сложной этнокультурной идентичности. Сложная форма этнокультурной идентичности самодостаточна и едина, поскольку в своих границах кристаллизует и проявляет динамику взаимодополняющих друг друга этнических самоопределений человека. Чем более форма насыщена

этническими основаниями, тем чаще синтезируется неповторимое идентификационное качество. На социальном уровне сложная этнокультурная идентичность встречается редко, однако в своей сложности повышает познавательный потенциал видения этнических сходств и различий в условиях динамично развивающегося поликультурного современного общества. На региональном уровне при воздействии культурных механизмов формируются сложные формы этнокультурной идентичности, обновляя, дробя и преобразуя прежнее этнокультурное качество социума.

Этнокультурная самобытность современных жителей Красноярского края развивается в динамике процессуального формирования сложных форм идентичности. Действующие культурные практики в реальности направлены не на укрепление этнокультурного ядра, а на формирование новых, сложных, форм этнокультурной идентичности. Обнаруженные формы дробятся и складываются у каждого человека по-разному. Механизмы культуры производят новые сложные формы этнокультурной идентичности как результат воздействия определенных культурных практик, содействующих как формированию сложных идентификационных форм на индивидуальном уровне, так и общему развитию этнической структуры Красноярского края. Сложные формы этнокультурной идентичности – это актуальный феномен наших дней.

Культурологическое концептуальное исследование позволило определить значение сложной этнокультурной идентичности в контексте гуманитарных исследований. Прежде всего, в коллективных представлениях современных жителей Красноярского края формирование сложных форм этнокультурной идентичности имеет позитивные значения и смыслы (исследования проводились в социальных группах: молодежи, старожильческого населения, представителей национально-культурных автономий). Специфика осмысления феномена сложной идентичности проявилась в организованных фокус-группах, где, с одной стороны, она

определяется как уникальная сконструированная целостность (информационно-образовательная, историко-этнокультурная, этнически самобытная), а с другой как проявление более общих социокультурных тенденций в современных процессах формирования простых и сложных форм идентичностей.

Этнокультурная идентичность возникает в процессе усвоения базовой (родовой) идентичности в детстве, а ее дальнейшее определение идет на основании самоидентификации (с этничностью близких и далеких предков, ключевыми фигурами в этих процессах, как правило, становятся отец и бабушка по матери). Но природа этнокультурной идентичности такова, что при утрате знания (о своих родных, предках) человек начинает заботиться о его восполнении или создании нового этнического основания, чтобы продолжить собственное развитие в условиях окружающего межэтнического пространства. Этот факт проявляется и на уровне этнических групп, которые воспроизводят (или создают новые) культурные практики для идентификации и самоидентификации – важных факторов динамики регионального социокультурного пространства.

В культурном пространстве Красноярского края в период XX – начала XXI веков действуют различные механизмы регионального культурного строительства и реализуется целый спектр культурных практик, связанных с устойчивым производством сложных форм этнокультурных идентичностей и институализацией этого производства на региональном уровне государственной культурной и национальной политики. Культурологический анализ экономических, социальных, политико-управленческих процессов фиксирует на каждом этапе регионального историко-культурного развития производство сложных форм групповой идентичности посредством внедрения новых культурных практик с целью формирования региональных идентификаторов. Ключевыми практиками стали образовательные, художественные и информационные, приводящие к усложнению психоментальных комплексов полиэтничного общества красноярцев и

одновременно создающих положительную групповую идентификацию в этнокоммуникационном пространстве. На рубеже XX и XXI веков проявились результаты влияния советских и ранних постсоветских культурных практик на психоментальные комплексы этнических групп и их трансформацию в этнокультурные группы, чья идентификация складывается на основании двух и более идентификационных оснований. Именно традиционные этнические и национальные ценности, как наиболее устойчивые, сохранили каждый этнос и общество в целом от распада. Культивирование коллективной солидарности переместилось с общегосударственного на другие уровни. Разрушение индустриальных производств привело к переносу центра солидаризации от экономически-классовой основы к культурно-этнической. Базовые социцентрирующие культурные практики перешли в область межэтнических и межконфессиональных отношений, при дефиците социцентрирующих государственных идеологем начинает развиваться процесс внутриэтнической и межэтнической коммуникации и укрепляется тенденция к неполной ассимиляции в ситуации внешней культурной идентификации и глобализации, позволяя этногруппам сохранять родной язык, культуру и религию. С 2010 г. региональные культурные практики институализируются через поддержку на государственном уровне и приобретают внутрисибирский уникальный характер, позиционируя Красноярский регион как одно из активных пространств положительной межэтнической коммуникации. «Ядро» региональной культуры составляют актуальные процессы формирования сложных форм идентичностей, позволяющие выстраивать групповые и индивидуальные идентификационные инварианты, отождествляя себя со «своей» этнической группой (или группами), с сибирской «надэтнической» группой, с российским полиэтническим обществом в целом. Этнокультурная история региона проявляет динамику формирования ядра региональной культуры, основанного на информационных (медийных) и художественных практиках, создающих

этнокультурные качества поликультурного сообщества и позволяющих сохранять традиционные и создавать актуальные социоцентрирующие идеалы тех или иных этнокультурных групп региона. Это «ядро» региональной культуры является динамичным основанием для генерации новых самоидентификационных инвариантов в подвижном этнокультурном пространстве Красноярского края.

Анализ современных документов по стратегическим задачам в области национальной политики и межнациональным отношениям на государственном и региональном уровнях позволил зафиксировать генеральную линию формирования национального аспекта культурной политики, с помощью которой был совершен переход от централизации управления культурной сферой в советский период к ее децентрализации в постсоветский период. Современная российская модель культурной политики имеет стратегическую установку на воспроизводство и сохранение многообразных форм этнокультурной идентичности, необходимой для эффективного и устойчивого развития поликультурного пространства равноправных этнокультурных групп. Стоит отметить, что с начала XXI века начался этап нового государственного культурного строительства, в котором незыблемым и приоритетным остается сохранение и развитие этнокультурного многообразия. Ключевые культурные практики связаны с развитием базовых культурных знаний и в образовании, и в системе социально-культурной деятельности. Региональная национальная политика воспроизводства и сохранения этнокультурной идентичности реализуется через государственную программу. В Красноярском крае создана действительно уникальная система государственно-социального партнерства, направленная на сохранение, развитие и поддержку процессов этнокультурной идентификации. Широко используемые на региональном государственном уровне термины «дружба народов» и «семья народов», предполагают солидаризацию деятельности разных этнических групп и конфессий, что способствует развитию и институциональному закреплению

(через поддержку некоммерческих общественных организаций, в том числе, НКА) сложных форм этнокультурной идентичности.

Таким образом, изучение феномена этнокультурной идентичности в региональном пространстве Красноярского края позволило обозначить современные ключевые механизмы культурного конструирования сложных форм идентичности. При отсутствии воспроизводства и усиления процессов создания новых сложных форм происходит быстрая и зачастую невозполнимая утрата суммы целостных представлений об этнокультурной истории (семейной, родовой, региональной), и тогда запускаются другие культурные механизмы в виде господства и институализации особых культурных практик, направленных на распространение знаний о разных этнокультурных основаниях и поощрении осознанного выбора собственной формы этнокультурной идентификации.

В ходе эмпирического культурологического исследования, в процессе обработки результатов опроса в форме анкетирования оформились и частично подтвердились две исследовательские гипотезы: 1) в сложных формах этнической идентичности знаковыми фигурами для выбора конкретной этничности являются родственные фигуры «мать матери» (бабушка) и «отец»; 2) уровень образования и социального благополучия прямо коррелируются с формированием сложных этнокультурных идентичностей. На этом основании можно установить корреляционную взаимосвязь между уровнем образования, социального благополучия и сложностью формы идентичности: рост формального и неформального образовательного уровня способствует расширению познавательного горизонта, созданию больших возможностей осознанного выбора собственных идентификационных оснований, конструированию насыщенных Я-представлений, усилению открытости и солидарности в социокультурных взаимодействиях.

Проведенное исследование позволило выявить механизмы и актуальные статусы сложных форм этнокультурных идентичностей для индивидуального

(персонального) уровня. Открытым остается вопрос о существовании и закономерностях сложных идентификационных процессах на групповом уровне в различных социокультурных средах. Предложенные в диссертационном исследовании выводы и рекомендации могут применяться в качестве методологической основы при изучении этнокультурных процессов на региональном уровне, анализе современной российской этнокультурной карты, оценке эффективности региональных практик и процессов реализации государственной национальной и культурной политики, выявлению роли институтов гражданского общества в системе современных межэтнических и межконфессиональных отношений.

Особенную исследовательскую перспективу имеет тема влияния культурных процессов на социально-экономическое развитие российских регионов и территорий. Новые реиндустриализационные процессы будут разворачиваться не просто в системе этнокультурных коммуникаций, но и в современном пространстве взаимодействия комплексных идентичностей, сложных социальных коммуникаций. Успех социально-экономического развития зависит от вектора культурных трансформаций. Реальная успешность государственной культурной политики – это успешность социальной солидарности и концентрации усилий различных социокультурных групп для решения общих задач, достижения стратегических государственных целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Муниципальное казенное учреждение «Эвенкийский архив»

1. Ф. 8. Директивные указания по методической работе. Эвенкийский отдел Народного образования.

оп. 1. – д. 3.

2. Ф. 8. Годовой отчёт по сети школ и по контингентам учащихся.

оп. 1. – ед. хр. 24.

3. Ф. 8. Переписка с крайоно (краевым отделом народного образования) и министерством.

оп. 1. – ед. хр. 80.

4. Ф. 8. Переписка Эвенкийского окружного отдела народного образования с вышестоящими органами народного образования и другими учреждениями по вопросам народного образования.

оп. 1. – ед. хр. 129.

5. Ф. 8. Директивные указания по ликбезработе.

оп. 1. – ед. хр. 3.

6. Ф. 8. Переписка и указания по вопросам родного и русского языков.

оп. 1. – ед. хр. 280.

Электронные ресурсы

1. Bugental, D. B., Grusec, J. E. Socialization processes [Электронный ресурс] / D. B. Bugental, J. E. Grusec // Handbook of Child Psychology, 2007.—

Vol. 3.—

Режим

доступа:

<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9780470147658.chpsy0307>

2. Chang, M. X. L. et al. The more (social group memberships), the merrier: Is this the case for Asians? [Электронный ресурс] / M. X. L. Chang, J. Jetten, T. Cruwys [et al.]. // *Frontiers in Psychology*. — 2016. — Т. 7. — Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01001/full>

3. Ferguson, A. Intersections of identity: Navigating the complexities [Электронный ресурс] / A. Ferguson // *Forum on public policy* — 2006. — P. 1–15. — Режим доступа: <http://www.forumonpublicpolicy.com/archive07/ferguson.pdf>

4. Galkina, H. Theoretical approaches to ethnic identity [Электронный ресурс] / H. Galkina // *Unpublished paper*.—2000.—Режим доступа: http://maxweber.hunter.cuny.edu/pub/eres/BLPR102_PIMENTEL/ethnicity.html

5. Jetten, J. et al. Having a lot of a good thing: Multiple important group memberships as a source of self—esteem [Электронный ресурс] / Jetten J., N. R. Branscombe, S. A. Haslam [et al.] // *PloS one*. — 2015. — Т. 10. — №. 5. — Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0124609>

6. Paul, J. F. The impact of music on self—concept: An investigation with deaf and hearing children using the Twenty Statements Test [Электронный ресурс] / J.F. Paul. — 2017. — Режим доступа: <https://tu—ir.tdl.org/bitstream/handle/2346/73214/PAUL—DISSERTATION—2017.pdf?sequence=1>

7. Renshon, S. A. Dual citizenship and American national identity [Электронный ресурс] / S. A. Renshon. — Washington, DC: Center for Immigration Studies, 2001. — Режим доступа: <https://cis.org/Dual—Citizenship—and—American—National—Identity—Dilemma—Diversity>

8. Romero, K. A Model of the Process African American Adolescents Use to Integrate their Bilingual Identity with their Overall Identity in a Foreign Language Immersion Environment: A Grounded Theory Study [Электронный ресурс] / K. Romero: *doctoral Dissertations and Projects*. — 2018. — Режим доступа: <https://digitalcommons.liberty.edu/doctoral/1768/>

9. Roy, K., Kar, S., Das, R. N. Statistical Methods in QSAR (QSPR) [Электронный ресурс] / K. Roy, S. Kar, R. N. Das // A Primer on QSAR/QSPR Modeling. SpringerBriefs in Molecular Science. — Springer, Cham. — 2015. — Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-3-319-17281-1_2
10. Sønderlund, A. L., Morton, T. A., Ryan, M. K. Multiple Group Membership and Well—Being: Is There Always Strength in Numbers? [Электронный ресурс] / A. L. Sønderlund, T.A. Morton, M.K. Ryan // Frontiers in Psychology.—2017.—Т. 8. — Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2017.01038/full>
11. Steffens, N. K. et al. Multiplesocial identities enhance health post—retirement because they are a basis for giving social support [Электронный ресурс] / N. K. Steffens, J. Jetten, C. Haslan [et al.] // Frontiers in Psychology. — 2016. — Т. 7. — Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.01519/full>
12. Tajfel, H., Turner, J. C. Intergroup behavior [Электронный ресурс] / H. Tajfel, J.C. Turner // Introducing social psychology. — 1978. — P. 276–293. — Режим доступа: https://mycourses.aalto.fi/pluginfile.php/919597/mod_resource/content/1/Tajfel%20%20Turner%2086_SIT_xs.pdf
13. Törngren, S. O. Choosing Mixed Methods // Examining Attitudes Toward Interracial Marriages in Sweden [Электронный ресурс] / S. O. Törngren // SAGE Publications Ltd, 2018. — Режим доступа: <https://methods.sagepub.com/case/mixed-methods-examining-attitudes-toward-interracial-marriages-in-sweden>
14. Verdín, D. et al. Understanding how engineering identity and belongingness predict grit for first—generation college students [Электронный ресурс] / D. Verdín, A. Godwin, A. Kirn [et al.] // School of Engineering Education Graduate Student Series. Paper 75. — 2018.— Режим доступа: <https://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1077&context=enegs>

15. Азизов, З. Стюарт Холл и локализация культуры [Электронный ресурс] / З. Азимов // Московский журнал Moscow Art Magazine. — №. 77—78. — Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/484>
16. Беспанская–Павленко, Е. Д. Психодиагностические методики изучения гендерных особенностей личности [Электронный ресурс]: метод. рекомендации для студентов, обуч. по специальностям 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» и 1-23 01 04 «Психология» / сост. Е. Д. Беспанская–Павленко. – Минск: БГУ, 2013. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/105002/1/Bespanskaja2.pdf>
17. Заводовская, О. В. Проблемы ценностных ориентаций в дискурсе социальной ответственности современной молодежи [Электронный ресурс] / О.В. Заводовская // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Москва: Перспектива, 2020. — С. 281–288. — Режим доступа: <https://itdperspectiva.page.link/MolPol2020>
18. Заседание Совета по межнациональным отношениям: стенографический отчёт (29 ноября 2019). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/62160>
19. Копцева, Н. П. Гигиена как культурно—антропологическая практика сохранения и трансляции культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [Электронный ресурс] / Н. П. Копцева, Н. М. Лобакова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 2. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/pdf/2014/2/10.pdf>
20. Копцева, Н. П. Методологические возможности антропологической школы «Культура—и—личность» для современных российских социально—культурных исследований [Электронный ресурс] / Н. П. Копцева, К.В. Резникова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — №. 4. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/pdf/2013/4/2.pdf>

21. Копцева, Н. П. Этнические характеристики и их аналитика в современных культурных исследованиях [Электронный ресурс] / Н. П. Копцева, В. И. Кирко // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 3. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12726>

22. Корепанов, Г. С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития [Электронный ресурс] / Г. С. Корепанов // Власть. — 2009. — № 1. — Режим доступа: [file:///C:/Users/1/Downloads/regionalnaya-identichnost-kak-bazovaya-kategoriya-sotsiologii-regionalnogo-razvitiya%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/1/Downloads/regionalnaya-identichnost-kak-bazovaya-kategoriya-sotsiologii-regionalnogo-razvitiya%20(1).pdf)

23. Ленин, В. И. Полное собр. соч. / В. И. Ленин [Электронный доступ]: 5-е изд. — Москва: Издательство политической литературы, 1970. — Т. 45 — С. 369–377. — Режим доступа: <http://revarchiv.narod.ru/vladimilitch/lenin45/cooperation.html>.

24. Либакова, Н. М. Формирование позитивной этнической идентичности индигенных народов посредством декоративно—прикладного искусства (резьба по кости) [Электронный ресурс] / Н. М. Либакова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — Т. 1. — № 1. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/pdf/2015/1/1222.pdf>

25. Липатова, К. Ю. Основные тенденции развития межнациональных отношений на территории Красноярского края в 1940–1990-х гг. [Электронный ресурс] / К. Ю. Липатова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/pdf/2013/6/387.pdf>

26. Мыслящая Россия: Интеллектуально-активная группа [Электронный ресурс]: под ред. В. Куренного. — Москва: Фонд "Наследие Евразии", 2008. — 237. — Режим доступа: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/83cnsslglwx/direct/80283861>

27. Об объединении театрального дела: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26.08.1919. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/history/8/1279/>

28. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс]: Н. А. Тройницкий, С. К. Патканов, В. И. Гребенщиков [и др.]. — Т. I. — Санкт-Петербург: паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/433585>

29. Официальный портал Росстата [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/12781?print=1>.

30. Официальный сайт «Содружество просветителей Красноярья»: Общекраевой урок «Семья народов Красноярского края» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.intelsiberia.com>

31. Официальный сайт Дома дружбы народов Красноярского края. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ddn24.ru/>

32. Официальный сайт Краевого государственного автономного учреждения культуры «Дворец Труда и Согласия им. А.Н. Кузнецова» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.dk—evenkia.ru/>

33. Официальный сайт Краевой грантовой программы «Социальное партнерство по имя развития» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://kras—grant.ru/>

34. Официальный сайт Межнационального культурного центра [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://kskdts.ru/strukturaOld/mkc.php>

35. Официальный сайт Муниципального бюджетного учреждения культуры «Эвенкийский районный культурно—досуговый центр» [Электронный ресурс]—Режим доступа: <https://www.dk—evenkia.ru/kollektivy>

36. Официальный сайт Общественной Палаты Красноярского края [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://op.krsk.ru/assembly/wards/>

37. Официальный сайт Правительства Красноярского края. Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Губернаторе Красноярского края [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.krskstate.ru/governor/councils/0/id/19789>

38. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

39. Официальный сайт фестиваля «Мир Сибири» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.festmir.ru/>

40. Официальный сайт Цикла телепередач «Соседи» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ddn24.ru/sosedi>

41. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 года и в среднем за 2019 год. Сайт Федеральной службы государственной статистики (Ростат). [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls>

42. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения [Электронный ресурс] / Т. Парсонс ; пер. Н.Л.Поляковой // Thesis, 1993. — Вып. 2. — С. 94–122. — Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/876/582/1217/2_2_1pars.pdf

43. Рафиков, Р.Г. Национальные особенности демографических и миграционных процессов в Красноярском крае на современном этапе. [Электронный ресурс] / Р.Г. Рафиков. — Режим доступа: file:///C:/Users/1/Downloads/Rafikov_R.G..pdf

44. Розин, В. М. Культурологические исследования [Электронный ресурс] / В.М. Розин // Проблемы культурологии. Античная культура. — 2008. — Режим доступа: <http://park.futureussia.ru/upload/iblock/c97/trvlg%20%20vfq%20.pdf>

45. Солнцева, О. В. Культурные практики как способ организации образовательной деятельности [Электронный ресурс] / О.В. Солнцева. —

Режим доступа: <https://ds62spb.ru/images/pedagogi/solntseva—kult—praktiki.pdf>

46. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016. — № 326–р. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/>

47. Тучина, О. Р. Самоинтерпретация и рефлексивность [Электронный ресурс] / О. Р. Тучина // Современные исследования социальных проблем. — 2012. — №. 5. — 29 с. — Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17854862>

48. Холл, С. Вопрос культурной идентичности [Электронный ресурс] // Художественный журнал. — 2010. — №. 77–78. — Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/28/article/485>

49. ЭтноМир. О народах Красноярского края [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://gokrkr.ru/upload/iblock/c65/c65f9291f0fee67e27daab7f42842f3f.pdf>

Литература

1. Абдулаева, М. Ш. Этнокультурная идентичность народов Дагестана: единство и многообразие: дис. доктора культурол.: 24.00.01. / Медина Шамильевна Абдулаева. — Санкт-Петербург, 2013. — 332 с.

2. Абдурахманова, Д. А. Из истории рабочей театральной мастерской в Красноярске во второй половине 1920 х гг. / Д. А. Абдурахманова // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно—исторической среды в крае в XIX—XX вв.». — Красноярск, 2000. — С. 72–75.

3. Абельс, Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс ; пер. с нем. яз. под общей редакцией Н. А. Головина, В. В. Козловского. — СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. — 272 с.

4. Аванесова, Г. А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике / Г. А. Аванесова, И. А Купцова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. статей. — Новосибирск, 2015. — С. 28–37.

5. Авдеева, Ю. Н. Значение культурной памяти мигрантов для этнической самоидентификации (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. / Юлия Николаевна Авдеева. — Красноярск, 2018. — 168 с.

6. Авдеева, Ю. Н. Компенсаторные практики формирования этнокультурной идентичности / Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко // Сибирский антропологический журнал. — 2020. — Т. 4. — №. 2. — С. 34–48.

7. Алавердян, А. Л. Этнокультурный менталитет и идентичность в условиях модернизации современной России.: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. / Артем Левушевич Алавердян. — Белгород, 2009. — 145 с.

8. Алексахина, Н. А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России / Н.А. Алексахина // Социологические исследования.—1998. — № 2. — С. 49–54.

9. Амоголонова, Д. Д. Бурятские этнокультурные процессы в условиях трансформации российского общества (1990–2000—е гг.): автореф. дис... д—ра ист. наук: 07.00.02 / Дарима Дашиевна Амоголонова. —Улан-Удэ, 2009. — 51 с.

10. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопросы психологии. — 1996. — № 1. — С. 131–143.

11. Астафьева, О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности / О.Н. Астафьева // Вопросы социальной теории: Научный альманах.2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М.

Резника и М.В. Глостановой. — Москва: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. — С. 255–281.

12. Астафьева, О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося / О.Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. Научный альманах. — Том V. Человек в изменяющемся мире. Пределы идентичности. — Москва: Издательство независимого института гражданского общества, 2011. — С.223–240.

13. Астафьева, О.Н. Межкультурные коммуникации и коллективная идентичность: новые акценты в культурной политике национальных государств // XV Международные Лихачевские научные чтения «Современные глобальные вызовы и национальные интересы»: сб. науч. тр. — 2015. — С. 302–304.

14. Астафьева, О. Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности / О.Н. Астафьева// Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н.А. Кочеляева. — Москва.: Рос. ин-т культурологии, 2012. — С. 95–114.

15. Астафьева, О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития / О.Н. Астафьева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2016. — № 5. — С. 32–41.

16. Астафьева, О.Н. Региональная культура и культурная политика: образы и практики / О.Н. Астафьева // Альманах научно-образовательного культурологического общества России: Мир культуры и культурология: Вып. IV (I). — Санкт–Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. — С.98–120.

17. Астафьева, О.Н. Национальная культура и региональные культуры: формирование образов и технологии имиджей / О.Н. Астафьева // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские

научные чтения / под ред. А.С. Запесоцкого. — Санкт–Петербург: СПбГУП, 2014. — С.357– 359.

18. Ахметова, С. А. Сельское локальное сообщество как объект монографического исследования / С. А. Ахметова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2009. — Т. 151. — № 5 (2). — С. 139–149.

19. Балаш, А. Н. Реляционная эстетика в контексте современных культурных практик / А. Н. Балаш // Вестник Санкт–Петербургского государственного института культуры. — 2018. — №. 4 (37). — С. 98–101.

20. Балыкова, А. А. Этнокультурная идентичность как социально-философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. / Арюна Анатольевна Балыкова. — Улан-Удэ, 2001. — 25 с.

21. Баранова, Т. С. Эмоциональное «я-мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) / Т. С. Баранова // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). — 2002. — № 14. — С. 70–101.

22. Баринов, Р. Г. Реализация государственной национальной политики в Красноярском крае: традиции и инновации / Р.Г. Баринов, Р.Г. Рафиков // Культурное наследие России. — 2016. — №. 3. — С. 43-50.

23. Бахревский, Е. В. Стратегия сохранения культуры и культурно—исторического наследия народов Российской Федерации на период до 2030 года. Проект / Е. В. Бахревский, О. А. Закунов, А. С. Миронов. —Москва: Институт наследия, 2016. — 136 с.

24. Белановский, С. А. Метод фокус-групп / С.А. Белановский. — Москва: Магистр, 1996. — 272 с.

25. Белик, А. А. Культурная (социальная) антропология – область научных исследований и учебная дисциплина / А. А. Белик // Этнографическое обозрение. — 2000. — № 6. — С. 2–15.

26. Белик, А. А. Культурная (социальная) антропология / А. А. Белик. — Москва: Российский гос. гуманит. ун—т, 2009. — 613 с.

27. Белик, А. А. Культурология: Антропологические теории культур / А. А. Белик. — Москва: Российский гос. гуманит. ун-т., 1999. — 241 с.
28. Белопольская, Н. Л. Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания / Н. Л. Белопольская. — Москва: Когито–Центр, 1998. — Вып. 2. — 24 с.
29. Бенедикт, Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США / Р. Бенедикт // Антология исследований культуры. — Москва: Университетская книга, 1997. — С. 271–284.
30. Берберян, А. С. Этническая идентичность и индекс толерантности в различной социокультурной среде / А.С. Берберян, О.Р. Тучина, И.А. Апполонов // Ярославский педагогический вестник. — 2019. — №. 1. — С. 127–133.
31. Бергельсон, М. Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий / М. Б. Бергельсон // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — № 4. — С. 166–181.
32. Бергер, П. Социальное конструирование реальности // Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва: Медиум, 1995. — 323 с.
33. Березюк, С. В. Музыкальная фольклорная культура коренных малочисленных народов Сибири и современная информационная среда: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. / Светлана Васильевна Березюк. — Красноярск, 2020. — 187 с.
34. Блистейн, П. Национальное строительство или русификация? обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах // П. Блистейн // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011.—С. 310–335.

35. Бойко, В.В. Коммуникативная толерантность: методическое пособие / В.В. Бойко. — Санкт–Петербург: МАПО, 1998. — 24 с.
36. Болина, З. Н. Эззууй — след нарты З. Н. Болина; под ред. Д. С. Болиной, Н.С. Кудряковой, В.Г. Заварзиной. — Дудинка, 2014. —155 с.
37. Большаков, В. П. Культурные практики в процессах становления культуры / В. П. Большаков // Вестник Санкт—Петербургского государственного института культуры. — 2016. — Т. 2 — № 27. — С. 16–22.
38. Борисова, Т.А. Педагогический контекст понимания идентичности личности: опыт историко—философского анализа / Т. А. Борисова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2015. — №. 1. — С. 53–58.
39. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. — Москва: Наука, 1983. — 418 с.
40. Брыксина, И. Е. Когнитивные аспекты формирования бикультурной языковой личности в обучении иностранному языку / И. Е. Брыксина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.—2008. — №. 4. — С. 133–138.
41. Бударин, Г. А. Центр города как пространство смыслов общегородской идентичности: пример Ульяновска / Г. А. Бударин // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России.; отв. ред. О В. Шиняева, И. Г. Гоношилина. — Ульяновск: Ульян. гос. техн. ун–т, 2015. — 245 с.
42. Булгакова, Т. Д. О политике патернализма в отношении коренных народов Севера / Т. Д. Булдакова, И. С. Гурвич // Вестник антропологии. — 2021. — 30–40 с.
43. Булгакова, Т. Д. Становление этнической идентичности в Сибири: роль традиций и современных институтов / Т. Д. Булгакова // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. — 2015. — № 8. — 227– 236 с.

44. Булгакова, Т. Д. Судьба культуры коренных народов Дальнего Востока в советскую эпоху / Т. Д. Булгакова // Культура Дальнего Востока России. — Санкт-Петербург, 2012. — 181–188 с.
45. Булгакова, Т.Д. Илья Самуилович Гурвич о политике патернализма в отношении коренных народов Севера / Т. Д. Булгакова // Вестник антропологии. — 2020. — Т.3. — № 51. — 30–40 с.
46. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые; под ред. Н. А. Шматко. — Москва: Алетейя, 2007. — 288 с.
47. Бурмистрова, О. Н. Организационная идентификация и оценка сотрудниками эффективности деятельности руководителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Ольга Николаевна Бурмистрова. — Москва, 2010. — 24 с.
48. Буррио, Н. Реляционная эстетика / Н. Буррио. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 216 с.
49. Васильев, В. В. Философская психология в эпоху Просвещения / В. В. Васильев. — Москва: Канон+, 2010. — 520 с.
50. Великая Сибирь. Вехи истории: альбом-каталог // отв. ред. М. В. Москалюк. — Москва; Красноярск, 2014. — 175 с.
51. Величинская, Л. Е. Агитационно—массовая деятельность краевых газет среди сельского населения во второй половине 1930—х гг. / Л. Е. Величинская // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно—исторической среды в крае в XIX—XX вв.». — Красноярск, 2000. — С. 90–95.
52. Винер, Б. Е. Межпоколенная передача этнической идентичности у этнодисперсных меньшинств (на примере современного Петербурга): дис... канд. соц. наук: 22.00.04. Москва, 1998. — 197 с.
53. Винер, Б. Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий / Б. Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — Т. 8. — №. 2. — С. 142–164.

54. Винер, Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения / Б. Е. Винер // Этнографическое обозрение. — 1998. — №. 4. — С. 3–26.

55. Виноградова, С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ / С.Н. Виноградова // Труды Кольского научного центра РАН. — 2010. — №. 2. — 127–139 с.

56. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. — Москва: Литрес, 2018. — 340 с.

57. Вицентий, И. В. Ценности и установки толерантности в политической субкультуре студенчества (на материалах Мурманской области): дис... канд. соц. наук: 22.00.05 / Ирина Викторовна Вицентий. — Санкт–Петербург, 2016. — 293 с.

58. Востряков, Л. Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия / Л. Е. Востряков // Научные труды Северо–Западного института управления. — 2011. — Т. 2. — № 2. — С. 176.

59. Востряков, Л. Е. Новая модель государственной культурной политики России / Л.Е. Востряков, А. С. Тургаев // Вестник Санкт–Петербургского государственного института культуры. — 2018. — Т. 3. — № 36. — С. 6–16.

60. Вундт, В. М. Проблемы психологии народов; пер. с нем. Н. В. Самсонова. — Изд. 3-е. — Сер. Из наследия мировой психологии.— Москва: URSS, 2010.— 132 с.

61. Гавронова, Ю. Д. Связь культурно—психологических характеристик личности с профессиональной идентичностью русских и немецких студентов: автореф. дис. ... канд. псих. наук / Юлия Дмитриевна Гавронова. — Смоленск, 2015. — 24 с.

62. Гайдин, С. Т. Развитие Красноярского края в годы «Оттепели»: материалы круглого стола / С. Т. Гайдин, Н.В. Гонина, Р.В. Павлюкевич, Г.

А.Реут [и др.] // Социально—экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2016. — № 4.— С. 292–313.

63. Гармаева, И. С. Стандартизация требования к профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования в организации культурных практик детей дошкольного возраста // Дошкольное образование в современном изменяющемся мире: теория и практика: сб. статей; отв. ред. А. И. Улзытуева. — Чита, 2018. — С. 59–68.

64. Гевель, Е. В. Образ города в Красноярском урочище / Е. В. Гевель. —Красноярск: Лад студия, 2012. —224 с.

65. Герасимов, А. С. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке / А. С. Герасимов // Вестник Псковского государственного университета. Естественные и физико—математические науки. — 2013. — № 3. — С. 57–63.

66. Гидденс, Э. Основные понятия в социологии / Э. Гидденс, Ф. Саттон; пер. с англ.; под науч. ред. С. Гавриленко. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 336 с.

67. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — Москва.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

68. Гирц, К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / К. Гирц // Антология исследований культуры. — 1997. — Т. 1. — С. 170–199.

69. Гозман, Л. Я. Самоактуализационный тест (адаптация теста ROI Эверетта Шострома) / Л. Я. Гозман, М. В. Кроз, Ю. Е. Алешина, М. В. Загика. — Москва: Издательство МГУ.—1984.

70. Головашина, О. В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности / О. В. Головашина // Социологические исследования. — 2015. — Т. 7. — № 7. — С. 64–71.

71. Горбачева, Н. Б. Влияние межпоколенной коммуникации на социализацию молодежи / Н. Б. Горбачева // Карельский научный журнал. — 2015. — Т. 1. — № 10.— С. 111–114.

72. Горшков, М. К. Прикладная социология: методология и методы / М.К. Горшков, Э.Ф. Шереги. — Москва: Ин—т социологии РАН, 2011. — 371 с.
73. Готлиб, А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты / А.С. Готлиб. — Самара: Универс—групп, 2004. — 448 с.
74. Гронас, М. «Чистый взгляд» и взгляд практика: Пьер Бурдьё о культуре / М. Гронас // Новое литературное обозрение. — 2000. — Т. 45. — С. 6–21.
75. Гудова, М. Ю. Культурная практика досугового чтения в современной информационной культуре / М. Ю. Гудова // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — С. 374–376.
76. Гудова, М. Ю. Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 30. — С. 100–104.
77. Гудова, М. Ю. Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования / М. Ю. Гудова // Вестник культуры и искусств. — 2014. — Т. 3. № 39. — С. 82–88.
78. Гуревич, П. С. Идентичность многолика и взыскующая/ П. С. Гуревич // Философия и культура. — 2015. — №. 7. — С. 957–961.
79. Гусев, А. Н. Новые возможности статистической системы IBM SPSS Statistics для обработки данных психологических исследований / А. Н. Гусев // Известия Иркутского государственного университета. Психология. — 2016. — Т. 17. — С. 3–11.
80. Давыденко, И. М. Художники Красноярска / И. М. Давыденко. — Ленинград: Художник РСФСР, 1980. —136 с.
81. ДAUDРИХ, Н. И. Социальная идентичность: методический аспект / Н. И. ДAUDРИХ // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). — 2000. — №. 12. — С. 77–95.

82. Девятко, И. Ф. Методы социологического исследования / И. Ф. Девятко. — Москва: Университет, 2006. — 293 с.
83. Дегтяренко, К. А. Культурная память и конструирование этнической идентичности коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации (на материале анализа кетов) в конце XX-начале XXI вв: дис... канд. культ: 24.00.01/ Ксения Александровна Дегтяренко. Красноярск, 2020. — 212 с.
84. Дегтяренко, К. А. Современные гуманитарные технологии конструирования этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов Красноярского края: дис. — Красноярск, 2016. — 190 с.
85. Декарт, Р. Сочинения в 2 т. / Р. Декарт; под ред. В.В. Соколова. — Москва: Мысль, 1989. — Т. 1. — 654 с.
86. Декарт, Р. Сочинения в 2 т. / Р. Декарт; под ред. В.В. Соколова. — Москва: Мысль, 1994. — Т. 2. — 633 с.
87. Денисова, Г. С. Особенности региональной идентичности населения Юга России / Г. С. Денисова, Л. В. Клименко // Социологические исследования. — 2013. — № 7. — С. 25–34.
88. Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные / под ред. В. А. Иванюшина, Д. А. Александров, В.В. Баранова. — Санкт-Петербург: Издательство Политехнического университета, 2011. — 100 с.
89. Дзякович, Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: автореф. ... дис. доктора культурол.: 24.00.01. Москва, 2011. 46 с.
90. Дзякович, Е. В. Локальная идентичность как социокультурный феномен современной российской провинции / Е.В. Дзякович // Обсерватория культуры. — 2010. — № 5. — С. 24–29.
91. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей; пер. с нем. Е. Д. Зайцевой, под ред. Г. Г. Шпета. — Москва: Рипол классик, 2019. — 290 с.

92. Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей; под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. — Москва: Три квадрата, 2004. — 419 с.

93. Дильтей, В. Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей; под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе; пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. — Москва: Дом интеллектуальной книги, 2000. — 762 с.

94. Дмитриев, А. В. Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп / А. В. Дмитриев, В.В. Воронов, Е.А. Михайлова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2017. — № 6. — С. 97–124.

95. Докучаев, Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально–философский анализ: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Денис Сергеевич Докучаев.— Иваново, 2011. — 25 с.

96. Дробижева, Л. М. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР) / Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов // Советская этнография. — 1981. — № 3. — 11–22 с.

97. Дробижева, Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России / Л. М. Дробижева // Москва: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

98. Дряева, Э. Д. Проблема личностной идентичности: две стратегии исследования / Э. Д. Дряева // Философские науки. — 2016. — №. 10. — С. 41–53.

99. Дугин, А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки / А. Г. Дугин. — Москва: Арктогея-Центр, 2002. — 418 с.

100. Дугин, А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Дугин. — Москва: Евразийское движение. — 2009. — 744 с.

101. Дугин, А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Г. Дугин. — Санкт–Петербург: Амфора, 2007. — 382 с.

102. Дьякова, В. В. Гражданская идентичность современного российского поколения X (на примере Астраханской области) / В. В. Дьякова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета.— 2016. — №. 3. — С. 28–31.

103. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм; пер. с фр., составление, посл. и прим. А. Б. Гофмана. — Москва: Канон, 1995. — 352 с.

104. Елисеев, С. М. Уровень политической толерантности студенческой молодежи Мурманской области / С. М. Елисеев, И. В. Вицентий // Современные концепции профессионального образования студенческой молодежи. — Ульяновск: simjet, 2015. — С. 292–304.

105. Ермаков, С. П. Возрастные особенности миграции в субъектах Российской Федерации в 2000–2010 гг. / С.П. Ермаков, С.Ю. Никитина // Народонаселение. — 2015. — Т. 3. — № 69.— С. 15–29.

106. Ермолаева, Е. Б. Особенности профессиональной идентичности учителей Беларуси, России, Латвии / Е. Б. Ермолаева, Т. Г. Шатюк, С. В. Сильченкова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2018. — Т. 2. — № 54. — С. 127–135.

107. Железняков, А. С. Цивилизационное измерение идентичности многополюсного мира / А. С. Железняков // Философские науки.—2012. — №. 11. — С. 11–21.

108. Жуковский, В. И. Производство искусства; концептуальный стержень художественной культуры / В. И. Жуковский // Художественное образование и наука. — 2015. — №. 4. — 24–30 с.

109. Забытые страницы Сибири: альбом / авт.–сост. Э. А. Шемрякова, А. Д. Шемряков. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2011. —Ч. 2. —79 с.

110. Замараева, Ю. С. Историко—культурные практики сохранения и возрождения Эвенкийского языка в период с 1930 по 2000—е гг. в Эвенкийском муниципальном районе Красноярского края (на материале анализа архивных документов Эвенкийского архива) / Ю. С. Замараева, Н. А. Сергеева, А. И. Филько, Е. С. Стручева // Северные архивы и экспедиции. — 2019. — Т. 3. — №. 1. — С. 22–53.

111. Замараева, Ю. С. Роль религии в сохранении традиционного образа жизни эвенков / Ю. С. Замараева, В. С. Лузан, С. В. Метляева, Н. Н. Середкина [и др.] // Северные архивы и экспедиции. — 2019. — Т. 3. — №. 3. — С. 34–47.

112. Замараева, Ю. С. Долганская детская литература: история и специфика / Ю. С. Замараева, К. В. Резникова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — Т. 9. — № 9. — С.2022–2043.

113. Замараева, Ю. С. Исследование отношения к мигрантам в Красноярском крае (результаты ассоциативного эксперимента по методике "Серийные тематические ассоциации") / Ю.С. Замараева // Северные архивы и экспедиции. — 2018. — Т. 2. — №. 2. — С. 69–80.

114. Замараева, Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX-нач. XXI вв.(на примере Красноярского края): дис канд. филос. наук: 24.00.01 / Замараева Юлия Сергеевна. — Великий Новгород, 2011. — 20 с.

115. Замараева, Ю. С. Рекомендации по развитию декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Красноярского края / Ю. С. Замараева, К. В. Резникова, Н. Н. Середкина // Сибирский антропологический журнал. — 2017. — Т. 1. — №. 3. — 23–41с.

116. Замараева, Ю. С. Сложные формы этнической идентичности / Ю. С. Замараева // Северные архивы и экспедиции. — 2020. — Т. 4. — №. 2. — С. 75–89.

117. Замараева, Ю. С. Формирование понятия «сложная идентичность» в современных гуманитарных науках / Ю.С. Замараева // Сибирский антропологический журнал. — 2020. — Т. 4. — №. 2. — С. 89–102.

118. Зберовская, Е. Л. Численность, состав и территориальное размещение спецпоселенцев в Красноярском крае (1945 г. – начало 1950—х гг.) / Е. Л. Зберовская // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. — 2006. — № 11. — С. 374–379.

119. Зинченко, Ю. П. Разработка и апробация комплексной психодиагностической методики изучения этнокультурной идентичности (ЭКИ): методологические принципы и технические решения / Ю. П. Зинченко, Л.А. Шайгерова, Г.У. Солдатова, Р. С. Шилко [и др.] // Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России: материалы круглого стола: сб.: в 2 т. — Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. — 226 с.

120. Иванюшина, В. А. Этническая самоидентификация подростков—мигрантов / В. А. Иванюшина, Д. А. Александров, Е. В. Казарцева // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. 19. — №. 2. — С. 113–128.

121. Иванюшина, В. А. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России / В. А. Иванюшина, Д. А. Александров, Е. В. Казарцева // Вопросы образования. — 2015. — №. 2. — С. 173–195.

122. Идентичность как предмет политического анализа: сборник ст. / отв. ред. И. С. Семененко, Л. А. Фадеева. — Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011. — 299 с.

123. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты / под ред. К.В. Патырбаева. — Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, — 2012. — 249 с.

124. Ильбейкина, М. И. Современные музейные практики: 2000—2012 гг. / М. И. Ильбейкина // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — №. 1. — С. 399.

125. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России / отв. ред. Ю.Г. Волков. — Ростов на Дону: Фонд науки и образования, 2018. — 304 с.

126. Ирвинг Гофман: Техники презентации // Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс; пер. с нем., под общ. ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. — 272 с.

127. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. — 2011. — №. 4. — С. 227–232.

128. Йохансен, У. По страницам книги С. М. Широкогорова (01.07.1887 Суздаль—19.10.1939 Пекин) «Психоментальный комплекс тунгусов». Лондон, Шанхай, 1935 / У. Йохансен // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. — 2010. — Т. 12. — № 1. — С. 117–120.

129. Кагарлицкий, Б. Советская политика и традиция просвещения // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. — М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2013. — С. 50–63.

130. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. — Москва: Искусство, 1994. — 367 с.

131. Карлова, О. А. Межэтническое пространство Сибири: историческая специфика и современные проблемы: (опыт Красноярского края) / О. А. Карлова // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. статей СФУ. — Красноярск: СФУ, 2018. — 8–16 с.

132. Катбамбетова, М. А. Региональная идентичность в контексте многоуровневой идентичности / М. А. Катбамбетова // Вестник Адыгейского

государственного университета. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2013. — Т. 4. — № 130. — 1–4 с.

133. Кирко, В. И. Постсоветские практики сохранения этнокультурной идентичности коренных народов Севера и Сибири в Красноярском крае Российской Федерации / В. И. Кирко // Социодинамика. — 2015. — № 6. — С. 113–133.

134. Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Анастасия Викторовна Кистова. — Красноярск, 2013. — 22 с.

135. Кистова, А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации / А. В. Кистова // Специфика этнических миграционных процессов в XX-XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. статей СФУ. — Красноярск, 2019. — 170–176 с.

136. Клецина, И. С. Гендерная психология / И.С. Клецина; под ред. И. С. Клециной. — СПб.: Питер, 2009. — 496 с.

137. Ковалев, М. П. Этнокультурная идентичность диаспоры в глобализирующемся мире: специфика состояния и векторы изменения в процессе репатриации.: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. / Максим Петрович Ковалев. — Томск, 2011. — 159 с.

138. Козлова, Н. Н. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация / Н. Н. Козлова, Н. М. Смирнова // Социологические исследования. — 1995. — №. 11. — С. 12–22.

139. Козлова, Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей / Н. Н. Козлова // Общественные науки и современность. — 1992. — №. 3. — С. 47–56.

140. Колбачаева, Ж. Е. Особенности формирования национальной идентичности Казахстана в современных условиях / Ж. Е. Колбачаева //

Проблемы постсоветского пространства. — 2018. — Т. 5. — №. 1. — С. 101–107.

141. Колесник, М. А. Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы: дис... канд. культ. наук: 24.00.01. Красноярск, 2015. — 168 с.

142. Колесник, М. А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера / М.А. Колесник // *ВВ: Философские исследования*. — 2014. — № 3. — С. 39–59.

143. Комарова, А. А. Социальное регулирование этнокультурной идентичности русской студенческой молодежи / А. А. Комарова // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. — 2011. — №. 9. — С. 259–265.

144. Конт, О. Курс положительной философии / О. Конт // *Западноевропейская социология XIX века: тексты; под ред. В. И. Добренькова*. — Москва: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. — С. 94–119.

145. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. — Москва: Либроком, 2011. — 296 с.

146. Копцева, Н. П. К вопросу о государственной политике в области сохранения языков коренных малочисленных народов Севера / Н. П. Копцева // *Арктика и Север*. — 2014. — № 16. — С. 34–40.

147. Копцева, Н. П. Анализ процессов аккультурации в малых городах субъектов Российской Федерации на примере Красноярского края / Н. П. Копцева // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. — 2014. — Т. 3. — № 1. — 75–79 с.

148. Копцева, Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе / Н. П. Копцева // *Социодинамика*. — 2013. — № 12. — С. 1–16.

149. Копцева, Н. П. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография / Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина. — Красноярск: СФУ, 2013.—183 с.

150. Копцева, Н. П. Современные культурные практики сохранения этнической идентичности коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Республике Бурятия / Н. П. Копцева // Человек и культура. — 2014. — № 1. — С. 17–30.

151. Копцева, Н. П. Философия. Истина как цель и смысл: введение в алетологию: монография / Н. П. Копцева. — Красноярск: СибГТУ, 2003. — 192 с.

152. Копцева, Н. П. Сохранение и развитие коренных народов циркумполярных территорий: культурно—антропологический анализ / Н.П. Копцева, К.В. Резникова, Н.Н. Пименова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. —2010. — Т. 3. — № 5. — Р. 649–666.

153. Копцева, Н. П. Культурно-антропологический проект социальной инженерии (проблема методологии современных прикладных культурных исследований) / Н. П. Копцева // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2009. — Т.1. — № 3. — С. 22–34.

154. Коренные малочисленные народы Севера и Сибири в условиях глобальных трансформаций (на материале Красноярского края). Ч. 1. Концептуальные и методологические основы исследования. Этнокультурная динамика коренных малочисленных народов Красноярского края: Коллективная монография; отв. ред. Н. П. Копцева. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. — 640 с.

155. Корж, Н. В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян / Н. В. Корж, Е. В. Щанина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2016. — Т. 1. — № 37. — С. 143–152.

156. Корниенко, Д. С. Структура интраэтнических факторов в комплексной модели межэтнического взаимодействия / Д. С. Корниенко, М. В. Балева // Вестник Пермского государственного гуманитарно—педагогического университета. Психологические и педагогические науки. — 2013. — №. 1. — С. 76–84.

157. Коробкина, А. Н. Медиаобразование как дискурс и современная культурная практика / А. Н. Коробкина // Теория и практика общественного развития. — 2013. — №. 11. — С. 398–400.

158. Короленко, Ц. П. Идентичность в норме и патологии / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко. — Новосибирск: НГПУ, 2000. — 256 с.

159. Кочегарова, О. С. Построение статистической модели общей численности населения Российской Федерации на основе ретроспективного прогноза / О. С. Кочегарова, Ю. В. Лажаунинкас // Russian Journal of Education and Psychology. — 2017. — Т. 8. — №. 6. — С. 56–66.

160. Кравченко, Н. Ю. Методологические аспекты исследования гражданской идентичности / Н. Ю. Кравченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. — 2012. — Т. 12. — №. 4. — С. 3–7.

161. Красовский, А. Сельские школы Енисейского района накануне коллективизации / А. Красовский, А. Шайдт // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно—исторической среды в крае в XIX–XX вв.»: ст. трудов. — Красноярск, 2000. — С. 75–83.

162. Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у малочисленных коренных народов Средней Сибири: дис. д. ист. н.: 07.00.07. / Виктор Павлович Кривоногов. — Новосибирск, 2000. — 445 с.

163. Кривоногов, В. П. Современные этнические процессы у тувинцев юга Красноярского края / В. П. Кривоногов // Новые исследования Тувы. — 2017. — № 1. — С. 45–58.

164. Кривоногов, В. П. Динамика этнических процессов у кетов в конце XX—начале XXI века / В. П. Кривоногов // Сибирский антропологический журнал. — 2017. — Т. 2. — № 9. — С. 41–57.

165. Кривоногов, В. П. Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) / В. П. Кривоногов // Северные архивы и экспедиции. — 2019. — Т.3. — № 3. — 6–19 с.

166. Крылов, М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России / М. П. Крылов // Социологические исследования. — 2005. — № 3. — С. 13–23.

167. Крылова, Н. Б. Введение в методологию индивидуального образования / Н. Б. Крылова // Новые ценности образования. — 2005. — Т. 21. — №. 2. — С. 27–42.

168. Крылова, Н. Б. Культурная парадигма как основа развития современной школы / Н. Б. Крылова // Школьные технологии. —2008. — №. 3. — С. 51–54.

169. Крылова, Н. Б. Развитие культурологического подхода в современной педагогике / Н. Б. Крылова // Личность в социокультурном измерении: история и современность: сб. статей. —Москва: Индрик. — 2007. — С. 132–138.

170. Крылова, Н. Б. Свободное воспитание в семье и школе: культурные практики детей / Н. Б. Крылова// Москва: Сентябрь, 2007.—192 с.

171. Крюкова, Т. Л. «Мы» и «Они» в межкультурном пространстве коммуникативного процесса (на примере России, Германии и Франции) / Т. П. Крюкова, М. В. Сапоровская // Вестник Костромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2009. — Т. 15.— №. 4. — С. 221–225.

172. Кудашкин, В. А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985-2004 гг. / В. А. Кудашкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2014. — №. 4. — 62–68 с.

173. Кузнецов, А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова / А. М. Кузнецов // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 3. — С. 54–71.

174. Культура: Ситуация, проблемы, поиски решения: сб. статей / сост. Е. Л. Кудрина, Л. И. Рудич, Г. Л. Рукша. — Красноярск: Кемеровский институт искусств и культуры, 1997. — 215 с.

175. Курбанов, Н. И. Этнокультурная идентичность в современной социокультурной ситуации: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. / Нариман Исрафил-оглы. — Москва, 2012. — 208 с.

176. Куренной, В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований / В. И. Куренной // Философско-литературный журнал Логос. — 2012. — № 1. — С. 14–79.

177. Куренной, В. Советский эксперимент строительства институтов / В. Куренной // Время, вперед! Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013.—272 с.

178. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. — Москва: Смысл, 2000 (1-е изд. 1992). — 18 с.

179. Леонтьева, А. А. Бикультурная идентичность как проблема психологии / А. А. Леонтьева // Психологические исследования: электронный научный журнал. — 2015. — Т. 8. — №. 40. — С. 11.

180. Леонтьева, А. В. История и культура ненецкого народа / А. В. Леонтьева, К. М. Бугаева // Арктика и Север. — 2013. — № 12. — С. 125–134.

181. Липатов, С. А. Современные исследования организационной идентификации в зарубежной психологии / С. А. Липатов, А. В. Ловаков // Национальный психологический журнал. — 2010. — №. 1. — С. 70–75.

182. Лобынева, Е. И. Государственная культурная политика в СССР в 60–80—е гг. XX в. (на примере Красноярского края): дис... канд. культур.: 24.00.01 / Екатерина Ивановна Лобынева. — Красноярск, 2016. — 173 с.

183. Логачева, Л. Г. Деятельность полиции по борьбе с революционным движением в Енисейской губернии в начале XX в. / Л. Г. Логачева, Т. В. Шитова // Материалы II Краеведческих чтений «Формирование культурно-исторической среды в крае в XIX–XX вв.»: сб. трудов. — Красноярск, 2000. — С. 50–53.

184. Локк, Дж. Соч. В 3 т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. — Москва: Мысль, 1985. — 560 с.

185. Лузан, В. С. К вопросу о влиянии культурной политики на современные локальные идентичности / В. С. Лузан // Социодинамика. — 2016. — № 2. — С. 47–66.

186. Лузан, В. С. Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 год: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.00.01 / Лузан Владимир Сергеевич. — Красноярск, 2017. — 386 с.

187. Лузан, В. С. Социально—философский анализ динамики государственной культурной политики Российской Федерации: автореф. ... канд. философ. наук: 09.00.01 / Лузан Владимир Сергеевич. — Красноярск, 2011. — 25 с.

188. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. — Москва: Академический Проект, 2003. — 624 с.

189. Лысенко, И. С. Специфика этнического состава населения Красноярского края конца XX—начала XXI века / И. С. Лысенко // Вестник Новосибирского государственного университета. История. Филология. — 2008. — Т. 7. № 3. — С. 175–182.

190. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс; пер. с англ. — Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер», 2011. — 800 с.

191. Маймакова, А. Д. Язык и этнос: этносоциальный аспект / А. Д. Маймакова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2015. — Т. 3 — № 1. — С. 123–127.

192. Макаров, Н. П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера / Н. П. Макаров // Журнал СФУ: Гуманитарные науки. — 2013. — Т.6. — № 6. — С. 816–841.

193. Максимов, М. Б. Гражданская, этническая и религиозная идентичности: региональное измерение / М. Б. Максимов, С. Г. Максимова, Г. С. Авдеева [и др.] // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2015. — Т. 11. — № 133. — С. 167–171.

194. Маликова, Н. Н. Дизайн и методы социологического исследования / Н. Н. Маликова, О. В. Рыбакова. — Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2014. — 234 с.

195. Малиновский, Б. Научные принципы и методы исследования культурного измерения / Б. Малиновский // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. — С. 371–384.

196. Малиновский, Б. Функциональная теория / Б. Малиновский // Москва: ОГИ, 2000 —184 с.

197. Малыгина, И. В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности / И. В. Малыгина // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — №. 5. — С. 219–224.

198. Малыгина, И.В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии: учебное пособие / И.В. Малыгина. — Москва: Согласие, 2018. — 240 с.

199. Малышева, Е. В. Стратегии конструирования этнокультурной идентичности в поликультурном обществе / Е. В. Малышева // "Цели развития тысячелетия" и инновационные принципы устойчивого развития арктических регионов. — Санкт–Петербург, 2009. — Т. 3 — 52–54 с.

200. Материалы к изданию «Хроника культурного процесса Красноярского края. 1965, 1966, 1967 годы» / Гос. универс. науч. библиотека Красноярского края ; Сиб. гос. ин—т искусств им. Дмитрия Хворостовского; автор—сост. Г. Л. Рукша. — Красноярск: ГУНБ, 2019. — 143 с.

201. Машанов, А. Н. Дом творчества «Челюскинская». Реальность и возможные перспективы развития / А. Н. Машанов, О. А. Прошкина // Искусство Евразии. — 2019. — Т. 1. — № 12. — С. 139–147.

202. Меджидова, С. М. Анализ «Я - концепции» с помощью теста «Кто я такой» / С. М. Меджидова, А. И. Орланова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2004. — №. 6 —7. — С. 169–180.

203. Мельникова, О. Т. Фокус группы: Методы, методология, модерирование: учебное пособие для студентов вузов / О. Т. Мельникова. — Москва: Аспект Пресс, 2007. — 320 с.

204. Мертон, Р.К. Наука и социальный порядок / Р. Мертон // Вопросы социальной теории. — 2007. — Т. 1. — № 1. — С. 191–207.

205. Методы изучения культуры: учебник / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Ю. С. Замараева [и др.]; под ред. Н. П. Копцевой. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. — 184 с.

206. Методы этнической и кросскультурной психологии: учеб.– метод. пособие / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. — Москва.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. — 236 с.

207. Миронов, А. В. Самоотношение и этническая идентичность личности (на примере обских угров и русских): автореф. дис.... канд. психол. наук: 19.00.05 / Андрей Валерьевич Миронов. — Санкт—Петербург, 2012. — 23 с.

208. Монаков, А. М. Этнос и этническая идентичность / А. М. Монаков // Вестник Московского университета. Философия. — 2008. — №. 1. — С. 72–91.

209. Монгуш, М. В. Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Марина Васильевна Монгуш. — Москва, 2005. — 52 с.

210. Монин, М. А. Культурология и/или Culture studies / М. А. Монин // Вестник Московского университета. Философия. — 2017. — №. 1. — С. 78–84.
211. Морозова, О. Ф. Культурные детерминанты социального управления: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Морозова Ольга Федоровна. — Москва, 2011. — 359 с.
212. Морозова, О. Ф. Культуроцентризм в управлении культурными коммуникациями / О. Ф. Морозова // Психология в экономике и управлении. — 2014. — № 1. — С. 140–144.
213. Москалюк, М. В. Живопись Сибири второй половины XX – начала XXI в контексте визуализации культуры / М. В. Москалюк, Т. Ю. Серикова // Красноярск: СФУ, 2012. — 172 с.
214. Москалюк, М. В. Изобразительное искусство Сибири / М. В. Москалюк // Сибирь-Дальний Восток. Красноярск. — 2015. — С. 8–12.
215. Москалюк, М. В. Красноярские художники: война и тыл, судьба и творчество / М. В. Москалюк // Освобождение. Историко-культурологический литературно-художественный альманах «Тобольск и вся Сибирь». — Т. 3. — 246–256 с.
216. Музыкальная культура Красноярска [1628-1920] / отв. ред. Л. В. Гаврилова. Красноярск, 2009. — 455 с.
217. Музыкальная культура Красноярска. 1920–1978: коллективная монография / отв. ред. Л. В. Гаврилова. — Красноярск, 2011. — 608 с.
218. Музыкальная культура Красноярска. 1978–2012: коллективная монография / отв. ред. Л. В. Гаврилова. — Красноярск, 2012. — 432 с.
219. Муха, В. Н. Методологические аспекты изучения региональной идентичности / В. Н. Муха, В. А. Литовка // Современные исследования социальных проблем. — 2013. — Т. 9. — № 29. — 12 с.
220. Мюльман, В., Д. А. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) / В. Мюльман; пер. Д. А. Функ // Этнографическое обозрение. — 2002. — №. 1. — С. 144–155.

221. Набок, И. Л. Роль государственной культурно-образовательной политики 20-30 гг. XX века в развитии коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / И. Л. Набок // Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. XII Плехановские чтения. — 2017. — 121–128 с.

222. Назукина, М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.02 / Мария Викторовна Назукина. — Пермь, 2009. — 26 с.

223. Наследов, А. Д. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. — Санкт-Петербург: Питер, 2013. — 416 с.

224. Недбаева, С. В. Становление и развитие личностно ориентированной психологической практики в российском образовании: дис... д—ра пед наук: 19.00.07 / Светлана Викторовна Недбаева. — Ставрополь, 2001. — 400 с.

225. Немаева, Н. О. Специфика идеалообразования в современной православной художественной культуре (на материале Красноярского края): дис. ... канд. культ.: 24.00.01. / Нататалья Олеговна Немаева. — Красноярск, 2018. — 185 с.

226. Немировская, А. В. Социальная толерантность в полиэтническом региональном обществе (на материалах социологического исследования в Красноярском крае) / А. В. Немировская // Социальные вызовы модернизации регионов России. — 2011. — С. 99–104.

227. Немировский, В. Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформаций и модернизационных процессов в России (2010–2012 гг.) / В. Г. Немировский. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. — 184 с.

228. Немировский, В. Г. Динамика социокультурных процессов в Красноярском крае (на материалах социологических исследований в регионе

в 2010–2012 гг.) / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. — 246 с.

229. Немировский, В. Г. Социокультурный портрет Красноярского края // В. Г. Немировский, А. В. Немировская // Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. — 264 с.

230. Немировский, В. Г. Фреймы смерти в массовом сознании сибиряков: структура и динамика (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 1995-2010 гг.) / В. Г. Немировский // Мониторинг. — 2011. — Т.2. — № 102. — С. 116–125.

231. Немировский, В. Г. Социокультурная модернизация регионов Сибири / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. — Санкт-Петербург, ИД «Петрополис», 2013. — 200 с.

232. Немировский, В. Г. Социокультурные процессы в Сибирском регионе (Красноярский край в 2010-2014 гг.) / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. — 244 с.

233. Несмеянова, Р. К. Актуальные тенденции исследования организационной идентификации в зарубежной психологии / Р. К. Несмеянова, С. А. Липатов // Человеческий капитал. — 2018. — №. 1. — С. 60–72.

234. Несмеянова, Р. К. Взаимосвязь восприятия и привлекательности корпоративной культуры с организационной идентификацией сотрудников / Р. К. Несмеянова, С. А. Липатов // Организационная психология. — 2017. — Т. 7. — №. 3. — С. 67–84.

235. Несмеянова, Р. К. Субъективное представление о корпоративной культуре и организационная идентификация: особенности взаимосвязи / Р. К. Несмеянова // Вестник Московского университета. Психология. — 2017. — №. 1. — С. 88–104.

236. Нестик, Т. А. Глобальная идентичность как социально—психологический феномен: теоретико—эмпирическое исследование / Т. А.

Нестик // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2017. — Т. 2. — №. 4. — С. 145–185.

237. Никитин, В. Я. Теоретические аспекты методики применения фокус-групп в педагогических исследованиях / В. Я. Никитин // Академия профессионального образования. — 2013. — Т. 1. — № 2. — С. 3–12.

238. Никишенков, А. А. История британской социальной антропологии / А. А. Никишенков. — Санкт–Петербург: Издательство Санкт–Петербургского университета, 2008. — 494 с.

239. Никишина, В. Б. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации / В. Б. Никишина, Е. А. Петран // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2014. — Т. 21. — Т. 6. — № 177. — С. 254–261.

240. Новые перспективы для энцев: исследовательские и прикладные проекты: монография / отв. ред. Н. П. Копцева; Ю. Н. Авдеева, Ю. С. Замараева, В. И. Кирко, А. В. Кистова [и др.]. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. — 196 с.

241. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры / Н. П. Копцева, А. Е. Амосов, Ю. С. Замараева, М. И. Ильбейкина [и др.]. — Красноярск: Сиб. федер ун-т, 2018. — 246 с.

242. Ньюман, Л. Значение методологии: три основных подхода/ Л. Ньюман // Социологические исследования. — 1998. — №. 3. — С. 122–134.

243. Обморокова, А. М. Формирование региональной идентичности и способ воплощения концепта «Родина» в красноярском культурном пространстве / А. М. Обморокова // Социодинамика. — 2015. — № 2. — С. 37–53.

244. Омельченко, Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: автореф. дис... д—ра соц. наук: 22.00.06 / Елена Леонидовна Омельченко.— Москва, 2005. — 34 с.

245. Орестова, В. Р. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго–идентичности Дж. Марсиа / В. Р. Орестова, О. А. Карabanова // Психология и школа. — 2005. — №. 1. — С. 39–90.

246. Орестова, В. Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дис... канд. псих. наук: 19.00.13 / Василиса Руслановна Орестова. — Москва, 2001. — 207 с.

247. Орлова, Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании / Э. А. Орлова // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. 4. — С. 87–111.

248. Орлова, Э. А. Культурная (социальная) антропология: учебное пособие / Э. А. Орлова. — Москва: Академический проект, 2017. — 480 с.

249. Осколова, Т. Л. Формирование национальной идентичности студентов в поликультурном обществе: дис... канд. псих. наук: 13.00.01 / Татьяна Леонидовна Осколова. — Москва, 2017.— 218 с.

250. Остин, Дж. Как совершать действия при помощи слов? / Дж Остин; пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. — Москва: Идея–Пресс, 1999.— 332 с.

251. Павленко, В. Н. Общая и прикладная этнопсихология / В. Н. Павленко, С. А. Таглин. — Москва: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. — 483 с.

252. Памятники истории и культуры Красноярского края / под ред. Г. Л. Рукша, Г. Ф. Быконя, Н. И. Дроздов. — Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. Вып. 1 — 399 с.

253. Пантилеев, С. Р. Методика исследования самоотношения / С. Р. Пантилеев, В. В. Столин. — Москва: Смысл, 1993. — 32 с.

254. Парсонс, Т. Социальные системы / Т. Парсонс // Вопросы социальной теории. — 2008. — Т. 2. — Т. 1. — № 2. — С. 38–71.

255. Певнов, А. М. «Тунгусский словарь» С. М. Широкогорова / А. М. Певнов, М. М. Хасанова // Этнос и нация в условиях глобализации: опыт и

прецеденты АТР (III Широкогоровские чтения). — Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. — С. 121–124.

256. Петраш, Е. А. Социальная идентичность в норме и при нарушении: автореф. дис... д-ра псих. наук: 19.00.05 / Екатерина Анатольевна Петраш. — Курск, 2017. — 57 с.

257. Пивоваров Д. В. Социоцентрические религии / Д. В. Пивоваров. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. — 140 с.

258. Пивоваров, Д. В. Философия религии: Гносеология религии / Д. В. Пивоваров. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. — 554 с.

259. Пивоваров, Д. В. Философия религии: Онтология религии / Д. В. Пивоваров. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. — 568 с.

260. Пивоваров, Д. В. Философия религии: Праксеология религии / Д. В. Пивоваров. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2012. — 476 с.

261. Пивоваров, Д. В., Медведев, А. В. Философия религии / Д. В. Пивоваров, А.В. Медведев. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. — 338 с.

262. Пивоваров, Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов / Д. В. Пивоваров. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 248 с.

263. Пименова, Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики / Н. Н. Пименова // Человек и культура. — 2014. — № 2. — С. 28–66.

264. Пименова, Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных этносов Севера и Сибири: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Наталья Николаевна Пименова. — Красноярск, 2015. — 183 с.

265. Пименова, О. И. Сложности идентификационных процессов в среде современной российской молодежи / О. И. Пименова // XIX Уральские социологические чтения: региональные особенности разработки и

реализации социальной политики: сб. трудов. — Екатеринбург, 2013. — С. 251–254.

266. Полевые исследования в Эвенкийском муниципальном районе: по материалам научно-исследовательской работы / Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева, Н. А. Сергеева, А. И. Филько [и др.]. — Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2018. — 210 с.

267. Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В. Д. Попков. — Москва: ИС РАН, 2003.—340 с.

268. Попова, О. В. Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга по данным эмпирического исследования 2015 года / О. В. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. — 2016. — № 2. — С. 31–41.

269. Похилько, А. Д. Методология изучения социальной идентичности в социологии и социальной философии / А. Д. Похилько, С. М. Сергеев // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2018. — Т. 6. — № 103. — С. 47–51.

270. Прикладная культурология: энцикл. / сост. и науч. ред. И. М. Быховская. — Москва: Изд-во «Согласие», 2019. — 846 с.

271. Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. трудов / отв. за выпуск О. В. Шиняева. — Ульяновск: УлГТУ, 2015. — 245 с.

272. Пчелкина, Д. С. Трансформация этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края в конце XX-начале XXI вв: дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. / Дарья Сергеевна Пчелкина. — Красноярск, 2020. —176 с.

273. Пчелкина, Д. С. Трансформация этнической манифестации коренных малочисленных народов Арктической зоны Красноярского края в конце XX-начале XXI вв: дис... канд. культ: 24.00.01/ Пчелкина Дарья Сергеевна. — Красноярск: СФУ, — 2020. —176 с.

274. Рафиков, Р. Г. Вопросы межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае за 2004-2008 годы: / Р. Г. Рафиков // Информационный бюллетень №5. — Красноярск: Платина, — 2009. — 192 с.

275. Ревуненкова Е. В. Сергей Михайлович Широкогоров / Е. В., Ревуненкова, А. М. Решетов // Этнографическое обозрение. — 2003. — № 3. — С. 100–118.

276. Резник, Ю. М. Социокультурный подход как методология исследований / Ю.М. Резник // Вопросы социальной теории. — 2008. — Т. 2. — С. 305– 328.

277. Резникова, К. В. Сохранение традиционных языков коренных малочисленных народов как обеспечение основы культурного разнообразия региона / К. В. Резникова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — Т. 1.— № 1.— С. 1879.

278. Резникова, К. В. Социальное конструирование общенациональной идентичности в Российской Федерации: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ксения Вячеславовна Резникова. Красноярск, 2012. — 20 с.

279. Ремнев, А. В. Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. / А. В. Ремнев // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз».—2011.— Т. 3.—№ 62.—С. 109–128.

280. Рикёр, П. Я сам как другой: пер. с фр. / под ред. И.С. Вдовиной. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2008. — 416 с.

281. Рэдклифф-Браун, А. Р. Метод в социальной антропологии / А. Р. Рэдклифф-Браун. — Москва: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. — 416 с.

282. Савинов, Л. В. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация / Л. В. Савинов // Вестник Российской нации. — 2020. — Т. 2. — № 72. — С. 9–17.

283. Савченко, В. В. Этнокультурная идентичность русских в современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. / Виктория Владимировна Савченко. — Ставрополь, 2009. — 21 с.

284. Садохин, А. П. Этнология: учебник для студ. высш. учеб. заведений / А. П. Садохин, Т. Г. Грушевицкая. — Москва: Академия, 2000. — 304 с.

285. Самошкина, И. С. Территориальная идентичность как социально—психологический феномен / И. С. Самошкина // Вопросы психологии. — 2008. — № 4. — С. 99–105.

286. Санина, А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты / А. Г. Санина // Вестник Санкт—Петербургского университета. Социология. — 2010. — № 4. — С. 281–286.

287. Семенова, В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: учеб. пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН / В. В. Семенова. — Москва: Добросвет, 1998. — 289 с.

288. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе.: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. / Наталья Николаевна Середкина. — Красноярск: Красноярский государственный университет, 2013. — 25 с.

289. Сертакова, Е. А. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска): автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. / Екатерина Анатольевна Сертакова. — Красноярск, 2015. — 22 с.

290. Сибирский характер как ценность / под общ. ред. М. И. Шиловой; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. — Т. 3. — Красноярск, 2009. — 324 с.

291. Сидоренков, А. В. Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах / А. В. Сидоренков, В. А. Дорофеев // Социальная психология и общество. — 2016. — Т. 7. — № 3. — С. 60–75.

292. Симонова, О. А. К формированию социологии идентичности / О. А. Симонова // Социологический журнал. — 2008. — № 3. — С. 45–61.

293. Синчурина, М. Г. Структура Я концепции: интеграция научных представлений / М. Г. Синчурина // Сибирский педагогический журнал. — 2012. — №. 2. — С. 115–119.

294. Скокова, Л. Г. Современные исследования культурных практик в контексте социальной и культурной стратификации / Л. Г. Скокова // Социологический альманах. — 2014. — №. 5. — С. 232–243.

295. Славина, Л. Н. Этнический состав сельского населения Красноярского края в последние советские десятилетия / Л. Н. Славина // Сибирь многонациональная. — 2018. — С. — 45–49.

296. Смакотина, Н. Л. Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки / Н. Л. Смакотина, Н. А. Хвыля-Олинт // Вестник Московского университета. Социология и политология. — 2010. — № 2. — С. 59–79.

297. Смирнова Р. А. Сельские регионы как объект социологического исследования / Р. А. Смирнова // Социологический альманах. — 2012. — №. 3. — С. 290–302.

298. Смокотин В. М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: дис. ... доктора филос. наук: 24.00.01. / Владимир Михайлович Смокотин. — Томск, 2012. — 365 с.

299. Соколова, Д. А. Бикультурная идентичность как потенциал диаспорности этнических корейцев, проживающих в Приморском крае / Д. А. Соколова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Экономика. Социология. Культурология. — 2016. —Т. 2. — № 2. — С. 53–57.

300. Солдатова, Г. У. Психодиагностика толерантности / Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хулаев, Л. А. Шайгерова // Психологи о

мигрантах и миграции в России: инф.—аналит. бюлл. — Москва, 2002. — № 4. — С. 59–65.

301. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова.— Москва: Смысл, 1998. — 389 с.

302. Солдатова, Г. У. Типы этнической идентичности / Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова // Психодиагностика толерантности личности. — 2008. — С. 140–146.

303. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — Москва: АСТ, 2006. — 873 с.

304. Ставропольский, Ю. В. Теория Л. С. Выготского и кросс - культурные различия в ингрупповой идентификации (американо— российское исследование) / Ю. В. Ставропольский // Российский психологический журнал. — 2008. — Т. 5. — №. 3. — С. 44–47.

305. Сталин, И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г. И. В. Сталин // Сталин И.В. Сочинения.— Т. 5. — Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. — С. 236–263.

306. Сталин, И.В. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 года / И. В. Сталин // Сочинения. — Т. 18. — Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. — С. 140–142.

307. Сталин, И. В. Отчётный доклад ЦК ВКП(б) / И. В. Сталин // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. — Москва: Госполитиздат: ОГИЗ, 1939. — С. 240.

308. Стефаненко, Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности / Т. Г. Стефаненко // Идентичность и толерантность / под ред. Н. М. Лебедевой. — Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. — 2002. — С. 35–48.

309. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — Москва: Аспект-Пресс, 2013. — 224 с.

310. Страусс, А. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники / А. Страусс, Д. Корбин. — М.: КомКнига, 2007. — 316 с.

311. Суни, Р. Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи // Р. Г. Суни / Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина/ под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2011. — С. 31–87.

312. Татарко, А. Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Александр Николаевич Татарко. — Москва, 2004. — 403 с.

313. Татарко, А. Н. Психология межэтнических отношений: этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия / А. Н. Татарко, Н. М. Лебедева. — Москва: Институт психологии РАН, 2010. — 190 с.

314. Татарко, С. А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии / С. А. Татарко // Психологическая диагностика. — 2009. — №. 1. — С. 1–39.

315. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Харходин. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.

316. Тишков, В. А. Очерки теории этноса и политики этничности / В. А. Тишков // Москва: Русский мир, 1997. — 532 с.

317. Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. — Москва: Наука, 2003. — 544 с.

318. Тишков, В. А. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабает — Москва: Московский государственный университет имени МВ Ломоносова, 2011. — 376 с.

319. Толстова, В. Б. Овладение специфическими культурными практиками детей раннего возраста - основа формирования универсальных

культурных умений / В. Б. Толстова // Образование и наука в России и за рубежом. — 2017. — № 3. — С. 21–24.

320. Тронеvская, М. А. Трансформация социальной идентичности в условиях кризиса постмодернистского общества и культуры / М. А. Тронеvская // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 3. — С. 34–37.

321. Тхостов, А. Ш. Психодиагностика субъективного восприятия своих идентификаций: применение модифицированной методики «Кто Я?» / А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова, В. А. Емелин // Национальный психологический журнал. — 2014. — Т. 2. — № 14. — С. 58–69.

322. Уразаев, Ф. Я. Механизмы сохранения этнокультурной идентичности татарского народа (конец XX-начало XXI вв.): дис. ... канд. историч. наук: 24.00.01. / Фарит Язкарлович Уразаев. — Казань, 2011. — 266 с.

323. Успенская, О. А. Уровни формирования организационной идентичности сотрудников / О. А. Успенская // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. — 2017. — Т. 3. — № 4. — С. 81–85.

324. Фабрикант, М. С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии / М. С. Фабрикант // Современная зарубежная психология. — 2018. — Т. 7. — № 4. — С. 22–31.

325. Фарукшин, М. Х. К вопросу о типах этнофедераций / М. Х. Фарукшин // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — № 7. — С. 150–160.

326. Фенькина, А. А. Игровая культурная практика как жизнь дошкольника / А. А. Фенькина // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 5. — С. 23–27.

327. Фенькина, А. А. Модель организации игровой деятельности дошкольников как культурной практики / А. А. Фенькина // Евразийский Союз Ученых. — 2015. — Т. 11. — № 2 (20). — С. 69–73.

328. Филиппов, В. Р. С. Широкогоров: у истоков биосоциальной интерпретации этноса / В. Р. Филиппов // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 3. — С. 86–93.

329. Филько, А. И. Социокультурные трансформации бесписьменных культур в конце XX–начале XXI веков (на материале анализа энецкой этнокультурной группы): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. / Антонина Игоревна Филько. — Красноярск, 2020. — 165 с.

330. Фирсов, М. В. Теория социальной работы / М. В. Фирсов, Е. Г. Студенова. — Москва: Академический Проект, Гаудеамус, 2001. — 512 с.

331. Фрейд, З. Психоанализ, религия, культура / З. Фрейд. — Москва: Ренессанс, 1992. — 296 с.

332. Фрейд, З. Психология бессознательного: сб. произведений / З. Фрейд // сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. — Москва: Просвещение, 1990. — 448 с.

333. Фрейд, З. Толкование сновидений / под ред. В. Ивановой. — Москва: Эксмо-пресс, 2017. — 560 с.

334. Фромм, Э. Человеческая ситуация / Э. Фромм. — Москва: Смысл, 1995. — 240 с.

335. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — Санкт–Петербург: Наука, 2001. — 382 с.

336. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) Введение / Ю. Хабермас // Личность. Культура. Общество. — 2002. — Т. 4. — №. 3–4 (13–14).— С. 303–320.

337. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. — Москва: АСТ; Астрель, 2003. — 603 с.

338. Хестанов, Р. З. Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР (1917—1953) / Р. З. Хестанов // Социология власти. — 2012. — №. 8. — С. 74–96.

339. Хотинец, В. Ю. Этническая идентичность и толерантность / В. Ю. Хотинец. — Екатеринбург: Издательство Урал. университета, 2002. — 124 с.

340. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. — Санкт–Петербург: Алетейя, 2000. — 235 с.

341. Хребтов, М. Я. Трансформация ценностей в постсоветский период (на материале исследований населения регионов Сибирского федерального округа): дис. ... канд. культурол.: 24.00.01. / Михаил Яковлевич Хребтов. — Красноярск, 2020. — 196 с.

342. Хухлаев, О. Е. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюер / М. А. Хайт, О. Е. Хухлаев // Социальная психология и общество. — 2012. — №. 3. — С. 16–26.

343. Ценюга, С. Н. Педагогические учебные заведения Сибирского отдела народного образования в 1920–1938 годы / С. Н. Ценюга, Л. Э. Мезит, Ю. С. Корытько // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2016. — Т. 1. — № 35. — С. 123–128.

344. Чернов, В. А. Патриотическое воспитание как фактор гражданской идентичности / В. А. Чернов // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. трудов. Раздел 1. Идентификационное сознание и поведение: теоретико–методологические подходы к исследованию. — Ульяновск: УлГТУ, 2015. — С. 167–172.

345. Чернова, А. Б. Проблема методов психолингвистических исследований становления бикультурной идентичности в межэтнических семьях / А. Б. Чернова // Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы. — 2010. — С. 76–80.

346. Чешко, С. В. Человек и этничность / С. В. Чешко // Этнографическое обозрение. — 1994. — Т. 6. — С. 1–22.

347. Чумак, Е. Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20-50-е гг. XX в. / Е. Г. Чумак // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2008. — №. 8. — 109–114 с.

348. Шамионов, Р. М. Ценностно-смысловые ориентации как основания социальной активности молодежи / Р. М. Шамионов // Социальная и

экономическая психология. Часть 1. Состояние и перспективы исследований / отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалев. — Москва: Институт психологии РАН, 2018. — С. 423–428.

349. Шарифиан, Ф. Культурологическая лингвистика и межкультурная коммуникация / Ф. Шарифиан И. Л. Лебедева // Филологические науки. Научные доклады высшей школы). — 2015. — №. 3. — С. 80–97.

350. Шахбанова, М. М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического опроса) / М. М. Шахбанова // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — № 6.—С. 232–237

351. Шиманская, К. И. Историографический обзор коренных исследований за 2014–2018 гг. / К. И. Шиманская, Н. П. Копцева // Сибирский антропологический журнал. — 2018.— Т. 2. — № 1. — С. 43–57.

352. Шиманская, К. И. Современные тенденции в научных исследованиях коренных народов Севера / К. И. Шиманская // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. трудов СФУ. — Красноярск: СФУ, 2018. — С. 58–64.

353. Шиняева, О. В. Идентичность и идентификационное поведение: теоретические подходы к исследованию / О. В. Шиняева // Гражданское общество России: состояние, тенденции, перспективы. — 2015. — №. 1. — С. 3–8.

354. Шипова, А. В. Культурные практики как средство социализации ребенка / А. В. Шипова // Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход: сб. науч. статей / под ред. О. Е. Нестеровой, Р. М. Шамионова, Е. С. Пяткиной [и др.]. — Москва: Издательство «Перо», 2016. — С. 183–188.

355. Широков, Ф. О. Эскапизм и кризис идентичности / Ф. О. Широков // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. трудов. Раздел 1. Идентификационное сознание и

поведение: теоретико–методологические подходы к исследованию. — Ульяновск: УлГТУ, 2015. — С. 163–167.

356. Широкогоров, С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. — Москва: Либроком, 2012. — 134 с.

357. Широкогоров, С.М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / С. М. Широкогоров; пер. с англ., под ред. А. А. Сириной, Д. В. Давыдова [и др.]. — Москва: Наука–Восточная литература, 2017 — 710 с.

358. Шлыкова, С. А. Исторический опыт движения студенческих строительных отрядов Красноярского края 1953–1990 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Светлана Александровна Шлыкова. — Иркутск, 2012. — 30 с.

359. Шлыкова, С. А. Результаты экономической деятельности студенческих строительных отрядов Красноярского края (1967–1987) / С. А. Шлыкова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — Т. 8. — № 3. — С. 213–217.

360. Шматко, Н. А. Послесловие. На пути к практической теории практики / Н. А. Шматко // Практический смысл. — Санкт–Петербург, 2001. — С. 549–562.

361. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы для исследования феномена сложных идентичностей // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: сб. науч. тр. СФУ. Красноярск: СФУ, 2020. С. 68–73.

362. Шпак, А. А. Культурные механизмы конструирования сложных идентичностей (на материале исследования регионов Сибирского федерального округа): дис... канд. культ: 24.00.01 / Шпак Анна Андреевна. Красноярск, 2020. —165 с.

363. Шпак, А. А. Научные подходы изучению сложной социальной идентичности // Сибирский антропологический журнал. — 2020. — Т. 4. — №. 2.— С. 191–203.

364. Штейнберг, И. Е. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Е. Штейнберг. — Санкт–Петербург: Алетейя, 2009. — 352 с.

365. Шубин, Ю. А. Современные трансформации этнокультурной идентичности: универсальные тенденции и российская специфика: автореф. дис. ... канд. культурол: 24.00.01. / Юрий Александрович Шубин. — Москва, 2011. — 28 с.

366. Эриксон, Э. Г. Идентичность: юность и кризис / Э. Г. Эриксон // пер. с англ.; под ред А. В. Толстых [и др.]. — Москва: Флинта, 2006. — 352 с.

367. Этноатлас Красноярского края / под ред. Р. Г. Рафикова. — Красноярск: «Издательство Поликор», 2018. — 240 с.

368. Юм, Д. Исследования о человеческом разумении / Д. Юм. — Москва: Прогресс, 1994. — 237 с.

369. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. О познании / Д. Юм. — Москва: Канон, 1995. — 816 с.

370. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: Последнее советское поколение / А. Юрчак. — Москва: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.

371. Ядов, В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов. — Москва: Наука, 1972. — 266 с.

372. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. — Москва: Омега–Л, 2007.— 567 с.

373. Ядов, В.А. Социальные и социально–психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Мир России. — 1995. — Т. 3. — № 4. — С. 158–181.

374. Яковлева, А. А. Влияние виртуальной идентичности на самоактуализацию личности в подростковом возрасте / А. А. Яковлева // Психология и психотехника. — 2016. — №. 12. — С. 1017—1022.

375. VIII Съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы / под ред. Е. Ярославского. — Москва: Госполитиздат, 1959. — 560 с.

376. X Съезд РКП (б). Март 1921 г.: Протоколы. — Москва: Партиздат, 1933. — 954 с.

377. IX Съезд РКП (б). Протоколы съездов и конференции Всесоюзной коммунистической партии (март—апрель 1920г.) / под ред. Н.Л. Мещерякова. — Москва: Партийное издательство, 1934. — 616 с.

378. XV Съезд ВКП (б). Стенографический отчёт. — М: Ленинград: Госиздат, 1928. —1429 с.

379. XVII Съезд ВКП (б) [Электронный ресурс] // Хронос: Исторические источники: январь 1934 г. / ред. В. Румянцев. — Режим доступа: <http://hrono.ru/dokum/1934vkrpb17/index.php>

380. Adams, G. R. A developmental social psychology of identity: Understanding the person—in—context / G. R. Adams, S. K Marshall // Journal of adolescence. — 1996. — Т. 19. — №. 5. — P. 429–442.

381. Adams, G. R. Objective measure of ego—identity status: A reference manual / G. R. Adams, L. Bennion, K. Huh. — Guelph, Ontario: Department of Family Studies, University of Guelph, 1998.— 90 p.

382. Adams, G. R. Toward the development of an objective assessment of ego—identity status / G. R. Adams, J. Shea, S. A. Fitch // Journal of Youth and Adolescence. — 1979. — Т. 8. — №. 2. — P. 223–237.

383. Akbari, M. Servant leadership and organizational identity: The mediating role of job involvement / M. Akbari, S. Kashani, H. Nikookar, J. Ghaemi // International journal of organizational leadership. — 2014. — Т. 3. — P. 41– 55.

384. Alavi, S.S. Comparison of national and personal identity between person with internet addiction disorder and normal internet users / S. S. Alavi, F.

Jannatifard, M. R Maracy, H. Alaghemandan [et al.] // Journal of education and health promotion. — 2014. — T. 3. — P. 52–58.

385. Ali, F. The effect of physical environment on passenger delight and satisfaction: Moderating effect of national identity / F. Ali, W.G. Kim, K. Ryu // Tourism Management. — 2016. — T. 57. — P. 213–224.

386. Alsos, G. A. «Entrepreneurs» social identity and the preference of causal and effectual behaviours in start-up processes / G. A. Alsos, T. H Clausen, U. Hytti, S. Solvoll // Entrepreneurship and Regional Development.—2016. — T. 28. — №. 3–4. — P. 234–258.

387. Amola, O. Sexual identity, mental health, HIV risk behaviors, and internalized homophobia among black men who have sex with men / O. Amola, M. A Grimmett // Journal of Counseling and Development. —2015. — T. 93. — №. 2. — P. 236–246.

388. Amosova, A. A. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists / A. A. Amosova, N. P. Koptseva, A. A. Sitnikova [et al.] // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. — 2019. — T. 12. — № 8. — 1524–1551 c.

389. Ang, S. Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and applications / Ang S., L. Van Dyne. — New York: Routledge, 2015. — 414 p.

390. Arnett, J. J. Broad and narrow socialization: The family in the context of a cultural theory / J. J. Arnett // Journal of Marriage and the Family. — 1995. — P. 617–628.

391. Artistic practices: Social interactions and cultural dynamics / T. Zembylas (ed.). — Routledge, 2014. — 216 p.

392. Ashdown, B. K. Measuring gender identity and religious identity with adapted versions of the multigroup ethnic identity measure–revised / B. K. Ashdown, N. Homa, C. M. Brown // Journal of Educational and Developmental Psychology. — 2014. — T. 4. — №. 1. — P. 226–237.

393. Ayón, C. Ethnic–racial socialization practices among Latino immigrant families: A latent profile analysis / C. Ayón, A. G. Tran, T. T. Nieri // *Family Relations*. — 2019. — T. 68. — №. 2. — P. 246–259.

394. Azmitia, M. On the intersection of personal and social identities: Introduction and evidence from a longitudinal study of emerging adults / M. Azmitia, M. Syed, K. Radmacher // *New Directions for Child and Adolescent Development*. — 2008. — T. 2008. — №. 120. — P. 1–16.

395. Baerger, D. R. Life story coherence and its relation to psychological well—being / D. R. Baerger, D. P. McAdams // *Narrative inquiry*. — 1999. — T. 9. — №. 1. — P. 69–96.

396. Bamman, D. Gender identity and lexical variation in social media / D. Bamman, J. Eisenstein, T. Schnoebelen // *Journal of Sociolinguistics*. — 2014. — T. 18. — №. 2. — P. 135–160.

397. Bankert, A. Measuring partisanship as a social identity in multi–party systems / A. Bankert, L. Hubby, M. Rosema // *Political behavior*. — 2017. — T. 39. — №. 1. — P. 103–132.

398. Barreto, M. The effects of being categorised: The interplay between internal and external social identities / M. Barreto, N. Ellemers // *European review of social psychology*. — 2003. — T. 14. — №. 1. — P. 139 – 170.

399. Benedict, R. *Race: Science and politics* / R. Benedict. — University of Georgia Press, 2019. — 240 p.

400. Benet–Martínez, V. Bicultural identity integration (BII): Components and psychosocial antecedents / V. Benet–Martínez, J. Haritatos // *Journal of personality*. — 2005. — T. 73. — №. 4. — P. 1015–1050.

401. Benet–Martínez, V. Bicultural identity integration / V. Benet–Martínez, Q. L. Huynh, A. M. T. D. Nguyen // *Handbook of identity theory and research*. — Springer, New York, 2011. — P. 827–842.

402. Benet–Martínez, V. Bicultural Identity, bilingualism, and psychological adjustment in multicultural societies: immigration based and globalization based

acculturation / V. Benet–Martínez, S.X. Chen, M. Bond // *Journal of personality*. — 2008. — T. 76. — №. 4. — P. 803–838.

403. Benet–Martínez, V. Biculturalism and adjustment: A meta-analysis / V. Benet–Martínez, A.M. Nguyen // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2013. — T. 44. — №. 1. — P. 122–159.

404. Benet–Martínez, V. Biculturalism and cognitive complexity: Expertise in cultural representations / V. Benet–Martínez, F. Lee, J. Leo // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2006. — T. 37. — №. 4. — P. 386–407.

405. Benet–Martínez, V. Multiculturalism and creativity: Effects of cultural context, bicultural identity, and ideational fluency / V. Benet–Martínez, C. S. Saad, R. I. Damian, W. G. Moons // *Social Psychological and Personality Science*. — 2013. — T. 4. — №. 3. — P. 369–375.

406. Berger, C. R. Beyond initial interaction: Uncertainty, understanding, and the development of interpersonal relationships / C. R. Berger // *Language and social psychology* / Giles H. St., Clair R. (eds.). — Oxford, 1979.— P. 122–144.

407. Berger, P. L. The social construction of reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / P. L. Berger, T. Luckmann. — Penguin Books, 1966. — 249 p.

408. Berger, C.R. Interpersonal epistemology and interpersonal understanding / C. R. Berger, R. R. Gardner, M. R. Parks, L. Schulman [et al.] // *Explorations in interpersonal communication* / G. R. Miller (ed.). — Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1976. — P. 149–171.

409. Berry, J. W. Cross-cultural psychology: Research and applications / J. W. Berry, Y.H. Poortinga, M.H. Segall, P. R. Dasen. — Cambridge University Press, 2002. — 588 p.

410. Berry, J. W. Immigration, acculturation, and adaptation / J. W. Berry // *Applied psychology*. — 1997. — T. 46. — №. 1.— P. 5–4.

411. Berry, J. W. Multicultural and ethnic attitudes in Canada: An overview of the 1991 national survey / J. W. Berry, R. Kallin // *Canadian Journal of*

Behavioural Science/Revue canadienne des sciences du comportement.—1995. — T. 27. — №. 3. — P. 301–320.

412. Berzonsky, M. D. Identity style: Conceptualization and measurement / M. D. Berzonsky // *Journal of adolescent research*. — 1989. — T. 4. — №. 3. — P. 268–282.

413. Biglan, A. Acting in light of the future: How do future—oriented cultural practices evolve and how can we accelerate their evolution? / A. Biglan, Y. Barnes-Holmes // *Journal of contextual behavioral science*. — 2015. — T. 4. — №. 3. — P. 184–195.

414. Biglan, A. Changing cultural practices: A contextualist framework for intervention research / A. Biglan. — Context Press, 1995. — 464 p.

415. Binning, K. R. The interpretation of multiracial status and its relation to social engagement and psychological well-being / K. R. Binning, M. M. Unzueta, Y. Huo, L. E. Molina // *Journal of Social Issues*. — 2009. — T. 65. — №. 1. — P. 35–49.

416. Blagov, P. S. Four dimensions of self-defining memories (specificity, meaning, content, and affect) and their relationships to self-restraint, distress, and repressive defensiveness / P. S. Blagov, J.A. Singer // *Journal of personality*. — 2004. — T. 72. — №. 3. — P. 481–511.

417. Blanz, M. Strategic responses to negative social identity: An empirical systematization of field data / M. Blanz // *European Journal of Social Psychology*. — 1998. — T. 28. — P. 697–729.

418. Boehm, S. A. The missing link? Investigating organizational identity strength and transformational leadership climate as mechanisms that connect CEO charisma with firm performance / S. A. Boehm, D. J. Bruch, B. Shamir // *The Leadership Quarterly*. — 2015. — T. 26. — №. 2. — P. 156–171.

419. Bogdan, R. C. Qualitative research in (validation) and qualitative (inquiry) studies / R. C. Bogdan, S. K. Biklen // *An introduction to theory and methods*. — Allyn Bacon, 2006. — 304 p.

420. Bonkalo, T. I. Development of ethnic social identity among the members of ethnic community organizations as the factor of preventing the spread of nationalist sentiments in a multicultural society / T. I. Bonkalo, N. T. Kolesnik, E. A. Sorokoumova, S. V. Bonkalo // *Biosciences biotechnology research asia*. — 2015. — T. 12. — №. 3. — P. 2361–2372.

421. Booth, M. Z. Contradictions of Adolescent Self-Conceptualization: Examining the Interaction of Ethnic Identity, Self-Efficacy and Academic Achievement / M. Z. Booth, S. Abercrombie, C. J. Frey // *Mid-Western Educational Researcher*. — 2017. — T. 29. — №. 1. — P. 3–19.

422. Borrego, M. A New Scale for Measuring Engineering Identity in Undergraduates / M. Borrego, A. Patrick, L. Martins, M. Kendall // *ASEE Gulf-Southwest Section Annual Meeting 2018 Papers*. — American Society for Engineering Education, 2018. — P. 1–3

423. Bourdieu, P. Esquisse d'une théorie de la pratique: Précédé de trois études d'ethnologie kabyle / P. Bourdieu. — Genève: Droz, 1972. — 269 p.

424. Bourdieu, P. Le Sens pratique / P. Bourdieu. — Paris: Les Éditions de Minuit, 1980. — 480 p.

425. Bourdieu, P. The logic of practice / P. Bourdieu. — Stanford university press, 1990. — 340 p.

426. Bourne, E. The state of research on ego identity: A review and appraisal / E. Bourne // *Journal of youth and adolescence*. — 1978. — T. 7. — №. 3. — P. 223–251.

427. Bradford, B. Policing and social identity: Procedural justice, inclusion and cooperation between police and public / B. Bradford // *Policing and society*. — 2014. — T. 24. — №. 1. — P. 22–43.

428. Branch, C. W. The many faces of self: Ego and ethnic identities / C. W. Branch // *The Journal of genetic psychology*. — 2001. — T. 162. — №. 4. — P. 412–429.

429. Breakwell, G. M. Coping with threatened identities / G. M. Breakwell. — Psychology Press, 1986. — 234 p.

430. Breakwell, G. M. Social representational constraints upon identity processes // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions* / K. Deaux, G. Philogène (eds.). — Blackwell Publishing, 2001. — P. 271–284.

431. Breakwell, G. M. The distinctiveness principle: Identity, meaning, and the bounds of cultural relativity / G. M. Breakwell, V. L. Vignoles, X. Chryssochoou // *Personality and Social Psychology Review*. — 2000. — T. 4. — №. 4. — P. 337–354.

432. Breakwell, G. Social representations and social identity / G. M. Breakwell // *Papers on social representations*. — 1993. — T. 2. — P. 198–217.

433. Brewer, M. B. Intergroup relations // *Advanced social psychology: The state of the science* / M. B. Brewer, R. F. Baumeister, E. J. Finkel (eds.). — Oxford University Press, 2010. — P. 535–571.

434. Brewer, M. B. Social identity complexity and outgroup tolerance / M. B. Brewer, K.P. Pierce // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2005. — T. 31. — №. 3. — P. 428–437.

435. Brewer, M. B. The social self: On being the same and different at the same time / M. B. Brewer // *Personality and social psychology bulletin*. — 1991. — T. 17. — №. 5. — P. 475–482.

436. Brewer, M. B. Who is this "We"? Levels of collective identity and self-representations / M. B. Brewer, W. Gargner // *Journal of personality and social psychology*. — 1996. — T. 71. — №. 1. — P. 83–93.

437. Brown, R. Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges / R. Brown // *European Journal of Social Psychology*. — 2000. — T. 30. — №. 6. — P. 745–778.

438. Brown, S. D., The Multigroup Ethnic Identity Measure—Revised: Measurement invariance across racial and ethnic groups / S. D. Brown, U. Hu, A. Kirsten, A. A. Mevi [et al.] // *Journal of counseling psychology*. — 2014. — T. 61. — №. 1. — P. 154–161.

439. Bruner, M. W. Social identity and prosocial and antisocial behavior in youth sport / M. W. Bruner, I. D. Boardley, J. Côté // *Psychology of sport and exercise*. — 2014. — T. 15. — №. 1. — P. 56–64.

440. Cabrita, T. M. The relationship between athletic identity and career decisions in athletes / T.M. Cabrita, A.B. Rosado, T.O. Leite, S.O. Serpa [et al.] // *Journal of Applied Sport Psychology*. — 2014. — T. 26. — №. 4. — P. 471–481.

441. Camilleri, C. Socialization and identity strategies / C. Camilleri, H. Malewska-Peyre // *Handbook of cross-cultural psychology*. — 1997. — T. 2. — P. 41–67.

442. Campbell, D. T. Ethnocentric and other altruistic motives / D. T. Campbell // *Nebraska symposium on motivation*. — 1965. — T. 13. — P. 283–311.

443. Campbell, D. T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions // *Psychology: A study of a science. Study II. Empirical substructure and relations with other sciences. Vol. 6. Investigations of man as socius: Their place in psychology and the social sciences*, 1963. — P. 94–172.

444. Campbell, D. T. Stereotypes and the perception of group differences / D. T. Campbell // *American psychologist*. — 1967. — T. 22. — №. 10. — P. 817–829.

445. Carter, R. T. Race—based traumatic stress, racial identity statuses, and psychological functioning: An exploratory investigation / R. T. Carter, V. E. Johnson, K. Roberson, S. L. Mazzula [et al.] // *Professional Psychology: Research and Practice*. — 2017. — T. 48. — №. 1. — P. 30–37.

446. Castro-Atwater, S. Ecological factors and interventions for fostering college—age multiracial identity / S. Castro-Atwater, A. Huynh-Hohnbaum // *Education*. — 2018. — T. 138. — №. 4. — P. 369–377.

447. Charmaz, K. Premises, principles, and practices in qualitative research: Revisiting the foundations / K. Charmaz, // *Qualitative health research*.—2004. — T. 14. — №. 7. — P. 976–993.

448. Cheng, C. Y. Multiracial identity integration: Perceptions of conflict and distance among multiracial individuals / C. Y. Cheng, F. Lee // *Journal of Social Issues*. — 2009. — T. 65. — №. 1. — P. 51–68.

449. Cheung, K. Y. F. Development and validation of the Student Attitudes and Beliefs about Authorship Scale: a psychometrically robust measure of authorial identity / K. Y. F. Cheung, E. J. N. Stupple, J. Elander // *Studies in Higher Education*. — 2017. — T. 42. — №. 1. — P. 97–114.

450. Cihon, T. M. Emerging cultural and behavioral systems science / T. M. Cihon, M. A. Mattaini // *Perspectives on behavior science*. — 2019. — T. 42. — №. 4. — P. 699–711.

451. Clancy, S. M. Identity, self, and personality: I. Identity status and the five-factor model of personality / S. M. Clancy, S. J. Dollinger // *Journal of Research on Adolescence*. — 1993. — T. 3. — №. 3. — P. 227–245.

452. Colaner, C. W. Measuring adoptive identity: Validation of the adoptive identity work scale / C. W. Colaner // *Adoption Quarterly*. — 2014. — T. 17. — №. 2. — P. 134–157.

453. Cooley, C. H. Looking-glass self / C. H. Cooley // *The production of reality: Essays and readings on social interaction* / J. O'Brien (ed.). — Sage: Pine forge, 1902. — P. 126–128.

454. Côté, J. E., Levine, C. G. Identity, formation, agency, and culture: A social psychological synthesis / J. E. Côté, C.G. Levine. — Psychology Press, 2014. — 268 p.

455. Côté, J. Identity studies: How close are we to developing a social science of identity?—An appraisal of the field / J. E. Côté // *Identity*. — 2006. — T. 6. — №. 1. — P. 3–25.

456. Cramer, R. J. The Lesbian, Gay, and Bisexual Identity Scale: Factor analytic evidence and associations with health and well-being / R. J. Cramer, A. C. Burks, F. D. Golom, C. H. Stroud [et al.] // *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*. — 2017. — T. 50. — №. 1 (2). — P. 71–88.

457. Crisp, R. J. Does multiple categorization reduce intergroup bias? / R. J. Crisp, M. Hewstone, M. Rudin // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2001. — T. 27. — №. 1. — P. 76–89.

458. Crisp, R. J. Social comparison, self–stereotyping, and gender differences in self–construals / R. J. Crisp, S. Guimond, A. Chatard, D. Martinot [et al.] // *Journal of personality and social psychology*. — 2006. — T. 90. — №. 2. — P. 221–242.

459. Crisp, R. J., Hewstone, M., Rubin, M. Does multiple categorization reduce intergroup bias? / R. J. Crisp, M. Hewstone, M. Rudin // *Personality and social psychology bulletin*. — 2001. — T. 27. — №. 1. — P. 76–89.

460. Crocetti, E. Personal and social facets of job identity: A person–centered approach / E. Crocetti, L. Avanzi, S. T. Yamk, F. Fraccaroli [et al.] // *Journal of Business and Psychology*. — 2014. — T. 29. — №. 2. — P. 281–300.

461. Crocetti, E. Correlates of identity configurations: Three studies with adolescent and emerging adult cohorts / E. Crocetti, M. Scrignaro, L. S. Sica, M. E. Magrin, [et al.] // *Journal of Youth and Adolescence*. — 2012. — T. 41. — №. 6. — P. 732–748.

462. Cross, S. E. The relational–interdependent self–construal, self–concept consistency, and well–being / S. E. Cross, J.S. Gore, M.L. Morris // *Journal of personality and social psychology*. — 2003. — T. 85. — №. 5. — C. 933–944.

463. Dailey, S. L. Communicating health at work: Organizational wellness programs as identity bridges / S. L. Dailey, Y. Zhu // *Health Communication*. — 2017. — T. 32. — №. 3. — P. 261–268.

464. Daoud, N. Postpartum depression prevalence and risk factors among Indigenous, non-Indigenous and immigrant women in Canada / Daoud N., K. O'Brien, P. O'Campo, S. Harney [et al] // *Canadian Journal of Public Health*. — 2019. — T. 110. — №. 4. — P. 440–452.

465. De Cremer, D. Perceptions of group homogeneity as a function of social comparison: The mediating role of group identity / D. De Cremer // *Current Psychology*. — 2001. — T. 20. — №. 2. — P. 138–146.

466. de Domanico, Y. B. Ethnic identity and self—concept in Mexican—American adolescents: Is bicultural identity related to stress or better adjustment? / Y. B. de Domanico, I. Crawford, A.S. De Wolfe // *Child and Youth Care Forum*. — Kluwer Academic Publishers—Human Sciences Press, 1994. — T. 23. — №. 3. — P. 197–206.

467. De la, Cruz. Influence of the entrepreneur's social identity on business performance through effectuation / M. E. De la Cruz, M.E. Jover, J.M.G. Gras // *European Research on Management and Business Economics*. — 2018. — T. 24. — №. 2. — P. 90–96.

468. Deaux, K. Parameters of social identity/ Deaux K., A. Reid, K. Mizrahi, K. A., Ethier // *Journal of personality and social psychology*. — 1995. — T. 68. — №. 2. — P. 280–291.

469. Debus, M. Methodological review // *A handbook for excellence in focus group research* / M. Debus/ Academy for Educational Development, 1988 — 55 p.

470. Dehlin, J. P. Navigating sexual and religious identity conflict: A Mormon perspective / J. P. Dehlin, R.V. Galliher, W.S Bradshaw, K. A. Crowell // *Identity*. — 2015. — T. 15. — №. 1. — P. 1–22.

471. Denzin, N. K. The research act: A theoretical introduction to sociological methods / N. K. Denzin. — New York: Routledge, 2017 – 382 p.

472. Deschamps, J. C. Crossed category memberships in intergroup relations / J. C. Deschamps, W. Doise // *Differentiation between social groups. Studies in the social psychology of intergroup relations*. — 1978. — P. 141–158.

473. Dimitrova, R. Ethnic socialization, ethnic identity, life satisfaction and school achievement of Roma ethnic minority youth / R. Dimitrova, D. J. Johnson, F. J. R. van de Vijver // *Journal of Adolescence*. — 2018. — T. 62. — P. 175–183.

474. Doise, W. Groups and individuals: Explanations in social psychology / W. Doise. — CUP Archive, 1978. — 244 p.

475. Douglas, J. M. Social linkage, self -concept, and well—being after severe traumatic brain injury/ J. M. Douglas // *The social cure: Identity, health and*

well-being / J. Jetten, C. Haslam, S. A. Haslam (eds). — New York: Psychology Press, 2012. — P. 237–254.

476. Easterbrook, J. A. The effect of emotion on cue utilization and the organization of behavior / J. A. Easterbrook // *Psychological review*. — 1959. — T. 66. — №. 3. — P. 183–201.

477. Erba, J. Exploring the role of ethnic and bi-ethnic identities in advertisements targeting Chinese and Chinese—American consumers using celebrity athletes / J. Erba, D. Zhang, Y. Liu // *China Media Research*.—2019. — T. 15. — №. 1. — P. 67–76.

478. Erikson, E. H. *Identity: Youth and crisis* / E. H. Erikson. — New York: Norton Company, 1994. — 336 p.

479. Fiske, S. T. A model of (often mixed) stereotype content: competence and warmth respectively follow from perceived status and competition / S. T. Fiske, A.J. Cuddy, P. Glick, J. Xu // *Journal of personality and social psychology*. — 2002. — T. 82. — №. 6. — P. 878–902.

480. Fogelson, R. D. *Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects* / R. D. Fogelson // *Psychosocial theories of the self* / B. Lee (ed.). — Springer, Boston, MA. — 1982. — P. 67–109.

481. Franco, M. G. Racial identity invalidation with multiracial individuals: An instrument development study / M. G. Franco, K.M. O'Brien [et al.] // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. — 2018. — T. 24. — №. 1. — P. 112–125.

482. French, S. E. The development of ethnic identity during adolescence / S. E. French, E. Seidman, L. Allen, J. L. Aber // *Developmental psychology*. — 2006. — T. 42. — №. 1. — P. 1–10.

483. Frese, M. Cultural practices, norms, and values / M. Frese // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2015. — T. 46. — №. 10. — P. 1327–1330.

484. Gashilova, L. Education as a factor of preservation of languages and cultures of northern indigenous peoples / L. Gashilova // *Arctic Dialogue In The*

Global World. The Proceedings of Joint Science and Education Conference. — 2015. — P. 260–261.

485. Glenn, S. S. Contingencies and metacontingencies: Toward a synthesis of behavior analysis and cultural materialism / S.S. Glenn // *The Behavior Analyst*. — 1988. — T. 11. — №. 2. — P. 161–179.

486. Glenn, S. S. Individual behavior, culture, and social change / S. S. Glenn // *The Behavior Analyst*. — 2004. — T. 27. — №. 2. — P. 133–151.

487. Glenn, S.S. Operant contingencies and the origin of cultures / S. S. Glenn // *Behavior theory and philosophy*. — Springer, Boston, 2003. — P. 223–242.

488. Goffman, E. Behavior in public places / E. Goffman. — New York: The free press, 1963. — 248 p.

489. Goffman, E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity / E. Goffman. — New York: Simon and Schuster, 1963. — 168 p.

490. Goffman, E. The presentation of self in everyday life / E. Goffman // *Contemporary Sociological Theory* / C. Calhoun, J. Gerteis, J. Moody (eds.). — Oxford: Blackwell, 2002. — P. 46–61.

491. Gonzales-Backen, M. A. The role of social and personal identities in self—esteem among ethnic minority college students / M.A. Gonzales-Backen, L.E. Dumka, R.E. Millsap, H. C. Yoo [et al.] // *Identity*. — 2015. — T. 15. — №. 3. — P. 202–220.

492. Goodnow, J.J. Cultural practices as contexts for development / J. J. Goodnow, P.J. Miller, F.E. Kessel. — San Francisco: Jossey–Bass, 1995. —126 p.

493. Greene, M. L. Trajectories of perceived adult and peer discrimination among Black, Latino, and Asian American adolescents: patterns and psychological correlates / M. L. Greene, N. Way, K. Pahl // *Developmental psychology*. — 2006. — T. 42. — №. 2. — P. 218–236.

494. Grotevant, H. D. Toward a process model of identity formation / H. D. Grotevant // *Journal of adolescent research*. — 1987. — T. 2. — №. 3. — P. 203–222.

495. Guba, E. G. Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences // *The Sage Handbook of Qualitative Research*. Thousand / N. K Denzin, Y. S. Lincoln, S.A. Lynham (eds.). —Oaks: Sage, 2011. T. 4. — P. 97–128.

496. Ha, S. E. Immigration, threat perception, and national identity: Evidence from South Korea / S. E. Ha, S. J. Jang // *International Journal of Intercultural Relations*. — 2015. — T. 44. — P. 53–62.

497. Habermas, T. Getting a life: the emergence of the life story in adolescence / T. Habermas, S. Bluck // *Psychological bulletin*. — 2000. — T. 126. — №. 5. — P. 748–769.

498. Hammack, P. L. Configurations of identity among sexual minority youth: Context, desire, and narrative / P. L. Hammack, E. M. Thompson, A. Pilecki // *Journal of Youth and Adolescence*. — 2009. — T. 38. — №. 7. — P. 867–883.

499. Hao, Y. F. Measurement of professional identity in Chinese nursing students / Y. F. Hao, H.J. Niu, L.P. Li, S. J. Yue [et al.] // *International journal of nursing sciences*. — 2014. — T. 1. — №. 2. — P. 137–144.

500. Haslam, C. Maintaining group memberships: social identity continuity predicts well-being after stroke / C. Haslam, A. Holme, S. Yaslan, A. Iyer [et al.] // *Neuropsychological Rehabilitation*. — 2008. — T. 18. — №. 5 — 6. — P. 671–691.

501. Haslam, S. A. *Psychology in Organizations* / S. A. Haslam. — London: Sage Publications, 2004 . — 336 p.

502. Haslam, S. A. Social categorization and group homogeneity: Changes in the perceived applicability of stereotype content as a function of comparative context and trait favourableness / S. A. Haslam, P. J. Oakers, J. C. Turner // *British Journal of Social Psychology*. — 1995. — T. 34. — №. 2. — P. 139–160.

503. Haslam, S. A. Social identity, self-categorization, and the perceived homogeneity of ingroups and outgroups: The interaction between social motivation and cognition / S. A. Haslam, P. J. Oakers, J. C. Turner // *Handbook of Motivation*

and Cognition: The Interpersonal Context / R. M. Sorrentino, E. T. Higgins (eds.). — The Guilford Press, 1996. — T. 3. — P. 182 – 222.

504. Haslam, S. A. Stereotyping and social influence: Foundations of stereotype consensus / S. A. Haslam // *The Social Psychology of Stereotyping and Group Life* / R. Spears, P. J. Oakes, N. Ellemers [et al.] (eds.).— Oxford: Blackwell, 1997. — P. 119–143.

505. Haslam, S. A. The new psychology of leadership: Identity, influence and power / S. A. Haslam, S. D. Reicher, M. J. Platow. — New York: Psychology Press, 2011. — 296 p.

506. Haslam, S. A. The social identity perspective today: The impact of its defining ideas / Haslam S. A, N. Ellemers, S.D. Reicher, K. J. Reynolds [et al] // *Rediscovering social identity: Key readings*. — Psychology Press, Taylor and Francis, 2010. — 356 p.

507. Hatano, K. Looking at the dark and bright sides of identity formation: New insights from adolescents and emerging adults in Japan / K. Hatano, K. Sugimura, E. Crocetti // *Journal of Adolescence*. — 2016. — T. 47. — P. 156–168.

508. Hedges, L. V., Olkin, I. Statistical methods for meta—analysis / L.V. Hedges, I. Olkin. — New York: Academic press, 2014.— 369 p.

509. Heider, F. The Psychology of Interpersonal Relations / F. Heider. — New York: John Wiley Sons, 1958. — 322 p.

510. Henttonen, K. Work—team bonding and bridging social networks, team identity and performance effectiveness / K. Henttonen, J.E. Jomanson, M. Jomanson // *Personnel Review*. — 2014. — T. 43. — № 3. — P. 330–349.

511. Heuer, F. Vivid memories of emotional events: The accuracy of remembered minutiae / F. Heuer, D. Resberg // *Memory cognition*. —1990. — T. 18. — №. 5. — P. 496–506.

512. Honigmann, J. J. Culture and Personality / J. J. Honigmann. — New York: Harper and Brothers, 1954 — 499 p.

513. Hornsey, M. J. Social identity theory and self-categorization theory: A historical review / M. J. Hornsey // *Social and Personality Psychology Compass*. — 2008. — T. 2. — № 1. — P. 204–222.

514. Hu, X. Employee—oriented HRM and voice behavior: a moderated mediation model of moral identity and trust in management / X. Hu, Z. Jiang // *The International Journal of Human Resource Management*. — 2018. — T. 29. — №. 5. — P. 746–771.

515. Hughes, D. Correlates of African American and Latino parents' messages to children about ethnicity and race: A comparative study of racial socialization / D. Hughes // *American journal of community psychology*. — 2003. — T. 31. — №. 1 (2). — P. 15–33.

516. Hughes, D. Parents' ethnic–racial socialization practices: a review of research and directions for future study / D. Hughes, J. Rodrigurz, E. P. Smith, D. J. Johnson [et al.] // *Developmental psychology*. — 2006. — T. 42. — №. 5. — P. 747.

517. Hutchins, E. The cultural ecosystem of human cognition / E. Hutchins // *Philosophical psychology*. — 2014. — T. 27. — №. 1. — P. 34–49.

518. Hutchins, E. The role of cultural practices in the emergence of modern human intelligence / E. Hutchins // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. — 2008. — T. 363. — №. 1499. — P. 2011 – 2019.

519. Huynh, Q. L. Measuring variations in bicultural identity across US ethnic and generational groups: Development and validation of the Bicultural Identity Integration Scale — Version 2 (BIIS—2) / Q. L. Huynh, V. Benet-Martinez, A. M. Nguyen // *Psychological Assessment*. — 2018. — T. 30. — №. 12. — P. 1581–1596.

520. Ickes, W. Linking identity status to strength of sense of self: Theory and validation / W. Ickes, A. Park, A. Johnson // *Self and Identity*. — 2012. — T. 11. — №. 4. — P. 531–544.

521. Iyer, A. The more (and the more compatible) the merrier: multiple group memberships and identity compatibility as predictors of adjustment afterlife transitions / A. Iyer, J. Jetten, D. Tsivrikos, T. Postmes [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2009. — T. 48. — №. 4. — P. 707–733.

522. Jetten, J. Declining auto biographical memory and the loss of identity: Effects on well-being / J. Jetten, C. Haslam, C. Pugliese, J. Tonks, [et al.] // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. — 2010. — № 32. — P. 408–416.

523. Jetten, J. Declining autobiographical memory and the loss of identity: Effects on well—being / Jetten J., C. Haslan, C. Pugliese, J. Tonks [et al.] // *Journal of clinical and experimental neuropsychology*. — 2010. — T. 32. —№. 4. — P. 408–416.

524. Jiang, H. Professional identity and turnover intentions of social workers in Beijing, China: The roles of job satisfaction and agency type / H. Jiang, Y. Wang, E. Chui, Y. Xu // *International Social Work*. — 2019. — T. 62. — №. 1. — P. 146–160.

525. Jones, J. M. Deciding to disclose: The importance of maintaining social relationships for well—being after acquired brain injury / J. M. Jones, J. jetten, S.A. Haslam [et al.] // *The Social Cure: Identity, Health and Well—Being* / J. Jetten, C. Haslam, S. A. Haslam, W. H. Williams (eds). — New York: Psychology Press, 2012. — P. 255–271.

526. Jordan, K. Communication, collaboration and identity: factor analysis of academics' perceptions of online networking / K. Jordan, M. Weller // *Research in Learning Technology*. — 2018. — T. 26. — P. 1–13.

527. Josselson, R. Narrative, identity, and identity statuses: *The Handbook of Personality Development* / R. Josselson. — New York: Guilford Press, 2019. — 623 p.

528. Josselson, R. The present of the past: Dialogues with memory over time/ R. Josselson // *Journal of personality*. — 2009. — T. 77. — №. 3. — P. 647–668.

529. Kâgitçibaşı, Ç. Family and socialization in cross—cultural perspective: A model of change // *Cross—cultural perspective: Nebraska symposium an*

motivation / J. J. Berman (ed.). — Lincoln: Nebraska University Press, 1990. — P. 135–200.

530. Kang, S. K. Multiple identities in social perception and interaction: Challenges and opportunities / S. K. Kang, G. V. Bodenhausen // *Annual review of psychology*. — 2015. — T. 66. — P. 547–574.

531. Kardiner, A. The individual and his society: the psychodynamics of primitive social organization / A. Kardiner. — New York: Columbia University Press; London: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1939. — 503 p.

532. Keaton, S. A., Gearhart, C. C. Identity formation, identity strength, and self-categorization as predictors of affective and psychological outcomes: A model reflecting sport team fans' responses to highlights and lowlights of a college football season / S. A. Keaton, C. C. Gerhart // *Communication and Sport*. — 2014. — T. 2. — №. 4. — P. 363–385.

533. Khanina, O. V. The writing strategies of the Enets language / O. V. Khanina // *Uralo–Altai Studies*. — 2016. — T. 2. — №. 21. — P. 131–148.

534. Kiang, L. Ethnic identity and the daily psychological well-being of adolescents from Mexican and Chinese backgrounds / L. Kiang, T. Yip, M. Gonzales–Backen, M. Witkov [et al.] // *Child development*. — 2006. — T. 77. — №. 5. — P. 1338–1350.

535. Kiang, L. Change in ethnic identity across the high school years among adolescents with Latin American, Asian, and European backgrounds / L. Kiang, M. R. Witkov, O. A. Baldelomar, A. J. Fuligni // *Journal of youth and adolescence*. — 2010. — T. 39. — №. 6. — P. 683–693.

536. Kiang, L. T. Multiple social identities and adjustment in young adults from ethnically diverse backgrounds / L. Kiang, T. Yip, A. J. Fuligni // *Journal of Research on Adolescence*. — 2008. — T. 18. — №. 4. — P. 643–670.

537. Kidwell, J. S. Adolescent identity exploration: A test of Erikson's theory of transitional crisis / J. S. Kidwell, R. M. Dunham, R. A. Bacho, E. Pastorino [et al.] // *Adolescence*. — 1995. — T. 30. — №. 120. — P. 785–794.

538. King, E. B. Predictors of identity management: An exploratory experience—sampling study of lesbian, gay, and bisexual workers / E. B. King, J. J. Mohr, C. I. Peddie, K. P. Jones [et al.] // *Journal of Management*. — 2017. — T. 43. — №. 2. — P. 476–502.

539. Kolesnik, M. A. Art education as a way of preserving the traditional ethnocultural identity of indigenous minority peoples from the North, Siberia and the Far East / M. A. Kolesnik, N. M. Libakova, E. A. Sertakova // *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. — 2018. — № 4. — P. 237–247.

540. Koptseva, N. P. Cultural and anthropological studies of indigenous people of Krasnoyarsk Krai childhood (based on the field studies of Siberian Federal University in 2010–2013) / N. P. Koptseva, K. V. Resnikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. — 2014. — T. 7. — № 8. — P. 1312–1326.

541. Koptseva, N. P. Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk Region (Eastern Siberia) / N. P. Koptseva, Kirko V.I. // *Life Science Journal*. — 2014. — T. 11. — № 10. — P. 489–494.

542. Koptseva, N. P. Post—Soviet practice of preserving ethnocultural identity of indigenous peoples of the North and Siberia in Krasnoyarsk Region of the Russian Federation / N. P. Koptseva, V.I. Kirko // *Life Sci J*. — 2014. — T. 11. — №. 7. — P. 180–185.

543. Koptseva, N. P. Specificity of ethnogeny indigenous people by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society/ N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Life Science Journal*. — 2014. — T. 11. — № 8. — P. 221–229.

544. Koptseva, N. P. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic / N. P. Koptseva, V. I. Kirko // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. — 2015. — T. 6. — № 3 (5). — P. 217–223.

545. Koptseva, N. P. Modern concepts of cultural sociodynamics un the context of research of the indigenous people of the north, Siberia and the Far East / N. P. Koptseva // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. — 2016. — T. 9. — № 1. — P. 68–78.

546. Kopyova, D. A. "The language nest" as a way to solve the problem of preserving the Evenki language in the Amur Region / D. A. Kopyova, S. V. Androsova // Theoretical and Applied Linguistics. — 2017. — T. 3. — № 3. — P. 17–25.

547. Kotorova, E. G. The problem of representation of ethnocultural realities of a minority language (on the example of the Ket vocabulary) / E. G. Kotorova, A. V. Nefedov // Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies. — 2016. — T. 3. — № 13. — P. 24–32.

548. Krotova, I. V. Socio-psychological identity of foreign students with high academic achievement / I. V. Krotova // Revista Publicando. — 2017. — T. 4. — №. 13 (2). — P. 496–506.

549. Kruglanski, A. W. Group members' reactions to opinion deviates and conformists at varying degrees of proximity to decision deadline and of environmental noise / A. W. Kruglanski, D. M. Webster // Journal of personality and social psychology. — 1991. — T. 61. — №. 2. — P. 212–225.

550. Kruglanski, A. W. Motivated resistance and openness to persuasion in the presence or absence of prior information / A. W. Kruglanski, D. M. Webster, A. Klem // Journal of personality and social psychology. — 1993. — T. 65. — №. 5. — P. 861–876.

551. Kuhn, M. H. Self-attitudes by age, sex, and professional training / M. H. Kuhn // The Sociological Quarterly. — 1960. — T. 1. — №. 1. — P. 39–55.

552. Kuhn, M. H., McPartland T. S. An empirical investigation of self-attitudes / M. H. Kuhn // American sociological review. — 1954. — T. 19. — №. 1. — P. 68–76.

553. Kurtines, W. M., Szapocznik, J. Family psychology and cultural diversity: Opportunities for theory, research, and application / W. M. Kurtines, J. Szapocznik // *American Psychologist*. — 1993. — T. 48. — №. 4. — P. 400–407.

554. Kuznetsova, E. M. Ethnocultural portrait of Russia: The Yessey Yakuts. The Life by the Lake (History and Culture of an Ethnic Group) / E. M. Kuznetsova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. — 2018. — T. 11. — № 4. — P. 561–569.

555. Lamal, P. A. Behavioral analysis of societies and cultural practices / P. A. Lamal. — New York: Hemisphere. — 257 p.

556. Latrofa, M. The cognitive representation of self-stereotyping / M. Latrofa, J. Vaes, M. Cadinu, A. Carnaghi // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2010. — T. 36. — №. 7. — P. 911–922.

557. Leary, T. Interpersonal Diagnosis of Personality: A functional theory and methodology for personality evaluation / T. Leary. — New York: Ronald Press Company, 1957. — 518 p.

558. Lemaine, G. Inégalité, comparaison et incomparabilité: esquisse d'une théorie de l'originalité sociale / G. Lemaine // *Bulletin de psychologie*. — 1966. — T. 20. — P. 24–32.

559. Libakova, N. M. Formation of ethnic identity of the indigenous peoples of the North in arts and crafts on the example of bone carving / N. M. Libakova, E. A. Sertakova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. — 2015. — T. 4. — № 8. — P. 750–768.

560. Lilgendahl, J. P. Constructing stories of self-growth: How individual differences in patterns of autobiographical reasoning relate to well-being in midlife / J. P. Lilgendahl, D.P. McAdams // *Journal of personality*. — 2011. — T. 79. — №. 2. — P. 391–428.

561. Lillevoll, K. R. Identity status and anxiety: A meta-analysis / K. R. Lillevoll, J. Kroger, M. Martinussen // *Identity*. — 2013. — T. 13. — №. 3. — P. 214–227.

562. Lin, C. P. Predicating team performance in technology industry: Theoretical aspects of social identity and self-regulation / C. P. Lin // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2015. — T. 98. — P. 13–23.

563. Liu, S. Identity, bicultural and multicultural // *The International Encyclopedia of Intercultural Communication* / Y. Y. Kim [ed.] // Hoboken, United States: John Wiley and Sons, 2017. — P. 1–9.

564. Livingstone, A. G. “We Are, Therefore We Should”: Evidence That In- Group Identification Mediates the Acquisition of In- Group Norms 1 / A. G. Livingstone, S. A. Haslam, T. O. M. Postmes, J. Jetten // *Journal of Applied Social Psychology*. — 2011. — T. 41. — №. 8. — P. 1857–1876.

565. Loi, R. Leader—member exchange, organizational identification, and job satisfaction: A social identity perspective / R. Loi, K. W. Lam, L. W. Lam // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. — 2014. — T. 87. — № 1. — P. 42–61.

566. Luyckx, K. Time perspective and identity formation: Short-term longitudinal dynamics in college students / K. Luyckx, W. Lens, I. Smits, I. Goossens // *International Journal of Behavioral Development*. — 2010. — T. 34. — №. 3. — P. 238–247.

567. Luyckx, K. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence / K. Luyckx, S. J. Schwartz, M. D. Berzonsky, B. Soenens [et al.] // *Journal of Research in Personality*. — 2008. — T. 42. — №. 1. — P. 58–82.

568. Luyckx, K. Identity configurations across love and work in emerging adults in romantic relationships / K. Luyckx, I. Seirge-Krenke, S. J. Schwartz, E. Crocetti [et al.] // *Journal of Applied Developmental Psychology*. — 2014. — T. 35. — №. 3. — P. 192–203.

569. Malott, R. W. Rule-governed behavior and behavioral anthropology / R. W. Malott // *The Behavior Analyst*. — 1988. — T. 11. — №. 2. — P. 181–203.

570. Mancini, T. Personal and social aspects of professional identity: An extension of Marcia's identity status model applied to a sample of university

students / T. Mancini, L. Caricati, C. Hanari, A. Tonarelli // *Journal of Vocational Behavior*. — 2015. — T. 89. — P. 140–150.

571. Marcia, J. E. Development and validation of ego–identity status / J. E. Marcia // *Journal of personality and social psychology*. — 1966. — T. 3. — №. 5. — P. 551–558.

572. Marcia, J. E. Ego identity // *A handbook for psychosocial research* / J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matterson, S. L. Archer, J. L. Orlofsky. — Springer Science, Business Media, 2012. — 391 p.

573. Marcia, J. E. Identity status change during adolescence and young adulthood: A meta-analysis / J. E. Marcia, J. Kroger, M. Martinussen // *Journal of adolescence*. — 2010. — T. 33. — №. 5. — P. 683–698.

574. Marshall, C., Rossman, G. B. *Designing qualitative research* / C. Marshall. — Sage publications, 2014. — 344 p.

575. Martin, T. Modernization or neo–traditionalism? Ascribed nationality and Soviet primordialism / T. Martin // *Russian Modernity*. Palgrave Macmillan. — London, 2020. — P. 161–182.

576. Mattaini, M. A. Envisioning cultural practices / M. A. Mattaini // *The Behavior Analyst*. — 1996. — T. 19. — №. 2. — P. 257–272.

577. Mattaini, M. A. Out of the lab: Shaping an ecological and constructional cultural systems science / M.A. Mattaini // *Perspectives on behavior science*. — 2019. — T. 42. — №. 4. — P. 713–731.

578. McAdams, D. P. Narrating the generative life/ D. P. McAdams, J. Guo // *Psychological Science*. — 2015. — T. 26. — №. 4. — P. 475–483.

579. McAdams, D. P. The psychological self as actor, agent, and author / D. P. McAdams // *Perspectives on Psychological Science*. — 2013. — T. 8. — №. 3. — P. 272–295.

580. McAdams, D. P. *The stories we live by: Personal myths and the making of the self* / D. P. McAdams.—Guilford Press, 1993. — 336 p.

581. McAdams, D. P. Traits and stories: Links between dispositional and narrative features of personality / D. P. McAdam, N. A. Anyidoho, C. Brown, Y.

T. Huang [et al.] // *Journal of personality*. — 2004. — T. 72. — №. 4. — P. 761–784.

582. McGarty, C. The effects of categorization on social judgement / C. McGarty, J. C. Turner // *British Journal of Social Psychology*. — 1992. — T. 31. — №. 4. — P. 253–268.

583. McGarty, C. *Categorization in social psychology* / C. McGarty, J. C. Turner. — Sage publications: London, Thousand Oaks, New Delhi, 1999 — 320 p.

584. McLaren, L. Immigration, national identity and political trust in European democracies / L. McLaren // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2017. — T. 43. — №. 3. — P. 379–399.

585. McLean, K. C. Life's little (and big) lessons: identity statuses and meaning—making in the turning point narratives of emerging adults / K. C. McLean, M. W. Pratt // *Developmental psychology*. — 2006. — T. 42. — №. 4. — P. 714–722.

586. McLean, K. C. Personal, master, and alternative narratives: An integrative framework for understanding identity development in context / K.C. McLean, M. Syed // *Human Development*. — 2015. — T. 58. — №. 6. — P. 318–349.

587. McLean, K. C. The role of domain content in understanding identity development processes / K. C. McLean, M. Syed, A. Yoder, A. F. Greenhoot // *Journal of Research on Adolescence*. — 2016. — T. 26. — №. 1. — P. 60–75.

588. Mead, G. H. *The Philosophy of the Act* / C. W. Morris, J. M. Brewster, A. M. Dunham, D. Miller (eds.). — Chicago: University of Chicago. — 1938. — 696 p.

589. Mead, G. H. *The relation of play to education* // *George Herbert Mead: Essays on his Social Philosophy* / J. W. Petras (ed.). — New York: Teachers College Press, 1968. — P. 27–34.

590. Mead, J. G. *Reason, I and the Society (Mind, Self, and Society)* / J. G. Mead, I. Reason. — Chicago: University of Chicago Press, 1934. — 536 p.

591. Mead, J. G. Selected Writings / A. J. Reck [ed.]. —University of Chicago Press; Phoenix ed edition, 1964 — 488 p.

592. Mead, M. Continuities in cultural evolution / M. Mead. — Routledge, 2017. — 526 p.

593. Melnikova, N. Formation of ethnic identity and preservation of the language of indigenous peoples / N. Melnikova, S. E. Carlsdotter // 동북아시아문화학회 국제학술대회 발표자료집. — 2018. — P. 89–95.

594. Miller, B. J. A Persistent identity threats: Emotional and neurological responses / B. J. Miller, W. Kalkhoff, J. Pollock, M. Pfeiffer // Social Psychology Quarterly. — 2019. — T. 82. — №. 1. — P. 98–111.

595. Miller, M. J. Measurement invariance of the people of Color Racial Identity Attitudes Scale with Asian Americans / M. J. Miller, A. N. Alzarev, R. Li, G. A. Chen [et al.] // Psychological assessment. — 2016. — T. 28. — №. 1. — P. 116–122.

596. Miller, P. J. Cultural practices: Toward an integration of culture and development / P. J. Miller, J. J. Goodnow // New Directions for Child and Adolescent Development. — San Francisco: Jossey-Bass, 1995. — T. 67 — P. 5–16.

597. Miller, R. L. Multicultural identity development: Theory and research / R. L. Miller, T. Collette // Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives. — 2019. — P. 614–631.

598. Miramontez, D. R. Bicultural identity and self-group personality perceptions / D. R. Miramontez, V. Benet-Martínez, A. M. D. Nguyen // Self and Identity. — 2008. — T. 7. — №. 4. — P. 430–445.

599. Morandini, J. S. Essentialist beliefs, sexual identity uncertainty, internalized homonegativity and psychological wellbeing in gay men / J. S. Morandini, A. Blaszczyński, M. W. Ross, D. S. Costa [et al.] // Journal of counseling psychology. — 2015. — T. 62. — №. 3. — P. 413–424.

600. Morisano, D. Setting, elaborating, and reflecting on personal goals improves academic performance / D. Morisano, J. B. Hirsh, J. B. Peterson, R. O. Pihl // *Journal of applied psychology*. — 2010. — T. 95. — №. 2. — P. 255–264.

601. Morse, J. M. Principles of mixed methods and multimethod research design / J. M. Morse // *Handbook of mixed methods in social and behavioral research*. — 2003. — T. 1. — P. 189–208.

602. Munro, G. Ego-identity formation in college students and working youth / G. Munro, G. R. Adams // *Developmental Psychology*. — 1977. — T. 13. — №. 5. — P. 523–524.

603. Murnieks, C. Y. Pathways of passion: Identity centrality, passion, and behavior among entrepreneurs / C. Y. Murnieks, E. Masakowski, M. S. Cardon // *Journal of management*. — 2014. — T. 40. — №. 6. — P. 1583–1606.

604. Musso, P. The Multigroup Ethnic Identity Measure–Revised (MEIM–R): Psychometric evaluation with adolescents from diverse ethnocultural groups in Italy / P. Musso, U. Moscardino, C. Inguglia // *European Journal of Developmental Psychology*. — 2018. — T. 15. — №. 4. — P. 395–410.

605. Nagel, J. Constructing ethnicity: Creating and recreating ethnic identity and culture / J. Nagel // *Social problems*. — 1994. — T. 41. — №. 1. — P. 152–176.

606. Nasir, N. S. Learning as a Cultural Process: Achieving Equity Through Diversity // *The Cambridge handbook of: The learning sciences* / R. K. Sawyer, A. S. Rosebery, B. Warren, C. D. Lee (eds.). — Cambridge University Press, 2006. — P. 489–504.

607. Neufeld, R. W. J. A formal analysis of stressor and stress-proneness effects on simple information processing / R. W. J. Neufeld, T. S. McCarty // *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. — 1994. — T. 47. — №. 2. — P. 193–226.

608. Newcomb, T. M. Stabilities underlying changes in interpersonal attraction / T. M. Newcomb // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. — 1963. — T. 19. — №. 4. — P. 3–14.

609. Newman, A. The effects of diversity climate on the work attitudes of refugee employees: The mediating role of psychological capital and moderating role of ethnic identity / A. Newman, I. Nielsen, R. Smyth, G. Hirst [et al.] // *Journal of Vocational Behavior*. — 2018. — T. 105. — P. 147–158.

610. Onorato, R. S. Fluidity in the self-concept: the shift from personal to social identity / R. S. Onorato, J. C. Turner // *European journal of social psychology*. — 2004. — T. 34. — №. 3. — P. 257–278.

611. *Organizational Identity: A Reader* / M. J. Hatch, M. Schultz. — Oxford university press, 2004. — 598 p.

612. Osborne, D. Authoritarianism and national identity: Examining the longitudinal effects of SDO and RWA on nationalism and patriotism / D. Osborne, P. Milojev, C. G. Sibley // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2017. — T. 43. — №. 8. — P. 1086–1099.

613. Ostrom, E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: Presidential address, American Political Science Association, 1997 / E. A. Ostrom // *American political science review*. — 1998. — P. 1–22.

614. Ostrom, E. A general framework for analyzing sustainability of social—ecological systems / E. A. Ostrom // *Science*. — 2009. — T. 325. — №. 5939. — P. 419–422.

615. Ozer, S. Globalization and identity development among emerging adults from Ladakh / S. Ozer, A. Meca, S. J. Schwartz // *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*. — 2019. — T. 25. — №. 4. — P. 515–526.

616. Pasupathi, M. Developing a life story: Constructing relations between self and experience in autobiographical narratives / M. Pasupathi, E. Mansour, J. P. Brubaker // *Human development*. — 2007. — T. 50. — №. 2 (3). — P. 85–110.

617. Peabody, D. Group judgments in the Philippines: Evaluative and descriptive aspects / D. Peabody // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1968. — T. 10. — №. 3. — P. 290–300.

618. Phinney, J. S. Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions / J. S. Phinney, A. D. Ong // *Journal of counseling Psychology*. — 2007. — T. 54. — №. 3. — P. 271–281.

619. Phinney, J. S. Ethnic identity and self-esteem: An exploratory longitudinal study / J. S. Phinney, V. Chavira // *Journal of adolescence*. — 1992. — T. 15. — №. 3. — P. 271–281.

620. Pozdeeva, G. P. "Paired noun + verb" constructions in selkup dialects and northern samoyed languages (nganasan, enets and nenets dialects) / G. P. Pozdeeva, E. V. Sonina // *Russian linguistic Bulletin*. — 2016. — T. 2. — № 6. — P. 10–12.

621. Praharso, N. F. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress buffering hypothesis and the social identity model of identity change / N. F. Praharso, M. J. Tear, T. Cruwys // *Psychiatry research*. — 2017. — T. 247. — P. 265–275.

622. Reiche, B. S. Why and how does shared language affect subsidiary knowledge inflows? A social identity perspective / B. S. Reiche, A. Harzing, M. Pudielko // *Language in International Business*. — Palgrave Macmillan, Cham, 2017. — P. 209–253.

623. Rew, L. Changes in ethnic identity and competence in middle adolescents / L. Rew, K. L. Arheart, K. Johson, M. Spoden // *Journal of Transcultural Nursing*. — 2015. — T. 26. — №. 3. — P. 227–233.

624. Reynolds, K. J. Individuality and the prejudiced personality / K. J. Reynolds, J. C. Turner // *European review of social psychology*. — 2006. — T. 17. — №. 1. — P. 233–270.

625. Reznikova, K. V. Ethnocultural space of Krasnoyarsk Krai: The current state / K. V. Reznikova, N. N. Pimenova, A. V. Kistova, M. A. Kolesnik, [et al.] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. — 2019. — T. 12. — № 8. — P. 1552–1567.

626. Roccas, S. Social identity complexity / S. Roccas, M. B. Brewer // *Personality and Social Psychology Review*. — 2002. — T. 6. — №. 2. — P. 88–106.

627. Rogers, M. E. Parent and adolescent perceptions of adolescent career development tasks and vocational identity / M. E. Rogers, P.A. Creed, A. Praskova // *Journal of Career Development*. — 2018. — T. 45. — №. 1. — P. 34–49.

628. Rosenberg, D. Antecedents of Physical Literacy: George Herbert Mead and the Genesis of the Self in Play and Games / D. Rosenberg // *Quest*.—2019. — T. 71. — №. 4. — P. 463–478.

629. Salmela, J. H. Cognitive distortions during progressive exercise / J. H. Salmela, O. D. Ndoye // *Perceptual and Motor Skills*. — 1986. — T. 63. — №. 3. — P.1067–1072.

630. Santisi, G. Psychological resources, satisfaction, and career identity in the work transition: an outlook on Sicilian college students / G. Santisi, P. Magnano, S. Platania, T. Ramaci // *Psychology Research and Behavior Management*. — 2018. — T. 11. — P. 187–195.

631. Saxe, G. B. Cognition, development, and cultural practices / G. B. Saxe // *New Directions for Child and Adolescent Development*. — 1999. — T. 1999. — №. 83. — P. 19–35.

632. Scandurra, C. Psychometric characteristics of the Transgender Identity Survey in an Italian sample: A measure to assess positive and negative feelings towards transgender identity / C. Scandurra, A. L. Amodeo, V. Bochicchio, P. Valerio [et al.] // *International Journal of Transgenderism*. —2017. — T. 18. — №. 1. — P. 53–65.

633. Schachter, E. P. Identity configurations: A new perspective on identity formation in contemporary society / E. P. Schachter // *Journal of personality*. — 2004. — T. 72. — №. 1. — P. 167–200.

634. Schmid, K. Antecedents and consequences of social identity complexity: Intergroup contact, distinctiveness threat, and outgroup attitudes / K. Schmid, M.

Hewstone, N. Tausch, E. Cairns [et al.] // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2009. — T. 35. — №. 8. — P. 1085–1098.

635. Schwartz, S. J. Author's Response The Evolution of Identity: A Rejoinder / S. J. Schwartz // *Identity: An international journal of theory and research*. — 2001. — T. 1. — №. 1. — P. 87–93.

636. Schwartz, S. J. Ego identity status, identity style, and personal expressiveness: An empirical investigation of three convergent constructs / S. J. Schwartz, R. L. Mullis, A. S. Waterman, R. M. Dunham // *Journal of Adolescent Research*. — 2000. — T. 15. — №. 4. — P. 504–521.

637. Schwartz, S. J. The evolution of Eriksonian and, neo—Eriksonian identity theory and research: A review and integration / S. J. Schwartz // *Identity: an international journal of theory and research*. — 2001. — T. 1. — №. 1. — P. 7–58.

638. Seginer, R. Future orientation in times of threat and challenge: How resilient adolescents construct their future / R. Seginer // *International Journal of Behavioral Development*. — 2008. — T. 32. — №. 4. — P. 272–282.

639. Seredkina, N. N. Evenk Children's Literature: History and Specific Features / N. N. Seredkina // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. — 2016. — T. 9. — №. 9. — P. 1994–2004.

640. Seredkina, N. The Construction of a Positive Ethnic Identity in the Current Artistic Practices: doctor of Philosophy. — Department of Cultural Studies, Institute of Humanities, Siberian Federal University. Krasnoyarsk, 2016. — 95 p.

641. Serpe, R. T., Stryker, S. The symbolic interactionism perspective and identity theory / R. T. Serpe, S. Stryker // *Handbook of Identity Theory and Research. Vol. 1: Structures and Processes* / S. J. Schwartz, K. Luyckx, L. Vignoles (eds.). — New York: Springer, 2012. — P. 225–248.

642. Sertakova, E. A. Nenets Children's Literature: the History and Specificity / E. A. Sertakova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. — T. 9. — №. 9. — P. 2013–2021.

643. Sestito, L. A. Vocational and overall identity: A person—centered approach in Italian university students / L. A. Sestito, L. S. Sica, G. Ragozini, E. Porfeli [et al.] // *Journal of Vocational Behavior*. — 2015. — T. 91. — P. 157–169.
644. Sewell, W. H. The Concept (s) of Culture / W. H. Sewell // *The Cultural Geography Reader* / T. S. Oakes, P. L. Price. — London: Routledge, 2008. — P. 40–50.
645. Sewell, W. H. The concept (s) of culture // *Practicing history* / G. V. Spiegel (ed.). — London: Routledge, 2005. — P. 76–95.
646. Sharifian, F. Advances in cultural linguistics / F. Sharifian // *Approaches to language, culture, and cognition*. — Palgrave Macmillan, London, 2014. — P. 99–123.
647. Sharifian, F. Cultural linguistics and intercultural communication / F. Sharifian // *Language and intercultural communication in the New Era*. — 2013. — P. 60–79.
648. Sharifian, F. Cultural linguistics and linguistic relativity / F. Sharifian // *Language Sciences*. — 2017. — T. 59. — P. 83–92.
649. Sharifian, F. Cultural linguistics and linguistic relativity / F. Sharifian // *Language Sciences*. — 2017. — T. 59. — P. 83.
650. Sharifian, F. Cultural linguistics and world Englishes / F. Sharifian // *World Englishes*. — 2015. — T. 34. — №. 4. — P. 515–532.
651. Sharifian, F., Palmer, G. B. Applied cultural linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication / F. Sharifian, G. B. Palmer. — John Benjamins Publishing, 2007. — T. 7. — 170 p.
652. Shen, K. N. Dural identity process for virtual community participation and impact of gender composition / K. N. Shen, F. Zhao, M. Khalifa // *Internet Research*. — 2017. — T. 27. — № 2. — P. 182–198.
653. Shepherd, D. usic preference, social identity, and self–esteem / D. Shepherd, N. Sigg // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. — 2015. — T. 32. — №. 5. — P. 507–514.

654. Sherif, M. Group conflict and co-operation / M. Sherif. — Psychology Press, 1967. — 212 p.

655. Sherif, M. Social interaction: Process and products / M. Sherif. — New York: Routledge, 1967. — 528 p.

656. Sherif, M. The Robbers Cave experiment / M. Sherif, O. J. Harvey, B. J. White, W. R. Hood, C. W. Sherif. — Norman, OK: University Book Exchange, 1961. — 232 p.

657. Shluinsky, A. B. Specific system of the Enets language on the background of the Russian language: To the typology of word—classifying forms / A. B. Shluinsky // Questions of Linguistics. — 2017. — T. 3. — P. 24–52.

658. Shpak, A. A. Methodology for the Study of Complex Identity / A. A. Shpak, D. S. Pchelkina // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. — 2020. — T. 13. — № 5. — P. 752–761.

659. Shteynberg, G. Peering into the “magnum mysterium” of culture: The explanatory power of descriptive norms / G. Shteynberg, M. J. Gelfand, K. Kim // Journal of Cross-Cultural Psychology. — 2009. — T. 40. — №. 1. — P. 46–69.

660. Sibley, C. G. The multi-dimensional model of Māori identity and cultural engagement: Item response theory analysis of scale properties / C. G. Sibley, C.A. Houkamau // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. — 2013. — T. 19. — №. 1. — P. 97–110.

661. Silverman, D. Doing qualitative research: A comprehensive guide / D. Silverman, A. Marvasti. — Sage Publications, 2008. — 576 p.

662. Simmons, D. D. Development of an objective measure of identity achievement status / D. D. Simmons // Journal of Projective Techniques and Personality Assessment. — 1970. — T. 34. — №. 3. — P. 241–244.

663. Sitnikova, A. A. Pedagogical approaches to teaching and adaptation of indigenous minority peoples of the North in higher educational institutions / A. A. Sitnikova, N. N. Pimenova, A. I. Filko // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. — 2018.— T. 4. — P. 26–45.

664. Smith, E. P. Ethnic identity and its relationship to self—esteem, perceived efficacy and prosocial attitudes in early adolescence / E. P. Smith, K. Walker, L. Fields, C. C. Brookins [et al.] // *Journal of Adolescence*. — 1999. — T. 22. — №. 6. — P. 867–880.

665. Smith, T. B. Ethnic identity and personal well-being of people of color: A meta-analysis / T. B. Smith, L. Silva // *Journal of counseling psychology*. — 2011. — T. 58. — №. 1. — P. 42–60.

666. *Social identity and intergroup relations* / H. Tajfel (ed.). — Cambridge university press, 1982. — 523 p.

667. *Sociological Methods: A sourcebook (Methodological Perspectives)* / Denzin N. [ed.]. — Routledg, 2006. — 600 p.

668. Steblay, N. M. A meta-analytic review of the weapon focus effect / N. M. Steblay // *Law and human behavior*. — 1992. — T. 16. — №. 4. — P. 413–424.

669. Steffens, N. K. Leadership as social identity management: Introducing the Identity Leadership Inventory (ILI) to assess and validate a four-dimensional model / N. K. Steffens, S. A. Haslan, S. D. Reicher, M. J. Platow [et al.] // *The leadership quarterly*. — 2014. — T. 25. — №. 5. — P. 1001–1024.

670. Stets, J. E. The science identity and entering a science occupation / J. E. Stets, P. S. Brenner, P J. Burke, R. T. Serpe // *Social science research*. — 2017. — T. 64. — P. 1–14.

671. Stuart, J. The protective influence of family connectedness, ethnic identity, and ethnic engagement for New Zealand Māori adolescents / J. Stuart, P. E. Jose // *Developmental psychology*. — 2014. — T. 50. — №. 6. — P. 1817–1826.

672. Swann, Jr, W. B. When group membership gets personal: A theory of identity fusion / W. B. Jr Swann, J. Betten, Á. Gómez, H. Whitehouse [et al.] // *Psychological review*. — 2012. — T. 119. — №. 3. — P. 441–456.

673. Swann, Jr W. B., Buhrmester, M. D. Identity fusion / W. B. Jr. Swann, M.D. Bushmester // *Current Directions in Psychological Science*. — 2015. — T. 24. — №. 1. — P. 52–57.

674. Swidler, A. What anchors cultural practices // *The Practice Turn in Contemporary Theory* / K. K. Cetina, T. R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). — London, New York: Routledge, 2005. — P. 83–101.

675. Syed, M. Understanding identity integration: Theoretical, methodological, and applied issues / M. Syed, K. S. McLean // *Journal of adolescence*. — 2016. — T. 47. — P. 109–118.

676. Szymanski, D. M. Race—related stress and racial identity as predictors of African American activism / D. M. Szymanski, J. A. Lewis // *Journal of Black Psychology*. — 2015. — T. 41. — №. 2. — P. 170–191.

677. Tajfel, H. Human groups and social categories: Studies in social psychology / H. Tajfel // Cambridge university press: Cup Archive, 1981. — 384 p.

678. Tajfel, H. Social identity and intergroup behavior / H. Tajfel // *Social science information*. — 1974. — T. 13. № 2. — P. 65–93.

679. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behaviour / H. Tajfel, J. C. Turner // *Psychology of Intergroup Relations* / W. G. Austin, S. Worchel (eds.). — Chicago: Nelson–Hall, 1979. — P. 276–293.

680. Takeshita, S. “The Passing CCKs in Japan: Analysis on Families of Cross—Border Marriages Between Japanese and Brazilian” / S. Takeshita // *Journal of Comparative Family Studies*. — T. 41. — № 3. — P. 369–387.

681. Taylor, D. M. Theories of intergroup relations: International social psychological perspectives / D. M. Taylor, F. M. Moghaddam. — Greenwood Publishing Group, 1994. — 245 p.

682. Teng, C. I. Impact of avatar identification on online gamer loyalty: Perspectives of social identity and social capital theories / C. I. Teng // *International Journal of Information Management*. — 2017. — T. 37. — №. 6. — P. 601–610.

683. *The practice turn in contemporary theory* / K. K. Cetina, T. R. Schatzki, E. Von Savigny (eds.). — London; New York: Routledge, 2005. — 240 p.

684. *The Sage's Handbook of Qualitative Research* / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds.). — Sage Publications, Inc., 2000.—784 p.

685. *The social identity perspective today: An overview of its defining ideas* / S. A. Haslam, N. Ellemers, S. D. Reicher [et al.] // *Rediscovering Social Identity* / T. Postmes, N. R. Branscombe (eds.). — Psychology Press, 2010. — P. 341–356.

686. Titova, T. A. *Ethno-confessional group of the kryashens: Transformation of identity and modern ethno-cultural processes* / T. A. Titova, V. E. Kozlov, E. G. Guschina // *Journal of Sustainable Development*. — 2015. — T. 8. — №. 4. — P. 260–267.

687. Törngren, S. O. *Beyond being either—or: identification of multiracial and multiethnic Japanese* / S. O. Törngren, Y. Sato // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2019. — P. 1–19.

688. Turner, J. C. *Rediscovering the social group: A self-categorization theory* / J. C. Turner, M. A. Hogg, P. J. Oakes, S. D. Reicher, M. S. Wetherell. — Oxford, England: Basil Blackwell, 1987. — 256 p.

689. Turner, J. C. *Self and collective: Cognition and social context* / J. C. Turner, P. J. Oakes, S. A. Haslam, S. A. McGarty // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 1994. — T. 20. — №. 5. — P. 454–463.

690. Turner, J. C. *Self-categorization theory and social influence* / J. C. Turner // *The psychology of group influence*. — 1989. — P. 233–275.

691. Turner, J. C. *Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior* // *Advances in Group Processes: Theory and Research* / E. J. Lawler (ed.). — Psychology press, 1985. — T. 2. — P. 77–122.

692. Turner, J. C. *Social identity, personality, and the self-concept: A self-categorization perspective* / J. C. Turner, R. S. Onorato // *The Psychology of the Social Self* / T. R. Tyler, R. M. Kramer, O. P. John (eds.). — Psychology press: New York and hove, 1998. — P. 11–46.

693. Turner, J. C. *Social influence* / J. C. Turner. — England: Open University Press, 1991. — 206 p.

694. Turner, J. C. Some current issues in research on social identity and self-categorization theories / J. C. Turner // *Social identity: Context, commitment, content*. — 1999. — T. 3. — №. 1. — P. 6–34.

695. Turner, J. C. The significance of the social identity concept for social psychology with reference to individualism, interactionism and social influence / J. C. Turner, P. J. Oakes // *British Journal of Social Psychology*. — 1986. — T. 25. — №. 3. — P. 237–252.

696. Turner, J. C. Toward a cognitive redefinition of the social group / J. C. Turner // *Social Identity and Intergroup Relations* / H. Tajfel (ed.). — Cambridge University Press, 1982. — P. 15–40.

697. Umaña-Taylor, A. J. Developing the ethnic identity scale using Eriksonian and social identity perspectives / A. J. Umaña-Taylor, A. Yazedjian, M. Bámaca-Gómez // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. — 2004. — T. 4. — №. 1. — P. 9–38.

698. Van Dick, R. Two sides of the same coin and two routes for improvement: Integrating resilience and the social identity approach to well-being and ill-health / R. Van Dick, C. Kerrurat, J.A. Hausser, A. Mojzisch // *Health psychology open*. — 2017. — T. 4. — №. 2. — P. 1–6.

699. Van Hoof, A. The search for the structure of identity formation / A. van Hoof, Q. A. W. Raaijmakers // *Identity: An international journal of theory and research*. — 2003. — T. 3. — №. 3. — P. 271–289.

700. Vanbeselaere, N. The different effects of simple and crossed categorizations: A result of the category differentiation process or of differential category salience? / N. Vanbeselaere // *European review of social psychology*. — 1991. — T. 2. — №. 1. — P. 247–278.

701. VanderWeele, T. J. Attendance at religious services, prayer, religious coping, and religious/spiritual identity as predictors of all-cause mortality in the Black Women's Health Study / T. J. VanderWeele, J. Yu, Y. C. Cozier, L. Wise [et

al.] // *American journal of epidemiology*. — 2017. — T. 185. — №. 7. — P. 515–522.

702. Vosylis, R., Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? / R. Vosylis, R. Erentaite, E. Crocetti // *Emerging Adulthood*. — 2018. — T. 6. — №. 1. — P. 32–41.

703. Walton, T. N. Ecological identity: The development and assessment of a measurement scale / T. N. Walton, R.E. Jones // *Environment and Behavior*. — 2018. — T. 50. — №. 6. — P. 657–689.

704. Wang, C. J. Linking transformational leadership and employee creativity in the hospitality industry: The influences of creative role identity, creative self-efficacy, and job complexity / C. J. Wang, H. T. Tsai, M.T. Tsai // *Tourism management*. — 2014. — T. 40. — P. 79–89.

705. Waterman, A. S. Ego identity status, identity style, and personal expressiveness: An empirical investigation of three convergent constructs / A. S. Waterman, S.J. Schwartz, R.L. Mullis, R. M. Dunham // *Journal of adolescent research*. — 2000. — T. 15. — №. 4. — P. 504–521.

706. Waterman, A. S. Identity as an aspect of optimal psychological functioning // *Advances in adolescent development* / G. R. Adams, T. P. Gullotta, R. Montemayor (eds.). — Sage Publications, Inc., 1992. — P. 50–72.

707. Waterman, A. S. Identity, the identity statuses, and identity status development: A contemporary statement / A. S. Waterman // *Developmental review*. — 1999. — T. 19. — №. 4. — P. 591–621.

708. Weinreich, P. Analysing identity: Cross-cultural, societal and clinical contexts / P. Weinreich, W. Saunderson. — London: Routledge, 2002 — 416 p.

709. Weststrate, N. M. The rise and fall of gay: A cultural-historical approach to gay identity development / N. M. Weststrate, K. C. McLean // *Memory*. — 2010. — T. 18. — №. 2. — P. 225–240.

710. Wilson, M. E. Professional identity, career commitment, and career entrenchment of midlevel student affairs professionals / M. E. Wilson, D. L.

Liddell, A. S. Hirschy, K. Pasquesi // *Journal of College Student Development*. — 2016. — T. 57. — №. 5. — P. 557–572.

711. Wood, W. Two traditions of research on gender identity / W. Wood, A. Eagly // *Sex Roles*. — 2015. — T. 73. — №. 11. — P. 461–473.

712. Worrell, F. C. Cross Racial Identity Scale (CRIS) scores and profiles in African American adolescents involved with the juvenile justice system / F. C. Worrell, J. R. Andretta, M. H. Woodland // *Journal of counseling psychology*. — 2014. — T. 61. — №. 4. — P. 570–580.

713. Worrell, F. C. Introducing a new assessment tool for measuring ethnic—racial identity: the cross ethnic—racial identity scale—adult (CERIS—A) / F. C. Worrell, R. Mendoza-Denton, A. Wang // *Assessment*. — 2019. — T. 26. — №. 3. — P. 404–418.

714. Yamashita, M. Haafu Wa Naze Sainou Wo Hakki Surunoka-Tabunka Tajinshu Jidai Nippon no Mirai / M. Yamashita // Tokyo: PHP. — 2009.

715. Yoon, S. Does social capital affect SNS usage? A look at the roles of subjective well—being and social identity / S. Yoon // *Computers in Human Behavior*. — 2014. — T. 41. — P. 295–303.

716. Zamaraeva, Y. S. Taymyr reindeer herding as a branch of the economy and a fundamental social identification practice for indigenous peoples of the Siberian Arctic / Y. S. Zamaraeva, K. V. Reznikova, A. V. Kistova, N. N. Pimenova [et al.] // *Mediterranean Journal of Social Science*. — 2015. — T 6. — № 3. — P. 225–232.

717. Zamaraeva, Y. S. Experience in the preservation and development of the Evenki language in the Evenki Municipal District of the Krasnoyarsk Krai on the basis of the analysis of Evenki archival documents / Y. S. Zamaraeva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences*. — 2018. — T. 11. — № 8. — P. 1327–1368.

718. Zamaraeva, Y. S. Perspective formats for the development of decorative and applied art of the indigenous peoples of the Krasnoyarsk Territory / Y. S. Zamaraeva, K. V. Reznikova, N. N. Seredkina // *Journal of Siberian Federal*

University. Humanities Social Sciences. — 2017. — T. 10. — № 10. — P. 1573–1593.

719. Zamaraeva, Y. S. The sociocultural problems of teaching the entsy language / Y. S. Zamaraeva, K. V. Reznikova, N. A. Sergeeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. — T 7. — № 11. — P. 1137–1150.

720. Zamaraeva, Y.S. History of complex identity research / Y. S. Zamaraeva, N. P. Koptseva. // Journal of Siberian Federal University. Humanities Social Sciences. — 2020. — T. 13. — № 7. — P. 1216–1229.

721. Zamaraeva, Y.S. Regional specifics of social values and their impact on Central Siberian territories' modernization (based on research of Krasnoyarsk Region) / Y.S. Zamaraeva, K. V. Reznikova, N. P. Koptseva, N.N. Seredkina // Economic Annals. — 2016. — T. 160. — № 7 (8). — P. 92–95.

722. Zeugner-Roth, K. P. Consumer ethnocentrism, national identity, and consumer cosmopolitanism as drivers of consumer behavior: A social identity theory perspective / K. P. Zeugner-Roth, V. Žabkar, Diamantopoulos A. // Journal of international marketing. — 2015. — T. 23. — №. 2. — P. 25–54.

723. Zhang, J. Am I a backpacker? Factors indicating the social identity of Chinese backpackers / J. Zhang, A. Morrison, H. Tucker, B. Wu // Journal of Travel Research. — 2018. — T. 57. — №. 4. — P. 525–539.

Приложение А (обязательное)

Анкета междисциплинарного эмпирического исследования сложных форм этнокультурной идентичности «Региональная этнокультурная идентичность жителей Красноярского края»

Уважаемые жители Красноярского края!

Просим Вас принять участие в исследовании на тему «Региональная этнокультурная идентичность жителей Красноярского края». Ваше мнение очень важно. Просим Вас отвечать искренно, так как опрос анонимен и все результаты будут приводиться в обобщенном виде.

При заполнении анкеты, отвечая на вопросы, выберите вариант ответа, наиболее близкий Вашему мнению и обведите номер. Если ни один из предложенных вариантов ответа Вам не подходит, укажите свой на строке «иное».

Заранее благодарим Вас за участие в опросе!

1. К какой этнической группе Вы относите себя? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские	15. Эвенки	29. Грузины
2. Украинцы	16. Ненцы	30. Поляки
3. Татары	17. Марийцы	31. Литовцы
4. Немцы	18. Тувинцы	32. Евреи
5. Азербайджанцы	19. Лезгины	33. Буряты
6. Чуваши	20. Молдаване	34. Корейцы
7. Армяне	21. Китайцы	35. Кеты
8. Белорусы	22. Эстонцы	36. Чеченцы
9. Киргизы	23. Латыши	37. если другая
10. Мордва	24. Удмурты	этническая группа,
11. Башкиры	25. Узбеки	то впишите название:
12. Казаки	26. Цыгане	_____
13. Таджики	27. Осетины	
14. Долганы	28. Якуты	

2. Какой язык Вы считаете родным? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русский	11. Башкирский	21. Латышский
2. Украинский	12. Таджикский	22. Удмуртский
3. Татарский	13. Долганский	23. Узбекский
4. Немецкий	14. Эвенкийский	24. Цыганский
5. Азербайджанский	15. Ненецкий	25. Осетинский
6. Чувашский	16. Тувинский	26. Якутский
7. Армянский	17. Лезгинский	27. Грузинский
8. Белорусский	18. Молдавский	28. Польский
9. Киргизский	19. Китайский	29. Литовский
10. Мордовский	20. Эстонский	30. Еврейский

31. Бурятский
32. Корейский
33. Кетский
34. Чеченский

35. Хакаский
36. Чулымский
37. Нганасанский
38. Селькупский

39. если другой, то
впишите его
название:

3. К какой этнической группе принадлежит Ваш отец? Можно выбрать только 1

ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва
11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы

15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване
21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты

29. Грузины
30. Поляки
31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы
35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая
этническая группа,
то впишите название:

4. К какой этнической группе принадлежит Ваша мать? Можно выбрать только 1

ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва
11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы

15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване
21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты

29. Грузины
30. Поляки
31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы
35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая
этническая группа,
то впишите название:

5. К какой этнической группе принадлежит Ваш дедушка (по линии отца)? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва

11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы
15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване

21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты
29. Грузины
30. Поляки

31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы

35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая этническая группа, то впишите

название:

6. К какой этнической группе принадлежит Ваша бабушка (по линии отца)? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва
11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы

15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване
21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты

29. Грузины
30. Поляки
31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы
35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая этническая группа, то впишите название:

7. К какой этнической группе принадлежит Ваш дедушка (по линии матери)? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва
11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы

15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване
21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты

29. Грузины
30. Поляки
31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы
35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая этническая группа, то впишите название:

8. К какой этнической группе принадлежит Ваша бабушка (по линии матери)? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва

11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы
15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване

21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты
29. Грузины
30. Поляки

31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы

35. Кеты
36. Чеченцы

37. если другая этническая группа, то впишите название:

9. К какой этнической группе принадлежит Ваш прадедушка? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва
11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы

15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване
21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты

29. Грузины
30. Поляки
31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы
35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая этническая группа, то впишите название:

10. К какой этнической группе принадлежит Ваша прабабушка? Можно выбрать только 1 ответ:

1. Русские
2. Украинцы
3. Татары
4. Немцы
5. Азербайджанцы
6. Чуваши
7. Армяне
8. Белорусы
9. Киргизы
10. Мордва
11. Башкиры
12. Казаки
13. Таджики
14. Долганы

15. Эвенки
16. Ненцы
17. Марийцы
18. Тувинцы
19. Лезгины
20. Молдаване
21. Китайцы
22. Эстонцы
23. Латыши
24. Удмурты
25. Узбеки
26. Цыгане
27. Осетины
28. Якуты

29. Грузины
30. Поляки
31. Литовцы
32. Евреи
33. Буряты
34. Корейцы
35. Кеты
36. Чеченцы
37. если другая этническая группа, то впишите название:

11. Возможно Вы относите себя ни к одной этнической группе, а к двум или даже к трём. Представителем каких этнических групп Вы ещё себя считаете? Перечислите их:

12. Укажите Ваш пол:

- Мужской
Женский

13. Укажите Ваш Возраст:

16-24	45-54	75-84
25-34	55-64	85-94
35-44	65-74	

14. Укажите Ваш уровень образования:

Общеобразовательная школа
 Профессиональное/профессионально-техническое училище
 Высшее образовательное учреждение/бакалавр
 Высшее образовательное учреждение/специалист
 Высшее образовательное учреждение/магистр
 Кандидат или доктор наук

15. Укажите средний уровень Вашего дохода в месяц:

1 000 – 4 000
 5 000 – 9 000 рублей
 10 000 – 19 000 рублей
 20 000 – 29 000 рублей
 30 000 – 39 000 рублей
 40 000 – 49 000 рублей
 50 000 – 59 000 рублей
 Свыше 60 000 рублей

16. Укажите место Вашего жительства в Красноярском крае (в настоящий момент):

Красноярск	Лесосибирск	Боготол
Норильск	Назарово	Енисейск
Ачинск	Сосновоборск	Шушенское
Канск	Шарыпово	Кодинск
Железногорск	Дивногорск	Бородино
Минусинск	Дудинка	Ужур
Зеленогорск	Берёзовка	Иланский

Другой город: _____

17. Период Вашего проживания в Красноярском крае:

менее 1 года
 1-5 лет
 6-10 лет
 11-15 лет
 16-20
 21-25
 26-30
 Более 30 лет

**Приложение Б
(обязательное)**

Контент-анализ стенограмм фокусированного интервью с жителями Красноярского края

Таблица Б 1. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с молодыми людьми (гуманитарное направление высшего образования ¹²⁸⁴)

Мама	31	Матери	7	Мамы	6						
Бабушка	30	Бабушки	14	Бабушкой	6						
Фамилия	21	Фамилию	6								
Русские	20	Русский	13	Русской	12	Русская	11	Русском	5	Русским	4
История	18	Истории	12	Историю	10						
Корни	15										
Дедушка	13	Дедушки	9	Деда	5						
Этнической	12										
Группе	12										
Люди	11										
Сибирь	10										
Семьи	10	Семья	9	Семье	9						
Папа	10	Отец	10	Отца	9	Папы	7	Отцу	7		
Интересно	10										
Человек	10	Человека	9								
Приехали	9										
Время	9										
Большое	9										
Правда	8										

¹²⁸⁴ Группы слов в таблице расположены по убыванию, некоторые сразу сгруппированы с однокоренными и взаимозаменяемыми словами.

Таблица Б 4. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с представителями старшего поколения 1950-х гг.

Мы	146	Вместе	11								
Русские	35	Русская	25	Русский	24	Русской	13	Русских	12	Русским Русском Русскими	8
Бабушка	28	Бабушки	5								
Дед	24	Дедушки	7	Дедушка	7	Деда	7				
Знаю	23										
Время	23	Времени	6								
Отец	21	Отца	14	Отцу	6	Папа	4				
Жили	21	Живут	15								
Всегда	21										
Родители	20	Родителей	9	Родственников	10	Родственники	5				
Свое	18										
Разные	18	Разных	7								
Семье	16	Семьи	10								
Национальности	16	Национальностей	16	Национальность	10						
Человек	14										
Когда	14	Раньше	14								
Сын	13	Муж	10	Дочь	10	Внучка	9	Сестры	5	Брата	5
Старообрядцы	13	Старообрядцев	4								
Линии	13										
Интересно	13										
Приехали	12	Переехали	7	Приехала	6						
Мнение	12										
Мама	12	Мать	11	Матери	7	Маминой	7	Мамы	6		
Люди	12	Людей	9								
Жизнь	12	Жизни	10								
Дома	12	Дом	11								
Сибири	11	Сибирь	6								

Таблица Б 5. Количественный контент-анализ стенограммы фокусированного интервью с представителями бурятской этнокультурной группы

Человек	21	Человека	10								
Русский	19	Русские	13	Русском	10	Русским	9	Русскими	6		
Детей	17	Детям	6								
Бурят	17	Бурятский	16	Бурятском	15	Бурятской	12	Буряты	11	Бурятии	10
		Бурятка	6	бурятскому	5	Бурятия	5				
Язык	15	Языке	7	Языка	5						
Семья	15	Семье	12	Семьи	9	Семьях	4				
Праздники	14	Праздник	7								
Книги	13										
Бабушка	12	Бабушки	11								
Среде	11	Среда	8								
Отнести	11										
Мама	11										
Школе	10										
Традиции	10										
России	10	Россияне	5								
Однозначность	10	Однозначно	5								
Этничность	9	Этнической	8	Этнически	5	Этничности	4				
Папа	9	Отца	6	Отцовской	5						
Красноярске	9										
Группе	9										
Всегда	9	Время	9	Сегодня	5	Раньше	5	Постоянно	5		
Своим	8	Свой	7	Своих	7	Свои	6	Своей	6		
Родственники	8	Роду	5	Родители	4						
Жили	8										
Другой	8	Другое	5	Других	5						
Говорили	8	Говорим	5								
Род	7										
Национальности	7	Национальность	5								

